

**Национальный исследовательский
Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского**

Факультет психологии
Экономический факультет
Философский факультет
Институт истории и международных отношений
Институт рисков
Институт филологии и журналистики
Институт искусств
Юридический факультет
Факультет психолого-педагогического и специального образования
Социологический факультет
Факультет иностранных языков и лингводидактики
Институт физической культуры и спорта

**«ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ МИР:
ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ»**

Сборник материалов IV международной
научной конференции

ЧАСТЬ 2 (разделы 11-16)

(Саратов, 09 апреля 2015 года)

Саратов
ИЦ «Наука»
2015

УДК 316.3 (082)
ББК 60.56я43
ИЗ7

Редакционная коллегия:

д. псих. н., проф. Л.Н. Аксеновская; д. псих. н., проф. Т.В. Белых;
д. псих. н., проф. Е.В. Рягузова; О.В. Бакаева (техн. ред.)

«Изменяющийся мир: общество, государство, личность»:
сб. материалов IV международной научной конференции (09 апреля
2015 г.). Часть 2 (разделы 11-16). – Саратов: ИЦ «Наука», 2015.– 633 с.
ISBN 978-5-9999-2507-7

В сборнике представлены научные доклады участников IV международной научной конференции «Изменяющийся мир: общество, государство, личность», которая состоялась 09 апреля 2015 года в Саратовском государственном университете. Конференция проводится ежегодно с 2012 года. В 2015 году в ней приняли участие более 500 человек.

Для исследователей, ученых и практиков, аспирантов, магистрантов и студентов, занимающихся научной и практической деятельностью.

Статьи издаются в авторской редакции

УДК 316.3 (082)
ББК 60.56я43

ISBN 978-5-9999-2507-7

© Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, 2015

РАЗДЕЛ 11. ЛИЧНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСКУССТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 792-053.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ОБЩЕНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Е.Е. Бойко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tmno2013@yandex.ru

В статье рассмотрены философское, социологическое, психологическое, психолингвистическое и педагогическое понимание общения.

Ключевые слова: ретроспективный анализ, категория общения, педагогическое взаимодействие, деятельность.

THEORETICAL ANALYSIS OF CATEGORIES OF COMMUNICATION: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

E.E. Boyko

The article considers the philosophical, sociological, psychological, psycholinguistic and pedagogical understanding of communication.

Key words: retrospective analysis, the category of communication, pedagogical interaction, activity.

Современное общество переживает период радикальных перемен в экономической, политической, социальной и культурной сферах. В связи с этим неизмеримо возрастает роль и значение общения в жизнедеятельности личности. От того, насколько широко и продуктивно организовано общение современного человека, во многом зависит успешность профессиональной деятельности, общественная, познавательная, творческая активность и, наконец, личное счастье каждого человека. Именно поэтому вопросы общения в последние годы заняли одно из ведущих мест в научных исследованиях.

Общение – сложный, многофакторный и многофункциональный процесс, который представляет собой не только самостоятельную сферу жизнедеятельности человека, но и пронизывает (прямо или косвенно) все остальные сферы. Как известно, общение выполняет различные жизненно значимые функции:

- сообщение или обмен информацией, мыслями, чувствами через язык, знаки и символы;
- передача социальных, культурных и нравственных ценностей для тех, кто вступает в контакт и взаимодействие;
- воздействие на сознание и поведение людей;
- предпосылка и сопровождение деятельности;
- способ взаимодействия;
- фактор поведения;
- форма самопознания личности;
- процесс узнавания себя в другом и другого в себе;
- условие регламентации межличностных отношений.

Категория общения как научный феномен изучается многими отраслями наук, которые в целом определяют степень разработанности данной проблемы. Каждая наука исследует вполне конкретные аспекты общения. Рассмотрим философское, социологическое, психологическое, психолингвистическое и собственно педагогическое понимание общения.

Обращение к философским трудам [1, 2] показывает, что общение является специфической проблемой обществоведения. Наиболее общее философское понимание общения выражено через призму *общественных отношений*, в рамках которых протекают общественные действия личности. При этом общение рассматривается в двух направлениях: как внутреннее (внутри одной общности) и внешнее (между различными общностями).

Подход, к феномену общения и его соотношению с деятельностью мы находим у М. Кагана [1], который рассматривает общение как способ деятельности, определяющий человеческое существование, результатом которого могут быть элементы, имеющие как положительное, так и отрицательное значение для функционирования социальной системы. Проведенный им системный анализ деятельности позволил выделить четыре необходимых и достаточных, по его мнению, способа деятельности, которые соотносятся с целями субъекта во взаимодействии с объектом:

- преобразовательная;
- познавательная;
- ценностно-ориентационная;
- коммуникативная.

Последний способ деятельности напрямую связывается и отождествляется с общением, которое реализуется человеком в различных формах: во взаимодействии людей в их материально – практической деятельности; в их поведении в быту; в ситуациях обрядовых действий; при обмене различной информацией с помощью писем, бесед, прессы, в различных играх.

В философии интересен еще один подход к феномену общения как к совокупности многообразных проявлений. Данный подход развивает известный ученый В. Соковнин [2]. Он выделяет в качестве ведущих такие проявления общения как:

- общение как информационная связь;
- общение как отношение;
- общение как деятельность;
- общение как взаимопонимание, взаимовлияние.

Первое проявление характеризует *общение как процесс передачи и обмена информацией*. Такая точка зрения, если ее рассматривать изолированно, безусловно, сужает проблему общения. Но нельзя не согласиться, что содержательным признаком общения является все же информационная связь, которая необходима для сложных, самоорганизующихся систем, в том числе и для общества.

Второе проявление логично продолжает первое, автор приходит к выводу, что общение – это, прежде всего, личностные отношения как основной вид взаимодействия элементов социальной системы, которые абсолютно невозможны без информации и ее направленной передачи.

Третье проявление характеризует *общение как коммуникативную деятельность*, без которой, как уже говорилось выше, невозможен акт передачи информации. И последнее, четвертое проявление общения логически продолжает и объединяет в единое целое ранее перечисленные проявления. Это *общение как взаимопонимание, взаимовлияние*, при котором происходит психологическое воздействие одного коммуниканта на другого с целью изменения его поведения.

Тем самым, подводя итог философского понимания общения, можно выделить три тенденции:

1. Общение как своеобразная форма общественных отношений, связанная с деятельностью, но имеющая свою специфику и различия.
2. Общение как «подсистема» деятельности, ее способ.
3. Общение как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных многообразных проявлений.

Не вызывает сомнения тот факт, что общение осуществляется внутри определенной социальной общности (общества в целом, коллектива, группы). То есть общение – это процесс по своей сути не индивидуальный, а социальный. Остановимся кратко на рассмотрении феномена общения в социологии (Г. Андреева, О. Соловьёва). В широком понимании общение связывается с ценностями коллектива и личности, социальной средой. В этом случае общение может выступать как побудитель непосредственной социальной активности личности; объединять вокруг социально значимой идеи; формировать или изменять убеждения, систему ценностей личности; обеспечивать «фон» для какого – либо социального воздействия.

В узком понимании общение рассматривается как сложное динамичное саморазвивающееся интегративное образование, представляющее собой процесс создания, усвоения, сохранения и распространения социальных ценностей, смыслов, знаний и представлений, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях.

Перейдем к анализу категории общения, представленной в психологической и психолингвистической литературе (Б. Ломов, А. Леонтьев).

Так, Б. Ломов [3] рассматривает общение как специфическую систему межличностного взаимодействия, структура и динамика которого не могут быть сведены к последовательно сменяющимся взаимодействиям, что характерно для деятельностного подхода.

Совершенно иной точки зрения придерживается А. Леонтьев. Он рассматривает общение как определенную сторону деятельности, поскольку считает, что общение присутствует в любом виде деятельности в качестве ее элемента. Вследствие этого и саму деятельность можно рассматривать как необходимое условие общения. В связи с указанным условием А. Леонтьев выделяет специфические виды общения, где общественная необходимость и общественная потребность наиболее ярко проявляются:

- социально ориентированное общение (урок, лекция, доклад, телевизионное выступление), в котором непосредственно реализуются общественные отношения, организуется социально-психологическое взаимодействие и решается определенная социальная задача;
- групповое предметно ориентированное общение, которое реализуется с помощью определенных приемов и навыков в конкретном коллективном труде и помогает решить производственные задачи;
- лично ориентированное общение – общение одного человека с другим, которое в свою очередь может быть диктальным (совпадающее с предметно ориентированным, деловым общением) и модальным (общение по «выяснению отношений»).

Изложенные психологические подходы, рассматривающие общение через призму деятельности, позволяют нам расширить его понимание и трактовать общение не только как саморазвивающееся интегративное образование, выражающее общественные отношения, обладающее общественной потребностью и общественной необходимостью, но и как объединяющее в себе приемы и навыки социально-психологического взаимодействия.

Анализ педагогических исследований проблемы общения позволяет выделить три ведущих подхода к данному феномену. Первый подход [4] определяет общение как отношение. Второй подход [5] определяет общение как особый вид деятельности. Третий подход [6], объединяющий

в себе два предыдущих подхода, рассматривает общение как способ педагогического взаимодействия с личностью воспитуемого. Данные подходы опираются на философско-психологическую методологическую основу, но имеют свою специфику, выраженную, на наш взгляд, в том, что общение рассматривается в более узком социуме, ограниченном процессом образования.

Одними из первых в педагогике проблему общения в контексте взаимоотношений в воспитательной среде исследовал С. Шацкий.

С. Шацкий [4] большое внимание уделял изучению межличностных отношений в коллективе детей, изыскивал способы управления ими. В связи с этим он разработал и описал многочисленные ситуации общения воспитателей с воспитанниками, а также школьников между собой.

Дальнейшую глубокую разработку данный подход получил в исследованиях А. Мудрика [7], который рассматривает общение в жизнедеятельности и воспитании школьников. Ученый определяет общение школьника как «обмен духовными ценностями, который происходит в форме диалога школьника в процессе взаимодействия с окружающими людьми. В качестве компонентов общения учащихся А. Мудрик выделяет следующие:

- *общение как отношение к миру* (представления школьников об окружающей социальной действительности, которое у них создается на разных возрастных этапах);

- *общение как отношение с миром* (реализация себя в процессе жизнедеятельности, стиль жизни школьника);

- *общение как отношение к самому себе* (обобщенное представление о самом себе – «образ Я», изменяющееся с возрастом, система частных самооценок);

- *общение как отношение с самим собой* (определенный уровень самоуважения, мера принятия школьником самого себя в данный момент времени).

Итак, согласно наиболее распространенному сегодня педагогическому пониманию феномена общения, каким бы оно не было в деталях и акцентах, оно содержит ряд общих, аксиоматических по своему существу, представлений, диалектически дополняющих друг друга:

- общение тесно взаимосвязано с отношением личности (к себе, окружающим людям, обществу в целом);

- общение обладает ярко выраженной деятельностной основой;

- социально-психологический характер общения позволяет осуществить взаимодействие с личностью, то есть общение – подвижный, направляемый и управляемый процесс, имеющий конкретную направленность.

Библиографический список

1. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъективных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
2. Соковнин В.М. О природе человеческого общения. Опыт философского анализа Фрунзе: МЕКТЕП, 1974. 146 с.
3. Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С. 68-76.
4. Шацкий С.Т., Шацкая В.Н. Сохраним то, что есть в детях. М.: Карапуз, 2012. 352 с.
5. Щукина Г.И. Роль деятельности в учебном процессе. М.: Просвещение, 1986. 144 с.
6. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1987. 190 с.
7. Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников. М.: Педагогика, 1984. 112 с.
8. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 149 с.
9. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М.: Академия, 1996. 362 с.
10. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Академия, 2005. 256 с.

УДК 78(072.8)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЗОНАХ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д.Н. Васильева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: fihomus@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы подготовки студентов (ПС) института искусств классического университета к педагогической деятельности в образовательных интерактивных зонах (ОИЗ) в условиях непрерывного художественного образования. Определены закономерности и педагогические принципы данного процесса.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, подготовка студентов, образовательные интерактивные зоны, закономерности, педагогические принципы, структура, образовательные профили.

PEDAGOGICAL PRINCIPLES AND RULES OF PREPARING STUDENTS TO TEACHING EDUCATIONAL INTERACTIVE AREAS IN CONDITIONS OF CONTINUOUS ART EDUCATION

D.N. Vasileva

The article considers the problems of training of students (SS) the art Institute of classical University to teaching in educational interactive zones (oizs) in continuous art education. The regularities and pedagogical principles of this process.

Key words: pedagogical activities, training of students, educational interactive zones, patterns, pedagogical principles, structure, educational profiles.

В настоящее время среди множества актуальных проблем активно выделяется аспект развития непрерывного художественного образования РФ.

В связи с этим огромное значение приобретает процесс подготовки студентов (ПС) института искусств классического университета к педагогической деятельности в образовательных интерактивных зонах (ОИЗ) в условиях непрерывного художественного образования, ориентированный на конкретную цель – формирование компетентного специалиста в области непрерывного художественного образования.

Анализ экспериментальных и теоретических работ позволил нам рассматривать образовательные интерактивные зоны (ОИЗ), организованные на базе дошкольных образовательных учреждений, средних общеобразовательных школ, колледжей, высших учебных заведений, как одно из важнейших условий для развития непрерывного художественного образования [1].

Итак, образовательные интерактивные зоны являются многопрофильными, так как в их структуру входят пять образовательных профилей.

Табл. 1. Структура образовательных интерактивных зон (ОИЗ)

<i>Образовательные профили (ОП)</i>	<i>Образовательные профили</i>	
	<i>Экспозиционное образовательное пространство</i>	<i>Образовательное пространство для практической художественно-творческой деятельности детей</i>
<i>Музыкальное искусство</i>	Экспозиция представляет коллекцию музыкальных инструментов или иллюстративный ряд и слайды с портретами знаменитых русских и зарубежных композиторов-	ОП для практической деятельности детей может организовано в виде творческой мастерской, которая включает в себя всевозможные занятия по игре на музыкальных

	<p>классиков и современных композиторов, а так же ценные нотные экземпляры. В экспозиционном образовательном пространстве этого профиля на базе общеобразовательных школ, колледжей и ВУЗов предполагается проведение факультативных занятий по «МХК» и «Истории искусств»</p>	<p>инструментах, по хоровому, ансамблевому и индивидуальному пению, Результатом художественно-творческой деятельности являются концерты, фестивали, творческие вечера, музыкальные гостиные с участием самих подростков, педагогов, родителей и приглашенных профессиональных музыкантов</p>
<p><i>Изобразительное искусство</i></p>	<p>Экспозицию может составить иллюстративный ряд и слайды с портретами великих художников, скульпторов, архитекторов, а так же иллюстрации произведений мировой художественной культуры (картин, скульптур, памятников архитектуры различных исторических периодов)</p>	<p>ОП включает в себя образовательное пространство, организованное в виде художественной лаборатории для изобразительной деятельности детей. Результатом художественно-творческой деятельности детей является участие в различных выставках и конкурсах работ по изобразительному искусству</p>
<p><i>Танцевальное искусство</i></p>	<p>Экспозиционное пространство содержит иллюстративный ряд и слайды с портретами знаменитых танцовщиков и танцовщиц различных жанров танцевального искусства, а также предметов и костюмов танцевального искусства</p>	<p>Практическая художественно-творческой деятельности детей ОП создано в виде творческой мастерской, где дети овладевают мастерством различных танцевальных жанров (народный танец, классический танец, современный танец, спортивный танец). Результатом художественно-творческой деятельности является участие в различных фестивалях, конкурсах танцевального искусства, концертах</p>

<p><i>Театральное искусство</i></p>	<p>Основой экспозиционного образовательного пространства является иллюстративный ряд и слайды с портретами видных деятелей театрального искусства: режиссеров, актеров, художественных руководителей театров, театральных костюмов к различным спектаклям, а так же экспозиция игрушек к кукольным театрам, где у детей появляется возможность познакомиться с особенностями игр и игрушек разных времен. Каждый экспонат можно потрогать руками, поиграть с ним</p>	<p>Образовательное пространство для практической художественно-творческой деятельности детей ОП организовано в виде театральной игротеки. Результатом художественно-творческой деятельности детей является подготовка и проведение детьми под руководством педагогов театрализованных игр с учетом возрастных особенностей подростков</p>
<p><i>Народное творчество</i></p>	<p>Экспозиционное образовательное пространство представляет собой этнографические выставки с экспозициями предметов и экспонатов народного быта, народные музыкальные инструменты, народные игрушки, а так же иллюстративный ряд и слайды с изображением народных костюмов, экспонатов народного быта и музыкальных инструментов различных этносов, населяющих область на территории России, где находится данное учебное заведение</p>	<p>Образовательное пространство для практической художественно-творческой деятельности ОП создано в виде творческой лаборатории, где дети приобщаются к жанрам устно-поэтического народного творчества, музыкального фольклора с организацией народного хора или вокально-хорового ансамбля народной песни, детских оркестров народных инструментов, а так же к основам художественного ремесла (знакомству с бумажной пластикой, аппликацией, с разными видами вышивок; изготовлению игрушек для кукольных театров из разных материалов и предметов декоративно-прикладного искусства. Результатом художественно-творческой деятельности детей</p>

		является организация и проведение народных праздников, непосредственными участниками которых являются все подростки, посещающие различные профили ОИЗ, а так же участие подростков в районных, городских, областных, межрегиональных и международных выставках и конкурсах работ по декоративно-прикладному искусству
--	--	---

Одним их приоритетных структурных элементов в подготовки студентов к работе в ОИЗ являются *закономерности* данного процесса.

В педагогике понятие «*закономерность*» рассматривается как частное проявление закона, как часть по отношению к понятию «закон».

В педагогической практике объективно существующих ряд законов и закономерностей дидактического учебно-воспитательного процесса, которые выделяют многие ученые (Ю.К. Бабанский, В.И. Загвязинский, И.Я. Лернер, М.И. Махмутов, М.Н. Скаткин и др.). По их мнению, закон социальной обусловленности целей, содержания и методов обучения раскрывает объективный процесс определяющего влияния общественных отношений, социального строя на формирование всех элементов воспитания и обучения. Закон целостности и единства педагогического процесса раскрывает соотношение части и целого в педагогическом процессе, обуславливает необходимость гармонического единства рационального, эмоционального, сообщающего и поискового, содержательного, операционного и мотивационного компонентов в обучении [2].

Для нашего исследования особенно важными являются следующие закономерности:

- *закономерность единства чувственного, логического и практики в художественно-педагогическом процессе ПС к педагогической деятельности в ОИЗ*, которая предполагает объединение эмоции, рассудка и действие;

- *закономерность формирования понятий в сознании обучаемых*, где необходима организованная специальная познавательная деятельность по выделению существенных признаков, явлений, объектов, операции по сопоставлению и разграничению понятий, по установлению их содержания, объема при ПС к педагогической деятельности в ОИЗ.

Указанные закономерности подчеркивают одну важную педагогическую истину, суть которой заключается в том, что результаты подготовки студентов к педагогической деятельности в образовательных интерактивных зонах в условиях непрерывного художественного образования зависят от характера деятельности, в которую включается учащийся;

- *содержательно-процессуальные закономерности*, где результаты обучения находятся в прямой пропорциональной зависимости от осознания целей обучения студентов Института искусств, а так же результаты обучения прямо пропорциональны значимости для студентов усваиваемого содержания;

- *гносеологические закономерности* предполагают (И.Я. Лернер), что продуктивность усвоения художественно-педагогических знаний и умений прямо пропорциональна объему их практического применения в работе в ОИЗ, умственное развитие учащихся прямо пропорционально усвоению объема взаимосвязанных знаний, умений, опыта художественно-творческой деятельности в системе дополнительного образования, в частности в ОИЗ.

На основе закономерностей подготовки студентов к педагогической деятельности базируются педагогические *принципы* ПС Института искусств к педагогической деятельности в ОИЗ, которые выступают в качестве нормативного требования и служит критерием для повышения эффективности профессиональной подготовки студентов:

- *принцип гуманистической направленности художественно-педагогического процесса*, в основу которого входит необходимость сочетания целей общества и личности. Реализация этого принципа требует подчинения всей художественно-образовательной и воспитательной работы задачам формирования всесторонне развитой личности.

- *принцип обеспечения связи педагогического процесса с жизнью и художественно-творческой практикой*. Этот принцип отрицает абстрактно-просветительскую направленность в формировании художественно-творческой личности и предполагает соотнесение содержания образования и форм учебно-воспитательной работы с преобразованиями в экономике, политике, культуре и всей общественной жизни страны и за ее пределами. Реализация этого принципа требует систематического включения студентов Института искусств в общественно полезную деятельность как на базе института, так и за его пределами, участвовать в различного рода художественно-творческих мероприятиях, направленных на нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения, а так же их творческое развитие и саморазвитие.

- *принцип сочетания педагогического управления с развитием инициативы и самостоятельности студентов* находит свое отражение в

стремлении к развитию студенческого самоуправления в процессе подготовки студентов к профессиональной работе в ОИЗ, когда возникает необходимость ставить увлекательные цели и вызывать потребность в коллективной деятельности; отказаться от чрезмерной регламентации, ненужной опеки, подавления инициативы, самостоятельности и творчества; опираться на доверие, разнообразить виды поручений.

• *принцип активности и самоуправления* в учебной и практической художественно-творческой деятельности студентов заключается в такой организации различных форм вузовских занятий, при которой преподаватель с помощью информационно-прогностического обеспечения и организации учебной деятельности мог бы интенсифицировать процесс активной, самостоятельной и результативной работы обучающихся для их дальнейшей профессиональной работы в ОИЗ в условиях непрерывного художественного образования.

Для нашего исследования особенно важными являются принципы, предложенные Л.В. Тарасовым [3]:

• *принцип единения (интеграции) гуманитарного и художественно-эстетического образования;*

• *принцип осуществления развивающего обучения через современное содержание,* передаваемое современными методами воспитания и обучения;

• *принцип синергетики* предполагает объединение, согласование и использование многих инновационных теорий и технологий.

Библиографический список

1. Васильева Д.Н. Образовательные интерактивные зоны в системе непрерывного художественного образования: сущность, цель, структура, принципы и образовательные функции // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». №4 [41]. 2013. С. 123-126.
2. Новиков А.М. Методология учебной деятельности. М.: Издательство «Эгвес», 2005. 176 с.
3. Тарасов Л.В. Аннимационная работа с молодыми инвалидами в городе Москве: методологические аспекты и организационно-педагогическая модель // Вестник государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. Выпуск №1. 2010. С. 95-103.
4. Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития: инновационный курс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Педагогика». Казань: Изд-во Казан. у., 1998. Кн. 2. Казан. гос. ун-т, Поволж. отделение РАО. 1998. 317 с.
5. Борытко Н.М., Соловьева И.А., Байбаков А.М. Педагогика: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений // Под ред. Н.М. Борытко. М.: 2007. 322 с.
6. Подласый И.П. Педагогика начальной школы: учебник. М.: 2010. 610 с.
7. Рахимбаева И.Э. Теоретические основы управления качеством высшего педагогического художественно-творческого образования на факультете искусств. Саратов: издательский центр «Наука», 2008. 216 с.

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

П.А. Гордеев

*Детская музыкальная школа №5 г. Саратова,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: p.a.gordeev@yandex.ru

В статье изучаются трансперсональные основания музыкальной педагогики. Показывается необходимость анализа понятия личности для теоретического обоснования музыкальной педагогики. Выделяются три онтологических области – объективная, субъективная, интерсубъективная – составляющие эмпирическую действительность индивида и формирующие личность. На основе этой классификации анализируется также явление музыки. Личностному модусу существования в эмпирической действительности противопоставляется трансперсональный модус бытия. Доказывается, что трансперсональный модус открывает для личности духовную сферу свободы и творчества, следовательно – без изучения этого модуса невозможно адекватное теоретическое обоснование музыкальной педагогики.

Ключевые слова: личность, трансперсональность, музыкальная педагогика, бытие, сознание, творчество.

TRANSPERSONAL BASES OF MUSIC PEDAGOGY

P.A. Gordeyev

In this article the transpersonal bases of music pedagogy are considered. The necessity of person`s conception analyze for theoretical justification of music pedagogy is also declared. There are three ontological region – objective, subjective, intersubjective, that compose individual empirical reality and forms the personality. Based on this classification the phenomenon of music is also analyzed in the article. The transpersonal mode of existence is contraposed with the personal mode of existence in the empirical reality. In the article it`s proved that transpersonal mode opens the spiritual realm of freedom and creation for the personality. Consequently it`s impossible to give the theoretical justification of the music pedagogy properly without studying this mode.

Key words: person, transpersonality, music pedagogy, being, consciousness, creativity.

В каждой отрасли знания существует определенный набор основных понятий (концептов), составляющих ее концептуальный фундамент. В музыкальной педагогике как науке существует ряд таких понятий. Одним из них является понятие **личности**. Высокую значимость понятия личности для музыкальной педагогики понимают многие авторы – теоретики этой науки, поэтому его можно встретить в формулировках и цели, и объекта, и предмета музыкальной педагогики. Действительно,

предмет и методы музыкальной педагогики подчинены цели формирования личности музыканта [1], стремлению достичь «гармонического воспитания единства человеческой личности» [2, с. 304]. Столь привилегированное положение понятия личности в области музыкальной педагогики предполагает для ее адекватного понимания прояснение сути личности, ее структуры, свойств, отношений и т.п. Кроме этого, анализ личности и ее понятия позволит эксплицировать смыслы других важнейших концептов музыкальной педагогики и явлений – музыки и творчества, и показать их взаимосвязь. Поэтому вопросы личности, нюансированные указанными аспектами, составляют очень важную теоретическую задачу музыкальной педагогики.

Важность и необходимость обращения к проблеме личности не могло не вызвать разнообразия трактовок и способов понимания личности, а также вариантов ее концептуального фиксирования. Чтобы это проиллюстрировать, достаточно перечислить лишь некоторые, далеко не исчерпывающие всего множества, направления и школы, в которых разрабатывались концепции и теории личности: психоанализ З. Фрейда; аналитическая психология К.Г. Юнга; индивидуальная психология А. Адлера; гуманистический психоанализ К. Хорни; психосоматика В. Райха; психология сознания У. Джеймса; бихевиоризм Б.Ф. Скиннера; теории когнитивной психологии; теории трансперсональной психологии; психология личностных конструктов Дж. Келли; гуманистический психоанализ Э. Фромма; межличностная теория Г.С. Салливана; социально-когнитивная теория А. Бандуры; теория социального когнитивного научения Дж. Роттера; когнитивно-аффективная теория личности У. Мишела; факторная теория черт Р. Кэттелла; факторная теория типов Г. Айзенка; психология индивидуальности Г. Оллпорта; экзистенциальная психология Р. Мэя; традиционные религиозно-философские учения о личности в мировых религиях и многие другие [3]. Кроме этого, существует ряд блестящих теорий, предложенных А.Г. Асмоловым [4], Д.А. Леонтьевым [5], С.Л. Рубинштейном [6], К.К. Платоновым [7] и другими выдающимися отечественными учеными. Кроме концептуального многообразия, исследовательское обстоятельство осложняется еще и тем, что в истории человеческой мысли под личностью понимались порой совершенно различные вещи [8, с. 400-401]. В результате создается впечатление, что личность есть некое условное понятие, содержательное наполнение которого выбирается произвольно. Поляризуются исследовательские позиции, акцентирующие в качестве ведущих разные аспекты личности: объектная и субъектная ориентации; детерминистская и индетерминистская ориентации; монологическая и диалогическая ориентации [8, с. 402].

Тем не менее, существуют схемы, способные выявить существующие концептуальные противоречия (анализ), отчасти их преодолеть и

интегрировать (синтез). Мы предлагаем схему понимания личности, основанную на полимодальности ее бытия. Итак, экзистенциально-антропологические реальности (области бытия, в которых развертывается существование человека), интегрирующиеся личностью и конституирующие ее, это: *субъективное Я* (душа, психика, индивидуальная духовная реальность); *интерсубъективное Мы* (культура, коллективное бессознательное); *объективный внешний мир* (природная, предметная реальность); *объективное Я* (тело человека как элемент природной, предметной реальности). Эта схема является модифицированной версией «всесекторной, всеуровневой модели» (AQAL – all quadrants all levels – основная модель «интегральной операционной системы») современного американского ученого К. Уилбера [19, р. 73-77]. (Не менее удачные варианты подобного экзистенциально-антропологического анализа встречаются и у отечественных исследователей [10].)

Эта схема открывает несколько важных перспектив в понимании личности. Во-первых, она охватывает все стороны *проявленного* бытия человека, т.е. его эмпирической действительности. Во-вторых, - что касается вопроса сущности и отношений личности, - здесь снимаются и интегрируются противоречия трихотомии объективного (биологизм, натурализм, механицизм), субъективного (субстанциализм, индивидуализм) и интерсубъективного (функционализм, интеракционизм) источников формирования личности. В-третьих, рассмотрение данных областей личностного бытия как топоса *формирования* личности позволяет методом исключения выявить еще один – **трансперсональный**, духовный модус бытия, выходящий за пределы сугубо личностного (т.е. проявленного в эмпирической действительности) и не подверженный влияниям со стороны проявленного (т.е. застывшего, ставшего, оформленного). При этом духовный модус не образует области наравне с областями эмпирической действительности, так как не является проявленным, а всегда только *являющимся*. В этом смысле духовный модус характеризуется перманентностью творческого становления и открывает возможность свободы как источника творчества. Без этого аспекта невозможно сущностно понять соотношение человека и музыки. Тем не менее, зачастую этот модус ускользает от исследовательского внимания, хотя его влияние на становление личности оказывается не меньшим, чем со стороны проявленного бытия, но даже определяющим, дающим личности (но лишь в возможности) самобытие, самость. В-четвертых, эта схема дает понимание явления музыки, поскольку музыка также является на объективном, субъективном и интерсубъективном уровнях бытия, сущностно оставаясь при этом неким не ставшим, являющимся – и в этом смысле берущим начало в свободе и творчестве – духовным бытием. Все это говорит о значительном эвристическом

потенциале предложенной нами схемы и ее несомненной теоретической значимости для музыкальной педагогики.

Модусы бытия человека коррелируют с объективной, субъективной и интерсубъективной реальностями - это *телесное существование*, *психологическое существование* и *социальное существование*. Они составляют эмпирическую действительность человека и сферу жизнедеятельности личности. Иначе, личность формируется, развивается, действует и взаимодействует с другими личностями внутри этой сферы. При этом эти модусы интегрируются в некое единство, которое мы условно назвали «сферой», посредством сознания, т.е. именно в сознании и через сознание проявляются действительные связи между областями бытия (в этом смысле, разумеется, сознание должно пониматься как феномен не психологический, но феноменологический). Поэтому сознание (и самосознание) является существеннейшим признаком личности и условием ее единства. В совокупности социальное, психологическое и телесное существование составляют *личностный* модус бытия.

В личностном модусе формирование личности происходит главным образом за счет ограничения и установления пределов и нормативов, манифестация которых носит тоталитарный характер. Замкнутость человека в предметном и социокультурном бытии порождает ограниченность сознания. Сознание становится зависимым от тех типов опыта, посредством которых человек существует как сочлен природной и социальной реальностей. Вопреки этому, человека как «духовное» существо, по М. Шелеру, характеризует «экзистенциальная несвязанность, свобода, отрешенность его [...] от принуждения, от давления, от зависимости от органического, от “жизни” и ото всего, что относится к “жизни”, то есть в том числе и от его собственного, связанного с влечениями интеллекта. Такое “духовное” существо [...] не привязано к влечениям и окружающему миру» [11, с. 153], оно свободно от него. По мнению Ясперса, сущность человека, бытийное ядро личности есть необъективируемая экзистенция (а значит - внеличностная, трансперсональная, поскольку объективируется что-либо только в эмпирической действительности личности), характеризующаяся как свобода. Экзистенция не зависит от наличного бытия, не детерминирована различными внешними факторами. Таким образом, истоки свободы и, соответственно, творчества - вне личности, вне природы, вне культуры и вне социума, т.е. они принципиально трансперсональны.

Согласно В. Франклу, витальная основа (предмет биологии и психологии) и социальное положение (предмет социологии) в совокупности образуют естественную заданность человека. Эту заданность, по мнению мыслителя, всегда можно «установить и зафиксировать» средствами названных наук. При этом «собственно человеческое бытие начинается лишь там, где кончается любая

установленность и фиксируемость, любая однозначная и окончательная определенность» [12, с. 190]. Духовное измерение бытия человека проявляется в свободе. В свою очередь, проявление свободы В. Франкл видит в личностной позиции, поскольку человек принципиально свободен при формировании установки, выражающей его личное отношение к чему-либо, в том числе, к собственной естественной заданности. Особо показательным примером духовной свободы являются необычные состояния сознания, опосредующие различного рода мистический опыт. Необычные состояния сознания свидетельствуют о наличии в сознании человека особых – трансцендентальных – структур [13], поставляющих содержание, которое сознание *аргіогі* не может почерпнуть из сфер опыта, формирующих то, что обычно называется «личностью» и конституирующих личностное бытие. Таким образом, предельные проявления мистического опыта выражают *трансперсональное существование* человека (анализ структуры и областей человеческой реальности, а также коррелирующих с ними модусов бытия эксплицирует духовное измерение человека. Действительно, человек – существо не только телесное, социальное и психологическое. Существует особый трансперсональный модус, вводящий духовное измерение в рассмотрение проблемы бытия человека. Духовность является условием *свободы*, т.е. духовное бытие человека раскрывается как реализация его свободы. Естественно заданные горизонты наличного бытия человека и границы его опыта, напротив, детерминируют его, формируя нормативное сознание. Это сознание является «кентаврическим» (сознание-тело) и социокультурным, поскольку наследует определенные социальные практики, поведенческие и мыслительные стереотипы. Личность формируется в условиях определенной социокультурной ситуации. Поэтому трансцендирование этих ограничений и соответственно, личности, происходит в надличностном, трансперсональном опыте. Для этого потребовалось обратиться к проблеме необычных состояний сознания, поскольку именно они являются проводником трансперсонального опыта и его системным основанием), в котором проявляется «трансличностное сознание, когда мы начинаем воспринимать себя находящимися в ничто – вне привычного пространства-времени, вне предметности» [14, с. 175].

Обратимся теперь к явлению музыки – важного специфицирующего концепта музыкальной педагогики. Музыка также может быть проанализирована с помощью схемы областей действительности. На *объективном* уровне атомарный элемент музыки есть звук как физическое явление, выраженное в колебании тела – источника звука, и воздуха – как звуковая волна. Звук имеет физические свойства – высоту, длительность, громкость, тембр. Далее – на уровне *объективного Я* (т.е. тела) – звуковая волна воздействует на орган слуха человека, раздражение передается по

слуховому нерву в головной мозг. Таким образом звук порождает ощущение звука. На уровне *субъективного Я* ощущение звука превращается в его представление и впечатление. Психическое измерение открывает возможность – и это еще одно необходимое условие для восприятия музыки - собирания в единство последовательности звуков, которые уже закончились, т.е. прекратили свое объективное существование и воздействие на орган слуха. Благодаря этому количественная последовательность взаимных несвязанных друг с другом (объективно!) звуков переводится в результате собирания их в единство в качественное измерение. Рождается мелодия, музыка. Обретают смысл ритм и гармония, так как соотношение звуков по высоте и длительности становится качественной характеристикой. Становится необходимой нотная запись, т.е. знаковое фиксирование качественных характеристик музыки. Явление музыки на этом уровне связано также с открытием эмоционального и образного ее измерений, что актуализирует уровень *интерсубъективного Мы*. На этом уровне рождается музыкальная культура, развивается искусство музыкальной интерпретации, изобретается нотная запись, «музыкальные мысли» и «музыкальные образы» приобретают особую ценность как музыкальные явления интерсубъективного порядка. Таков, в общих чертах, образ явления музыки в эмпирической действительности, в модусе бытия личности.

Теперь попытаемся «вынести за скобки» *явление* музыки и выявить ее *сущность*, т.е. собственно то, *что* является. Это значит – исследовать ее трансперсональное измерение. Вообще, проблема трансперсонального – это проблема бытия, - того, что есть независимо от человека, его восприятия, психики, телесной организации, социально-культурной обусловленности и т.д. – т.е. всего того, что конституирует личностное бытие, эмпирическую действительность личности. Еще Протагор (V век до н. э.) утверждал: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих» [15, с. 348]. Он прав в том смысле, что человек как бы «набрасывает» свою размерность на мир, и в этой размерности он видит ограниченный срез реальности. Размерность формируется, исходя из нескольких факторов: масштаба органического существования (микро-, макро-, мегамир), особенности темпомира индивида, организации его системы органов чувств, их разрешающей способности и др. Экспериментально это подтверждается уже в XIX веке н. э. зарождающейся психофизикой и психофизиологией. Принимая это во внимание, мы можем понять мысль А. Шопенгауэра о том, что «музыка воссоздает все *сокровенные* движения нашего существа, но *вне какой-либо реальности* и в удалении от ее страданий» [16, с. 260]. В этом тезисе можно также выделить идею о симпатической связи души и музыки: это и есть то основание, благодаря которому музыка воссоздает сокровенные движения души. Формальное сходство музыки и движений

души отмечали многие мыслители - Платон, Аристотель, Г.В. Лейбниц, А. Бергсон и др.

Один из ведущих принципов философии – преодолеть психологизм и антропоцентризм, увидев за явленным само бытие. Но бытие невозможно увидеть физическими глазами – его возможно увидеть, выражаясь словами Платона, лишь «повернув глаза души». Этот поворот глаз души означает акт настраивания, т.е. приобретения в душе настроенности, некоей упорядоченной структуры. Без этого предоставленный самому себе поток психических переживаний, стихийно сменяемых состояний души, рассеивается и распадается. Это процесс естественный и природный: «Ведь натуральным образом, - говорит М.К. Мамардашвили, - движения нашей души и смены движений нашей души не упорядочены. Предоставленные самим себе, они исключают для человека возможность пребывать в состоянии внимания, памяти, в сосредоточении» [17, с. 133]. Но, чтобы быть сосредоточенным, должна быть некая умопостигаемая вещь, на которой можно сосредоточиться, и которая сама требует сосредоточения для своего постижения. Таким образом, эта вещь (М.К. Мамардашвили называет такие вещи «умными телами», «интеллигибельной материей», «артефактами» и т.д.) есть носитель некоего порядка, порождающего также порядок в сосредоточенной на этой вещи душе. Сам порядок есть организация по принципам *гармонии* и *ритма*. Сосредоточение на вещах, заключающих в себе гармонию, «вводит порядок в иначе не стройные и распадающиеся движения, или круговращения, нашей души» [17, с. 133]. Кстати, эта позиция в истории античной эстетики предшествовала гедонистической точке зрения на искусство как источник наслаждения. У Платона встречаем: «Между тем гармонию, пути которой сродни круговращениям души, Музы даровали каждому рассудительному своему почитателю не для бессмысленного удовольствия – хотя в нем только и видят нынче толк, – но как средство против разлада в круговращении души, долженствующее привести ее к строю и согласованности с самой собой. Равным образом, дабы побороть неумеренность и недостаток изящества, которые проступают в поведении большинства из нас, мы из тех же рук и с той же целью получили ритм» [18, с. 450].

В этом отношении формально совпадающие сущность музыки и сущность души и есть бытийные, трансперсональные основы, которые есть, которые не преходящи, не подвержены распаду, а являются фундаментальными принципами мироустройства самого по себе. Таковы, в общих чертах, трансперсональные основания музыкальной педагогики. Вспомним формулу К.Д. Ушинского: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [19, с. 23]. В случае музыкальной педагогики к этому требованию добавляется также необходимость узнать во всех отношениях

музыку и ее соотношение с человеком. Поставленные теоретические задачи в полной мере могут быть решены только на теоретическом фундаменте, который включает трансперсональное измерение.

Библиографический список

1. Михайличенко О.В. Основы общей и музыкальной педагогики: теория и история. Сумы: Козацкий вал, 2009. 211 с.
2. Баренбойм Л.А. Музыкальная педагогика и исполнительство. Л.: Музыка, 1974. 336 с.
3. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 704 с.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
5. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3-27.
6. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. 464 с.
7. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 256 с.
8. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. М.: Мысль, 2010. 636 с.
9. Wilber К. An Integral Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. – 1997. Vol. 4. №.1. P. 71-92.
10. Знаков В.В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2012. №3. С. 18-29.
11. Шелер М. Положение человека в Космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129-193.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
13. Дюпрель К. Философия мистики, или Двойственность человеческого существа // Философия мистики. М.: Эксмо, 2006. С. 121-587.
14. Барышков В.П. Аксиология личностного бытия. М.: Логос, 2005. 192 с.
15. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
16. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. М.: Московский Клуб, 1992. 395 с.
17. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 256 с.
18. Платон. Тимей // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421-500.
19. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 томах. Том 8. М., Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950. 776 с.

ПРОЦЕСС МОДЕЛИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ЗАМЫСЛА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л.В. Дмитриюкова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: vika15121986@yandex.ru

В статье освещены основные вопросы, связанные с раскрытием музыкально-исполнительского замысла произведения, совершенствованием навыков эмоционально-эстетического анализа. Особое внимание уделяется образному мышлению, творческому воображению исполнителя, его умению раскрыть содержание музыкального произведения в словесных характеристиках доступных детскому восприятию, что особенно важно для будущего учителя музыки.

Ключевые слова: музыкальное исполнительство, интерпретация, образное мышление, воображение, эмоционально-эстетический анализ.

THE MODELING PROCESS MUSIC PERFORMANCE PLAN WORKS

L.V. Dmitrjukova

The article highlights the main issues related to the disclosure musical idea, the skills of emotional-aesthetic analysis. Special attention is paid to the figurative thinking, creative imagination of the artist, his ability to reveal the content of a musical work in verbal characteristics of children's perception, which is especially important for future music teachers.

Keywords: music performance, interpretation, creative thinking, imagination, emotional and aesthetic analysis.

Музыкальное исполнительство – это особый вид художественной деятельности. Материал музыки, звук – живет, пока он длится. Отзвучав, он исчезает и, чтобы музыку услышать вновь, звук нужно заново возрождать к жизни, то есть заставить звучать снова. Повторно воссоздать музыкальное произведение и есть то, что называется музыкальным исполнительством.

Освоение и осмысление педагогического наследия выдающихся музыкантов показывает, что опытные педагоги (Г.Г. Нейгауз, С.И. Савшинский, Л.А. Баренбойм, А.Б. Гольденвейзер, Ф.Е. Фейнберг и др.) всегда ведут учащихся к образному мышлению. Раскрытие авторского замысла произведения, творческое его освоение осуществляется во многом благодаря воображению, с помощью которого в процессе создания музыкально-исполнительской модели включается весь хранящийся в

памяти эмоционально-образный материал.

Каждый исполнитель наделяет произведение своим вкусом, пристрастиями, он не только передает замысел автора, но и дает свою оценку, акцентирует близкие себе, своему времени стороны музыкального содержания. В качестве главных компонентов интерпретации выделяется раскрытие идейно-художественной концепции произведения, его социально-исторической обусловленности, неповторимой индивидуальности музыкального языка.

Любое музыкальное произведение создается на определенной социально-исторической основе и в опосредованной форме выражает основные идеи эпохи. Каждой эпохе присущи свои эстетические идеалы. Выбор композитором эстетического идеала, а также средства его воплощения в конкретном произведении и определяет основную направленность произведения, которую необходимо осознать, прежде чем начинать практическую работу.

Объективная информация, заложенная композитором в произведении, становится предметом познания и для преподавателя, и для студента. Происходит как бы постепенное стирание временных барьеров, и в процессе интерпретации достигается взаимодействие ряда компонентов – общества, эпохи, конкретной личности и пр. По мнению С. Савшинского, «...хотя в музыке «тело и дух» едины, но они не тождественны. «Тело» музыкального произведения его звуковая плоть – остается неизменным. Неизменной остается и нотная запись, в которой композитор запечатлевал свой «замысел». «Дух» же произведения – его выразительное звучание неизбежно меняется во времени и в зависимости от многих обстоятельств» [1, с. 37].

Музыкальное произведение может менять свой облик, как и человек, как все живущее во времени. Следовательно, произведение, созданное композитором, как бы обособляется от него, обретает свое собственное бытие, по законам которого живет и развивается, изменяется в веках. Поэтому художественное исполнение отражает не только личность автора, но и личность исполнителя, его чувства, воображение.

На психологическую схему воображения указывает Л.А. Баренбойм [4]. Она такова: вводимый образ (допустим зрительный) напоминает о той или иной пережитой эмоции; подобная же эмоция определяет и характер исполняемого музыкального отрывка; конкретное и яркое сопоставление «выманивает» нужную эмоцию, которая «переносится» на исполняемое произведение, помогает лучше понять, почувствовать его и стимулирует работу воображения.

Так, на занятиях по инструменту первоначально возникающий музыкальный образ на стадии замысла имеет ещё смутные очертания, с нечеткой структурой его компонентов. В дальнейшем все более определяется его основное содержание, образ становится чувственно более

живым, содержательным, структурно отчетливым и богатым важными деталями, что повышает его познавательную и регулирующую функции.

Для студента, воображение которого недостаточно развито, в нотном тексте сказано очень мало, так как он не умеет еще читать «между строк». В этом случае большую роль могут сыграть сопоставления и сравнения; вводимые этим путем новые представления, понятия и образы становятся возбудителями фантазии. Г.М. Коган в своих трудах подчеркивает, что развить воображение можно через образные ассоциации, вымышленные «программы» исполняемых произведений. «Музыка – это искусство звуков, подлинное музыкальное произведение должно звучать, а нотная запись сама по себе не звучит, она обращена не к уху, а к глазу; она не есть само это произведение, а лишь посредник между ним и воспринимающим, посредник, вызывающий у человека, если он умеет читать ноты, определенные ассоциации, позволяющие ему воссоздать в слуховом воображении или в реальном звучании «зашифрованное» этими условными знаками произведение» [2, с. 9].

Умение подбирать яркие образные сравнения, выявлять ассоциативные связи музыки с окружающей нас действительностью выступает как одно из важнейших профессиональных качеств школьного учителя музыки, раскрывающего образное содержание изучаемого произведения в беседе с детьми. Ученые однозначно подтверждают, что все представления воображения строятся из материала, полученного в прошлых восприятиях и сохраненного в памяти, следовательно, любое музыкальное произведение воспринимается лишь на основе запаса конкретных жизненных, в том числе и музыкальных впечатлений, умений и привычек.

Поэтические ассоциации чрезвычайно разноплановы: множество художественных сравнений дает мир природы – самый естественный и неисчерпаемый источник эстетических впечатлений, столь же богатым источником является многогранная сфера искусства – архитектуры, живописи, скульптуры и литературы. Благоприятным строительным материалом ассоциаций служит также обширная сфера предметов и явлений жизни. Следует отметить, что для большинства студентов является странным и неожиданным способ сопоставления особенностей формы музыкального произведения с особенностями архитектуры, красочность звучания – с красками живописи. А ведь педагогу – музыканту необходимо уметь говорить о музыке в силу профессиональной необходимости.

Умение целостного анализа музыки базируется не только на способности эмоционального восприятия, её интеллектуальном осмыслении, но и на умении раскрыть содержание через анализ особенностей музыкального языка и формы в словесных характеристиках, достаточно ёмких и образных. Это последнее качество особенно важно для

будущего учителя общеобразовательной школы, так как работа с детьми требует, в первую очередь, раскрытия образной сущности музыки, сравнения слышимого с жизненным прообразом в доступных детскому восприятию словесных пояснениях.

Трудности словесной передачи понятого и прочувствованного вполне объективны. Как справедливо замечает С. Савшинский, «почти невозможно найти слово, которое проникло бы в самую сущность музыки», «приходится довольствоваться тем, чтобы, «ощупывая» словами музыку с разных сторон, ограничить круг рождаемых ею представлений, ограничить некоторые её плоскости и создать родственный эмоциональный строй» [1, с. 7].

Расшифровка авторских обозначений, ремарок ведется от общего к частному. Особого внимания требуют название пьесы, обозначение опуса, которое адресует ко времени создания произведения, определенному периоду творчества композитора. Далее необходимо задуматься над обозначением темпа, единицей пульсации, что, как правило, сразу дает толчок для определенного эмоционального настроения. Многие в плане эмоционально-эстетического анализа может подсказать жанровое определение произведения. Так, жанру баллады свойственны эпические образы с сумрачным, напряженным колоритом, повествовательный характер эмоционального высказывания. Жанр сказки несет оттенок просветленности, несколько простодушной душевной реакции на происходящие события.

Большое значение имеет изучение истории создания произведения, высказываний композитора о нём, а также биографии автора, исследование его творчества, ознакомление с другими произведениями. Каждому композитору присущ свой круг образов, чувств, определяемых его творческой индивидуальностью, масштабом личности и художественного дарования.

Элементы нотной записи произведения часто отображают конкретный, но не единственный вариант звучания. В каждое произведение исполнитель вносит своё понимание музыки. Возможность различной расшифровки эмоционального «подтекста» нотной записи произведения придает индивидуально-неповторимый характер каждой трактовке.

Огромное влияние на формирование исполнительской концепции произведения оказывает весь накопленный эмоциональный опыт музыканта. Сознательное использование личного багажа жизненных впечатлений существенно углубляет эмоционально-эстетический анализ произведения и является весьма важным для учителя музыки. Весь опыт собственной жизни может быть использован в качестве «строительного материала» для создания образа исполняемого произведения. В этот опыт входят события, впечатления, мысли, предметы, вызвавшие настроение,

чувства аналогичные или близкие тем, что имеются в музыкальном сочинении.

Из всего сказанного вполне понятно, что составление эмоциональной программы не предполагает «угадывания» точно тех же настроений, которыми был движим композитор при создании своего сочинения. Интерпретация музыкального произведения предполагает собой многовариантность, то есть взаимозаменяемость тех или иных эмоциональных нюансов.

Понимание вариативной сущности музыкального восприятия чрезвычайно важно для педагога-музыканта, который должен уметь «перевосплотаться» в своего ученика и только уже вместе с ним – в музыкального героя изучаемого произведения. «Искусство педагога, – приходит к выводу В.Г. Ражников, – заключается в том, что он может работать в концепции ученика, насыщая и совершенствуя эту концепцию. Необходимее этого на уроке музыки ничего не должно быть» [3, с. 55].

Нагляднее всего данная необходимость прослеживается в индивидуальном музыкальном обучении, где резко различаются авторитарный («навязывание» ученику готовой интерпретации) метод педагогического руководства и творческая, совместная работа преподавателя и ученика над музыкальным произведением. Известно, что глубоко самобытный пианист-исполнитель К.Н. Игумнов, выступая в роли педагога, всегда показывал произведение так, как нужно было в данный момент данному ученику, предлагая ему на выбор несколько вариантов трактовок, умея услышать пьесу как бы ушами ученика.

Сравнение различных трактовок одного произведения – путем изучения имеющихся высказываний о нем, при прослушивании нескольких интерпретаций в записи, либо в процессе сопоставления собственного и чужого исполнения – активно способствует совершенствованию навыков эмоционально-эстетического анализа. При слушании важно ощутить ведущую идею концепции, логику смены настроений, основные эмоциональные акценты. Отдельные яркие краски и моменты исполнения, отступления от утвердившихся традиций интерпретации произведения оцениваются с позиций единства и взаимообусловленности художественного целого и его частей.

Таким образом, работа по раскрытию музыкально-исполнительского замысла произведения, совершенствованию навыков эмоционально-эстетического анализа, построенная в соответствии с предлагаемыми рекомендациями, поможет учителю музыки в повышении своей профессиональной квалификации и положительно отзовется на музыкально-эстетическом, творческом развитии его питомцев.

Библиографический список

1. Савшинский С.И. Работа пианиста над музыкальным произведением. М.: Классика -XXI, 2004. 192с.
2. Коган Г.М. Избранные статьи. М.: Сов. композитор, 1972. 266 с.
3. Ражников В.Г. Резервы музыкальной педагогики. М.: Знание, 1980. 96 с.
4. Баренбойм Л.А. Музыкальная педагогика и исполнительство. Л.: Музыка, 1974. 336 с.

УДК 782/785(729.1)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ЖАНРА – САЛЬСА

А.Н. Клепиков, Е.Л. Озджевиз

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail:aleksandersashaa@yandex.ru

Статья посвящена изучению истории развития латиноамериканского танцевального жанра сальсы. Рассмотрена история зарождения данной музыки, социальные и экономические обстоятельства, способствовавшие ее развитию. Музыканты, музыкальные студии, группы, сыгравшие значительную роль в становлении сальсы. Упомянуты другие музыкальные направления, развивавшиеся параллельно и наложившие значительный отпечаток на музыку сальсы.

Ключевые слова: сальса, история развития сальсы, музыкальный жанр.

THE DEVELOPMENT OF LATIN AMERICAN MUSICAL GENRE – SALSA

A.N. Klepikov, E.L. Ozguves

The paper studies the history of Latin American salsa dance genre. It considered in detail the history of the birth of this music, social and economic circumstances contribute to its development. Musicians and music studios and groups played a significant role in the development of salsa. Mentioned other music styles developed in parallel and to impose a significant imprint on the music of salsa.

Key words: salsa, history of salsa, musical genre.

Примерно во второй половине XIX века Кубинская музыка, до той поры практически не отличавшаяся от европейской, начинает приобретать особый характер.

Причиной этого, явилось влияние на нее африканской культуры, усилившееся при ослаблении рабовладельческой системы на острове.

Если в США негр, получивший свободу, так и оставался человеком третьего сорта, то на Кубе он получал почти все права белых людей. При этом существовал закон, запрещавший получившим свободу неграм заниматься «чистыми» профессиями. Они не могли быть юристами, врачами или инженерами, а должны были трудиться в порту или на заводе. Но, в законе имелось небольшое упущение — получившим свободу не запрещали быть музыкантами и танцорами. И кубинские негры воспользовались этим шансом.

Начиная с XVI века они пели в церковных хорах, играли на музыкальных инструментах. Из-за недостатка у церкви музыкантов, службы часто совершались с участием светских музыкантов. В связи с этим расовая дискриминация в музыкальной среде практически отсутствовала. Это оказало сильное влияние на формирование кубинской музыки. И, примерно, в начале XIX века музыка и танцы стали любимым развлечением креолов, потомков негров-рабов.

«Корни ритмической структуры музыки Сальсы уходят в колониальное время и связаны с африканской Румбой. Зародившаяся в XIX веке Румба – это не столько музыка или танец, сколько своеобразный ритуал отдыха, созданный неграми–невольниками, а позднее ассимилированный кубинцами. В то время Румбой называли любую неофициальную встречу чернокожих людей в городе. В начале XX века Румба представляла собой потрясающую по своему разнообразию ритмическую феерию, которая сочетала в себе две совершенно разные культуры – испанскую и африканскую. Слияние этих культур происходило в кубинских портах, в которых испанцы работали вместе с неграми, а в выходные и праздники вместе создавали музыку. Ритмы Румбы передавались из поколения в поколение. Ее играли и играют на улице. Румба игралась на том, что было под рукой – деревянных ящиках, стульях, столах, ложках, кувшинах, и, вообще, на всем, что могло воспроизводить ударный звук. Некоторые из этих ритмов и составили впоследствии ритмический костяк Сальсы» [1].

Тогда же французские выходцы из Гаити завезли на Кубу Дансон, что с испанского можно перевести как «танец». Он стал одним из первых жанров оригинальной кубинской музыки. Дансон уходил корнями в одну из первоначальных форм английского и французского народного танца Контрданс.

Параллельно Дансону развивался стиль Сон и в основном благодаря ему часть музыки Кубы почти полностью освободилась от присущих ей в XIX веке ритмов. Сон стал основой современной кубинской музыки и прародителем сальсы.

Также активно развивались кубинская румба, гуахира и народные кубинские музыкальные и танцевальные направления сыгравшие свою роль в развитии сальсы.

Так, изначально сон был распространен в основном в восточной части Кубы, особенно в самом Сантьяго и Сьерра Маэстра, а также в провинции Гуантанамо, и звучал на проводившихся там праздниках *Changüi*. Приобретать популярность это музыкальное течение стало с 1892 года, благодаря исполнителю Нене Манфугас (*Nene Manfugas*), исполнявшему его вместе со своей группой, *Montuno*, на проводившихся в Сантьяго карнавалах. Инструмент, на котором играл Нене, представлял собой деревянный ящичек с тремя струнами и назывался *tres*. И в настоящее время этот инструмент считается одним из символов сона. Сам же припев, представляющий собой повторение в разных вариациях ключевой фразы песни, стал именоваться *montuno*. Основными инструментами, используемые тогда при исполнении сона, были упомянутый ранее трес, гитара (как наследие испанцев), бонго, маракас, клавесин (два последних обычно использовал солист) и, наконец, маримбула и ботиха (позже замененные контрабасом).

«В 1909 году сон распространяется по всей территории Кубы, а в 20-х годах повсеместно исполняющие сон квартеты преобразуются в секстеты. Новое звучание в конце второй декады XX века приобретает ритм, когда к стандартной группе инструментов присоединяется труба, и секстеты становятся септетами. Так произошло, например, с знаменитым «*Sexteto Habanero*», который стал септетом, хотя название осталось прежним» [2].

Так, примерно в 1920 году появился особый стиль свойственный Кубинскому сону с особенными музыкальными инструментами сохранившимися с некоторыми изменениями в сальсе до настоящего времени. А автором этих замечательных ритмов можно назвать музыкальную группу Гаванский Секстет.

Примерно в это же время появляются другие музыкальные группы, такие как Национальный Септет Игнасио Пиньейро, возникший в 1927 году, который существует до сих пор. Музыкальные темы «Сделай сальситу», «Фаршированный индюк» и «Легонько», до сих пор исполняются музыкантами и известны во многих странах. Аналогичным образом антология группы Трио Матаморос, образованной в 1925 году, оставила нам «Сон из Ломы», «Тот, кто сеет свой маис», «Женщина Антонио», «Черные слезы» и многие другие песни.

Музыкальный ансамбль, характерный для той эпохи, обычно составляли: котрабас, трес, гитара, ключ, мараки, вокал. А в 40-х годах появляется некий сеньор Арсенио Родригес, который изменяет инструментальный состав септетов, кроме вышеупомянутых инструментов, включив в них фортепиано, барабан, 3 или 4 горна, – это состав музыкальных инструментов, который очень сильно напоминает современный инструментальный ансамбль.

Контрабас (итал. *contrabasso* или *basso*) – самый крупный по размерам (около двух метров в высоту) и самый низкий по звучанию смычковый

струнный музыкальный инструмент, объединяющий в себе черты скрипичного семейства и семейства виол.

Кубинский трес (гитара с тремя парными струнами) считается национальным инструментом Кубы. Его легко отличить от классической гитары благодаря чуть меньшему размеру и более высокому, слегка металлическому звучанию. Именно благодаря Арсенио Родригесу трес сохранил своё место в современной латиноамериканской музыке. Именно благодаря ему трес сегодня входит в состав многих ансамблей, исполняющих современную латиноамериканскую музыку, в частности – сальсу.

Ключ – это русский перевод испанского слова «clave». Поэтому будет правильней говорить не о ключе как музыкальном инструменте, а о clave. Клавэ – кубинский народный ударный инструмент, две палочки из черного дерева разной толщины (тонкая олицетворяет женское начало, толстая – мужское). В музыке сальсы ритм клавэ является ведущим, задает тон или структуру песни. Именно ритм клавэ направляет все остальные инструменты в ансамбле и исполнителя песни. И хотя в некоторых мелодиях сальсы можно этого не услышать, в основе ритмической структуры любой сальсы всегда лежит ритм клавэ. Поэтому главное – слышать в музыке клавэ.

Мараки – шумовой музыкальный инструмент кубинского происхождения встречается в одинарном (марака) и чаще в парном виде (маракас). Маракас представляют собой две небольшого размера сушеные тыквы, в которые помещены семена тропических плодов. Используются в различных стилях латиноамериканской танцевальной музыки (сальса, ча-ча-ча, меренге, хоропо, кумбия, самба, боссанова и мн.др.).

Горн – родоначальник всех медных духовых инструментов.

Инструмент, напоминающий трубу, но в нем отсутствует вентиляционный механизм, отчего его исполнительные возможности ограничены. Высота звука при игре на горне может регулироваться только с помощью амбушюра. Именно по этой причине в оркестрах горн не употребляется.

Однако это не все инструменты, которые могут использоваться в зажигательных латиноамериканских ритмах. Сюда так же можно отнести бонго, гуиро, тумбадоре или отдельные конги.

Бонго – ударный инструмент афрокубинского происхождения, два барабанчика небольших размеров, скрепленные между собой. Мембраны барабанов бонго в странах Латинской Америки делаются из бычьей шкуры и настраиваются по-разному: меньшего размера выше по тону, большего размера – примерно на кварту или квинту ниже. Бонго (вместе с клавиес, сенгсеро, маракас, конго, гуиро, креольской гитарой трэс) неизменный участник латиноамериканских (кубинских) музыкальных групп, ансамблей и оркестров.

Гуиро – кубинский шумовой музыкальный инструмент, изготовленный из высушенной тыквы «калебасы», с горизонтальными насечками по бокам. Играют на гуиро палочкой, которой проводят по насечкам. Сухой трескучий звук гуиро украсит любой кубинский ансамбль, независимо от того, играют ли музыканты «старую трову» (стиль кубинской народной музыки) или исполняют современные песни в танцевальных ритмах.

Тумбадора – это набор из трех барабанов конга. Есть кинто, конга и тумба. Кубинская тумбадора (tumbadora) приобрел известность в начале 30-х годов прошлого столетия. Несмотря на кубинское происхождение, конги можно услышать почти в любом музыкальном стиле. Конги дают более низкий тон, чем часто используемые в связке бонги.

Тумбадор представляет собой 3 барабана: тумба – самый большой, обычно 12,5 дюйма в диаметре, затем конга – 11,5 дюйма, и самый маленький кинто размером в 11 дюймов. Некоторые производители, предлагают экстра размеры – от 13-14 до 9-10 дюймов. Исторически сложилось, что на барабанах, как правило, играют сидя и комфортный размер барабана в высоту 28-30 дюймов.

«В 30-е годы огромное влияние на сон оказывают карибские ритмы, затем, по мере его распространения в Южной и Северной Америке, североамериканские и латиноамериканские, постепенно подводя его к тому, что мы сейчас называем сальсой. Таким образом, сама сальса представляет собой сплав ритмов, таких как:

- кубинские: сон (основа), дансон и его производные, румба;
- североамериканские: джаз, рок, свинг;
- карибские: бомба, плена, кумбья;
- южноамериканские: самба, танго» [2].

Политическая экспансия США на Кубу и Пуэрто-Рико повлекла и приход Американской культуры. Американцы предпочитали свою музыку, песни и танцы. Но, на Кубе, чужая культура приобрела особый характер. Одновременно латиноамериканская культура проникла в США.

В 1910 году композитором и кларнетистом Хосе Урфе была сделана первая попытка обновить дансон. Он прибавил к дансону новую, заключительную часть, уже известную по сону. А в 1929 году Анисето Диас добавил в мелодию вокал, создав новый жанр – дансонете.

К концу 1930-х годов приобрели популярность джаз и свинг, привезенные на Кубу американцами, а дансон и сон выглядели устаревшими на фоне мощного звука духовых американских джаз-бандов.

В 1937 году, на Кубе, Антонио Арканьо, Орестес и Исраэль Лопесы добавили в дансон еще одну часть получившую название puevo ritmo (новый ритм), а позднее – мамбо. Практически в то же время в Нью-Йорке кубинский музыкант Мачито сделал то же самое.

В 1939 году Арсенио Родригес организовал группу, добавив к обычному составу инструментов (труба, трес, бонго, гитара, контрабас, мараки и клавиатура) фортепиано, конги и еще две трубы. Это полностью изменило стиль кубинской музыки, сделало его удивительно захватывающим.

В 1940-х годах Дамасо Перес Прадо организовал в Мехико свой собственный оркестр. Он приблизил звучание его музыки к популярным американским биг-бэндам усилив секцию духовых труб и добавив саксофоны и тромбоны, а также увеличив темп музыки и добавив различные паузы и восклицания. Этот стиль получил название мамбо.

В 1950 году Сонни Бёрк американский музыкальный продюсер услышав песню Переса Прадо «Que rico el mambo» издал сингл с этой композицией назвав ее «Mambo Jambo». После этого Перес Прадо был приглашен в США, записал новые мелодии в стиле мамбо и открыл путь для латиноамериканской музыки во всем мире. В то же время, когда популярность мамбо достигла своей высшей точки, оказалась востребована музыка скрипача Энрике Хоррину который добавил скрипок и флейт, а также пение в унисон, получив мелодию названную ча-ча-ча.

В 1964 году Джерри Масуччи и Джонни Пачеко зарегистрировали звукозаписывающую компанию Fania Records. Джонни хотел вернуться к корням кубинской музыки, при этом осовременив их, и создать новый латиноамериканский бренд и объединить музыкантов Испанского Гарлема, района Нью-Йорка в котором проживали Испанцы. Этот, в то время лишь бренд, он назвал сальса, т.е. соус. Джерри и Джонни максимально приблизили музыку к народу и за дешево продавали пластинки из багажника машины в людных местах останавливаясь и включая музыку. Музыканты собранные Джерри и Джонни под крышей Fania Records не только перепевали старые песни, но и сочиняли новые, а также работали над новым стилем который стал известен как Fania Sound («фаниевское звучание») и на долгое время стал основой для латиноамериканских исполнителей и звукозаписывающих компаний мира.

В 1968 году Джонни Пачеко организовал группу Fania All-Stars, объединяющую звезд компании. Группа играла на удивление мощно, технично, с самоотдачей, заряжая публику драйвом. В августе 1971 года состоялся концерт звезд Fania Records в Нью-Йоркском клубе Cheetah; ставший квинтэссенцией стиля Fania Sound. «Фаниа» стали исполнять латиноамериканскую музыку, как рок-группы: с энергией, иногда грубовато и агрессивно. Так сальса создала новый всплеск увлечения латиноамериканской музыкой.

Музыканты Fania Records стали первыми латиноамериканскими исполнителями, рассказавшими в песнях о социальных проблемах, о жителях Испанского Гарлема, переселенцах из Пуэрто-Рико, работающих в надежде заработать на кусок хлеба, о бандитах и проститутках. В то

время как песни других музыкантов носили развлекательный характер, рассказывали о любви, о радостях жизни на Кубе, где веселые мулаты радостно танцуют под свою в высшей степени веселую музыку. Правда жизни от Fania Records была популярна в то время, в конце 1960-х – начале 1970-х годов, времени молодежных бунтов и поисков новых путей развития. А в 1979 году «Фаниа» стала участником музыкального фестиваля «Гавана-джэм» (Havana Jam), прошедшего на Кубе и организованного при поддержке министерства культуры Кубы и фирмами звукозаписи Columbia и Fania Records. Участниками фестиваля стали известные американские музыканты и сальса-оркестр Fania All-Stars.

В 70-е годы в Нью-Йорке новая волна Сальсы началась с того, что некоторые молодые музыканты, такие как Гектор Лавое, Ларри Харлоу, Рей Баретто, Вилли Колон и другие, желая как то выделить свою музыку стали называть ее термином «Сальса». Нью-Йоркский пуэрториканец Изи Санабрио, владелец журнала «Sanabria», посвященного латинской музыке, для обозначения и характеристики латинской музыки и афро-кубинских ритмов использовал в своих статьях термин «сальса». Джерри Массуси, владелец звукозаписывающей компании «Fania Records» в 1974 году выпустил альбом «Larry Harlow's Salsa», ставший лидером продаж и в один миг принесший Харлоу всеобщую известность и любовь. После этого латинская музыка, уже называемая «Сальсой», начинает звучать в эфире на разных волнах по всей стране. Это настолько способствовало популяризации нового термина, что в скором времени практически везде афро-кубинские ритмы и многое другое в латиноамериканской музыке стали называть сальсой. В это же время термин «сальса» становится известным в Европе. В июне 1976 года выходит первый выпуск журнала «Billboard», посвященный латинской музыке и содержащий 24 страницы приложения под названием «Сальса взрыв». Каждое новое десятилетие приносило что-то новое в историю сальсы. Музыка этих лет была преимущественно жесткой, но для приверженцев сальсы как раз такой, «какой она должна быть». Отсутствие драйва в последующих стилях как раз и отличает музыку этого периода от последующих. Этот стиль сальсы называют Сальса «Caliente», а также Сальса «Gorda». Кроме того, в 70-х Сальса превратилась из чисто народной, фольклорной в универсальный Social Dance (в пер. – «социальный танец»), став модным веянием и неотъемлемой частью американского танцевального досуга. Новый жанр, смешавшись с Джазом, был назван «Сальса Метрополитен».

Кроме того, сальса, несмотря на эмбарго со стороны США, начала постепенно проникать на Кубу и, в конце семидесятых начале восьмидесятых годах и с восторгом была принята. Расстояние между Гаваной и Ки-Уэст в США было не более 150 километров, а до Майами – около 300 километров, что дало возможность принимать на Кубе

радиопередачи из Америки. Музыка была новой, интересной, модной, но при этом очень близкой мамбо и сону.

Очень ярко на Кубе и за ее пределами показала себя группа «Иракере». Ее участники экспериментировали с разными музыкальными стилями, смешивали афро-кубинские ритмы, сон и джаз. Влияние этой группы на музыку Кубы довольно велико. Так их музыкант Хосе Луис «Эль Тоско» Кортес стал одним из основателей тимба-движения. Его группа NG La Vanda была первой исполнявшей музыку названную тимбой. До настоящего времени не решен вопрос, является ли она более агрессивной Кубинской сальсой или отдельным стилем.

Основой нового, но короткого периода, с жесткими словами песен и музыкой, в сальсе стал Вилли Колон. Его мелодии отличались нарочито негармоничными аккордами и ревушим тромбоном. Такое исполнение назвали жесткой сальсой.

«Совершенно другая Сальса увидела мир (или мир увидел ее) в 80-е годы. Это Сальса «Romantica». Жесткости в ней практически нет, меняется темп - более умеренный и мягкий. В тематическом плане композиции также меняются, в них появляются лирические темы о любви... Многие ревнители не считают Сальсу «Romantica» действительно жанровой разновидностью сальсы, скорее, удачным коммерческим проектом. Но женскому населению такая сальса пришлась по вкусу и, поэтому, она приобрела большую популярность. Среди исполнителей сальсы "Romantica" Хиро и Марк Энтон" [1].

То есть в это время сальса стала уже по-настоящему оформившимся стилем со своими особенностями исполнения. «Бунтарские 1960-е и 1970-е сменились тихим «сытым» десятилетием, что предопределило спад интереса к социальной составляющей сальсы. Жесткая сальса уже никого не интересовала, на смену ей пришла коммерческая сальса романтика, гладкая, удобная, танцевальная и вообще – в высшей степени хорошо «причесанная» музыка, которая так нравится девушкам. Словом, сальса стала одним из эстрадных жанров – во всех смыслах этого слова».

Новый взлет интереса к сальсе подозрительно совпал со временем упадка и последующего распада Советского Союза. Оставшись без экономической помощи СССР, Куба испытала одно из труднейших десятилетий в своей истории. Кризис был столь силен, что коммунистическому руководству острова пришлось приоткрыть двери для туризма, а значит, усилились контакты Кубы с внешним миром. Многие именитые кубинские музыканты старались перебраться кто в Европу, кто в США, что и спровоцировало новый интерес к кубинской музыке. Сальса вновь вошла в моду, ее стали исполнять признанные мастера джаза, в США начали открываться танцевальные школы сальсы.

К нашему времени сложилась уже целая сальса-индустрия. Сальса стала использоваться для особого вида парного танца социального направления.

В отличие от спортивных бальных танцев, которым надо учиться годами, сальса не требует длительного изучения. Всего за два, три месяца практически любой человек независимо от его возраста, пола и уровня подготовки может научиться танцевать сальсу. Свободно двигаться по танцполу и получать удовольствие от социального танца – вот его основная задача. Поскольку четких правил и схем в сальсе не существует, танцор может придумывать собственные движения, постоянно экспериментируя в меру своей фантазии. Базу движений составляют сложные «плетения» руками, элементарные шаги и поддержки, акробатические трюки из рок-н-ролла и другие импровизационные связки. Сальса, быстро, с радостью и непринужденностью впитывает в себя все, что сейчас нравится танцорам и окружающим.

Почти полувековая история сальсы не мешает ей завоевывать сердца новых поклонников. Танцоры не позволяют сальсе остановиться в своем развитии. Как танцевальное направление стиль только набирает свою популярность.

Библиографический список

1. Сальса – оригинальный симбиоз нескольких культур. Сальса. URL: <http://www.salsalovers.ru/articles/25> (дата обращения: 04.01.2015).
2. История сальсы. История танцев. URL: <http://historydance.h1.ru/salsa.html> (дата обращения: 02.01.2015).
3. Редзюн В. Краткая история сальсы. MamboTribe. URL: <http://www.mambotribe.org/forum/blog.php?b=719> (дата обращения: 15.12.2014).
4. Инструменты сальсы. Salsala. URL: <http://salsala.info/publ/1-1-0-2> (дата обращения: 24.01.2015).

УДК 372.878

ФУНКЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

О.Ю. Козинская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail:kozinskayaolga@mail.ru

В статье рассматриваются функции музыкального искусства с позиций педагогики, психологии, философии, культурологии, музыкальной педагогики и влияние музыки на жизнедеятельность обучаемых.

Ключевые слова: функции искусства, обучаемый, урок музыки, художественная деятельность.

FUNCTIONS OF MUSICAL ARTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

O.J. Kozinskaya

This article discusses the function of musical art from the standpoint of pedagogy, psychology, philosophy, culture, music pedagogy and the influence of music on the life of the schoolchildren.

Key words: the function of art, learning, music lessons, art activities.

Музыкальное искусство выполняет определенные общественные функции. Как считает Э.Б. Абдуллин, с позиции педагогики, относящейся к области музыкального образования, функции искусства выступают как основные ориентиры при определении направленности музыкального воспитания, обучения и развития ребенка. Он считает наиболее близким к педагогике классификацию функций музыкального искусства, предложенную В.Н. Холоповой, которая выделяет следующие функции:

- коммуникативную;
- отражения действительности;
- этическую;
- эстетическую;
- каноническую;
- эвристическую;
- познавательно-просветительскую;
- общественно-преобразующую.

Коммуникативная функция искусства и функция отражения действительности.

Рассматривая коммуникативную функцию искусства, В.Н. Холопова особо подчеркивает, что воздействие музыкального искусства «носит двунаправленный лично-социальный характер, причем, социальное дается в индивидуальных ощущениях личности. Особенностью музыки как самого непосредственно-эмоционального из искусств является то, что благодаря силе индивидуальных ощущений объективно-социальное содержание произведения приобретает для воспринимающего повышенную личную убедительность» [1]. В реальной педагогической практике, как отмечает Э.Б. Абдуллин, эти возможности музыки, к сожалению, не всегда реализуются. Чаще всего это бывает тогда, когда учитель своими субъективными словесными трактовками и характеристиками подменяет возможность самой музыки, посредством заложенного в ней объективного содержания, постепенно рождать в ребенке «повышенную личную убедительность».

Функция отражения действительности рассматривается В.Н. Холоповой в трех аспектах: как отражение идей, отражение эмоций и отражение предметного мира. В содержании и процессе музыкального образования они выступают в единстве, но в соответствии с возрастными особенностями и возможностями обучаемых, уровнем их общего и музыкального развития, на музыкальных занятиях акцент делается на том или ином аспекте отражения действительности в искусстве. В программе по музыке Д.Б. Кабалевского данная функция музыкального искусства выступает в качестве сверхзадачи уроков музыки.

Этическая и эстетическая функции искусства.

Этическая функция искусства – это признание высоких нравственно-эстетических возможностей любого его вида, которое хорошо отражено в крылатом выражении А.С. Пушкина «...и чувства добрые я лирой пробуждал». Такое понимание предназначения искусства присуще и отечественным педагогам-музыкантам, утверждавшим, например, что:

- «Прекрасное пробуждает доброе» (Д.Б. Кабалевский);
- «Благо, даруемое нам искусством, не в том, чему мы от него научаемся, а в том, какими мы, благодаря ему, становимся» (О. Уайльд);
- «Я очень сожалел бы, если моя музыка только развлекала моих слушателей: я стремился их сделать лучше» (Г. Гендель);
- «Цель музыки – трогать сердца» (И.-С. Бах).

Эстетическая функция искусства раскрывается через призму категорий «красота» и «гармония». Именно они всегда были важнейшими критериями музыкального сочинения, целью композиторского ремесла. Вот как об этом говорят сами композиторы:

«Что остается музыке, если лишить ее красоты?» (М. Равель);

«Идеальное совершенство музыки только тогда достигается, когда правда выражения совпадает с чисто музыкальной мелодической красотой» (А. Серов).

Важнейшая задача учителя заключается в раскрытии этой красоты и гармонии в музыкальном произведении, в собственном исполнении. Проблема развития эстетического отношения обучаемых к музыке является в настоящее время актуальной, значимой и перспективной.

А.Г. Бутник определяет эстетическое отношение к музыкальному искусству как процесс взаимодействия субъекта с музыкой, при восприятии которой возникают эстетические чувства и оценка, в соответствии со сложившимся в прошлом опыте идеальном представлении о прекрасном. Структуру эстетического отношения составляют эстетическое восприятие, переживание и оценка. Проявляется эстетическое отношение в умении эстетически воспринимать музыкальные произведения, эмоционально переживать их образно-эстетическое

содержание, оценивать их на основе общепринятых эстетических критериев.

Специфика этого отношения проявляется в том, что «музыкальное восприятие, опираясь не только на музыкальный, но и жизненный опыт человека, протекает одновременно с другими психическими процессами (мышление, воображение, память и пр.); музыкальное переживание в процессе восприятия музыки, отражая ее содержание, включает и осознание ее ценности; базируясь на переживании, музыкальная оценка зависит от понимания и осмысления музыкального искусства» [2].

Критериями сформированности эстетического отношения, по мнению А. Бутник, являются: представления о совершенстве музыки с точки зрения прекрасного; удовлетворенность от восприятия произведений различных жанров; разносторонность восприятия; адекватность переживания; соответствие оценки содержанию музыкального произведения.

Каноническая и эвристическая функция искусства.

Каноническая и эвристическая функции искусства рассматриваются В.Н. Холоповой как диалектическая пара противоположностей. При этом автор видит предназначение каноничности в культурной преемственности, без которой не может быть культуры. Эвристика проявляется в преобразовании традиций. Основываясь на этом, в музыкально-педагогическом процессе предлагается рассматривать то или иное музыкальное явление с позиции взаимосвязи традиции и новаторства с целью создания в сознании обучаемых целостной музыкальной картины мира.

Познавательная-просветительская и общественно-преобразующая функция искусства.

Общеизвестно, что музыкальные произведения воспринимаются как документы эпохи и могут быть познавательны в различных ракурсах: историко-фактологическом, философско-мировоззренческом, этико-эмоциональном и т.д.

Реализация данной функции в музыкальном образовании находит отражение в тех теоретических и исторических знаниях, как самой музыки, так и о музыке, которые усваивают школьники на музыкальных занятиях.

Общественно-преобразующая функция музыкального искусства представлена в работе В.Н. Холоповой как интегрирующая в себе все другие его функции. В образовательном процессе эта функция имеет особое значение в силу того, что музыкальное произведение может иметь различное истолкование, поэтому необходима взаимосвязь личностного прочтения с включением обучаемых в социум. При таком подходе они полнее и глубже начинают осознавать себя как личность и свою сопричастность к обществу.

Арт-терапевтическая функция искусства.

Данная функция вытекает из огромных возможностей музыки оказывать арт-терапевтическое воздействие на человека.

Давно было замечено, что музыка может успешно взаимодействовать с сознанием человека, проникать в области бессознательного через стимуляцию различных эмоциональных состояний.

В настоящее время этот опыт переосмысливается, и музыка широко применяется не только для лечения пациентов, чьи проблемы связаны с подавленными стрессами, но и в лечебно-коррекционных целях.

Вместе с тем у музыкального искусства, как и у искусства вообще (отмечает В. Школяр) есть и такие функции, например, как идеологическая – в недалеком прошлом она фактически являлась едва ли не основной, оформительская – более половины звучащей музыки именно для того и предназначено, чтобы как своего рода «музыкальный дизайн» оформить («обслужить») наш быт, воспитательная – ее А.Н. Сохор вообще выделил в «сверхфункцию».

Рассматривая художественное овладение человека миром в свете системы человеческой деятельности, М.С. Каган обнаруживает четыре вида деятельности: познавательную, ценностно-ориентационную, преобразовательную и коммуникативную. Он пишет: «В искусстве происходит слияние воедино всех четырех видов деятельности, отчего каждый из них радикально модифицируется, ибо он должен «приспособиться» к тому, чтобы совпасть с тремя другими... рождающееся при этом целое становится существенно отличным от слившихся в нем компонентов... Искусство, на наш взгляд сопоставимо со знанием в целом, со всем миром ценностей, с общением как таковым, ибо оно есть продукт художественного творчества как вида деятельности, такого вида, в котором органически слиты все другие» [3].

Практически об этом же говорит Л.Н. Столович: «В художественной деятельности человек выступает в многостороннем проявлении своей сущности. В процессе создания произведения искусства он является субъектом познания и преобразования объективной действительности. А, следовательно, художник не может не быть также субъектом оценочной деятельности, которая осуществляется как связующее звено между познавательной и преобразовательной деятельностью (познание предполагает оценку познаваемого материала, чтобы его преобразовать). Но оценочная деятельность проявляется еще и в относительно самостоятельном виде как ценностная ориентация, как освоение различного рода духовных ценностей (нравственных, общественно-политических, религиозных, эстетических)» [4].

Библиографический список

1. Холопова В.Н Музыка как вид искусства. Музыкальное произведение как феномен. М., 1994. С. 6.
2. Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. Теория преподавания музыки в общеобразовательных учреждениях: Учебное пособие для студ. высш. учеб.заведений. М.: Прометей, 2003. С. 23-24.
3. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1984. С. 120-126.
4. Столович Л.Н. Жизнь – творчество – человек: функции художественной деятельности. М.: Политиздат, 1985. С. 46.

УДК 378.146

О ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ В ПРАКТИКУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА

И.А. Королева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: korolev-saratov@yandex.ru

В статье предпринята попытка обозначить круг вопросов, сопровождающий внедрение балльно-рейтинговой системы в практику образовательного процесса вуза. Представлено авторское видение заявленной проблемы.

Ключевые слова: балльно-рейтинговая система, внедрение, образовательный процесс вуза.

TO THE PROBLEM OF INTRODUCTION OF POINT RATING SYSTEM INTO THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

I.A. Korolyova

The article attempts to set the range of issues which occur in the process of introduction of Point Rating System into the educational process of higher education institutions. It represents an author's view of the stated problem.

Key words: point-rating system, introduction, educational process of higher education institutions.

В Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского в 2013 году было принято Положение о балльно-рейтинговой системе оценивания достижений студентов [1]. Начавшаяся практическая работа в этом направлении вызвала необходимость в изучении уже существующего передового опыта.

Проблема внедрения в практику вузовской подготовки балльно-рейтинговой системы оценивания достижений студентов активно обсуждается на страницах большинства научно-исследовательских изданий, в том числе не педагогических, уже довольно давно. Особое внимание к этой теме стало следствием подписанного в 2002 году приказа Минобразования «О проведении эксперимента по введению рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов» [2]. Использование в вузах балльно-рейтинговой системы оценки качества обучения (БРС) в настоящее время является необходимостью, так как после вступления России в 2003 году в Болонский процесс возникла острая потребность в адаптации контроля и оценки качества достижений студентов в вузах к системам контроля, характерным для стран Европы [3, с. 124].

За годы эксперимента была предложена, наверное, ни одна сотня вариантов БРС разного качества – от систем оценивания индивидуальных достижений обучаемых по отдельно взятой дисциплине, до результатов научно-исследовательской деятельности студентов и их личностного роста. Весь обширный накопленный к текущему моменту опыт внедрения балльно-рейтинговой системы нашел отражение в многочисленных научных публикациях.

Нами были рассмотрены более ста публикаций по данной теме. Прежде всего, нас интересовали те работы, в которых представлен опыт внедрения БРС по конкретным дисциплинам. В них мы искали ответы на вопросы, возникшие в процессе введения балльно-рейтинговой системы оценивания достижений студентов непосредственно в нашей работе.

Вопрос первый. Почему БРС, призванная стимулировать и организовывать учебную деятельность студентов, пока не дает ожидаемых результатов? (В качестве результата хотелось бы увидеть ответственного студента, планирующего и регулирующего свою учебную деятельность, управляющего своим профессионально-личностным развитием).

Вопрос второй. Как добиться от преподавателя реального, а не формального подхода к внедрению БРС в практику учебного процесса вуза? (Под формальным подходом мы подразумеваем деятельность с соблюдением всех формальностей, по установленному порядку, исполненная только для вида, ради формы, а также отсутствие подхода содержательного) [4].

На сегодняшний день исследователями выделены ряд положительных моментов, а также недостатки и трудности в применении БРС. Перечень их в научных статьях обширен и разнообразен. Часто мнения авторов совпадают, есть и противоположные высказывания. Анализируя выводы авторов и результаты внедрения балльно-рейтинговых систем в других вузах, опираясь на собственный опыт, в данной статье попытаемся изложить свою точку зрения на существо проблемы, не вдаваясь детально в специфику преподаваемых нами дисциплин.

Во многих статьях подчеркивается значительное влияние БРС на дисциплину и, как следствие, на мотивацию студентов к постоянной добросовестной работе. Теоретически с этим утверждением вполне можно согласиться, оно представляется логичным, учитывая конкурентную атмосферу, создаваемую балльно-рейтинговой системой. Но в нашей практике преподавания с использованием БРС в течение двух лет значительных изменений, к сожалению, не наблюдалось.

Сначала студенты 1 курса не в состоянии охватить всю ту информацию, которую им предлагает преподаватель: виды деятельности, которые будут оцениваться, критерии оценивания, сроки сдачи той или иной формы работы. И на протяжении первого семестра преподаватель вынужден много раз объяснять БРС, несмотря на то, что информация вывешена в открытом доступе. Затем всплывает проблема другого порядка – студенты не умеют (или не хотят?) планировать свое время. И к началу сессии приходят с большими долгами по предмету. Преподаватель попадает в неудобную ситуацию. В соответствии с разработанной БРС, он должен достаточно жестко оценивать деятельность студентов и ее результаты, и тогда студенты получают довольно низкие баллы, некоторые даже не набирают необходимый для удовлетворительного оценивания по дисциплине порог. Преподаватель вынужден придумывать дополнительные задания, назначать дополнительные сроки сдачи и т.д. В такой ситуации сама балльно-рейтинговая система, на наш взгляд, теряет всякий смысл. Да и сложившаяся ситуация очень далека от необходимой для первокурсника «ситуации успеха».

Студенты второго курса, уже «опытные» в отношении БРС, относятся к происходящему менее серьезно, потому что знают, что преподаватель все равно «довеет» их до необходимого минимума. Исключение составляют те учащиеся, которые замотивированы на получение профессии (их не так уж много). Они все задания выполняют и сдают в срок.

Отдельная проблема – введение БРС в заочной форме обучения. Оценить адекватно работу студента за семестр по балльно-рейтинговой системе не представляется возможным, так как двух-трех недельное их пребывание на сессии не обеспечивает детальной работы с каждым студентом. А от межсессионного общения с преподавателем студенты-заочники, как правило, отказываются.

В научной литературе нам не встретилось сколь-нибудь развернутого исследования, где бы указывался определенный процент студентов с повышением дисциплинированности и мотивации после обучения по БРС. Скорее всего, такие исследования еще не проводились, а значит, делать выводы о влиянии БРС на дисциплинированность и мотивацию студентов к постоянной работе, как представляется, пока рано.

Кроме того, в рамках профессионального образования, на наш взгляд, не совсем уместно говорить о повышении мотивации к постоянной добросовестной работе. Студент должен быть замотивирован на приобретение определенных компетенций, необходимых ему для будущей профессиональной деятельности, а постоянная и добросовестная работа все-таки должна рассматриваться как средство достижения поставленной цели.

И это только один пример из практики, противоречащий утверждению о положительном влиянии БРС на учебную деятельность студентов.

По мнению многих авторов, положительное влияние БРС оказывает и на деятельность преподавателя, повышая его профессиональную активность. Правда, в работах не уточняется, что именно подразумевается под «профессиональной активностью». На этот счет также считаем необходимым изложить свою точку зрения.

Любая деятельность, а тем более профессиональная, преследует определенную цель. В отношении введения БРС в практику работы вузов в научных статьях обозначено большое количество разнообразных целей. Научный сотрудник Федерального института развития образования Сазонов Б.А. выделяет три основные, характерные, по его мнению, для российских БРС:

- обеспечение регулярной работы студентов в течение семестра;
- выработка справедливых механизмов формирования объективной оценки студентов по совокупности накопленных им в течение семестра баллов;
- формирование значения рейтинга, позволяющего ранжировать студентов по успеваемости [5, с. 29].

Мы бы добавили, что обозначенные Сазоновым Б.А. цели, на наш взгляд, наиболее существенны и реально прогнозируемы.

Очевидно, что преподаватель-предметник, разрабатывающий БРС оценивания по своей дисциплине, прежде всего, руководствуется первыми двумя из указанных целей. И если обеспечение регулярной работы студентов в течение семестра у опытного профессионала особых проблем не вызывает, то выработка справедливых механизмов формирования объективной оценки студентов заставляет серьезно задуматься. Что именно должна оценивать БРС?

На этот счет в научных статьях встречаются различные мнения. Наиболее распространено мнение о том, что БРС контролирует знания и показывает эффективность трудозатрат студента [6, с. 297]. В данном случае включение в регламент оценки знаний по дисциплине таких критериев как дисциплинированность, активность является неправильным [5, с. 39].

Существует противоположный взгляд на БРС как на средство индивидуализации образовательного процесса, а значит должны

учитываться психологические аспекты ее введения в образовательный процесс [7, с. 301]. И тогда с помощью БРС нужно оценивать умения, личностные качества, отношение студента к дисциплине, творческие возможности, инициативность и другие проявления личности [8, с. 204].

Учитывая компетентностную основу всех современных педагогических преобразований, мы бы сказали, что БРС – это числовое выражение полученных студентами в процессе учебной деятельности знаний, умений (в том числе навыков) и владений (приближаясь к формулировке стандартов высшего образования), или, иначе говоря, сформированности их компетенций. Именно балльное оценивание уровня сформированности той или иной компетенции позволяет ранжировать студентов по успеваемости (третья характерная черта российских БРС, выделенная Сазоновым Б.А.), на что, в свою очередь, прежде всего, обращают внимание работодатели.

Следовательно, при построении БРС оценивания результатов освоения студентами учебной той или иной дисциплины необходимо учитывать все выше обозначенные аспекты – и контроль знаний, и трудозатраты студента, и индивидуальные проявления его личности.

Собственный опыт работы свидетельствует о том, что с помощью БРС достаточно легко и удобно проверять теоретические знания, полученные студентами, в любом образовательном направлении. Основные критерии оценивания в данном случае – «знает/не знает» и «объем знаний». А вот с умениями и владениями дела обстоят гораздо сложнее. Они носят практический характер, и уровень их сформированности зависит от развития личностных качеств студента.

Для создания системы оценивания сформированности той или иной компетенции или части компетенции, а именно на это, на наш взгляд, должна быть нацелена в конечном итоге БРС, необходимы исследования, экспериментально подтверждающие положительный (или отрицательный) результат развития личностных и профессиональных качеств, а также эффективность использования при этом оцениваемых видов учебной деятельности, оценочных средств и критериев оценки. Очевидно, что эта работа требует не только длительного времени, но и коллективного творчества, так как одна и та же компетенция (или ее отдельные компоненты), согласно стандартам, могут формироваться несколькими дисциплинами.

В реальности же преподавателю предлагается разработать свою систему оценивания достижений учебной деятельности студентов по определенной дисциплине. От него требуется не только тщательно продумать структуру курса, но и уже на самом первом занятии обозначить весь комплект предлагаемых студентам заданий на семестр или в некоторых случаях на год, а также представить полный пакет контрольно-измерительных материалов с указанием всех критериев оценивания. Все

это, несомненно, активизирует деятельность педагога. Однако в идеальном варианте развития событий преподаватель должен все это проверять и редактировать ни один год. При этом хотелось бы заметить, что рабочие учебные планы по различным направлениям подготовки, как и стандарты высшего образования, последнее время меняются достаточно часто. Преподаватель вуза не имеет должного количества времени на редактирование и, самое главное, проверку БРС по своей дисциплине.

Не следует забывать и про другие направления профессиональной деятельности педагога вуза: учебная нагрузка с определенным количеством аудиторных часов и руководством выпускными квалификационными работами; научная работа. К этому можно добавить введение стимулирующей надбавки к окладу преподавателя вуза, которую он должен подтвердить, а точнее «заработать» своей активной деятельностью по разным направлениям.

В условиях такой трудоемкости деятельности от преподавателя вуза сложно ожидать реального подхода к использованию БРС.

В рамках данной работы мы всего лишь предприняли попытку обозначить достаточно большой круг вопросов, сопровождающий внедрение БРС в практику образовательного процесса вуза. Как представляется, для эффективного функционирования балльно-рейтинговой системы необходимо соблюдения ряда условий, среди которых наиболее важными считаем самостоятельность обучающихся (студентов) и сознательность обучающихся (преподавателей). В силу специфики, качество этих условий трудноизмеримо, а широта и глубина распространения зависит далеко не только от высшего учебного заведения. Видимо, необходимы более четкие инструкции по внедрению БРС, или какие-либо промежуточные системы оценивания, более тонко учитывающие конкретную ситуацию. Возможно, необходимы специальные научные, в том числе психолого-педагогические, исследования по внедрению БРС в образовательный процесс вуза. Думается, что обозначенную проблему можно считать еще одним, новым, направлением современного научного знания.

Библиографический список

1. Положение о балльно-рейтинговой системе оценивания результатов обучения студентов. П 1.06.04 – 2013. URL: <http://www.sgu.ru/structure/edudep> (дата обращения: 14.03.2015).
2. Российская Федерация. Правительство. О проведении эксперимента по введению рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов: приказ Минобрнауки РФ от 11.07.2002 №2654 (ред. от 14.11.2002). URL: <http://www.referent.ru/1/11830> (дата обращения: 14.03.2015).
3. Инновационные процессы в образовании. Основные документы и материалы Болонского процесса. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 217 с.
4. Словари и энциклопедии на Академике. Русско-английский технический словарь. URL: http://technical_ru_en.academic.ru/95396/ (дата обращения 15.03.2015).

5. Сазонов Б.А. Балльно-рейтинговые системы оценивания знаний и обеспечение качества учебного процесса // Высшее образование в России. 2012. №6. С. 28-40.
6. Бекоева М.И. Педагогические условия использования модульного подхода в современном вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. №3 (14) С. 295-298.
7. Харзеева С.Э. Психологические аспекты реализации балльно-рейтинговой системы в образовательном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5 (44). Ч.1. С. 300-305.
8. Чернышева А.Г. Балльно-рейтинговая система контроля и оценки при формировании проектно-информационной компетенции будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. №3. С. 202-214.

УДК 372.878

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО ШКОЛЬНИКАМИ НА УРОКАХ МУЗЫКИ В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

С.В. Кузьмина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: svkuzmina77@mail.ru

Статья посвящена анализу организации взаимодействия учителя музыки и школьников в современном российском социокультурном пространстве сообразно индивидуально-личностному и деятельностному подходам. Описана логика действий субъектов педагогического процесса в динамике: от стратегии наставничества к педагогической поддержке и педагогическому сопровождению.

Ключевые слова: взаимодействие со школьниками, урок музыки, федеральный государственный образовательный стандарт.

INTERACTION WITH STUDENTS FOR MUSIC LESSONS IN LIGHT OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD

S.V. Kuzmina

The article is devoted to analysis of the interaction of music teachers and students in modern Russian socio-cultural space according to individual and pragmatist approaches. Described the logic behind the actions of the subjects of the educational process in the dynamics: from strategy mentoring for pedagogical support and educational support.

Key words: interaction with students, music lesson, Federal State Educational Standard.

В образовательном процессе происходит встреча растущего человека и взрослого человека. Начало их взаимодействия может быть положено в

условиях объективной обучающей ситуации или при субъективном развивающем общении. Выбор педагогом того или иного типа взаимодействия зависит от того, кто поставил цель деятельности, существует ли потребность в ней детей, какова степень активности субъектов учебно-воспитательного процесса. Сочетание этих критериев позволяет выделить три типа педагогического взаимодействия учителя и учеников.

Первый тип подразумевает «опеку», «заботу», «защиту», когда характерной чертой поведения педагога является недоверие к собственным силам школьников. Несмотря на высокую потребность детей во взаимодействии, степень их видимой активности минимальна по сравнению со степенью видимой активности педагога. При этом инициатива взаимодействия может исходить как от ребенка, так и от учителя.

Наиболее распространен в России другой тип деятельности – «наставничество». В этом случае потребность учащихся во взаимодействии с педагогом очень мала. Степень видимой активности учителя преобладает над аналогичной характеристикой деятельности обучающегося.

Тактика наставничества применяется педагогами в случае, если ребенок хочет выполнить какое-либо действие репродуктивного плана, но не знает как, а педагог не имеет возможности «тратить» время на создание проблемно-поисковой ситуации. Возможно, что ребенок не хочет действовать, но это надо взрослым, которые не хотят объяснять ребенку важность этой деятельности.

Третий тип педагогической деятельности включает «помощь», «поддержку», «сопровождение», характерные для взаимодействия педагогов с теми школьниками, у которых сформировалась «Я-концепция». В зависимости от нее, ученик проявляет ту или иную потребность во взаимодействии с педагогом, но меньшую, чем при вышеуказанных тактиках. Степень видимой активности ученика резко преобладает над видимой активностью педагога.

Помощь как тип педагогической деятельности применяется тогда, когда растущий человек может в целом справиться с проблемной ситуацией сам, но встречается с некоторым затруднением.

Педагогическая поддержка в трудах О.С. Газмана, Н.Б. Крыловой описана как особая сфера педагогической деятельности, которая включает в себя «процессы СО и САМО».

Являясь учеником данной научной школы, Е.А. Александрова определяет педагогическую поддержку как процесс создания педагогом первичных и вторичных условий для самостоятельных действий сообразно ситуации даже при встрече с каким-либо затруднением. При этом последовательность взаимодействия ребенка и взрослого следующая.

Первоначально работает педагог – создает ребенку первичные условия: эмоционального фона для сознательного и самостоятельного адекватного выбора ребенком поведения и/или источников информации, не противоречащих его личностно-значимым ценностям и культурным традициям. Далее ребенок совершает выбор и, действуя согласно ему, встречается с проблемой. Обращается с запросом о поддержке к педагогу, который создает вторичные условия для полного разрешения ребенком проблемы.

Педагогическое сопровождение отличается от поддержки не столько уменьшением степени вмешательства взрослого человека в процесс индивидуального образования ребенка, сколько возрастанием умения ученика самостоятельно разрешать свои учебные и личностные проблемы. Осуществляя педагогическое сопровождение, учитель должен ориентироваться на сочетание методов и приемов развития индивидуальных ключевых личностных и профессиональных компетенций обучающегося.

Взаимодействие ребенка и взрослого начинается с того, что педагог учит ребенка создавать необходимые для работы и жизни условия, разрешать проблемные ситуации и наблюдает за его жизнедеятельностью для того, чтобы в случае крайней необходимости быть рядом. Затем действует ребенок, который в процессе жизнедеятельности встречается с проблемой и, используя полученные навыки разрешения проблемных ситуаций, поиска необходимой информации, разрешения конфликтов и проч., благополучно разрешает ее, зная, что, в крайнем случае, у него есть человек, к которому он сможет обратиться.

Рассмотрев возможные типы взаимодействия со школьниками на уроке, обратимся к требованиям федеральным государственным образовательным стандартам (далее в тексте ФГОС) относительно характера педагогической деятельности. Согласно ФГОС общего образования учитель в ходе педагогической деятельности должен сформировать у школьников компетенции самостоятельной навигации по освоенным предметным знаниям при решении конкретных личностно значимых задач. Следовательно, учитель должен организовывать взаимодействие со школьниками сообразно индивидуально-личностному и деятельностному подходам.

Если обратиться к школьной практике, то мы увидим, что учитель имеет стабильность классно-урочной системы. С другой стороны, новые образовательные реалии диктуют ему необходимость использования подлинно индивидуального педагогического подхода не только во внеурочной, но и в учебной деятельности. Преодоление этого противоречия в условиях введения новых образовательных стандартов возможно при условии формирования субъект-субъектных взаимоотношений на основе перехода от наставничества к педагогической

поддержке и педагогическому сопровождению. Такое взаимодействие со школьниками сообразно саморазвитию и формированию своего Я согласуется с требованиями ФГОС. Однако решение данного вопроса осложняется тем, что зачастую педагогами применяются авторитарный стиль взаимодействия с учащимися и устаревшие методы обучения, направленные на исполнение ими музыкальных произведений по заданному образцу, а не на самостоятельное творческое самовыражение.

Итак, как следует реализовать на практике индивидуализацию учебного процесса и самостоятельность ученика, провозглашенные первостепенными ориентирами педагогической деятельности учителя любого школьного предмета? Надо очень хорошо изучить учащихся, их интересы, характеры, жизненный опыт. Все сведения учителю следует свести в методическую характеристику класса, которую необходимо использовать при определении содержания урока и его практическом проведении.

При этом характер взаимодействия ряда учителей со школьниками будет подчинен специфике преподаваемой учебной дисциплины. Так, продуктивность педагогической деятельности учителя музыки в известной степени предопределена особенностями музыкального искусства и музыкальной деятельности, индивидуально-психологическими свойствами личности педагога-музыканта и самих учащихся, занимающих на уроке музыки позиции слушателя, исполнителя и композитора.

Здесь уместно привести одно крылатое выражение, принадлежащее известному музыканту, педагогу Г. Нейгаузу. Он говорил, что учитель должен учить так, чтобы как можно скорее стать ненужным своим ученикам. Такой подход учителя к своим подопечным на деле учит их прислушиваться к себе, доверять своему внутреннему голосу. В свою очередь, повышается и ответственность педагога перед учащимися. В результате между ними рождается уникальная по доверительности форма межличностных взаимоотношений. Ведь еще Ф. Лист высказывал мысль о том, что для того, чтобы воспитать музыканта, надо, прежде всего, воспитать человека.

Многие учителя музыки интуитивно находят приемы и методы, которые замечательно согласуются с требованиями ФГОС. «Заражение» ученика своим энтузиазмом по отношению к музыке, предоставление ему в нужный момент самостоятельности и свободы выбора, поощрение трудолюбия и упорства в совершенствовании мастерства – все это можно отследить в работе многих учителей музыки Саратова и Саратовской области.

Проследим динамику взаимодействия ребенка и взрослого на основе педагогического сопровождения школьников на уроке музыки в рамках новых образовательных стандартов.

В начале педагогом создаются первичные условия для взаимодействия с учащимися в соответствии с принципом создания «свободного пространства». Учитель музыки составляет карты интересов учащихся, под его руководством они определяют творческие планы, выполняют различные музыкально-теоретические задания. Посещение музыкальных спектаклей оперного и драматического театров, конкурсы и викторины способствует развитию познавательного интереса школьников к музыкальному искусству. Для осознания учениками своих музыкальных возможностей педагог предлагает учебно-познавательные игры и игровые ситуации (музыкальные кроссворды, ребусы), может подсказать им начать вести «Дневник музыкальных впечатлений». На данном этапе активно применяются практические методы, метод осознания личностного смысла музыкального произведения А.А. Пиличяускаса, метод его интонационно-стилевого анализа Е.Д. Критской.

Следующим этапом взаимодействия ребенка и взрослого в условиях развивающего обучения является расширение функций учащегося как субъекта собственного музыкального развития. Для этого учитель музыки создает педагогические ситуации для разработки учащимся индивидуальных способов музыкальной деятельности (как в учебной, так и внеучебной обстановке), для коррекции своего поведения и учения, а, главное, для самостоятельной практической работы субъекта. В качестве таких творческих заданий, создающих предпосылки для самостоятельной музыкальной деятельности могут служить: создание детьми «самообразовательного тезауруса» в ходе самостоятельного исследования, ведение «Дневника самонаблюдений», использование различных баз данных (Интернет, словари и т.д.), обсуждение, исследование проблем, обращение в музеи и театры. Стремящимся к успеху ученикам можно предложить работу в малых группах над небольшими творческими проектами (конкурсы на тему «Лучший сценарист», «Лучший исполнитель» с дальнейшим совместным обсуждением и поиском оптимальных средств исполнительской выразительности). Неуверенным в себе учащимся поможет индивидуальная работа (дополнительные занятия вокалом), тем, кто старается расширить свой музыкальный кругозор – занятия дирижированием.

При включении учащегося в самостоятельную музыкальную деятельность с учетом специфики субъектного опыта и индивидуальных возможностей осуществляется индивидуальный подход. Более активным учитель предоставляет полномочия руководителя творческих проектов, консультирует по мере необходимости относительно дополнительных материалов для творческих отчетов и докладов. Менее активным учащимся педагог может предложить индивидуальную работу или в малых группах по отдельным проектам.

В ходе и по итогам самостоятельной музыкальной деятельности учащимися осуществляется активизация рефлексии и самооценки объективных и субъективных результатов, обсуждение перспективы творческого развития и проведение индивидуальных консультаций по мере необходимости. Например, адекватной оценке школьниками результатов их работы способствуют индивидуальные беседы рефлексивного характера, ведение портфолио.

Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу, что взаимодействие со школьниками на уроке музыки в свете ФГОС предполагает реализацию стратегий педагогической поддержки и педагогического сопровождения. Их осуществление включает последовательную активизацию доминирующей на уроках музыки позиции педагога/учащегося: наставник/слушатель, партнер/исполнитель, консультант/творец. Такая логика действий субъектов педагогического процесса (учителя и ученика) обеспечивает формирование у школьников компетенции самостоятельной навигации по освоенным предметным знаниям при решении конкретных лично значимых задач

Таким образом, благодаря педагогической поддержке и сопровождению индивидуального образования претворяется в жизнь идея о постепенном перенесении ответственности за собственное образование и самостоятельное решение индивидуальных проблем на самого учащегося, красной нитью проходящая через размышления всех сторонников гуманной педагогики.

Библиографический список

1. Газман О.С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Новые ценности образования: забота – поддержка – консультирование. М: Инноватор, 1996. Вып. 6. С. 10.
2. Крылова Н.Б. Культурология образования. М.: Народное образование, 2000. 272 с.
3. Крылова Н.Б., Александрова Е.А. Как организовать индивидуальное образование в школе. М.: Сентябрь, 2005.
4. Мещанова Л.Н. Профессиональный инструментарий учителя музыки: хормейстерская подготовка. 56 с. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/877.pdf (дата обращения 15.12.2014).

УДК 786.8(072.8)

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА ДЛЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И УКРАИНЫ

А.Е. Лебедев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: zhadmin@mail.ru

В статье рассматриваются особенности претворения славянской темы в современной музыке для русских народных инструментов. В центре внимания статьи – произведения А. Цыганкова для домры (балалайки) с оркестром. Анализируются особенности тематизма, драматургии сочинений, а также специфика реализации народно-песенной основы.

Ключевые слова: Россия, Украина, Цыганков, музыка, домра, балалайка, оркестр, тематизм, драматургия.

CONTEMPORARY MUSIC FOR RUSSIAN FOLK INSTRUMENTS IN THE CONTEXT OF RELATIONS OF RUSSIA AND UKRAINE

A.E. Lebedev

The article discusses the features of implementation of Slavic themes in contemporary music for Russian folk instruments. The focus of the article – works by A. Tsygankov for domra (balalaika) and orchestra. Analyzes the features of thematic, dramaturgy and specificity of the implementation of folk-song foundation.

Key words: Russia, Ukraine, Tsygankov, music, domra, balalayka, orchestra, thematic, dramaturgy.

Взаимоотношения России и Украины на протяжении всего постсоветского периода не раз демонстрировали свой непростой характер, а давние добрососедские связи, зачастую, в прямом смысле испытывались на прочность. Сложные времена наступили с приходом к власти в Украине В. Ющенко, открыто проводившего проамериканскую политику, направленную на усиление американского влияния в регионе. Именно тогда правительством Украины был предпринят ряд недружественных шагов в отношении России, связанных как с несанкционированным отбором газа из транзитных магистралей, так и с громкими политическими заявлениями.

Именно тогда впервые стал вопрос о геополитическом выборе Украины: будет ли она продолжать развивать партнерские отношения с Россией, либо станет стратегическим союзником США. Правительство Украины явно тяготело к последнему варианту, что не всегда

соответствовало интересам простого народа, сохранившего крепкие родственные и культурные связи с Россией. Такая политика населением страны была воспринята неоднозначно, что в конечном итоге привело к смене руководящей элиты.

За прошедший год тема взаимоотношений России и Украины стала еще более острой. Отделение Крыма и разгоревшийся военный конфликт на Востоке Украины разделил общество двух стран. В общественном и медийном пространстве двух стран активно циркулируют идеи отделения Донбасса, придания ему особого статуса, а также предложения более жесткой централизации.

Противоречия в геополитике не могли не сказаться и на культурных связях. Тема межнационального конфликта стала одной из ведущих в творчестве современных российских художников, музыкантов, литераторов. Современные композиторы все чаще обращаются к теме славянского единства, пытаясь осмыслить ее с новых исторических позиций.

Наиболее остро это проявилось в музыке для русских народных инструментов, которые вместе с аналогичными украинскими издавна сохраняют свои родственные связи и общую историю. И в этом смысле наиболее показательно творчество известного композитора, исполнителя на домре, профессора Российской академии музыки имени Гнесиных, народного артиста России Александра Андреевича Цыганкова.

Большинство сочинений А. Цыганкова так или иначе имеют фольклорную основу. Заметную часть его наследия составляют обработки русских, украинских, белорусских песен, концертные фантазии на темы национальных танцев, популярные мелодии. В произведениях концертного жанра, многочисленных сюитах одной из центральных тем является *славянская*. Об этом свидетельствуют два крупных сочинения последних лет: Славянский концерт-фантазия для домры с оркестром и Концерт-симфония для балалайки (домры) с оркестром.

Славянский концерт-фантазия для домры с оркестром написан в преддверии громких политических событий на Украине. Премьера сочинения состоялась 1 декабря 2013 года на заключительном концерте XXXV Международного фестиваля современной музыки «Московская осень» в Большом зале московского Дома композиторов. Исполнителями были лауреат Международных конкурсов Е. Мочалова (домра) и Национальный академический оркестр народных инструментов России имени Н. Осипова, под управлением народного артиста РФ, профессора В. Андропова.

Музыкальный материал цикла основан на подлинных народных мелодиях Украины, Белоруссии и России. Эпиграфом к сочинению могут служить знаменитые слова М. Глинки: «музыку создает народ, а мы, композиторы, ее аранжируем». А. Цыганков продолжает традиции

Н. Чайкина, Н. Будашкина, Ю. Шишакова, П. Барчунова, Г. Шендерёва по созданию крупных сочинений на основе народно-песенного материала. В своем цикле композитор стремится воплотить в музыкальных образах идею *единства народов*, близких по происхождению, вере, укладу жизни и культурным традициям.

Концерт-фантазия состоит из трех частей: «Дума об Украине», «Белорусский романс», «Мелодии России». В первой частиконцерта использованы украинские народные песни: «Думы, мои думы», «Месяц на небе», «Шумела лещина», (по-русски «орешник»), а также мелодия «Запорожского марша». Характер музыки последовательно меняется от несколько сумрачного, сосредоточенного («Думы мои, думы»), к все более светлому, в духе колыбельной («Месяц на небе»), а затем плясовому («Шумела лещина»). Последняя тема представляет собой закарпатскую песню с колоритной гармонией и острыми акцентами.

Подобно тому, как в симфоническом жанре в первой части происходит завязка основного действия, именно «Дума об Украине» в Концерте-фантазии А. Цыганкова становится узловым моментом всей драматургии. В характере основной темы заостряется ее рефлексирующий потенциал. Пытаясь понять причины происходящих событий, композитор ищет ответ на мучающие его вопросы: «что будет с Украиной?», «что нарушилось во взаимоотношениях двух славянских народов?», «как нам жить дальше?». Состояние мучительного размышления не покидает и тогда, когда на смену приходят интонации колыбельной. И даже в плясовом характере завершающего раздела то и дело проскальзывают характерные обороты «дум». Тема Украины становится сквозной нитью всего сочинения.

Вторая часть – «Белорусский романс» – основана на мелодии песни «Зорка Венера» С. Рак-Михайловского, погибшего в годы сталинских репрессий в Белоруссии в 1939 году. Эта песня в течение долгого времени была известна как белорусская народная песня, и лишь в постсоветское время имя подлинного автора стало достоянием широкой общественности. Текст песни овеян любовной лирикой и предполагает поэтическое, задушевное исполнение мелодии в стиле русского романса.

В третьей части концерта-фантазии «Мелодии России» использованы русские народные песни: «Посою лебеду на берегу», «Ёлочки-сосёночки», «Ты воспой в саду, соловейко» и «То не ветер ветку клонит». Как вспоминает сам композитор, «в июне 2013 года финала еще не было. После исполнения первой и второй части с оркестром им Г. Шендерёва в Симферополе один из музыкантов сказал: «Нужен хороший финал». Действительно, медленное окончание первой части, и лирическая вторая часть предполагают быстрый финал с яркой энергией». Примечательно, что кульминацией финала становится гимн, основу которого составляет тема «Зорка Венера» из второй части. Темы сочинения сплетаются вместе,

символизируя идею славянского единения, общей исторической судьбы. Используя сквозной принцип развития тем, автор как бы подчеркивает объединяющее значение народных интонаций, глубинную и неразрывную общность языковых и культурных традиций наших народов.

Говоря об инструментальной фактуре сочинения, нельзя не отметить органичность, естественность сольной партии. Будучи великолепным концертным исполнителем-домристом, А. Цыганков сделал сольную партию максимально удобной и использовал огромный спектр исполнительских приемов, таких как пассажная техника, двойные ноты, аккорды, различные виды *pizzicato* и флажолетов.

Концерт-симфония посвящен известному балалаечнику, народному артисту России А. Горбачеву, которому принадлежит исполнительская редакция партии балалайки. Произведение создавалась в течение трех лет. Премьера состоялась 5 ноября 2008 года в концертном зале Российской Академии музыки имени Гнесиных на концерте, посвященном 60-летию со дня рождения автора. В 2013 году сочинение и его автор были удостоены первой премии на I Всероссийском конкурсе-фестивале композиторов имени Т. Хренникова. В настоящее время Концерт занял прочное место в репертуаре концертных исполнителей

Основная идея сочинения – противопоставление негативных сторон современной российско-украинской действительности: криминализации общества и вечных ценностей нации, засилья бездуховности в медийном и информационном пространстве и мира природы, родных напевов. Особенно это заметно в первой части цикла – «Шабаше». Именно так оценивает автор то, что происходит сегодня в сфере общественных отношений, имея в виду небывалый разгул насилия и жестокости, активно поддерживаемый современным телевидением. Музыкальным символом эпохи становится тема известной воровской песни «Мурка», являвшаяся в 1990-е годы своеобразным гимном российского криминала. Автор ни в коей мере не занимается любованием этой темой и рекомендует исполнять её с элементом гротеска, нарочито утрируя вальяжный характер мелодии.

Вторая часть концерта имеет свой подзаголовок – «Светлая Русь». Музыкальные образы здесь диаметрально противоположны образам «Шабаша». В основе тематизма – подлинное церковное песнопение в инструментальном изложении. Это кондак акафиста (т.е. одна из частей песнопения) «Всецарица», который автор услышал исполнении церковного хора под управлением И. Денисовой в Минске. Основная задача исполнителей – максимально приблизить звучание инструментов к хоровому пению, причем, *благозвучному* пению, как требует стиль вокальной церковной музыки.

Третья часть цикла – «Фантастическое скерцо» – уводит слушателей в романтический XIX век, к музыке Ф. Мендельсона и Г. Берлиоза. Вместе с

тем, здесь отчетливо слышны отголоски первой части концерта: образы шабаша вновь возвращаются.

В Финале концерта на первый план выступают виртуозность и стихия сольного концертирования. Композитор включил в эту часть темы двух подлинных русских народных песен: «А я по лугу» и донскую хороводную песню «Туман яром при долине». Четвертая часть («Праздник») начинается с мелодии «Всецарицы», но тон молитвы здесь меняется. Музыка приобретает характер «благодарственной песни» перед началом народного праздника.

В заключение нельзя не сказать несколько слов об авторе музыки - Александре Андреевиче Цыганкове. Блестящий домрист, виртуоз, игру на этом инструменте он освоил в музыкальной школе, а затем в училище имени В. Шебалина в родном городе Омске. Его педагогами были Г. Ланин и В. Патрашева. Высшее музыкальное образование он получил в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных в классе профессора Р. Белова.

Важным событием в жизни молодого музыканта были победы на I Всероссийском конкурсе исполнителей на народных инструментах в Москве (1972) и на Международных конкурсах в Софии (Болгария, 1968) и Братиславе (Словакия, 1981). В 1971 году Александр Цыганков становится солистом и концертмейстером группы малых домр Государственного академического оркестра русских народных инструментов имени Н. Осипова.

В течение долгих лет творческая жизнь музыканта связана с работой в этом коллективе под руководством выдающихся дирижеров В. Дубровского и Н. Калинина. Оркестр был настоящей творческой лабораторией, благодаря которой А. Цыганковым созданы ряд концертных пьес для домры с оркестром: «Частушки», «Белолица-круглолица», «Перевоз Дуня держала», «Гусяр и скоморох», «Интродукция и Чардаш», «Голубка» и многие другие.

В 1975 году композитор создает «Поэму памяти Д. Шостаковича» с солирующей трубой и каденцией домры. Виртуозную игру музыканта слушают восторженные зрители Японии, Кореи, США, Канады, Мексики, и других стран, где с неизменным успехом выступал оркестр.

С 1982 года Александр Цыганков – солист в концертно-филармоническом объединении Москонцерта. Со своей женой и блистательной пианисткой-аккомпаниатором Инной Шевченко в течение сорока лет А. Цыганков дал более 1500 концертов во всех регионах Российской Федерации, республиках Советского Союза, зарубежных странах. В России нет ни одного крупного города, где бы ни звучала домра А. Цыганкова. Последний приезд в Саратов состоялся в мае прошлого года, когда маэстро дал свой сольный концерт в Большом зале Саратовской консерватории имени Л.В. Собинова.

Огромное внимание А. Цыганков уделяет просветительской работе по популяризации домры и других народных инструментов. В 1970-80-е годы он вел популярный цикл передач на Центральном телевидении «Голоса народных инструментов». Сейчас музыкант не прекращает интенсивную концертную деятельность, выступая с профессиональными оркестрами России, активно сотрудничает с балалаечно-домровой ассоциацией США, с любителями домры и балалайки Швеции, Норвегии, Финляндии, Японии и других стран. Периодически музыкант играет с симфоническими оркестрами Омской, Воронежской филармоний, Губернаторским симфоническим оркестром Ярославля, оркестрами Дортмунда, Вупперталя, Бонна (Германия).

Композиторская деятельность А. Цыганкова неразрывно связана с его исполнительской работой. Авторские сборники, изданные в крупнейших издательствах России, стали школой высшего исполнительского мастерства для многих поколений музыкантов. Концертные пьесы А. Цыганкова звучат на различных всероссийских и международных конкурсах, в программах солистов, ансамблей и оркестров.

Масштаб тем, поднимаемых в его сочинениях, выходит далеко за рамки концертного репертуара, и то, что проблема взаимоотношений России и Украины стала одной из ведущих в его творчестве, говорит о необычайной важности происходящих событий. Историческую связь не разорвать никакими политическими решениями, но от того, насколько они будут сбалансированными и учитывать интересы всех сторон, зависит будущее не только наших народов, но и всей Европы.

А. Цыганков – один из тех, кто с момента появления противоречий в отношениях России и Украины занял активную позицию в вопросе культурного диалога. Его произведения – пример того, как современный художник может противостоять тенденциям разрушения, стремлению к изоляции и искажению исторических фактов. Средством отстаивания межнациональных интересов для него стала современная музыка для народных инструментов.

**ЛИЧНОСТЬ И ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

О.Н. Лушникова

*Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС при
Президенте РФ, Россия*

E-mail: olushka401@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы становления молодежи в условиях кризиса, социогенных рисков, представляющих угрозу культурным ценностям и национальной безопасности России XXI века. Автор исследует условия, в которых образовательный процесс, организуемый в школе и вузе, имеет большой потенциал для формирования гражданской и духовно-нравственной позиции учащихся и студентов и является одновременно процессом направленного духовного развития, образования и самосовершенствования.

Ключевые слова: личность, гуманитарная культура, образовательное пространство, гражданская позиция, духовно-нравственное воспитание.

**PERSONALITY AND HUMANITARIAN CULTURE: PROBLEMS OF
INTERACTION IN THE CONTEXT OF MODERN
EDUCATIONAL SPACE**

O.N. Lushnikova

This article discusses the formation of the young generation in crisis sociogenic risks that threaten cultural values and national security of Russia XXI century. The author investigates the conditions under which the educational process organized in schools and universities, has great potential for the formation of civil and spiritual and moral position of pupils and students, and is both a process of directed spiritual development, education and self-improvement.

Key words: personality, culture, humanitarian, educational space, citizenship, spiritual and moral education.

Современный мир насыщен острыми противоречивыми проблемами, одной из которых является проблема становления молодого поколения в условиях кризиса, социогенных рисков, представляющих угрозу культурным ценностям и национальной безопасности России XXI века.

Каково духовно-нравственное состояние молодежи России? Как помочь гражданскому становлению молодого человека? Как спасти и отвести угрозу опасности – бездуховности и безнравственности? Какую роль в этом играет отечественная гуманитарная культура?

Социально-нравственный портрет современного молодого человека имеет сегодня совершенно новые характеристики. Всё с большей ясностью проступают в этом портрете ростки как нравственного, так и безнравственного, – ростки, по сути, того, что так щедро (или скупно) подпитывалось в юношеской душе всем ее окружением: и социумом, и родителями, и педагогами. И не секрет, что порой в этом портрете цветёт пышным цветом не высшая, а низшая природа человека с её необузданными эмоциями, страстями, страхами, самомнением, жестокостью, эгоизмом.

В начале третьего тысячелетия в истории России наступает новая эпоха – эпоха духовно-нравственных ориентиров в политике государства, эпоха формирования нового человека. И возрождение России связано не только с решением политических, экономических, социальных проблем, но, прежде всего, с воспитанием и просвещением человека, формированием у него гражданских и духовно-нравственных качеств, соответствующих исконной русской ментальности.

Мы работаем в условиях такого сокрушительного духовного и нравственного слома, который в России вряд ли когда-либо наблюдался. Все, что наработано веками подвижниками духа и совести, летит под откос, все исконно народное, традиционное выхолащивается, теряет силу примера или запрета, в том числе «великий и могучий» русский язык. Он словно теряет почву, живительный гумус, корни его повисают в иссушающем и зараженном воздухе, а прежде он вольготно произрастал и ветвился в оазисах русской изящной словесности.

Ключевой вопрос о судьбах культуры в современной России – в первую очередь это вопрос гуманитарной культуры. *Что же такое гуманитарная культура?*

Гуманитарная культура в нашем понимании – самое богатое наследие в мире, самое влиятельное на душу учение о добре, самые чудные страницы о детстве и юности. Это могучая духовная защита, опора и очень чуткий, надежно выверенный историей и национальными традициями культурный компас – ограда от зла, тьмы и нищеты душевной и духовной...

«Дьявол с Богом борются, и поле битвы – сердца людей» – эти слова Достоевского будут вечным эпиграфом к человеческой жизни. В каждом человеке сидят два существа: одно – низменное, животное и второе – возвышенное, духовное. И человек есть тот из двух, кому он отдается.

Если так называемая реформа образования, которая сейчас предпринята, будет продолжаться и работать, то есть если русская литература будет изъята из общеобразовательных, базовых предметов и от ее изучения будет оторвано изучение русского языка, то язык через некоторое время будет изуродован окончательно, превратится во что-то

другое, а души человеческие будут импотентные души. Потому что во всем мире цивилизация подавляет культуру.

Ведь есть разные понимания цивилизации и культуры. *Цивилизация* – это *сфера создания удобств* для человека, а *культура* – это *сфера возделывания самого себя*. То есть цивилизация – это делать лучше *себе*, а культура – это делать лучше *себя*.

Так вот, сейчас культура в этом смысле не просто уходит, а подавляется и вытесняется самым активным образом. Если всех опросить и объяснить всем, что происходит: что такое ЕГЭ, что такое выведение литературы и сомнительные эксперименты с сочинением, что такое Болонская система, большая часть народа, 90%, как минимум, скажет «нет», потому что у нас такой менталитет. Русский человек без гуманитарного начала, гуманитарного в широком смысле – без *человеческого* начала просто не существует, он превратится в бандита, отморозка, нелюдь. Потому что русский человек очень талантлив и очень широк, и если его не пускать вверх, то он упадет вниз, и падение будет великое, как сказано в Евангелии [1, с. 21].

Можно смело сказать, что совершается преступление национального масштаба – уничтожение русского менталитета. И эти вопросы все время возникают, потому что Россия – особое место на Земле, и особая культура, и особая нация, в широком смысле, не в этническом, а культурном. Ине зря исторически недавно это место получило название *heartland* – «сердечная область». Мы – не по своим достоинствам, а просто по своему характеру, данному Господом Богом, – являемся не только резервуаром некоторой духовности, которую так и не могут понять. Россия – это еще и некоторое пространство, «сердечная область», без которой человечество не будет существовать [1, с. 23].

Совесть утверждалась нашими писателями как основная мера всех вещей. Не частные вопросы, но важнейшие, всеобщие – волновали сознание и душу творцов русской литературы.

Вот почему русская литература задачу свою и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих. Вот откуда идет и признание совести мерилom всех жизненных ценностей. Свое творчество русские писатели осознавали как служение пророческое.

Это чутко воспринял и точно выразил Н.А. Бердяев: «В русской литературе, у русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира ... вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира» [2, с. 322].

Наша литература запечатлела в слове и образе религиозный опыт русского человека: и светлый, и темный, и спасительный, и опасный для

души. Опыт веры и безверия (философские и религиозные поиски Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.) [3, с. 3].

Образование – длительный этап жизни человека, в эти годы он не только обучается, но и формируется как личность вне школы, вуза – дома, с друзьями, в контактах с родной природой и малой родиной, осмысляя человеческую жизнь вообще. Самый верный компас личности в трудную пору ее становления – это извечные заповеди добра и совести, которые так щедро вобрала в себя русская литература.

В современных условиях на литературу возлагается особая миссия – воспитание духовно-нравственной личности, обладающей высокой степенью сознания себя гражданином России. В общественной атмосфере сегодняшнего дня, когда романтизм не в моде, когда бескорыстие, милосердие, доброта, патриотизм стали дефицитом, духовно-нравственное и гражданское возрождение человека – это проблема, от решения которой зависит будущее страны.

Русская литература всегда была гордостью, совестью народа, потому что для нашей национальной психологии характерно повышенное внимание к душе, совестливости, к яркому и меткому слову, которым можно убить и воскресить, втоптать в землю и вознести до небес. Литература полифункциональна по своим целям и задачам, полифонична по содержанию: в ней звучат голоса писателей, исторических эпох и литературных направлений. В художественных произведениях поднимаются вопросы этики, эстетики, политики, а иногда даже стратегии и тактики боевых сражений. Но самое главное – проблема души и духа отдельного человека и целого народа.

«Велико незнание России посреди России». Эти бессмертные слова Гоголя не только не устарели – они приобретают в последнее время какой-то фатальный смысл.

Чтобы прикрыть и оправдать безграмотность, вводят тесты-угадайки; чтобы не обнаруживать хитроумных нарядов школьной экипировки, не способной прикрыть дыры, притащили из чужих краев единый экзамен. А с родины этого изобретения, этого единого для выпускников школ и поступающих в университеты, все чаще звучат крики о беде: здешние Митрофанушки и после университетов не умеют писать и едва-едва читают по складам. Причину видят в отступлении от фундаментального образования в сторону прикладного, хотя она, конечно, глубже и кроется в самом обществе. «Зачем ума искать и ездить так далеко?» Нет ответа на эти классические вопросы, а есть задание и есть его исполнение. И еще: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Кто мог бы представить, что слова эти, должны говорить о величии России, могут быть применены к ее возвратному ходу, к пресмыкательству перед

другими народами и государствами, которые прежде уважительно посторанивались и уступали ей дорогу!

Но для того, чтобы принять в себя богатство мировой культуры и науки не для складирования только, а для питания и развития, материя души у русского человека должна быть русской и православной. Такими были в совершенстве своей личности Ломоносов, Менделеев и Вернадский, Пушкин и Тютчев, Толстой и Достоевский, Бунин и Куприн. Русскими остались тысячи и тысячи ушедших на чужбину после гражданской войны, удивляя просвещенные страны, такие, как Франция и Германия, неповрежденностью и цельностью своих ярких талантов. «А за то, что нас Родина выгнала – мы по свету ее разнесли» – да, разнесли и души, и песни, и особенности нашего быта, и уживчивость, и говор, и веру [4].

Русский язык, отечественная словесность и отечественная история – когда бы оберечься этим триединством в их нераздельности, да еще с молитвой, – встали бы мы на путь спасения.

Хрестоматийные слова Тургенева о русском языке хорошо известны, мы в свою пору заучивали их наизусть, но такое ощущение, что именно для нашего, настоящего времени и вызрели они в полном смысловом звучании. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины (разве мы не на пике этих сомнений и раздумий?) ты один мне поддержка и опора (разве не так?) о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?!». Не будь тебя – кажется, и дыхания уже не было бы... Как это верно и какая это живительная поддержка всех поколений русского человечества, которую не оболгать и не запретить, не спрятать и не убить, хотя и пытаются оболгать, хотя и пытаются переговорить и перекричать иными наречиями, зачернить грубостью и дикостью.

И все это было бы ничего, не опасно и никакого вреда нашему языку принести не могло бы... если бы мы читали. А читают у нас все меньше. Если бы, как в чистилище, заглядывали мы каждый день в книгу безупречной чистоты и восстанавливали свое дыхание и кровообращение, свое богоданное чутье на хорошее и плохое... Чтение доброго и прекрасного, вздымающего душу, – это тоже молитва, пусть и мирская, но совсем теперь близкая к божьей...

Пушкин во имя красоты, гибкости и чуткости русского языка снял с него некоторую оскомину церковно-славянского, но не вывел из храма и умел настроить свою лиру на молитвенный лад. Этот лад не покидал потом никого из наших больших мастеров, однако требовал все той же настройки.

Вольно или невольно, это особый разговор, мы подошли сегодня к черте, когда школа становится не частью жизни, одной из многих частей,

а последней надеждой на наше национальное существование в мире. Никогда еще так не нуждалась школа в грамотном учителе – грамотном не только в своем предмете, но прежде всего и свыше всего, в науке отечественного обоняния и осязания, с которых начинаются **гражданство, духовность и нравственность**. Школьное образование сегодня – это служение, и служение тяжкое до самоотвержения и креста, и кто не готов к нему, тому лучше отойти в сторонку и заняться другим делом. Сегодня еще не поздно, есть все признаки того, что и со школьных парт, и в вузовских аудиториях чают и ждут такого учителя. В последнее время мы часто вспоминаем нижегородское ополчение, спасшее Россию в Смуту XVII века – новая смута теперь закрадывается в нас самих, в народ наш, пришла пора вставать против нее, мобилизуя все сохранившиеся у нас здоровые силы. Хватит оглядываться с опаской, что подумают о нас, хватит – надо думать о своем спасении, никто в этом жестоком мире нам его не подарит. Как говорил Достоевский: *«Как только мы почувствуем себя русскими и православными, тотчас все и устроится»*.

«Русский язык может быть спасен лишь в том случае, если видеть в нем не только средство элементарного общения, но и путь познания себя и своего народа, его психологии, этики, морали, веры, исторической поступи и, в конце концов, его души. Как народ выговаривает себя в устной и письменной речи, того он и стоит. Обезличенный народ скажет о себе немного. Если бы мы задались целью самоспасения, нам бы и в голову не пришло изгонять из школы русский язык и литературу – нам бы, напротив, потребовалось расширить их познание, потому что все остальные науки могут ложиться только на этот фундамент» [5, с. 143].

Великая русская литература, так и не ответившая на шукшинское «что с нами происходит?», может дать надежду на духовное обновление. При условии, что она докопается до причин деградации, нравственного кризиса, до сути механизмов, с помощью которых в человеке научились убивать совесть.

В бурное время гаснут маяки, свергаются идолы, линяют герои, но у нас есть опора – великая русская литература. Ее высокая мораль и жертвенность. Ее несравненная человечность, сострадание и всегда свет в конце самого мрачного и темного туннеля.

В воспитании души, пробуждении духовности не случайно главная роль принадлежит предметам гуманитарного цикла, а среди них особая – литературе – виду искусства, в котором слово отражает мир: внешний, окружающий человека, и внутренний, живущий в нем самом. Русская литературы всегда отличалась необыкновенной чуткостью к решению нравственных вопросов. Русская классика – это проповедь человечности, добра и поиски путей, ведущих к нему.

Духовная близость между преподавателями и учащимися определяется не только профессиональным общением друг с другом, а степенью их открытости и одухотворенности.

Пространство духовно-нравственного воспитания – это пространство жизнедеятельности школьника, студента, педагогически организованное на началах российской духовности и общечеловеческой нравственности. Определение духовности и нравственности главными составляющими в формировании личности, выдвижение гражданского и духовно-нравственного воспитания в качестве национального приоритета являются ключевыми в модернизации современного российского образования.

Важнейшая задача школы, вуза – воспитание личности. Личностью мы можем назвать того, кто истинно способен чувствовать себя человеком, кто ощущает своё высокое человеческое достоинство и одновременно осознаёт глубокую причастность к людям, к Отечеству, к народу. Истинная личность – это тот, в ком мощно выражены собственно человеческие качества – совести, чести, воли и стремления к Высшим ценностям; без человеческих качеств, без стремления к Высшему началу сила человека становится силою зверя. Поэтому сильная, волевая натура не всегда личность. Личность – это тот, кто в человеческих формах отстаивает свое право на уважение своей самостоятельности, своей духовной свободе и вместе с тем видит себя частью чего-то более высокого и значительного, чем он сам, ощущает себя, как говорили предки, созданным по образу и подобию Божию.

Образовательный процесс, организуемый в школе и вузе, имеет большой потенциал для формирования гражданской и духовно-нравственной позиции учащихся и студентов и является одновременно процессом направленного духовного развития, образования и самосовершенствования.

Чтобы обеспечить юным условия здоровой и духовно полноценной жизни, считает В.И. Слободчиков, необходим взрослый человек. Это аксиома, не требующая доказательства. Можно сказать, что "собственно человеческое в человеке" – это всегда Другой человек. Иными словами, именно взрослые обеспечивают ребенку презумпцию человечности — право и возможность стоять на человеческом пути развития, по мере взросления становиться действительным автором собственного развития [6, с. 13].

Взросление – дело трудное и даже болезненное. Если воспрепятствовать развитию человеческих способностей, ребенок может превратиться в карикатуру на человека или чудовище. К сожалению, иногда случается и такое. Если детскую душу ранить, или оставить в запустении, или, воспользовавшись его неискушенностью, вовлечь в пагубу, ребенок заболевает.

В известных с детства сказках (будто написанных на злобу дня сегодняшнего) это называется *колдовством*. Как тут не вспомнить Иванушку, который ослушался сестрицу и напился из болота; героя сказки Андерсена – Кая, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, и сердце его оледенело; братьев, превращенных в диких птиц. Метафоричность потери человеческого облика будто списана с реалий дня сегодняшнего – с уже привычными нарицательными обобщениями: наркоманы, ущербные, "отморозки". На некоторых детей тень «колдовства» падает с рождением. О них мы говорим «дети с особенностями развития», дети группы риска. Чтобы расколдовать ребенка, помочь ему обрести дух полноценной человеческой жизни, необходим близкий – Другой человек.

Кто это? Семья – любящие родители, добрая бабушка, мудрый, героический дед; талантливый педагог, учитель, тренер, взрослый друг и наставник – кто бы ни был, этот Другой человек, он непременно должен быть Личностью, ибо только характером можно образовать характер, воля закаляется волей, настоящие чувства вызывается только такой же Любовью и искренностью, т.е. Личность воспитывается Личностью, а Звезды зажигают только Звезды.

Молодое поколение – это наша смена, от того, каким оно будет, зависит наше будущее. Важно не разорвать ту невидимую связь времен, соединяющую век нынешний и век минувший, не потерять то главное, что составляло и составляет стержень духовного наследия отечественной культуры, что делает растущую личность поистине духовно богатой, нравственно просвещенной, или духовно-нравственно здоровой, то есть граждански зрелой, способной принять в дар все богатое культурное наследие, осмыслить его, освоить и приумножить.

Библиографический список

1. Непомнящий В.С. «Нет истины, где нет любви». Из интервью с В.С. Непомнящим. //Человек без границ. №10. 2009. С. 21.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 322.
3. Дунаев М.М. Православие и русская литература в 6-ти частях. Ч. I-II. М., Христианская литература, 2001. С.3-17.
4. Распутин В.Г. Роль литературы в образовании и православном воспитании // Доклад на XIV Рождественских чтениях. Отдел религиозного образования и катехизации. РПЦ. URL: <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения: 15.12.2014).
5. Кожемяко В.С. Валентин Распутин. Боль души. М.: Алгоритм, 2007. С. 143.
6. Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. 2008. №9. С. 13-20.
7. Зубов Д. Пушкин в переводе на «новый русский» //Человек без границ. №10. 2009. С. 1.
8. Лихачев Д.С. Письма о добром. СПб.: Изд-во Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 1999.

УДК 316.334.56(470+571)(082)

ЛИЧНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Н.П. Лысикова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: 450885@list.ru

Статья посвящена анализу взаимосвязи личности и города. Специфика развития современного города, позитивные исторические идеи позволяют выделить необходимые компоненты успешно развивающегося города. Они связаны с поддержкой и сохранением нравственных и поведенческих норм, культурных ценностей, исторического ландшафта, достойного имиджа города и горожан, экологической устойчивостью.

Ключевые слова: город, личность, развитие, ценности, современность, культура, образование, традиции, нормы.

A PERSONALITY AND THE DEVELOPMENT OF THE CITY: SOCIOCULTURAL APPROACH

N.P. Lysikova

This article analyzes the relationship of the individual and the city. Features of the development of the modern city, the positive historical ideas allow to allocate the necessary components to successfully developing city. They are connected to the support and preservation of moral and behavioral norms, cultural values, historical landscape worthy image of the city and its citizens and environmental sustainability.

Key words: city, personality, development, values, modernity, culture, education, traditions, rules.

Город, как и человек, имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Современный город представляет социальную общность, целостную социальную систему, некоторую совокупность человеческого существования, которая претерпевает особенно в обществе риска значительные изменения и трансформации. В едином географическом пространстве в настоящее время сосуществуют различные его модели, начиная с традиционного города до города модерна, постмодерна, транзитивного города. Высокие требования предъявляются к городу как к месту проживания, размещения инвестиций, строительства и эксплуатации промышленных и культурных объектов, к его экологической, релаксационной, туристической, транспортной, повседневной привлекательности, что в совокупности обуславливает значительный научно-исследовательский интерес к данному феномену.

Различные аспекты изучения города, позволяющие рассматривать его как динамический и статический объект исследования, выявляют причины и направленность социокультурных изменений данного феномена во времени, определяют его структуру и закономерности функционирования как целого. Из чего следует, что, с одной стороны, город представляет конгломерат проживающих в нем жителей, объединенных в определенные семейные, учебные, производственные, профессиональные, культурные, партийные, конфессиональные, национальные и иные группы. При этом отношения между членами группы определяются традициями, родством, экономическими, политическими, культурными, профессиональными, досуговыми интересами, идеологическими приоритетами, которые воплощаются в планах, программах, уставах, проектах и определяют настоящее и будущее существование города и его жителей. С другой стороны, город можно исследовать как иерархизированную систему экономических, политических, социокультурных закономерностей, которые не всегда осознаются в полной мере горожанами, руководствующимися в своих действиях, поступках, решениях как бессознательными, так и биосознательными, и социосознательными факторами.

Представляется актуальным исследование социокультурного аспекта современного города с проекцией на будущее его развитие исходя из принципов целостности, системности, дополнительности, историчности. Так, деятельность на основе нравственных поведенческих норм и культурных ценностей объединяет горожан в единое социальное целое и открывает реальные горизонты динамично развивающегося города и личности. М. Вебер в связи с этим справедливо замечает, что «культурный человек и, в частности, исследователь не может изучать мир, не оценивая его, не наделяя его смыслами. Вопрос о том, какая из ценностей является определяющей в познании, – не результат субъективной оценки, а отражение духа времени, духа культуры, и этот факт фиксируется в науке и в ее понятиях» [1, с. 505-506]. К основным ценностям, составляющим поликультурный базис и определяющим поступательное развитие города и личности, относят:

- общечеловеческие ценности (свобода, справедливость, истина, красота, добро);
- социальные ценности (отчизна, гордость, уважение, патриотизм);
- национальные ценности (культура, история, родная земля, чувство малой родины);
- семейные ценности (уважение к предкам, дети, взаимосвязь поколений, традиции, домашний очаг);
- личностные ценности (жизнь, судьба, любовь, семья, работа).

Для ориентации городского сообщества и отдельной личности на данные ценности необходима не «лозунговая», а индивидуально-

личностная мотивация сохранения и реализации культурно-ценностного образца и нравственной нормы, осуществляемая, в первую очередь, через социальные институты семьи, культуры, образования, религии. Следует согласиться, что «в конечном счете, будущее человека и человечества определяется не только возможностями науки и технологии, но и тем, какие ценности готовы отстаивать те, кто живет и действует сегодня» [2, с. 16].

Обратимся к историческим примерам, фиксирующим нормы и ценности, позволяющие городу и его жителям в настоящее время и в будущем успешно развиваться и жить в комфортной экологической среде. История показывает, что предметом особой гордости остаются культурно-значимые и природно-значимые объекты: исторические ландшафты величественных русских городов, привлекающих множество русских и зарубежных ученых, любителей старины, туристов, путешественников, стремящихся ближе познакомиться с русской историей и культурой. Контрастируя с повседневной средой большинства городов, стилизованная форма исторического ландшафта привлекает своей художественной и эстетической ценностью, удовлетворяет социальные и психологические потребности в изменении визуальных форм поверхностного слоя предметного мира. Так, в Новгород приезжают, чтобы увидеть его культурные памятники, «пройтись по его земляным валам, выехать на Ильмень и посмотреть оттуда на город, посетить Нередицу и Липну, побывать в Антониевом и Юрьевом монастырях начала XII в. полюбоваться фресками Феофана Грека в церкви Спаса на Ильине, посмотреть русские росписи церкви Федора Стратилата и церкви Рождества на Кладбище, посетить Музей с его богатейшей коллекцией новгородских икон». Д.С. Лихачев справедливо называет Новгород «городом-лекторием», в котором «учатся русской истории, учатся понимать русское искусство, учатся патриотизму» [3, с. 148].

Другой, не менее ценной исторической идеей, связанной с развитием города, популярной на рубеже XIX-XX вв., является идея создания города-сада. Реализация данного проекта осуществлялась не только в архитектурно-инженерных, но и социальных решениях. Город-сад противопоставлялся промышленному городу, урбанистическому центру с его теснотой, суетностью, не отвечающему требованиям экологии, наполненному социальными противоречиями. Данная идея особенно успешно реализовывалась в строительстве южных приморских городов-курортов в Ласпи, на мысе Сарыч, в Форосе и других. Так, в Симеизе дремлющая история старинных вилл, пансионатов, дач в сочетании с яркой и печальной архитектурой русского модерна, наполненного силуэтами и орнаментами, выполненными в мягких, изогнутых линиях, напоминающих выющиеся растения, в полной мере отвечали идее города-сада, в котором роскошная природа занимала наиболее значимую часть пространства. В

«концептуальном модерне» учитывались индивидуальные вкусы заказчика, «не столь абсолютно отвергались исторические и этнические архитектурные мотивы», а «органично переработанные классические формы воплотились в ретроспективной стилистике неоренессанса и неоклассики» [4, с. 45]. В архитектуре города-сада нашли свое место элементы мусульманского зодчества, архитектуры восточных деспотий, Дальнего Востока, традиционной для Крыма балкано-малоазийской строительной традиции, а также контуры начала грядущего конструктивизма.

В настоящее время большинство людей проживают в городах, некоторые из которых насчитывают от 10 до 25 миллионов и насыщены высокими технологиями. С ростом урбанизации увеличивается подчиненность горожан ритмам и давлению мегаполиса с его жесткими культурными, коммуникативными, поведенческими и правовыми нормами, религиозными канонами, оказывающими двойственное воздействие на личность: с одной стороны, освобождающее, гуманное, прогрессивное, с другой стороны, подавляющее, антигуманное, регрессивное. Особенно в сложной ситуации находится некоренное население, привыкшее к иным стандартам и нормам. Испытывая прессинг «тисков большого города» оно может постепенно «потерять себя», свою индивидуальность, самобытность, культуру или, наоборот, агрессивно отреагировать на него. Так, возникновение многочисленных молодежных субкультур и контркультур связано с невозможностью значительной части молодых людей удовлетворить свои культурные, социальные и иные потребности, увеличением периода обучения, а, следовательно, социальной и финансовой зависимостью, невозможностью самоутвердиться, быть понятыми, услышанными, поиском собственной формы самовыражения.

Для изучения и решения проблем адаптации личности к условиям агрессивной городской среды в 90-е годы прошлого века сформировалось новое направление научного исследования – городская этология. В центре ее изучения находятся разные аспекты жизнедеятельности современного человека: поведение в транспорте, местах отдыха, учреждениях культуры, взаимодействие «отцов и детей», мужчины и женщины, взаимоотношения в производственных коллективах, семье, с родственниками, коллегами, друзьями, незнакомыми людьми. Объектом исследования городской этологии становятся также молодежные субкультуры, в том числе связанные с «мультирелигиозным постмодернизмом», созданием новых религий, экстремальных видов спортивной, музыкальной, туристической, поисковой деятельности [5, с. 25].

Исследования показывают, что современному человеку совсем не безразлично, с каким городом связаны его судьба, учеба, работа, семья, как его город воспринимают и оценивают жители других городов, регионов,

стран. В начале прошлого века П.А. Сорокин, анализируя отличительные черты городского образа жизни в сравнении с сельским, подчеркивал трудную приспособляемость человека «с его инстинктами и рефлексиями» к сложным и противоречивым условиям мегаполиса. «Город, – утверждает ученый, – явление сравнительно недавнее в истории человечества, особенно современный индустриальный город. Люди в течение тысячелетий адаптировались к деревенской среде обитания, а не к городской. Перенесенный, однако, волею истории со всем своим багажом старых инстинктов в город, человек ощущает себя лежащим на «кровати из гвоздей», к которой его рефлекторная система отнюдь не приспособлена» [6, с. 287]. Отметим, что в настоящее время адаптационные процессы личности к городской среде усложняются в связи с усилением ее техногенности, информационной насыщенности, рисковости, приобретая особую интенсивность, напряженность, проблематичность.

Процесс адаптации личности к городской среде влияет и на изменение социальной идентичности, которая включает совокупность представлений и социальных установок (аттитюдов), отражающих оценку горожанином своих возможностей активного или пассивного приспособления к существующим условиям города, восходящей или нисходящей мобильности, а также собственным возможностям стабилизировать социокультурную ситуацию. Идентичность фиксирует не только место личности в городской среде в настоящее время, но и будущее социальное, профессиональное, карьерное, культурно-образовательное перемещение в ней. Следует согласиться, что «социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные непривычные воздействия. Происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа... к групповым солидарностям, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было определенного вектора» [7, с. 171].

Каждому жителю города приходится постоянно играть множество социальных ролей, выполнять многочисленные функции, предполагающие наличие определенных прав и обязанностей. Для успешного выполнения этих непростых задач важно учитывать ведущие компоненты городской среды обитания, которые влияют на визуальный образ социальной роли, благодаря чему она воспринимается и оценивается как идентичность конкретного горожанина или жителя определенного региона: москвича, петербуржца, туляка, ростовчанина, пермяка, волжанина, сибиряка, южанина.

Важной составляющей настоящего и востребованного будущего города, которая определит его место в иерархии других городов, привлекательность для проживания, финансово-экономического, торгового, культурно-образовательного развития, остается экологическая

надежность. Без экологически безопасной городской среды, по нашему мнению, сложно прогнозировать привлекательность города для постоянного проживания в нем человека, работы, учебы, создания семьи. Это тем более актуально, что место природного компонента в городской среде постоянно изменяется, потому что природа испытывает все возрастающее антропогенное влияние и постепенно приспособляется уже к катастрофическому уровню, а что-либо изменить в этой критической ситуации может только сам человек.

Таким образом, рассмотрение социокультурного аспекта развития современного города, анализ перспективных идей относительно городов, привлекательных для жизни, позволяет выделить необходимые компоненты развивающегося города, связанные с поддержкой и сохранением нравственных и поведенческих норм, культурных ценностей, исторического ландшафта, достойного имиджа города и горожан, экологической устойчивости. Развитие данных компонентов является социально необходимым не только для отдельной личности, но и для всех горожан в условиях открытости городского пространства для рыночных отношений, информатизации всех сфер жизнедеятельности человека, привлекательности городского пространства для представителей бизнеса, науки, культуры, искусства, образования, туристов, путешественников из разных городов, стран, регионов. Анализ исторических примеров также демонстрирует устойчивость и практическую состоятельность необходимых компонентов успешно развивающихся городов.

Библиографический список

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990.
2. Юдин Б.Г. Природа человека и его будущее / Человек в современных философских концепциях. Т. 1. Волгоград, 2004.
3. Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983.
4. Симеиз. Симферополь, 2000.
5. Бутовская М.Л., Левашова В.В. Пешеход в эволюционной перспективе // Человек. 2004. №3. С.21-36.
6. Сорокин П.А. Революция и социология // Человек. Цивилизация, Общество. М., 1992.
7. Ядов В.А. Символические и примордиальные солидарности // Проблемы теоретической социологии. М., 1994. С. 125-172.

РАЗВИТИЕ САМОПОЗНАНИЯ ОБУЧАЕМЫХ НА УРОКАХ МУЗЫКИ

Л.Н. Мещанова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tmno2013@yandex.ru

В статье рассматривается современное образовательное пространство школы как средство развитие самопознания обучаемого. Дан анализ цели и задач, содержания урока музыки как базового для развития эмоциональной сферы ребенка, которая, в свою очередь, является приоритетным направлением развития самопознания ребенка.

Ключевые слова: самопознание, обучаемый, искусство, урок музыки, эмоциональная сфера.

THE DEVELOPMENT OF SELF-LEARNERS IN THE CLASSROOM MUSIC

L.N. Meschanova

The article discusses the current educational environment of the school as a means of developing self-learner. The analysis of the aims and objectives, content, music lessons as a base for the development of the emotional sphere of the child, which, in turn, is a priority for the development of self-knowledge of the child.

Key words: self-knowledge, learning, art, music lesson, emotional sphere.

Роль музыки в нашей жизни трудно переоценить. Целостность духовного мира ребенка может быть сформирована средствами искусства, в т.ч. средствами музыки. Именно через восприятие музыки дети познают мир, человеческие отношения, проходят путь познания себя.

Урок музыки в современном образовательном пространстве рассматривается как урок искусства.

Урок музыки как урок искусства выдвигает и чисто педагогические задачи:

- учитель должен думать не о том, чему научить детей, а, как и чем увлечь их;
- урок должен быть целостным;
- знания детям нужно не давать, а извлекать из них;
- предлагаемый путь должен способствовать реализации цели музыкального образования – формированию музыкальной культуры как части духовной культуры, адекватной понятию «музыкальная грамотность», куда входят:

- способность воспринимать музыку как живое, образное искусство, рожденное жизнью и неразрывно с жизнью связанное;
- особое «чувство музыки», заставляющее воспринимать ее эмоционально, отличая в ней хорошее от плохого;
- способность на слух определить характер музыки и ощутить внутреннюю связь между характером музыки и характером ее исполнения;
- способность на слух определить автора незнакомой музыки, если она характерна для данного автора.

Развитие процессов «самости» происходит через восприятие художественных образов, которые побуждают ребенка познавать окружающий мир, свое внутреннее «Я», природу, эмоции, чувства и т.п. Можно отметить, что урок музыки, с одной стороны, отражает художественно-эстетические закономерности музыкального искусства, с другой – обобщает жизненно-музыкальный опыт учащихся, помогая им осознать свои музыкальные впечатления под определенным углом зрения. Таким образом, музыкально-образовательный процесс является содержательным обобщением теоретического и творчески-практического материала, способствует осознанию взаимодействия музыки и жизни, что влечет за собой развитие всех процессов «самости»: самопознание, саморегуляцию и т.д. Взаимосвязь музыки и жизни двусторонняя: «музыка в жизни» рассматривается с точки зрения социальной значимости музыки, ее места и роли в жизни каждого обучаемого; «жизнь в музыке» определяется как специфика интонационно-образного отражения действительности. В каждом уроке эти отношения тесно переплетаются, высвечивается то одна, то другая грань этой взаимосвязи.

Так, от урока к уроку, захватывая все новые и новые стороны постоянно развивающегося и обогащающегося жизненно-музыкального опыта детей, учитель постепенно углубляет отношения «музыка в жизни» и «жизнь в музыке», тем самым, способствуя более яркому воспитательному воздействию музыки. «Музыка и жизнь» становится генеральной темой и сверхзадачей всего художественно-образовательного процесса на уроке музыки как уроке искусства.

С первых уроков учитель должен стараться, чтобы обучаемые слышали и анализировали в музыке выражение внутреннего мира человека, его отношение к жизни, его мироощущение. С этой точки зрения, например, на начальном этапе обучения часто возникает проблема связи выразительности и изобразительности в музыке. Используя примеры музыкальных произведений, дети должны прийти к выводу, что выражаются чувства и мысли человека, а изобразить можно то, что «находится где-то рядом с человеком». Решение проблемы выразительности и изобразительности позволяет ученикам осмысленно исполнять, слушать музыкальные произведения не в музыковедческом,

теоретическом плане, а с точки зрения самого главного в музыке – человечности, мыслей и чувств человека, его отношения к миру.

Вот это и есть главное – развитие самосознания растущего человека в стадии становления его личности: родственное отношение к Миру: постижение взаимосвязи и взаимозависимости природы – человека – искусства.

Таким образом, музыка обращается к внутреннему миру ребенка, более того, к его осознаваемым и неосознаваемым чувствам, мыслям, реакциям, впечатлениям, рождающимся в его душе под воздействием музыки. И одной из главных целей учителя музыки становится помощь ученику в познании себя.

Если говорить о музыкальном искусстве, то, по нашему мнению, дети должны открывать его для себя на каждом уроке, каждый раз пополняя и расширяя свое представление о нем, удивляясь его возможностям и испытывая на себе его влияние.

Что такое музыка?

Зачем она существует в жизни людей на протяжении веков?

И самое удивительное состоит в том, что музыка не имеет пределов для воплощения самых различных чувств, которые она может заставить вас испытать. Некоторые из этих чувств настолько особы, что даже не могут быть выражены словами. Порой мы можем дать название тому, что чувствуем, к примеру: радость, печаль, любовь, ненависть, умиротворение. Но существуют иные чувства, такие глубокие и сложные, что у нас нет для них слов. Именно в этом музыка особенно изумительна.

А как бы Вы ответили на этот вопрос?

Попытайтесь сделать это самостоятельно, не обращаясь к музыкально-теоретической литературе, к высказываниям известных музыкальных педагогов, исполнителей и композиторов, а потом вместе с детьми ответьте на него.

Музыка обращается к внутреннему миру ребенка, более того, к его мыслям, осознанным и неосознанным чувствам, впечатлениям, рождающимся в его душе под воздействием музыки. Главная цель учителя музыки заключается в помощи обучаемому в познании себя. В данном ракурсе учителем могут быть использованы множество психологических и педагогических способов.

К психологическим относятся: рефлексия, релаксация, концентрация, визуализация, самовнушение, аутотренинг.

Использование педагогических способов в самопознании школьника предполагает, прежде всего, развитие эмоциональной сферы ребенка, с использованием наблюдения, анкетирования, опрос, беседу.

Занятия музыкой основной целью ставят себе воспитать через нее волю и чувства ребенка, давая художественно – организованный выход его эмоциональной стихии. Музыка должна научить ребенка свободно и

сильно, одному и коллективно действовать и ощущать. В музыке мы имеем могучее средство, всеобъемлюще захватывающее и организующее эмоциональную сущность человека: в ней человек легче и свободнее всего находит упорядоченный выход своей эмоциональной активности.

Современная педагогика подчёркивает важность адекватного эмоционального развития человека, начиная со школьного возраста. Большинство педагогов и психологов отмечают, что приоритетным аспектом в воспитании обучаемых является именно развитие их эмоциональной сферы (культуры). Культура выражения чувств позволяет судить об общей культуре ребёнка, его воспитанности, идейной и нравственной связи с окружающим его обществом. Поэтому понятие «эмоциональная сфера» гораздо шире, чем понятия «этика», «культура поведения» и «коммуникативная культура», хотя и является её составной частью. Чем ближе человеку мир эмоций, чем шире спектр доступных ему эмоциональных состояний, тем более адекватной будет его эмоциональная реакция на разнообразные жизненные ситуации, тем выше будет его коммуникативная культура, культура поведения, а значит и общая культура. Поэтому на уроках музыки интерес, радость учебного процесса представляет собой главный путь развития самопознания обучаемых.

Первоочередной задачей педагога-музыканта в плане развития самопознания обучаемого на уроках музыки является побуждение ребёнка к эмоциональному восприятию музыки, которое требует внутренней расположенности к овладению новыми художественными состояниями и могут зародиться лишь внутри его личности (все процессы «самости»).

Комплексный характер уроков, основанный на приоритете развития самопознания обучаемого, предполагает использование произведений различных видов искусства: литературы, музыки, живописи, театрального искусства и т.д. Единый образный строй и содержательная общность и настроение роднят эти отрасли человеческого творчества, а педагогически продуманное сочетание произведений разных видов искусства позволяет взаимно усиливать их влияние на личность ребёнка в процессе его художественного воспитания.

Накопление опыта в эмоциональной сфере как основы самопознания может иметь следующие направления:

- развитие способности эмоциональной реакции на различные явления (звуки, краски, природа и т.п.);
- способность к анализу многообразия эмоций;
- способность передачи своих эмоций в художественном творчестве (звуками, красками, пластическими движениями).

Детское музыкальное творчество: сочинение – процесс спонтанного сочинения детьми музыкального произведения. Творческое начало может проявляться в ребятах уже с первого класса: в своеобразии ответов (а не

только их правильности), в стремлении самому задавать вопросы учителю (а не только отвечать на его вопросы), в собственных предложениях о характере исполнения того или иного музыкального произведения, в остроте слуховой наблюдательности, проявляющей себя в рассказах о музыке, услышанной вне школы (между уроками и в каникулярное время) и т.д. и т.п. Творчество проявляется в игровой деятельности, в импровизациях и сочинении музыки на предложенный или собственный сюжет. Детское творчество на уроках музыки, конечно, не искусство, оно представляет собой познавательно-поисковую музыкальную практику. Творчество обучаемых тем и ценно, что они сами открывают что-то новое, ранее неизвестное им в мире музыки.

Наиболее распространенным видом композиторской деятельности школьников считается импровизация. Являясь одним из путей развития творческих способностей, она пронизывает всю музыкальную деятельность обучаемого: в ответе на поставленный вопрос, в инструментальном музицировании и т.д. Ценность детской импровизации как методического приема – не в умении создавать музыкальные конструкции, а в потребности, готовности к выражению душевного состояния, важной мысли, впечатления.

Чтобы творческие проявления детей на занятиях носили целенаправленный, активный и эмоциональный характер, необходим разнообразный комплекс педагогических воздействий, которые выражаются в следующем:

- в особом принципе подхода к отбору музыкального материала для урока, то есть выборе из программы произведений, которые могут стать основой для формирования конкретных творческих навыков и в то же время отвечать общепринятым дидактическим требованиям;
- в использовании специальных форм работы, способствующих созданию на уроке атмосферы творческой активности, заинтересованности, непринужденности (игра, сказка);
- в разнообразии музыкально-художественных импровизаций самого педагога, которых на уроке должно быть не меньше, чем импровизаций учащихся;
- в разработке серий творческих заданий и наиболее эффективных форм их постановки перед детьми;
- в умении вводить детское творчество в урок, не перегружая его, при соответствующем усложнении творческих заданий от занятия к занятию.

Музыкально-эстетическое воспитание – то есть воспитание в человеке способности понимать и любить музыку, в частности, а, в целом – красоту в самом широком смысле этого слова, во всех ее проявлениях.

В заключение отметим, что данная тема будет долгое время

привлекать внимание педагогов и психологов, и, особенно, в сфере искусства, т.к. развитие самопознания ребёнка, несомненно, наиболее эффективно может осуществляться средствами искусства, которое несёт в себе множество эмоций, чувств и переживаний.

УДК 378.6

О ПРЕИМУЩЕСТВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ПРОЦЕССУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-МУЗЫКАНТОВ

Е.Н. Новицкая

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: novizkaya@list.ru

В статье рассматривается проблема совершенствования процесса профессиональной подготовки студентов в музыкальном вузе на основе компетентностного подхода, освещается ряд его преимуществ перед знаниево-ориентированной моделью обучения.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, компетенции, профессиональная подготовка музыканта.

ABOUT THE SUPERIORITY OF COMPETENCE-BASED APPROACH TO TRAINING STUDENTS-MUSICIANS

E.N. Novitskaya

In the article the problem of improving the training of students in the University on the basis of competence-based approach, it highlights a number of advantages over knowledge-based model of learning.

Key words: competence approach, competence, competence, training as a musician.

Интеграционные процессы в мировом сообществе, возрастающая конкуренция, высокий уровень требований работодателей повлекли за собой необходимость реагирования системы высшего образования на нестабильную ситуацию в сфере занятости населения, обусловили реформирование содержания и структуры высшего профессионального образования практически во всех отраслях. Российская система высшего профессионального образования в последнее время четко сориентирована на требования постиндустриального общества, в которых в качестве приоритетных выдвигаются – высокий уровень профессионализма,

академическая и социальная мобильность, готовность к самообразованию и самосовершенствованию, ориентация на требования рынка труда. Однако, в настоящее время имеет место противоречивое отношение к участию отечественной высшей школы в интеграционных процессах. С одной стороны, это участие способствует обеспечению конвертируемости российских дипломов за рубежом, увеличению академической мобильности студентов и преподавателей, даёт возможности приобщения к лучшим научным школам мира, что в конечном итоге может содействовать увеличению экономического потенциала нашей страны. С другой стороны, есть опасность «нивелировки» образовательных систем, в связи с чем, крайне важно сохранение преимуществ и приоритетов, положительных особенностей отечественного профессионального образования.

В контексте современных жизненных реалий во всех сферах жизнедеятельности происходит изменение ценностных ориентаций, что требует нового подхода к подготовке будущего профессионала. Отличительные изменения в характере профессиональной подготовки студентов-музыкантов все более явно ориентируют образовательный процесс на развитие творческой инициативы студентов, самостоятельности, конкурентоспособности, мобильности. В процессе профессиональной подготовки студентов-музыкантов показателем соответствия эталону профессиональной компетентности выступает профессиональная культура будущего педагога-музыканта, которую, по мнению многих ученых, нельзя сформировать, не включив студента в учебно-познавательную деятельность. В процессе образования он должен пройти через последовательность ситуаций, близких к реальным и требующих от него компетентных действий, оценок, рефлексии приобретенного опыта (В.В. Сериков) [1]. Отсюда следует, что профессиональная культура будущего педагога-музыканта, является не только продуктом профессиональной подготовки, но и следствием саморазвития студентов на различных ступенях образования, их личностного роста, целостной самоорганизации культуры личности и культуры деятельности.

Под влиянием новых тенденций структура профессиональной культуры педагога-музыканта изменяется – в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих выступают понятия «компетенция» и «компетентность». В современной педагогике эти понятия официально не разделены, однако, в научных трудах встречаются различные трактовки и классификации компетенций и профессиональных компетентностей:

В общеевропейском проекте TUNING «...понятие компетенций и навыков включает *знание и понимание* – теоретическое знание академической области, способность *знать и понимать; знание как*

действовать – практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям; *знание как быть* – ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте. Компетенции представляют собой сочетание характеристик (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственностям), которые описывают уровень или степень, до которой некоторое лицо способно эти компетенции реализовать» [2].

А.В. Хуторской, применительно к общему образованию, трактует эти понятия так: «компетенция – социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере. Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности, совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним» [3, с 115].

По мнению Н.М. Борытко, компетенция – это наперед заданное требование к образовательной подготовке обучаемого, характеристика его профессиональной роли; а компетентность – это степень соответствия этому требованию, уровень освоения компетенции, характеристика личности человека. Следовательно, подвергается диагностике компетентность, а нормативной моделью для диагностирования является система компетенций [4, с. 65].

Г.М. Коджаспирова компетентность будущего учителя определяет следующим образом – «владение учителем необходимой суммой знаний, умений и навыков, определяющих сформированность его педагогической деятельности, педагогического общения и личности учителя как носителя определенных ценностей, идеалов и педагогического сознания» [3].

Таким образом, отечественные исследователи чаще используют термин «компетенция» для определения границ области действия специалиста, а «компетентность» – для оценки качества его деятельности. Понятие «компетентность» многоаспектно и сложно по структуре. Компоненты компетентности специалиста обладают свойствами вариативности, взаимозависимости, интегративности, кумулятивности, социальной и личностной значимости. Целостные компетентности выпускника характеризуются множеством параметров – социальностью, культуросообразностью, межпредметностью, надпредметностью, системностью, практической ориентированностью, ситуативностью, мотивированностью использования. Процесс профессиональной подготовки студентов должен быть направлен не только на становление базовых компетентностей будущего специалиста, но и на формирование

творческого потенциала развития компетентностей в будущем, в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Профессиональная компетентность будущего учителя музыки – понятие многогранное и вместе с тем, поддающееся измерению в системе профессиональной подготовки студентов-музыкантов. Являясь результатом, как саморазвития, так и той педагогической системы, в которой студент получил общеобразовательную, специальную и профессиональную подготовку, она определяется: *во-первых*, требованиями компетентностного подхода к современному содержанию музыкально-образовательного процесса (формирование интегральных информационных, коммуникативных, художественно-музыкальных способностей; обобщенных навыков культурного поведения и способов организации собственной музыкально-эстетической деятельности); *во-вторых*, необходимостью создания благоприятной развивающей среды для всестороннего становления личности студентов и профессионального самосовершенствования и саморазвития.

В данном контексте в структуру профессиональной подготовки должны входить: ключевые компетенции – относящиеся к общему (метапредметному) содержанию музыкально-педагогического образования; общепрофессиональные компетенции – относящиеся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей; узкопрофессиональные компетенции – частные по отношению к предыдущим уровням и имеющие конкретные описание и возможность формирования в рамках специальных учебных предметов [5]. Показателем эффективности профессиональной подготовки студента-музыканта служит успешность его музыкально-педагогической деятельности, которая, в свою очередь, обеспечивается владением им взаимосвязанной совокупностью ключевых компетенций, формирование которых должно осуществляться на всех этапах профессиональной подготовки в вузе. Каждая из учебных дисциплин, составляющих содержание профессиональной подготовки студентов-музыкантов, должна быть ориентирована на формирование не только определенной профессиональной компетенции, но и становление метапредметных и общепрофессиональных компетенций, способствующих творческому самоопределению будущего педагога-музыканта, актуализирующих и развивающих его социально-культурный опыт.

Формирование вышеназванной взаимосвязанной совокупности ключевых компетенций наиболее целесообразно осуществлять в рамках компетентностного подхода, который представляется результативно-целевым основанием организации учебного процесса в вузе. *Компетентностный подход* – это подход к описанию, оценке и развитию личности, в рамках которого поведение человека рассматривается в качестве проявлений его компетенций. Компетентностный подход имеет сравнительно небольшую историю развития – около 150 лет, однако

сегодня он лежит в основе самых передовых систем образования, например, системы европейского образования. В чем его преимущества?

Компетентностный подход описывает не столько знания и навыки человека, сколько поведение, действия, в которых проявляются знания, навыки и способности – это позволяет напрямую связать применяемые знания с конкретными, измеряемыми результатами деятельности специалиста, а значит понимать причины успеха или неуспеха сотрудника, находить меры, которые позволяют усовершенствовать его деятельность; указывает не только на способность человека осуществлять требуемую деятельность, но и нести за нее ответственность – понимать, каким образом достигается нужный результат, понимать собственные границы и постоянно их расширять – это повышает ответственность сотрудников, их самоуправляемость и самообучаемость. Основная задача компетентностного подхода состоит в том, чтобы научить человека управлять собственными знаниями, навыками и умениями, то есть уметь самообучаться и саморазвиваться.

Компетентностный подход в процессе профессиональной подготовки студентов выдвигает на первое место не информированность студента, а умения решать проблемы, возникающие – в познании и объяснении явлений действительности; при освоении современных технологий обучения; во взаимоотношениях, в этических нормах, оценке собственных поступков; в практической жизни при выполнении социальных ролей; в правовых нормах и административных структурах; в потребительских и эстетических ценностях; в овладении профессией в высшем учебном заведении; в умении ориентироваться на рынке труда; при рефлексии собственных жизненных проблем; в самоорганизации себя, выбора стиля и образа жизни; разрешения конфликтов. Данные векторы исследования компетентностного подхода нашли отражение в многочисленных работах, отечественных педагогов (В.А. Болотов, И.А. Зимняя, В.В. Краевский, В.В. Сериков, А.В. Хуторской, Т.И. Шамова и др.).

Компетентностный подход определяется отечественными учеными как «один из наиболее актуальных на сегодняшний день способов построения новой (гуманистической) парадигмы образования» [6]. Выбор компетентностного подхода в качестве основного механизма модернизации российского вуза в XXI веке определяется рядом его *преимуществ* перед знаниево-ориентированной моделью обучения. В процессе профессиональной подготовки студентов-музыкантов компетентностный подход позволяет:

1. эффективно формировать не только знания, умения и навыки, но и личностную, а также профессиональную компетентность будущего педагога-музыканта. Как правомерно подчеркивается в документах ЮНЕСКО, специалистам «все чаще нужна не квалификация, которая с их точки зрения ассоциируется с умением осуществлять те или иные

операции материального характера, а компетентность, которая рассматривается как своего рода коктейль (совокупность) навыков, свойственных каждому индивиду, где сочетаются квалификация в строгом смысле этого слова, ... социальное поведение, способность работать в группе, инициативность и любовь к риску». Таким образом, главное преимущество компетентности от традиционных требований к профессиональной подготовке студента-музыканта заключается в том, что приобретаемая компетентность является интегральной характеристикой уровня его универсальной и профессиональной квалификации;

2. другое преимущество компетентностного подхода в исследуемом процессе – его направленность на результат образования, а не на процесс. В этих целях в образовательные программы подготовки специалистов-музыкантов и учебные курсы должны изначально закладываться дескрипторы, т.е. четкие и сопоставимые параметры описания того, что студент будет знать и уметь к окончанию высшего учебного заведения, а также проявления в поведении навыков и качеств, по которым можно будет легко определить наличие компетенции;

3. еще одно преимущество, а точнее – достоинство компетентностного подхода заключается в том, что в процессе профессиональной подготовки музыкантов приоритет отдается формированию у студентов умений применять полученные знания в практической деятельности, а также в различных профессиональных и жизненных ситуациях. В этой связи особое значение в обучении приобретают различные исследовательские технологии, а также инновационные для специализированного вуза эстетической направленности – игровые, проектные, имитационно-моделирующие;

4. и, наконец, в отличие от знаниево-ориентированной модели в рамках компетентностного подхода большое внимание уделяется формированию у студентов-музыкантов надпредметных или универсальных компетенций, которые приобретают особое значение в современном мире.

Концептуальную основу проектирования целей и содержания профессиональной подготовки студентов-музыкантов в рамках компетентностного подхода составляет система *принципов*:

- принцип использования международных стандартов многоуровневого образования с учетом российских образовательных традиций и национального менталитета;
- принцип акмеологической ориентации (на наивысшие достижения и наиболее результативные способы деятельности);
- принцип технологического обеспечения уровня компетентности в соответствии со стандартами данной ступени образования;

- принцип задания обучаемым ориентировочной основы выполнения профессиональной деятельности на уровне базовых компетенций для каждого уровня (ступени) образования;
- принцип сочетания образовательного стандарта с вариативными (индивидуальными) образовательными маршрутами студентов;
- принцип единства обучения и саморазвития будущего специалиста-музыканта как условия становления его профессиональной индивидуальности.

Содержание профессиональной подготовки студента-музыканта в условиях реализации компетентностного подхода задается в виде описания системы компетенций для каждого уровня образования (бакалавриат и магистратура), снабженного диагностическим (контрольно-измерительным) инструментарием. Структура содержания (для каждой базовой компетенции) включает: ориентировочную основу компетентного исполнения в различных видах деятельности; концептуального знания о сущности процесса и виде деятельности; набора апробированных в собственном опыте способов деятельности (мыслительных, организационных, коммуникативных, информационных, исполнительских и др.); опыта выполнения этой деятельности в проблемных условиях (при неполноте задания условий задачи, дефиците информации и времени, непригодности известных вариантов решения и др.); опыта рефлексии и самоконтроля своих действий на основе знания образцов и критериев эффективности.

Дифференциация уровней профессиональной подготовки (в многоуровневой системе) основывается на проектировании различных уровней компетентности, достигаемых студентом. Степень бакалавриата обеспечивает овладение общекультурным компонентом профессионального образования (ключевыми компетенциями), а также ориентировочной основой будущей профессиональной сферы, готовности к решению профессиональных задач на уровне требований современной музыкальной профессиональной среды (базовыми компетенциями). Степень магистратуры призвана сформировать ориентировочную основу и опыт профессиональной деятельности исследовательского уровня, реализуемый в форме самоорганизующейся системы профессионального мастерства. Если бакалавр соответствует уровню современных профессиональных требований, то подготовка магистра предполагает опережение их, ориентировку на фундаментальные научные, информационные и технологические тенденции и прогнозы в данной узкоспециальной профессиональной сфере.

Цели профессиональной подготовки студентов-музыкантов с точки зрения компетентностного подхода заключаются в следующем: научиться определять цели познавательной деятельности, выбирать источники информации, находить оптимальные пути к цели, оценивать результаты и

самостоятельно организовывать свою деятельность; уметь ориентироваться в ключевых проблемах современности (экономике, политике, межкультурном взаимодействии и т.д.), объяснять явления действительности, их сущность и причины, используя соответствующий научный аппарат; научиться ориентироваться в мире духовных ценностей., научиться решать проблемы, связанные с реализацией разнообразных социальных ролей, а также проблемы, общие для различных видов профессиональной деятельности.

Таким образом, компетентностный подход как система выступает в процессе профессиональной подготовки студентов-музыкантов в качестве: методологического регулятива построения и переноса в содержание образования моделей эффективного выполнения будущим специалистом социокультурных и профессиональных функций. Компетентностный подход является теоретической основой построения ориентированного на формирование компетенций содержания образования; системой технологий, обеспечивающих формирование компетенций – ключевых, базовых, специальных, отвечающих требованиям образовательного стандарта; критериальной базой для оценки эффективности и управления качеством профессиональной подготовки студентов музыкального профиля.

Цель внедрения компетентностного подхода в процесс профессиональной подготовки студента-музыканта – формирование эффективного компетентного специалиста-музыканта высокого профессионального уровня. Результатом внедрения компетентностного подхода в процесс профессиональной подготовки студентов-музыкантов должна стать востребованность и конкурентоспособность выпускника на рынке труда, его готовность к эффективной профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования образовательных систем. М.: Логос, 1999. 272 с.
2. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 72 с.
3. Коджаспирова Г.М. Педагогика в схемах, таблицах и опорных конспектах. М.: Айрис-пресс, 2006. 256 с.
4. Борытко Н.М. Диагностическая деятельность педагога: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина, И.А. Колесниковой. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 288 с.
5. Сизова Е.Р. Профессиональная компетентность специалиста-музыканта: структура, содержание, методы развития // Высш. образование сегодня. 2007. С. 36-39.
6. Компетентностный подход. Реферативный бюллетень. М.: РГТУ, 2005.

7. Хуторской А.В. Деятельность как содержание образования // Народное образование. 2003. №8. С. 107-114.

УДК 786.2.071.2

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МОЛОДОГО ПИАНИСТА-ИСПОЛНИТЕЛЯ

Т.А. Палагина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tpalagina@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы творческого понимания содержания музыкального произведения и нахождения средств к его воплощению в процессе исполнения. Приводятся мнения крупных мастеров музыкального искусства по этой проблеме, как зарубежных, так и отечественных. Отдельно выделены и проанализированы творческие исполнительские задачи, решение которых является необходимым элементом воспитания молодого пианиста-исполнителя.

Ключевые слова: творческое понимание содержания музыкального произведения, творческие исполнительские задачи, выбор репертуара, развитие отдельных музыкальных способностей, музыкальный кругозор.

CREATIVE TASKS OF A YOUNG PIANIST-PERFORMER

T.A. Palagina

The article addresses the issues of creative understanding of the content of a musical piece and finding the ways to implement it in the course of performance. The article includes opinions of major experts of musical art on this issues, both foreign and national. The article separately distinguishes and analyzes creative tasks of a performer, completion of which is a necessary element of raising a young pianist-performer.

Key words: creative understanding of a contents of a musical piece, creative performance tasks, choice of repertoire, development of separate musical abilities, musical horizon.

Анализ исследований, посвященных фортепианной педагогике, позволяют утверждать, что музыкально-исполнительское мастерство складывается из двух начал – творческого понимания музыки и нахождения средств к его воплощению. Как констатирует Л.А. Баренбойм, «к сожалению, фортепианные педагоги очень часто основное внимание уделяют воспитанию второго момента, то есть техники, и идут по пути наименьшего сопротивления: легче производить внешнюю, моторную, физическую работу, чем творчески проникнуть в музыкальное произведение, углубленно его понять. В результате процент учащихся,

имеющих «чем» сказать, обычно значительно выше процента учащихся, умеющих создать художественный образ и имеющих, следовательно, «что» сказать» [1, с. 39].

Мы солидарны с мнением Л.А. Баренбойма, которое отнюдь не означает недооценку значения воспитания исполнительской техники. Однако талантливо чувствующий и понимающий музыку пианист должен обладать средствами для выявления своего творческого понимания. В противном случае музыкант как бы пытается выразить глубокую и красивую мысль, а в результате производит не совсем понятные звуки.

Отметим, что постановка творческих задач перед исполнителем приобретает особую важность. Об этом не раз говорил Б.В. Асафьев: «творчески понять и исполнить музыкальное произведение – значит расслышать и почувствовать в звуках реальные, основные, обобщающие тенденции и конфликты идей, чувствований, мыслей, страстей – все то, что воспринимается как душевная жизнь человечества и что, являясь отражением и выражением сложнейших общественных отношений и будучи трансформировано в ритмах и интонациях, составляет содержание музыки» [2, с. 12]. Говоря о творческом понимании содержания музыкального произведения, следует подчеркнуть, что под этим мы имеем в виду не словесное его описание, а идейно-эмоциональное прочувствование этого содержания. Не вызывает сомнения тот факт, что музыкальную речь нельзя перевести полностью на словесный язык. Музыка оперирует своеобразным языком художественных образов, существует наряду со словесной речью и начинается, как образно указал Л.А. Баренбойм, «там, где кончается воздействие слова» [1, с. 40].

Уточним, что между пониманием музыки неискушенным, неподготовленным слушателем и творческим ее пониманием исполнителем – огромная и очевидная разница. Первый воспринимает лишь общий характер музыки. Но и такое несколько обобщенное эмоциональное переживание музыки имеет для неподготовленного слушателя свою несомненную прелесть и оказывает на человека определенное эмоциональное воздействие.

Но от подобного восприятия до творческого понимания музыки художником-исполнителем – большая дистанция. И в одном, и в другом случае мы имеем дело с музыкальным переживанием, но характер этого переживания различен. Творческое понимание музыки исполнителем требует ясности, порядка, стройности.

Творческое понимание музыки исполнителем – это результат непосредственного эмоционального восприятия произведения и осознания его в целом и в деталях [3, с. 39]. Лишь на этой почве может вырасти подлинное понимание и прочувствование музыкального произведения исполнителем. Лишь теперь возможен мгновенный «синтетический охват» произведения, столь важный для исполнителя. Лишь теперь, поняв умом и

чувством содержание произведения, исполнитель может грамотно и эмоционально выразить его, найти для него форму, в которой бы выразилось все многообразие сущности произведения.

По меткому выражению Г.Г. Нейгауза «неискушенный исполнитель, изучающий новое художественное произведение, подобен человеку, рассматривающему сквозь утренний туман произведение архитектуры. Густая пелена закрывает здание, и созерцающий смутно воспринимает (и часто неправильно!) лишь силуэт, лишь контуры здания. Постепенно свет рассеивает туман, вырисовываются отдельные чудесные детали и, наконец, из туманной завесы выступает здание во всем величии. Только теперь созерцающий имеет возможность понять, то есть почувствовать и осознать выразительность здания» [4, с. 56].

Дальнейшее изучение трудов Г.Г. Нейгауза позволило выделить две крайности достижения подлинно творческого исполнения музыкального произведения. Одна крайность заключена в том, что если у ученика отсутствует либо недостаточно развито (для этапа его продвинутости и зрелости исполнительского развития) умение осознать в полном объеме всю глубину содержания музыкального произведения, если творческий образ содержит лишь поверхностное музыкальное переживание, то это приведет лишь к подмене понимания сущности музыки ложной выразительностью.

Другой крайностью творческого исполнения является то, что если играющий проделывает излишне кропотливый анализ музыкального произведения, разлагает его на части, – то непосредственность восприятия пропадает, и произведение трудно довести до нового синтетического переживания: произведение, в конечном счете, остается творчески непонятым. Изрезав музыкальное произведение на разрозненные куски и отдав руководящую роль в понимании музыкального произведения хладнокровному анализу, исполнитель перестает ощущать произведение в целом, перестает его понимать и чувствовать.

В педагогической работе при постановке творческих задач перед исполнителем, по мнению Г.Г. Нейгауза, необходимо стремиться к тому, чтобы независимо от уровня исполнительского мастерства ученика его понимание музыки складывалось не только из непосредственного эмоционального восприятия, а также из кропотливой работы музыкального сознания. В результате чего становится возможен целостный охват музыкального произведения во всем его многообразии. На различных этапах развития ученика разница будет лишь в глубине того или другого момента.

Поддается ли воспитанию способность ребенка к творческому пониманию и исполнению музыки? По мнению большинства ученых, занимающихся данной проблемой, ответ на поставленный вопрос

положительный. Однако предел развития творческого понимания и исполнения музыки в каждом отдельном случае индивидуален.

Отметим и разберем наиболее характерные моменты, влияющие на развитие творческого понимания и исполнения музыки.

Творческое понимание музыки, прежде всего, развивается в процессе работы над исполнением музыкального произведения. В авторском музыкальном тексте, собственно говоря, все сказано. Как отмечают исследователи в области музыкальной педагогики, главная творческая задача играющего – понять по авторским указаниям сущность произведения.

Если ученик начинает «придумывать» и вносить «интересные» моменты в подлинное произведение музыкального искусства, то в большинстве случаев это значит, что он не смог разобраться в авторском замысле, не смог его воспринять. Таким ученикам нужно повторить чеховские слова о том, что в пьесе все сказано, нужно только внимательно прочесть ее и помочь увидеть в нотных «иероглифах» вложенный в них художественный смысл и содержание.

Отсюда можно сделать вывод: понимание музыкального произведения должно в него не привноситься, а из него вытекать. Творческая работа исполнителя заключается не в «интересном выдумывании», а в понимании сокровищ авторского текста.

Крупные мастера музыкального искусства превосходно знали, что сложная творческая работа исполнителя заключается, прежде всего, в понимании. Как отмечает Ф. Бузони, это почти сверхчеловеческая задача. Он подчеркивает, что понять – значит откинуть собственные чувства для того, чтобы перевоплотиться в чувства самых разных индивидуальностей и отсюда изучать их творение. Чем ярче такая индивидуальность выражена, тем больше возможностей для созерцания ее глубины.

Вряд ли нужно ко всему сказанному добавлять, что это понимание неизбежно будет иным у каждого исполнителя и что такое «объективно направленное» (термин Л.А. Баренбойма) исполнение не приведет к унификации трактовок.

Каждое музыкальное произведение включает в себе определенный, соответствующий только этому произведению круг идей, мыслей, чувств. Два ноктюрна Шопена при всем их стилевом сходстве имеют различное содержание. Но далеко не всегда это учитывается при работе с учеником над исполнением художественных произведений. Зачастую учащийся усваивает несколько «музыкально-исполнительских» приемов и применяет их без разбора ко всем произведениям, а педагог доволен «музыкальностью» ученика. А между тем эти исполнительские штампы отделяют, отгораживают ученика от понимания музыки, не дают ему возможности расширить свой кругозор, обогатить мысль и чувство. Задача же педагога – стремиться к тому, чтобы ученик понял каждое конкретное

музыкальное произведение. Мы солидарны с мнением Л.О. Гинзбурга, который утверждал: «нет ничего ужаснее исполнения Шопена «вообще» («с душой»), Бетховена «вообще» («героически»), Моцарта «вообще» («солнечно») – исполнения, процветающего и по сей день в некоторых музыкальных учебных заведениях» [5, с. 17].

Так называемая «перегрузка содержания» музыкального произведения нежелательна, как и бессодержательное исполнение.

Рассмотрим, что означает понятие «перегрузка содержания». Это значит, что исполнитель вкладывает в произведение «больше» идей, чувств, мыслей, чем хотел автор. Музыка как бы разбухает, форма ее в таком исполнении становится расплывчатой. Конечно, это утверждение условно, так как по сути дела играющий не понимает истинного содержания исполняемого, и чем «больше» ложных идей, чувств и мыслей вкладывается в музыкальный текст, тем исполнение становится бессмысленнее.

Следующая творческая задача исполнителя – грамотное техническое воспроизведение музыкального произведения, поскольку степень творческого понимания музыки учеником зависит от развития техники его исполнения. Недостатки чисто моторного порядка зачастую задерживают развитие понимания учеником музыки, и, наоборот, развитая техника нередко «подсказывает» ученику правильное понимание авторского замысла.

Как утверждают психологи Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и другие, формы и методы воспитания творческого понимания и исполнения музыки, кроме всего прочего, находятся в тесной зависимости от возрастных особенностей ученика. В музыкальной педагогике часто возникает вопрос: надо ли ставить творческие задачи исполнительства перед ребенком с первых шагов его обучения музыке. Опираясь на фундаментальные труды в области музыкальной педагогики и психологии, можно утверждать, что творческие задачи необходимо ставить перед ребенком с первого же этапа обучения. То есть педагог обязан воспитывать в ученике творческое начало: ребенок должен исполнять и, следовательно, вносить в игру (иногда и бессознательно) свои жизненные переживания.

Но при этом педагог должен помнить, что ни одна научная истина, ни один житейский факт не дойдет до ребенка, если не будет обращен к его воображению, к его чувству [6]. Тем более это относится к музыке. Поэтому основное доминирующее значение в постановке творческих задач исполнительства и развитии понимания ребенком музыки играет и должна играть эмоциональная сторона, на которой необходимо сделать основной акцент. По утверждению психологов, дети мыслят до предельности конкретно. Поэтому характерное заглавие, поэтический, а то и просто житейский образ помогают ребенку почувствовать музыку и затем

творчески ее исполнить. Это впервые понял Р. Шуман, снабдивший пьесы «Альбома для юношества» характерными названиями, направляющими музыкальное восприятие и фантазию ребенка в желательном направлении.

В связи с вышесказанным правильный выбор репертуара играет огромную роль в воспитании творческого понимания и исполнения музыки. При выборе репертуара надо ориентироваться не только на технические возможности ученика, но и на возрастные его особенности, и на уровень развития его художественного понимания. Четырнадцатилетний мальчик может быть технически подготовлен к игре «Апассионаты» Бетховена, но развитие его личностных качеств еще не достигло того уровня, чтобы он мог понять и, следовательно, творчески исполнить это произведение.

Перескакивание ступеней, торопливость в воспитании творческого понимания и исполнения ничего, кроме вреда, принести не может. «Давать непосильную работу чувству хуже и опаснее, чем непоставленным и неокрепшим голосом петь партии не по голосу. Поспешностью насилуется и разрушается нежный, хрупкий и трудно исправимый душевный аппарат» [7, с. 158]. Ставя перед учеником задачи выше его возможностей, мы заставляем творческое музыкальное сознание ученика пользоваться внешним копированием, примитивными, грубыми штампами и этим, в конечном счете, коверкаем ученика.

Выбирая репертуар для ученика, педагог не должен забывать, что сложность и простота фактуры музыкальных произведений далеко не всегда соответствуют сложности или простоте их творческого понимания и исполнения. Другими словами, ошибочно думать, что сначала ученик понимает простые по фактуре произведения, затем более сложные и, наконец, самые сложные. В искусстве, зачастую, чем проще, тем труднее. Малосодержательный, но пышный по фактуре *f moll*-ный Концерт А. Аренского легче понять, чем простой и глубокий *A dur*-ный Концерт В.А. Моцарта; *f moll*-ные Вариации Й. Гайдна менее доступны для понимания, чем, скажем, *As dur*-ные Вариации А. Лядова.

Еще одной творческой задачей исполнителя является развитие отдельных музыкальных способностей – ритма, слуха, музыкальной памяти и др. Эти элементы музыкальности совершенно необходимы для творческого понимания и исполнения музыки: не обладая слухом, ритмом, музыкальной памятью, нельзя творчески понять и исполнить музыкальное произведение. И чем лучше развиты слух, ритм и память, тем большими средствами обладает играющий для понимания музыки и тем глубже может он почувствовать и передать внутренний смысл музыкального произведения. Но все эти элементы, являясь совершенно необходимыми, не являются решающими для способности творчески понимать и исполнять музыку. Музыкальная психология и педагогическая практика знают случаи, когда люди с хорошим внутренним слухом и слуховой

памятью отличались полной или частичной неспособностью понимать музыкальную речь.

Развитие способности творчески понимать и исполнять музыку немислимо без расширения музыкального кругозора ученика, о чем всегда говорили крупные исполнители и педагоги прошлого и настоящего (Б.В. Асафьев, Л.А. Баренбойм, А.Г. Готсдинер, К.Н. Игумнов и др.) Это также является творческой задачей исполнителя.

Ученик должен больше слушать музыку, специально готовясь к музыкальному восприятию и возможно последующему исполнению.

Для расширения музыкального кругозора и, следовательно, для развития творческого понимания и исполнения музыки подобная подготовка необходима, и задача педагога – как можно раньше воспитать в ученике любовь к музицированию, к обдумыванию музыкальных произведений и тому подобное.

Немаловажное значение для расширения музыкального кругозора имеет слушание учениками друг друга в классе: часто это оказывает не меньшее влияние на развитие ученика, чем непосредственная работа с педагогом. Происходит это потому, что со стороны многое лучше видно, со стороны рельефнее бросаются в глаза ошибки другого и становятся более понятными собственные недочеты. Таким образом, слушание учениками друг друга в классе должно проводиться не только в высших школах, но и в старших классах детской музыкальной школы.

На развитие способности творчески понимать и исполнять музыку большое влияние оказывает широкий общий кругозор, культурное развитие в художественных областях. Р. Шуман ни сколько не снижал значение учителей, когда писал, что Жан Поль научил его большему, чем все учителя музыки. Он хотел этим сказать, что движущие силы музыкального развития находятся не только в музыкальной области, но и за ее пределами.

Наконец, последняя творческая задача исполнителя – научиться уметь впечатляться. Педагогический опыт музыкантов-педагогов прошлого и настоящего времени дает основания для утверждения, что подчас решающую роль для развития творческого музыкального понимания и исполнения имеет способность впечатляться, которая поддается воздействию воспитания.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, в качестве основных творческих задач перед ребенком-пианистом должны стоять следующие:

1. научиться понимать по авторским указаниям сущность музыкального произведения;
2. уметь технически грамотно воспроизвести музыкальное произведение;
3. творческое исполнение возможно лишь на основе целостного чувственного восприятия и осознания музыкального образа, а не на

аналитическом расчленении произведения на мелкие элементы (разделение на части не должно перечеркивать художественную целостность произведения);

4. творческой задачей исполнителя является выбор соответствующего репертуара, адекватного возрастным и индивидуальным особенностям ребенка;
5. творческое исполнение невозможно без развития отдельных музыкальных способностей – ритма, слуха, музыкальной памяти и др.;
6. творческое исполнение подразумевает постоянное расширение музыкального кругозора и развитие музыкальной культуры исполнителя;
7. творческое исполнение музыкального произведения невозможно без умения ребенка впечатляться.

Библиографический список

1. Баренбойм Л.А. Фортепианная педагогика. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2007. 192 с.
2. Асафьев Б.В. О музыкально-творческих навыках у детей: Сб.: Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Л., 1986. 261 с.
3. Игумнов К.Н. О музыкальном исполнительстве: Сб. избранных статей. М., 1973. 312 с.
4. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры. изд. 7-е, испр. и доп. М.: Дека-ВС, 2007. 299 с.
5. Гинзбург Л.О. О работе над музыкальным произведением. М., 1981. 174 с.
6. Ляховицкая С.А. Опыт воспитательной работы с коллективом учащихся. Сб.: Воспитательная работа в школе искусств. М.: Владос, 2001. 384 с.
7. Тарасов Г.С. Педагогика в системе музыкального образования. М., 1986. 241 с.

УДК 75.03

ВЛИЯНИЕ ЯПОНСКОГО ИСКУССТВА НА ТВОРЧЕСТВО ЭДГАРА ДЕГА

Л.С. Пестрякова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: lspestr@mail.ru

В статье рассматривается роль японского искусства в становлении европейской живописи конца XIX века. На примере творчества Э. Дега выявляются тематические и иконографические заимствования из арсенала японского искусства, дается искусствоведческий анализ работ мастера с позиций поставленной проблемы.

Ключевые слова: японское искусство, импрессионизм, художники-импрессионисты, Эдгар Дега.

INFLUENCE OF JAPANESE ART ON THE WORK OF EDGAR DEGA

L.S. Pestryakova

The article examines the role of Japanese art in the development of European painting of the late 19th century. On the example of E. Dega's work thematic and iconographic borrowings from the arsenal of Japanese art are revealed and art history analysis is given to the works of the master from the standpoint of the problem.

Key words: Japanese art, Impressionism, Impressionist painters, Edgar Degas.

В начале XXI века, в период формирования планетарной культуры нового тысячелетия, закономерен интерес к межрегиональным и межнациональным контактам. В наши дни объектом всё более пристального внимания становится Япония. Вопрос о влиянии японского искусства на европейское находится в поле зрения учёных, художественных критиков, музейных работников.

История взаимодействия Японии с Европой имеет давние корни. Первый период, длившийся с 40-х годов XVI века до конца 30-х годов XVII века, связан с появлением в Японии португальских купцов и миссионеров, а также с распространением христианства. Среди них были люди образованные и эрудированные, которые сделали немало для понимания культуры этой страны. Оба мира изучали друг друга, и через сопоставление «своего» и «чужого» пришли к новому осознанию самих себя, иного взгляда на свою культуру и искусство [1, с. 105].

В конце XVII века Голландия становится передовой страной мира с развитым изобразительным искусством, яркой национальной живописной школой. Ее связь с Японией открыла для художников самобытный мир японского искусства. Впервые произведения восточного искусства включались в европейскую художественную систему.

Наиболее плодотворный период взаимодействия японской и европейской культур начался с 70-х годов XIX века и сохраняется до нашего времени. Он затронул массовую промышленную продукцию, изделия из стекла, фарфора, ткани, мебель и даже моду и женские прически. Мастера изобразительных искусств открыли для себя японское искусство как источник художественных идей, новых приёмов и средств художественной выразительности, столь важных для творчества многих художников-новаторов.

Европейские живописцы и гравёры постигали роль линии плоскостного цветового пятна как главных элементов изобразительности японской графики. Они увидели в подвижной, не замыкавшейся линии открытость композиции, ее незавершенность или продолжение за пределами изобразительной плоскости. Художественное пространство

произведения оставалось разомкнутым, а точка зрения – не сфокусированной. Так японцы способствовали решению одной из проблем живописи импрессионистов: слитности человека с окружением, средой. В европейском искусстве появляется целый ряд тематических и иконографических заимствований из арсенала японского искусства. Художников увлекают мотивы кимоно, веер, мост, волны и скалы в море, ирисы, цветущие деревья, а также такие сюжеты как утренний туалет женщины, умывание и расчесывание волос.

Западные художники обратили внимание на не прямое, иносказательное воспроизведение реальности в творчестве японских мастеров, у которых изображение природных явлений имело множество смысловых слоев, ассоциативных связей, указаний, намеков, содержащих глубокий смысл, философскую концепцию мироздания. Особенно остро эта концепция воплотилась в творчестве Ван Гога.

В конце XIX века японская художественная культура глубоко проникла в творчество французских импрессионистов и постимпрессионистов. Анализ работ подтверждает, что все они испытали на себе влияние вновь открытого искусства. В тоже время у каждого в отдельности это воздействие получила собственное преломление не похожее на других. Так, Э. Мане со свойственным ему цветовым видением не задержал внимания на линейной выразительности произведений японцев, что было важным для Э. Дега, но оба они оценили новые композиционные решения, подсказанных японской графикой и живописью. Погруженность в природный мир, фиксация мельчайших особенностей его изменяющейся и ускользающей красоты, сблизили К. Моне с японцами. Его пейзажи, передающие кратчайший отрезок времени, по замыслу и живописному воплощению близки работам восточных мастеров. Это вызвало необходимость обращения и к особенностям языка японского искусства: штрих-мазок кисти, пятна, точки, лишь намекающие на форму и требующие развитого воображения. Произведения Ван Гога, нидерландского художника-постимпрессиониста, содержат в многое от японского искусства: многообразие точек зрения и настроений, прямое сходство в использовании контурной линии и уплощенного пространства, использование цвета как носителя определенных эмоций.

Хотя японская художественная концепция существенно отличалась от концепции французских мастеров, она сыграла свою значительную роль. Французские художники, попав под влияние японской живописи и графики, не подражали и не повторяли японских мастеров. Они осваивали нововведения с позиций собственных взглядов, интересов, потребностей, и интегрировали их с личностным мастерством.

Чтобы конкретно проследить влияние японской гравюры на творчество французских импрессионистов, остановимся на анализе картин

выдающегося мастера этого направления Эдгара Дега. Художник, как многие его современники, коллекционировал и тщательно изучал гравюры К. Утомаро, К. Хокусая, У. Туекуни. Они во многом повлияли на становление творческого метода живописца, соединившего элементы восточной художественной системы и европейской традиции. В работах Э. Дега можно выявить ряд тематических и иконографических заимствований из арсенала японского искусства.

В первую очередь надо сказать о тематике произведений. Подобно японским художникам Дега утвердил принцип «универсализма», согласно которому все темы и образы достойны кисти художника. Впервые Эдгар вводит в сферу искусства «неэстетические» сюжеты и темы. Вслед за Хокусая он обращается к теме моющихся женщин, возвращается к ней несколько раз, стараясь достичь идеального результата. («Женщина за туалетом», 1889, Санкт-Петербург, Эрмитаж; «Моющаяся женщина». 1886, Фармингтон, музей Хилл-Стид; «Расчесывание волос», 1885, Санкт-Петербург, Эрмитаж; «Таз», 1886, Париж, музей д'Орсэ и др.).

Своей задачей Дега ставит поиск художественной техники, позволяющей передать естественность поз женщин. Он стремится изобразить человека в движении, причем схватить самое характерное. В этом ему на помощь приходит линия. Дега добивался изощренной выразительности линии, и тогда каждое движение фиксируется с максимальной точностью. Линия имеет разный характер: то переходит из резкой в мягкую, постепенно растворяясь, то упругим контуром подчеркивает глубину тени и выразительность плавных движений персонажей.

Интерес к передаче движения проявился у Дега не только в изображении обнаженной натуры, но и в сериях на тему скачек («Скачки», 1895, Канада, Национальная галерея; «Перед скачками», 1872, Вашингтон, Национальная галерея искусства; «Скачки, жокеи-любители», 1880, Париж, музей д'Орсэ; «Скачки перед трибунами», 1872, Париж, музей д'Орсэ и др.). Создавая работы, посвященные скачкам, Дега часто находил нетрадиционные композиционные построения для своих полотен. Его излюбленными приемами были пространственные сдвиги, резкая обрезка края и различные «острые» ракурсы. Суть всех приемов сводилась к созданию ярких динамичных образов, способных передать неповторимое ощущение постоянно меняющейся реальности. Но самое главное, что привлекало художника, это природная пластика и грация лошадей, а так же профессиональные жесты и движения жокеев. Для сравнения с японской гравюрой можно привести 3191 композиций «Манга». В них Хокусая также представляет мир в действии. Он воссоздает бег коней, движения борцов, жесты лучников, прыжки акробатов. И каждое движение, каждая поза, разложены на многочисленные кадры, исследованы и изучены.

Дега заимствует у японских мастеров приемы замены целого частью,

выделение переднего плана в композиции, «эффект присутствия». Это можно увидеть в картине «Оркестр. Опера» (1872, Франкфурт-на-Майне, Штеделевский институт). Придвинутые вплотную к передней плоскости картины мужские фигуры музыкантов оркестра, контрастируют с полуфигурами балерин дальнего плана. Фрагментарность и срезанность фигур балерин мешает детально рассмотреть их. Оба плана сближены благодаря резкой разнице масштаба фигур двух планов. Художник работает цветовым контрастом, создавая плановость композиции. Плотная темная масса у нижнего края холста контрастирует со светлым розовым и голубым цветами в глубине сцены.

Еще более ярко проявились вышеизложенные приемы в пастели «В театре» (1880, Париж, частная коллекция). На переднем плане в правом нижнем углу в резком приближении изображены лишь руки: одна держит веер, а другая – бинокль. Дальний план, занимающий верхнюю часть листа, заполнен фигурами танцовщиц. Три группы балерин показаны в движении и видны только фрагментарно. Сочетание насыщенных цветов первого плана и светлых – дальнего создают естественную обстановку театра с освещенной сценой и чуть затемненным зрительным залом.

Заимствованием у японских мастеров можно считать и построение пространства с высокой и низкой точек зрения. Выше проанализированное произведение «В театре», так же ряд картин из серии «Балетные классы» представляют свои персонажи с высокой точки зрения. Наиболее удобное решение построения пространства с низкой точкой зрения подходит при создании цирковых образов. Даже по стандартам Дега композицию картины маслом «Мисс Лала из цирка Фернандо» (1879, Лондон, Национальная галерея) можно назвать смелой и необычной. На полотне изображена акробатка, висящая под куполом цирка на зажатом у нее в зубах канате. Точка зрения выбрана так, что артистка цирка видна глазами сидящего внизу зрителя. Ракурс, изображения необычайно сложен, но Дега с присущим ему блеском справляется со стоящей перед ним задачей.

Эдгар Дега более всего известен как художник балерин («Танцевальный класс», 1873-1875, Париж, музей д'Орсэ; «Балетный класс», 1880, Филадельфия, Музей искусств; «Четыре танцовщицы», 1898, Вашингтон, Музей изящных искусств и др.). Воздушные и хрупкие фигурки балерин на его картинах возникают то в полумраке танцевального класса, то на сцене, в ярком свете софитов, то в минуты отдыха. В этих работах ярко прослеживается влияние японской гравюры на творчество Дега. В них есть умение уловить и передать преходящие, мгновенные, характерные позы и движения фигур, мимику лица. Простота композиции и авторская позиция стороннего наблюдателя создают впечатление случайно подсмотренной чужой жизни.

Для передачи внутреннего движения на полотнах Э. Дега обращается к особому композиционному построению картин (асимметрия была

характерна для японских гравюр), где часть изображения осталась за кадром, фигуры сдвинуты по диагонали в угол, а центральная часть композиции представляет собой свободное пространство. Так, на картине «Репетиция балета на сцене» (1874, Париж, Лувр), в центре изображен балетмейстер и балерины, которые стараются танцевать как можно изящнее; но сценки по краям картины более выразительны, хотя и раскрывают основной сюжет. Одна из девушек потягивается и зевает безо всякой балетной грации; другая поправляет ленты своей туфли; третья держит ногу на весу, давая ей отдохнуть.

Велика роль цвета в живописи Дега. Он выполняет определенную роль при композиционном построении, работает как декоративное пятно, иногда служит для определения центра полотна («Танцовщицы», 1883, Даллас, Художественный музей; «Желтые танцовщицы», 1883, Даллас, Художественный музей; «Перед экзаменом», 1880, Денвер, Художественный музей). В одном из самых впечатляющих произведений мастера «Голубые танцовщицы» цвет играет доминирующую роль. Изящные девушки поправляют свои костюмы перед выходом на сцену. Фигуры приближены к зрителю и заполняют все поле картины, использована та же фрагментарность. Но особое воздействие оказывает цвет. Эффекты искусственного освещения, используемые автором очень умело, придают картине сияние и искристость. Мерцание чистых голубых тонов словно вызывают к жизни мелодию танца.

Таким образом, постижение японского искусства европейскими художниками второй половины XIX века значительно расширило и обогатило их художественный опыт. В работах Э. Дега можно выявить ряд тематических и иконографических заимствований из арсенала японского искусства: заимствование сюжетов, использовании линии как главного выразительного средства, приёма асимметричной композиции, усложнение ракурса, замены целого частью.

Список литературы

1. Зорина Е. История мировой живописи. Развитие импрессионизма. СПб.: Белый город, 2008. 128 с.
2. Киричек А. Японская гравюра. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 160 с.
3. Николаева Н.С. Япония–Европа. Диалог в искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1996. 396 с.
4. Савельева А.В. Японская гравюра и живопись. СПб.: ООО СЗКЭО «Кристалл». М.: «Оникс», 2007. 320 с.

РОЛЬ МУЗЫКИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Е.Г. Плетухина

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tmmo2013@yandex.ru

В статье в историческом контексте рассматривается роль музыки в жизни человека. Дан анализ понимания смысла, назначения и роли музыки и музыкального воспитания в разные исторические эпохи: в Древнем Египте, Древней Индии, Древнем Китае, Древней Греции, в Средневековье.

Ключевые слова: музыкальное искусство, смысл музыки, история музыки, музыкальное воспитание, нравственность.

THE ROLE OF MUSIC IN HUMAN LIFE

E.G. Pletukhina

In an article in the historical context, examines the role of music in human life. The analysis of the understanding of the meaning, function and role of music and music education in different historical periods: Ancient Egypt, Ancient India, Ancient China, Ancient Greece, in the middle Ages.

Key words: music, meaning music, music history, music education, morality.

Все религиозные и древние философские Учения настаивают на нравственной чистоте человека. Учение нового времени – Учение Живой Этики – утверждает, что вся Вселенная живёт по законам нравственности. Современное же человечество в подавляющем большинстве своим безнравственным образом жизни поставило себя вне законов Космоса, что привело нашу планету на край гибели. Сумеет ли мы выжить и что надо для этого делать? Что может сделать каждый из нас?

Какое отношение к этим вопросам о судьбе Земли имеет музыка?

Дело в том, что во многих древних культурах считали, что Вселенная строится по законам Гармонии, то есть по тем же законам, что и музыка. В древности люди тонко чувствовали и осознавали общность самой жизни и всех искусств: все в этом мире имеет свой ритм, интонацию, характер, настроение, окраску. Они прекрасно знали удивительное свойство музыки возвращать в человеке «умение слышать» – слышать «музыкальную партитуру» мира: все нюансы звучащего многообразия окружающего нас мира и свою уникальную музыку, то есть осознавать свой голос, свое место и свою роль в общем звучании Вселенной. Поэтому воспитание музыкальности в широком смысле считалось самым важным для духовного развития человека.

Подобное понимание музыки прошло сквозь сознания мыслителей и музыкантов разных эпох и народов, в каждом случае приобретая новые краски, новые нюансы.

Как гласят древние писания, в Древнем мире, в частности в Древнем Египте, хранители Знания жрецы могли слышать звуки Вселенной – они слышали звуки движущихся светил и их согласное пение. Пифагор, посвященный в древнеегипетские и вавилонские мистерии, оставил нам свою теорию «музыки сфер», основы которой он узнал от древнеегипетских жрецов.

Само появление музыкальных инструментов связывают со строением Вселенной, поэтому им придавался определенный тайный смысл, и они были атрибутами Богов, как, например, тимпанум или систрум в Египте или уб и лилис в Шумере.

Музыкальность индийской культуры – одна из ее важнейших отличительных черт, истоки которой уходят в глубокую древность, а ее проявление в современности известно всему миру по индийским художественным фильмам, которые немислимы без пения и танцев. Как и в других странах Древнего мира, в Индии музыка считалась наивысшим божественным искусством. Доказательством тому служит тот факт, что в древности самыми великими музыкантами были величайшие пророки. Так полубожественный индусский мудрец Нарада одновременно был и музыкантом; один из трех главных индусских богов Шива считается изобретателем священной вины (индийского инструмента со струнами из жил); Кришна (одно из воплощений бога Вишну) всегда предстаёт перед нами с флейтой, а индусская богиня красоты и знания Сарасвати – с виной.

Согласно индусской традиции, с помощью трех аспектов музыки (пения, исполнительского искусства и танца) духовность достигается гораздо быстрее, чем любыми другими способами. И самым коротким путем, с точки зрения индусов, является пение.

В Индии музыка – не столько естественное продолжение жизни, сколько сама жизнь, в которой отражаются малейшие изменения в состоянии людей, природы, всего космоса. Так, например, существуют утренние, дневные, вечерние и ночные раги (музыкальные лады), звучание которых в несоответствующее время суток жителями Индии воспринимается как негармоничное, не приносящее того духовного наслаждения и возвышения, которое они доставляют, исполненные вовремя.

Легенды и мифы Древнего Китая доносят до нас первые упоминания о китайской музыке. В глубокой древности китайская музыка состояла из 12 тонов, нечетные из которых ассоциировались со светлыми, активными силами Неба, а четные – с темными, пассивными силами Земли. Позднее из этого звукоряда выделилось пять основных звуков, которые стали обозначать пять первоэлементов (огонь, вода, земля, воздух, дерево) и пять

основных цветов (белый, чёрный, красный, синий, жёлтый). Этим же звукам придавались и определенные социальные роли («правитель», «чиновники», «народ», «деяния», «вещи»). Предполагалось, что музыкой можно управлять силами природы, а несоблюдение веками устоявшейся музыкальной традиции может привести к серьезным негативным последствиям для всего народа.

Как мы видим, музыкальное искусство в Древнем Китае было тесно взаимосвязано не только с философией, пониманием о строении Бытия, природой, но и с организацией общественного устройства. Мудрый Конфуций считал, что соблюдать ритуалы необходимо, потому что выверенность каждого жеста, каждого слова в ритуале настраивает душу на гармонию Вселенной, ведь в самой музыке отражается ее строение. И соблюдать ритуалы человек должен для того, чтобы настроить свою душу на глубинную сущность жизни, как бы «встроить» ее в единый вселенский ритм. Конфуций полагал, что привести все мироздание в гармоничное состояние может только взаимодействие музыки и ритуала. И человека, эту частицу Вселенной, только музыка может исправить и вернуть к «первозданной чистоте сердца». Поэтому музыка в Древнем Китае была самой важной частью образования. «Ум образовывается чтением од, характер воспитывается правилами поведения, окончательное же образование дает музыка» [1, с. 67].

Музыка в Древней Греции воспринималась главным средством влияния на нравственность, на воспитание характера, главным орудием создания эмоционального настроения человека.

Пифагор был убежден, что Вселенная порождена Звуком и создавалась по законам музыкальной пропорции. Он считал, что человек и Вселенная созданы по образу Бога, а так как образ этот один, то знание об одном является знанием и о другом. То есть Пифагор говорит о крайне важной роли музыки в познании Бога, Природы и самого человека, называя ее в ряду с геометрией и астрономией наукой, незаменимой для их понимания.

Для Платона, как и для Пифагора, земная музыка, приятная человеческому слуху, является отражением небесной музыки. По Платону, общие закономерности жизни, вечная неизменная предельная упорядоченность космического целого раскрываются перед человеком благодаря мусическим искусствам: поэзии, риторике, музыке и оркестрике, которые были созданы самими Музами. Другими словами, и сама гармония этих искусств с жизнью человека, согласно Платону, есть ни что иное, как отражение небесной гармонии вечных и правильных движений небесных тел.

Платон утверждал, что в самые глубины души человека музыка находит путь через гармонию и ритм. Так как именно музыка делает человеческую душу гармоничной, то, соответственно, только в ней должна

заключаться основная пища души, и именно она является основным средством ее воспитания. И сама музыкальность для Платона предполагала не овладение игрой на каком-либо инструменте, а достижение определенного баланса, гармоничности внешнего и внутреннего, мыслей, слов и поступков человека. Поэтому занятия музыкой, по Платону, необходимы для всех граждан и должны являться основой всей системы воспитания государства. И сам термин «мусическое» относится у него к воспитанию собственно душевных свойств.

Платон считал, что для укрепления нравственности и искоренения распущенности необходимы различные ограничения и строгая регламентация в музыкальной практике, вплоть до запрещения определенных ладов или музыкальных инструментов (так наилучшими для воспитания души человека Платон считал струнные инструменты, а флейту, как и Пифагор, в отличие от индусов – наивреднейшим). Твердо веря в это, он настаивал на том, что введение какого-либо нового возбуждающего лада может представлять угрозу для целого государства.

Согласно Платону, музыка, облагораживающая ум, относится к гораздо более высоким порядкам, чем музыка, которая обращается к чувствам, и он очень настаивал на том, что в обязанности государства входит запрещение всякой изнеженной и похотливой музыки и наблюдение за тем, чтобы жители слушали только чистую и благородную музыку.

Следовательно, с точки зрения Платона, музыкой и пением пронизана вся жизнь – и частная, и государственная, и космическая.

Числовая символика пифагорейцев была воспринята эпохой Средневековья. Так например, единица считалась символом Бога, церкви и в то же время отождествлялась с музыкой в целом; число «3» являло триединство Бога – как мы знаем, часто музыкальные произведения состоят из трёх частей; число семь выражало взаимосвязь музыки и Вселенной – ему соответствуют семь нот в музыке. Таким образом, музыка и в Средние века теоретиками, композиторами и философами воспринималась как средство приобщения к вселенской гармонии и виделась им значимым помощником в деле познания мира, самопознания и самосовершенствования человека.

Итак, согласно представленному выше краткому анализу восприятия музыки в Древние и Средние века и анализу современного философского взгляда на музыку, данного в предыдущей статье автора [см. 2], мы можем утверждать, что люди с давних времен и до наших дней осознавали и осознают особую роль музыки в жизни человека, в деле воспитания его характера, нравственного строя его души и приобщения к единой вечной гармонии Вселенной. А это значит, что на учителей музыки в общеобразовательных школах ложится огромной значимости

ответственность за привитие любви к истинной музыке подрастающему поколению, в руках которого будущее нашей планеты.

Библиографический список

1. Будда. Конфуций. Жизнь и учение. М.: Искусство, 1995.
2. Плетухина Е.Г. Педагоги и мыслители XX века о роли музыки в жизни человека // Современные технологии обучения и воспитания в художественном образовании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (21 февраля 2014 года). Вып. 5. Саратов, 2014. С. 107-110.

УДК 378:78

МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ СФОРМИРОВАННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

С.В. Протасова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: svikt29@rambler.ru

Статья посвящена методам диагностики исполнительских компетенций студентов в вузе творческой направленности. В работе представлены виды музыкально-инструментальной подготовки студентов: методико-практическая, концертно-исполнительская и ансамблевая подготовки, критерии диагностики личностных, исполнительских и теоретических компетенций и уровни их сформированности.

Ключевые слова: диагностика, компетенция, музыкально-инструментальная подготовка, анкета.

METHODS OF DIAGNOSIS FORMATION OF PERFORMING COMPETENCE OF STUDENTS

S.V. Protasova

Article is devoted to methods of diagnosis Performing competencies of students in high school creative direction. The paper presents the types of musical and instrumental training of students: methodological and practical, concert-performing and ensemble training, diagnostic criteria for personality, Performing and theoretical competencies and levels of formation.

Key words: diagnostics, competence, musical and instrumental training profile.

Музыкально-исполнительская деятельность относится к сложным видам творческой деятельности, поскольку представляет собой взаимосвязь эмоциональной, физической и интеллектуальной сфер. Исполнительские компетенции, которыми должны овладеть студенты-музыканты в процессе обучения в вузе, в дальнейшей их профессиональной деятельности составляют ее основу. Между тем,

проблема диагностики уровня сформированности исполнительских компетенций студентов является одной из наименее разработанных областей в музыкальной педагогике. Сложность диагностики исполнительской области связана с отсутствием каких-либо эталонов и стандартов качества. Как справедливо отмечает А.С. Казурова, чаще всего «эталон качества подготовки музыканта-исполнителя устанавливает, как правило, педагог в индивидуальном классе по специальности» [1, с. 38].

При этом под исполнительской компетентностью понимают обладание знаниями в той или иной сфере исполнительского искусства. Среди современных исследователей существует точка зрения, согласно которой исполнительская компетентность проявляется не в совершенстве владения музыкальным инструментом, а в понимании закономерностей исполнительского процесса и владении искусством воспитания умений и навыков музицирования [2].

Для получения объективной информации необходим инструментарий, отражающий специфику музыкально-исполнительской области. Для определения текущего состояния процесса подготовки и последующих этапов разработаны нами были выделены критерии качества исполнительской подготовки, которые отражали уровень освоения дисциплин специальной подготовки и сферу дальнейшей профессиональной деятельности выпускника: теоретические, исполнительские и личностные компетенции будущего педагога. При этом критерии рассматриваются как внутренние признаки изучаемого объекта, которые позволяют судить о его состоянии, уровне развития и функционирования. Показатели в критериях являются количественными или качественными характеристиками сформированности признака изучаемого объекта и отражают меру проявления того или иного критерия.

Рассмотрев дисциплины учебного плана в системе музыкально-инструментальной подготовки студентов в вузе творческой направленности, были выделены три взаимосвязанных блока исполнительской подготовки бакалавров: методико-практическая, концертно-исполнительская и ансамблевая подготовки.

В каждом из перечисленных видов подготовки выделены личностные, исполнительские и теоретические критерии качества подготовки и пять уровней сформированности и исполнительских компетенций студентов.

Методико-практическая подготовка включает те виды музыкально-исполнительской деятельности, которые носят учебно-методический характер и непосредственно ориентируют студента на дальнейшую профессиональную деятельность: лекции-беседы о музыке, исполнение произведений из школьной программы для слушания музыки, спецкурсы.

Теоретические компетенции: ориентируется в отборе содержания и логики построения устного материала; знает школьный репертуар и требования программы по музыке для общеобразовательных школ; знает

психологические особенности восприятия музыки различными возрастными группами учащихся. ориентируется в целях и задачах лекции-беседы; владеет логикой построения сценария лекции-беседы; знает принципы конструирования музыкального и дидактического материала.

Исполнительские компетенции: образно и выразительно исполняет произведения; проявляет артистизм при исполнении; выявляет в процессе исполнения стилевые особенности произведений; владеет исполнительскими приемами (агогика, педализация); владеет культурой звукоизвлечения (туше, колористичность звучания, тонкость нюансировки, изменения тембра звука при исполнении произведений различных стилей); использует адекватные исполнительские средства выразительности авторскому замыслу.

Личностные компетенции: показывает развитые ораторские навыки и культуру речи; умеет установить контакт с аудиторией; проявляет доброжелательность и открытость; умеет установить контакт со слушателями; артистичен при подаче материала; ораторские навыки, культура речи; энтузиазм и увлеченность в процессе выступления.

Концертно-исполнительская подготовка включает все виды сценических исполнений студента-бакалавра на зачетах, экзаменах, концертах, фестивалях и конкурсах.

Теоретические компетенции: знает стилевые особенности произведений; знает закономерности концертно-сценической деятельности; владеет терминологическим аппаратом по дисциплине (ключевые слова и понятия).

Исполнительские компетенции: умеет раскрывать замысел композитора на основе творческого подхода к расшифровке авторского текста (особенности мелодии, полифонии, ладового и гармонического строения формы); умеет адекватно выбирать исполнительские средства выразительности; владеет различными исполнительскими приемами (агогика, педализация); владеет культурой звукоизвлечения (туше, колористичность звучания, тонкость нюансировки, изменения тембра звука при исполнении произведений различных стилей); умеет воссоздать музыкальный образ художественного произведения; владеет отдельными элементами техники (ровность пассажей, беглость пальцев, скорость, пластичность исполнения).

Личностные компетенции: владеет этикой профессионального поведения на сцене; умеет активизировать творческий потенциал; умеет установить контакт со слушателями; может устранить неблагоприятные формы предконцертного состояния.

Ансамблевая подготовка ориентирует студента на совместную исполнительскую деятельность с партнером и солистом.

Теоретические компетенции: знает закономерности исполнения ансамблевой музыки; знает трактовку партий как составных частей совместно создаваемого музыкального образа.

Исполнительские компетенции: умеет владеть слуховым самоконтролем при игре в ансамбле; владеет единством технических приемов; умеет соотносить индивидуальное и общее в ансамбле; владеет этикой профессионального поведения; умеет устанавливать динамический баланс в соотношении ансамблевых партий; ощущает единство темпа, движения, дыхания.

Личностные компетенции: умеет погружаться в эмоционально-образный строй произведения; владеет эмоционально-регулятивными способностями (справляется с волнением, преодолев психофизическое напряжение); умеет активизировать свой творческий потенциал.

Представленные критерии качества музыкально-инструментальной подготовки не исчерпывают всего многообразия теоретических, исполнительских и личностных компетенций студентов-музыкантов, но в контексте проблематики нашего исследования являются наиболее значимыми.

Рассматривая формирование компетенций студента как показатель качества подготовки студента-музыканта, были выделены его основные уровни: *уровень трансляции, уровень применения, уровень освоения, уровень адаптации, исходный уровень.*

Уровень трансляции знания в области музыкально-исполнительской деятельности носят системный характер, отличаются полнотой, интегративностью. Накоплен значительный репертуар, исполнение музыкальных произведений характеризуется оперировать полученными знаниями на практике; способностью выделить профессиональную ситуацию и ориентироваться в ней.

На уровне трансляции студент находится на качественно новой ступени исполнительской подготовки – художественного исполнения, под которым понимается реализация целостного художественного замысла, подчиняющего себе трактовку всех частей и деталей пьесы; достижение эмоциональной насыщенности и логической завершенности как важнейших признаков художественно-целостного исполнения; достижение художественно-свободы в исполнении; техническая точность и музыкальная выразительность в игре и т.д.

Уровень применения связан с передачей сформированных на данный момент компетенций на педагогической практике. Умения и навыки исполнительской деятельности более устойчивы. Студент конструирует дидактический материал; знает особенности исполнения пьес программы по музыке для общеобразовательной школы, умеет аккомпанировать себе и солисту. Рефлексивная позиция связана с утверждением

индивидуального стиля исполнительской деятельности в процессе организации музыкального взаимодействия со школьниками.

Уровень освоения отличается частично сформированной практической готовностью, проявляющейся в ситуативном желании студента участвовать в концертно-исполнительской деятельности. Знания студентов об особенностях музыкальных стилей и жанров, способах работы над музыкальным произведением, особенностями исполнения на публике недостаточны.

Уровень адаптации характеризуется отсутствием выраженной потребности исполнять на публике, но осознанием значимости музыкально-исполнительской деятельности, развитием положительной мотивации и психологической готовности к исполнительству через частичное включение в концертно-исполнительскую деятельность. Ограниченное число сформированных знаний и способов их применения. Личностные качества в исполнительской деятельности проявляются частично.

Исходный уровень характеризуется отсутствием мотивации и потребности совершенствования музыкально-инструментальной подготовки, боязнью сценического исполнения, недостаточным осознанием важности музыкального исполнительства в работе педагога-музыканта. Слабые знания о музыкально-исполнительском искусстве в целом. Неспособность находить и преодолевать исполнительские трудности. Цели и задачи музыкально-инструментальной подготовки не являются ориентиром для студента. Личностные качества не проявляются в исполнительской деятельности.

Каждый из рассмотренных уровней компетенции взаимодействует с предшествующим и последующим, отражая динамику формирования базовых компетенции студента при переходе с уровня на уровень.

Диагностика уровня компетенции студентов проводилась методом анкетирования. Анкета включала 20 вопросов на выявление исходного уровня базовых компетенций студентов-музыкантов. Для этого выводилась итоговая сумма набранных баллов (100 баллов).

Отвечая на вопросы анкеты, студенты ставили 5 баллов, если согласны с утверждением или данное качество проявляется всегда, 4 балла, если часто, 3 балла – редко; 2 балла – нет, никогда.

Анкета на определение уровня сформированности компетенций студентов

1. Исполняя произведения, я стараюсь донести до слушателей его идею, композиторский замысел.

2. Я стараюсь исполнять на публике только по необходимости (экзамен, зачет).

3. Мне нравится исполнять на публике.

4. Испытываю чувство удовлетворения при исполнении музыкальных

произведений.

5. Меня не упрашивают выступить на концерте.
6. Участвую в концерте, только если этого требует педагог.
7. Свою будущую профессию я рассматриваю как одну из возможностей играть на публике.
8. Владею методическими и исполнительскими навыками исполнения школьного репертуара по музыки для общеобразовательной школы.
9. Знаю принципы конструирования музыкального и дидактического материала.
10. Ориентируюсь в различных видах музыкально-инструментальной подготовки.
11. Ощущаю необходимость для будущей профессии владеть знаниями о закономерностях исполнения перед школьной аудиторией.
12. Понимаю отличие концертного исполнения от любых других видов музицирования.
13. Знаю школьный репертуар и особенности его исполнения.
14. Знаю закономерности сольного и ансамблевого видов исполнения.
15. Читаю литературу о музыкальном исполнительстве.
16. Владею необходимыми в будущей профессии ораторскими навыками, культурой речи.
17. Умею установить контакт с различными слушателями.
18. Ощущаю необходимость быть более артистичным на сцене.
19. Проявляю энтузиазм и увлеченность в процессе выступления.
20. Стараюсь быть доброжелательным и открытым

Уровень подготовленности бакалавром можно определить, исходя из следующих критериев:

- Уровень трансляции – от 80 до 100 баллов;
- Уровень применения – от 61 до 79 баллов;
- Уровень освоения – от 60 до 41 баллов;
- Адаптивный уровень – от 40 до 31 баллов;
- Исходный уровень – до 30 баллов.

Выявление процентного коэффициента уровня сформированности компетенций студентов осуществляется по формуле:

$$K = \frac{NI \times VI}{MB} \times 100\%$$

- где **NI**– количество студентов, достигших данного уровня;
- VI**– числовой коэффициент данного уровня сформированности базовых компетенций;
- M**– количество студентов, участвовавших в эксперименте;
- B**– числовой коэффициент высшего уровня сформированности базовых компетенций.

Определение уровня сформированности компетенций студентов является необходимым этапом в работе преподавателя музыкально-

исполнительских дисциплин. В системе музыкально-инструментальной подготовки студента в вузе творческой направленности диагностика компетенций студентов направлена на выявление фактического состояния подготовленности студента по музыкальным дисциплинам, специфических особенностей и индивидуальных качеств, интересов, склонностей студента, особенностей его профессиональной мотивации и изменений, происходящих в процессе подготовки. Данные, которые получает преподаватель в ходе диагностики, необходимы для коррекции, контроля и оценки качества подготовки студента.

Библиографический список

1. Казурова А.С. Проблемы государственных образовательных стандартов высшего профессионального музыкального образования: опыт и перспективы. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалиста, 2005. 93 с.
2. Варламов Д.И., Лохов К.И. Проблемы исполнительской компетентности педагога-музыканта. URL: <http://musstudent.ru/biblio/60-dialogicheskoe-prostranstvo-muzyki-v-menjajushhemsja-mire-2009/138-ki-lokhov-di-varlamov-problemy-ispolnitelskojj-kompetentnosti-pedagoga-muzykanta> (дата обращения: 16.03.2015).
3. Борытко Н.М. Диагностическая деятельность педагога: учеб пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Слостенина, И.А. Колесниковой. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 288 с.

УДК [378.011.3- 051:(378.016:159.9)]:7

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОЕ ПОЗНАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Э.В. Рамзани

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ЛНР

E-mail: e.ramzani@mail.ru

В статье раскрыта сущность понятия „художественно-образное познание педагогической действительности”, потенциал художественно-образного познания педагогической действительности в процессе формирования психологической компетентности современного учителя, формы и методы использования художественных произведений на занятиях по психологическим дисциплинам в вузе, а также формирование ценностного отношения к психолого-педагогическому знанию через художественно-образное познание.

Ключевые слова: педагогическая действительность, художественно-образное познание педагогической действительности, психологическая компетентность, психолого-педагогический анализ.

ARTISTICALLY-FIGURATIVE KNOWLEDGE IN PEDAGOGICAL ACTUALITY AS A PROCESS OF PSYCHOLOGICAL COMPETENCE FORMATION OF THE FUTURE TEACHER

E.V. Ramzani

In the following article are revealed the meaning of “artistically-figurative knowledge in pedagogical actuality”, the capability of artistically-figurative knowledge of pedagogical actuality during the psychological competence formation process, forms and methods in using the work of arts, in the psychological subjects in high schools, as well as the formation of the valuable relation to psychological and pedagogical knowledge through artistic and imaginative cognition.

Key words: the pedagogical actuality, artistically-figurative knowledge in pedagogical actuality, the psychological competence, psychological and pedagogical analysis.

Современная школа переживает серьезный кризис, преодоление которого во многом связано с психологическими факторами. Учителя (причем, не только начинающие) порой не могут осуществлять эффективное общение с детьми, находить оптимальные способы поведения, и оказываются не в состоянии самостоятельно переосмыслить теоретические знания и перевести их на язык практических действий. Большая сложность и динамичность учебно-воспитательного процесса, многообразие и неповторимость педагогических ситуаций требуют от учителя способности к анализу различных внешних и внутренних условий, умение прогнозировать, предвидеть результаты конкретных действий. Ученые подчеркивают особое значение психологических знаний, умений, психологической компетентности для успешной работы учителя, отмечают, что «каждый педагог должен быть психологически образован» (В. Слободчиков).

Важным ресурсом, на основе которого возможны изменения в системе профессионального педагогического образования, является качественно иная по содержанию и формам психологическая подготовка современного учителя. Ориентация на личностное развитие учащейся молодежи, учета их возрастных и индивидуальных особенностей не достигается за счет увеличения количества психологических дисциплин, количества часов на изучение психологии в педагогических вузах. Смена парадигм современного педагогического образования предопределяет создание такого содержания психолого-педагогической подготовки будущих педагогов, который будет ориентирован на развитие учащихся, всестороннее раскрытие интеллектуального и личностного потенциала детей и молодежи.

Проблемы специфики педагогической деятельности в современных условиях, отдельные вопросы психологической компетентности учителя исследовали А. Алферов, Ю. Кулюткин, А. Орлов, Л. Регуш, Г. Сухобская,

И. Сингаевская, С. Тищенко, различные аспекты профессиональной психологической подготовки специалиста в педагогическом ВУЗе – Э. Исаев, А. Петровский, В. Семченко, А. Щербаков.

Психолого-педагогическую компетентность учителя в соответствии с современными социокультурными условиями исследует М. Лукьянова. Л. Митина связывает вопрос психологической компетентности с профессиональным здоровьем педагогов. Содержание, механизмы и условия развития психологической компетентности учителя раскрыто в работах Т. Щербаковой, которая рассматривает ее как интегральное многофункциональное образование в контексте профессионально значимых качеств педагога.

Вместе с тем, проблема взаимосвязи различных форм познания педагогической действительности, роль художественно-образного познания в процессе формирования психологической компетентности современного учителя остается недостаточно исследованной.

Цель статьи – раскрыть сущность и особенности художественно-образного познания педагогической действительности в аспекте обеспечения эффективности формирования психологической компетентности современного учителя.

В научной литературе понятие «действительность» рассматривается как реальность во всей ее конкретности, бытия в совокупности природных и общественно-исторических явлений. Педагогическая действительность, прежде всего, определяется как действительность, взятая для научного рассмотрения в аспекте педагогической деятельности [1, с. 89]. Понятие «педагогическая действительность» непосредственно связано с понятием «педагогическая реальность», которое И. Колесникова определяет следующим образом: «Под педагогической реальностью подразумевается вся совокупность явлений, событий, процессов, состояний, переживаний, выявленных в теоретическом, практическом, духовном опыте человечества в результате реализации педагогических целей и замыслов» [2, с. 11]. Педагогическая действительность в ее понимании – это «то, что соответствует опыту конкретного субъекта педагогической деятельности, существуя для него «на самом деле», контекст, действующий по отношению к нему, и осознается им как таковой, органично ему принадлежит». О. Прикот отмечает, что «педагогическая действительность, включая и педагогическую науку и педагогическую практику, в определенном смысле выступает в роли некоторой философской практики, приводит к сближению педагогических наук и практики и снижению степени опосредованности предмета педагогической науки, созданию возможностей для непосредственного созерцания наблюдателями (учеными и практиками) педагогической действительности» [3, с. 21]. Таким образом, обобщение различных подходов к определению понятия «педагогическая действительность»

позволяет выделить следующие характерные черты этого феномена: проявление опыта конкретного субъекта педагогической деятельности, наличие контекста, пространственное и временное измерение.

Познание педагогической действительности происходит в разных формах – чувственная, научная, художественно-образная, отображается как в реальной жизнедеятельности, так и в педагогических текстах, в том числе и историко-педагогических. Субъекты педагогической действительности могут быть носителями педагогического сознания разного уровня: от высокого уровня теоретической компетентности до уровня обычного, жизненного, не связанного с теоретическими обобщениями и знаниями.

Поиск путей и средств преодоления ценностной нейтральности при изучении психолого-педагогических дисциплин, активизации субъектной позиции будущих учителей, предоставление учебно-воспитательному процессу в высшем учебном заведении личностного значения обуславливают обращение к сущности и функциям художественно-образного познания педагогической действительности.

Исследование сущности художественно-образного познания педагогической действительности опирается на положения герменевтики и синергетики относительно значения гуманитарных знаний и художественно-образного познания действительности в современном мире (А. Больнов, А. Брудный, А. Ворожбитова, Х.-Г. Гадамер, Э. Дильтей, А. Закирова, Л. Лузина, И. Сулима и др.), концептуальные основы диалога культур (М. Бахтин, В. Библер), гуманистические идеи современной психологии и педагогики, теоретические основы интерпретации гуманитарного текста как «исходной точки любой гуманитарной дисциплины» (М. Бахтин).

Функции художественно-образного познания педагогической действительности можно определить следующие: аксиологическая, познавательная, эмоциональная, регулятивная, интерпретационная.

А. Роботова подчеркивает необходимость изучения педагогики не только путем научного познания, но и средствами художественно-образного познания [4, 5]. Автором отмечается смысл педагогики в системе культуры и гуманитарного знания, создание условий для диалогического мышления в познании педагогических явлений, особой «репрезентации» педагогического знания как знания вероятностного, посредником в котором выступает художественно-образное знание. А. Роботова отмечает, что включение художественного образа в учебный материал позволяет сравнивать научное понятие и образ, представить неисчерпаемость познания педагогических явлений, раскрыть многозначность педагогического явления, которое не может быть описано и проанализировано исключительно языком науки.

Актуальность художественно-образного познания педагогической действительности усиливается также тем, что в большинстве учебников и учебных пособий по педагогике психолого-педагогическое знание представлено «как сугубо рационалистическое (это многочисленные понятия, термины, принципы, идеи, положения, теории, концепции, системы, закономерности и т.д.)» [5]. Такое знание, как правило, монологическое, схематическое, умозрительное, «молчаливое», не способно вызвать сопереживание глубоким духовным процессам в культурно-образовательном пространстве современности, личностное отношение к сложным проблемам Ребенка и детства. Ценностная природа психолого-педагогического знания не в полной мере осознается будущими учителями. Соответственно, одним из путей формирования ценностного отношения к психолого-педагогическому знанию выступает художественно-образное познание педагогической действительности.

Обращение к произведениям искусства обусловлено необходимостью акцентирования внимания будущих учителей на отражение педагогической реальности в ее изменчивости, диалектике, противоречивости, что и прежде представляют произведения литературы разных жанров. Существенным возникает замечание О. Манделштама о литературе как «форме личностного существования человека».

В литературных произведениях не только определяются проблемы школы, взаимодействия учителя и учеников, педагогического мастерства, но и представлено разнообразие педагогических явлений, педагогических ситуаций, которые могут стать основой для психолого-педагогического анализа. Единство научного и художественно-образного познания оказывается в педагогической интерпретации художественного текста, позволяет совмещать личностный опыт будущего учителя с опытом и культурой педагогического мышления человечества, педагогической наукой, определить и сформулировать собственное философское понимание целей и ценностей педагогической профессии.

Ученые разных отраслей обращаются к художественно-образной природе искусства. Так, известны работы Б. Теплова, выполненные на основе литературных произведений («Проблема «узкой» направленности (Сальери и Герман)», «Темперамент и формирование характера (Татьяна Ларина)»). Несомненный интерес вызывают работы В. Зинченко «Возможна ли поэтическая антропология?», «Время – действенное лицо» и другие.

Необходимость использования различных источников психологического знания отмечается многими учеными, которые занимаются вопросами методики преподавания психологии в высшей школе. Так, В. Карандашев подчеркивает, что «источником психологических знаний могут также служить различные произведения искусства: произведения художественной литературы, изобразительного и

музыкального искусства, театра и кино. В них зафиксировано огромное количество человеческих судеб и реальных психологических проблем. Это своего рода «экспериментальные ситуации», которые создала сама жизнь или творческое воображение писателя, художника, музыканта, драматурга, режиссера. Такие ситуации трудно, а иногда и невозможно воспроизвести в рамках научной психологии» [6, с. 188].

Многочисленные образы, представленные в классических произведениях искусства становятся наглядными и убедительными образцами для описания психологии человека, позволяют проиллюстрировать, как общие психические закономерности проявляются в отдельных конкретных фактах. На занятиях по психологическим дисциплинам научные положения и идеи должны органично сочетаться с фрагментами художественной и автобиографической прозы, которая воспроизводит жизненные коллизии человека, мысли, переживания, поступки, индивидуальный внутренний мир детей разного возраста.

Научные определения и понятия, как правило, абстрагируются от пространственно-временных характеристик учебно-воспитательного процесса, от особенностей социокультурного пространства, принадлежности ребенка к определенному полу, социальной группе и тому подобное. Художественные произведения помогают создать целостное представление о жизненном мире человека, о контексте его жизненного пути, предоставляют возможность будущему учителю почувствовать и понять жизненную позицию ребенка. Так, например, уникальность внутреннего мира ребенка раскрыта в таких произведениях художественной литературы второй половины XX века, как «Вино из одуванчиков» Р. Брэдбери, «Недетские игры» Д. Бишофа, «Мальш» А. и Б. Стругацких и другие. Литературные произведения отражают и парадоксы педагогической действительности, знакомство с которыми может дать неожиданные результаты в профессиональном становлении будущего учителя («Вельде» Р.»Брэдбери, антиутопия О. Хаксли «О удивительный новый мир», роман С. Соколова «Школа для дураков» и др.).

На занятиях по психологии студентам были предложены разнообразные задачи, которые актуализируют проблему художественно-образного познания педагогической действительности. Например, такие: «У Ю. Клепикова, который написал сценарий фильма «Не болит голова у дятла», подростковый возраст определен как «фантастический», «странный», «жестокий», «прекрасный», «ужасный». Почему? Как это можно объяснить?»; «Проанализировать образ стража детей» на пропастью во ржи» (по Д. Сэлинджеру): «Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребята играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело –

ловить ребяташек, чтоб они НЕ сорвались в пропасть (...). Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи»; «Создать психологический портрет человека по методике И. Тургенева» и другие.

Таким образом, психологическая компетентность учителя – это своеобразный психологический личностный инструмент специалиста, который обеспечивает эффективное выполнение его профессиональной деятельности и опосредованное содержание этой деятельности. Формирование психологической компетентности современного учителя предусматривает привлечение различных форм познания педагогической действительности, в том числе такого важного, как художественно-образное познание.

Перспективы дальнейших исследований связаны с определением критериев отбора произведений искусства для использования в процессе изучения психологических дисциплин, технологическими аспектами организации работы студентов с психологическими и педагогическими текстами.

Библиографический список

1. Краевский В.В., Бережнова Е.В. Методология педагогики: новый этап : учебн. пособие для студ. вузов. М. : Издательский центр «Академия», 2006. 394 с.
2. Колесникова И.А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии: Курс лекций по философии педагогики. СПб.: «Детство-Пресс», 2001. 288 с.
3. Прикот О.Г. Педагогика отождествления и педагогическая системология. СПб.: Изд-во TVPinc., 1995.
4. Роботова А.С. Художественно-образное познание педагогических явлений: педагогика и литература. СПб., 1996. 240 с.
5. Роботова А.С. Художественный образ в педагогическом образовании. URL: http://pedagogika-cultura.narod.ru/private/Articles/N_2/Robotova_2.htm (дата обращения: 18.01.2015).
6. Карандашев В.Н. Методика преподавания психологии: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005. 250 с.

УДК 371.3+373.1

МОДЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ КУЛЬТУРЫ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА-ХУДОЖНИКА

Е.А. Ротмирова

Минский областной институт развития образования, Беларусь

E-mail: endi@moiro.by

Статья посвящена актуализации проблемы непрерывного компетентностного развития педагога-художника. В ней рассматриваются факторы культуры профессионализации; технологические особенности подготовки педагогов,

ориентированные на решение глобальных или отдельных узких проблем: в области содержания, технологии; кооперации. Особое внимание уделяется идее развития педагога-художника через синтез различных механизмов педагогической и художественной деятельности в ходе перманентного процесса компетентностно ориентированного развития педагога, реализуемого в ситуациях дополнительного образования.

Ключевые слова: педагог-художник, компетентностное развитие, культуротворчество, профессиональные компетенции.

THE MODEL IMAGE OF CULTURE COMPETENCE DEVELOPMENT OF THE TEACHER-ARTIST

E.A. Rotmirova

The article is devoted to the problem publicity continuous competence development of the teacher-artist. It discusses the factors of culture of professionalization; the technological features of teacher training, focusing on global or specific sub problems: in the content area, technology; cooperation. Particular attention is paid to the idea of developing teacher-artist - by-synthesis of various mechanisms of pedagogical and artistic activities in the permanent process of competence – based teacher development, implemented in situations of additional education.

Key words: teacher-artist, competence development, cultural creativity, professional competence.

Культурно ориентированный заказ современного общества предполагает становление успешной личности, обладающей не только обширным познавательным потенциалом, но и являющейся активным участником культурной профессиональной жизнедеятельности. В существующих условиях выдвигаются особые требования к степени культуротворчества и компетентности специалиста, профессионала.

Адекватные существующим реалиям профессиональные компетенции важны как для молодых специалистов, так и тем, кому нужно изменять свою ментальность в ходе дополнительной профессиональной подготовки, поэтому актуальна проблема формирования и развития нового качества образования с обновлённым составом ключевых компетенций профессиональной жизнеспособности педагогов [1].

Компетентностный подход как ведущий в дополнительном педагогическом образовании, определяет уровень подготовки специалиста, свободно владеющего своей профессией, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов [2], готового к постоянному профессиональному развитию. Если профессионализм чаще всего выступает в качестве определённой личностной предпосылки, условия профессиональной успешности, то компетентность рассматривается исследователями с точки зрения подготовки педагогов, как характеристика, уровень, этап профессионализации.

По мнению Е.В. Бондаревской, ключевые компетенции педагога подразумевают личностно осознаваемую, характеризуемую субъектный опыт и смысл универсальную систему знаний, умений и навыков [3]. Процесс развития компетентного педагога, с точки зрения Л.Н. Горбуновой, И.В. Лаврентьевой, И.П. Цвелюх [4], подвергает изменению профессиональное мировоззрение, обеспечивает выработку индивидуально-личностного стиля деятельности, освоение им профессиональной культуры. Профессиональная компетентность педагога «складывается на основе предметной деятельности, выполняющей управленческую функцию в системе учитель-информация-ученик» [5, с. 60].

Это означает, что педагог призван выступить в качестве проектировщика культурной деятельности по отношению к процессу оказания помощи, приобщения к культурным ценностям, формирования индивидуального образа учащегося, специалиста умеющего интерпретировать и себя, свои смыслы, свою готовность к диалогу, открывающему разные действительности, и профессиональному мышлению и действию [6].

По мнению С.Л. Рубинштейна, профессиональное мышление составляют особая изощёренная наблюдательность, умения: применять для решения задач особенное и единичное в определённой проблемной ситуации и переходить от мышления к действию и обратно, видеть проблему, эмпирический опыт [7], системно организованные знания. Причём, само по себе мышление связано не только с наукой и образующим её основу исследованием, но и с различными типами искусств, а также стоящими за ними другими типами мыследеятельности – проектированием, конструированием и оргуправлением [8].

Осознание того, что педагог должен выступить как посредник, который в ходе системной деятельности поможет ребёнку взрастить его культурную идею, развить индивидуальность и личную культуру, приводит к пониманию наличия у него профессиональной культуры [6].

Важно понимать необходимость осмысления педагогом как его педагогического, так и дидактического роста; учесть, что культурологический подход отражает своеобразие культурно ориентированного педагогического труда, выражает специфическое качественное состояние, уровень его становления и реализации по сохранению, воспроизводству и развитию в соответствии с определённой системой целей и ценностей [5], диктует значимость культуры профессионализации в процессе деятельности, становления ценностно-смысловой сферы.

Таким образом, на первый план выходит идея культурной практики развития профессиональной компетентности, акмеологичности подготовки педагога в условиях перехода от базового к дополнительному и

самообразованию. С позиции М.А. Гусаковского, образование – это практика культуропорождения, соответственно которой образовательная система есть социокультурный проект, в основе которого идея фиксации актуальной потребности, конструктивная способность, производительность и эффективность; а также процесс, который работает с практиками идентификации (отождествления, разотождествления) [6].

На сегодняшний период времени в целом доминируют как актуальные, востребованные в исследовательском аспекте проблемы общекультурного, культурно ориентированного образования и развития художественных сфер деятельности и индивидуальных художественно творческих, педагогических методик в частности.

В системе художественного педагогического образования задачи дополнительного, самообразования получают решение в аспекте создания должных культурных условий достижения непрерывности, поэтапности развития педагогов.

При этом, в интеллектуальном и социокультурном понимании художественное образование определяют как особую сферу продуктивной одухотворённой человеческой деятельности, в структуре которого принципы общего образования, гарантирующего все этапы школьной работы, обеспечивающего формирование эстетически развитой формы сознания, в составе которых типодействительное устройство эстетической деятельности, направленной на развитие способностей наблюдать - созерцать, изобретать - конструировать, интерпретировать - сообщать [8].

Специалист в сфере художественного образования, призванный строить культурно ориентированный образовательный процесс как педагог-художник, должен быть проводником художественной культуры в общее пространство человеческой жизнедеятельности.

Профессиональное индивидуально-ответственное поведение педагога-художника, как современного специалиста культуры, обуславливает саморазвитие готовности и способности к комплексной реализации своего художественно-педагогического потенциала.

Профессиональную компетентность педагога-художника исследователи характеризуют через:

- присвоение: 1) предметных, 2) дидактических, 3) воспитательных компетенций;

- обогащение: 1) когнитивным, 2) коммуникативным, 3) мотивационно-ценностным, 4) эмпирическим ресурсами;

- развитие: 1) интеллектуального, 2) художественно-творческого потенциала.

Поэтому перманентный процесс компетентностного развития педагога, реализуемый в ситуациях дополнительного образования, призван рассматриваться не только как новый интеллектуально-познавательный

ресурс, а как присвоенный продуктивный опыт, базирующийся на системе определённых факторов.

В нашем понимании, профессиональная компетентность педагога-художника, эффективность её развития определяется системой внутренних и внешних акмеологических факторов.

К интернальным (внутренним) акмеологическим факторам, обусловленным задачами профессионализации (лично и профессионально-ориентированные), можно отнести: мотивационную, эмоционально-волевою, аксиологическую, содержательно-технологическую направленность педагога-художника.

Мотивационная направленность специалиста характеризуется уровнем мотивации к достижению наивысших результатов в профессиональной деятельности. Эмоционально-волевая направленность раскрывается через проявление аутопсихологической компетентности, эмоциональную устойчивость, гибкость в решении педагогических проблем.

Аксиологическая направленность обуславливается адекватной самооценкой педагогом-художником своих возможностей, осознанием и проявлением в художественно-образной форме профессионально и лично-ценностных смыслов.

Содержательно-технологическая направленность педагога-художника определяется наличием опыта профессиональной художественно-педагогической деятельности.

Экстернальные (внешние) факторы непрерывного компетентностного развития образует культуротворческая образовательная среда. Она выступает открытым культурным новообразованием, развивается в границах: ниши профессиональной деятельности (в условиях занятий с учащимися изобразительным искусством), ниши дополнительного образования (в процессе повышения квалификации), в нише самообразования педагога-художника.

Обозначенные факторы-стимуляторы гарантируют установку на успешность, культуру компетентно ориентированной профессионализации педагога-художника.

Специфика продуктивной подготовки педагогов-художников призвана характеризоваться прогнозируемостью, гибкостью и оперативностью, опорой на динамику потребностей, наличием критериев качества.

Для решения этой задачи дополнительного образования педагогов не подходят традиционные практики и механизмы. По мнению специалистов-андрагогов, в дополнительном педагогическом образовании не всегда работают механизмы согласования запросов педагогов-практиков и предложений самой системы. Изучение запросов, различные

«вариативные» курсы не решают проблемы, поскольку отражают точку зрения системы повышения квалификации [9].

В качестве решения предлагаются дидактические варианты, которые ориентированы на решение глобальных или отдельных узких проблем: в области содержания (актуализация новой информации для развития личности и профессионализма педагога; интегративный принцип отбора содержания обучения; открытость содержательных ресурсов); технологии (открытый и свободное определение индивидуального образовательного маршрута; вариативность программ; широта выбора методического инструментария; дифференциация и интерактивность обучения); кооперации (взаимодействие и сотворчество участников образовательной деятельности).

Полагаем, технологические особенности подготовки педагогов-художников призваны определяться прогнозируемостью, гибкостью и оперативностью, опорой на динамику потребностей, наличием критериев качества. В системе дополнительного образования процесс повышения квалификации необходимо строить не только с учётом проблем профессиональной деятельности, а используя технологию, позволяющую эти проблемы решать, давая ответы на вопросы: «зачем и для чего это делать, что делать, как, каким образом, с помощью чего?».

В содержании программ дополнительного образования педагогов-художников, в аспекте освоения ими процесса сопровождения дидактической деятельности должны быть отражены как интеграционные связи различных видов искусств, так и связи артдидактики и художественной деятельности учителя. Эта цель актуализируется при подготовке педагога-художника, достигается с помощью особых специальных средств: информации (содержания), методов и приёмов, форм дидактической деятельности, призванных соответствовать содержанию и специфике, реализуемых учителем артпроцессов.

Другими словами это означает, что педагог-художник как проводник культурных смыслов и идеолог успешных и положительных, эмоционально насыщенных художественных творений своих учеников сам призван быть не сколько широко образованным, а профессионально устойчивым, компетентным.

Модельный образ культуры компетентностного развития педагога-художника призван отражать идею синтеза различных технологических механизмов педагогической и художественной деятельности, транслировать культурный образец успешной художественно-педагогической практики. Она в свою очередь - отображает целеценностный, содержательно-технологический, культурно-управленческий, продуктивный, презентационно-внедренческий аспекты культуры деятельности в целом.

В итоге, делаем вывод, что в условиях дополнительного образования для педагогов-художников необходимо изучать и предлагать не просто эффективный педагогический опыт, а целостные механизмы непрерывного компетентностного развития, способствующие своевременному культуротворческому решению профессиональных проблем.

Библиографический список

1. Третьяков П.И. Профессиональная жизнеспособность и компетенция педагогов-руководителей как показатели качества образования // Педагогическое образование и наука. 2004. №2. С. 221-227.
2. Лисицына Т.А. Российская версия модели специалиста XXI века: между homo faber и homo sapiens // Язык образования и образование языка: материалы IV всерос. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2005. Вып. 7. С. 61-64.
3. Бондаревская Е. В. Педагогическая культура как общественная и личная ценность // Педагогика. 1999. №3. С. 37-43.
4. Горбунова Л. Н., Лаврентьева И.В., Цвелюх И.П. Характер затруднений педагога в контексте личностно-профессионального развития // Повышение квалификации педагогических кадров в XXI веке: традиции и инновации: сборник мат. межд. науч.-практ. конференции, 20-21 мая 2009 г. М.: АПК и ППРО, 2009. С. 18-28.
5. Седова Н.В. Основы практической педагогики: учеб. пособие. М.: ТЦ Сфера, 2008. 192 с.
6. Живая педагогика: Открытость. Культура. Наука. Образование: материалы круглого стола «Отечественная педагогика сегодня – диалог концепций». М.: Народное образование, 2004. 272 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989, Т. 1. 488 с.; Т. 2. 328 с.
8. Громыко Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства). Минск: Технопринт, 2000. 376 с.
9. Фишман Л. Проблемы повышения квалификации и опыт их решения // Новые знания. 2004. №4. С. 14-16.

УДК 378.147

СИТУАЦИОННАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

И.Н. Сергиенко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: siren.com@yandex.ru

В статье рассматривается ситуационная форма обучения как инновационный способ организации процесса становления профессиональной компетентности в вузе. Данная форма обучения позволяет создавать профессионально-ориентированную среду

и решать основную задачу процесса – организацию самоуправляемой учебной деятельности студентов.

Ключевые слова: форма обучения, профессиональная компетентность, система высшего образования, компетентностный подход.

A SITUATIONAL FORMS OF TEACHING IN FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE

I.N Sergienko

The article analyses the situational form of education as an innovative way to organize the process of formation of professional competence in high school. This form of training allows you to create professional-oriented environment and solve the basic problem of the process - the organization of a self-learning activities of students.

Key words: a form of teaching, professional competence, higher educational system, competence-based approach.

Высокие темпы преобразований в современном мире, становление глобального информационного общества, формирование единого европейского образовательного пространства в условиях Болонской декларации предъявляют системе высшего образования новые требования к подготовке субъекта профессиональной деятельности. Российским вузами решается задача перехода на компетентностно-ориентированную систему образования, соответствующую требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Реформирование системы высшего образования на компетентностной основе актуализирует поиск эффективных путей достижения новой цели процесса обучения – становления профессионально компетентного специалиста.

Различные стороны этого вопроса отражены в последних правительственных документах: в Проекте «Образование 2020», постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» на период до 2025 года, распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. №2227-р «О стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.» и др. Проблема качественной подготовки высококвалифицированных кадров решается в условиях Федерального закона от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» на период до 2025 года отмечается, что система образования призвана обеспечить подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий

[1, с. 5]. Данные векторы развития актуализируют существенное преобразование направленности профессиональной подготовки со знаний на уровень профессиональных компетентностей студентов в решении новых профессиональных задач.

Несмотря на существенные изменения, произошедшие в образовательных организациях (вузах) – переход на многоуровневую систему образования, внедрение новых ФГОС ВПО, научное осмысление компетентностной модели высшего образования – на современном этапе остается ряд нерешенных проблем. К ним можно отнести: недостаточное научно-теоретическое обоснование компетентностной модели образования в каждой отдельной области или специальности; использование в учебном процессе форм, методов и средств, несоответствующих обновленному содержанию; сохранение лидирующей позиции преподавателя, основанной на монологическом изложении учебного материала и пассивной позиции студента в организации своей учебной деятельности. В связи с этим, считаем актуальным решение проблемы поиска эффективных путей реализации компетентностного подхода в образовательной практике вузов.

Процесс становления профессиональной компетентности в вузе осуществляется в рамках профессиональной подготовки и, в частности, организуется учебным процессом в соответствии с ФГОС ВПО. Обучение является важной частью процесса образования, отвечающее за целенаправленное организованное взаимодействие обучающихся и преподавателей, в ходе которого происходит развитие личности путем приобщения человека к общественной жизни, труду, мировой культуре и окружающей действительности (В.И. Загвязинский, И.Н. Емельянова, И.П. Андириади, С.Н. Ромашова, С.Ю. Темина, В.В. Краевский, А.В. Хуторской, Н.М. Борытко, И.А. Соловцова, А.М. Байбаков). По мнению Л. Клинберга, организация обучения – это исторически сложившиеся внешние рамки, границы, в пределах которых совершается обучение [2, с. 118]. И одним из основных компонентов, по его мнению, является форма обучения, которая, находясь в диалектическом единстве с содержанием, неразрывно следует за ним. То есть, если форма обучения своевременно не преобразована, тогда она становится тормозом развития содержания обучения. Следовательно, измененное содержание вслед за новой целью в обучении (становления профессиональной компетентности), требует для гармоничного развития реформировать и форму обучения.

За всю историю педагогической мысли ученые-исследователи и педагоги-практики ведут неустанный поиск новых форм обучения в соответствии с меняющимися требованиями развивающегося общества. В результате в педагогическом процессе высшего учебного заведения используется целый комплекс форм обучения. К ним традиционно относятся лекции, семинары, коллоквиумы, практикумы, лабораторные

работы, самостоятельная работа, научно-исследовательская работа студентов, производственная и дипломная практики и др. [3, с. 166], а также интерактивные дискуссионные, игровые и тренинговые формы обучения. Интерактивное обучение, основанное на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи и создания условий, где студент чувствует свою успешность, интеллектуальную состоятельность, преследует ту же цель, что и компетентностно-ориентированное обучение, использование его форм позволяет получить лучший результат в организации процесса становления профессиональной компетентности. Но некоторые ученые [4, с. 31], занимающиеся проблемами компетентностно-ориентированного обучения, считают, что приоритетной целью этого процесса и главным резервом повышения эффективности подготовки специалистов является организация самоуправляемой учебной деятельности. Это объясняется тем, что самостоятельная работа позволяет развивать способность принимать на себя ответственность и самостоятельно решать проблемы, находить конструктивные решения и выходы из кризисных ситуаций, овладеть фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками, овладеть опытом творческой и исследовательской деятельности по решению новых проблем и социально-оценочной деятельности, формировать интерес к познавательной деятельности, овладеть приемами процесса познания и развить познавательные способности.

В вузе существуют различные виды самостоятельной работы, которые обычно прописываются преподавателями в рабочих программах каждой дисциплины. К ним относятся: подготовка к лекциям, семинарам, лабораторным работам, коллоквиумам, зачетам, экзаменам; выполнение рефератов, курсовых работ и проектов; а на заключительном этапе – выполнение выпускной квалификационной работы. Перечисленные виды самостоятельной работы указывают на то, что данная форма, теряя свою независимость, пронизывает любые виды учебной деятельности и является составным элементом ее аудиторных форм. Но в действительности, исходя из цели обучения в вузе, самостоятельная работа студентов является приоритетной формой обучения, и ее место в данном взаимодействии с другими формами должно неуклонно расти с каждым годом. Успешность организации ее роста зависит от непрерывного контроля со стороны преподавателей, от создания условий ее развития во всех формах обучения, а также от планирования объема самостоятельной работы в учебных планах.

Для решения приоритетной задачи процесса становления профессиональной компетентности, такой как организация самоуправляемой учебной деятельности, предлагаем рассмотреть построение учебного процесса с позиции ситуационного подхода. Личность и ситуация находятся в неразрывном единстве, в котором

уязвимость личности к определенным факторам среды, сквозь призму их преодоления, способствует ее активности по преобразованию собственного внутреннего мира. По мнению В.В. Серикова, ситуационный подход в образовании связан с проектированием способов жизнедеятельности воспитанников [5], а в исследованиях Н.М. Солодухо, это путь познания обучаемого, который сопровождается непрерывной чередой ожидаемых и непредвиденных обстоятельств [6].

Ситуационный подход в процессе обучения реализуется посредством создания последовательности различных педагогических ситуаций как совокупности условий и обстоятельств, задаваемых учителем. Исследователи, занимающиеся проблемами реализации ситуационного подхода в образовании, предлагают различные классификации многообразия педагогических ситуаций. Приведем некоторые примеры, соответствующие основаниям для классификаций форм обучения: по месту возникновения (на уроке, на улице, дома и т.д.); по взаимодействующим субъектам и объектам (учитель-ученик, ученик-ученик и т.д.); по сущности педагогического процесса (дидактические, воспитательные и т.д.); по степени управляемости (жестко заданные, неуправляемые, управляемые); а также по степени проективности (преднамеренно созданные, естественные, стихийные, спроектированные); по содержанию (учебные, проблемные, политехнические, производственно-технические); по степени оригинальности (стандартные, нестандартные, оригинальные); по характеру (дисциплинарные, междисциплинарные, общенаучные) и многие другие [7-9].

Из приведенных примеров, видно, что ситуации и формы обучения имеют общие организационно-структурные тенденции. Если ученые представляют учебный процесс как непрерывную цепь взаимосвязанных ситуаций, а форма обучения является системой циклически повторяющихся этапов процесса обучения [10, с. 37], то, объединив несколько преднамеренно созданных обучаемым педагогических ситуаций в одном месте и промежутке времени, где происходит развитие обучающегося под их воздействием, мы получим новый вид организационной формы обучения. Эта инновационная форма, согласно систематике В.И. Андреева [11], относится к группе внешних форм обучения, а по особенности структуры, основанной на меняющихся ситуациях, может получить название «ситуационная».

Ситуационная форма в становлении профессиональной компетентности может проектироваться посредством одной или ряда меняющихся профессионально-ориентированных ситуаций, решающих задачи организации самоуправляемой учебной деятельности, или отдельных педагогических ситуаций, используемых в рамках других форм обучения. Описание ситуаций и определение их условных названий будет зависеть от их основной цели. Например, для организации процесса

переработки и хранения информации – информационно-познавательная ситуация, предполагающая самостоятельную работу студентов в аудитории под руководством преподавателя с различными информационными источниками; аналитическая ситуация создает обстоятельства и условия для овладения студентом аналитических навыков; ситуации, которые создает преподаватель для овладения профессионального мастерства – педагогические и профессиональные; для развития организаторских умений – организаторские ситуации; чтобы овладеть ораторским мастерством и навыками публичного выступления – публичные и концертные ситуации; для развития творческих умений – театральные ситуации и ситуации созидания; для развития коммуникативных навыков – конфликтные ситуации и т.д. Основными отличиями ситуационных от других существующих форм обучения является доминирование самостоятельной учебной деятельности студентов; выполнение преподавателем роли направляющего и корректирующего самостоятельную деятельность студента; обязательное наличие рефлексии как способа осознания студентом и преподавателем полученных результатов в специально созданной профессионально-ориентированной деятельности.

Таким образом, ситуационная форма обучения – это организационно-конструктивный компонент обучения, преднамеренно создаваемый преподавателем посредством ряда меняющихся ситуаций, которые влияют на развитие обучающегося. В становлении профессиональной компетентности ситуационная форма обучения позволяет создавать профессионально-ориентированную среду и решать основную задачу процесса – организацию самоуправляемой учебной деятельности студентов.

Библиографический список

1. Национальная доктрина образования в РФ до 2025 г. // Вестник образования России. М.: «ПРО-ПРЕСС», №1 (январь). С. 4-14.
2. Клинберг Л. Проблемы теории обучения. М.: Педагогика, 1984. 256 с.
3. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2003. 304 с.
4. Лызь Н.А., Лызь А.Е. Компетентностно-ориентированное обучение: опыт внедрения инноваций // Высшее образование в России. 2009. №6. С. 31.
5. Сериков В. В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. Волгоград: Перемена, 1994. 152 с.
6. Солодухо Н.М. Ситуационный подход как общенаучное средство познания // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2009. №3. С. 116-119.
7. Безрукова В.С. Педагогика. Проективная педагогика. Екатеринбург: Деловая книга, 1996. 344 с.
8. Бордовская Н.В. Реан А.А. Педагогика. СПб.: Питер, 2000. 304 с.
9. Сластенин В.А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры // Педагогическое образование и наука. 2008. №12. С. 4-15.

10. Борытко Н.М. Профессионально-педагогическая компетентность педагога // Интернет-журнал «Эйдос». 2007. 30 сентября. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-10.htm>. (дата обращения: 30.09.2014).
11. Андреев В. И. Педагогика: Учебный курс для творческого саморазвития. Казань: Центр инновационных технологий, 2000. 608 с.

УДК 792-053.2

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ОБУЧАЕМЫХ НА УРОКАХ МУЗЫКИ

М.А. Фадеева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tmmo2013@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования творческой активности обучаемых младшего школьного возраста на уроках музыки. Приведены примеры игровых ситуаций, стимулирующих творческую активность и инициативу обучаемых.

Ключевые слова: творческая активность, обучаемый, урок музыки, игровые ситуации.

THE FORMATION OF THE CREATIVE ACTIVITY OF TRAINEES FOR MUSIC LESSONS

M.A. Fadeeva

The article considers the problem of forming of creative activity learners of primary school age for music lessons. Examples of game situations, stimulating creative activity and initiative of the students.

Key words: creativity, learning, lesson, music, game situation.

Особенности социокультурной ситуации в современном обществе требуют от личности умения быстро адаптироваться к новым условиям, находить оптимальные решения сложных вопросов, проявляя нестандартность мышления. В последние годы в современном образовании наметилась устойчивая тенденция, указывающая на необходимость воспитания и формирования такой личности. На современном этапе все больше внимания уделяется поиску перспективных подходов к решению проблемы оптимизации процесса обучения, стимулированию творческой активности учащихся. Одной из важнейших задач современной школы является формирование творческой, мыслящей личности, поэтому в последнее время все больше внимания уделяется вопросам формирования

творческой активности и инициативы обучаемых средствами искусства, в частности музыкального.

Обладая уникальными возможностями целостного воздействия на личность, музыкальное искусство выступает не только как средство музыкально – эстетического воспитания, но и как универсальное средство творческого развития ребенка.

Проблемы творческого развития личности, ее музыкально-эстетического обучения и воспитания в условиях массового музыкального образования широко освещались в научных трудах Э.Б. Абдуллина, Ю.Б. Алиева, О.А. Апраксиной, Б.В. Асафьева, Л.А. Баренбойма, Н.А. Ветлугиной, Н.Л. Гродзенской, Д.Б. Кабалева, Н.А. Терентьевой, В.Н. Шацкой, Л.В. Школяр и других учёных. Конкретизируя задачи формирования творческой активности учащихся на уроках музыки, исследователи указывают на необходимость стимулирования у обучаемых творческого мышления, фантазии, стремлению к самовыражению через исполнительские и творческие виды музыкальной деятельности.

Категория «активность» в переводе с латинского означает «деятельный, энергичный, инициативный». По отношению к личности активность свидетельствует о том, что человек деятельный, он стремится к реальному участию во всем, проявляя себя в деятельности. Активность личности определяется учеными (Т.Н. Мальковской, А.В. Перовским) как социальное качество, которое формируется у человека в процессе включения его в систему общественных отношений, освоения им материальных и духовных продуктов человеческой культуры. Определяя активность личности как действенное, отношение человека к окружающему миру, ученые пришли к выводу, что она состоит из внутренних и внешних характеристик. К субъективным составляющим исследователи отнесли потребности, мотивы, интересы, цели, которые проявляются через внешнюю организацию активности – действия субъекта, его деятельность.

Таким образом, активность личности будет рассматриваться нами как свойство личности, выражаемое в творческом освоении и преобразовании окружающего мира.

В формировании творческой активности личности основополагающее значение имеет направленность личности на музыкальное искусство через включение в основные виды музыкальной деятельности. По определению Л.С. Выготского, Э.Б. Абдуллина, Н.А. Ветлугиной, Е.В. Назайкинского музыкальная деятельность представляет собой продуктивную сторону музыкально – творческой активности личности.

Так, например, после прослушивания музыкального фрагмента учащимся предлагается выразить в рисунках или через цветовую гамму свое видение музыкального образа, выявляя благодаря этому глубину индивидуального постижения музыкально-изобразительных и музыкально-

выразительных средств музыкального произведения. Во время слушания можно организовать и коллективную работу, при которой разные группы учащихся воплощают музыкальный образ через разнообразные виды творческой деятельности. Чтобы глубже почувствовать связи между различными видами искусства, можно разделить класс на три группы: «художники», «литераторы», «музыканты» и предложить каждой из них передать своими средствами выразительности музыкальный образ.

Известно, что у учащихся младшего школьного возраста ярко проявляется творческое начало, дети данного возраста необыкновенно изобретательны в передаче интонаций, подражании, легко воспринимают образное содержание сказок, песен, музыкальных пьес, им особенно свойственна творческая активность и инициатива. Так, в исполнительских видах музыкальной деятельности творческое начало у младших школьников может проявляться в исполнении несложных мотивов, часто возникающих непроизвольно, в воспроизведении (голосом на металлофоне) несложных мотивов разного характера (в жанре марша, польки, вальса); в выразительных движениях под музыку, передающих различные характеры и настроения произведений, в создании ритмического сопровождения к пьесам для слушания музыки, в оценочных суждениях об услышанной музыке; в осмысленном исполнении песен с элементами собственной интерпретации.

Музыкальное обучение осуществляется учителем в процессе учебной деятельности, когда младший школьник переходит от игры к учению как основному способу усвоения человеческого опыта. Оно рождается при решении новых, нестандартных задач. Задачи, которые ставятся перед учащимися на уроках музыки, должны быть нестандартными, отражать возникновение нового знания, его развитие, становление в систему понятий. Задача творческих заданий – погружение младших школьников в процесс создания музыкального искусства, в создании условий, помогающих прожить музыку с точки зрения ее разных творцов – композитора, дирижера. Приведем примеры музыкальных игр, направленных на формирование творческой активности младших школьников.

Игра «Что ты услышал?» знакомит учащихся с понятием «тембр». Эта игра в дальнейшем приобретает и другое содержание: учитель, демонстрируя детям значение разнообразных средств выразительности для создания определенного характера, поет или играет на фортепиано интонации различного характера, например, вопроса, ответа, жалобы, просьбы и т.д. В результате анализа попевок различного рода дети стараются определить, какой это образ, какое настроение в нем содержится.

Игра «Музыкальная табакерка» формирует умение создавать маленькие и простые мелодии. Например, после прослушивания

фрагмента из симфонического произведения М.П. Мусоргского «Баба-Яга» учащиеся отмечают изобразительные моменты (свист ветра, удары меча). Учитель обращает внимание на средства выразительности (темпы, нюансы, регистры). Задание может быть следующим: при показе двух репродукций картин, например, «Утро» и «Девятый вал» К. Айвазовского школьникам предлагается ответить, какие музыкальные произведения и какого характера, с использованием каких средств выразительности могли бы передать настроение этих картин. После словесных «опытов» детей полезным будет прослушивание двух песен о море, например, «Капли и море» и «Морская песенка» Я. Дубравина. Далее рекомендуется обсудить, какое настроение передал композитор в этих сочинениях и какими средствами. Можно также прослушать фрагменты из фортепианных пьес, например, из цикла М.П. Мусоргского «Картинки с выставки». Также можно также попросить учащихся дома подобрать маленькое стихотворение, постараться понять его характер, настроение, чтобы на следующей репетиции «сочинить» к нему музыку.

В игре «Музыкальный спектакль» можно на занятиях использовать игрушки, применение которых очень раскрепощает детей и тем самым повышает эффективность музыкальной деятельности. Например, при слушании музыкальной сказки Д.Б. Кабалевского «Петя и Волк» проводится «Игра в названия». После этого учащимся показываются три игрушки (волк, утка, птичка). Затем дети думают, какая из данных игрушек из этих игрушек могла быть сочинена сыгранная пьеса. В заключение учитель объявляет ее название и автора, пьеса звучит еще раз.

Игра «Музыкальные открытки» направлена на формирование способности сообщить воображаемым или реальным исполнителям художественную или драматургическую идею композитора. После прослушивания и обсуждения нескольких пьес или пения с анализом небольшого количества песен один из учащихся в молчании дирижирует одной из этих пьес или песен, а все стараются узнать, какое именно произведение он имел в виду, и объясняют, почему узнали. Это задание должно сыграть роль организатора внимания. Чтобы более или менее точно изобразить музыку, необходимо, прежде всего, вслушаться в нее, заострить внимание на ее особенностях: темпе, ритме, метре, динамике развития, особенностях оркестровки. Все эти особенности вызовут необходимость разными жестами выразить музыку. При анализе формы произведения для дирижирования лучше всего выбирать несложные, легко запоминающиеся фрагменты.

Игра «Танец музыки» развивает способность детей выразить в движениях самое характерное в музыкальном произведении. Чтобы найти выразительные движения, соответствующие музыке, дети сначала слушают произведение, выявляют его характер, средства музыкальной выразительности, форму. Затем они планируют возможные варианты тех

или иных движений. Замысел обсуждается коллективно или обдумывается индивидуально и дополняется. Итогом творческого процесса является выразительное исполнение сочинения. В результате такой деятельности учащиеся глубже проникают в ее жанровую природу, средства музыкальной выразительности и устанавливают связь между музыкальной и пластической интонациями, между выразительностью жеста и музыкальным образом. Незаметно расширяя круг ассоциаций, можно обратиться и к образам природы, внутреннему миру человека с его богатством и многогранностью внутреннего мира. Отбирая музыку для этого задания, необходимо выбирать такую, которая может являться наиболее изобразительной с точки зрения возможности ее пластического выражения.

Игра «Музыкальное лукошко» – это коллективная игра, коллективный труд всех учащихся: каждый из них примет участие в заполнении «лукошка» – впишет название понравившейся пьесы, нарисует иллюстрацию к ней.

Игра «Музыкальное эхо» обычно начинается на шестом-восьмом занятии в разделе «распевания»: учитель играет на фортепиано или поет несложные попевки, дети поют их вслед за ним на какой-либо слог. Первоначально в этих попевках используются произвольные ступени лада, не только изучаемые, так как на первых репетициях сознательно поются обычно только три ступени мажора. Происходит неосознанное запоминание мелодий. Спустя несколько репетиций рекомендуется ввести второй вариант этой игры с использованием только изученных ступеней лада. Дети осознают их и поют на слоги, называя ноты или ступени.

Деятельность учащихся на занятиях обязательно должно вызывать у них положительные переживания, быть привлекательной. Стимулирование творчества детей в любых сферах их деятельности служит созданию базы для формирования творческой активности и инициативы обучаемых.

Таким образом, игровые ситуации создают условия для такого индивидуального воздействия на ученика в рамках коллектива и тем самым способствуют (при систематическом, планомерном их использовании) более интенсивному развитию всех детей. Благодаря использованию игровых приемов сложные навыки, понятия, термины становятся доступными младшим школьникам. Применение игровых ситуаций на уроках музыки повышает заинтересованность детей. Это очень важно, так как один из наиболее действенных способов активизировать учебный процесс – заинтересовать учащегося, поэтому формирование творческой активности учащихся на уроках музыки проходит на таких занятиях наиболее эффективно.

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

А.В. Филиппов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: arkadi-f@ya.ru

В статье на основе изучения анализа понятия деятельность сделана попытка переосмысления его в сфере музыкального искусства. Важной составляющей этого переосмысления является уход от структурирования деятельности на мотивы, цели и задачи в сторону осознания её в музыке как культурологически непрерывного процесса переживаний, неразрывно связанных с музыкальным языком.

Ключевые слова: деятельность, процесс, сознание, тождества, переживание, эмоциональная сфера, интонация.

THE PROBLEM OF ACTIVITY IN MUSIC

A.V. Philippov

In article on the basis of the analysis of the concept of activity made an attempt to rethink it in the sphere of musical art. An important component of this rethinking is a departure from structuring activities on the motives, goals and objectives towards realizing her music as a cultural experience of a continuous process, closely related to musical language.

Key words: activities, processes, consciousness, identity, experience, emotional sphere, intonation.

На рубеже веков проблема деятельности всё более и более актуализируется как в науке о человеке, так и в искусстве. Причём эта актуализация представляет собой движений двух встречных потоков: философского, связанного с выявлением «определённого типа бытия в мире, который составляет существо деятельности» [1, с. 11] и частно-научного, использующего данную методологию для раскрытия особенностей своих видов сознательной активности. Анализируя данное понятие, следует, конечно, подчеркнуть замечание Б.Ф Ломова, что несмотря на то, что любая категория сильна своей всеобщностью, она всё же «раскрывает только какую-либо одну определенную сторону действительности. Поэтому гиперболизация ее значения, ее абсолютизация, превращение в суперкатегорию опасны» [2, с. 8].

Тем не менее, невзирая на отсутствие калибровочной теории деятельности, симметрично вбирающей в себя как сугубо философский феноменологический аспект, так и объяснительно-методологический, науки, по словам В.С. Швырёва «вынуждены пользоваться

представлениями о деятельности, говоря о ней как предмете психологии, педагогики, эстетики, творчества и т.д.» [1, с. 10]. И здесь, по замечанию того же автора, понимание деятельности выходит за рамки «отношения к действительности в её «чистом» виде» [1, с. 10]. Тем не менее, исходя из частного понимания деятельности, науки вносят существенный вклад в теорию деятельности в её всеобщности, всё чаще и чаще занимаясь и анализом этой всеобщности, в том числе и на основе разработанных схем видных психологов. Естественно, что особая роль в развитие понимания исследуемого феномена принадлежит психологии. По выражению А.Н. Леонтьева деятельность входит в предмет психологии «не стороной, не аспектом, точкой, углом зрения, а особым содержанием» [3, с. 117].

И действительно, в современной отечественной философии понятие деятельность определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование [4, с. 633]. Понятие в своей основе имеет материалистическое, марксовское «предметно-деятельностное» толкование с необходимостью объект-субъектных отношений и всякий уход в сторону рефлексии, самосознания, ценностей выглядит в данной концепции как психологизация. В этом, по нашему мнению заключается и сложность применения данной концепции в гуманитарных науках и, особенно, в процессуальных формах культуры и искусства каким является музыка. Хотелось бы, чтобы философская концепция деятельности не отделялась от психологии, а вбирала её, следуя указаниям С.Л. Рубинштейна, что деятельность и сознание не два в разные стороны обращённых аспекта, а органически целое [5, с. 51], что, по нашему мнению, создало бы условия для более быстрого вхождения понятия деятельности как методологически объяснительного принципа в сферу искусства.

Понятие «деятельность» во всей его глубине появилось намного позже, чем было определено его содержание. Развитие представлений о деятельности, в основном в исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия и др. шло от понятия, «практический интеллект», которое впоследствии было заменено более соответствующим его содержанию термином «деятельность».

Термин «деятельность» в отечественной психологии введён М.Я. Басовым в 20-х годах прошлого века. По его мнению, деятельность – это особая область познания, «с помощью которой он (организм) устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею [окружающая среда]...» [6, с. 252]. Им были также поставлены проблемы строения деятельности как исходного в системе научной психологии. Басов утверждал, что «процесс непрерывного развития, усложнения и дифференциации активных функций организма во взаимоотношениях со средой можно представить себе весь от начала до конца, от стадии

простейших до стадии человека, оставаясь при этом все время неизменно в плоскости одних и тех же представлений о природе данных явлений» [6, с. 261].

Исходя из того, что деятельность – «предмет особого назначения», Басов по новому отнёсся к её строению отвергая принципы структурализма: психическая деятельность складывается из элементов сознания; гештальтатов – из динамики психических форм; функционалистов – взаимодействие функций восприятия, памяти, воли и т.п.; рефлексологов – из рефлексов.

Басов М.Я. считал деятельностью особую структуру, состоящую из отдельных актов и механизмов, связи между которыми регулируются задачей. С учётом этого связующего элемента он выделил два основных структурных компонента деятельности: стимул и реакция организма и среды. Им вводится понятие направленности деятельности (задачи), как равнодействующей между векторами направленности социально-биологической среды и «самого организма».

А.Н. Леонтьев, признавая важность сделанного Басовым, тем не менее, указывает, что это – «скорее движение от понятия деятельности, потому что это возвращение, по существу, к поведенческим, в широком смысле слова реактологическим, ассоцианистским по своему духу, конструкциям» [3, с. 113].

Сам А.Н. Леонтьев отстаивал направление, которое возвращала бы концепцию «к идее порождения и развития сознания в практических действиях» [3, с. 115] и понимает под деятельностью «процессы, которые осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают собой, соответствующей им потребности» [7, с. 115].

С.Л. Рубинштейн подходит к проблеме деятельности в большей мере с точки зрения философии. Особенно это прослеживается в его ранней работе «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса», где с позиций диалектического материализма отстаивается взаимопроникновение действия и предмета, «формирование субъекта и сознания через продукты общественной практики» [8, с. 31] В своих исследованиях в дальнейшем он всё более отстаивает единство деятельности и сознания.

«Сознание и деятельность образуют органическое единство, единую систему. Сознание определяется действием, в действии раскрывается сознание» [5, с. 49]. Там же он придерживался мысли, что хотя деятельность и является предпосылкой психики, всё же напрямую предметом изучения только психологии не является выходя в области физиологии, социологии и т.д.

Рубинштейн определял деятельность как «процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, задачам, которые ставит перед ним жизнь» [9, с. 256]. Замена в определении слова «отношение» на слово «переживание»

приближает понятие деятельности к сфере искусства. Деятельность становится процессом реализации переживания человеком окружающего мира, общения с другими людьми, строительства и достижения идеалов и целей.

Наиболее сложно отношение теории деятельности и взглядов и исследований Л.С. Выготского. По мнению одних психологов у него вообще не было концепции деятельности, по мнению других, он является её отцом. В своём учении он по иному рассматривает деятельность, понимая под причиной деятельности не потребности как таковые, а культурно приобретенные речевые знаки и символы. А.Н. Леонтьев, ученик Выготского, неоднократно подчёркивал связь своих работ по теории деятельности с концепциями учителя, называя их «краеугольным камнем» теории. А.А. Леонтьевым точно подмечены те позиции у Выготского на основании, которых его отец А.Н. Леонтьев разработал теорию деятельности. Он пишет, апеллируя к лекциям Выготского, что в них «деятельность (практическая деятельность) выступает как своего рода первотолчок, обуславливающий последовательное «вращивание» в сознание: действие → смысл действия → предметное значение → перенос на слово → «эмансипация» слова → новое (словесное) значение → перестройка сознания и «сознание идеалов вещей» → перестройка деятельности» [10, с. 135]. Тем не менее, в отличие от учителя А.Н. Леонтьев доказывает, что «в деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» [11, с. 124].

Теоретические концепции Выготского с позиции современности осмысливаются несколько шире: это и основание теории деятельности, продолженное Леонтьевым, но это и связь деятельности и переживания, т.е. единства интеллекта и аффекта. В конце своей жизни, исследуя движущие аспекты познавательной или интеллектуальной деятельности он приходит к выводу, что движущей силой является эмоциональная сфера. Он утверждает, что «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее...» [12, с. 22].

По мнению Л.С. Выготского, эволюционное развитие превращает действия, связывающие субъект с миром, в деятельность, обязательным условием которой становится общение через язык. При всей спорности культурно-исторической теории Выготского, часто игнорирующей проблему деятельности как таковую, ряд исследователей разрабатывают теорию деятельности именно с точки зрения «недеятельностного» подхода Выготского, так верно подмечающей слабость теории деятельности в её опоре на субъект-объектные отношения, без учёта всей палитры субъект-субъектных отношений в виде общения. В очень интересной статье 1932 года «К вопросу о психологии творчества актёра», идеи которой так

близки исследуемой нами теме, он прямо указывает на особый статус художественной деятельности, как основанной на чувствах, которые в процессе общественной жизни развиваются, и распадаются. По его мнению, «эти прежние связи; эмоции вступают в новые отношения с другими элементами душевной жизни, возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения» [13, с. 328].

Подход к деятельности с этих позиций душевной жизни, т.е. переживания, позволяет включить в деятельность и общение, и восприятие (слушание, чтение, созерцание) и исполнение, и диалог и дискуссию. Как правило, все эти виды деятельности являются процессами со всеми вытекающими из этого качествами, важнейшими из которых является непрерывность и направленность.

Если в продуктивных и предметных видах деятельности, подобный подход, который можно назвать эмоционально-деятельностный, не является актуальным, то в художественных видах, по нашему мнению, он преобладает. Осознанное или интуитивное движение в виде направленности к идеалу и переживание этого движения, является важнейшим фактором активации художественной деятельности.

Мы видим здесь переплетение, практически неотделимое перетекание познания в эмоции, и наоборот, возбуждающее желание к достижению согласно некоему внутреннему установленному и устанавливаемому идеалу.

Анализируя проблему деятельности в музыке всё более осознаёшь ограниченность псевдодиалектического подхода советского периода, на словах декларирующего единство музыки как формы-схемы и как процесса, а на деле подменявшего исследование живого процесса музыкального творчества составлением схем и правил. Тогда как, по выражению Б. Асафьева, главное в музыке – это «не результаты в завершённом виде, а ход наблюдения над ним» [14, с. 97].

В любом случае нужно осознавать, что результатом деятельности может быть продукт, взятый сам по себе и тогда результат обособляется от субъекта, а может быть процессом, неразрывно с субъектом связанным. Иначе говоря, можно утверждать, что есть области деятельности, которые оцениваются и определяется только через результаты, и области, где на первый план выходят временные, динамические характеристики, неразрывно связанные с носителем. Именно поэтому современная идеология единства формы как процесса и формы как схемы верная в своём идеальном толковании на практике применима лишь в области музыкального анализа и совершенно губительна в области музыкального восприятия и исполнительства. Анализ линеен по своей сути, в то время как исполнительство и музыкальное сочинительство, музыкальное

восприятие неотрывны от субъекта и являются творческими системами подчиняющиеся нелинейным законам.

Безусловно, что это непрерывные виды деятельности, несмотря на то, что объективно мы можем указать их начало и окончание, связав, например, с началом музыки и с её окончанием. На самом деле эти виды – это некоторая внутренняя деятельность по изменению своего собственного мира (не всегда в сторону совершенствования) направленность и динамику которому задаёт процесс переживания музыкального произведения с учётом наличия готовности технической (мастерства) и эмоциональной (опыта) для этого изменения. Иначе говоря, музыкальная деятельность – это некоторое резонансное возбуждение тех предпочтений, мотивов, пристрастий, которые уже являются частью личности субъекта, которые в свою очередь прошли оформление в период его музыкального воспитания. Результатом этого возбуждения становится изменение как новое качество, которое в свою очередь может стать мотивом для следующего цикла и т.д. По видимому, результатом любого вида процессуальной художественной деятельности будет изменение через переживание, которое и является в данном случае продуктом деятельности.

Таким образом, анализируя художественные типы деятельности можно выделить некоторые элементы этих непрерывных процессов переживания: состояние, мотив, резонанс, состояние с новым качеством. Что касается цели, или идеала, то в художественных процессах они часто остаются вне личности и выполняют некие социальные, гуманистические, ценностные её функции.

Опираясь на структуру деятельности, данную М.Я. Басовым, можно представить её музыкальный аналог:

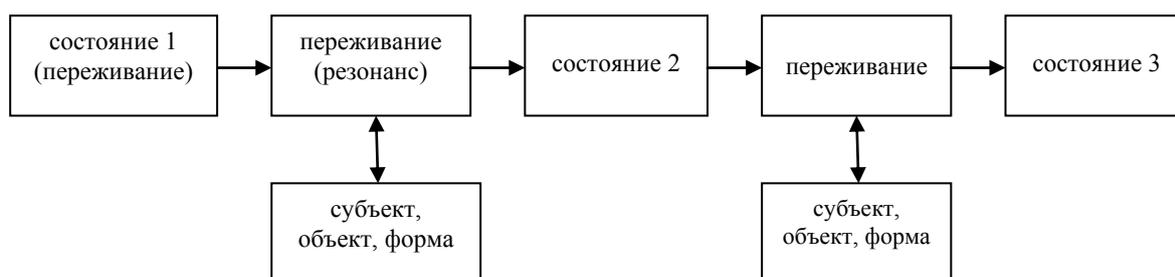

Рис. 1. Структура деятельности музыканта

Репродуктивный и непрерывный резонанс-переживание является необходимым и иногда единственным способом совершенствования и приближения к идеалу. При отсутствии репродуктивности в мышлении происходят процессы в физике называемыми энтропийными. Энтропия естественное и всеобщее свойство материи, связанное с переходом при отсутствии внешних и внутренних воздействий из состояния с более высокой энергией в состояние с более низкой. Усложнение и развитие

систем возможно только при постоянном репродуктивном обновлении и информационно-эмоциональной сверке с изменяющимися условиями.

В заключении приходится признать, что художественные процессы, особенно творческие, с трудом описываются с помощью деятельностного подхода. Мотивы, цель, результат, да и сама рефлексия практически не подлежат анализу с точки зрения методов одномерного единичного расщепления музыкального движения и тотчас исчезают в момент остановки этого самого движения. Осознание и мышление в период движения вовсе непохожи на то, как мы мыслим и чувствуем прервав это движение. В движении мы начинаем ощущать некие вещи, которые вне движения мы отмечаем лишь формально. Именно поэтому любая формалистика ничего не стоит и не объясняет вне живого течения потоков воли, познания и переживания.

Библиографический список

1. Швырёв В.С. Проблема разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990. 366 с. С. 17.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с. С. 8.
3. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в сов. психологии // Вопросы психологии. 1986. N4. С. 109-120.
4. Философский словарь. Т. 1. М., Мысль, 2010. С. 633.
5. Рубинштейн С.Л. Основы психологии М., 1940 С. 18.
6. Басов М.Я. Общие основы педологии. М.- Л., 1928. 744 с. С. 261.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Академия пед. наук РСФСР, 1959. С. 115.
8. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 31.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание Монография. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 328 с. С. 256.
10. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с. С. 135.
11. Леонтьев А.Н. Учение о среде в педагогических работах Л.С. Выготского (критический анализ) // Вопр. псих. 1998. С. 124.
12. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. М., 1982. Т. 2. 504 с. С. 22.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. М., 1984. Т. 6. 400 с. С. 328.
14. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. 376 с.
15. Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. М.: Изд. Моск. университета, 1994. С. 43.

КРЕПОСТНЫЕ ТЕАТРЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.Г. Царькова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tsarkova_elena@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью крепостных театров в России: репертуар, специфические черты, задачи, стоявшие перед театром той эпохи, значение для развития театрального искусства России в целом. Особое внимание уделяется характеристике крепостных театров саратовской губернии – А.Б. Куракина и А.Е. Столыпина.

Ключевые слова: крепостной театр, саратовская губерния, А.Б. Куракин, А.Е. Столыпин.

SERF THEATERS SARATOV PROVINCE

E.G. Tsarkova

The article discusses issues related to the activities of the city's theatres in Russia: the repertoire, the specific features of the task facing the theater of that era, the importance for the development of theatrical art in Russia. Special attention is paid to characteristics of the city's theatres Saratov province – A.B. Kurakin, A.E. Stolypin.

Key words: serf theater, Saratov province, A.B. Kurakin, A.E. Stolypin.

На рубеже XVIII-XIX столетий достигает своего предельного развития своеобразнейшее явление русской театральной жизни – крепостной театр. Он существовал в России на протяжении примерно столетия – с середины XVIII в. до середины XIX в.

Основная причина становления крепостного театра лежала в самой *экономической системе феодально-помещичьей России*, позволившей к концу XVIII века сосредоточить в руках дворянства несметные земельные богатства и окончательно закабалить крестьянство.

Однако ведущую роль сыграл ряд других моментов – *социальных и политических*. Именно в 1770-х годах дворянская аристократия вынуждена была отойти от активного участия в политической жизни страны, в связи с чем обострилось ее стремление всемерно поднять значение родовых помещичьих «вотчин», противопоставить их императорскому двору. Тогда же, вслед за разгромом восстания Пугачева, значительно активизировалась общественная жизнь помещичьего дворянства. А это также повлекло за собой тщеславное равнение на то, что делает «первая помещица» – императрица. Таким образом, не столько

тяготение к искусству, сколько расчетливое желание во всем подражать царскому двору вызвало к жизни крепостной театр.

Русский крепостной театр претерпел значительные изменения за XVIII столетие. Вначале пути он выполнял роль простой барской забавы, где пьесы игрались исключительно в качестве досуга для господ. Уже в 60-е годы XVIII века он смог составить конкуренцию, не только театру императорского двора, но и знаменитым зарубежным труппам.

Крепостной театр был **двух видов** – *усадебный* и *городской*. В них представления давались для господ и приглашенной публики.

Усадебный представлял собой специально построенные здания, в которых представления давались летом. **Городской** театр – театр зимний. Часто он размещался в переоборудованных для представлений городских помещениях. К концу XVIII века появляются особый тип крепостных театров – **коммерческие**, направленные, прежде всего, на получение прибыли. Так, театр Шаховского не только давал представления для господ, но и вывозил театр на Макарьевскую ярмарку.

Отметим некоторые специфические черты деятельности крепостных театров. Во-первых, их репертуар состоял главным образом из комедий и опер, меньшей популярностью пользовались драмы и только на последнем месте стояли трагедии. Во-вторых, большое значение имели декорации, костюмы и прочий антураж, который придавал спектаклям пышность и зрелищность, давал возможность превзойти других держателей крепостных трупп. В-третьих, постановки ставились часто, что свидетельствовало о слабом внимании к репетиционной работе. В-четвёртых, работа в театре строилась на жестокой эксплуатации крепостных актёров, которые нередко совмещали актерскую деятельность и работу на помещика. За не выполнение той или иной задачи они подвергались физическим наказаниям. В-пятых, особо ценились те актеры, которые обладали большими способностями, прежде всего, ценилось умение петь, поскольку большинство постановок носили музыкальный характер.

В тоже время между крепостными театрами имелись и различия, которые были связаны главным образом с личностными пристрастиями владельцев и их общественными взглядами. Так, среди прочих более серьёзным репертуаром, гуманным отношением к актёрам выделяются театр графа Шереметьева в Кускове и театр Дурасова в Люблино.

Увлечение театром стало толчком развития русской театральной критики, прошедшей в данном столетии путь от сообщений информационного характера до высказываний о качестве постановок, игре актёров, сути театрального искусства. К концу столетия интеллигенция испытывала насущную потребность в театре, не только как в забаве. Отчётливо было видно культурно-просветительское влияние театра. Со сцены, как с кафедры преподавались обществу уроки высших ценностей.

Постепенно из сферы изысканных развлечений театр перешёл в сферу духовную.

Задачи, стоявшие перед театром той эпохи, ясно определены Сумароковым. Он считал, что цель театра – стремиться к изоощрению вкуса, к смягчению нравов, к искоренению пороков и к возвышению духа и патриотизма. Сложная, поставленная перед театром цель, требовала от актёров нового уровня игры. Первым это почувствовал М.С. Щепкин, который стал добиваться в своём творчестве невероятной правдоподобности и поразительной психотехники. То, чего добился Щепкин и другие великие актёры того времени, легло в основу нынешней театральной школы.

В 60-70-е годы XVIII столетия возросший интерес к театральному искусству и рост его общественного значения обусловили возникновение театров, изначально ориентированных на создание высокохудожественных произведений искусства. Люди, страстно ищущие творчества, формируют свои труппы, обучают актёров. Так возникают театры графа Каменского в Орле, Дурасова в Люблино, князя Юсупова в Петербурге, князя Урусова в Москве.

Так возник и театр графа Шереметьева. Граф набирает труппу, которая состоит целиком из крепостных крестьян. Обучает их мастерству актёра, совершенствует машинерию, которая, впоследствии позволяет строить великолепные декорации к спектаклям, первым специально выстраивает театр в Останкино, чья архитектура до сих пор удивляет и поражает. Граф Шереметьев, опираясь на все лучшие технические достижения западно-европейского театра (шумовые машины, карманы для складирования декораций, форма зрительного зала), обогатил их своим опытом. Тем самым, дав толчок развитию сценографического искусства в России. Шереметьев создавал спектакли, отличавшиеся большой сложностью. Граф Шереметьев, опираясь на лучшие технические достижения западно-европейского театра (шумовые машины, карманы для складирования декораций, форма зрительного зала), обогатил их своим опытом. Шереметьев создавал спектакли, отличавшиеся большой сложностью. Его театр дал толчок развитию сценографического искусства в России. Живописные декорации писались специально для каждой постановки. Усложняется актерская игра, которая насыщается внутренними психологическими переживаниями. Театр Шереметьевых отличался от ему подобных вдумчивым подходом к отбору репертуара, основу которого составляла античная драматургия.

Крепостные театры имели огромное значение для развития театрального искусства России в целом.

1) В процессе театрального развития крепостной театр и выработавшаяся в нем система актерской игры и репертуарная политика

способствовали выделению в самостоятельные направления драматический театр и театр оперы и балета.

2) Разнообразный репертуар, включавший произведения со сложной драматургией и философской проблематикой, насыщенная репетиционная работа под управлением владельца-режиссера, предопределили становление психологической линии актёрской игры.

3) Театр стал ставить перед собой серьезные общественные проблемы, уходя за рамки развлекательности.

4) В лексиконе русского языка новое значение приобрело слово «актер», которое стало употребляться не только по отношению к западно-европейским театральным деятелям, но и к русским «лицедеям» и «балагурам». К ним стали относиться как к полноценным и ответственным членам общества (уважение к актерской профессии). История сохранила для нас имена величайших актёров 18 столетия, таких как Щепкин, Семёнова, Мочалов, Жемчугова, Дмитриевский.

5) Традиция выстраивать для театра отдельное здание, со специальным оборудованием и машинерией повлияла на перенос театральных представлений с площадей и бальных залов на сцену.

6) На основе западно-европейских образцов сформировался архитектурно-строительный облик театров.

7) Крепостной театр оставил наследие в виде крупнейших театров России: Большой и Малый театры в Москве, Саратовский театр оперы и балета имени Н.Г Чернышевского, драматический театр им. Слонова. Некоторые сцены (театр Каменского, Дурасова) ныне используются в качестве концертных и театральных площадок, куда мы приходим удовлетворить свои духовные потребности, получить эстетическое наслаждение, поразмышлять о мире и себе в нем.

На рубеже XVIII-XIX столетий, как свидетельствует Т. Дынник, в России уже существовало 173 крепостных театра, из них 63 приходилось на Москву и 27 на Петербург [1]. По три и более театра имелось в Пензенской, Курской, Нижегородской, Орловской, Тамбовской, Калужской, Костромской, Владимирской и некоторых других губерниях.

В нашей статье мы остановим внимание на двух театральных предприятиях XVIII столетия – крепостных театрах А.Б. Куракина и А.Е. Столыпина.

Модную дань Талии и Мельпомене отдавало и дворянство Саратовской губернии. Стараясь не отстать от царского двора и перещеголять своих соперников размахом затей, местные помещики заводили «комедийные хоромы», набирали из дворовых труппы актеров, певчих, танцоров и музыкантов. Скупые отрывочные сведения все же свидетельствуют о существовании крепостных театров на саратовской земле. Это связано с деятельностью именитых дворян Салтыковых, Чернышовых, Голицыных, Гагариных, Зубовых, Столыпиных, Куракиных,

Львовых, Нарышкиных и многих других, получивших в XVIII веке огромные земельные наделы в Саратовском Поволжье. Стремясь поднять свой престиж, они с привлечением известных зодчих и народных мастеров возводили в своих владениях роскошные дворцы и усадьбы с парками, театральными-концертными залами, библиотеками, картинными галереями и прочими удобствами.

Инициатором создания крепостных театров стал князь Александр Борисович Куракин. В селе Надеждино вслед за художественной и музыкальной школами он открывает домашний театр. Театральные представления разыгрывались с участием оркестров, певиц, «дансерок», а порой с привлечением всей дворовой прислуги и даже гостей. В репертуаре куракинского крепостного театра, утверждает Г.А. Малинин, «преобладали оперы и балеты, драматические представления ставились редко» [2]. Это отвечало вкусам того времени. В моде были балетный спектакль «Венера и Адонис», комические оперы «Дианино дерево» В. Мартини с мифологической фабулой и античными костюмами, красочная «Ворожея» Ф. Керцелли, «Баба-Яга» М. Стабингера, в которой, в отличие от сказочной и злой Бабы Яги, традиционный персонаж русских народных сказок выступает в качестве носителя добра и справедливости, торжествующих над злом и пороком. Из драматического жанра в театре были показаны сентиментальная, «слезная», комедия «Так и должно» М. Веревкина, злободневная и веселая комедия «Солиман II, или Три султанши» Ш. Фавра и другие. Хорошо знакомый с театральным делом по Петербургу, Москве и зарубежным поездкам князь часто сам руководил постановкой таких спектаклей. Оформлением спектаклей занимались, видимо, художники, жившие в имении Куракина, – Малютин, Филимонов и Причетников (в будущем советник императорской Академии художеств). Костюмы для актеров и музыкантов шил иностранец Паянус. Зодчий Телегин наряду с другими его разнообразными обязанностями занимался поделочными работами. Также в куракинском театре были собственный парикмахер и два сапожника с их учениками. Положение актеров было бесправным и унижительным.

Алексей Емельянович Столыпин, прадед М.Ю. Лермонтова и П.А. Столыпина, также отдал дань Мельпомене. В семье Столыпиных ценили образованность. Сам Алексей Емельянович в ранней молодости некоторое время учился в Московском университете и, видимо, вынес оттуда стремление к просвещению. Однако, по утверждению современников, в театральном искусстве не был искушен. Идея создания театра родилась у его дочерей. И первоначально столыпинский театр начинался как домашний любительский, в котором представляли домочадцы и гости этого дома. Зародился он в Линёвке Симбирской губернии. Затем уже в селе Столыпино (Архангельское), перешедшем ему в собственность в 1783 году, чтобы снискать почет и уважение собирает из

своих крепостных театральную труппу [3, с. 16; 4, с. 4]. Александр Тургенев искренне удивлялся превращению любителя кулачных боев в заядлого театрал: «На диво выкинулся человек!.. Как ему, с которой стороны навеяло идею театр домашний сочинить! Он сам в театральном искусстве не знал ни уха, ни рыла!» [5, с. 276]. Крепостной театр прадеда П.А. Столыпина достойно соперничал с театрами екатерининских вельмож. Труппа была довольно многочисленна – свыше 70 человек. Но содержание театра было не обременительно. Винный откупщик недаром слыл оборотливым дельцом. Располагая неизмеримо меньшими средствами, чем Шереметев, он нашел способ сэкономить на театральных костюмах. На первой неделе барин отправлял своего приказчика Еремеича скупать на толкучем рынке платье, которое за бесценок спускали промотавшиеся щеголи. Подержанные театральные костюмы передавались для носки простолюдинам и даже шли на ризу сельскому. Но самую существенную статью экономии составляли крепостные артисты. Их труд ничего не стоил помещику: актеры-трагики, солисты, певцы, актеры-комики днем трудились на псарне и конюшне, наряжали и причесывали господ, а по вечерам давали для них представления.

В труппе были оперные и драматические актеры, хористы, танцоры и музыканты. Особенно славились в столыпинской труппе оперная и опереточная актриса В.Б. Новикова, известная под именем Вареньки Столыпинской, Е.А. Насова, обладавшая прекрасным голосом и замечательно исполнявшая русские народные песни, превосходный певец Уваров, сестры Лисицины, талантливо игравшие как в драматических, так и в музыкальных спектаклях, и другие.

Репертуар составляли оперы и водевили. Громким успехом пользовалась комическая опера «Щастливая тоня» (рыбная ловля), сочиненная князем Дмитрием Горчаковым.

Спектакли ставились в бальном зале, который был разделен нарядным занавесом. Декорацию составляли задник, несколько рядов кулис и падуг. Оркестр сидел в два ряда, отгороженный от зала парапетом. Зрители размещались на скамьях, обитых материей. За их рядами зал поднимался на две ступеньки, образуя как бы галерею, отделенную от основного пространства несколькими колоннами, поддерживавшими хоры. Зал освещался огромной люстрой и множеством стальных подсвечников. На сцене укреплялись специальные площадки, или «стаканы» с чистым воском, которые давали более яркий свет, нежели свечи [3, с. 17].

В конце XVIII столетия А.Е. Столыпин переезжает в Москву вместе домашним театром в количестве двух десятков актеров и актрис. Пошатнувшееся финансовое положение Алексей Емельянович поддерживал тем, что сдавал свою труппу внаем Московскому публичному театру, называвшемуся тогда Петровским, от которого ведет свою историю Большой театр. Как свидетельствует М.И. Пыляев, до

1806 года почти вся труппа Петровского театра состояла из крепостных актеров А.Е. Столыпина [6, с. 154]. Из них пользовались популярностью и успехом И. Кураев, А. Касаткин – талантливые комики, Я. Соколов – певец-тенор, А. Лисицын, «особенно хороший в ролях дураков и шутов», А. Баранчеева – проявившаяся в ролях «благородных матерей и больших барынь», А. Караневичева – молодая героиня, Е. Насова – оперная певица с прекрасным голосом, А. Лисицына – талантливая комедийная актриса [7, с. 30]. После пожара, уничтожившего здание Петровского театра, А.Е. Столыпин продал всю свою труппу, состоящую из 74 артистов и музыкантов дирекции императорских театров. Таким образом, крепостная труппа Столыпина, проданная за 32 тысячи рублей в казну, получила свободу и положила основание труппе Московского Малого театра.

Итак, крепостные театры XVIII столетия представлял собой такой же неперемный атрибут барской жизни, как выезд цугом, псовая охота, оранжереи с экзотическими фруктами и тому подобное. В Саратовской губернии, как и повсеместно в России того времени, театр был и досугом, и самопрезентацией, и способом обогащения. Жизнь крепостного актёра делала необычайно тяжёлой зависимость от барского произвола. Однако именно благодаря крепостному театру во времена преклонения интеллигенции перед всем иностранным, крепостной театр, часто помимо воли его владельцев, в силу самих условий его существования, сохранял особую близость к национальным истокам. Это находило свое выражение и в широкой театрализации русской пляски, и в постановке спектаклей на русские темы, и особенно в характере и стиле исполнительства, которое неизменно отличалось живой и глубокой национальной самобытностью. Крепостные театры А.Б. Куракина, А.Е. Столыпина содействовали широкому распространению театрального искусства, утверждали в нём через актёров демократическое направление, заложили основы русской провинциальной и столичной российской сцены.

Библиографический список

1. Дынник Т. Крепостной театр. М.-Л.: Academia, 1933. 327 с.
2. Малинин Г.А. Первые страницы. Из истории Саратовского театра // Поволжский край: межвуз. науч. сб. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 99-104.
3. Степанов С. Великий Столыпин. Не великие потрясения, а Великая Россия. М.: Яуза, Эксмо, 2012. 512 с.
4. Петров И. Деревня без статуса // «Новые времена в Саратове». №34 (434). 16-22 сентября 2011 г. С. 4. URL: http://www.nvsaratov.ru/nvrubr/?ELEMENT_ID=8948 (дата обращения: 07.03.2015).
5. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772-1863 // Русская старина. 1885. №11. С. 276.
6. Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб.: Издание и типография А.С. Суворина, 1891. 687 с.
7. Дьяконов В.А. Лицедеи, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. 224 с.

УДК78(072.8)

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ ВУЗОВ

Л.А. Чугунова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tmno2013@yandex.ru

В статье охарактеризовывается теоретическое состояние проблемы рассмотрения воспитания духовно-нравственных ценностей у студентов гуманитарных вузов. Обозначены особенности ценностей молодого человека в рамках современного состояния общества и развития личности гуманитарных профессий.

Ключевые слова: личность, общественные изменения, духовно-нравственные ценности, культура, высшая школа.

EDUCATION SPIRITUAL AND MORAL VALUES STUDENTS OF HUMANITIES UNIVERSITY

L.A. Chugunova

In the article the analysis of theoretical problems of upbringing of spiritual and moral values of students of humanitarian University. Marked features of the values the young man within the present state of the society and personality development of the humanitarian professions.

Key words: personality, social change, spiritual and moral values, culture, higher school.

Сложность и противоречивость социально-экономических, политических, культурных процессов нашего общества обусловило постановку задач воспитания духовно-нравственных ценностей студентов в системе подготовки будущего специалиста.

Признавая реальные трудности российской действительности, многие ученые видят выход в изменении духовной культуры и нравственной жизни нашего общества. Духовная ситуация характеризуется нестабильностью общих установок, противоречивостью мнений, эклектичностью оценок. В настоящее время, когда разрушаются, утрачиваются духовно-нравственные ценности, которые раньше казались незыблемыми, происходит трансформация духовно-нравственных ориентаций индивидов, истинные ценности подменяются ложными.

Исторический опыт свидетельствует, что государство слабеет и разрушается, если жизнедеятельность его граждан не скрепляется единой, вдохновляющей их идеей, устойчивыми духовно-нравственными

ценностями. С.Б. Крымский подчеркивал, что «Кризисные процессы в духовно-идеологической сфере, подрыв нравственно-этических норм и идеалов и, как следствие – тяжелая ситуация в области экономики и экологии – все это заставляет людей обратиться к подтвержденным многовековой историей нетленным ценностям национальной культуры, самосознания, национальной психологии России» [1].

Приблизить человечество к мировой гармонии – гармонии Духа, Человека и Природы возможно лишь при активном использовании духовных и культурных сил народа; признать наряду с материальной, полноценность идеальной субстанции духовного мира и души человека, личностного принятия высшего смысла человеческого бытия, как бытия духовного.

Духовно-нравственное воспитание диалектически связано с социальной жизнью. Проблема духовно-нравственного устройства есть проблема правильного соотношения индивидуального и социального в нашей жизни. Через анализ ценностей можно увидеть изменения, происходящие в культуре личности молодого человека – гуманитария в будущем – в ответ на исторические и социальные перемены.

Непрерывные и кардинальные общественные изменения в последние 10-лет отмечают трансформацию ценностей россиян, которые указывают на необходимость серьезных усилий по его стабилизации, а она возможна только на основе гуманистических ценностей, которые и создают общую ориентацию различных социальных групп в демократическом государстве. Образование является центральным звеном в системе средств, обеспечивающих демократизацию общества и сбалансированность его развития, поскольку цель образования в обществе социальных перемен состоит в интеллектуальном, духовно-нравственном и физическом развитии человека.

Коммерциализация социально-экономических отношений, культуры, образования, семейной жизни быстро изменяют психологию людей, деморализует молодежь. Сейчас заметно снижение общего уровня образованности и воспитанности молодежи. Наблюдается их слабая способность адекватно анализировать объективную реальность, видеть и понимать свои цели и задачи, а также средства и способы их достижения.

Вследствие этого наблюдается неустойчивость духовно-нравственных убеждений юношества, которая приводит их к неожиданным поступкам, а порой и неуправляемому поведению. Происходит это, прежде всего под влиянием случайно возникших ситуативных всплесков, чаще всего потому, что у многих молодых людей мало знания и опыта следования духовно-нравственным нормам общества.

Духовность формируется самой личностью. Разумеется, исходя из той информации, которая попадает в поле зрения субъекта и с учетом всей

окружающей его обстановки. Это социально-политические, экономико-правовые, культурно-нравственные и другие условия нашего общества.

Проблема духовно-нравственного воспитания тесным образом связана с ценностным развитием личности, поэтому важным является вопрос содержания духовных ценностей и качеств личности.

Современная высшая школа, провозгласив примат общечеловеческих ценностей над узконациональными и классовыми, предполагает необходимость связей целей воспитания и образования с формированием духовно-нравственного развития свободного человека, способного к творчеству и социальной активности, ответственного за свои деяния перед обществом. Главное в воспитании – ожидание не ответного, а ответственного действия. Это, в свою очередь, предполагает не столько формирование человека по установленным меркам и стандартам (хотя и это должно иметь место), сколько умение выявить способности молодого человека к творчеству и вывести его на дорогу культурного всечеловеческого созидания.

Если современное осмысление образования рассматривает его как способ вхождения человека в целостное бытие культуры, постижение и осмысление им смысла жизни, то при этом усиливается роль духовно-нравственных ценностей, которые в структуре воспитательного и образовательного процессов занимают существенное место. Они – его цель и основа, на которые опираются все методики.

В ситуации обновления нашей жизни возникает острая необходимость радикального пересмотра оснований образовательной практики и педагогической деятельности. Эта идея обнаруживается (с той или иной аргументацией) в трактовке смысла, сути и контуров новой формирующейся парадигмы образования.

В настоящее время вся система образования должна быть нацелена на смену ценностных ориентиров, которые основаны на непреходящих человеческих ценностях и направлены на благо общества. Эти ценности имеют подлинно гуманистический смысл с точки зрения сущности человека и его существования в открытом мире. Выход на эти смысложизненные ценности невозможен без специально выработанного аппарата их осмысления. И это осмысление на уровне знаний дают гуманитарные знания, поэтому современное светское образование может развиваться на глубоком гуманитарном фундаменте.

Ценности создают гибкий уровень регуляции общества, подчиняя себе функционирование обычаев, норм, знаний, особенно важных для общества. Классификация же ценностей по типу и уровню неизменно условна в силу того, что в нее вносятся социальные и культурные значения.

Иерархия ценностей строго индивидуальна. Комбинация сочетаний и взаимосвязей ценностных выборов бесконечна. Но преподаватель не

производит выбор за студентов. Он лишь разворачивает всю их многоцветную палитру, вскрывая сущность, содержание. Место в жизни, влияние на судьбу. Прослеживание социального развития личности производится через динамику конкретных и частных отношений к общечеловеческим ценностям, аккумулирующим в себе достижения культуры.

Рассматривая духовно-нравственные ценности в качестве основных воспитательных целей. Необходимо учитывать современную, социально-культурную ситуацию, обусловленную экономическим и духовным кризисом. В отношении ценностей она выражается так:

- гипертрофия в представлении студентами роли и значения денег, вещизм, ориентация на личное материальное благополучие любой ценой;
- недооценка, а порой пренебрежительное отношение к национально-культурным ценностям, слепое преклонение перед всем иностранным;
- недооценка и роли и значения природы в жизнедеятельности человека, отношение к природе с точки зрения потребителя, а не созидателя;
- нетерпимое отношение к инакомыслящим;
- недооценка доброты, справедливости, милосердия и других нравственных качеств.

Поэтому сегодня с особой остротой стоит проблема целенаправленного, систематического формирования у студентов истинных духовно-нравственных ценностей.

Ценности помогают отделить хорошее от плохого, истину от заблуждения, красоту от безобразия, допустимое от недопустимого.

Предоставив личности свободный выбор в организации собственной жизни, а значит, поставив ее в состояние постоянного духовного усилия по решению жизненных проблем, преподаватель не должен оставлять ее без помощи и поддержки, без опоры на человеческий опыт. Сконцентрированный в наивысших ценностях, жизненный опыт передается посредством этих ценностей.

Воспитание духовно-нравственных ценностей осуществляется, прежде всего, активными методами, которые побуждают к размышлению, дискуссиям, спорам, проводящимся в виде диспутов и диалогов. Это вырабатывает диалектическое мышление, способность самостоятельно ориентироваться в социуме. Активные методы направлены на закрепление знаний духовно-нравственных ценностей, вырабатывают способность применения этих знаний в конкретной жизненной ситуации, в оценке собственного поведения и поступков.

Библиографический список

1. Крымский С.Б. Контуры духовности / Вопросы философии. 1992. №12. С. 21-28.

УДК 75(470)+929Малевич

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ – ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ РУССКОГО АВАНГАРДНОГО ИСКУССТВА

Е.П. Шевченко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: elenabushmina@yandex.ru

Статья посвящена краткому анализу творчества художника К. Малевича, который пройдя сложную живописную эволюцию, создал один из ярчайших авангардных направлений – «супрематизм». В его искусстве воплотились многие особенности русского художественного авангарда.

Ключевые слова: русский авангард, К. Малевич, супрематизм, квадрат.

KAZIMIR MALEVICH LIKE ONE OF THE FOUNDERS OF RUSSIAN AVANT-GARDE ART

E.P. Shevchenko

This article is devoted to the analysis the art of Kazimir Malevich, who passed through his art evolution and creates a new bright avant-garde style - "Suprematism". The features of russian art avant-garde came true in his art.

Key words: avant-garde, K. Malevich, suprematism, square.

Русский авангард оставил после себя богатое наследие. Несмотря на то, что феномен русского авангарда существовал не долго, всего несколько десятилетий, благодаря ему «родились» такие великие художники, как Казимир Малевич, Владимир Татлин, Павел Филонов и др. Особенное значение имеет тот факт, что общее понятие «русский авангард» состоит из нескольких направлений, которые были характерны не только для живописи, но и для всего искусства того времени, в том числе для архитектуры, скульптуры, кинематографа, дизайна и литературы.

Несмотря на то, что авангардные течения в искусстве развивалось и в других странах, многие направления, такие как кубофутуризм, конструктивизм, супрематизм появились именно в России. Они же и получили название «русский авангард».

Новое искусство уже в то время покоряло безудержной свободой, увлекало и захватывало, но одновременно свидетельствовало о деградации, разрушении целостности содержания и формы. Присущая

некоторым течениям авангардного искусства атмосфера иронии, игры, карнавальности, маскарада не столько маскировало, сколько раскрывало глубокий внутренний разлад в душе художника. Авангард был нацелен на радикальное преобразование человеческого сознания средствами искусства, на эстетическую революцию, которая разрушила бы духовную косность существующего общества, при этом его художественно-утопические стратегия и тактика были гораздо более решительными, анархически-бунтарскими.

Ярким представителем русского авангардного искусства является Казимир Малевич (1878-1935), о котором по-настоящему заговорили в кругах не только художественных, но и в широкой прессе после выставки, где он показал так называемые супрематические полотна, иначе говоря, геометрические абстракции. К. Малевич прославился как один из основателей абстрактного искусства XX века.

В период с 1915 по 1935 гг. художник разрабатывал новую систему живописи – супрематизм, которую понимал, как искусство чистых форм, понятное вне зависимости от культурных или этнических начал. В своих теоретических работах он говорил о том, что в супрематизме о живописи не может быть и речи, живопись давно изжита, а сам художник – предрассудок прошлого [1, с. 226]. Малевич положил начало художественной утопии, ставшей эквивалентом религиозной живописи. Он стремился заменить вездесущую в каждом русском доме икону путем создания работ, которые бы взывали к более высоким субстанциям человеческого сознания.

Долгое время живописное искусство Малевича считалось «идеологически вредным», и в своих исследованиях советские искусствоведы главным образом отмечали формальные качества его произведений, ибо они были действительно очень существенны для развития художественной культуры XX века.

В настоящее о творчестве Малевича написано много книг и еще больше статей, а в 1930-е годы художник был вообще «закрыт», хотя его и не забыли. Но он был знаком зла, самым последовательным выразителем модернизма, который знаменовал в официальной критике «полный упадок буржуазного искусства». Однако именно это низведение Малевича на самое дно, как отмечают Д. Сарабьянов и А. Шатских и поддерживало интерес к его личности [2].

В настоящее время значение Малевича выходит далеко за пределы только русской художественной культуры и приобретает уже общемировой характер. И вместе с тем его творчество неотделимо от тех художественных процессов, которые происходили в России на рубеже веков; от той своеобразной ситуации, которая сложилась в русской художественной школе, когда туда вошел Малевич.

В своем творчестве он как бы сконцентрировал несколько потоков, воплотил в своей жизни и своем искусстве все особенности русского художественного авангарда. Хотя начинал Малевич (еще будучи в Киеве) с натурализма, но сам мастер не придавал серьезного значения натуралистическому периоду своего творчества. Импрессионизм, фовизм, кубизм – вот те фазы живописной эволюции, которые он прошел. Стоит отметить, что Малевич недолго был увлечен фовизмом и его русским аналогом – «неопримитивизмом» (именно тогда на его творчество оказали большое влияние икона и городская вывеска). Уже в начале 1912 года он приступил к освоению кубизма. Это последнее открытие французского искусства оказалось решающим в его дальнейшем движении от кубизма к супрематизму. Работа «Туалетная шкатулка» (Холст, масло, 1913, ГТГ, Москва) убедительно показывает каждому зрителю этот новый этап в творчестве художника. В ней иллюзия реальности исчезла, целостный предметный мир разрушен. Композиция будто создана из обломков и деталей – прямоугольников, цилиндров, фигур разной формы и цвета, хотя намеки на сюжет, конечно, есть (видны деревянные детали).

Кубистическая «постройка» кажется хаотичной и бессмысленной, но главным ее принципом был контраст элементов. Контрастировать должны были все детали и формы: прямоугольные и круглые, выпуклые и плоские, гладкие и шероховатые, теплые и холодные, светлые и темные, узнаваемые и беспредметные. Такой контраст сумел вывести сам Малевич благодаря работам Пабло Пикассо и Жоржа Брака. Но стоит упомянуть, что европейцы строго его не придерживались и могли писать всю картину в серебристо-охристой гамме мелким одинаковым мазком. Малевич поступает иначе: он «складывает» картину из множества разных вещей.

Главным принципом кубизма является новое понимание пространства. Может показаться, что в картинах этого направления его просто нет, и художник озабочен только размещением форм на плоскости, но это неверное утверждение. Каждая деталь картины расположена как бы на разном расстоянии от нас: что-то ближе, что-то глубже; причем движение идет не от плоскости холста в глубину, как в традиционной постренессансной живописи, а наоборот – наружу, на зрителя.

Именно такая особенность в живописи привела к рождению двух направлений беспредметного искусства: объемных «контррельефов» Татлина – крепящихся к плоскости композиций из дерева, жести и других материалов - и живописного плоскостного супрематизма Малевича. Такие приемы стали новым открытием в русском авангарде.

Интересно видеть, как в той же «Туалетной шкатулке» крошечный крючок запирает неизвестно что: одним концом он крепится к иллюзорно написанной деревянной панели, другим – к белой супрематической плоскости, «пробравшейся» на первый план. Но это лишь одна из двух граней кубизма.

Вторая тоже была сформулированная мастером. Малевич назвал ее вертикальным или «этажным наращиванием» композиции. При этом «верхние этажи» не кажутся легче нижних, как это принято в традиционном искусстве, где есть постоянная оппозиция небо – земля. Если не было бы приметных деталей, то картину можно было бы перевернуть и ничего не заметить. А значит, и общая картина мира пришла бы в негодность с ее линией горизонта, отделяющей небо от земли.

В «**Портрете художника М.В. Матюшина**» (Холст, масло, 1913, ГТГ, Москва) тоже соотношение предметных «осколков» (клавиши, часть головы с расчесанными на пробор волосами) и отвлеченной беспредметной игры, но есть и нечто новое. Именно здесь Малевичу удается найти верное соотношение и открыть для себя, что же такое вес. По мнению Малевича, картину могут являться тяжелыми или легкими, предметы могут подчиняться законам гравитации и парить, как в невесомости. «Портрет Матюшина» является одним из самых «весомых» в творчестве Малевича в этот период. Все его элементы картины, крепкие и массивные, как будто сколочены в прочное, немного неуклюжее сооружение, которое начинает отделяться от фона и готовится пуститься в плавание по белому пространству, уже похожему на «супрематическую бездну».

Малевич на протяжении долгого времени считал, что современность еще не готова к супрематическому преображению. Необходимо время, чтобы подводить ее к такому искусству, приучать к восприятию такой живописи.

Важной темой для Малевича являлся человек. Художник подчеркивал, что всякая плоскость живет лица, глаз и улыбки. У «**Девушки с красным древком**» (Холст, масло, 1932-33, ГТГ, Москва) есть портретные черты (на картине изображена сестра жены художника Ангелина Воробьева). Есть и очевидные приметы современности - модная прическа, красная косынка. Но все-таки полотно Малевича не становится «нормальным» портретом или распространенным в советской живописи портретом – типом. Художник с одной стороны делает шаг к реальности, даже иллюзорности изображения, усиливает рельефность форм, но с другой стороны, чем вещественнее написаны детали, тщательнее отделка, тем острее ирреальность целого; чем явственнее приметы времени, тем более выключенным из его потока кажется образ. Зрителя может удивить наивность художественного языка, ведущая к несколько абсурдным превращениям форм. На картине у девушки короткие руки, это придает сходство с сидящей на шесте птицей, а разлетевшиеся и неестественно застывшие концы косынки приобретают очертания листьев.

Во всех портретах Малевича сохраняется метафизический привкус, загадка человеческого лица. Именно лицо Малевич считал частицей непознаваемого «беспредметного мира». Не погружение в реальность, но

создание новой, вполне герметичной системы – вот итог заключительных поисков художника.

В декабре 1915 года в старинном петербургском особняке на Набережной реки Мойки, в котором располагалось Художественное бюро Н.Е. Добычиной, открылась выставка «0,10». Никто тогда не задумывался над ее странным цифровым названием, видимо, воспринимая это как очередную причуду футуристов – обозначение последней их выставки. Между тем Малевича волновала – свести все предметные формы к «нулю», а потом «шагнуть за нуль» (в беспредметность).

На этой выставке была показана серия его картин под общим названием «Супрематизм живописи». Название это многим тогда показалось произвольным, а между тем художник решил подкрепить свой новаторский творческий опыт теоретическим сопровождением. К выставке он выпустил брошюру «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм». По объяснению самого автора, слово «супрематизм» означает первенство (то есть главенство) цветовой проблемы.

Больше всего шума наделала на выставке его картина **«Чёрный супрематический квадрат»** (Холст, масло, 1915, ГТГ, Москва). По словам одного из критиков (а вслед за ним и художника), «Черный квадрат» является иконой, которую футуристы предлагают взамен Мадонн и Венер. На выставке это полотно висело в особом месте, в углу, - действительно, как икона. Представленная картина оказалась как бы на пограничной полосе – между искусством и не-искусством, между логикой и алогизмом, бытием и небытием, между крайней простотой и беспредельной сложностью.

«Черный квадрат» входит в цикл супрематических работ Малевича, в которых художник исследовал базовые возможности цвета и композиции. Впоследствии мастер выполнил несколько копий «Чёрного квадрата» (по некоторым данным, семь). Достоверно известно, что в период с 1915 по начало 1930-х годов Малевич создал четыре варианта «Чёрного Квадрата», которые различаются рисунком, фактурой и цветом. Второй вариант картины «Черный квадрат» включен в триптих, в составе которого также присутствуют «Черный круг» и «Черный крест».

Малевичем был также написан **«Красный квадрат»** (Холст, масло, 1915, ГРМ, Санкт-Петербург), с названием на обороте «Женщина в двух измерениях», представляющий собой красный четырёхугольник на белом фоне, несколько отличающийся по форме от квадрата.

Существовал и **«Белый квадрат»** (Холст, масло, 1918, Нью-Йоркский музей современного искусства, Нью-Йорк), написанный двумя белыми оттенками цвета. Для Малевича, белый цвет есть условное метафорическое обозначение бесконечного космического пространства, так как белый цвет не останавливает наш глаз, несет в себе идею бесконечности. Белый цвет таит в себе возможность разложения на спектр, то есть таит в себе все

цвета. Таким образом, его чистота, прозрачная ясность есть воплощение скрытой высшей сложности [1, с. 226].

Изначально знаменитый квадрат Малевича впервые возник в декорациях к футуристической опере М. Матюшина и А. Крученых «Победа над Солнцем» как пластическое выражение победы активного человеческого творчества над пассивной формой природы: чёрный квадрат вместо солнечного круга. Это была знаменитая декорация к пятой сцене 1-го действия, представляющая собой квадрат в квадрате, поделённый на две области: чёрную и белую.

«Черный квадрат» не имеет ни верха, ни низа, приблизительно одинаковые расстояния отделяют края квадрата от вертикальной и горизонтальной линий рамы. Немногие отклонения от чистой геометрии напоминают зрителям о том, что картина все-таки написана кистью, что художник не прибегал к циркулю и линейке, рисовал элементарную геоформу «на глазок», приобщался к ее внутреннему смыслу интуицией.

То положение, в которое поставлен черный квадрат на белом фоне, некоторые искусствоведы называют «неземной статикой». Черное и белое в сопоставлении друг с другом – это как два полюса, расстояние между которыми предельно раздвинуто, а создающееся между ними цветовое многообразие практически беспредельно и не имеет ограничений. Однако Малевич нигде не дает даже намека, что между черным и белым есть множество промежуточных цветов, потому что они вернули бы черный квадрат тому реальному миру, от которого он уже оторвался.

Глядя на «Черный квадрат», зритель невольно задается вопросом об эстетическом смысле картины. Но ответить на этот вопрос очень сложно. Многие исследователи впоследствии отмечали, что в основе «Черного квадрата» может лежать древнерусская икона, но не похожая на те живописные образа в красном углу, которые висели в доме родителей Малевича. Но по сравнению с иконой супрематический квадрат являет собой мощный ментальный сдвиг канона, при котором и сам автор может оказаться по ту сторону христианства. Икона может обладать художественными качествами, а может и не обладать ими. Они могут выступать лишь как дополнение к главному, а главное в иконе - ее божественная сущность. В «Черном квадрате» Малевич воплотил ту самую идею синтеза, которая была коренной чертой русской культуры и которая объединила искусство и литературу, философию и политику, науку и религию, а также и другие формы интеллектуальной жизни в единое целое. Таким образом, считают Д. Сарабьянов и А. Шатских, «Черный квадрат» стал не только вызовом публике, но и свидетельством своеобразного богоискательства Малевича, символом какой-то новой религии [2].

У Малевича черному цвету на картине отдано намного больше места, чем белому. Собственно, черный проем квадрата – это и есть «главный герой» картины. Белое отеснено на периферию, играет роль рамы-

обрамления, и тьма явно вытесняет свет, стремясь заполнить собой все пространство. Если икона распаивает перед нами окно в мир, то «Черный квадрат» это зияющий проем тьмы. У многих, кто видел эту картину складывалось ощущение, что стоишь перед бездной. А сам автор заявлял, что на «Черном квадрате» искусство заканчивается, что его картина и есть вершина и конец всякого искусства.

Кубизм, который предшествовал супрематизму, Малевич называл «искусством распыления». То есть предшественники художника совершили художественную революцию, которая разрушила в картине предметный мир и высвободила энергию. А в «Черном квадрате» разворачивает свое действие уже ничем не обусловленная энергия, и действует она по принципу воронки, затягивая взгляд зрителя внутрь черной бездны.

В «Черном квадрате» Малевича изображение человека исключено принципиально. В черной зияющей бездне лиц не разглядеть, миллионы могут уместиться в черном пространстве, когда на первый план выходит логика темных сил и стихий (в 1914 году разразилась Первая мировая война, а затем последовали - революция, гражданская война).

Сначала супрематизм был чистой живописью, которая не зависела от разума, смысла, логики, психологии. Но через несколько лет для автора он превратился в философскую систему. Вскоре в таких картинах стали появляться совсем обычные знаки. Вскоре таким знаком у Малевича становится крест, что означает веру. Исчерпанность своей живописи Малевич ощутил уже в 1920 году. Он стал переключаться на другие виды работы – педагогику, философию, архитектуру.

«Квадрат» сыграл свою роль в оформлении похорон Малевича в 1935 году. Во время траурной церемонии на открытой платформе грузовика с изображением чёрного квадрата на капоте был установлен супрематический саркофаг, а над могилой (близ деревни Немчиновки) был поставлен деревянный куб с изображением чёрного квадрата (вскоре могила была уничтожена).

Таким образом, супрематизм, как и воплощавший его «Черный квадрат», были для Казимира Малевича не только символом конца искусства, но и символом конца жизни. Во всяком случае, в тех ее формах, которые стремилась разрушить революционная стихия. И из обломков старой жизни должна была возродиться жизнь новая – светлая и прекрасная.

Библиографический список

1. Шевченко Е.П. Новое видение реальности художниками-абстракционистами // Современное общество: человек, власть, экономика: Материалы III Международной научной конференции (4 апреля 2014, г. Саратов). Разделы 10-15: Сб. науч. статей. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 223-227.
2. Сарабьянов Д., Шатских А. Казимир Малевич. Живопись. Теория. М.: Искусство, 1993. 414 с.

РАЗДЕЛ 12. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 796.015.5:159.962.7

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Н.В. Васягина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sgu.kafsport@yandex.ru

В современном обществе человек испытывает на себе целый комплекс неблагоприятных факторов: эмоциональное напряжение, информационные и психологические перегрузки, плохие экологические условия. Часто этим факторам сопутствует гиподинамия. Статья посвящена освоению методов саморегуляции организма с целью оптимизации работоспособности. Особенно это актуально для людей, чья деятельность связана с высокими эмоциональными и физическими нагрузками. Умение сосредоточиться на процессах, происходящих внутри каждого из нас, дает возможность привести органы и системы организма в оптимальное состояние для предстоящей умственной или физической деятельности.

Ключевые слова: аутогенная тренировка, методы саморегуляции.

RELAXATION OF MENTAL AND EMOTIONAL HEALTH STATUS

N.V. Vasyagina

In modern society, a person suffers from a whole range of adverse factors: emotional stress, and psychological information overload, poor environmental conditions. These factors often accompanied by physical inactivity. Article is devoted to the development of methods of self-regulation of the body in order to optimize performance. This is especially true for people whose work is connected with high emotional and physical activity. The ability to focus on the processes that take place within each of us, makes it possible to bring the organs and systems of the body in optimal condition for predsoyaschey mental or physical activity.

Key words: autogenous training, methods of self-regulation.

Саморегуляция психоэмоционального состояния – это умение самостоятельно активно изменять процессы, происходящие в собственном организме и управлять им.

Путём саморегуляции можно на короткое время применительно к ситуации активизировать или затормозить психические процессы, а также повысить качество подготовки и эффективность выполняемой деятельности.

Психическое воздействие с помощью саморегуляции помогает созданию оптимальных внутренних условий, при которых реализация двигательной деятельности происходит полнее.

Аутогенная тренировка является одним из доступных способов регулирования психического состояния.

Аутогенная тренировка – психотерапевтическая методика, направленная на восстановление динамического равновесия гомеостатических механизмов человеческого организма, нарушенных в результате стресса.

Аутогенная тренировка способствует снижению нервно-эмоционального напряжения, чувства тревоги, эмоционального дискомфорта, оказывает нормализующее воздействие на основные физиологические функции. Под влиянием аутогенной тренировки улучшается настроение, нормализуется сон, повышается уровень функционирования и произвольной регуляции различных систем организма, происходит активизация личности.

Аутогенная тренировка была разработана в 1920-е г. австралийским врачом И. Шульцем. В основе аутотренинга лежат упражнения в произвольном волевом длительном и глубоком расслаблении мышц. Строится аутотренинг на основе последовательного самовнушения чувства тяжести и тепла в области солнечного сплетения, чувства тепла в области сердца ощущения приятного прохладного прикосновения ко лбу.

Классическая аутогенная тренировка по Шульцу (1964 г.) охватывает шесть тренировочных ступеней, каждая из которых направлена на определенную область или систему органов тела: мышцы, кровеносные сосуды, сердце, легкие, органы пищеварения, голову.

Общий порядок построения аутогенной тренировки таков.

1. Общее успокоение.
2. Последовательное расслабление, вызывание чувства тяжести и тепла в мышцах лица и шеи, плечевого пояса и рук, спины, живота, и таза, области солнечного сплетения, мышцах ног.
3. Формулы, затрагивающие отдельные группы мышц, произносятся попеременно с общими успокаивающими формулами.
4. По мере освоения аутотренинга количество повторений словесных формул можно постепенно уменьшать.
5. Прежде чем приступить к тренировке, необходимо выучить текст проговариваемых формул, снять стесняющую одежду, обувь и настроиться на решение задач аутотренинга.
6. Для проведения тренировки применяются в основном два положения: поза «кучера» выполняется следующим образом: надо сесть на половину стула, не опираясь на спинку, ноги, стоящие на полной ступне, слегка выдвинуть вперед так, чтобы

между задней поверхностью бедер и икроножными мышцами образовался тупой угол. На бедра, свободно расставленные, надо положить кисти рук так, чтобы они не свисали между бедер (а то отекут пальцы), голову следует наклонить вперед, не отводя её ни влево, ни вправо. Но самое главное это положение туловища. Спина сгибается так, чтобы плечевые суставы оказались строго по вертикали над тазобедренными. Если же плечи уйдут вперед, то при погружении в дремоту тело начинает валиться на колени. А если плечи окажутся сзади воображаемой вертикали, начинается падение назад. При правильном же положении спина по мере расслабления мышц будет лишь все больше выгибаться, а туловище сохранит вертикальное положение.

По словам Шульца, от аутогенной тренировки можно ожидать пользы в случае всех состояний, имеющих функциональный и реверсивный характер. Везде, где имеются вегетативные расстройства, где необходимо изменить жизненные привычки, сгладить аффекты, аутотренинг зарекомендовал себя как полезное средство.

Долгое время аутогенная тренировка была основным способом психической саморегуляции. Однако использование аутогенной тренировки спортсменами высокого класса обнаружило ее недостатки. Была создана новая методика, названная «психорегулирующей тренировкой», которая отличается от аутогенной тем, что в ней не используется для самовнушения «чувство тяжести» в различных частях тела, так как спортсмены в дальнейшем с трудом избавляются от этого чувства. В активизирующих формулах психорегулирующей тренировки (ПРТ) есть специальная формула, направленная на снятие «чувства тяжести». Эффект действия ПРТ зависит от многих факторов, и порой вместо ощущения комфорта, спокойствия, расслабленности, ощущения теплоты могут возникать неожиданные реакции. Важно учитывать, что формулы успокаивающей части ПРТ на первых порах приводят не к успокоению, а к возбуждению. Лишь в конце второй-третьей недели занятий достигается успокаивающий эффект. ПРТ сложна для юных спортсменов. Упрощенным вариантом ее является психомышечная тренировка – ПМТ. Была создана методика с более простыми формулами словесного внушения, понятными детям. ПМТ является вариантом ПРТ в сочетании с некоторыми элементами из методов Э. Джекобсона и Л. Персиваля. Она требует меньшего времени для овладения, а эффективность ее не меньшая, поэтому ею предпочитают пользоваться и взрослые спортсмены. Снятие нервного напряжения может быть достигнуто за счет регуляции мимической мускулатуры лица. При нервном напряжении мышцы лица напряжены. Психотерапевты используют обратную связь: «мышцы – нервное напряжение». Для этого

человеку рекомендуют улыбаться, то есть расслаблять мимические мышцы. Вслед за этим рефлекторно снижается и нервное напряжение.

Варианты этого способа саморегуляции разнообразны.

Отключение состоит в умении думать о чем угодно, кроме обстоятельств, вызывающих психическое напряжение. Отключение большей частью требует проявления волевых усилий, с помощью которых человек старается включить в сферу сознания (путем концентрации внимания) посторонние предметы, объекты, ситуации и т.п.

Переключение связано с концентрацией внимания и направленностью сознания на какое-нибудь интересное дело, на чтение увлекательной книги, просмотр фильма, спектакля и т.п.

Отвлечение состоит в ограничении сенсорного потока: пребывание в тишине, с закрытыми глазами, в спокойной расслабленной позе, при актуализации в представлениях ситуаций, в которых человек чувствует себя легко и спокойно (отдых на берегу моря, в лесу и т.п.).

Эффективность этих способов регуляции зависит, вероятно, от силы возникшей у спортсмена доминанты и от его индивидуальных особенностей. Во многих случаях эффективнее не отвлекать внимание спортсмена от предстоящей деятельности, а переключить его внимание (сознание) от мучительных раздумий на деловую сторону работы, осмысление трудностей через их анализ, уточнение инструкций и заданий, проверку и опробование спортивных снарядов, мысленное повторение упражнения (идеомоторная тренировка).

Во многих случаях снятие напряженности может быть осуществлено за счет замещающей деятельности. Типы разрядки нервного напряжения у разных людей различны: одни разряжаются через двигательные акты, другие – через речь.

В качестве первого способа разрядки может использоваться разминка. При апатии она может привести спортсмена в состояние боевой готовности, при чрезмерном возбуждении – успокоить. Однако при очень резко выраженных предстартовых реакциях разминка еще больше увеличивает возбуждение. Следовательно, необходимо учитывать исходный фон и подбирать к нему нагрузку при разминке. При регулировании сильного психического возбуждения следует, по-видимому, обеспечить «золотую середину», так как слишком слабый разряд оставляет большое по силе возбуждение, а слишком сильный разряд способствует возникновению еще более сильного возбуждения, то есть самовозбуждения.

Регулирующий эффект разминки определяется качеством и видом используемых для нее упражнений: чем больше разминка похожа на упражнения предстоящего соревнования, тем больше она увеличивает предстартовое возбуждение. Предварительная же работа, отличающаяся по характеру от предстоящей деятельности, уменьшает возбуждение

спортсмена. Показана целесообразность комплексного применения разминки и методов аутогенной тренировки для снятия у спортсменов возникшей напряженности.

Изменяя произвольно режим дыхания, человек изменяет и режим своей психической деятельности, поэтому дыхательные упражнения являются одним из простых и надежных методов регуляции психических состояний спортсменов. В практике используются три типа упражнений: полное брюшное дыхание и два вида ритмического дыхания.

При выполнении первого упражнения вдох выполняется через нос. Вначале при расслабленных и слегка опущенных плечах наполняются воздухом нижние отделы легких, живот при этом все более и более выпячивается, затем вдохом последовательно поднимаются грудная клетка, плечи и ключицы. Полный выдох выполняется в той же последовательности: постепенно втягивается живот, опускается грудная клетка, плечи и ключицы.

Второе упражнение состоит в полном дыхании, осуществляемом в определенном ритме (лучше всего в темпе ходьбы): полный вдох на 4, 6 или 8 шагов. Затем следует задержка дыхания, равная половине шагов, сделанных при вдохе. Полный выдох делается опять за тоже число шагов (4, 6, 8). После выдоха – задержка дыхания прежней продолжительности (2, 3, 4 шага) или несколько короче в случае возникновения неприятных ощущений. Количество повторений определяется самочувствием. В ходе повторений продолжительность вдоха может возрастать до 12 шагов и более, а в связи с этим может возрастать и задержка дыхания.

Третье упражнение отличается от второго только условиями выдоха: толчками через плотно сжатые губы.

Злоупотреблять этими упражнениями не следует. Положительный эффект возрастает по мере упражняемости, а на первых этапах он может быть незначительным.

Это методы срочной регуляции предстартовых и стартовых состояний. Однако эта регуляция может осуществляться спортсменом совместно с тренером и заблаговременно.

Подведем основные итоги.

Итак, чтобы достичь высокой точности движения, надо:

– во-первых, создать предельно точный мысленный образ данного движения, на первых порах хотя бы зрительный;

– во-вторых, перевести этот образ, сохраняя его высокую точность, на рельсы идеомоторики, то есть сделать движение таким, чтобы вслед за его мысленным образом начали (пусть еле заметно) функционировать соответствующие мышечные группы;

– в-третьих, подобрать программирующее словесное оформление хотя бы для наиболее главных – опорных – элементов в отработываемом движении.

К четвертому этапу – физическому исполнению движения – можно переходить только после того, как будут выполнены предыдущие условия, после того, как идеомоторный образ движения станет точным и устойчивым, и будут хорошо "размяты" мышцы, которым предстоит выполнить намеченное движение.

Соблюдение такого принципа построения движений, как показывает практика, избавляет от многих осложнений и дает нужный результат намного скорее, чем обычный метод «проб и ошибок».

Многим людям освоить аутогенную тренировку легче, чем в дальнейшем регулярно ее применять.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что аутогенная тренировка это хороший метод для саморегуляции организма, ведь он затрагивает и телесную, и эмоциональную сферу. С его помощью можно расслабиться, снять стрессовое состояние или подготовить себя к таковому, снять агрессивность, улучшить сон, быстро отдохнуть за короткое время, избавиться от вредных привычек и многое другое.

Кроме того метод аутогенной тренировки с успехом используется и в терапевтических целях.

Библиографический список

1. Багадирова С.К. Материалы к курсу «Спортивная психология»: учебное пособие. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2014. 243 с.
2. Петров Н.Н. Аутогенная тренировка для вас: практическое пособие (с примечаниями для инструкторов) под общей редакцией В. Леви. Москва: Изд-во "Центр психологии и психотерапии", 1990. 32 с.
3. Шмигель Н.Е. Аутогенная тренировка: новое или хорошо забытое старое? // Журнал «РиТМ Психология для всех». 2011. №8. С. 12-15.

УДК 371

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ШКОЛЕ

Е.И. Королева

Лицей №37 г. Саратова, Россия

E-mail: lena-el-korolewa@ya.ru

Здоровье и социально-педагогическая адаптация ребенка во многом определяются средой в учреждениях образования, которая часто имеет здоровьезатратный характер. Развитие природных способностей ребенка и личностных качеств, способствующих сохранению и укреплению его здоровья, обеспечивает использование здоровьесберегающих педагогических технологий. Среди них можно особо выделить технологии личностно-ориентированного обучения (гуманно-личностные технологии, технологии сотрудничества, технологии свободного воспитания), технологии проектной деятельности, дифференцированного обучения, обучения в сотрудничестве,

разнообразные игровые технологии. Использование здоровьесберегающих технологий в учебном процессе позволяет учащимся более успешно адаптироваться в образовательном и социальном пространстве, раскрыть свои творческие способности, а учителю эффективно проводить профилактику асоциального поведения.

Ключевые слова: здоровье ребенка, здоровьесберегающие педагогические технологии.

HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN SCHOOL

E.I. Koroleva

Health and socio-pedagogical adaptation of the child are largely determined by the environment in educational institutions, which often has health-costs character. The development of the natural abilities of the child and the personal qualities that contribute to the preservation and strengthening of health, provides for the use of health-pedagogical technologies. Among them can be highlighted technology student-centered learning (personal humane technology, technology cooperation, technology free education) and technology of project activity, differentiated instruction, cooperative learning, a variety of gaming technology. The use of health-saving technologies in the learning process allows students to more successfully adapt to educational and social space, unleash creativity, and the teacher effectively carry out prevention of antisocial behavior.

Key words: child health, health-saving pedagogical technologies.

Здоровье ребенка, его социально-педагогическая адаптация, нормальный рост и развитие во многом определяются средой, в которой он живет. Для ребенка от 6 до 17 лет этой средой является система образования, т.к. с пребыванием в учреждениях образования связаны более 70% времени его бодрствования. В то же время в этот период происходит наиболее интенсивный рост и развитие, формирование здоровья на всю оставшуюся жизнь, организм ребенка наиболее чувствительный к факторам окружающей среды.

По данным Института возрастной физиологии РАО, школьная образовательная среда порождает факторы риска нарушений здоровья, с действием которых связано 20-40% негативных влияний, ухудшающих здоровье детей школьного возраста. Школьные факторы риска по убыванию значимости и силы влияния на здоровье учащихся:

1. стрессовая педагогическая тактика;
2. несоответствие методик и технологий обучения возрастным и функциональным возможностям школьников;
3. несоблюдение элементарных физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса;
4. недостаточная грамотность родителей в вопросах сохранения здоровья детей;
5. провалы в системе физического воспитания;
6. интенсификация учебного процесса;

7. функциональная неграмотность педагога в вопросах охраны и укрепления здоровья;

8. отсутствие системной работы по формированию ценности здоровья и здорового образа жизни.

Таким образом, традиционная организация образовательного процесса создает у школьников постоянные стрессовые перегрузки, которые приводят к поломке механизмов саморегуляции и способствуют развитию хронических болезней. В результате существующая система школьного образования имеет здоровьезатратный характер.

Анализ школьных факторов риска показывает, что большинство проблем здоровья учащихся создается и решается в ходе ежедневной практической работы учителей, т.е. связано с их профессиональной деятельностью. Поэтому учителю необходимо найти резервы собственной деятельности в сохранении и укреплении здоровья учащихся.

Следует учесть, что утомительность урока не является следствием какой-либо одной причины (сложности материала или психологической напряженности), а определенным сочетанием, совокупностью фактов.

Здоровьесберегающие педагогические технологии должны обеспечить развитие природных способностей ребенка: его ума, нравственных и эстетических чувств, потребности в деятельности, овладении первоначальным опытом общения с людьми, природой, искусством.

«Здоровьесберегающие образовательные технологии», по определению Н.К. Смирнова, – это все те психолого-педагогические технологии, программы, методы, которые направлены на воспитание у учащихся культуры здоровья, личностных качеств, способствующих его сохранению и укреплению, формирование представления о здоровье как ценности, мотивацию на ведение здорового образа жизни [1, с. 21].

По словам профессора Н.К. Смирнова, «здоровьесберегающие образовательные технологии – это системный подход к обучению и воспитанию, построенный на стремлении педагога не нанести ущерб здоровью учащихся».

Понятие «Здоровьесберегающая технология» относится к качественной характеристике любой образовательной технологии, показывающей, как решается задача сохранения здоровья учителя и учеников

Данные технологии должны удовлетворять принципам здоровьесбережения, которые сформулировал Н.К. Смирнов:

«Не навреди!» – все применяемые методы, приемы, используемые средства должны быть обоснованными, проверенными на практике, не наносящими вреда здоровью ученика и учителя.

Приоритет заботы о здоровье учителя и учащегося – все используемое должно быть оценено с позиции влияния на психофизическое состояние участников образовательного процесса.

Здоровьесберегающая технология, по мнению В.Д. Сонькина, – это:

1. условия обучения ребенка в школе (отсутствие стресса, адекватность требований, адекватность методик обучения и воспитания);
2. рациональная организация учебного процесса (в соответствии с возрастными, половыми, индивидуальными особенностями и гигиеническими требованиями);
3. соответствие учебной и физической нагрузки возрастным возможностям ребенка;
4. необходимый, достаточный и рационально организованный двигательный режим [2, с. 19].

Принципы здоровьесбережения

1. Непрерывность и преемственность – работа ведется не от случая к случаю, а каждый день и на каждом уроке.
2. Субъект-субъективные взаимоотношения – учащийся является непосредственным участником здоровьесберегающих мероприятий и в содержательном, и в процессуальном аспектах.
3. Соответствие содержания и организации обучения возрастным особенностям учащихся – объем учебной нагрузки, сложность материала должны соответствовать возрасту учащихся.
4. Комплексный, междисциплинарный подход – единство в действиях педагогов, психологов и врачей.
5. Успех порождает успех – акцент делается только на хорошее; в любом поступке, действии сначала выделяют положительное, а только потом отмечают недостатки.
6. Активность – активное включение, а любой процесс снижает риск переутомления.

Следует отметить, что все здоровьесберегающие технологии, применяемые в учебно-воспитательном процессе, можно разделить на три основных группы:

1. технологии, обеспечивающие гигиенически оптимальные условия образовательного процесса;
2. технологии оптимальной организации учебного процесса и физической активности школьников;
3. разнообразные психолого-педагогические технологии, используемые на уроках и во внеурочной деятельности педагогами и воспитателями [3, с. 58].

Технологии оптимальной организации учебного процесса и физической активности школьников

Анализ научно-методической литературы и собственный опыт позволяют выделить четыре основных правила построения урока с позиции здоровьесберегающих технологий.

Правило 1. Правильная организация урока. Во-первых, это учет всех критериев здоровьесбережения на рациональном уровне. Во-вторых, главная цель учителя – научить ученика запрашивать необходимую информацию и получать требуемый ответ.

Правило 2. Использование каналов восприятия.

Особенности восприятия определяются одним из важнейших свойств индивидуальности – функциональной асимметрией мозга: распределением психических функций между полушариями. Выделяются различные типы функциональной организации двух полушарий мозга:

– левополушарные люди – при доминировании левого полушария. Для них характерен словесно-логический стиль познавательных процессов, склонность к абстрагированию и обобщению;

– правополушарные люди – доминирование правого полушария. У данного типа развиты конкретно-образное мышление;

– разнополушарные люди – у них отсутствует ярко выраженное доминирование одного из полушарий. На основе предпочтительных каналов восприятия информации означают:

– аудиальное восприятие;

– визуальное восприятие;

– кинестетическое восприятие.

Правило 3. Учет зоны работоспособности учащихся.

Экспериментально доказано, что биометрический оптимум работоспособности у школьников имеет свои пики и спады, как в течение учебного дня, так и в разные дни учебной недели. Работоспособность зависит и от возрастных особенностей детей.

Правило 4. Распределение интенсивности умственной деятельности.

При организации урока выделяют три основных этапа с точки зрения здоровьесбережения, которые характеризуются своей продолжительностью, объемом нагрузки и характерными видами деятельности.

Эффективность усвоения знаний учащихся в течение урока такова:

1. 5-25-я минута – 80%;

2. 25-35-я минута – 60-40%;

3. 35-40-я минута – 10%.

Утомление – возникающее в результате работы временное ухудшение функционального состояния человека. Это защитная, охранительная реакция организма, стимулятор его восстановительных процессов и повышения функциональных возможностей. Действительно, отрицательное влияние на организм оказывает постоянно возникающее и хроническое утомление, особенно перерастающее в переутомление.

Психолого-педагогические технологии здоровьесбережения.

Снятие эмоционального напряжения

Использование игровых технологий, игровых обучающих программ, оригинальных заданий и задач, введение в урок исторических экскурсов и отступлений позволяет снять эмоциональное напряжение.

На начальном этапе это могут быть игровые задания для обобщения знаний. Для старших классов можно использовать задания фантастического или детективного содержания, также активирующий творческий потенциал. Задания на обобщения материала могут быть представлены в виде рекламы того или иного закона, явления или теоремы.

Использование пословиц при изучении понятия монотонности функции: «Чем дальше в лес, тем больше дров» (возрастание), «Подальше положишь, поближе возьмешь» (убывание). В тот момент процесс обучения как бы скрыт от учащихся, они воспринимают это как некоторое отступление от темы, что позволяет им также снять накопившееся напряжение.

Создание благоприятного психологического климата на уроке.

Пожалуй, одним из важнейших аспектов является именно психологический комфорт школьников во время урока.

Доброжелательная обстановка на уроке, спокойная беседа, внимание к каждому высказыванию, позитивная реакция учителя на желание ученика выразить свою точку зрения, тактичное исправление допущенных ошибок, поощрение к самостоятельной мыслительной деятельности, уместный юмор или небольшое историческое отступление – вот далеко не весь арсенал, которым может располагать педагог, стремящийся к раскрытию способностей каждого ребенка.

Охрана здоровья и пропаганда здорового образа жизни.

Как показывают исследования, наиболее опасным фактором для здоровья человека является его образ жизни. Следовательно, если научить человека со школьных лет ответственно относиться к своему здоровью, то в будущем у него больше шансов жить, не болея.

Комплексное использование личностно – ориентированных технологий.

Среди здоровьесберегающих технологий можно особо выделить технологии личностно – ориентированного обучения, учитывающие особенности каждого ученика и направленные на возможно более полное раскрытие его потенциала. Сюда можно отнести технологии проектной деятельности, дифференцированного обучения, обучения в сотрудничестве, разнообразие игровых технологий.

Личностно-ориентированное обучение предполагает использование разнообразных форм и методов организации учебной деятельности.

Образовательные технологии здоровьесберегающей направленности.

Личностно-ориентированные (антропоцентрические) технологии в центробразовательной системы ставят личность ребенка, обеспечения безопасных, комфортных условий ее развития и реализации природных возможностей. Личность ребенка превращается в приоритетный субъект, становится целью образовательной системы. В рамках этой группы в качестве самостоятельных направлений выделяются гуманно-личностные технологии, технологии сотрудничества, технологии свободного воспитания;

Педагогика сотрудничества – ее можно рассматривать как создающую все условия для реализации задач сохранения и укрепления здоровья учащихся и педагогов.

Цель школы, реализующей педагогику сотрудничества – разбудить, вызвать к жизни внутренние силы и возможности ребенка, использовать их для более полного развития личности.

Технологии развивающего обучения строятся на плодотворных идеях Л.С. Выготского, в частности, его гипотезе о том что, что знания являются не конечной целью обучения, а лишь средством развития учащихся. Классификационные характеристики технологии развивающего обучения, разработанной Д.Б. Элькониным и В.В. Давыдовым, в определенной части отвечают принципам здоровьесберегающей педагогики: антропологическая философская основа, признание основным фактором развития психогенного, развивающая концепция усвоения и т.д. [4, с. 12].

Технология психологического сопровождения учебной группы разработана М.Ю. Громовым и Н.К. Смирновым как модель внедрения в работу школы принципов психологии здоровья и педагогической психотерапии. В ее основе – активное участие психологов в образовательном процессе школы, превращение школьного психолога в одну из ключевых фигур учебно-воспитательного процесса, основанного на принципах здоровьесбережения [5, с. 37].

Наблюдения показывают, что использование здоровьесберегающих технологий в учебном процессе позволяет учащимся более успешно адаптироваться в образовательном и социальном пространстве, раскрыть свои творческие способности, а учителю эффективно проводить профилактику асоциального поведения.

Библиографический список

1. Бабанский Ю.К. Методические основы оптимизации учебно-воспитательного процесса. М.: Просвещение, 1982. 480 с.
2. Ковалько В.И. Здоровьесберегающие технологии в начальной школе.(1-4 классы. Педагогика, Психология, Управление). М.: ВАКО, 2004. 296 с.
3. Кукушкин В.С. Теория и методика обучения. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 474 с.
4. Менчинская Е.А. Основы здоровьесберегающего обучения в начальной школе: Методические рекомендации по преодолению перегрузки учащихся. М.: Вентана-Граф, 2008. 112 с.
5. Шапцева Н.Н. Наш выбор – здоровье: досуговая программа, разработки мероприятий, рекомендации. Волгоград: Учитель, 2009. 184 с.

РАЗДЕЛ 13. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

УДК 316.3

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ РЕЗКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Д.А. Аникин

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: dandee@list.ru

*«Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект 15-33-12009 а(ц) "Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные
риски и цивилизационный коллапс"»*

В статье рассматривается проблема цивилизаций в качестве субъектов социальной памяти. Уход от институционального понимания субъектов позволяет выработать более продуктивный подход к современным стратегиям восприятия и конструирования прошлого. В этом случае главной задачей становится вопрос разработки цивилизационных оснований, их критериев и характерных черт.

Ключевые слова: социальная память, цивилизация, конструирования прошлого, социальная группа.

THE CIVILIZATION BASES OF SOCIAL MEMORY IN THE CONDITIONS OF INTERCIVILIZATION OPPOSITION

D.A. Anikin

In article the problem of civilizations as subjects of social memory is considered. Leaving from institutional understanding of subjects allows to develop more productive approach to modern strategy of perception and designing of the past. In this case the question of development of the civilization bases, their criteria and characteristic features becomes the main task.

Key words: social memory, civilization, designing of the past, social group.

Активизация процессов конструирования социальной памяти на постсоветском пространстве, проявляющаяся в наличии самых различных, пересекающихся и даже противоречащих друг другу тенденций, становится вызовом для научного сообщества, поскольку требует формирования адекватной происходящим процессам методологии исследования. Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о субъекте социальной памяти, поскольку его решение, а именно –

составление соответствующей таксономии, отражающей особенности современной социальной структуры, – выступает предпосылкой перехода от формальных к содержательным характеристикам социального запаса знаний о прошлом.

Этот вопрос был поставлен еще основоположниками исследования социальной (коллективной) памяти – Э. Дюркгеймом и М. Хальбваксом.

С точки зрения функционального подхода, ведущей характеристикой исследования какого-либо социального явления должно быть выявление его функции в общественной жизни. Функцией в социальном смысле Дюркгейм называет соответствие тех или иных фактов социальной жизни актуальным потребностям общества в целом или отдельной социальной группы. В рамках такого определения, функция коллективного сознания, представляющего собой «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества», является обеспечение социальной солидарности, являющейся, по мнению французского исследователя, основной характеристикой общественного устройства [1, р. 11].

Социальная солидарность представляет собой неоднородное явление в том смысле, что может функционировать, в зависимости от типа общества, в двух различных формах. В традиционном (архаическом) обществе солидарность строится на растворении единичных личностей в личности коллективной, олицетворяемой обществом, и такой тип солидарности французский ученый именуется механическим. В противоположность ему, общество современного типа построено на четком распределении функций между отдельными индивидами, нуждающимися, ввиду этого, в постоянном коммуникативном и экономическом обмене. Такую солидарность Дюркгейм именуется органической. Причем, как подчеркивает А.Б. Гофман, в развитых обществах коллективная личность не исчезает полностью, но становится второстепенным фактором социальной жизни, действуя лишь в условиях отдельных социальных групп [2, с. 198]. Механическая солидарность свойственна для малых социальных групп, и строится она, во многом, на общности прошлого и воспоминаний об этом прошлом у представителей этой группы. Таким образом, Дюркгейм, не используя сам термин «социальная память», формулирует важное положение, что одним из важных элементов коллективного сознания являются коллективные воспоминания о прошлом. Если коллективное сознание осуществляет интериоризацию социальных норм, обеспечивая, тем самым, осознание всеми членами сообщества своей принадлежности к этому сообществу, то коллективная память выступает одним из путей формирования социальной солидарности, и этот путь состоит в вычленении воспоминаний, общих для членов данного сообщества и позволяющих им осознать свое единство в диахронической перспективе.

Э. Дюркгейм считал основным субъектом социальной памяти определенные «общности», не обозначая их институциональные рамки и обращаясь, по сути, к ритуальным аспектам их самоидентификации. «В ритуалах социальные общности прославляют символы собственной идентичности. Ритуалы, таким образом, выполняют функцию носителей социальной памяти как основополагающего условия мемориальной социализации членов общества, сохранения коллективной идентичности и поддержания существования социального организма как такового» [3, с. 153].

Термин «коллективная память», присутствующий у Дюркгейма в скрытой форме, оказался введен и был подвергнут социально-философской рефлексии в работах другого представителя Французской социологической школы Мориса Хальбвакса. То направление исследований, которое представлялось Дюркгейму лишь одной из сфер проявления функционального метода, стало для Хальбвакса основной сферой научных интересов, поэтому не удивительно, что вопрос о субъекте социальной памяти был им исследован более полно.

Хальбвакс логически развил предпосылки функционального анализа общественных явлений, которые были заложены в работах его учителя, и применил их по отношению к анализу коллективной памяти. Память, с его точки зрения, может быть только коллективной, точнее говоря, индивидуальные впечатления укрепляются в памяти и структурируются при помощи определенных социальных рамок («cadressociaux») [4, р. 14]. Запоминанию подвергаются лишь те факты, которые могут быть зафиксированы с помощью референциальных рамок, если же подобные рамки отсутствуют (явление не может быть подогнано под существующие рамки), то факты вытесняются из индивидуальной памяти. Французский исследователь выделяет трехступенчатую структуру фиксации опыта, состоящую из «образов воспоминания» и позволяющую объяснить подбор фактов, подвергающихся запоминанию и передаче от одного индивида к другому, от поколения к поколению [5, с. 39].

1) пространственно-временная соотнесенность. Воспоминания никогда не бывают абстрактными, а всегда соотносятся с конкретными пространственными и временными координатами, выбор которых может быть достаточно произволен, но их наличие является обязательным условием фиксации воспоминания. «В самом воспоминании присутствует целенаправленное структурирование времени и пространства, которое усугубляет и подчеркивает естественную тенденцию коллективной памяти избирать ограниченное количество запоминаемых мест и событий [6, с. 121]. Пространственную соотнесенность воспоминания с конкретным географическим и историческим ландшафтом сам Хальбвакс продемонстрировал в своей работе «Легендарная топография Евангелий на Святой Земле», где он рассмотрел процессе поиска географических реалий

для евангелистских известий о земной жизни Христа и показал искусственный характер найденных аналогий. Временная соотнесенность также носит весьма условный характер и может проявляться в установлении соответствия между фактами индивидуальных биографий и социально значимыми событиями.

2) социальная отнесенность. В этом пункте Хальбвакс повторяет аргументацию Дюркгейма, утверждая, что каждая социальная группа оперирует своими критериями для определения и запоминания значимых фактов. Социальные рамки различных социальных групп, как правило, не совпадают, поэтому каждая группа формирует свой образ прошлого, призванный обеспечить четкую самоидентификацию любого индивида, принадлежащего к данному сообществу.

Коллективная память, существующая в определенной социальной группе, характеризуется двумя основными чертами: своеобразием и долговечностью [4, р. 48-49]. Свообразие заключается в стремлении преуменьшить внутренние различия в пользу внутреннего единства, отличающего данную группу от всех остальных. При этом своеобразие является «скользящим» фактором, суть которого заключается в том, что внутреннее единство группа приобретает лишь при соотнесении с аналогичными социальными образованиями. В то же время внутри этой социальной группы единство оказывается кажущимся и каждая подгруппа выражает стремление подчеркнуть собственное своеобразие. Индивид становится носителем сразу нескольких идентичностей, актуализация одной из которых оказывается связанной с тем уровнем, на котором функционируют данные социальные группы (межгосударственный, национальный, региональный и т.д.). Политическая идентичность, отчетливо проявляющая себя на межгосударственном уровне, оказывается утраченной при разрешении конфликтов, протекающих на внутригосударственном уровне, например, при столкновении различных социальных или национальных групп. Долговечность социальной памяти проявляется в стремлении предельно отдалить исходный пункт возникновения данной социальной группы и представить ее существование как линейную, протекающую непрерывно от точки зарождения до нынешнего состояния.

3) воссоздающий характер. Специфика социальной памяти заключается в том, что она не существует в виде упорядоченного набора фактов, с заранее оговоренными сценариями интерпретации, но постоянно воссоздается в результате изменения интересов социальных групп. В процессе воспоминания единичные факты, в целях экономии мышления, сворачиваются в определенные стандартизированные мифологемы. Тем самым они теряют свою уникальность, но приобретают универсальный характер обязательных для всех членов данного сообщества предписаний, имеющих сакральную окраску. Я. Вансина указывает на то, что механизм

перехода индивидуального опыта в достояние коллективной памяти тесно связан с социально-биологическими циклами, важнейшим из которых является смена поколений. Знание о событиях прошлого, в процессе передачи воспоминаний от поколения к поколению, постепенно лишается уникальных особенностей, свойственных личным воспоминаниям очевидца этих событий, и приобретает универсальный (в смысле значимости не для конкретного индивида, а для всей социальной группы в целом) характер [7, р. 12].

Социальные рамки памяти, существующие в настоящем, определяют тот образ прошлого, который удается удержать коллективу и индивидуальному человеку, как его представителю, в своем сознании. Смена референциальных рамок ведет за собой и изменение тех фактов, которые удерживаются в социальной памяти, но поскольку само существование подобных рамок не осознается их носителями, то и изменение содержания памяти не фиксируется в сознании представителей социальной группы. Следует сразу оговориться, что это положение Хальбвакса оказывается верным применительно к устной памяти, передающейся в процессе непосредственной коммуникации и не закрепляемой в письменных источниках. Наличие текстов, фиксирующих содержание социальной памяти, позволяет создать «точки отсчета», сравнение которых демонстрирует не только устойчивый характер социальной памяти, но и ее постоянную изменчивость [5, с. 18].

Выбор цивилизации в качестве основного субъекта социальной памяти, выражающийся в стремлении соотнести определенный набор современных представлений о прошлом с формированием цивилизационной идентичности (совокупностью культурных и этнических маркеров), становится основанием для структурирования глобальной социальной действительности. В этом процессе можно выявить внутренние противоречия.

Первым из них является понимание того, что цивилизация в качестве субъекта процессов обращения к прошлому оказывается шире национально-государственных структур. Уже П. Нора обращал внимание, что уходит в прошлой проект «нации-памяти», когда прошлое автоматически отождествляется с прошлым определенной гражданской нации, совпадающей с совокупностью граждан одного государства. Этот проект национального строительства, берущий свое начало в постепенном кризисе колониальных систем, начинающемся в XVIII веке, полностью исчерпывает себя в связи с глобализационными тенденциями. Национальное государство, обладавшее действенными практиками конструирования прошлого в условиях информационной автономности, лишается своих преимуществ в результате плюрализации социального порядка и перехода к открытой конкуренции на всех уровнях

общественной организации, в том числе, и на уровне различных типов социальной памяти.

Вторым фактором, негативно влияющим на возможность использования цивилизационного подхода в исследованиях социальной памяти становится неразработанность самой методологии исследования, позволяющая использовать его в процессах легитимации политических притязаний. Нельзя не согласиться с В.А. Шнирельманом, что «цивилизационный подход, делающий упор на самобытности и самоценности каждой так называемой цивилизации, оказался очень удобным для пропаганды патриотических идей и выковки национального самосознания. В этом смысле этот подход снимал давний антагонизм, свойственный оппозиции «культура/цивилизация», и делал цивилизацию воплощением особой культуры. Поэтому в условиях кризиса идентичности и роста антизападнических настроений цивилизационный подход показался отдельным авторам учебников удачным способом преодоления европоцентризма» [8, с. 137].

Преимущества цивилизационного подхода оказались тесно связаны с его недостатками, поскольку абсолютизация уникальности одной цивилизации подразумевает настороженное отношение к другим цивилизациям, что делает цивилизационный подход, как это продемонстрировал С. Хантингтон в своей концепции «столкновения цивилизаций», основанием для выстраивания конкурирующих систем в условиях уже глобального социума.

Таким образом, применение цивилизационного подхода в исследованиях социальной памяти симптоматично, поскольку является методологическим ответом на необходимость переосмысления практик обращения к прошлому в условиях усложняющейся и динамично изменяющейся социальной действительности. Применение данного подхода должно сопровождаться разработкой методологических критериев определения цивилизаций в условиях современного глобального социума.

Библиографический список

1. Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life*. London: George Alien & Unwin Ltd, 1976. 356 p.
2. Гофман А.Б. *Семь лекций по истории социологии*. М.: Книжный дом «Университет», 2001. 202 с.
3. Васильев А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. №2. С. 148-162.
4. Halbwachs M. *The Collective Memory*. New York, 1950. 378 p.
5. Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 402 с.
6. Хаттон П. *История как искусство памяти*. СПб.: Владимир Даль, 2004. 512 с.
7. Vancina J. *Oral Tradition as History*. London, 1965. 178 p.

8. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (ред.). Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 131-145.

УДК 316.3

ЛОЖЬ КАК АТРИБУТ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В.В. Афанасьева, Н.В. Павлова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: veraafanasyeva@mail.ru, pavlova_saratov@mail.ru

В статье обсуждаются особенности функционирования сложных коммуникационных сетей. Показано, что эти особенности обусловлены фрактальной структурой самих сетей и характером распространения информации в них. Ложь, информационные лавины, информационный хаос рассматриваются как типичные и неустраняемые феномены, возникающие при распространении информации по сетям коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, сеть, информация, фрактал, хаос, ложь, информационная лавина.

FALSEHOOD AS AN ATTRIBUTE OF NET COMMUNICATIONS

V.V. Afanasyeva, N.V. Pavlova

The paper discusses some peculiarities of complex communicational nets operation. It is shown that these peculiarities are conditioned both by the fractal structure of the nets themselves as well as by the information transfer in them. The falsehood, information avalanche and chaos are considered as the typical and unavoidable phenomenon at that occur in the information transfer along the communicational nets.

Key words: communication, net, information, fractal, chaos, falsehood, information avalanche.

Характер коммуникаций в современном мире существенно изменился: сегодня они образуют глобальные разветвленные сети сложной природы. Значительные размеры, нетривиальная топология, непрерывный рост и непредсказуемая динамика коммуникационных сетей обуславливают нелинейные режимы их функционирования, появление особых эффектов, требующих отдельного исследования.

Проблема исследования коммуникационных сетей связана с их принципиальными топологическими отличиями от линейных коммуникаций. Подобные сложные пространственные объекты в конце прошлого столетия стали объектом пристального междисциплинарных

исследований и получили название фракталов. В настоящее время известно, что фракталы растут по свойственным только им законам, т.н. законам фрактального роста. Эти законы, а значит, скорости и направления роста, сегодня хорошо исследованы для многих значимых природных и социальных фракталов. Именно фрактальными являются, например, рост городов, миграции, распространение эпидемий и т.п. Итак, коммуникационные сети отличаются фрактальной топологией и особыми законами роста, и поскольку для коммуникационных фракталов эти законы пока точно неизвестны, возникает исследовательская альтернатива: либо аппроксимировать современные коммуникационные сети известными, уже исследованными, фрактальными структурами (например, полагать процессы распространения информации подобными процессам диффузии), либо построить оригинальные модели фрактальных коммуникационных сетей.

С точки зрения формирования общественного мнения значительный интерес представляет анализ характера распространения информации по сетям коммуникаций. Именно так, формируются, например, политические приоритеты, распространяются слухи, возникает мода или паника. В этом случае мы имеем с «фрактальной в квадрате задаче»: во-первых, разветвленными фракталами являются сами сети коммуникаций; во-вторых, сама информация в них подчиняется законам фрактального роста. В этой связи имеет смысл использовать при анализе процессов распространения информации по сетям коммуникаций хорошо апробированные методы теории фракталов и синергетики, а затем транслировать полученные результаты в область социальной философии и онтологии.

Феномены, которые будут интересовать нас в первую очередь, – это информационная ложь (существенное искажение информации); информационные лавины (например, появление значительного числа подписчиков или просмотров в социальных сетях); информационный хаос (например, существование взаимоисключающих множественных версий одного и того же события). Всем известно, насколько часто в коммуникационных сетях, например, в сети Интернет, распространяется ложная информация, но далеко не все понимают, что ее появление в коммуникационных сетях принципиально, неустранимо и связано с особой динамикой самих сетей.

В самом деле, многие критические состояния во многих физических системах, например, извержения вулканов, землетрясения и другие катастрофы описываются моделями т.н. сложных сетей. Именно в таких сетях нередко возникают переходы самой сети в критическое или хаотическое состояние с непредсказуемым развитием. Современные сети коммуникаций – также сложные нелинейные сети, и распространение в них информации может быть хаотическим: нелинейная природа сетей

коммуникаций предполагает не только возможность, но даже необходимость существования в последних хаотических процессов. Если говорить об информационных фракталах, то хаотичность их динамики означает, что с информацией может происходить все, что угодно: ее количество может лавинообразно расти или, напротив, уменьшаться до нуля («обрушение информации»); информация может искажаться до неузнаваемости, приобретать неожиданный вид, скорость, форму, даже исчезать

Быстрый рост описывается метафорой «деньги к деньгам», и именно в подобных случаях возможны ситуации лавинообразного роста самих сетей или процессы «обрушения» информационных потоков. По-видимому, именно такие процессы обуславливают ситуации т.н. «информационных революций», которые приводят к резкому изменению доминирующей точки зрения на происходящее в реальности.

В настоящее время существует детально разработанные модели появления лавинообразных процессов в коммуникационных сетях при формировании политических приоритетов [1]. Их исследование показывает, что в случае образования информационной лавины один избиратель может инициировать до сотни других избирателей принять то или иное решение. Было доказано также, что многие эффекты, обнаруженные при моделировании формирования политических приоритетов в социальных сетях соответствуют реальным явлениям в политической жизни [2]. Например, решение принять участие в голосовании одним лидером общественного мнения может повлечь участие в голосовании до тридцати избирателей. Таким образом, для сетей коммуникаций характерны лавинообразные процессы со степенным ростом количества информации и (или) числа пользователей. Разумеется, информационным лавинам легче всего образовываться в «самых нелинейных» частях сети – ее крупных узлах. Это и есть «лидеры мнения», которые, иногда сами того не желая провоцируют появление в сетях быстро растущих информационных процессов, например, диктуют моду, определяют вкусы и политические пристрастия большого числа связанных в них людей, даже сеют панику.

Итак, каждый элемент сложной коммуникационной сети транслирует информацию, а за счет нелинейности самой сети она может существенно меняться, ее смыслы и акценты могут существенно искажаться вплоть до инверсии. Это и есть всем известные слухи, домыслы и сплетни. Анализируя феномен распространения ложной информации в сетях коммуникаций, имеет смысл ввести представление о коэффициенте распространения. Очевидно, он может быть как положительным, так и отрицательным, а также большим или меньшим единицы. Рассмотрим эти случаи. Если коэффициент распространения информации положителен, то каждый элемент сети транслирует информацию более чем одному

элементу, – новость так или иначе распространяется. Напротив, если этот коэффициент отрицателен, то объем информации уменьшается, новость теряется, «угасает».

Сложнее обстоит дело с величиной коэффициента распространения информации. Если он больше единицы, то информация может преувеличиваться, обрастать подробностями и даже терять начальный смысл – становиться ложью. При коэффициенте распространения, меньшем единицы, смысл информации также может существенно искажаться, но уже за счет потери подробностей. Информация сохраняет смысл, не прекращает быть «правдой» только в случае, когда она транслируется с коэффициентом, равным единице, – а это редкий случай, наблюдаемый только при точном копировании текста или ссылки. Величина и знак коэффициента информации определяется только свойствами коммуникационной сети: ее топологией (структурой), величиной, количеством узлов – и никак не зависит от характера, вида и значения самой информации.

Отметим, что искажение информации наблюдается даже в тех случаях, когда информационные поводы являются абсолютно истинными. Ярким примером широко распространившейся ложной информации являются слухи о конце Света. Информационным поводом к нему стала безобидная публикация о том, что в 2012 г. Солнечной Системы достигнет крупный метеорит, причем пролетит он в достаточной отдаленности от Земли. Нелинейность и фрактальность коммуникационной системы, которой в этом случае снова выступила сеть Интернет, привела к тому, что безымянный до этого метеорит отождествили с мифической планетой Нибиру, присовокупили сюда же оборвавшийся в 2012 г. календарь мая, массовые волнения на Ближнем Востоке, прогнозы Нострадамуса. Начавшаяся в итоге генерация лжи создала массовое представление о возможном и даже практически неизбежном конце Света.

Таким образом, коммуникационные фракталы как принципиально нелинейные структуры отличаются от линейных коммуникационных систем именно непредсказуемым появлением новых информационных паттернов – по сути выдумок, ложных уверений и представлений. И если в линейных коммуникационных системах появление ложной информации однозначно определяется заведомо ложным источником, то в коммуникационных сетях – еще и свойствами самих сетей. Всякий человек, включенный в сложную сеть коммуникаций, обречен на чужую ложь и сам, даже не желая этого, может стать источником, инициирующим распространение ложной информации.

Коммуникационные сети всегда лгут. Механизмом же, делающим ложь в Интернете неустранимой, является наличие в социальных СМИ множественных обратных связей. Обратная связь – фундаментальное понятие теории систем [3]. Хорошо известно, что только системы с

обратными связями являются генераторами, т.е. могут производить что-то новое: новую информацию, новый сигнал. В зависимости от вида обратной связи в системе возможны либо неограниченный рост уже существующего колебания, либо рождение принципиально новых видов структур: типов колебаний, мод, паттернов. Процессы роста уже существующих структур или образование новых связаны с не менее хорошо известным явлением неустойчивости. В устойчивых системах малое возмущение (отклонение от первоначального состояния) со временем затухает. В неустойчивых системах возмущения экспоненциально нарастают, первоначальное состояние существенно меняется. Иллюстрацией неустойчивого колебания может служить, например, цунами: возникнув из крохотной волны (малой флуктуации), она растет до гигантских размеров и быстро уходит из той области, где возникла.

Применительно к коммуникационным системам положительная обратная связь означает, что любая неточность при распространении информации начинает существенно возрастать – возникает лавинообразный процесс нарастания слухов, мифов, лжи. В случае отрицательной обратной связи малые отклонения от равновесных состояний (истинной информации), «гасятся» самой системой. Например, возникающие на основе официальной информации слухи опровергаются представителями ведомств и организаций, «лидерами мнения». Новость не изменяется радикально, но, возможно, приобретает новое качество: сохраняя смысл, она из «просто истинной» становится «проверенной», приобретает собственную историю. В свете сказанного, чрезвычайную важность приобретает определение коэффициента обратной связи коммуникационной системы, это можно сделать эмпирически, например, социологическими методами.

Еще одной особенностью коммуникационных сетей является и то, что часто они могут рассматриваться как системы с запаздывающей обратной связью [4]. В подобных системах реакция на внешнее воздействие (в данном случае, на информационный сигнал) происходит не сразу, а через определенное время, иногда значительное, а результирующий отклик, как и в случае систем с простой обратной связью, может давать разные результаты. Примерами систем с запаздывающей обратной связью являются банковские операции, по которым проценты выплачиваются через определенное время, системы воспитания и образования, пенсионная система. Существование времени запаздывания в сетях коммуникаций оказывается очень важным в тех случаях, когда предполагается проведение длительных PR-кампаний, например, избирательных, и не может не учитываться.

Итак, коммуникационные сети обладают существенными особенностями в распространении информации по сравнению с линейными коммуникациями, что определяется их особой фрактальной

структурой и нелинейностью (наличием в них множества положительных и отрицательных обратных связей, способностью к генерации). Это означает, что информация может существенно искажаться, лавинообразно расти, запаздывать, приобретать неожиданный, непредсказуемый вид, даже исчезать – в коммуникационных сетях всегда генерируется и распространяется ложь, всегда наличествуют узлы, формирующие доминирующие мнения, моды и паники, рано или поздно возникает информационный хаос. Подобные явления делают всякую сложную сеть коммуникаций весьма непростым и даже опасным местом. Коммуникации лишаются при этом привычного вида и функций, могут затруднить человеческую деятельность, становятся неоднозначным, даже нездоровым, болезненным явлением [5].

Библиографический список

1. Fouler J.H. Turnout in a Small World / The Social Logic of Politics: Personal Networks as Contexts for Political Behaviour. Philadelphia: Temple University Press, 2005. P. 269-287.
2. Liu X., Tse C.K., Small M. Complex network structure of musical compositions: Algorithmic generation of appealing music // Physica. 2010. A 389. P. 126-132.
3. Винер Н. Нелинейные задачи в теории случайных процессов. М.: ИЛ, 1961. 158 с.
4. Анищенко В.С. Сложные колебания простых систем. М.: Мир, 1990. 273 с.
5. Афанасьева В.В. Болезненные коммуникации и психическое нездоровье / Философия здоровья. Коллективная монография. Под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов: изд-во СГУ, 2012. 189 с.

УДК 140.4

РЕВОЛЮЦИИ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИУМЕ КАК ЭФФЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЛЕЧЕНИЙ

М.О. Орлов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: orok-saratov@mail.ru

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта №15-33-12009*

К нынешнему состоянию культуры применима, например, логика физики элементарных частиц. Все ценности подвергаются дроблению (распаду), торжествует принцип неопределенности. Для начальной стадии ценности были характерны естественные законы, для рыночной – ценности были средствами обмена, для структурной стадии ценности стали символами. Нынешняя, фрактальная стадия ценностей стала свободна даже от закона ценности, поскольку ценности распространяются, рассеиваются, не согласуясь ни с какими принципами.

Ключевые слова: социальная революция, производительность труда, постклассическая парадигма, бессознательное.

В свете классической парадигмы линейная динамика фиксирует такой момент действия закона взаимного перехода количественных и качественных изменений, как количественные изменения в пределах меры, то есть речь идет об изменениях предметных характеристик социального целого, не затрагивающих системного качества. Необходимо отметить недостаточную изученность этапов формирования теории линейного социального прогресса и вопросов, связанных с выяснением степени адекватности прогрессистских теорий линейным процессам исторической действительности. Неслучайным является тот факт, что теории линейного социального развития возникли, оформились в целостную концепцию и получили широкое распространение в тех странах (Англия, Франция), где сама эмпирическая картина создавала для этого жизненную основу в виде научных, промышленных, культурных и шире – социальных революций, значительно ускорявших темпы общественного развития. Этому предшествовал длительный период формирования, в котором были выработаны три подхода: 1) начало – середина XVII в. – *сциентистский* (Ф. Бэкон, Р. Декарт); 2) вторая половина XVII в. – первая четверть XVIII в. – *политико-правовой* (Т. Гоббс, Дж. Локк); 3) вторая половина – конец XVIII в. – *общесоциологический* (А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе).

Идея линейного прогресса нередко выполняет функцию идеологического оружия, помогающего пробить дорогу новым общественным отношениям. Она служит для придания смысла политическим действиям восходящего класса и используется в различных идеологиях как элемент легитимации складывающегося при этом общественно-политического устройства. Элементами в социальной системе являются институты, социальные субъекты и индивидуумы, взаимодействие между которыми – упорядочивание или хаотизация, приближают к критической точке наличную стадию, и приводят к развитию или упадку систему на ее новом витке. Переход к последующей стадии можно определить как *разрыв* или *взрыв-перестройку*, создающий элементы нового порядка и отрицающий предшествующий [1, с. 93-94].

Современном Западу не грозит энергетический кризис, так как энергия во всех ее формах все время освобождается и возрастает – даже из самой траты энергии. Это говорит в пользу новой тенденции – не кризисной, а катастрофической. Чем больше в системе негативного, тем больше в ней кризиса и критики, и наоборот, чем больше позитивного, тем больше катастроф. На основе этого положения можно вспомнить постмодернистскую теорему о проклятой стороне вещей: все, что извергает из себя проклятую сторону своей сути, подписывает себе смертный приговор.

Капитал влечений, как еще вчера капитал труда, начинает поглощать все обозреваемые сферы жизни, выстраивая очередную историческую целостность. Труд как настойчивая систематическая деятельность по преодолению сопротивления материала с целью превращения его в товар, сегодня лишается всякого пафоса, становясь, по мнению масс-медиа, уделом «второсортных» людей таких как гастарбайтеры, обслуживающий персонал, «офисный планктон» или работники социальной сферы. Престижным становится «творческий труд», который мыслится, как сублимация сексуальной энергии. При этом модель такого труда перерастает в различные формы манипуляций символами ради обладания неким ускользающим симулякром. Подобные эффекты мы наблюдаем в виртуальном пространстве, в мире высокой моды или игры на бирже, подобной спецификой обладает в глобализирующейся экономике и супердорогой сервис. Вообще атрибутом новой эры, как «эры удовольствий» становится услуга, в отличие от предыдущей эры труда, знаменем которой было производство. Отсюда так прочно вошли в оборот учреждений образования и культуры понятия: «образовательная услуга» или «эффективная коммерческая реализация Art-проектов» [2].

На этих же принципах выстраивается и «творческий» образовательный процесс, который формирует у учеников впечатление, что учиться можно играя, получая удовольствие, просто раскрепощаясь и следуя за учителем – творцом. Царицей нематериальной сферы становится идея-симулякр: неважно чего, уникальной ли дизайнерской находки из ничего, или эффектного и эффективного имиджа для провального политика или неликвидной продукции. Все остальное становится работой для «негров», пусть даже и высокообразованных.

Энергия соблазна и влечений не обошла стороной и политическую жизнь современного общества. Причем не только в феномене «соблазнительного политика», которому положил начало Джон Кеннеди, но и самих принципах политического управления. Классический буржуазный принцип «надзирай и наказывай» сегодня уже не эффективен. Даже апелляцией к здравому смыслу и осознанной выгоде сегодня немногого добьешься. Сегодня эффективный политический и экономический менеджмент кроется в умении управлять энергией иррациональных человеческих влечений по принципу «соблазняй и манипулируй», чтобы зону контроля вывести в принципе за пределы осознания человеческой массы [3].

Конечно, новая эпоха началась не вдруг – ее предпосылки развивались в течение всего прошлого века. Начало было положено западноевропейской секуляризацией ценностей и последующем освобождении человеческих влечений из под контроля морали. Технологии виртуализации и информатизации способствовали дальнейшим моделям освобождения, таким как постепенное превращение

информации в полноценный товар, и появление потребителя с досугом, и постепенное обнажение женского тела, и проникновение сложной техники в бытовую сферу, и замена материи на энергию в физике, появление философии постмодерна, и ренессанс психологии бессознательного, чьим предметом становится то, что ранее считалось несущественным, а то и вовсе неприличным, и легитимация свободных желаний в искусстве. Общий знаменатель этих трансформаций выразился в сетевом конфигурировании социальной реальности, открывающей индивидуальному субъекту возможность чуткого восприятия малейших желаний.

Но окончательное формирование адекватной для психологии влечений материально-технической базы происходит с удвоением податливой действительной реальности в виртуальную реальность, где желания становятся одновременно и образами этой реальности, атрибутами сетевого общества, где как в первобытном хаосе, партиципирование может происходить по самым невероятным критериям. Иначе говоря, для философии интересны те объективные процессы, которые запущены сетевой глобализацией [4].

В понятиях неоконсервативной идеологии замена эры труда с ключевой ролью сознания эрой свободных влечений, где во главу угла ставятся, прежде всего, бессознательные механизмы психики. На уровне социальной реальности это культивирование либеральных идей, являющихся маской, ширмой, прикрытием для вседозволенности, как на уровне международной политики США, так и на уровне индивидуальных субъектов, стремящихся найти оправдание своих аморальных желаний или даже преступлений. Вообще дихотомия в стиле хорошо/плохо при рассмотрении столь масштабных явлений – неуместный подход. Эпохи вообще морально неменяемы, как минимум потому, что их не выбирают. Оценка эпохи и собственно эпоха – разбросанные во времени явления. При этом гегелевское понимание свободы как меры общественного прогресса сохраняет актуальность и для постиндустриальной эры. Однако опасность этой свободы не в том, что она снимает внешние ограничения с мира человеческих влечений. Свобода представляет угрозу, когда приложена к устаревшим индустриальным ценностям, которые определяют развитие наращиванием производственных объемов вещных богатств, прежде всего. При этом доступные средства для прогрессивного производства на сегодняшний день практически безграничны. Дурная бесконечность перепроизводства замыкается лишь на одном препятствии – потреблении. Преодоление этого препятствия становится смыслом его существования, единственной исполненной страсти задачей. Человеческий быт забит вроде бы нужными, но явно ненужными вещами, а индустрия торговли демонстрирует невиданное богатства выбора. Но производство продолжает работать по нарастающей, превращая купленное вчера в

сегодняшний мусор. На сегодняшний день самой острой проблемой является это превращение цивилизации в тотальную свалку потребления. Та же самая логика распространилась на отношение к идеям и ценностям. Утрата опыта приобщения к священному и подлинному бытию децентрирует все человеческие стратегии и желания, обрекая человечество на неминуемый реальный Апокалипсис [5, с. 88].

Однако если невозможно блокировать рост потребностей, искусственно стимулируемый перепроизводством, может, следует заменить его ростом иных потребностей, столь же эмоционально насыщенных, но не требующих максимума предметного оснащения. Если взглянуть на проблему с иной стороны и предположить, что современность не только поставила человечество перед глобальной проблемой, но и нащупала пути к ее разрешению? И потребности, следующие из человеческих влечений можно противопоставить страсти к предметно-вещным накоплениям?

Сфера бессознательного, в отличие от сферы сознания, которая прозрачна для познающего разума, нуждается либо в специальном анализе, в целях перекладывания бессознательных психических процессов на язык дискурсивного мышления, либо в символической персонификации психических процессов с дальнейшим моделированием в форме драматического действия. Это варианты только у порога сферы бессознательного, где находится сегодняшняя наука, за которым нас ожидает немало пока еще неявленных горизонтов [6, с. 152].

Наконец, на базе именно психологии бессознательного возможна новая стратегия управления человеческим капиталом, которая не будет запрещать какие-либо действия, но девальвировать их через позиционирование более адекватных обстоятельствам, эмоционально позитивных действий. При этом психология бессознательного не является безусловной альтернативой психологии сознания, но подобно разным слоям человеческой психики надстраивается и дополняет одна другую. Но, это уже тема для отдельного исследования.

Библиографический список

1. Иванов А.В., Дорошин И.А. Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска // *Власть*. 2012. №11. С. 92-96.
2. Орлов М.О., Данилов С.А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // *Философия и общество*. 2008. №4. С. 126-131.
3. Shum P. Avoiding Circularities on the Empathic Path to Transcendental Intersubjectivity // *Topoi*. Volume 33. Issue 1. 2014. pp. 143-156.
4. Орлов М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации. Дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 306 с.
5. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. проф. В.Б. Устьянцева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 248 с.

6. Орлов М.О. Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009. 256 с.

УДК 316.012

МНОГОМЕРНОСТЬ ПОНЯТИЙ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Н.Г. Поршнева

Балаковский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

E-mail: nadezhdalow@mail.ru

Статья посвящена анализу критериев оценке деятельности государственных служащих со стороны общества. Подчеркивается, что понятие «качество» тесно связано с понятием «эффективность», определение критериев которого должно зависеть от целей и задач деятельности государственных служащих. Предпринята попытка обобщения понятия качества работы и/или услуг служащих государственных учреждений. Представляется особо важным определить базовые представления о качестве и возможности его количественной оценки. Широкое понимание эффективности используется как в официальных документах, так и в сложившейся практике

Ключевые слова: качество, эффективность, государственные служащие, общество.

MULTIDIMENSIONAL CONCEPT OF QUALITY AND EFFICIENCY IN THE ASSESSMENT OF CIVIL SERVANTS

N.G. Porshneva

The article analyzes the criteria for the evaluation of the civil servants of the society. It is emphasized that the concept of "quality" is closely linked with the concept of "efficiency", the definition of the criteria which should depend on the goals and objectives of public servants. An attempt to generalize the concept of quality of work and / or services to the public service. It is especially important to determine the basic idea of the quality and the possibility of quantification. Broad understanding of the effectiveness used in official documents and in the current practice

Key words: quality, efficiency, civil servants, society.

Государственные услуги в целом, вне зависимости от организации, их оказывающей, являются существенным фактором социального развития страны. Соответственно, анализ качества деятельности государственных структур, оценка рациональности и эффективности в достижении поставленных целей приобретает в настоящее время все большую значимость. В стремлении наиболее полноценно и адекватно соответствовать реалиям современного общества, максимально облегчить

жизнь граждан, государственные учреждения стараются выйти на более высокий качественный уровень работы, что порождает ряд проблем на уровне терминологии. С одной стороны, декларировать качественную работу легко, но, с другой, – именно это и вызывает первые трудности: как именно определить качество, отчего оно зависит и есть ли у него четкие критерии? Именно поэтому представляется особо важным определить базовые представления о качестве и возможности его количественной оценки.

Вопросы качества, менеджмента качества и контроля качества не новы в научной литературе: их анализировали и раскрывали Э. Деминг, Дж. Джуран, К. Исикава, Ф. Кросби, А. Фейгенбаум и многие другие. При этом внимание вышеперечисленных исследователей концентрировалось главным образом на производственной сфере и уже во вторую очередь на сфере услуг. Концептуальные подходы к оценке процесса оказания услуг и обеспечения их качества (на примере социального обслуживания в частности) были сформулированы С. Нечаевым, А. Романенко, П. Романовым, Е. Чуевой, Е. Ярской-Смирновой и др., в развитие идей которых и предпринята данная попытка обобщения понятия качества работы и/или услуг служащих государственных учреждений и конкретизировать целевую установку. При этом качество каких-либо материальных объектов в данном случае не рассматривается или считается не приоритетным.

Качество представляет собой универсальную и вместе с тем сложную многоаспектную категорию. К аспектам качества можно отнести, в частности, социальный, правовой, экономический и технический, степень выраженности которых (или их комплексное использование) будет зависеть от контекста ситуации.

Социальный аспект качества зависит от отношения субъектов деятельности к объекту – например, это может быть восприятие каких-либо государственных услуг их потребителем. Иначе говоря, качество можно определить как «соответствие идеального образа услуги, удовлетворяющего все стороны, и реального воплощения этой услуги» [1, с. 7], то есть степень приближенности реальных действий к запланированным – некой «идеальной модели». Поскольку представление об «идеальности» очень индивидуально, очень важны выработка и закрепление определенных стандартов качества, не допускающих двусмысленные толкования.

Вышесказанное подразумевает создание специальной нормативной документации (а также алгоритм ее разработки, утверждения, внедрения, выполнения и учета), декларирующей конкретные стандарты, что относится к правовому аспекту качества. С этой точки зрения, качество выступает как плагиат – налицо элемент квантификации, выражающейся в приписывании количественной определенности изучаемым качественным

признакам. В данном случае качество определяется «поставщиком» государственных услуг, а мнение потребителей может на вполне законном основании игнорироваться. Например, в услуге по регистрации транспортного средства такой очевидный критерий качества как срок оказания услуги четко оговорен: «Поступившие от граждан заявления и документы рассматриваются и проверяются... уполномоченным должностным лицом в срок до 30 минут» [2]. Соответственно, даже если двадцать минут представляются для потребителя субъективно долгими, официальные лица не будут учитывать его жалобы, если исполнитель укладывается в нормативное время.

Важность правового аспекта качества не только в формализации работы государственных служб, но и в том, что он напрямую предполагает измерение качества, ограничение его некими атрибутивными границами и определение, в чем именно будут выражаться критерии качества услуги.

Технический и экономический аспекты качества целесообразно рассматривать комплексно, поскольку они отражают взаимосвязь производства услуг и их потребления, а также соответствие деятельности/услуг потребностям потребителя. С экономических позиций также важно соотношение затрат и результатов функционирования системы: например, услуга по выдаче загранпаспорта нового образца предусматривает оплату государственной пошлины в размере 3500 рублей (по состоянию на март 2015 г. [2]), единой для всех жителей РФ, но граждане разных регионов и городов получают ее по-разному: в электронной очереди и обычной, в хороших новых зданиях и в ветхих темных коридорах, где давно не было ремонта, сотрудники ведомства пользуются и современной аппаратурой, и «зависающими» компьютерами... Соответственно, оценка качества услуги при ее одинаковой стоимости будет оцениваться людьми по-разному. При этом улучшение технической составляющей может в дальнейшем отразиться на цене услуги в сторону ее увеличения и потребитель, считающий, что 3500 рублей – приемлемая стоимость, может счесть 5000 рублей непомерными тратами.

Монополия государства на ряд услуг вполне естественна для отечественного общества и вряд ли является недостатком, подлежащим устранению. К отрицательным сторонам этого явления можно отнести комплекс внутренних факторов, провоцирующих и/или поддерживающих ненадлежащее качество услуг:

1. Самый очевидный и уже упоминавшийся параметр: отсутствие конкуренции, что не стимулирует качественные изменения. Условно говоря, если человеку не нравится автосалон «Х», он может пойти в автосалон «У», но если его не устраивают условия процедуры регистрации автомобиля в МРЭО ГИБДД, то альтернативы Государственной автоинспекции у него все равно нет.

2. «Непрозрачные» схемы работы, закрытость большинства государственных служб и/или нечеткие алгоритмы их работы; потребителям услуг сложно или невозможно отследить из чего складывается цена услуги, почему она оказывается именно таким образом, кто несет ответственность за ненадлежащее исполнение услуги и др.

3. Низкая ответственность исполнителей и склонность их руководства скрывать ошибки подчиненных.

С экономических позиций качество рассматривается как результат потребления или потребительской стоимости исследуемого объекта. Насколько потребности в качестве того или иного объекта разнообразны, настолько это качество оценивается потребителями по-разному. Следовательно, с экономической точки зрения важно знать, насколько качество соответствует потребности, иначе не всякое высокое качество может являться таковым для потребителя. Таким образом, между техническим и экономическим пониманием качества имеется противоречие, которое носит диалектический характер и обуславливается дополнительной взаимосвязью производства и потребления услуг, вследствие чего технический и экономический аспекты качества целесообразно рассматривать комплексно, тем более что это важно при проведении оценки уровня качества.

Соответственно, при анализе качества следует учитывать такой нюанс, что формально «качественная» услуга может считаться ее потребителем «плохой» просто в силу ее цены. Другой вопрос, что обеспечение технической составляющей качества для государства не является приоритетным, поскольку, как бы тавтологично это не звучало, оно имеет монополию на государственные услуги. В этом факторе отсутствия конкуренции и кроется проблема.

Как уже говорилось выше, такая категория как «качество» воспринимается людьми очень индивидуально, поскольку у каждого есть уникальное представление о качественной услуге. Соответственно, очень важным становится определение неких условных стандартов, не только учитывающих субъективные параметры восприятия, но и базирующихся на экономической целесообразности. Вследствие этого понятие «качество» тесно связано с понятием «эффективность», определение критериев которого должно зависеть от целей и задач деятельности государственных служащих.

Эффективность является сложным и многозначным термином, имеющим множество значений. Рассмотрим два основных варианта данного понятия.

В первом случае эффективность понимается как действенность или результативность – в частности, так ее трактует Д.С. Синк [3, с. 132], рассматривая систему индикаторов и характеристик, в совокупности отражающих это понятие, включая, в частности качество (как степень

соответствия системы требованиям, спецификациям и ожиданиям) и прибыльность (как соотношение между доходами и суммарными издержками). Кроме того, эффективность как результативность можно рассматривать как способность производить намеченный результат в желаемом объеме, что может выражаться процентным соотношением фактически произведенного результата к нормативному/запланированному. Таким образом, результативность присутствует в той мере, в какой достигнуты желаемые параметры: если есть ожидаемый результат (услуга оказана, проблемы клиента решены) – деятельность может считаться результативной. Соответственно, определить результативность организации (отдела, работника) можно, в частности, методом последовательного сравнения с помощью стандартных оценок путем расчета значений отдельных показателей по группам критериев и определения их относительной значимости по интервальной шкале [4]. Данный метод может использоваться с участием потребителей услуги и является наиболее рациональным при оценке результативности. Подобный подход к определению эффективности акцентирует внимание на достижение результата, а не на ресурсы, затраченные на получение желаемого эффекта [1, с. 7]. Это уточняется понятием действенности как степенью завершения требуемой для достижения целей работы.

Второй вариант представляет эффективность как производительность или экономичность, то есть отношение выработки к затратам, что чаще всего выражается в виде процента от идеальной продуктивности [1, с. 6], которая тем объективно выше, чем меньше затрачено ресурсов (в рамках экономического подхода понятия «продуктивность» и «эффективность» могут использоваться взаимозаменяемо). Количественно продуктивность можно представить, например, как число единиц оказанных услуг в единицу времени. В контексте сектора государственных услуг эффективное управление ресурсами предполагает повышение работоспособности системы при уменьшении затрат.

Использование экономических доказательств эффективности государственных учреждений является важным, но далеко не единственным приемом оценки [5], тем более, что наибольшее соответствие целей и полученных результатов при наименьших затратах означает «эффективность» в узком смысле. Кроме того, следует учитывать, что понятия «результативность» и «экономичность» не всегда являются взаимодополняющими: результативная (то есть дающая определенный желаемый результат) деятельность не обязательно будет экономичной (то есть она может быть ресурсозатратной) и наоборот. Соответственно, говоря об эффективности системы оптимально анализировать комплекс параметров: действенность, результативность, производительность, экономичность и качество. В свою очередь, адекватная оценка деятельности организации предполагает комплексный анализ: сотрудников

организации, работы с потребителями услуг, направлений работы с клиентами, всей организации в целом. Такое широкое понимание эффективности используется как в официальных документах, так и в сложившейся практике.

Как отмечалось выше, понятия «качество» и «эффективность» взаимосвязаны, поскольку показатели эффективности раскрывают содержание понятия качества [6, с. 4]. Профессиональная деятельность государственных служащих, приносящая пользу и положительно оцениваемая потребителями государственных услуг, представляется качественной. Если при этом она осуществляется в рамках запланированных ресурсов и целей и имеет конкретный ожидаемый результат, то она считается эффективной [1, с. 9].

Библиографический список

1. Оценка результативности, эффективности и качества деятельности учреждений социальной поддержки населения / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2007. С. 6-9.
2. Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: <http://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 17.03.2015).
3. Синк Д.С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. М.: Прогресс, 1999. С. 132.
4. Результирующее содержание организационно-административной работы в системе социальных служб, учреждений и организаций. URL: http://www.sociology/1_object6935.html (дата обращения: 17.03.2015).
5. Власова Н.А., Жамьянова Б.С. Программа оценки эффективности профессиональной деятельности специалистов по социальной работе. URL: <http://www.spf.bsu.ru/main.php?go=pubs.php&stot=0139> (дата обращения: 17.03.2015).
6. Максимова М.Н. Формирование и эффективное использование ресурсов в социальном обслуживании региона: автореферат дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 43 с. С. 4.

УДК 159.99 + 343.953 + 316.62

МЕДИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.М. Романова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: lab-psychology@mail.ru

Статья посвящена анализу современного состояния практики медиации в современном обществе и трудностей, связанных с внедрением данной процедуры. Автором выделяется комплекс наиболее значимых проблем: а) обусловленные характеристиками ментальности; б) связанные с профессиональной подготовкой медиаторов; в) зависящие от особенностей личности медиатора. Дается описание двух

основных типов личности медиатора, потенциально проблемных с точки зрения их пригодности к медиаторской деятельности.

Ключевые слова: медиация, проблемы современной медиации, ментальность, профессиональная подготовка медиатора, личность медиатора.

MEDIATION IN MODERN SOCIETY

N.M. Romanova

Article is devoted to the analysis of a current state of practice of mediation in modern society and the difficulties connected with introduction of this procedure. The author allocates a complex of the most significant problems: a) the mentalities caused by characteristics; b) connected with vocational training of mediators; c) depending on features of the identity of a mediator. The description of two main types of the identity of a mediator, potentially problem from the point of view of their suitability to mediatorsky activity is given.

Key words: mediation, problems of modern mediation, mentality, vocational training of a mediator, identity of a mediator.

Медиация – способ разрешения конфликтов и споров между людьми с помощью независимого профессионального посредника. Медиация является одновременно и новым, формирующимся в нашем обществе социальным институтом, и новой социальной практикой, и специальной технологией разрешения проблем, и цивилизованным способом взаимодействия людей друг с другом. Использование этой примирительной процедуры исключает силовое давление сторон друг на друга либо решение в пользу только одной из сторон. Медиативные технологии задействуются в разных сферах жизнедеятельности человека – при разрешении судебных, школьных, коммерческих, трудовых, жилищных, семейных и многих других конфликтов.

Ценность примирения, ненасилия, взаимопонимания, уважение к человеческому достоинству – вот доминирующие идеи медиации. Содержание и суть этой гуманитарной технологии являются революционными: это трансляция культуры диалога и понимания в современную социальную коммуникацию. При успешном применении медиативной технологии стороны меняют отношение друг к другу – от агрессии, недоверия, враждебности они переходят к осознанию проблем другой стороны, принятию ее аргументов в споре.

Процедура медиации предполагает задействование участниками конфликта таких поведенческих реакций, как осознание, извинение, побуждение к заглаживанию причиненного вреда, раскаяние, прощение, планирование последующих действий.

Внедрение медиации позволяет изменить культуру поведения людей в проблемных ситуациях, предупредить и снизить уровень конфликтности в обществе в целом, гармонизировать социальные отношения [1]. Являясь

социальным институтом, медиация находит основания своего зарождения в социальной системе современного общества.

Медиация как практика разрешения споров зародилась в США в 70-е годы XX века и получила там высокую популярность. В Европе этот вид посредничества внедрялся на протяжении 20-30 лет. В нашей стране, как нам представляется, есть определенные предпосылки для интенсификации в настоящее время данного процесса. В обществе возникла достаточно выраженная социальная потребность в медиации как альтернативном методе разрешения конфликтов. Хотя интерес к медиации в нашей стране отличается волнообразным характером, а ее продвижение является прерогативой по преимуществу энтузиастов, начиная с определенного момента, можно прогнозировать интенсивное внедрение медиации в российское общество. Следует отметить, что имеются и определенные успехи по продвижению медиации в нашей стране.

За четыре года, прошедших с момента принятия Федерального закона о медиации в РФ, этот вид посредничества постепенно получил признание и возрастающий интерес не только как конструктивная социальная идея, но и как социальная практика. В отдельных регионах медиация активно внедряется в структуру социальной жизни: открываются центры по оказанию населению медиативной помощи, проводятся конференции и круглые столы, посвященные медиации, создаются пилотные площадки, реализуются медиативные практики в конкретных видах деятельности.

Но имеется и много проблем в плане успешного продвижения медиации в нашем обществе. Являясь прекрасным средством урегулирования и восстановления отношений между людьми, медиация как социальный институт и технология, встречает препятствия на пути своего эффективного внедрения в практику жизни современного социума.

Как указывают исследователи, главное препятствие на пути становления медиации в России – высокий уровень конфликтности в обществе [2].

Однако имеются и другие препятствия. Они имеют как объективные, так и субъективные основания. Специфика проблем связана как с трудностями роста, типичными для любого нового, серьезного и масштабного начинания, так и со специфическими социально-психологическими явлениями, характерными для современной российской реальности.

На наш взгляд, совокупность проблем, связанных с успешным внедрением медиации в наше общество, можно разделить на три основные группы: 1. проблемы, связанные с особенностями ментальности нашего населения и сложившимися традициями разрешения споров; 2. проблемы, связанные с подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации медиаторов; 3. проблемы, связанные с особенностями

личностных характеристик медиатора в плане их соответствия требованиям профессиональной деятельности.

Проанализируем каждую из выделенных групп проблем отдельно.

1. Проблемы, связанные с особенностями ментальности нашего населения и сложившимися традициями разрешения споров.

В ментальности человека отражаются и проявляются его представления о мире, сформированные на основе ценностных, моральных и культурных детерминант. Такие представления человека носят как осознаваемый, так и неосознаваемый характер. Традиционно практики споров и конфликтов в нашем социуме более многообразны и приемлемы, чем практики примирения и консенсуса. По мнению Г. Похмелкиной и О. Кетовой, имеются характеристики российской ментальности, значимые с точки зрения успешности внедрения этой социальной практики в нашей стране. Они связаны со следующими, характерными для нашей ментальности, особенностями:

1. бытующими у людей представлениями о компромиссе как проявлении слабости;

2. потребностью во внешнем императивном регулировании возникающих конфликтов, нежелании брать личную ответственность за поиск решения с целью выхода из сложных жизненных ситуаций, несамостоятельностью принятия решений;

3. сложившейся в нашем социуме культурой разрешения конфликтов, а именно: склонностью людей к неуступчивости (уступить – значит оказаться слабым, проиграть);

4. влечение к победе, характерное для российской ментальности, доминирование психологии победителя, свойственное русской и советской культуре.

В литературе имеются упоминания о «культурной невосприимчивости» наших граждан к медиации: неприятие «инаковости», ценностей и интересов других людей, непонимание отличающихся представлений разных людей о справедливости.

Анализ закономерностей поведения людей в судебных конфликтах показывает следующее: согласно имеющимся статистическим данным, количество судебных дел, прекращенных по причине примирения сторон, имеет тенденцию к постоянному снижению с 2009 г. Так, в арбитражных судах в последнее время, этот показатель упал с 6% до 4% [3].

Однако есть аргументы и в пользу интенсивного распространения медиации в нашей стране, отмечается наличие весомых факторов, благоприятствующих ее развитию. Так, Г.В. Похмелкина и И.Н. Семенов указывают в связи с этим [4]:

1. коррупционность судов будет способствовать обращению граждан во внесудебные органы, к внесудебной практике;

2. в обществе имеется общественный интерес к медиации, есть понимание необходимости ее внедрения в социальную практику;

3. накоплены исторические традиции разрешения конфликтов способами, сходными с современной медиацией (в России существовали суды сословные офицерские, купеческие, крестьянские);

4. потребность жить в мире, спокойствии, добрых отношениях является фундаментальной.

2. Проблемы, связанные с подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации медиаторов.

Здесь следует отметить следующие проблемы. Недостаточным, прежде всего, является количество времени, отводимого в настоящее время на базовую подготовку медиатора. Кроме того, образование, которое в настоящее время предлагается желающим получить квалификацию медиатора, не гарантирует качества их профессиональной подготовки. Обучающиеся получают по преимуществу теоретические знания о сущности медиации, ее принципах и основах. Слушатели не получают практико-ориентированного, «живого» знания и, как следствие, будущие медиаторы получают неглубокое, поверхностное образование.

Это объясняется, прежде всего, недостатком преподавателей, профессионально владеющих методологией, техникой, практическими навыками и опытом ведения медиативных процедур.

Исследователи подчеркивают: обучение медиации целесообразно проводить в интерактивной форме, в виде тренинговых занятий [5].

Социальная технология медиации требует с необходимостью освоения как теоретических и методологических оснований этой процедуры, ее философии, осмысленного овладения логикой миротворчества, так и обучения конкретным действиям, технологиям, формированию профессиональных посреднических компетенций. Это предполагает необходимость проведения интенсивных тренировок в процессе подготовки профессионального медиатора в контексте освоения им практик работы в зоне конфликтного взаимодействия.

Кроме того, подготовка предполагает работу с личностью самого медиатора, ибо, как указано в работе Х. Бесемера [6], О.В. Аллахвердовой [7] именно личность медиатора является основным инструментом эффективного посредничества.

В этом смысле профессиональный медиатор – это человек, открытый к принятию идей ненасилия и миротворчества, всегда помнящий о сверхзадаче медиации: а именно – ее ценностях и целях в плане единения общества на основе реальных посреднических действий. Речь идет о восстановлении взаимопонимания и «очеловечивании» отношений между людьми, трансляции в общество ценностей добра, понимания, прощения, необходимости осознания неправильности собственного поступка и раскаяния.

Кроме того, медиатор должен иметь знания в области коммуникативных и психологических механизмов взаимодействия между людьми. Известно, что медиатор – это специалист в области коммуникации, переговоров, и без научных профессиональных знаний в таких областях, как психология, социология, конфликтология, педагогика, психолингвистика, ему обойтись невозможно.

В частности, в каждом межличностном и деловом конфликте можно найти психологические корни. Что это значит? Это значит: обнаружить подавленные психологические потребности, желания и мотивы. Медиатор должен уметь грамотно поддержать стороны, сдвинуть проблему с мертвой точки, помочь сторонам выйти из тупика. Важно построить новую конфигурацию отношений между участниками конфликта, суметь увидеть множество вариантов решения спорной ситуации.

Медиация – это процедура творческая, рефлексивная, тонкая, импровизационная. Нужна достаточная психолингвистическая тонкость для ее грамотного проведения. Медиатору нужно тренировать лингвистическую утонченность и чувствительность.

Медиатор должен уметь направлять свои реплики в будущее. Эти реплики должны быть позитивными.

Важным является овладение психолингвистическими приемами медиативной деятельности: профессиональным владением речевыми способами общения и психологического воздействия на стороны конфликта.

Процедура медиации предполагает создание посредником позитивной психологической атмосферы на посреднической процедуре, грамотное оформление рамок проведения беседы, установление границ возможного в поведении участников.

Необходимо знание закономерностей психологического влияния речи на слушателя, способов эффективного речевого воздействия на него, умение зафиксировать посредством речи значимые, с точки зрения целей медиации, моменты. Важно посредством языкового кода, «опорных» элементов речи курировать коммуникативный процесс, «продвигать» стороны к достижению общей цели – примирению и пониманию друг друга. Грамотное речевое поведение медиатора способствует сдвигу в смысловом поле участников конфликта. Вербальная культура медиатора значима на разных этапах медиативного процесса: как при разъяснении клиентам отдельных моментов, поддержании диалога между ними и выведении медиативной ситуации из тупика; так и при работе с проявлениями агрессивности сторон.

В процессе грамотного ведения посредником медиативной процедуры стороны постепенно переходят от одномерного, узкого видения проблемы к «панорамному», объемному ее восприятию.

Таким образом, посредник, используя правильный языковой код, эффективные психолингвистические приемы, помогает участникам конфликта организовать успешную коммуникацию и эффективное разрешение конфликтной ситуации.

3. Имеются проблемы, связанные с личностью медиатора. Под личностью в современной науке понимают относительно устойчивую систему поведения человека, включенного в социальный контекст.

На основе анализа и обобщения практики проведения медиативных тренингов, проводимых с обучающимися медиации на базе Поволжского юридического института (Саратовский филиал, г. Саратов), мы разработали социально-психологическую классификацию медиаторов – будущих посредников-практиков.

По результатам анализа мы выделили 2 типа личности медиатора, проблемных с точки зрения их пригодности к медиаторской деятельности.

1 тип: это личности, склонные проявлять в посреднических процедурах неуверенность, беспомощность. При возникновении сложных ситуаций они чувствуют себя «не в своей тарелке», имеют склонность фиксироваться на собственных неудачах. Им сложно: находиться в эпицентре конфликта, в зоне доминирования негативных чувств; выдерживать эмоциональное напряжение, удерживать нарастание негативных эмоций участников конфликта, транслируемых с обеих сторон, корректировать процесс коммуникации участников процедуры. У таких медиаторов можно прогнозировать раннее нарастание симптомов эмоционального выгорания, достаточно быстрое снижение показателей нервно-психического и физического здоровья.

2 тип: это личности, уверенные в своих силах, считающие, что им все «по плечу». Они всегда знают правильный ответ и пытаются навязать его сторонам. Их слабые черты – психологическая «грубоватость», эгоцентризм (считают, что другие должны думать и поступать так, как кажется правильным только им самим), сложность в понимании интересов сторон (т.е. мотивов и потребностей клиентов), склонность к авторитарному стилю ведения переговоров.

Кроме того, нами выявлены проблемные аспекты медиации, обусловленные влиянием на ход процесса индивидуально-психологических особенностей личностимедиатора: 1. влияние прошлого опыта, 2. низкая креативность, 3. низкая стрессоустойчивость (паника), 4. чрезмерная эмоциональная вовлеченность в ход процесса (неспособность медиатора быть беспристрастным), 5. неразвитость логических и прогностических функций, 6. недостаточный контроль проявлений невербального поведения.

Постепенное преодоление указанных выше проблем будет способствовать успешному продвижению и внедрению медиации в нашей стране.

Библиографический список

1. Шамликашвили Ц.А. Медиация – междисциплинарная наука // Сборник материалов Общероссийской научно-практической дистанционной конференции «Психология и педагогика: Современные методики и инновации, опыт практического применения – III». Липецк, 27 сентября 2013 . Липецк: Кватра, 2013. С. 5-9.
2. Яковлев В.Ф. Нам нужно обрести культуру диалога // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2012. №24. С. 14-30
3. Решетникова И. Склонить к миру // Российская Бизнес-газета. 2014. №921 (43).
4. Похмелкина Г.В. и Семенов И.Н. Рефлетехнологии медиации в современной зарубежной практической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. №1. С. 121-138.
5. Фолберг Дж. На грани между чувствами и законом // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2011. №22. С. 44.
6. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Перевод с нем. Н.В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2004. 176 с.
7. Аллаhverдова О.В. Медиация как рациональный способ урегулирования ценностных конфликтов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». 2008. №1. С. 110-117.

УДК 316.613

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО СОЦИУМА

Ю.В. Ставропольский

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: abcdoc@yandex.ru

В данной статье мы рассмотрим те способы, благодаря которым кросскультурная психология способна обеспечить более глубокое понимание культуры, психологии и взаимоотношений между ними. Уделом кросскультурной психологии является выяснение, операционализация и тестирование вопросов, имеющих отношение к культуре, к психологии и к их взаимосвязям.

Ключевые слова: политика, психология, культура, индивидуализация.

PSYCHOLOGICAL INDIVIDUALIZATION OF THE MODERN CHINESE SOCIETY

Y.V. Stavropolsky

In this article we will look at the ways in which cross-cultural psychology is able to provide a deeper understanding of culture, psychology and relationships between them. The lot of cross-cultural psychology is to find out, the operationalization and testing of issues relating to culture, to psychology and to their relationships.

Key words: politics, psychology, culture, individualization.

В кросскультурной психологии применяются стандартизированные тесты и измерительные методы, а также те переменные, которые проявили себя наиболее успешным образом в деле обнаружения характеристик исследуемых проблем. Однако, стандартизированная кросскультурная психологическая методология не способствует обнаружению тонких оттенков отношения между культурой и психологией.

Кросскультурными психологами признаётся важность дополнения этических переменных эмпирическими характеристиками, и мы сейчас углубимся в этот вопрос на конкретном примере, полученном при исследовании китайской психологии. В рассматриваемом примере раскрывается важная новая информация, которая не может быть получена ни при помощи тестов, ни при помощи измерительных методик, даже стандартизированных. Более того, раскрываемая в приводимом нами примере информация противоречит общепринятым среди кросскультурных психологов допущениям в отношении китайской культуры и психологии, а именно, о коллективистском характере китайского общества. В последнее время кросскультурные психологи-резиденты стали обнаруживать перемены в психологии китайцев [1], которые пока подробно не изучены.

В частности, отмечается, что китайские родители становятся сильнее центрированы на ребёнке, а китайские дети ведут себя более требовательным и ассертивным образом [2]. Исследователями обращается внимание на то, каким образом государственная политика, направленная на ограничение количества детей в семье одним ребёнком, ведёт к избалованию ребенка родителями, в отличие от имевшего места в прошлом распределения родительских ресурсов между несколькими детьми в семье.

Исследователями отмечается, что по мере сокращения количества детей в каждом домохозяйстве, происходит смена традиционной экономической ценности детей в качестве страхования по старости на эмоциональную и психологическую ценность. Меньшее количество детей, нежели в прежние многодетные времена, предоставляет возможность каждому ребёнку сформировать личные отношения с родителями один на

один. У каждого родителя формируется эмоциональная привязанность к ребенку. Эмоциональные взаимосвязи между родителями и единственным ребенком означают для ребенка увеличение средств воздействия на родителей, при помощи которых ребенок способен добиваться своих целей.

Исследователей заинтересовала проблематика послушания со стороны детей – кого из родителей ребенок слушается больше. Анализ родительских самоотчетов показывает, что «маленький император» проявляет свою волю активно. Активность выражается подчас неуловимым и креативным образом, через открытое противостояние, злоупотребляющее слабыми местами в отношениях, через уступчивое поведение, сопровождающееся отказом воспринимать родительские наставления, через креативные попытки увилить и оттягивать, через стратегически расчётливое обращение к отношениям с одними взрослыми, имеющее целью повлиять на отношения с другими взрослыми.

Исследователями, изучающими современную китайскую психологию, выделяются несколько культурных факторов, способствующих росту индивидуализма в Китае. Один из этих факторов – ослабление организованной социальности в форме общественных собраний и добровольного труда во имя всенародного блага, ослабление влияния со стороны сетевой социальной поддержки, которая гарантировала работу и жилище каждому. Индивидуализация социальной политики усилила ощущение индивидуализма в каждом китайце в широком диапазоне общественной активности от поиска работы до выбора супруга [3].

Например, Китайская спортивная федерация оплачивала тренировки спортсменов, и поэтому устанавливала правила тренировок, организовывала соревнования на выезде, и присваивала большую часть гонорара спортсменов. В последнее время Федерация изменила свою официальную политику, и теперь позволяет спортсменам, в частности, теннисистам, получать до 88% от собственного заработка, приглашать личных тренеров, тренироваться самостоятельно, самим планировать поездки на международные соревнования.

Такая официальная политика меняет коллективное ощущение собственного «я» на индивидуальное. Усиление индивида и последующую индивидуализацию общества следует расценивать в качестве рефлексивной стороны китайского поиска модернити, осуществляющегося при поддержке со стороны государства. Китай и Западная Европа испытывают на себе принуждение к индивидуализации со стороны глобализации, особенно под влиянием глобального триумфа неолиберализма и капиталистического способа производства. В той мере, в какой индивидуализация и приватизация оказывались необходимы, партия-государство не колеблясь использовало собственную власть для проведения институциональных изменений в жизнь. В качестве институциональных изменений выступили три главных проекта реформ,

стартовавших в конце девяностых годов: жилищная приватизация, перевод на рыночные рельсы образования и здравоохранения. Все три проекта отражают усилия государства побудить индивида брать на свои плечи больше ответственности, активнее вовлекаться в рыночную конкуренцию, не бояться рисковать и развивать в себе гибкость. Грубо говоря, принуждение к индивидуализации со стороны государства повело к тому, что миллионы государственных служащих оказались уволены и вынуждены заниматься рыночной деятельностью, чтобы выжить. По официальным китайским данным, в период между 1998 и 2003 гг., свыше 30 миллионов работников были уволены с предприятий, находившихся в собственности государства, что означало сокращение работников государственных предприятий на 40 процентов. (По иностранным данным, эта цифра в два раза больше). Жизненный стиль уволенных работников изменился немедленно вслед за тем, как вместе с работой они лишились ощущения безопасности.

Рассматриваемые здесь примеры подтверждают мысль Л.С. Выготского о том, что научная психология представляет собой продукт действия исторических сил. Переживая на протяжении трёх последних десятилетий радикальные изменения жизненной ситуации и личной биографии, китайцы и в субъективной сфере испытывают не менее драматический перелом, проявляющийся в переформатировании собственного «я» и в поиске индивидуальной идентичности. К примеру, институциональные изменения на рынке труда, образования и карьерного развития сформировали то, что Н. Роуз (Rose) назвал предпринимающим «Я», имея в виду распространенное среди младшего поколения китайских трудящихся сочетание расчетливости, целенаправленной активности и самодисциплины. Подобное культурно обусловленное изменение я-концепции оказывает не меньшее психологическое воздействие, чем на Западе. Необходимость изменить своё «Я» в ту или иную сторону не только налагает на китайского индивида дополнительную ответственность, но и оказывается новым психологическим бременем. Многие китайцы оказались зажаты между, с одной стороны, усилением рыночной конкуренции, а, с другой стороны, ослаблением поддержки с стороны семьи, родни и государственных институтов. В результате многие китайцы в настоящее время испытывают различные степени психических расстройств.

По данным китайского Национального центра психического здоровья, от психических расстройств в настоящее время страдают не менее 100 млн. китайцев. Другая не менее интересная тенденция проявляется в том, что большое количество китайцев обращаются за профессиональной помощью, и, вместо того, чтобы пожаловаться на своё состояние родственникам и друзьям, как это было принято ранее, становятся

абонентами горячих телефонных линий, клиентами вербальных психотерапевтов и психологов-консультантов.

Вдобавок, сильное ощущение индивидуализма вызывается консьюмеризмом. Государственная политика поощряет индивидуальное потребление в качестве одного из способов стимулирования экономики, благоприятствующего социальному содержанию и отвлекающему людей от социальной несправедливости и автократии. Государственная политика поощряет банки выдавать потребительские кредиты под низкие проценты с низким первым взносом. Средства массовой информации превозносят консьюмеризм. Энтузиазм китайских потребителей в направлении коммерческих возможностей и продукции поставил на первое место роль индивидуального выбора и диверсифицировал площадки, на которых проходят социализацию представители широкого диапазона городского общества [4]. При этом, идеология консьюмеризма, призывающая людей следовать своим желаниям в стремлении к личному счастью, эффективным образом затушёвывала влияние коммунистической идеологии.

Библиографический список

1. Bond M. The Oxford Handbook of Chinese Psychology. New York: Oxford University Press, 2010.
2. Goh E., Kuczynski L. Agency and Power of Single Children in Multi-Generational Families in Urban Xiamen, China // Culture & Psychology. 2009. No.15. P. 506-532.
3. Yan Y. The Chinese Path to Individualization // The British Journal of Sociology. 2010. No.61. P. 489-512.
4. Yan Y. The Politics of Consumerism in Chinese Society // China Briefing, 2000: The Continuing Transformation / Ed. by T. White. Armonk: M.E. Sharpe, 2000. P. 159-193.

**РОДНОЙ ЯЗЫК, СИСТЕМА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ НЕМЦЕВ В РОССИИ)**

Л.И. Тетюев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tetjuew1@mail.ru

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №14-04-002814
«Социолингвистические предпосылки формирования единого языка общения
российских немцев в условиях иноязычного окружения»*

В статье раскрываются особенности соотношения языка, системы и жизненного мира (Lebenswelt) применительно к проблеме социокультурной интеграции российских немцев в условиях иноязычного окружения. Исследуются факторы, влияющие на формирование двуязычия и языковую картину мира поволжских немцев. Особое внимание уделяется основам взаимодействия родного языка и речи в структуре исторической динамики системы и жизненного мира.

Ключевые слова: российские немцы, немцы Поволжья, родной язык, жизненный мир и дуализм систем.

**NATIVE LANGUAGE, THE SYSTEM AND LIFE-WORLD
(SOCIO-CULTURAL METHODOLOGICAL ISSUES INTEGRATION
OF GERMANS IN RUSSIA)**

L.I. Tetyuev

The article reveals the content of the methodological problems of the relation of language, system and life-world (Lebenswelt) in relation to the issue of socio-cultural integration of Russian Germans in terms of foreign language environment. Examines the factors influencing the formation of bilingualism and linguistic picture of the world Volga-Germans. Special attention is paid to the basics of interaction between native language and speech in the structure of the historical dynamics of the system and life-world.

Key words: Russian Germans, Volga Germans, native language, life-world and the dualism systems.

Немцы в России относят себя к меньшинству, поскольку их жизнь и судьба в целом оказывается в зависимости от развития истории двух стран, двух великих культур. Общность немцев в России за более чем двухсотпятидесятилетний период своего развития и становления, прошла ряд исторических трансформаций как в собственной социокультурной системе (от первых колонистов до ликвидации в 1941 г. АССР НП на Волге и последующей принудительной депортации), так и в основах основ

жизненного мира – языке, литературе, повседневном быте и нравах. Учитывать, что языковая картина мира немцев Поволжья связана с природой волжского края, рекой Волгой, то и первоначальные заимствования были связаны с множеством форм местных немецких диалектов [1, с. 66-95].

В современное время в диалектах этнических немцев замечен рост языковой интерференции, усиливаются процессы языкового и культурного билингвизма, «потеря» родного языка. Немецкий язык находится на границе двух миров, а феномен двуязычия порождает тенденцию растворения языковой картины мира в социокультурной и географической среде иноязычного окружения, как в России, так и в Германии.

Различие языков являет себя не только в повседневной речи, когда мы способны реально различать звучащие слова, сопровождаемые звуками и невербальными знаками. И то, что мы слышим, изначально основывается на разном понимании мира явлений. Представим себе, что мы в России говорим на русском и немецком языках с детства. Рано или поздно мы сталкиваемся с проблемой иерархии языков – русский язык использовать только как средство общения со сверстниками и в школе, т.е. он будет выступать в качестве официального языка нашего социального мира, и немецкий, который будем употреблять лишь в узком семейном кругу, с самыми близкими, для которых он является родным языком – бабушка, дедушка, мама, папа, брат и сестра. Если в повседневном окружении есть еще люди, – близкие родственники и друзья семьи, говорящие на немецком языке, то общение может быть продолжено и за пределами семьи, в ближайшем мире знакомых и друзей. Немецкий язык как родной воспринимается уже не только близкими, но и дальними в качестве такого же близкого, родного языка. Не будем определять, где язык выполняет функцию официальную и социальную, и где язык олицетворяет форму жизни, являет себя способом выражения основ жизненного мира. Ясно, одно, что язык по своей природе динамичен, живет в действии, деянии, в практике коммуникации. В период действия АССР НП немецкий и русский языки одновременно выступали и средством официальной государственной политики, и межличностного человеческого общения.

Современная наука и философия стали обращать внимание на этнический феномен языка и речи еще со времен В. фон Гумбольдта. Именно он одним из первых указал, что язык воплощает в себе своеобразие целого народа. В конце XX века обращение к языку стали именовать «лингвистическим поворотом». И здесь существует несколько тенденций. В одном случае, как в герменевтике, важным является изучение и осмысление историчности языка, в другом, – как в социальной прагматике языка стали обращать внимание на существование некоего языкового априори. Подобно И. Канту с его постановкой вопроса об

условиях *возможного* опыта стали говорить в рамках трансцендентальной философии языка о семантике и прагматике языка как такового вообще.

Но как быть в случае, если употребление родного немецкого языка становится проблематичным, например, в силу языковой интерференции, когда идет смешение одного языка с другим, и на этой основе создается некий третий, синтетический язык, напоминающий чем-то отдаленно немецкий диалект местности, в которой выросли дедушка и бабушка, отец или мать?

Не должны ли мы воспринимать данный вид речения воспринимать как красноречивый способ молчания? Молчания со стороны родного языка и усиленная попытка постоянного преодоления его? Не является ли подобный вид молчания чем-то большим, чем простое молчание? Но может быть это молчание и исходит от самого языка, является своего рода молчанием «внутри языка»? Как не печально это осознавать, но современное молчание опосредовано самим языком: «Ein Volk ohne Sprachpflege ist wie ein Leib ohne Seele».

Жизненный мир, в котором мы живем ежечасно, конституирует свой собственный горизонт и языка и нашей разговорной речи. Преимущество теории жизненного мира в том и состоит, что она хорошо разработана в социальных науках. Диапазон исследования «жизненного мира» (Lebenswelt) охватывает феноменологический анализ позднего Э. Гуссерля [2] и анализ жизненных форм позднего Л. Витгенштейна [3]. На основе феноменологического анализа структур сознания философ предлагает переосмыслить классическое познавательное отношение человека к миру и к самому себе. Тем самым, вслед за Р. Декартом и И. Кантом, он вновь переоткрывает сферу априорного сознания, так называемого, дотеоретического, допредикативного опыта. Жизненный мир – мир жизненных созерцаний обыденных структур первичности пространства и времени, каузальности, вещности и интерсубъективности; мир – полный житейских догадок, людских мнений, повседневных шванков. Жизненным миром является соответственно не переходимый, но интуитивно сопровождающий нас горизонт нашего повседневного опыта.

Жизненный мир неразрывно связан со структурой языка и повседневной речью, употреблением родного языка. Как смысловая структура, жизненный мир остается все же нетематизированным горизонтом смысла и наделяет ситуативным значением все исходное невообразимое множество житейских установок и посылок, которые не всегда можно перепроверить. Некоторые единичные убеждения можно поставить под сомнение и лишь после совместного прояснения их можно принять в измененной форме. Известный современный немецкий философ Юрген Хабермас пишет во втором томе «Теории коммуникативного действия» (1981): «Коммуникативно действующие движутся *внутри* горизонта своего жизненного мира; из него они не могут выйти. Как

интерпретаторы, они принадлежат всецело своими речевыми действиями жизненному миру, но они не могут в той же самой степени относиться «к чему-либо в жизненном мире» как фактам, нормам или переживаниям. Структуры жизненного мира устанавливают формы intersubjectивного возможного понимания. Жизненный мир есть одновременно *трансцендентальное* место, где встречаются говорящий и слушающий, где они, частным образом, могут завышать претензии, чтобы их высказывания совпадали и соответствовали миру – объективному, социальному или субъективному миру, и где они, наконец, могут критиковать или утверждать собственные претензии на значимость» [4, с. 192].

Таким трансцендентальным местом для поволжских немцев было русское пространство, река Волга, сторона нагорная и сторона луговая. Трансцендентальным местом в АССР НП была сама столица – город Энгельс и город Маркс, ближние и дальние кантоны, Немецкий драматический театр и педагогический институт, Саратовский государственный университет. Жизненный мир как трансцендентальное место дает возможность внутреннего сосуществования структурам языка и жизненного мира, структурам языковой картины мира и этнической общности. Конститутивными элементами выступают родной язык и родная культура, которые не являются простыми «предметами» в мире, но внутренне обладают некоторого рода «трансцендентальной позицией», облегчающей возможность социальных, коммуникативных и жизненных процессов в принципе.

В структуре жизненного мира можно выделить три связующих компонента – *культуру, общество и личность*. Здесь следует вспомнить о современной системной теории Парсонса, выделяя культурную репродукцию (воспроизводство), социальную интеграцию и социализацию. Этим трем процессам соответственно полагаются и три функции коммуникативного, речевого действия. «Коммуникативное действие служит в функциональном *аспекте понимания* традиции и обновлению культурного знания; в *аспекте координации деятельности* оно служит социальной интеграции и установлению солидарности; коммуникативное действие в *аспекте социализации* служит в итоге образованию персональной идентичности. Символические структуры жизненного мира воспроизводятся на пути непрерывного значимого знания, стабилизации групповой солидарности и воссоздания вменяемых субъектов действия» [4, с. 208-209].

Под культурой следует понимать «запасы знания», на основе которых становятся возможными в принципе любые интерпретации мира. Каждое общество имеет в своем распоряжении смыслообразующие запасы культурного фонда знания и образцы толкования, благодаря которым порождаются цели и ценности, и осуществляется взаимопонимание. Только в границах традиционной культуры мир становится нам открытым,

а мы способными образовывать нашу жизнь и отвечать на все вызовы с новой силой. Язык и знание, которые с пониманием передается от поколения к поколению и сохраняются, творчески обновляются, выступают «фоновым знанием» («Hintergrundwissen»). Немецкая культура в этом случае выступает своего «пространством оснований» для жизненного мира.

Общество – это есть «легитимные порядки», посредством которых участники коммуникации регулируют принадлежность тем или иным этническим и социальным группам, и тем самым порождают гарантию своей солидарности. Этот аспект очень важен и понимание его требует чуткого отношения – российские немцы, их семьи и дети сегодня живут в двух обществах, и здесь в России и там в Германии. И, несмотря на подобное «раздвоение», они осознают свой единый жизненный мир. Каждый, персонально. Поэтому под личностью будем понимать «языковые компетенции», которые носитель языка осуществляет в плане способностей к действию речи и языку, и утверждению своей этнической и национальной идентичности. Но поскольку отношение с иноязычным окружением и другими осуществляется всегда посредством языка, то признание с самого начала разыгрывается опосредовано. В этом заключается ресурс прочности языковой личности.

В зависимости от различных кризисных явлений, которые возникают из нарушения тех или иных областей культурного и языкового воспроизводства (потеря смысла и знания), социальной интеграции (аномия) и социализации (патологии) следует говорить и о состоянии отношения между жизненным миром и социальной системой. В этой поляризации отражается исходный дуализм двух систем и наличие одного жизненного мира, подверженного постоянно во все периоды истории немцев в России инструментальной технической рационализации.

Список литературы

1. Тетюев Л.И. Язык этнических немцев Поволжья: общие вопросы истории и методологии исследования // Диалект Екатериненштадта: истоки и развитие. Саратов, 2014. 190 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. 400 с.
3. Беляев Е.И. Людвиг Витгенштейн: обновление философии. Саратов, 2007. 161 с.
4. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns: In 2 Bd. Frankfurt a. Main, 1981. Bd. 2. 641 p.

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ИЛИ ВРЕМЯ ПУБЛИКИ

О.Ф. Филимонова

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Россия
E-mail: filmon-2006@yandex.ru*

Публичное пространство создается и конституируется демократическим дискурсом. В статье рассматриваются особенности публичного пространства в условиях глобальных «цифровых» медиа, выявляется его духовный потенциал. Уделяется внимание концептуализации понятия «публика» и определяются ее основные характеристики в соотнесенности с возросшей ролью электронных средств коммуникации. Предложены и описываются понятия мультисреда и медиапублика как доминирующая социальная форма публичности, выраженная метафорой «время публики». Теоретическая основа ряда социально-философских и психологических концепций (Г. Тард, С. Московичи, Ю. Хабермас, Р. Коллинз) стали необходимым условием для отображения динамики видообразования публики, ее включенность в современные коммуникативные процессы и культурные ценности.

Ключевые слова: публичное пространство, публика, мультисреда, медиапублика, публичный интеллект, культурные ценности.

PUBLIC SPACE, OR THE TIME OF PUBLIC

O.F. Filimonova

Public space is created and constituted by the democratic discourse. In the article peculiarities of the public space in conditions of global digital media are studied, and its spiritual potential is revealed. Special attention is paid to conceptualization of the notion “public”, and its main characteristics in correlation with the increased role of electronic means of communication are defined. The concepts “multimedium” and “mediapublic” as a predominating social form of publicity metaphorically expressed as “the time of public” are suggested and described. The theoretical basis of some social, philosophical and psychological concepts (G. Tarde, S. Moscovici, J. Habermas, R. Collins) became a necessary condition for reflection of dynamics of formation of the public, its integration into the modern communicative processes and cultural values.

Key words: public space, public, multimedium, mediapublic, public intellectual, cultural values.

Современное публичное пространство рассечено линиями конфликта идей, интересов и воли. Оно исполнено разноречий относительно теоретических и общественных результатов, практических приоритетов и перспектив развития. Однако чем радикальней становится это противоборство, тем сильнее возникает потребность в осмысленной дифференциации интересов публично взаимодействующих субъектов-индивидов, социальных групп, движений, институтов как факторов,

оказывающих влияние на характер изменений в обществе. Если сегодня нам ясно, что плюралистический дискурс придает демократический смысл понятию публичности, то тогда можно было бы спросить: каков духовный потенциал демонстрирует публичное пространство в формате своей социальной неоднородности? каковы культурные ценности публики, включенной в современные коммуникативные процессы?

Обратим взгляд на то, какого рода суждения на обозначенную проблему можно найти у тех, кто в определенной познавательной области отвел ей внимание.

Корни образования феномена публики известны, и смыслы, позволяющие постичь его теоретические модусы, в главных чертах выявлены (К.С. Аксаков, Г. Тард, Х. Арендт, Ю. Хабермас, Д. Дьюи, Р. Сеннет, С. Московичи и др.). Обращает на себя внимание многозначность самого понятия публики – «публичное пространство», «публичность», «публичная сфера», «общественность», «публичный человек» и т.п. Дискуссии в этом плане вытекают не только из отличий в методологии, но и из различных интерпретаций. В предварительном формате публика определяется нами как социальная группа и неотъемлемый элемент (норма и принцип) свободной демократии. Эта дефиниция, извлеченная в значительной мере из работ приведенных выше исследователей, предполагает ряд специфических характеристик, в частности, то, что пространство публичного плюралистично и динамично. С одной стороны, это гетерогенные объединения, физически не взаимодействующие между собой и представляющие частных лиц, объединенных общими интересами, склонностями, вкусами. С другой стороны, – собрание людей с различными взглядами на проблему или вопросы (множество публик в первом значении, или «публика публик»). В отличие от других моделей коллективного поведения, например, толпы или общественных движений, публика не всегда может собираться вместе, но имеет возможность контактировать посредством СМИ. Коммуницируя подобными способами, она формирует так называемое общественное мнение. Таким образом, проблема публичного в масштабе государственных институтов и капиталистической экономики, в широком круге гражданских, художественных, научных, культурных ассоциаций, а также сама постановка вопросов по линии качества публичных дебатов, их значения и сферы влияния на массовое сознание, на отстаивание новых прав или институциональных реформ не позволяют закончить дискуссии.

Публика как новый тип толпы

Характер и масштаб современного развития коммуникаций подтверждает предположение Габриэля Тарда: «наш век – это эра публики или публик» [1, с. 10]. С. Московичи в своей работе «Век толп» подключился к анализу этого характеризующего интенсивность общественной жизни диагноза для того, чтобы доказать, что процесс

постепенной замены толпы публикой, возникновение которой Тард объяснил широким распространением книгопечатания и могуществом профессиональной прессы, обладает содержательными импликациями. Как отмечает Московичи, средства коммуникации, радикально изменили природу человеческих сообществ и формы естественного общения, сделав бесполезными совместные беседы и собрания людей и вызывая, как следствие, охлаждение к публичным местам. Медиа превратили каждого человека в члена некой массы, однако, «массы, которой нигде не видно, потому что она повсюду» [2, с. 79]. В этой связи непрерывная коммуникация общих сведений и образов обретает массовый характер, благодаря чему миллионы индивидуумов, разъединенные в пространстве, существуют все вместе под впечатлением от сознания одновременной духовной общности. «При своей непохожести они подобны», поскольку читают газеты и «непроизвольно вторят радио», в совокупности составляя «часть нового типа толпы – нематериальной, распыленной, домашней. Речь идет о публике, или скорее, о публиках: читатели, слушатели, телезрители» [2, с. 79].

Собственно, здесь фигурирует все та же отсылка к тезе Тарда о способности публики к беспредельному распространению – обстоятельство, которое, по мнению Московичи, невозможно оспорить. Именно в этом свойстве между публикой и толпой существует резкий контраст. Если толпа не может расширяться дальше определенных пределов и распадается, когда лишается организующей воли своего лидера, то публика отличается беспрестанным стремлением к широкому видообразованию. Если чувства толпы питаются мощностью энергии телесного контакта, то видовое образование публик носит чисто психологический характер и воплощает интеллектуальный тип объединения. Тем внешним деспотизмом, благодаря которому все социальные группы обращаются в разные виды публики – религиозный, политический, экономический, научный, художественный и т.д., той целенаправленно-связующей силой, что делает из толпы публику и для нее превращает народные массы в сырье, является, согласно Московичи, медиа. Вывод, к которому подводит его наблюдение за судьбой публики в век масс, звучит как свидетельство исчезновения естественной общности людей, сходящейся в пространстве общительного многоголосия «лицом к лицу», и наступления обезличенного «века толп». Разумеется, этот характерный признак справедлив не только в метафорическом, но и вполне в реалистическом смысле. Однако в глобальных системах СМИ, как мы видим сегодня, он попадает в несколько иную рамку впечатлений. Можно предположить, что описанная Тардом и Московичи способность публики к неограниченному распространению, стала знаком нашего времени, эпохообразующим символом, отсылающим к отражению этого явления в новых контекстах.

Время публики

Человеческая жизнь всегда протекала в общественной среде, в плотной сети организационной связи. Видимо потому одинаково неверно утверждать, что общество как таковое собрано исключительно из разобщенных индивидов и что современное человечество целиком охвачено духом радикального индивидуализма. Ведь понятия «мы», «семья», «народ», «общество», «государство», «церковь» сами по себе уже обозначили целостные системы с особой структурой взаимоотношений. Более того, весьма значительный период от устной традиции до культуры книги и виртуальной коммуникации стал тем цивилизующим достижением, что также делает абсолютное обособление как бы затруднительным. В этом смысле наши взаимодействия совершаются в общности, публично.

Полагаем, что метафора «время публики» (ибо время ощутимо связано с социальными изменениями) способна адекватно выразить новизну утверждающейся сегодня формы общности. Ограничимся рассмотрением наиболее характерных, на наш взгляд, результатов сложившихся обстоятельств.

Публика сети. Г. Тард писал, что публика бесконечно растяжима, и по мере ее растяжения собственная жизнь ее делается все интенсивнее, поэтому нельзя отрицать, что она является социальной группой будущего. Возможности интернета подтверждают его предположение. Высокий уровень глобальных информационных технологий связи соотносим здесь с широкой географией и концентрацией коллективности. Такая публика отличается от народных собраний греческих полисов и «своих» аудиторий писателей античности, от масс читателей, слушателей, зрителей, вдохновляемых публицистами, учеными, прессой, радио- и телеслужбами. В виртуальных группах – сегментированных и инклюзивных – коммуникация обезличена, и умственное сближение возникает в зависимости от ее семантики (контекстов значений). В определенном смысле подобную корреляцию осознавал Р. Парк, замечая, что «у каждой публики есть собственный мир дискурса» (особый словарный запас, хорошо понимаемый и применяемый к специфическим ситуациям) [3, с. 108]. Коммуникативные действия индивидов, физически разделенных, но интерактивно взаимодействующих виртуально, воспроизводят то, что Ю. Хабермас называет публичной сферой, в которой обсуждаются и выделяются общественно значимые проблемы, формируется общественное мнение. Однако если Хабермас мыслит публичную сферу как гомогенную (медиадискурс, общественную дискуссию широкой гражданской публики), то публика сети – гетерогенна. Это мультисреда, что включает представителей всех родов и видов групп различных обществ, а также тех, кто не вписывается в их нормативные форматы (не удивительно, что в такой распределенной сети как интернет

М. Хардт и А. Негри склонны видеть сходство со своей моделью *multitude* [4, с. 6]). По существу своему она интернациональна и в идеологическом плане работает на культурный универсализм и космополитизм. Ее формат, заданный ценностной мерой светской логики, значительно более масштабен и динамичен в расширении коммуникативных норм и практик. Однако есть и другая тенденция. Тот факт, что народные массы деполитизированы и политическая общественность ослаблена, обуславливает еще одно присущее ей качество. Теперь стиль публичной жизни не является символом общенародного дела, но становится маркером индивидуализации в разных прочтениях – политической, научной, экономической, публицистической, креативной, образовательной и т.д. Так самовыражается персональная часть активного и избирательного поиска какого-либо субъекта (не лишенного при этом локальных предрассудков и ограниченности), стремящегося удовлетворить собственный интерес в сфере контактов и информации. Внешние границы «всемирной паутины» открыты, а ее отдельные узлы сохраняют различия, вот почему назначение сетевых точек пересечений и взаимосвязей равнозначно конструированию идентичности и потому они всегда борются, кооперируют, соприкасаются, паразитируют, игнорируют – поведенческие вариации здесь бесчисленны. Однако в любом случае их бытие (семантическое) будет одновременно и сконструированным, и конструирующим. В качестве предварительного заключения отметим, что сами по себе эти дифференциации выражают достижение глобального масштаба в структурировании коммуникации дематериализованной публичности. Вместе с тем, они говорят и о возможностях интеграции распадающихся и меняющих социальную конфигурацию частичных процессов. Безусловно, что это уже не простое преобразование всех социальных групп в разные виды публики, благодаря современным средствам коммуникации, но возникновение новой социальной формы.

Публика ориентируемая и ориентирующая. Поскольку в нашем настоящем публика комбинируется и воспроизводится в медиа самого различного уровня – от печатных изданий до электронных СМИ, то есть все основания говорить об их взаимном интересе. Можно выделить два способа, посредством которых такую заинтересованность вызывает публика.

Во-первых, публика есть некая сущность, испытывающая постоянную потребность в различной информации (новостей, сообщений, знаний). В этом аспекте публика является ее активным получателем, или потребителем. Интенсивность и направленность информативной потребности отражает степень индивидуальной культуры, которая, в свою очередь, свидетельствует о ценностных ориентациях и предпочтениях. В этом смысле публика сознательно или бессознательно демонстрирует не только заинтересованность, но и избирательность, тем самым давая некую

оценку и оказывая непосредственное влияние (этическое и эмоциональное) на принципы подачи сообщений. Но хотя критический дух публики и в состоянии оценивать, корректировать или отбирать корреспонденцию, было бы все-таки ошибкой верить, что он мог бы ее предметно изменить. Как отмечал Тард, «публика временами реагирует на журналиста, но этот последний действует на свою публику постоянно» [1, с. 15]. В перспективе такого двойного приспособления нельзя не заметить, что потребители информации не менее насущны, чем ее создатели.

Во-вторых. Публичное пространство как сфера демократических общественных дискуссий отличается развитой коллективной интеллектуальной жизнью, процесс трансляции результатов которой, в конечном счете, ориентирован на общественное мнение. Информационно-коммуникационные технологии актуализировали значение духовного производства. Глобальная циркуляция избытка информации, обмен идеями и образами посредством «цифровых» медиа способствуют образованию множественных конфигураций и соединений различных видов публики, а, в конечном счете, мультисреды, т.е. виртуальной публики публик, или медиапублики. Трансформация всех социальных групп в различные виды публики означает, что мир идет по пути интеллектуализации. Так считал Г. Тард. Если опереться на его тезу, то известная роль в данном случае будет принадлежать публичным интеллектуалам как представителям одного из видов публики, чьи культурные особенности поведения нельзя не отметить. Для публичного интеллектуала публика представляет равно и источник информации, и род коммерческой клиентуры. Благодаря индивидуальным умениям и характерам, в особых ситуациях (революции, войны, мира) он способен творить (успешно или неудачно) общественное мнение, апеллируя к доверию публики, заражать ее своими идеями и речами (правдивыми или лукавыми), а оригинальным (или угодным) частным мнениям открывать возможность распространения. Самое существенное, постигнутое нами в этом контексте, заключается в понимании того, что публичное высказывание интеллектуала является эффективным средством влияния на общественное сознание, равным образом способствуя беспрепятственному проявлению властной воли и патетики чувств. Оно не может скрыть побуждения говорящего, а если сможет, то только при условии, что его диалогический обертон истончится до пустой абстракции или языковой невнятицы.

Политика демократической коммуникации позволяет привлекать публику к обсуждению злободневных проблем в определенном «срезе жизни», ориентировать ее на постановку вопросов, которые требуют ответа от государственных, общественных, религиозных и других учреждений. В этом плане публика – участник ожесточенной борьбы

мнений, взглядов, вкусов. Публичный интеллеktуал, как его характеризует Ю. Хабермас, находит в публичной сфере своим профессиональным знанием около профессиональное применение. В политической общест­венности он выступает в качестве эксперта, и в этой роли способен расширить спектр дискутируемых тем и доводов, чтобы держать открытой политическую коммуникацию. Такое позиционирование переводит его в статус контрпублики. Несмотря на то, что такого рода контрэкспертизы или морально-политические контрмнения могут быть ошибочными, подобные формы участия, кумулирующие общий интерес, все же необходимы, полагает Хабермас [5, с. 102-103].

Однако реальность такова, что бюрократической практике властных структур в большей мере предпочтительна демонстративная публичность, что обеспечивает одобрение и согласие со стороны находящегося во власти СМИ и поглощенного ими, населения. Господствующая система стремится исключить практические вопросы из сферы общественной дискуссии. Однако мобилизовать подверженную идеологическим манипуляциям публику на активную гражданскую инициативу субъективное решение иногда все же способно. Р. Коллинз считает, что в наши дни распространенным типом публичного интеллеktуала является внесистемный мыслитель-оппозиционер, иначе говоря, творческий индивид, рассчитывающий на общественную популярность своих идей. Такого рода интеллеktуалы становятся лидерами протестных движений, весьма популярных сегодня. Коллинз рассматривает подобную деятельность как ритуализированную демонстрацию их моральной вовлеченности в жизнь общества, что в большей степени выражает их собственную идентичность, чем является актом практической политики [6, с. 109]. Разумеется, такие реакции имеют ненасильственный характер и исключают долговременное воздействие, тем не менее, как гражданский отклик обладают определенной значимостью, хотя и подпадают под разные оценочные критерии общест­венности.

Таким образом, вырисовывается некое согласие относительно количественного возрастания публики, достигшей состояния виртуального и колоссального. Все говорит о том, что это состояние не предполагает обратного движения. В этом случае то, что независимо от практической эффективности всемирной коммуникации возникло, а именно медиапублика, оказывается знаковой формой вырождения публичного пространства, или «временем публики». Множество не есть целое, тогда стоит ли от него ожидать большего?

Библиографический список

1. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902.
2. Канетти Э., Московичи С. Монстр власти: роман. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.

3. Парк Р. Новость как форма знания // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2002. №1. С. 96-115.
4. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. 559 с.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). М.: Наука, 1992. 176 с.
6. Коллинз Р. Кто являлся успешным публичным интеллектуалом? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. Центр социал. науч. - информ. исслед. М., 2012. №3. С. 104-109.

УДК 008

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

А.Б. Чернодед

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: nastya.chernoded@mail.ru

Статья посвящена изменениям этнической культуры в условиях современной глобализации. Проанализированы характерные особенности терминов «этничность» и «этническая культура». Показано, что национальные традиции претерпевают перемены, в том числе и положительные. После изменений этнические культуры обновляются и испытывают подъем популярности. В статье делается акцент на то, что обращаясь к современным проблемам существования этнических культур, следует возрождать традиции, язык и искусство, ведь без этого диалог культур будет затруднен.

Ключевые слова: этнос, этническая культура, мультикультурализм, национальные традиции.

CONVERSION OF ETHNIC CULTURE IN MODERN SOCIETY

A.B. Chernoded

The article is devoted ethnic culture change in the conditions of contemporary globalization. Analyzed the characteristics of the terms «ethnicity» and «ethnic culture». It is show that national traditions are undergoing changes, including positive. After changing the ethnic culture and updated experience a surge in popularity. The article focuses on the fact that addressing contemporary issues of the existence of ethnic cultures, it is necessary to revive the traditions, language and art, because without this dialogue of cultures will be difficult.

Key words: ethnicity, ethnic culture, multiculturalism, national traditions.

Сегодня общепризнано, что культурный феномен этноса занимает большую часть исследований. Актуальность исследования этносов и этнической культуры, их социокультурной динамики и традиций обусловлена наличием многочисленных проблем в современном мире, связанных с существованием этноса.

Каждый индивид на земле принадлежит к тому или иному этносу и является носителем этнической культуры. Сегодня можно наблюдать самые сложные и острые конфликты, которые базируются на этнической почве. Причины обострения межэтнической конфликтности много: это и разница культурного и религиозного начал, имущественная и финансовая пропасть, экономические и политические разногласия. Также часто встречается мнение об угрозе исчезновения и невозможности возрождения традиционной культуры. Это далеко не весь комплекс вопросов, который отражается на бытовании этнической культуры и ее носителях.

Трудности в изучении этноса заключаются в существовании разных трактовок данного феномена. Если мы обратимся к научной литературе, то обнаружим, что слово «этнос» (от древнегреч. – стая, рой, группа, племя, народ) появляется на рубеже XVIII-XIX вв. Одновременно с понятием «этнос» формируются представления об «этнографии» и «этнологии». Занимаясь научной деятельностью, ученые используют разный понятийный аппарат, который отражает сущность этноса. Часто употребляют такие термины, как «нация», «племя», «раса». Уже с конца XIX в. в научный обиход попадает слово «этнос», которое используется в самых различных значениях. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что за период развития научной мысли, теории и концепций этого феномена мы так и не получили общепринятого определения этноса. Чаще всего встречается и используется следующее определение Ю.В. Бромлея: «этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, которые обладают общими чертами и стабильными особенностями культуры, а также они обладают осознанием своего отличия от других подобных культур» [1, с. 44].

Современные российские ученые разделяют понятия «традиционная этническая культура», имея в виду традиции в культуре, которые появились еще в доиндустриальный период роста этноса, и «этническая культура современности», она включает, и инновации, и образует культуру этника.

Сам термин «этничность» пришел в отечественную науку из европейской этнологии. Представители европейской науки считают, что этничность представляет собой набор культурных характеристик конкретной этнической группы. Такое содержание свойственно для англоязычной этнологии. Здесь этническая группа представлена как сегмент более широкого социокультурного окружения, находящегося в конфликтных отношениях с ним. Таким образом, можно сказать, что

«этнос – это социальная общность (квазигруппа или группа), объединяемая общим самоназванием и самосознанием (включая исторический миф об общности происхождения), общим языком и культурой, и отличающая себя от других таких же общностей» [2, с. 168].

Положительный момент заключается в том, что сегодня кризис большинства этнических культур не всегда связан с дестабилизацией всего общества. Этническая культура имеет способность к восстановлению равновесия. Случается, что этническая культура после обновления переживает подъем и развивается более интенсивно.

Основываясь на этом утверждении, российский этнолог С.В. Лурье [3, с. 55] определяет этнос как социальную общность, которая существует и действует в мире по особым законам, направленных на поддержание в обществе культурных моделей, которые уникальны для каждого отдельно взятого общества. Такое определение представляет этническую культуру как некую структуру, которая способна объединять и уберечь от распада. Определяющим и мотивирующим фактором динамики этнической культуры является необходимость перестройки людей по отношению к изменяющимся внешним условиям их существования и к тем условиям, которые создаются происходящими изменениями элементов общественного, социального, экономического и политического, религиозного характера.

Этническая культура, как и этнос, обладает целым рядом ярко выраженных особенностей. Характерные черты этой культуры определяются, прежде всего, типом экономического и социального развития, представляющего натуральное хозяйство с отсутствующими или слабо развитыми товарно-денежными отношениями и четкой иерархией общества. В рамках этнической культуры формируются так называемое этническое самосознание и историческая память, способность воспринимать собственный мир как особенный и уникальный, желание сохранять все накопленные знания, умения и навыки через сложившиеся традиции.

На протяжении долгих периодов истории человечества формировались особенности этнической культуры. Эти особенности испытывают на себе в минимальной степени влияние изменений социально-экономического характера. Залогом выживания этой системы всегда было стремление к самовоспроизводству и стабильности. В этих условиях важную роль играет традиция, которая в большей степени преобладала над новыми идеями, хотя и не исключала их полностью.

Так, часто объясняя закрытость этнической культуры, исследователи говорят об этноцентризме – это свойство всех обладателей этнического самосознания понимать и оценивать происходящие события и явления, при этом, опираясь на традиции, значения, смыслы, которые выработаны

собственной этнической культурой и, которые представляются в качестве общего идеала, стандарта и образца.

Характерными особенностями этнической культуры являются опора на традицию и четкое следование принятым жизненным образцам в области поведения, мышления и т.д. Таким образом, проявляется стремление к консервации и культивированию устоявшихся традиций.

Этнические культуры, как правило, характеризующиеся яркостью и своеобразностью, могут обогатиться при взаимодействии с другой культурой или наоборот лишиться отдельных ее спектров. Изменения, происходящие с этнической культурой, могут осуществляться как в рамках территориального ареала, так и за его пределами. Современная социокультурная динамика этнической и национальной культуры включает варианты, адаптированные к нуждам и ценностям этноса инновации, которые в итоге формируют полную и законченную систему.

Мы можем видеть, что этнический элемент мало выражен в материальной культуре, больше места он занимает в духовной. Это происходит потому, что материальная культура складывается из специфических локальных хозяйственно-культурных типов. Больше этническую специфику мы можем проследить в обычаях и обрядах, в системе ценностей. Это помогает сохранить этническое самосознание.

С другой стороны, следует признать, так сегодня устроено, что общемировая культура посредством кино, книг, конференций, фестивалей, способствует усилению межэтнических контактов. Но не стоит забывать, что восприятие духовной и материальной культуры у разных этнических народов различно. Это объясняется многим, и традициями, и религией, и экономикой. В странах Западной Европы естественно уделяют больше внимание общемировой культуре, а в странах Азии и Восточной Европы народная культура имеет гораздо большее значение.

Многие ученые опасаются, что в процессе глобализации произойдет утеря национально-культурной самобытности народов, утрата культурной идентичности. Поэтому такие ученые как Т.П. Григорьева [4, с. 124] писали, что народ должен обязательно беречь свое национальное достояние, свою этническую культуру, потому что только так он может что-то привнести новое в общемировую культуру, без этого нет мирового единства. Важно сохранить правильное соотношение подъема общемировой культуры и будущие национальных культур. Часто вместе с процессом знакомства с общемировой массовой культурой происходят утрата этнического своеобразия. Потому что при взаимодействии культур, одна из которых является доминирующей, у второй растет комплекс неполноценности, непрестижности культуры.

Исследователь С.А. Арутюнов [5, с. 47], изучая национальные элементы различных культур, пришел к выводу, что общемировая культура воспринимается как престижная до поры до времени, потом,

когда она достигает определенного уровня, она теряет это свойство и престижным снова становится национальный, этнические черты.

Сегодня в городах чаще всего сохраняется этнически нейтральная культура. Специфические черты же она больше вырабатывает в сельской местности. В городах же этническая специфика может поддерживаться в быту, например, при приготовлении пищи, также иногда при ношении этнической одежды или одежды, содержащей этнические мотивы. Но чаще всего это зависит не от национальности, а от модных тенденций и течений.

Несмотря на активный процесс глобализации, в большинстве стран мира интерес к национальным традициям не исчезает и даже возрастает. Например, популярны народные песенники и танцевальные коллективы народных танцев (Н. Кадышева, Н. Бабкина, балет И. Моисеева, молдавская танцевальная группа «Жок»), фестивали этнической моды («Популярный стиль», фестиваль Этно Мода IBEFF). Также взаимодействию и сохранению культур способствуют межнациональные браки, межэтнические контакты.

Обращаясь к современным проблемам существования этнических культур, необходимо осознавать, что возрождение традиций, языка, духовной культуры и искусства этнических общностей является обязательным процессом, который демонстрирует диалог культур и формирует многообразие и сложность российской и мировой культуры. Можно сказать, что часто возрождение и сохранение традиционных ценностей и культурных форм характеризуются стремлением к архаизации, определением специфически локального, противопоставляемого универсальному. Иногда происходит намеренная консервация ряда элементов этнической культуры и сознания, а также популяризация наиболее консервативных элементов и форм. Сегодня можно наблюдать изменения принципов бытия этнической культуры, которые базируются в этническом самосознании и могут привести к полной или частичной изоляции этноса. В таком случае этнос не может на равных принимать участие в культурном диалоге и формироваться в современных условиях с учетом новых требований.

Таким образом, изучение проявлений многогранности современного состояния этнической культуры обретает особенное значение. Современные теории и концепции демонстрируют необходимость использования сформировавшихся тезисов не только в теории, но и на практике – для разрешения острых вопросов, возникающих в обществе. Такое разноаспектное изучение проблемы и понимание значимости этих исследований позволят локализовать ряд сложных противоречий, существующих сегодня между этносами и этническими культурами.

Библиографический список

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. 206 с.
2. Сорвин К.В., Сусоколов А.А. Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении: учебник для старшеклассников и студентов младших курсов. М.: Русская панорама, 2011. 256 с.
3. Лурье С.В. Историческая этнология. 1-е изд. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
4. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 424 с.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

РАЗДЕЛ 14. РЕЛИГИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 261.8

РЕЛИГИОЗНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА С ИСЛАМОМ

Е.Н. Акатова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: lena.akatova@list.ru

Аркаим, тольтекские дольмены и т.п. обнажили проблему почитания: древних языческих религий и божеств, которых почитали люди тех времен; мест древних языческих храмов (капищ), когда тем придаются свойства священности, несмотря на то, что культы, связанные с ними давно отмерли. Но наиболее острое противостояние обнаружилось между современным Исламом и богатейшей древнеегипетской культурой.

Ключевые слова: язычество, Ислам, Египет, арабы.

RELIGIOUS COLLISION OF THE EGYPTIAN PAGANISM WITH ISLAM

E.N. Akatova

Arkaim, tolteksky dolmens, etc. bared an honoring problem: ancient pagan religions and deities who were esteemed by people of those times; places of ancient pagan temples (pagan temples) when that are given properties of sanctity in spite of the fact that cults, related died off long ago. But the most major confrontation was found between modern Islam and the richest Ancient Egyptian culture.

Key words: paganism, Islam, Egypt, Arabs.

Египетская культура одна из древнейших и является ярким образцом человеческой цивилизации. Ее вклад в мировую культурно-религиозную систему мировоззрения просто колоссален. Что же из себя представляет религия Египта?

Египет или Арабская Республика Египет – государство состоящее, преимущественно, из арабов исповедующих ислам. Однако, так было не всегда. Появлению в этих землях ислама предшествовал огромный доисламский период и смена нескольких религиозных традиций.

Вначале своего существования Египетское государство было языческим с пантеоном разнообразных богов, которым поклонялись и приносили жертву. На смену этой религии пришли иудаизм и христианство. Первый не имел значительного влияния, а христианство на

некоторое время сумело найти среди местных аборигенов адептов своей доктрины. Эти две религии и стали предвестниками истинного учения Единого Всевышнего (Аллаха). Случилось это в 7 веке при непосредственном участии в святой миссии, одного из могущественного племени курейшитов, Пророка Мухаммада.

Активному распространению и укреплению ислама в Египте способствовали, царившие в стране, не одно столетие социально-политические проблемы, родоплеменные распри и религиозно-культурный кризис. Ислам же сумел объединить родовые и племенные культы в единую и мощную религиозную систему, что стало сильнейшим стимулом для политического, экономического и военного развития государства на долгие годы. И сегодня египетское население, исповедующее ислам, составляет около 90%. Остальные 15 приходятся на представителей христианства, коптов.

Ислам в Египте – это официальная государственная религия. Он представлен двумя основными течениями: суннизмом и шиизмом. Преобладающими по численности из которых являются сунниты. Однако, помимо главных направлений ислама, в Египте присутствуют и суфийские ордены, такие как рифайя и кадирийя.

Как и во всем мусульманском мире, в Египте шариат также является основой мусульманского права, морально-этических и религиозных норм. Однако, особенностью египетского шариата можно назвать смягчение некоторых его норм в попытке сближения его с современным законодательством и приобретение шариатом определенного налета светскости. Самый яркий пример тому – отказ от применения жестокого наказания за воровство в виде лишения руки.

Исследуя сегодня историю державы на Ниле, кажется, что всё, связанное с ней, ушло в далекое прошлое. И только остатки рукописей да древние камни храмов и пирамид остались сегодня, как жалкое наследство некогда могущественнейшего царства, повествующее нам о былых столетиях. Тем более религия Египта, с ее экзотическим культом животных, таинственными мистериями, магическими ритуалами кажется навеки погребенной вместе со своим народом и храмами. Однако так кажется только в начале. Внимательно всмотревшись, мы увидим, что оккультная религия Древнего Египта, приведшая в свое время к гибели и моральной деградации целый народ, продолжает свое губительное действие и сегодня. Сатана, стоящий у истоков ее формирования, продолжает и сегодня использовать проверенные веками методы одурманивания людей. И хотя египетские храмы лежат в развалинах, рукописи сгорели, исчезли великие жрецы, разбиты статуи богов – религия Египта продолжает жить, а его боги воскресли вновь, но уже под новой личиной. В данном небольшом исследовании мы коснемся лишь некоторых таких примеров.

В учении многих христианских церквей говорится, что для того, чтобы спастись, человеку необходимы добрые дела и что конечная участь человека на Последнем Суде будет решена в зависимости от того, каких дел он делал больше: добрых или худых. Это в корне противоречащая учению Христа философия («Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8-9); «Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток. Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело» (Рим. 11:5-6)) возникла впервые в Древнем Египте. Именно там зародилась концепция о спасении добрыми делами. Вот как представляли себе это древние египтяне: «В обители мертвых был зал Двойного Правосудия, куда усопший являлся на суд, состоящий из 42 божеств и одного верховного судьи, Осириса. Всеобщее внимание сосредоточено на божественных весах, за колебаниями которых следит Тот. На одной чаше лежало сердце усопшего, т.е. его совесть, легкая или обремененная грехами; На другую ставили Правду в виде статуэтки богини Маат или пера, иероглифа богини. Когда вес сердца уравнивался весу Правды, оправдание умершего в его поведении считалось истинным. Тот и Осирис проверяли, достаточное ли равновесие обозначал отвес, и в случае благоприятного результата возвещали допущение мертвого в рай. В противном случае его предавали адским карам... Такова, в общем, картина суда мертвых посредством взвешивания душ или психостазии, в представлении египтян, по крайней мере с 200 года до н.э. Идею божественного правосудия, которое осуществлялось при помощи весов, и оценку деяний людских путем взвешивания мы встречаем и у других народов древности. В этом виде психостазия воспроизводится в их текстах или на религиозных памятниках, вплоть до христианской иконописи средних веков, где она продолжает занимать видное место» [1]. Эти весы вошли и в христианскую традицию. Так многие христианские конфессии учат, что архангел Михаил взвешивает души умерших, чтобы определить их вечную участь [2].

Кому в России не известен обычай при посещении кладбищ приносить на могилы различную пищу (например, рюмку вина и кусочек хлеба, как принято во Владимирской области)? Или нанимание плакальщиц при погребении? Обычай класть покойнику в гроб листок с молитвой также исходит из Древнего Египта. Вот, что об этом написано в православном Законе Божьем: «По прочтении Апостола и Евангелия, в которых говорится о будущем воскресении мертвых, священник читает разрешительную молитву. Этой молитвой разрешаются бывшие на умершем запрещения и грехи, в которых он покался и которые при покаянии он не мог вспомнить, и умерший с миром отпускается в загробную жизнь; текст этой молитвы полагается в руки умершего... На

лоб умершего возлагается венчик с изображением Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи и с надписью „Святой Боже“» [3]. Оказывается, всё это так же пришло к нам с берегов Нила. «Известный английский арабист Лэйн подчеркнул в своем широко известном труде, что обычай оплакивать умерших при участии специальных плакальщиц, столь распространенный в древнем Египте, существовал в виде пережитка и в первой половине XIX в.» [4]. Доктор М. Галал показал, что в Древнем Египте был установлен строго соблюдаемый обычай приносить время от времени на могилу умершего пищу [5]. Теперь прочтем, как древние египтяне хоронили своих мертвецов: «Длинный саван, сдерживаемый полотняной полоской, окутывал лоб и скрещивался на груди, где красовалось изображение Осириса, которому поклонялся умерший... Орудием защиты трупа... были формулы, вырезанные на стенах или на стенках саркофага, причем строки располагались таким образом, чтобы глаза мумии могли свободно их читать. Во время нового фиванского царства (около 1500 г. до н.э.) гробы, точно прилаженные к очертаниям мумии, приняли „человекоподобную“ форму, и не хватало места для декоративных строф; тогда стали класть в картонную трубку сверток папируса, заключающий более или менее полную редакцию необходимых текстов» [2]. «Магические тексты, открывавшие потусторонние обитатели и сообщавшие бессмертие уже в эпоху Среднего царства, начали писаться на папирусе... Эти тексты со стенок саркофагов переходят на свитки папирусов, нередко приготавливаемые раньше фабричным путем, и кладутся в гробы... Сами тексты редактируются уже по большей части в первом лице от имени умершего, и таким образом, представляют уже настоящий сборник магических изречений, представленный в распоряжение странствующего по загробным мытарствам... Со времён Лепсиуса заупокойные тексты Нового царства, написанные на папирусных свитках, носят название Книги Мёртвых» [6]. «Такая книга была необходима каждому мертвому, заботящемуся о достижении будущей жизни». Эти охранительные тексты представляли собой «Книгу мертвых», в которой содержались магические формулы и изречения, благодаря которым человек в загробном мире получает спасение. «Достаточно было также положить спасительный текст на мумию в день погребения. С этим талисманом на шее умерший должен был очутиться среди богов... Он станет богом навеки (глава CI). Чаще всего речь идет от лица мертвого: он как бы читает формулы и сам сражает своих врагов; но достаточно, чтобы в день его похорон жрец прочитал эту книгу, и мумии не угрожает никакая опасность. И наоборот, горе погребенному без «Книги»: „Тот, кто не знает этой главы, не может предстать пред ликом Дня“ (гл. LXXXVI)». О путях спасения, как они представлялись древнему египтянину, мы расскажем ниже. Здесь лишь заметим, что современные погребальные обряды с наложением лика Бога на лоб умершему, разрешительной молитвой, помещенной в гроб, в

деталях копируют древнеегипетские похоронные обряды. Учтя же ещё и взятое у египтян представление о суде, как взвешивании души, мы вынуждены констатировать, насколько многие христианские конфессии ушли от Христа, выбрав путь оккультной религии Египта. Христианские символы, такие, как иконы, оказываются взятыми из тех же кладовых египетских жрецов. А культы многих святых и девы Марии буквально скопированы с египетских богов и богинь.

В Египте ислам – это мощная религиозно-идеологическая структура, оказывающая на египетское общество несравнимо большее влияние. Как писал М.О. Орлов, «Мировая историческая конъюнктура XXI в. вынуждает сформировать качественно новые дискурсивные принципы взаимодействий» [7]. Однако, исламский мир в отношении культурного наследия ранних цивилизаций настроен более чем скептически.

Исламский проповедник из Кувейта Ибрагим аль-Кендари (Ibrahim Al Kandari) выступил с предложением уничтожить египетские пирамиды и фигуру Сфинкса. По словам аль-Кендари, факт, что ранние мусульмане, придя в Египет, не разрушили памятники времен фараонов, еще не значит, что этого не нужно делать сейчас. Раз пророк Мухаммед в свое время уничтожил всех идолов в Мекке, значит, его потомки тоже должны положить конец идолопоклонству, даже несмотря на то, что сейчас строения периода фараонов являются не объектами культа, а лишь памятниками истории, культуры и архитектуры, считает кувейтский религиозный деятель.

Не так давно также боевиками ИГ был уничтожен древний город Нимруд. Все, что осталось от наследия ассирийской цивилизации (город был основан в XIII веке до нашей эры), было снесено бульдозерами. Во времена режима Саддама Хусейна в Ираке в Нимруде работали археологи, которые нашли там царские захоронения и множество ювелирных изделий, а также статуи и посуду. Некоторые артефакты доставили в музей Багдада, выставлялись там. Также была устроена выставка в США. По мнению ученых, уничтожение Нимруда сравнимо по негативному воздействию на мировое культурное наследие с разрушением каменных изваяний Будды талибами в провинции Бамиан в Афганистане в 2001 году. Также было зафиксировано, как исламисты кувалдами разбивают вдребезги коллекцию статуй и скульптур, возраст которых превышал несколько тысяч лет, в музее подконтрольного ИГ города Мосул на севере Ирака.

Все эти деяния со стороны исламистов показывают, что не смотря на отсутствие практикующих групп египетских язычников, мусульмане видят в умершем много веков культе серьезного идеологического соперника.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
2. Морэ А. Во времена фараонов. М.: Алетейя, 1998. С. 169-170.

3. Закон Божий. Сост. протоиерей С. Слободской, 4-е изд., репринт. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 674-675.
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
5. Galal M. Essai d'observations sur les rites funeraires en Egypte actuelle relevees dans certaines regions campagnardes // Revue des Etudes Islamiques. Annee 1937. Fasc II-III. P. 193.
6. Тураев Б.А. Египетская литература. СПб.: Нева, Летний сад, 2000. С. 131-132.
7. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.

УДК 261.8

ГЕРМАНИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

М.А. Антонова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: antonova-ma2014@mail.ru

Статья посвященная крайне актуальному вопросу – вопросу столкновения христианства и ислама в Европе. Данный вопрос разбирается на примере конкретной страны – Германии, где он стоит наиболее остро по сравнению с другими европейскими странами. Результатом процесса столкновения становится трансформация обеих культур, в результате чего получается нечто новое, требующее глубокого философского анализа.

Ключевые слова: христианство, ислам, культура цивилизация, глобальное общество риска.

GERMANY: COLLISION OF CHRISTIAN AND ISLAMIC CIVILIZATIONS

M.A. Antonova

Article devoted to the extremely topical issue – to a question of collision of Christianity and Islam in Europe. The matter understands on the example of the concrete country – Germany where it is particularly acute most in comparison with other European countries. Transformation of both cultures therefore something turns out new, demanding the deep philosophical analysis becomes result of process of collision.

Key words: Christianity, Islam, culture civilization, global society of risk.

Соперничество двух цивилизаций, христианской и исламской продолжается столько, сколько существует Ислам. Ислам, как и остальные две другие монотеистические религии, стремился только к победе. К истории недоверия между двумя религиями необходимо добавить и ревность христиан на арабские завоевания, что само по себе было достаточной причиной осторожности и враждебности Европы к этой религии.

Однако на сегодняшний день численная динамика склоняется в сторону христианства. Данные позволяют предположить [1], что это результат многочисленных факторов, среди прочего, и христианской миссионерской деятельности, значительная доля новой волны христианизации мусульман имеют сами мусульмане, именно самые радикальные, которые своими террористическими актами, и жестким толкованием и применением шариата, заставляют мусульман идти в объятия христианства. Христианизации мусульман способствует и мусульманский мир, который пока еще слабее в культурной, военной и в экономической областях.

Однако, проблемы, вызванные массовой миграцией мусульманского населения в страны Европы и в Германию в частности являются крайне острыми. Данные проблемы вызваны целым комплексом фактов. Из почти 7 миллионов иностранных граждан, проживающих на территории Германии, примерно 25% составляют турки. Конечно, речь идет о тех людях, кто имеет вид на жительство и еще не получил немецкое гражданство. Для сравнения, число выходцев из России составляет меньше 3%, с Украины – чуть меньше 2%, но если сосчитать всех русскоязычных жителей нынешней Германии, имеющих гражданство, то число это вырастет многократно.

Основная проблема, почему турки (да и многие другие мигранты) не хотят получать немецкое гражданство – это юридическая норма, требующая отказа от прежнего гражданства. В Бундестаге который год выносят на рассмотрение, но никак не могут окончательно «пробить» закон, по которому можно иметь два и более гражданств одновременно. В последнее время наметились существенные сдвиги в этом вопросе, и вскоре ситуация может, наконец, разрешиться в положительную сторону.

Несомненно, что закон направлен в первую очередь на турок. Именно они, составляя неоспоримое преимущество среди иностранцев, недовольны сложившимся положением вещей. А ведь число мусульман в Германии растет год от года. Если в 1970 году на всю страну насчитывалось всего три мечети, то теперь их 77, плюс более 2 тысяч молельных домов. И более 70% турок считают себя религиозными в то время, как треть европейцев не принадлежит ни к одной из конфессий. Конечно, тут необходимо учитывать и фактор «налога на церковь». Многие, не желая выплачивать этот обязательный налог попросту

отказываются от собственной принадлежности к церкви. И все же, совершенно очевидно, что христианской Германии больше не существует.

Конечно, если брать численное выражение, то по данным на 2010 год количество мусульман в Германии от общего числа населения составило всего 4-5% или примерно 4 миллиона человек. Это, казалось бы, не так и много, но на самом деле вполне достаточно, учитывая общее недовольство немцев исламом. Только 19% жителей Германии считают, что немецкая культура и ислам совместимы. И это является самым низким показателем по всей Европе. Это весьма тревожная тенденция, т.к. как указывал профессор Орлов, «Межкультурная дискурсивная стратегия – способ организации познавательной деятельности субъектов межкультурного взаимодействия, определяющий систему приоритетов» [2, с. 49]. Немцы не хотят, чтобы мусульмане жили рядом с ними, не хотят, чтобы ислам был признан одной из официальных религий страны на государственном уровне. Между тем, в некоторых землях это уже свершившийся факт. К примеру, Бремен. Следующей в списке идет Нижняя Саксония, где это планируется сделать в самое ближайшее время. Власти еще трех регионов так же согласны с подобной позицией и намерены вскоре принять соответствующие законы.

Естественно, признание ислама официальной религией – это серьезный шаг для укрепления его позиций в Германии. Ведь это подразумевает собой обязательное строительство мечетей в городах, многомиллионные денежные вливания, как от верующих, так и от государства, возможность хоронить согласно мусульманским обрядам, возможность проводить традиционные мусульманские празднования, а в школе вести предмет «основы религии». Официальная конфессия тут же приобретает и другие дополнительные льготы. Эта тенденция также противоречива, учитывая то, что как отмечали саратовские философы, цивилизация строится на совокупности духовных и материальных ценностей [3].

Исламские представители много говорят о том, что все вышеперечисленное только усилит возможность интеграции мусульман в европейское общество, но на практике получается совсем иное. Ведь не зря немцы недовольны мусульманами. Они стараются жить обособленно, компактными группами, иногда и целыми районами, где все работники, начиная с булочной и парикмахерской, и кончая различными магазинами, – мусульмане. Где немецкий язык поверхностно знают лишь мужчины, и то в меру необходимости, а женщины попросту не утруждают себя его изучением. И дети не считают себя немцами, даже те, кто родился непосредственно в Германии.

Возвращаясь к вопросам двойного гражданства, надо отметить, что турки так не желают расставаться с родным гражданством, потому, что большая часть их заработка уходит обратно в Турцию. Известно, что

массовый въезд турок в Германию начался с 1961 года, когда стране отчаянно требовались рабочие руки. Позже к ним присоединились марокканцы, тунисцы, а так же иммигранты из Ирака, Ирана, Афганистана, Боснии. Именно они и сформировали современный немецкий мусульманский мир.

Мусульмане достигли многого в Германии. Сейчас в немецких бассейнах есть женские дни для мусульманок, причем залы для купания в это время драпируются плотными занавесками, чтобы избежать посторонних. С многих больниц и школ убраны кресты, на заводах и в общественных учреждениях появились комнаты для намаза. Родители школьников-мусульман избавляют своих дочерей от школьных походов с ночевкой и совместных спортивных занятий с юношами. Вопрос разрешения общественным служащим на ношение платка решается в судах, так же как и вопрос преподавания религиозных предметов в школе. В Германии уже дают образование мусульманским учителям и имамам.

Даже из этого короткого отрывка ясно видно, что ни о какой интеграции речи не идет. Напротив, мусульмане всеми силами стараются изменить общество под себя, под свои нужды и цели. Не удивительно, что европейцы не хотят этого и настроены в основной массе негативно.

Немцы видят в исламе угрозу. По данным соцопроса более 50% немцев заявили, что считают ислам опасной религией. Известный бывший немецкий политик от «Социал-демократической партии» и в прошлом член совета директоров Немецкого федерального банка Тило Сарацин в своей напугавшей книге «Германия - самоликвидация» писал, что мусульмане не хотят интегрироваться в немецкое общество даже во втором-третьем поколении [4]. Справедливым является утверждение, что экономические процессы стимулируют или угнетают институты политики, права или культуры [5].

Подытоживая все вышесказанное, хочется добавить, что проблемы взаимоотношений европейцев и мусульман только набирают обороты. Если учесть статистику рождаемости, то несомненно, что в скором будущем число мусульман будет только расти в процентном отношении. Межэтнические конфликты будут усугубляться год от года. Ни о какой интеграции речи не идет. Выходом из кризиса может послужить лишь жесткая реакция правительства, усиление мер по «принудительной интеграции» с высылкой тех, кто от нее отказывается. Но в современных условиях при нынешней правящей партии это невозможно.

Библиографический список

1. Сарджис С. Мусульмане обращаются в христианскую веру. URL: <http://www.katolik.ru/vatican-city/sady-vatikana/item/2915-musulmane-obraschayutsya-v-hristianskuyu-veru.html> (дата обращения: 15.12.2014).
2. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета.

- Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
3. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
 4. Сарацин Т. Германия самоликвидируется. М., 2012.
 5. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

УДК 261.8

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Н.В. Борисова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: vcusnahka@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день тема – тема культуры в эпоху глобализации. Глобализационные процессы стирают рамки между культурами, в результате чего сегодня локальные культуры сильно трансформируются или исчезают вообще. Данный процесс негативно сказывается на культурном разнообразии и требует глубокого исследования

Ключевые слова: культура, глобализация, локальные культуры, цивилизация, вестернизация.

IMPACT OF PROCESSES OF GLOBALIZATION ON CULTURAL DIVERSITY

N.V. Borisova

In article the subject actual today – a culture subject during a globalization era is considered. Globalization processes erase a framework between cultures therefore today local cultures are strongly transformed or disappear in general. This process negatively affects cultural diversity and demands in-depth study

Key words: culture, globalization, local cultures, civilization, westernisation.

В последние полтора-два десятилетия тема глобализации стала одной из наиболее популярных. Прежде всего, определимся в том, что такое современная глобализация в социокультурном аспекте ее осмысления. Здесь можно выделить, по крайней мере, два фундаментальных процесса, на фоне которых остальное выглядит вторичным. Во-первых, рост экономического потенциала, объемов производства и рынков сбыта

транснациональных корпораций, действующих в сферах производства товаров и услуг массового потребления. Неизбежная при этом стандартизация большинства подобных товаров и услуг стимулирует заметную унификацию материальных элементов цивилизации и образов жизни существенной части населения Земли, что в свою очередь ведет к снижению культурного разнообразия человеческих сообществ (по крайней мере, в материально-цивилизационном аспекте этого разнообразия). Во-вторых, формирование общепланетарного информационного пространства, основанного на новейших достижениях средств связи, информатики и вычислительной техники (особенно в связи с массовым использованием космических ретрансляторов информационных потоков и развитием Интернета). Следствием становится жесткая экспансия со стороны производителей информации, грубо вторгающихся в более или менее самодостаточную, а порой и самоизолированную интеллектуальную и гуманитарную культуру народов «незападной» ориентации. Как и в случае с чертами образа жизни, информационная экспансия ведет к унификации картин мира и образов их отражения в культуре, традиционно свойственных таким народам, т.е. опять-таки несет в себе опасность понижения уровня культурного разнообразия на Земле. Казалось бы, есть все основания считать, что в культурно-цивилизационной сфере наступает такой же кризис, как и в сфере экологии, поскольку очевидно, что уменьшение степени культурного разнообразия ведет к снижению адаптивного потенциала человечества по отношению к неоднородным и часто меняющимся условиям существования.

Нет никаких оснований приписывать именно Америке тотальную культурную экспансию в мире, хотя бы по той причине, что самим США еще очень далеко до того культурного уровня и глубины исторического опыта, который присущ народам большинства европейских стран. А главное, не следует смешивать военно-политическое доминирование США с культурной экспансией и, признавая собственную культурную деградацию, бессмысленно искать ее причины за океаном [1, с. 28].

Мифологема декларирует, что глобализация в культурной области — это уникальная новация нашей эпохи. Действительно, в прежние времена таких технических возможностей массового распространения информации и манипуляции сознанием такого количества людей одновременно не было (да и самих людей на планете жило во много раз меньше, чем сейчас). Но что касается тенденций культурной унификации и стандартизации на огромных территориях, заселенных многими десятками народов, процессов нивелирования их культурного разнообразия вплоть до полной ассимиляции в чуждой для них культуре и т.п. — с этими задачами наши далекие предки эффективно справлялись без спутниковой связи и Интернета.

XX век преподнес два рецидива средневекового типа глобализации, апеллирующей к идеологическим основаниям. Имеются в виду идея мировой революции и образование «лагеря мирового социализма», с одной стороны, и европейский фашизм и нацизм, также претендующие на мировое господство не только политическое, но и культурное. Нет нужды напоминать о том, что никакой мирной культурной экспансии ни у одной из сторон не получилось; по сути дела все свелось к вооруженному насилию как последнему аргументу унификации культуры. И лишь в порядке удивительного исключения, советская идеология была воспринята не только руководителями, но и большей частью населения Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама. Впрочем, речь идет о регионе с наиболее прочными коллективистскими традициями.

Ф. Фукуяма, предсказывая полную победу либеральной демократии на всей Земле, отдает себе отчет в том, что конкретные формы, в которых воплотится эта демократия, будут весьма различаться, отражая национальные культурные особенности разных народов [2].

В истории еще не родилось ни одной нации, культура которой была бы абсолютно стандартизирована, а не разбита на десятки этнических и иных субкультур. Борцы с глобализмом забывают, что человечество, представляя собой единый биологический вид, всегда было разбито на десятки, сотни и тысячи этнических, социальных, религиозных и иного рода локусов. Другой формы существования нам просто не дала природа.

Тот процесс, который сейчас называют «американской (или западной) культурной экспансией на Восток», безусловно, имеет место и является вполне осмысленной культурно-информационной политикой Запада. Впрочем, разве Советский Союз вел аналогичную идеологическую экспансию по всему миру. Помимо всего прочего следует помнить, что в отличие от Европы и Дальнего Востока с давно сложившимися и укрепившимися национальными государствами, сравнительно толерантными к внешним культурным влияниям, на территории остального мира национальная государственность еще очень юна, а порой и незавершена в своем формировании. Как отмечал М.О. Орлов, «Условием формирования конструктивного диалога между восточными и европейскими культурами, способствующего складыванию принципов социальной этики и социального

управления, являются не только юридические, социополитические, экономические и культурно-психологические основания, но и выработка адекватных философских оснований, способных конкретизировать проблемы и обозначить пути их разрешения» [3, с. 48].

А это делает соответствующие общества вовсе не податливыми внешней культурной экспансии, а, напротив, – особо агрессивными в ее отторжении. Активизация исламского фундаментализма в последние десятилетия – наглядное подтверждение сказанному.

Подводя итог, можно отметить, что как процессы этнокультурной локализации, так и процессы транскультурной глобализации являются естественными и постоянно действующими, взаимодополняющими и взаимобалансирующими тенденциями культурной жизни человечества [4]. Поэтому нет никаких оснований панически относиться к развалу многонациональных государств (т.е. этнокультурной локализации народов), так же, как и к тенденциям глобализации (т.е. культурному сближению, вплоть до слияния).

Это вечное соперничество между тенденциями увеличения энтропии (деструктурирующая глобализация) и ее понижения (структурирующая локализация), благодаря которым и поддерживаются социально-историческая целостность и культурное разнообразие человечества в их постоянном движении.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
2. Фукуяма Ф. Конец истории или последний человек. М., 2002.
3. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

УДК 261.8

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: РОССИЯ И КИТАЙ

У.М. Борисова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: borisowa.uliana@yandex.ru

Статья посвящена развитию цивилизационных взаимодействий России и Китая, что особо актуально в связи с политическими процессами современности.

Ключевые слова: Россия, Китай, цивилизация, культура, общество.

SOCIAL DYNAMICS OF CIVILIZATIONS: RUSSIA AND CHINA

U.M. Borisova

Article is devoted to development of civilization interactions of Russia and China that is especially actual in connection with political processes of the present.

Key words: Russia, China, civilization, culture, society.

Прямолинейное интерпретирование социально-экономического развития Китая, последних 30 с лишним лет можно охарактеризовать как «цивилизационный подъем». Прошедшие годы были периодом постепенного, но не вполне линейного открытия этой страны внешнему миру, которое с неизбежностью расширяло сферу «работы в Китае» универсального (коммерческого, технологического, образовательного). Это открытие в совокупности с критическим и творческим ленинизмом Дэн Сяопина, воплощенным в политическую практику, и стало главной и, возможно, единственной причиной хозяйственных достижений КНР. Все остальное – китайская специфика, конфуцианство, национальная идея, китайский мир – является скорее декорацией подъема. На возможностях использования Китаем (и не только им) такого построения в наступившем новом мире мы остановимся ниже.

На Западе, в позднем СССР и новой России явно недооценили степень научной разработанности взаимосвязанного комплекса – стратегии, политики и практики в КНР, в том числе вопросов координации мирохозяйственного курса с экономической стратегией и внешней политикой. Заодно были упущены незамысловатые на первый взгляд достижения китайской инвентаризации зарубежной социологии, политических и экономических наук.

Западная риторика о глобализации, подхваченная апологетами «гайдаризма», и послужившая, как считал американский социолог и философ И. Валлерстайн (2001 г.), одной из внешних причин развала социалистического лагеря в Европе и распада СССР, гораздо раньше, с самого начала реформ конца 70-х годов, потребовала от Китая выработки соответствующих инструментов противодействия деструктивному влиянию извне. Поэтому страна оказалась более подготовленной к событиям 90-х годов и с честью вышла из многочисленных испытаний.

В глобализации в Китае с самого начала различали угрозы и возможности. С одной стороны, она воспринималась как «мировая экономическая война, от которой никуда не денешься», с другой – как «взаимодействие, выгоду от которого получают обе стороны». От адаптации к мировому хозяйству страны постепенно продвигалась к его освоению – в противоположность «интеграции в мировую экономику» в

«гайдаризме», разрушившей российскую обрабатывающую промышленность.

Неизменно протекционистский Китай, лишь разогнав экспортный сектор и убедившись в своей способности противостоять кризисам, вступил в ВТО (2001 г.) и, помимо прочего, не преминул зафиксировать в документах о вступлении свой социалистический статус. При этом Пекин продолжил селективную политику в отношении прибывавшего в страну иностранного капитала, особенно строго контролируя портфельные вложения. С отменой льгот (2007 г.) заматеревший национальный частник уже теснит зарубежный капитал на внутреннем рынке.

О «подвигах» «гайдаризма» на внешнеэкономической ниве лучше умолчим: о них достаточно красноречиво говорят нынешняя структура нашей внешней торговли и масштабы вывоза денег из страны при сильно надоевшей болтовне об инвестиционном климате.

Вернемся к Китаю. Теперь, когда глобализация, похоже, завершилась – инфраструктура глобального мира в основном построена – КНР, пользуясь этой инфраструктурой, стала крупным экспортером избыточного капитала. Он нередко сталкивается за рубежом с явной дискриминацией, и теперь уже Китай перехватывает у Запада риторику о свободе торговли, несколько лицемерно сетуя на рост протекционизма в современном мире.

Не менее лицемерны демонстративные шаги Пекина в части уважения прав интеллектуальной собственности. «Самое хорошее на рынке не продают, его можно только украсть или придумать самим», – имплицитное и давнее кредо политики страны в области приобретения зарубежных технологий. Это кредо, собственно говоря, не ново: так в свое время поступали все страны. Но к услугам Пекина была еще и огромная зарубежная диаспора, и превосходно поставленная работа по промышленному шпионажу, дополненная в новом веке чуть ли не дивизией хакеров. Недаром один из ведущих американских политических аналитиков Ф. Закария во время передачи на CNN как-то грустно пошутил, что в США есть только два вида корпораций: знающие, что их обчистили китайцы, и – не знающие об этом.

Китайский опыт интересен и в другом отношении. Масштабы национального хозяйства таковы, что распространение заимствований по всей экономической системе (в основном по госсектору) часто оказывалось гораздо эффективней, чем самостоятельная генерация новаций. Технологии среднего уровня, или то, что когда-то называли подходящей (*appropriate*) техникой, сыграли незаменимую роль в индустриальном подъеме Китая в XX в., в развитии сельской мануфактуры и решении, казалось бы, невозможной задачи трудоустройства населения, и повышения его технической грамотности. Заметим, что вплоть до

последнего времени число учащихся средних специальных заведений в КНР превышало количество студентов вузов.

Сказанное отнюдь не означает, что китайцы малоспособны к новациям. Страна теперь на втором месте в мире по вложениям в НИОКР, и ее постиндустриальный рывок не за горами. Для этого, кстати, есть и некоторые политэкономические условия, помимо упомянутой выше диаспоры, армии студентов и исследователей за рубежом и т.п.

Как известно, одной из причин замедления экономического роста в развитых странах, начиная с 70-х годов прошлого века, явились процессы монополизации и транснационализации. Многоотраслевые национальные концерны, внесшие в послевоенный период большой вклад в научно-технический прогресс, уступали место относительно узкоспециализированным ТНК. Экстенсивный захват внешних рынков, вывод из состава компаний «непрофильных» активов (аутсорсинг) и сокращение издержек за счет выноса производства за рубеж теснили в корпоративных стратегиях интенсивные методы борьбы за рынок, в том числе разработку принципиально новых продуктов. В Китае же государственные (акционерные) межотраслевые концерны, тесно связанные с исследовательскими организациями, остаются и двигателями национальной экономики, и агентами внешней экспансии. Эта организационная форма, похоже, способнее к новациям. Но у нее в Китае есть еще одно преимущество: гигантский внутренний рынок – даже если считать таковым только городское население. Эффект масштаба по этой причине дает потенциальным новаторам немалые преимущества по сравнению с другими странами. Не меньшее значение имеет и тот простой факт, что у КНР практически полноотраслевая промышленность [1].

Важными чертами хозяйственного подъема являются его наглядность (народность) и доступность полезных технологий, позволяющие распространять все ценное (свое и чужое) с необыкновенной скоростью и на громадную глубину крупнейшей страны мира [2]. Забавный пример – усовершенствованная стиральная машина, получившая название «Дадигуа» (большой батат), с успехом предложенная богатым крестьянам в фирмой «Хайэр» в 1998 г. Агрегат не только стирал сильно загрязненную одежду, но и мыл овощи. Такую операцию, как выяснили технические специалисты фирмы (скорректировавшие впоследствии производство), сельские покупатели производили и на старых, еще конструктивно не доработанных для этой функции, моделях. Заметим, что по одному из опросов, проведенных в Британии, главным изобретением человечества в XX в. был признан не самолет, не спутник или компьютер и даже не реактор, а именно стиральная машина.

Находясь где-то в середине списка государств, расположенных согласно критерию дохода на душу населения, КНР демонстрирует обитателям планеты способ производства на основе скромных и,

подчеркнем, преимущественно собственных ресурсов (в отличие от ряда бывших лидеров). Отрыв от Китая другим не кажется непреодолимым, его опыт не навязывается отстающим. Наоборот, китайский опыт со всей очевидностью свидетельствует о важности поиска собственного пути. Неслучайно выражение «специфически китайский» неизменно сопровождает все фундаментальные формулировки, которыми в КНР определяют положение страны и ее политику. Подчеркнем: самобытность не исключает, а предполагает творческое использование чужого опыта. Чисто статистически Китай как раз наименее уникальная страна, поскольку его огромная территория и разнообразие внутренних условий не позволяют быть чересчур специфичным. Без правильного понимания общих истин и закономерностей успехов развития не было бы. Опыт страны с гигантским разнообразием хозяйственных условий, решившей задачу совмещения рынка и социализма, таким образом, имеет и некоторое универсальное значение.

И вместе с тем суть китайских реформ может быть сведена к решительному отказу от всякого рода унификаций. В Китае вскармливали новое или хорошо забытое старое (индивидуальное, семейное, частное, смешанное, зарубежное, комбинированное) в междурядье общественного. Государство же взяло на себя роль арбитра и регулятора – с немалыми издержками в виде коррупции, но коррупции, способствующей экономическому росту.

Госсектор при этом сохраняет контроль над командными высотами в хозяйстве, берет на себя решение долгосрочных стратегических задач – инфраструктура, НТП, оборона, защита от внешних угроз, включая экономические кризисы. Нагрузка на государство растет, ему приходится амортизировать социальные и региональные разрывы, принимать на себя тяжелейший груз экологических проблем. Но все это уже больше напоминает то самое социальное государство, которое возникло на Западе в послевоенные десятилетия и в дальнейшем подверглось разрушительной неолиберальной атаке. В то же время нынешнее китайское руководство старается уйти от мелочного контроля над бизнесом, освобождая государство для решения ключевых аспектов развития, с одной стороны, и борьбы с коррупцией – с другой. Задачей модернизации является синтез традиционного и современного, часто представленного зарубежным [3]. Стоит заметить, что в пропорции между современным (синоним – внешнее), переработанным современным и традиционным в Китае, пожалуй, преобладает переработанное современное. Более того, усилившиеся различия между регионами делают проблему синтеза уже по большей части внутрикитайской.

В современном Китае политика во многом сохраняет примат над экономикой. Центр контролирует места меньшим числом, но более эффективных рычагов, оперативно реагируя на новые угрозы, – как

внутренние, так и внешние. Можно сказать, что освоены современные технологии управления хозяйством и населением. «Капитализм» и «социализм» успешно перерабатываются Китаем, зачастую выступая сугубо в инструментальном виде.

Высокую динамику развития правомерно считать признаком благополучного движения по пути модернизации, пропорциональности социальной и экономической структуры, особенно если сравнивать Китай с крупными развивающимися странами. Решены серьезные внутренние проблемы, в том числе «основные нужды». Вполне определенными выглядят пути народного образования, генерации и заимствования технологий. В механизм развития встроена полнокровная система взаимодействия с остальным миром, контуры такого взаимодействия просматриваются на достаточно длительную перспективу.

Можно сказать, что КНР – страна, в какой-то степени маскирующая свой потенциал риторикой об остроте существующих проблем. Активирована оболочка системы, пока нет нужды использовать всю мощь культурно-генетического кода (институциональной матрицы – по С.Г. Кирдиной и Л.И. Кондрашовой [4] или, если угодно, «цивилизационного ядра»). К тому же есть стандартные структурные и мобилизационные ресурсы: узкий сектор сферы услуг, высокая доля женской занятости, мощная внешнеэкономическая машина, финансовая записка, государственные СМИ и т.д. Можно также отметить достоинства модели «западно-восточного синтеза». «Такой синтез обладает определенными перспективами, поскольку именно они, как было замечено выше, оказались по разные стороны выраженной границы различия» [5, с. 48]. Поэтому модернизационная проблематика в традиционной для развивающихся стран постановке уже не актуальна и в значительной мере перешла в разряд сугубо внутренних вопросов. Десятилетия жесткой экономии, структура хозяйства и цен, сложившаяся специализация и нынешний вес Китая в мировой экономике свидетельствуют в пользу возможности постепенного решения наболевших социальных, энергетических и экологических проблем.

Библиографический список

1. Салицкий А.И., Таций В.В. Китайский опыт развития: сравнительные аспекты и значения // «Третий мир»: спустя столетия. Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 215-229.
2. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
3. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

4. Кирдина С.Г, Кондрашова Л.И. Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз // Вестник научной информации №3. М.: Институт экономики РАН, 2010.
5. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.

УДК 261.8

НЕОЯЗЫЧЕСТВО В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

М.В. Гербель

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: matiavladimirovna@gmail.com

Последние десятилетия для российского общества стали временами больших изменений, в особенности в духовном плане. После распада Советского союза и, как следствие, – исчезновения повсеместной атеистической пропаганды в России произошел резкий взлет религиозности во всех ее возможных формах. Однако, далеко не все ее формы носили конструктивный характер. Отсутствие религиозной грамотности и устоявшихся духовных традиций привели к появлению новых духовных проблем.

Ключевые слова: язычество, неоязычество, традиционные религии, родноверие, тенгрианство.

NEOPAGANISM AS ANSWER TO SPIRITUAL CALLS OF THE RUSSIAN SOCIETY

M.V. Gerbel

The last decades for the Russian society became times of big changes, in particular in the spiritual plan. After disintegration of the Soviet Union and as a result – to disappearance of universal atheistic promotion, in Russia there was a sharp take-off of religiousness in all its possible forms. However, not all its forms had constructive character. Lack of religious literacy and the settled spiritual traditions led to emergence of new spiritual problems.

Key words: paganism, neopaganism, traditional religions, rodnovery, tengriism.

Как отмечают современные исследователи, под неоязычеством сегодня стоит понимать религиозное учение, создаваемое искусственно городской интеллигенцией из отрывков древних верований с целью возрождения национальной духовности и самобытности, а на самом деле это вытекает в создание идеологии для социальной и политической общности в духе национализма. Как отмечал профессор Орлов, «Церковь

всегда отчетливо осознавала коренное различие церковного и государственного начал в жизни человечества» [1, с. 21]. К этому можно добавить, что неоязыческие культы эту разницу в отличии если и осознают, то намеренно игнорируют.

Эксперты разделяют язычество и неоязычество: в первом случае это явление, так или иначе, присутствует в традиционной национальной культуре любого народа в виде определенных обрядов и действий, при этом, как правило, не воспринимаются самим населением как языческие [2]. Неоязычество представляет собой как раз конструирование религиозного учения путем выдумывания его идеологии и ритуальной практики, причем имеет всегда ярко выраженный этноцентризм, порой принимающий шовинистические формы. В России это явление получило в постсоветский период определенное развитие, когда в русской среде стали появляться родноверие, а среди татар и других тюркских народов страны – неотенгрианство (вера в Тенгри – языческого бога неба в тюркской мифологии).

Такое явление как тенгрианство стало возникать на волне политического национализма 1990-х гг. в регионе, когда часть татарских националистов трактовало «национальное возрождение» татар именно как возврат к доисламским верованиям. Отчасти это обусловлено и противопоставлением себя западу на общей антизападной волне с мусульманами. Как отмечал все тот же Орлов, «Современные исламские авторы, приверженцы идеологии панарабизма, также не принимают существующий миропорядок, возникший, по их мнению, в результате западной колонизации» [3, с. 32]. В этом контексте древняя религия коренного народа становилась хорошим идеологическим подспорьем.

Однако, мало имея (как и неоязычники в среде других народов) письменных источников, откуда можно было получить информацию о самом тенгрианском вероучении и его ритуально-обрядовой практике, татарские неоязычники взялись за его конструирование. Зачинателем неотенгрианства в Татарстане был один из лидеров Союза татарской молодежи «Азатлык» Рамай (Рамазан) Юлдашев, который стал на практике проводить неоязыческие обряды, для чего с 2000 г. организовал в Арском районе Татарстана возле дер. Камаево летний полевой лагерь «Тан батыр» («Богатырь зари»), куда ежегодно вывозил татарскую молодежь для проповедования среди нее неотенгрианства и проводил языческие жертвоприношения барана, сформировав целую ритуальную практику: стрельба из лука, метание копья, конные скачки, обвод барана семь раз вокруг костра перед принесением в жертву, кропление кровью. Информационную поддержку неотенгрианству в Татарстане оказывал Дамир Шайхетдинов из Набережных Челнов, который стал издавать неотенгрианскую газету «Безнен Юл» («Наш путь»), впоследствии условно осужденный за разжигание межнациональной

розни. А теоретическую базу неотенгрианства сформулировал Рафаэль Безертинов, автор работ про древнюю тюркскую историю, изложенную им в своих псевдонаучных книгах.

Для неотенгрианцев характерны русофобия (так, к примеру, Рамай Юлдашев с удовольствием приглашает в свой лагерь «Тан батыр» марийских или чувашских неоязычников, но никогда не приглашает, к примеру, русских родноверов, мотивируя это тем, что для русских характерен синдром «старшего брата», не объясняя в чем это конкретно заключается), пантюркизм и неприязненное отношение к России. Как любят говорить сами неотенгрианцы, у татар в России всего 5% интересов, а, к примеру, с Манчжурией или Монголией – 50% [4]. Стоит отметить, что на неотенгрианские лагеря нередко приезжают и «гости из-за рубежа» – из Японии и Турции под видом ученых-этнологов. Неотенгрианцы склонны все беды татар видеть в традиционном для них исламе, поскольку считают, что «семитская религия» (так они называют ислам) уничтожает этническую идентичность татар. Причем в своей риторике, особенно в последнее время, неотенгрианцы апеллируют к угрозе ваххабизма, заявляя, что именно это учение ислама, как наиболее экстремистское, стремится лишить татар их этничности. Не секрет, что ваххабиты не скрывают своего презрения даже к культурному национализму, обвиняя приверженцев последнего в «джахилии» – доисламскому периоду истории, характеризующимся четким разделением на племена и этнические группы. Однако культурный национализм (когда человек выступает за развитие национальной культуры своего этноса, с уважительным отношением к другим культурам и без каких-либо политических заявлений) не несет в себе угрозы исламской умме, поскольку, согласно Корану, Аллах специально создал многонациональное человечество и не стремился к его деэтнизации. Поэтому неотенгрианцы, выступая против ислама, в своей критике выступают против ваххабизма, отождествляя последний со всей мусульманской религией. Правда, это не мешает неотенгрианцам, порой, самим, так сказать, «впадать в ислам».

Один из упоминавшихся выше лидеров неотенгрианцев Поволжья Рамай Юлдашев, ежегодно привозивший на День Памяти 15 октября (день взятия Казани Иваном Грозным) в столицу Татарстана марийских неоязычников из Йошкар-Олы, во время шествия по городу выкрикивал речитативом «Ля илляха иль Аллах» («Нет Бога, кроме Аллаха»), что весьма странно, если учитывать, что он – неоязычник, и не скрывает этого, а, наоборот, даже гордится своим фактом принадлежности к создаваемой им же «древней» тюркской религии. Отличительной особенностью неоязычников почти всех российских народов является апелляция к «арийскому» происхождению своих народов. Для неотенгрианцев это тоже характерно. Здесь они «высасывают» подобные бредни из этимологии этнонима «татар», где часть слова «ар» – они отождествляют с арийством.

Продолжая тему современного неотенгрианства, заведующий Отделом образования и науки Духовного управления мусульман Валиулла Якупов остановился на исламофобской составляющей этого явления. Неотенгрианцы видят, по их мнению, рабскую психологию татар в исламе и призывают их отказаться от него в пользу выдуманного ими нового религиозного учения. Ущербность неотенгрианства заключается в том, что это явление пользуется популярностью у 20-30 представителей светской интеллигенции, и его появление стоит рассматривать как крайние формы одичания национализма.

Стоит отметить, что тезис, который нередко выдвигают неотенгрианцы, что именно ислам как «семитская религия», якобы формируя у татар рабскую психологию, и поэтому у татар до сих пор нет независимого своего национального государства, абсолютно не состоятелен: независимые Казахстан, Азербайджан или Узбекистан позиционируют себя не как тенгрианские государства, а как исламские. И ислам им не мешал в образовании своих государств. Существующие в татарской мифологии убыр (упырь), шурале (леший), су анасы (водяной), пэри (черт), йорт хужасы (домовой), по мнению мусульманского богослова Валиуллы Якупова, не более чем джинны, о которых говорится в Коране, а не какие-то языческие боги. Якобы языческий по происхождению праздник урожая Сабантуй («Свадьба плуга») на самом деле не имеет отношения к язычеству, поскольку никаких поклонений богам на нем не совершается. «Сам Шигабутдин Марджани (1818-1889), известный татарский теолог, бывал на Сабантуе, принимал участие в куреше (национальной борьбе на поясах), не считая для себя зазорным быть на этом народном празднике, который не имел языческой составляющей, на чем нередко пытаются спекулировать неотенгрианцы», – отметил Валиулла-хазрат, при этом призвал ни в коем случае не считать татарским праздником Навруз (весенний новогодний праздник равноденствия), поскольку это праздник зороастризма. Что же касается Нардугана (праздник зимнего солнцестояния, отмечаемый неотенгрианцами в конце декабря), то это часть традиционной культуры православных крышен, который отмечается ими как святки. Хотя точка зрения Валиуллы Якупова вполне объяснима как взгляд религиозного деятеля на появление неоязычества, обеспокоенного его пусть и не массовым, но, тем не менее, имеющим место быть распространением, стоит согласиться с ним в том, что идеологический фундамент неотенгрианству обеспечивают в основном 20-30 представителей татарской интеллигенции, активно сочиняющих свои труды в духе тюркомании, когда желанием везде и всюду в прошлом любых древних цивилизаций (от Древнего Египта, Шумера, Греции до государств инков, ацтеков и майя) видеть тюркские корни, при этом абсолютно не берется в расчет элементарная логика, факты, научные исследования других российских и зарубежных ученых, которые если не

подтверждают очередное «открытие» татарских академиков, то тут же обвиняются в европоцентризме или татарофобии.

Одним из подобных направлений является стремление написать т.н. «национальную историю» татар, якобы самую правдивую и честную. Ярво выраженный этноцентризм сочинений подобных авторов, написанных в духе неотенгрианства, нередко принимает шовинистические (точнее – русофобские) формы. Отсюда и стремление к идеализации и романтизации исторического прошлого «без русских»: описание величия каганатов, ханств и других существовавших и несуществовавших (вроде Чердынского ханства, якобы находившегося на территории Пермского края) в истории тюркских государственных образований. Многочисленные подобные сочинения, являющиеся идеологической основой для неотенгрианства, преподнесены татарскому читателю в жанре «фольк-истори» – псевдоисторической публицистики, написанной с позиций исторического ревизионизма. Наиболее известными тюркскими «фольк-историками», помимо Рафаэля Безертинова, являются Мурад Аджи, Эрнст Мулдашев, Лев Гумилев, Мирфатых Закиев, Нурихан Фаттах, Абрар Каримуллин, Фаузия Байрамова, Наркас Мулладжанов, коневод Фатих Сибагатуллин и многие другие. В татарском политическом национализме всегда питали симпатию к подобной тюркомании: написанные в ее духе сочинения льстили этническое самолюбие читателю, служили идеологическим обоснованием для сепаратизма, а уж анималистский культ волка, изображение которого можно встретить от флагов татарских националистов до демотиваторов в Интернете, должен был служить своеобразной нитью для связи с духом кочевых предков. Здесь стоит отметить, что культ снежного барса, несмотря на его изображение на государственном гербе Татарстана, не стал популярен среди неотенгрианцев и татарских националистов. Возможно, это связано с тем, что белый барс («Ак барс») насаждался сверху государственными органами Татарстана и воспринимался татарскими сепаратистами как «продукт колониальной администрации» (так, в частности, региональное правительство именуют в Союзе татарской молодежи «Азатлык»). Поэтому культ волка гораздо популярнее среди татарских националистов, которые вслед за «Серыми волками» («Бозкурт») – националистической молодежной турецкой организации, созданной в 1948 г. полковником Алпарсланом Тюркешем, даже используют его в качестве символического жеста, скрещивая пальцы руки в форме головы волка.

Говоря о русском родноверии, следует отметить, что адепты неоязычества зачастую маскируют свою деятельность под различные культурные центры народных промыслов, когда в каком-нибудь кружке по лепке из глины детям рассказывают про языческих богов древних славян. В подобных кружках часто работают психологи. Люди – прежде всего из семей с низким уровнем дохода – часто нуждаются в помощи. В

православии они не всегда находят адекватную поддержку – церковь трактует бедность и другие жизненные трудности как испытания, посланные свыше, и предлагает человеку самому с этим бороться. В общине неоязычников, напротив, принято помогать друг другу – как советами, так и деньгами. Родноверие как русское неоязычество, заявившее о себе активно в последние 20 лет, стремится к размыванию сознания и мировоззрения у русского населения, увода его из православия. Осуществляется это и через различные этно-фестивали, а также путем издания многочисленной литературы в духе «Велесовой книги» – признанной подавляющим большинством серьезных ученых фальшивым сочинением, примитивно имитирующим древний славянский язык и посвященной якобы имевшей место истории славян с VII в. до н.э. до IX в. н.э. Многочисленные авторы (Александр Асов, Валерий Демин, Юрий Петухов и др.), пишущие в духе «Велесовой Книги», в своих книгах, издаваемых огромными тиражами и свободно продаваемыми в почти любом книжном магазине страны, пытаются донести до читателя мысль, что якобы древнеславянское язычество было равносильно индуизму или античному политеизму Древней Греции и Древнего Рима. Как правило, родноверы пропагандируют вегетарианство и экологизм (нередко здесь их учение пересекается с учением анастасийцев – последователей Владимира Мегре, автор многочисленных книг об Анастасии – сибирской отшельнице с паранормальными способностями), выезжают на природу, где организуют пикники, камлания вокруг самодельных деревянных или гипсовых истуканов языческих славянских богов: Сварог, Дажьбог, Перун, Род, Велес, Жива, Коляда, Купала, Лада, Макошь и др. Как следствие влияния родноверия, стала появляться новая разновидность имянаречения детей. Вместо православных имен русские Поволжья стали в последнее время нередко давать славянские архаичные имена детям: Любава, Велимудр, Доброгнева, Любомила, Доброслава, Миролуб, Светозар, Храбр, Добрыня и др. Стали конструироваться языческие праздники, больше напоминающие шабаш: Коляда, Купала, Таусень (осеннее солнцестояние), а также Перунов день (конец июля), Мокоши день (конец октября) и др. В Татарстане, к примеру, в последнее время стал отмечаться в с.Печищи Верхнеуслонского района праздник Купала с прыганьем через костер и нудистским купанием в реке. Нередко подобное сопровождается половыми контактами в форме свингерства.

Различные молодежные субкультуры предпочитают неоязычество именно своей яркостью обрядов на природе, песнопениями, сидением возле костра и прыганием через него. «Подкупает» неоязычество еще и тем молодежь, что имеет ярко выраженный этноцентризм. В условиях роста антимигрантских настроений в российском обществе, и особенно среди молодежи, неоязычество порой принимает формы расизма и нацизма, особенно при акцентировании «арийского мифа» в неоязычестве. Нередко

антимиграционное направление в русском неоязычестве находит отклики и среди татарской городской молодежи, которая не воспринимает народы Кавказа и Центральной Азии в качестве своих «братьев-тюрков». К примеру, казанские скинхеды, среди которых значительный процент татар, причем примордиальных (т.е. таких, у которых оба родителя – татары), также разделяют русскую неоязыческую идеологию, считая, что она олицетворяет «белую расу», чем «семитские» христианство и ислам. Ислам, в данном случае, воспринимается как религия «хачиков и чурок», с которыми городская татарская молодежь не желает ничего иметь общего. Стоит отметить, что скинхедовское движение среди татарской молодежи стало уже нередким явлением. Так, к примеру, в небольшом Арске (районный центр Татарстана в 60 км от Казани) в группировке скинхедов из 9 чел. 8 – татары, включая лидера.

Неоязыческую идеологию используют представители самых разных движений и групп – от «народных целителей» до военизированных радикал-националистов. Их внимание к языческим культам, по мнению конфликтолога, не случайно: ломка традиционных взглядов на мир – необходимое условие для социальных потрясений. Тем не менее, неоязычество не отражает массовые чаяния русских, которые видят духовное возрождение не в конструируемых новых религиозных культах. Имея ярко выраженный этноцентризм в своем учении, который порой принимает такие дикие формы как антисемитизм, русофобия, национал-сепаратизм, неоязычество стремится к подрыву традиционных для народов России религий, прежде всего православия. Сегодня необходимо помнить про важный императив: духовная безопасность России является составной частью национальной безопасности страны, что должно подразумевать поддержку традиционных для нашего Отечества религий [5].

Библиографический список

1. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.2
2. См.: Шнирельман В.А. Неоязычество на просторах Евразии. М.: Библейско-богословский институт, 2001.4
3. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.3
4. См.: Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов: Научно-популярное издан., 2-изд., доп. Н. Челны: Аяз, 2000, Казань: Слово, 2004. 448 с.1
5. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.5

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОГО

М.С. Городнёва

Саратовский государственный технический университет

им. Гагарина Ю.А., Россия

E-mail: gorodnevams@gmail.com

В статье исследуется проблема соотношения глобализации и феномена религиозного в современную эпоху. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики возникающих противоречий в религиозном сознании под воздействием глобализационных процессов.

Ключевые слова: религиозное сознание, глобализация, секуляризация, атеизм, самоидентификация, постмодерн, индивидуализм, религия, плюрализм.

GLOBALIZATION AND THE PHENOMENON OF RELIGIOUS

M.S. Gorodneva

The article studies the problem of the relationship between globalization and the religious phenomenon in the modern era. Special attention is paid to the specifics of the conflicts in religious consciousness under the influence of globalization processes.

Key words: religious consciousness, globalization, secularism, atheism, identity, postmodern, individualism, religion, pluralism.

В третьем тысячелетии человечество вступило в новую эпоху под «знаменем» глобализации. Существует множество литературы, посвященной данной тематике в попытке осмыслить специфику социальной реальности в происходящих процессах, и дать некие прогнозы на будущее. Например, современная социология активно применяет для анализа социальных процессов концепции глобализации [1, с. 351]. Согласно И. Валлерстайну, глобализация лишила государства суверенности, человека – возможности сопротивляться правилам рынка, аннулировала право на культурную автономию, поставила под серьезное сомнение стабильность нашей идентичности [2].

Большинством авторов глобализация понимается как явление экономическое и политическое, иногда исследуется культурная глобализация, однако гораздо в меньшей степени исследован пласт, связанный с процессами, протекающими в религиозной сфере. «Сегодня социальная динамика глобальных процессов напрямую связана с капитализмом, с его западноевропейской моделью, что актуализирует ценность социальной справедливости и равноправия как на индивидуальном, так и на институциональном уровне» [3, с. 36].

К началу XXI в. глобализация перестала быть только предметом теоретических споров и политических дискуссий, она стала социальной реальностью, обладающей следующими параметрами [4, с. 529]:

- интенсификация трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей;
- исторический период (или историческая эпоха), наступившая после завершения холодной войны;
- трансформация мировой экономики, направляемая анархией финансовых рынков;
- триумф американской системы ценностей, обеспеченный комбинацией нелиберальной экономической программы с программой политической демократизации;
- ортодоксальная идеология, настаивающая на неизбежной кульминации мощных тенденций работающего рынка;
- технологическая революция с многочисленными социальными последствиями;
- неспособность национальных государств справиться с глобальными проблемами (демографическими, экологическими, прав человека и распространения ядерного оружия), требующими глобальных решений.

Возможно выделить нечто общее в стратегиях глобализации:

- тенденция становления единого глобального;
- противоположная, столь же объективная тенденция локализации обществ;
- наличие альтернативных стратегий и сценариев глобализации;
- нарастание процессов цивилизационного противостояния и – как выражение этого – усиление роли религиозного фактора во взаимодействии обществ, а также изменение роли национальных государств [2, с. 184].

Таким образом, глобализация представляет собой комплексное явление, которое, помимо прочего, интенсивно воздействует и на религию, религиозное поведение, мышление. С другой стороны религия, связанная с традиционными институтами, ценностями, мировосприятием, должна реагировать на современные глобализационные процессы. С развитием новых технологий и средств коммуникации глобализация усиливает свои позиции. В сфере религиозно социального она конструирует некий религиозный «глобал-маркет», функционирующий по рыночному принципу свободы предложения и выбора. В этом отношении, можно говорить о наличии религиозного продукта. «Индивидуализм общества потребления качественно отличается от индивидуализма эпохи Возрождения или прочих его исторических форм. Его можно характеризовать как гедонистический, обывательский, массовый» [5, с. 62]. Однако с другой стороны, современный человек имеет возможность и

право формировать свою идентичность безотносительно к религиозной и этнокультурной принадлежности, территориального расположения.

Детерриториализация религии – это логическое следствие происходящего. В данную эпоху религия опосредованно связана с местом возникновения и территориальной локализацией, она становится все более транснациональной, что приводит к ее функционированию поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ [1, с. 352]. Любая из существующих религий в современных условиях способна найти последователей там, где исторически их никогда не было, и лишиться их в своих традиционных регионах. Современная глобальная религиозность – американизированная по происхождению, и во многом содержательно протестантская. Субъектом выбора становится отдельная личность, в онтологическом ключе смысл глобальной религиозности ориентирован на индивидуальную реализацию с высокой степенью вовлеченности.

Вестернизация и модернизация усиливают процесс секуляризации, нивелируются традиционные религии и культуры. Данная позиция трактует глобализацию негативно по отношению к религии. Не следует отрицать реальности процесса секуляризации, однако необходимо признать активное участие религиозной сферы в глобализационных процессах: секуляризация и религиозная динамика взаимосвязаны и взаимозависимы.

Согласно М. Ризебротту, религиозность доминировала в сфере экзистенциальных рисков, возникающих от невозможности контролировать процесс и результат некоторых областей человеческой практики. С ростом науки и техники область контроля расширяется, что обусловило возрастающую секуляризацию. Указанные тенденции актуализировались не только в повседневной трудовой практике, но и в политике; религиозные учения, дающие трактовку глобальной исторической динамике, частично замещались и смешивались с национально-политическими версиями, при этом теряя свой метаисторический контекст.

Ориентация западной цивилизации на конформизм вызвала ряд экзистенциальных проблем, связанных с прагматической направленностью и техногенной доминантой бытия индивида в рамках данной культурной формы. Примат «эффективности», «целесообразности» и «прагматичности» повсеместно вытесняет основы религиозной этики из экономики и политики. «Эти процессы объективно снизили значение религии в различных аспектах человеческой жизни и резко ограничили ее влияние сферой индивидуальных духовных потребностей» [6, с. 107].

Однако то, что дало опору секуляризации, породило новую волну экзистенциальных рисков, связанных с превалирующим технико-технологическим господством человека над природой. Попытка

преодоления возникшего экзистенциального вакуума сокрыта в феномене «возрождающейся религии». В этой связи, секуляризация и религиозный ренессанс диалектично взаимосвязаны.

Эпоха глобализации неизбежно влечет ощутимые метаморфозы религиозного сознания. Информационная и культурная открытость, не специфичная для традиционного типа общества, делают невозможным абсолютное доминирование той или иной религиозной доктрины в сознании индивида. Даже при ортодоксальном воспитании, субъект не может быть полностью изолирован от внешних влияний. Такая открытость создает новую степень индивидуальной свободы в вопросах религиозного, не доступную в традиционном обществе. Благодаря современным средствам коммуникации, интеграция человека в общечеловеческую культуру приобретает всесторонний характер. «Новые средства коммуникации порождают новую конфигурацию субъекта, отличительной чертой которого является децентрация, а в пределе – всеприсутствие» [6, с. 20].

Современное религиозное сознание противоречиво, многие противоречия имели место быть в различных исторических ситуациях, среди них: противостояние материализма и идеализма, выраженное в дихотомии атеизма и религиозности; между верой и разумом; между опытом и догматикой. В глобализирующемся социуме наиболее актуальны следующие функции религии – это идеологическая и экзистенциально-психологическая (компенсаторная). Реализуя данные функции, религия является средством обретения культурной идентичности через конфессиональную самоидентификацию, а так же является внутренней составляющей мировоззрения, отражающая специфику проявления религиозного чувства [5, с 63].

Современность плюралистична, эпоха постмодерна заставляет отказаться субъекта от четких рамок, ориентиров, догм той или иной традиции, отсутствуют четкие ориентиры «истина-ложь», «верно-неверно» и т.д. В данной ситуации религия способна выступить как способ самоидентификации не только для конкретного индивида, но и для массового сознания.

Одним из вариантов заполнения идеологического вакуума может стать религия, продуцирующая в широкие социальные пласты так называемую «формальную» религиозность. Формальная религиозность имеет в основе своей глубокое равнодушие к вопросам религии, веры и духовного совершенствования при демонстративном соблюдении культовой стороны [7, с.103-104]. С точки зрения американского ученого Ф. Фукуямы, подобный тип религиозной практики «полезен для сообществ». Люди обнаруживают, что «... их жизнь беспорядочна, что их детям нужны ценности и нормы или, что они изолированы и дезориентированы; они обращаются к определенному вероисповеданию

не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения»[8, с. 327].

Отличительной чертой традиционной религиозности является этнопсихологическая самоидентификация личности с историческим самосознанием народа, несмотря на изначально надэтнический характер исповедуемых религий, будь то христианство, ислам или буддизм [7, с. 104]. Идентичность с культурой, народом, религией дает человеку ощущение стабильности в социальной жизни, что передается из поколения в поколение. Однако с развитием научного знания основы религиозного мирозерцания изрядно размылись. Более того, в условиях глобальных изменений и процессов разрушается сама основа традиционной религиозности – этнокультурная и психологическая целостность бытия больших коллективов, утрачивается связь поколений. Иными словами, принадлежность к конкретной религиозной традиции и сама конфессиональность становится личным выбором каждого.

Тема «формальной» религиозности становится актуальной в связи с противостоянием севера и юга, борьбой деноминаций внутри ислама, однако следует понимать, что «формальная» религиозность не всегда связана с фундаментализмом и разного рода конфронтациями. Проявление «формальной» религиозности в современной глобальной культуре России наглядно представлено в увеличении числа прихожан в храмах традиционных конфессий, однако, мнению Д. Белла, религия переживает расцвет везде, кроме западной Европы [9, с. 77].

Безусловно, глобализация представляет собой противоречивый процесс. В отношении феномена религиозного глобализация действует двояко: она несет в себе как унифицирующие тенденции, так и стратегии поиска новых форм проявления традиционного. Отсюда следующие дихотомии: традиционная религиозность – религиозность как личное чувство. Первое основано на авторитете и подчинении, второе укоренено в индивидуализме и либерализме. Из этого логично следует противоречие между тенденцией к унификации сознания конфессионально ориентированных индивидов и индивидуализации религиозных представлений каждого верующего. Обостряется сей факт с одной стороны, ростом самостоятельности мышления, духовной независимости, доступности информации, а с другой – проявлением конформизма в связи с поисками культурной идентичности [5, с. 65]. Впервые в истории появляется возможность передать всему человечеству универсальную суть каждой религиозной традиции, проявить их структурные и концептуальные особенности, сопоставить, и предоставить индивиду выбор доктрины той или иной веры.

Таким образом, перед гуманитарной наукой стоит задача выработки светских оснований, являющихся общечеловеческими объединяющими началами для всех религиозных организаций, что в перспективе будет

способствовать развитию межконфессиональных отношений. Для этого необходимы междисциплинарные знания о различных этносах, следует «выработать новую теоретическую базу для их изучения с целью формирования сбалансированных стратегий и тактик межкультурного диалога» [10, с. 46], посредством чего возможно бесконфликтное воздействие мировых глобализационных процессов на локальные культуры, поведенческие модели и картины мира отдельного человека.

Библиографический список

1. Королева Е.В. Новые религиозные движения в эпоху глобализации // Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. №1 (74). 2010. С. 351-358.
2. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир системы // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. №4. URL: <http://www.archipelag.ru> (дата обращения: 11.01.2014).
3. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
4. Kasowicz A.M. Regionalization, globalization, and nationalism: Convergent, divergent, or overlapping? // Alternatives. Delhi; N.Y., 1999. Vol. 24. N4. P. 522-531.
5. Ерофеева К.Л. Религиозное сознание эпохи глобализации: некоторые противоречия // Вестник ИГЭУ. Вып. 1. 2009. С. 62-65.
6. Riesebrodt M. Religion in Global Perspective // Juergensmeyer Mark, ed. Global Religions: an Introduction. Oxford: 2003. P. 95-109.
7. Баранников В.П., Матренина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе. // Социс. 2004. №9. С. 102-107.
8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2008. 480 с.
9. Белл Д. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М.: Свободная мысль, 2007. 304 с.
10. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
11. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
12. Савчук В.В. Медиафилософия. Основные проблемы и понятия: Мат-лы междунар. науч. конф. «Медиа как предмет философии». 16-17 ноября 2007 г. / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. 346 с.

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

У.Ф. Душичева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: uljana.saratov@yandex.ru

Статья посвящена проблемам теоретического, методологического и практического характера в области социологических исследований религиозности населения и вопросу определения термина «религиозность» в социологии. Анализируются основные подходы российских социологов. Рассматриваются проблемы практической реализации социологических исследований в данной области, их влияние на официальные статистические данные.

Ключевые слова: Религиозность, религиозная вера, конфессия, религиозная статистика.

TO THE QUESTION OF SOCIOLOGICAL CRITERIA OF DETERMINATION OF LEVEL OF RELIGIOUSNESS OF THE POPULATION

U.F. Dushicheva

In the article we investigate the theoretical, methodological and practical in the field of sociological studies of religiosity. We consider the issue of the definition of "religious" in sociology. Analyzes the main approaches of Russian sociologists. We consider the problems of the practical realization of sociological research in this area and their impact on official statistics.

Key words: Religiosity, religious belief, religious denomination, religious statistics.

На современном этапе развития социологии религии проблема определения критериев религиозности является одной из основных. Главное затруднение здесь заключается в выявлении универсального понятия религиозности. Можно сказать, что «религиозность – это духовное, культурное и социальное состояние человека, вытекающее из принятия им той или иной разновидности доминанты религиозного сознания и поведения» [1]. Но данное определение настолько же всеобъемлюще полно, насколько и расплывчато. Попытаемся выделить несколько основных групп критериев религиозности в современной социологии:

1. самоидентификация индивида, которая включает в себя как конфессиональное самоопределение, так и отношение респондента к религии вообще;

2. культовое поведение (соблюдение обрядов и ритуалов, уровень участия в деятельности религиозной организации, частота посещения служб, частота молитв и т. п.);

3. мировоззренческие представления, характерные для вероисповедания респондента. Здесь уже можно выявить уровень религиозной грамотности опрашиваемых лиц, знания и, что важнее, признания основных догматических положений религиозного вероучения [2].

Мы видим, что социология обладает достаточным набором признаков распознавания религиозности, в чем, как ни странно, и состоит главная проблема. Такой большой «букет» многоуровневых признаков не позволяет выявить четкого набора нескольких ключевых оснований. И дело не только в методологической позиции исследователя. Глобализация, секуляризация (хотя некоторые исследователи говорят о зарождающемся феномене десекуляризации) [3], широкий доступ к источникам информации, низкий уровень качества этой информации размывает в сознании индивидов само понятие религии. Показательны социологические опросы, в которых респонденты, идентифицирующие себя с традиционными конфессиями (ислам, православие), в то же время заявляли, что не верят в Бога. А если попытаться провести более полный опрос, то выяснится, что приверженность к определенной традиционной конфессии нисколько не мешает вере в НЛО, реинкарнацию и астрологические прогнозы. И в то же время среди неверующих людей оказывается значительный процент тех, кто верит в сверхъестественную силу, колдовство и т.п. [4]. Такое отсутствие целостности в мировоззренческих взглядах опрашиваемых значительно затрудняет выявление доминирующего критерия религиозности как границы, за которой субъекта в принципе можно отнести к человеку религиозному.

Как отметил А.А. Панков, при обращении к последнему вопросу российские социологи выделяют две основные методологические позиции. Сторонники первой (Л.М. Воронцова, Д.Е. Фурман, Р.Н. Лункин, С.Б. Филатов и др.) важными моментами религиозности считают регулярность выполнения субъектом культовых действий, а так же понимание значений этих действий, то есть соответствующий образ мыслей. Приверженцы другой позиции (Ю.Ю. Синелина, В.Ф. Чеснокова и др.) видят ключевой признак религиозности именно в самоидентификации, которая указывает направленность как главное измерение религиозности [2].

Оба подхода, как нетрудно заметить, имеют как достоинства, так и серьезные недостатки. Если первая позиция достаточно твердо устанавливает критерии конфессиональной принадлежности, то не будет ли это налагать излишний формализм на опрашиваемых, слишком жесткую фильтрацию, которая не сможет учитывать современных реалий

социальной жизни. Например, С.Б. Филатов и Р.Н. Лункин отмечают, что «православные авторы выступают за максимально расширительные критерии православности, а светские авторы пишут о том, что максимальное расширение критериев делает само понятие «православный», бессмысленным, если православным, например, считать человека не верящего в распятие и воскресение Христа, посмертное воздаяние, не молящегося и не причащающегося» [5].

Самоидентификация человека как приверженца определенной конфессии, содержит в себе ещё больше спорных моментов. Здесь граница религиозности достаточно четкая, но результат оказывается оторванным от действительности. Низкий уровень религиозного образования служит причиной частого несоответствия самоидентификации индивида действительному положению вещей, его мировоззрению, системе ценностей и социальному поведению. При этом неверные статистические данные могут стать инструментом политической и идеологической борьбы. Не стоит забывать, что в современном мире «процессы глобальной динамики фальсифицируют ценности национальных религий и ведут к прозелитизму, росту религиозных сект», [6, с. 25] а правильно разработанные и проводимые социологические исследования могут способствовать отслеживанию динамики религиозной ситуации.

Из вышесказанного следует, что необходимо разделять религиозную самоидентификацию и религиозность, которую все же следует выводить из критериев мировоззренческой, ценностной и поведенческой ориентации индивида. Мы видим, что первый из вышеперечисленных методологических подходов ближе к определению уровня религиозности населения.

В этом случае мы сталкиваемся с проблемой определения критериев религиозности для представителей каждой определенной конфессии. Причем важным так же остается вопрос границы этих критериев. Можно привести пример исследования 1996 года, проведенного Д. Фурманом. В его исследовании респонденты, которые положительно ответили на вопрос «Верите ли вы в Бога», отнесли себя к православию, определили Бога как личность и одновременно с этим молящиеся, составили лишь 4% из всей выборки. Да и среди них оказался 41% верящих в переселение душ [5]. Важно отметить, что критерии не были особенно жесткими. На данном примере хорошо видно насколько трудно определить уровень религиозности населения даже в отношении отдельно взятой конфессии.

Проблемы социологических исследований в области религии не ограничиваются вопросами теоретического характера, но и являются несовершенными с точки зрения практической реализации. Дело в том, что практически невозможно сделать идеальную выборку представителей всех религиозных движений, остается очень высокий процент погрешности.

Попытки решить эти проблемы путем определения численности приверженцев той или иной религии по этническому признаку не выдерживают критики. Может прояснить ситуацию официальная статистика зарегистрированных религиозных организаций, но опять же здесь имеет место вопрос о различных отношениях религий к регистрации своих местных организаций.

Как мы видим, существует очень много проблем теоретического, методологического и практического характера в области социологических исследований религиозности населения. Необходимо осознавать, что часто цифры, которые фигурируют в прессе относительно религиозной ситуации, мифичны, и нужно понимать, что они за собой скрывают. Ведь если вспомнить, например, теорию социальной динамики, где «общество есть процесс и постоянно подвергается изменениям ... в качестве конечного (правильнее, наверно, было бы сказать начального) двигателя изменений выступают индивиды и социальные коллективы; направление, цели и скорость изменений являются предметом соревнования между многими социальными деятелями и становятся областью конфликтов и борьбы» [7, с. 46], то можно заметить, насколько важными являются грамотные определения социологических критериев религиозности, которые могут помочь вовремя проследить динамику изменений не только в религиозной, но и в неразрывно с ней связанных культурной, политической и экономической сферах жизни населения. Отмечается, например, что «некогда прочные традиции совместной жизни православных христиан и мусульман в нашей стране постепенно ослабевают, поскольку, по мнению ряда специалистов, в предреволюционный период традиции межэтнического единства поддерживались общинными структурами, а в советский – идеей преобразования в советскую нацию. Сегодня конфликт традиционных религиозных ценностей и либеральных стратегий организации социума способны поставить Россию перед риском внутреннего распада» [6, с. 33].

Необходима тщательная разработка методов религиозной статистики, которые смогли бы наиболее полно отразить реальную ситуацию. Это поможет выявить политическое и культурное влияние религиозных объединений на жизнь социума и динамику изменения ценностных ориентиров современного общества.

Библиографический список

1. Лебедев С.Д. К проблеме социологических критериев религиозности. URL: <http://www.rusoir.ru/news/23-09-2005-2.html> (дата обращения: 07.12.2014).
2. Панков А.А. К вопросу о критериях современной религиозности. URL: http://www.rusnauka.com/11._NPRT_2007/Psihologia/22420.doc.htm (дата обращения: 07.12.2014).

3. Гаврилов Е.О. метаморфозы религиозности в современной России в контексте глобальных социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. 2011. №352. С. 42-49.
4. Мчедлов М.П. Вера в России в зеркале статистики. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/mchedl_vera.php (дата обращения: 07.12.2014).
5. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. URL: http://www.religare.ru/2_20662.html (дата обращения: 07.12.2014).
6. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
7. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.
8. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.

УДК 261.8

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Д.А. Каргина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kargina-daria@gmail.com

Религиозные воззрения в современном мире воспринимаются как нечто неприкосновенное, являющееся личным делом человека, в то время как политические идеологии и экономические процессы без проблем становятся объектом общественной критики. В то же время нельзя забывать, что в ходе истории религия часто служила политическим и экономическим интересам, и сегодня этот механизм остается крайне востребованным.

Ключевые слова: религия, политика, экономика, ислам, христианство, идеология.

RELIGIOUS VIEWS AS IDEOLOGICAL RESOURCE OF REALIZATION OF POLITICAL IDEOLOGIES AND ECONOMIC STRATEGY

D.A. Kargina

Religious views in the modern world are perceived as something inviolable, being a personal record of the person while political ideologies and economic processes without problems become object of public criticism. At the same time it is impossible to forget that during history the religion often served political and economic interests, and today this mechanism remains to the extremely demanded.

Key words: religion, policy, economy, Islam, Christianity, ideology.

В настоящее время в связи со сложившейся обстановкой вопрос соотношения политических идеологий, экономических интересов и религиозных верований становится в центр общественного внимания, прежде всего в связи с теми событиями, в которых имеют место религиозный и политический компоненты одновременно.

Религиозные верования, сам процесс их соблюдения и отправления еще в первобытном обществе начинал выполнять, пусть даже и в минимальном значении, идеологическую роль. Посредством религиозных обрядов, человек обращался к богам с просьбой о помощи в работе и на охоте, о спасении от болезней и от смерти. При любом исходе причины такого обращения религиозные деятели доступно все объясняли человеку и успокаивали его. Таким образом, уже тогда, именно на религиозной основе стали зарождаться главные функции идеологии: воспитательная, разъяснительная, интеграционная и др.

С возникновением государства необходимость в идеологическом обеспечении государственной власти резко возросла. Религиозные идеологии рождают собственные политические доктрины, преследуя не столько духовные, сколько светские, земные интересы: расширить свое конфессиональное влияние и приобрести больше возможностей для утилитарного обогащения. Из исторического прошлого известна доктрина католической церкви о «защите гроба господнего», которая осуществлялась в XI-XII столетиях посредством привлечения из стран Европы многих тысяч рыцарей для крестовых походов в Палестину. Эти походы сопровождались кровавым разбоем и беззастенчивым грабежом. Не меньше беды и горя славянским и прибалтийским народам принесло стремление Ватикана «приобщить» эти народы к святой католической церкви. На протяжении XIII-XIV веков крестоносцы огнем и мечом «приобщали» к католицизму язычников – прибалтов и православных белорусов. Наконец, выдающаяся победа наших предков в Грюнвальдской битве в 1410 году остановила эту агрессивную экспансию. Затем длительное время католический костел активно способствовал

ополячиванию белорусов. Русская православная церковь была вдохновителем и покровителем великодержавных устремлений. Московского централизованного по восточным принципам деспотического государства, Именно она в XVI веке предложила идею величать это государство «третьим Римом». На присоединенных к России территориях российские православные священники внесли очень весомую лепту в процесс русификации населения, особенно в Беларуси.

Успешно выполнять роль идеологического института власти могла только ведущая религия. К этому времени религиозные деятели в соответствии со своими партикулярными интересами и духовными особенностями создали свои корпоративные структуры – конфессии, которые активно стали заботиться не только о духовности, но и о своих светских, в том числе и материальных интересах. Реализация этих интересов включала религиозные конфессии в политический процесс, и они очень быстро и повсеместно стали занимать ведущие места в обществе. Способствовало этому то, что они были хорошо организованы, обладали отличными, профессионально подготовленными кадрами проповедников и воспитателей (духовных пастырей), т.е. фактически кадрами идеологических работников. Кроме того, сама религия представляла собой в духовном плане безукоризненную идеологию. Она была уже вполне теоретически отработанным учением и весьма эффективным средством воздействия на сознание прихожан. Поэтому много столетий вплотную плечом к плечу руководили обществом государственная власть и религия. Практически у всех добуржуазных обществах религия бесменно выполняла функции государственной идеологии. В этом отношении религия несколько родственна философии как инструмент формирования идеологии, ведь как отмечал Орлов, «Условием формирования конструктивного диалога между восточными и европейскими культурами, способствующего складыванию принципов социальной этики и социального управления, являются не только юридические, социополитические, экономические и культурно-психологические основания, но и выработка адекватных философских оснований, способных конкретизировать проблемы и обозначить пути их разрешения» [1, с. 48].

В современных демократических странах, как правило, религия отделена от государства и в государственной идеологии ее традиционные ценности играют лишь вспомогательную роль. Однако, в странах так называемого «мусульманского мира» влияние религии на государство и на жизнь в обществе очень велико, а в ряде теократических государств (Иран, Саудовская Аравия и др.) религиозная идеология является господствующей. В этих странах вся жизнь регламентируется по канонам мусульманской религии (по шариату). Как правило, мусульманская идеология повсеместно включает кроме общеконфессийных, характерных

для всей мировой религии ислама, еще и национальные традиции и ценности. Все это способствует стабильности мусульманства как религии и даже усилению тенденции к ее расширению.

От мусульманской религии исходит доктрина «мир для правоверных», которую стремится реализовать наиболее воинственная и фанатичная часть верующих мусульман под руководством ортодоксальной ветви этой конфессии – ваххабитов. Об этом свидетельствуют события в Афганистане, Чечне и других местах.

Говоря о христианстве вообще и православии в частности, следует отметить, что его влияние на политику обуславливается главным образом мировоззренческим господством. Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Российской Федерации [2] и многих других странах конституция называет народ. На формировании политической позиции народа – субъекта политических отношений – существенное влияние оказывает мировоззрение человека. Так, политическая культура мусульманина будет отличаться от политической культуры христианина, буддиста от иудея, атеиста от индуиста. На высоком уровне своего развития политическая культура у протестантов, чему способствует структура их религиозных объединений: «миниатюрные политические системы со своими лидерами и комитетами, конфликтами и консенсусом» [3]. Во многих странах религиозные элементы входят в состав ритуала инаугурации политических лидеров: «вступающий в должность глава государства клянется на Библии или Коране» [4]. Глубину участия религии в формировании политики государства интересно проследить на примере изучения общественного мнения «Vox populi» и редакции «Независимой газеты», включивших Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в список 100 наиболее влиятельных российских политиков. По итогам 1999 г. он был одиннадцатым в списке десяти государственных и общественных деятелей (вместе с В.В. Путиным, Е.М. Примаковым и др.), оказавших максимально позитивное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны [5].

Характерно, впрочем, не только для монотеистических религий, но и для ряда восточных религиозных воззрений. Так, рассматривая особенности китайской цивилизации, Орлов отмечал, что «Затрагивая проблему соотношения жизненного мира человека и системы общества, их взаимодействия, он [китайский философ] предлагает использовать в ее решении традиционные принципы конфуцианства» [6, с. 37]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что религиозная составляющая, не смотря на традиционное отношение к ней как к «личному делу человека» является существенной политической силой вне зависимости от того, о какой конкретно религии идет речь.

Библиографический список

1. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993.
3. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
4. Семенов В.В. Этноконфессиональная специфика проявления национального и религиозного в политике // Власть. 2010. №2. С. ???-???
5. 100 ведущих политиков России в январе // НГ-Сценарии. 2000. 02 февраля. URL: http://www.ng.ru/politics/2000-02-02/0_100_politics_t.html (дата обращения: 10.01.2014).
6. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С.36-40.

УДК 316(075.8)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК: КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, РЕЛИГИЯ

М.В. Каткова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: margo996@yandex.ru

В современном международном порядке нет необходимости смешивать культуру, господствующую в глобальном мировом масштабе с более универсальным понятием цивилизации, которое используется в разной степени во всех культурах для определения общего в данный период истории состояния материального прогресса. Ядром цивилизационной идеологии выступает религия, выраженная в иудео-христианских ценностях на Западе и этики ислама на Востоке. Обращение к религиозности сегодня служит легитимации политических или экономических программ, мобилизации мнений за счет нагнетания эмоционального заряда «цивилизации».

Ключевые слова: культура, цивилизация, религия, международный порядок, духовные ценности, цивилизационная модель, религиозность.

INTERNATIONAL ORDER: CULTURE, CIVILIZATION AND RELIGION

M.V. Katkova

In today's international order is not necessary to mix culture, the dominant worldwide basis with a universal concept of civilization, which is used in varying degrees in all cultures to determine the total in this period of history the state of material progress. Civilizational core ideology speaks of religion in the Judeo-Christian values and ethics in the West of Islam in the East. Appeal to religion today serves legitimation of political and economic programs, mobilize opinion by injecting emotional charge of "civilization".

Key words: culture, civilization, religion, international order, civilization model, religiosity.

В использовании понятий культура и цивилизация отмечается двусмысленность, как только они теряют отсылку к нации или народу, которые их формируют. Культура может быть русской, английской, арабской, китайской и т.д. Она требует определенного языка, который сохранял бы ее, если это не касается научной культуры, применяющей мертвый язык, примером может служить латынь в европейской средневековой культуре. Таким образом, можно сделать вывод, что живые культуры национальны. Подобное утверждение можно отнести и к цивилизации, однако, понятие цивилизации шире понятия культура: оно всегда включает определенную культуру, лежащую в основании, – философию, музыку, литературу, поэзию, а также масштабные социальные, политические и юридические институты, в которых эта культура формируется. Фундамент цивилизации – общественное богатство в единстве материальных и духовных ценностей. Оно появляется вместе с прибавочным продуктом, дающим возможность определенной части общества заниматься интеллектуальным трудом, создавать духовные ценности, что предполагает наличие письменности. Нет цивилизации без письменности и оседлого образа жизни, нет цивилизации без городов [1, с. 175]. Действительно, можно говорить о французской, японской, итальянской или китайской цивилизации.

Трудность в применении двух этих взаимосвязанных понятий детерминирована распространением цивилизации и базовой для нее культуры. Так, в эпоху эллинизма греко-римская культура распространилась по всему Средиземноморью от Галлии (Франции) до Персии; революционная Франция времен Наполеона Бонапарта экспортировала свои институты по всей Европе, ее культура закрепились среди европейской элиты уже в эпоху Просвещения, а в период колониальных завоеваний французская культура и язык распространились и за пределы Европы. Английская культура, которую зачастую называют англосаксонской, внушительно распространилась во время завоеваний

Америки, а затем Индийского континента; подобное можно сказать о португальской культуре или испанской. На сегодняшний день из-за могущества, которым обладают Соединенные Штаты Америки, англосаксонская культура и английский язык становятся общими для элит всего мира, а это наносит ущерб национальным культурам.

Тем не менее, незачем смешивать эту культуру, превалирующую в глобальном мировом масштабе и поддерживаемую американской сверхдержавой, с более универсальным понятием цивилизации, которое используется в разной степени во всех культурах для определения общего в данный период истории состояния материального прогресса, знаний, развития философии, морали и нравственности. И, если великие национальные страны Европы XIX века чаще всего видели в своей собственной культуре высшую стадию цивилизации, все равно не следует смешивать два значения термина: то, которое применяется к национальной культуре с ее политическими, социальными и научными институтами и то, которое мы выделили. Но в наши дни подобное смешение понятий как раз и питает собой нарциссизм США, который отождествляет ощущение западной идентичности и принадлежность к цивилизации как таковой. До тех пор пока будет выдерживаться эта разногласица, которая содействует беспорядочным использованием невероятно различных понятий, таких как «народ», «нация», «раса», «культура», «религия», «цивилизация». При этом они почему-то понимаются как синонимы, исковерканная идеология «столкновения цивилизаций» [2], которая продолжается в XXI веке, будет оставаться, как и прежде, убедительным элементом декораций новой мировой геополитики, в которой господствует сверхдержава Соединенных Штатов Америки [3].

Эта поверхностная упрощенная идеология является исковерканной, так как она навязывает в равной степени ошибочное и ограниченное представление о реальности. Несомненно, что культуры-завоевательницы развиваются в международном порядке благодаря значительным политическим событиям, являющим силовые процессы и взаимоотношения в экономике. Экономика, как и политика и идеология, есть неотъемлемая область культуры и, следовательно, она имеет самое непосредственное отношение к вопросам этики, политики и социальной философии. Обсуждение и решение фундаментальных экономических проблем должно происходить вкупе с актуальными философскими и культурологическими вопросами [4, с. 36].

В центре воинственной цивилизационной идеологии оказывается религия, которая выражается в иудео-христианских ценностях на Западе и этики ислама на Востоке. Но современная культура от немецкой классической философии до Ницше и Хайдеггера, которая разрабатывала понятие цивилизации смысле, который был определен нами, строилась, скорее всего, на руинах религии или, в крайнем случае, той весьма

религиозной цивилизации, которой могла считаться Европа до эпохи Возрождения. Современное обращение к религиозности служит, таким образом, легитимации тривиальных политических или экономических планов, мобилизации мнений за счет нагнетания эмоционального заряда «цивилизации». Сегодня формирование и запуск в оборот понятия «иудео-христианских ценностей» свидетельствует, следовательно, о своеобразном культурном перевороте: это новое модное понятие бесцеремонно вытеснило веру в греко-римские корни Запада, которая господствовала со времен эпохи Ренессанса [5, с. 225].

Несомненно, что никто не может игнорировать ту роль, которую религии играют в формировании культур и, соответственно, цивилизаций. Но религия в наши дни – это всего лишь один из огромного числа элементов цивилизации, так как прошло время цивилизаций, основанных только на религии и ее ритуалах, к примеру, христианской Европы эпохи средних веков или средиземноморского ислама времен его расцвета в IX-XI столетиях. Прогресс науки и техники, массовое потребление, обеспокоенность экономическим ростом или проблемами экологии стали сегодня первостепенными вопросами человечества, и ни одна цивилизация сегодня больше не основывается исключительно на системе религиозных ценностей. Тот факт, что в исламе или иудаизме сохраняются сообщества, строго придерживающиеся старинных религиозных ритуалов, никоим образом не позволяет сделать вывод о подобных феноменах, которые охватывали бы значительные культурные регионы или, тем более, все человечество. На Дальнем Востоке и Индийском континенте можно встретить с подобной ситуацией, как на индивидуальном уровне, так и на коллективном, примером могут служить буддийские бхикшу, йоги, мудрецы и т.п. Некоторые народы остаются особенно привязанными к определенной религиозной практике, например, тибетцы. Однако эти феномены не говорят о том, что человечество XXI столетия обратно «впадает» в религиозность или, что наши общества захвачены возвратом к религиозности, который будто бы создаст новую этику и станет новым этапом истории.

Однако невозможно усомниться в том, что образ глобальной цивилизации, которая распространяется мировой системой масс-медиа, все чаще и больше отмечает религиозные манифестации и праздники: появление телеканала «Союз» с 2005 года, строящего свою работу на православных ценностях, появление целого блока репортажей о религиозных праздниках на центральных каналах телевидения и т.п.

Очевидно, что цивилизационная модель XXI столетия, формируемая Соединенными Штатами Америки как мировой сверхдержавой, отличается от модели XX века, когда все еще господствовала европейская модель принципа национальностей, философии Просвещения, в которой религия никогда не рассматривалась в качестве фундаментальной матрицы

культуры и идентичности. Веками включавшая в себя глубоко религиозные общества, Европа слишком жестоко пострадала от религиозных войн. Ради завоевания индивидуальной свободы, освобождения народов от всевозможных форм авторитаризма, в частности, от власти монархов, правивших по божественному праву, и от жесткого надзора за интеллектуальной жизнью, осуществляемое Римской церковью, пришлось пройти длинный и сложный путь.

Законодатели Америки весьма хорошо помнили это, ведь Конституцией 1776 года они утвердили отделение церкви от государства, тем более что некоторые протестантские церкви преследовали других и требовали помощи от государства в своих спорах. Отцы-основатели, как деисты и гуманисты, хотели вообще не придавать религии никакого политического статуса, чтобы избежать тех эксцессов, которые случались в Европе [6]. Именно это, скорее всего, позволило сохранить в США динамику протестантизма и религиозной практики, поддерживаемую идеологией завоевания новой обетованной земли, когда как в Европе распространение зоны действия государства на социальную и образовательную сферу позволит гражданам все чаще обходиться без «услуг» Церкви. Отсюда, таким образом, поступательная «дехристианизация» Европы, которая выражается в ослаблении религиозной практики, достигающее пика вместе с социальными и политическими изменениями в Италии, Португалии, Испании, а затем и в Греции, то есть в странах, остававшихся бастионами интенсивной религиозной практики вплоть до середины 1960-х годов. По мнению М.О. Орлова: «Мировая историческая конъюнктура XXI в. вынуждает сформировать качественно новые дискурсивные принципы государственных взаимодействий, поскольку неоднозначные социокультурные, социально-политические и социально-экономические процессы требуют не только адекватного осмысления, но и поиска отвечающих им коммуникационных технологий» [7, с. 46].

В сложившейся ситуации остается вопрос, должна ли закрепиться цивилизационная модель, господствующая в начале XXI столетия, модель больше американская, чем европейская, и обращающаяся к религиозности как твердому ядру, оставляющему свой отпечаток на всех остальных обществах? Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов, оценить которые довольно затруднительно [8]. Если принять во внимание ту скорость, с которой интеллектуальные и политические декорации изменились за последние тридцать лет, можно подумать, что маятник, перемещаясь от одной крайности к другой, от «конца» религии к «возврату» к религиозности, вернется, в конце концов, в наиболее равновесное положение [9]. Весь вопрос заключается в том, сколько войн понадобится провести во имя «цивилизации», чтобы стать немного мудрее и основать международную политическую мораль, которая была

бы лучше той, что утвердилась в современном обществе. Сейчас все более заметны тенденции к разрушению и деструктуризации коммуникативных связей, которые основаны на культурной идентичности [10, с. 88]. Изменение и несоблюдение существующих коммуникативных норм влечет за собой подрыв существующих основ социума. Отмечается, что в жизненном пространстве социума невозможен процесс, подобный феномену научных революций, так как коррекция нормативно-правовой базы неизбежно влечет за собой возникновение конфликтных ситуаций. Результатом указанных тенденций становится резко негативное отношение к происходящим изменениям, когда блокируются все возможности синтеза, а чужие нормы воспринимаются как пришествие морального распада.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орло М.О. Жизненное пространство цивилизаций // *Философия и общество*. 2007. №1. С. 174-189.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
3. Köchler H. The International Progress Organization and the Dialogue among Civilizations and Religions (1972-2012). URL: <http://www.i-p-o.org/KOECHLER-IPO-and-Dialogue-among-Civilizations-REPORT-Doha-IPO-OP-2013.pdf> (дата обращения: 31.03.2014.)
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
5. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований. 288 с.
6. Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. 308 с.
7. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
8. Dallmayr F. Who are we? What is WPF – Dialogue of Civilization? URL: <http://wpfdc.org/rhodes-forum/18360-who-are-we-what-is-wpf-dialogue-of-civilizations>. (дата обращения 31.03.2014.)
9. Орлов М.О., Данилов С.А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // *Философия и общество*. 2008. №4. С. 126-131.
10. Орлов М.О. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов // *Власть*. 2008. №8. С. 84-88.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНДО-ПАКИСТАНСКОГО КОНФЛИКТА

Д.А. Каштанова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: dashka.kashtanova@gmail.com

Индо-пакистанский конфликт представляет собой крайне показательный пример того, как проблемы, возникающие в сфере религиозного способны оказывать влияние на ход политики и порождать проблемы цивилизационного масштаба. Столкновение индуистской и исламской религий, культур и цивилизаций в Кашмире достигло такого размаха, что вышло за рамки регионального противостояния и стало проблемой мировой общественности.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Кашмир, ислам, индуизм, терроризм.

RELIGIOUS BASES OF THE KASHMIR CONFLICT

D.A. Kashtanova

The Kashmir conflict represents the extremely indicative example of how the problems arising in the sphere of the religious are capable to have impact on the course of policy and to generate problems of civilization scale. Collision by the Hindu and Islamic religions, cultures and civilizations in Kashmir reached such scope that was beyond regional opposition and became a problem of world community.

Key words: India, Pakistan, Kashmir, Islam, Hinduism, terrorism.

Несмотря на развитие глобальных тенденций, в частности мультикультурализма, реальностью наших дней остаются вооруженные конфликты, причины которых коренятся в религиозно-культурной среде. Одним из таких является индо-пакистанский (кашмирский) конфликт.

Для начала следует обрисовать исторические предпосылки возникновения данного конфликта. Принято считать, что история конфликта началась с момента приобретения Британской Индией независимости, но нужно отметить, что еще в 1930-е гг. появились предпосылки к возникновению конфликта. Колониальная администрация еще не разделенной Британской Индии правила по принципу «разделяй и властвуй». В данном регионе Англия поддерживала индуизм, она отдавала предпочтение правителям, исповедующим индуизм, в то время, как большинство населения территории являлось мусульманским. Данные законы вызвали народное недовольство, и в 1931 году вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено центральной администрацией. Формировалась уникальная социокультурная ситуация [1].

После Второй Мировой войны, когда стало очевидно, что Англия уйдет с континента, встал вопрос о дальнейшем существовании народа, исповедовавшего две основные религии: ислам и индуизм [2]. Национально-освободительное движение было представлено двумя партиями: Индийский Национальный Конгресс (ИНК) и Мусульманская Лига (МЛ). Обе партии боролись за независимость, но представления о будущем независимой Индии расходились.

ИНК изначально был против разделения Индии, партия не признавала разделение народа на индусов и мусульман. А Мусульманская Лига в свою очередь придерживалась теории двух наций, где мусульмане и индусы считались разными нациями. Теория двух наций подразумевала, что индусы и мусульмане имеют разное культурное наследие, а следовательно, страну необходимо разделить именно по религиозному принципу.

Позже Мусульманская Лига поставила вопрос о создании отдельного государства индийских мусульман, и ИНК пришлось согласиться. Был выработан план, согласно которому Британская Индия разделялась на два самостоятельных государства.

Следует отметить, что исторически Индия всегда представляла собой многочисленные княжества, и колониальное правление не было исключением. Важно обратить внимание, что в плане разделения колонии не была учтена религиозная принадлежность населения. Безусловно, в отдельных случаях роль религиозного фактора учитывалась, но не признавалась определяющей. Окончательное решение должно было приниматься князем, с опорой на интересы населения. Именно эта оговорка послужила толчком к развитию уже имевшихся разногласий в штате Джамму и Кашмир.

Формально не было нарушений, князь имел право присоединиться к любому из государств, но свой выбор он сделал в пользу Индии, являясь приверженцем индуизма, которого также придерживалась и элита штата. Вместе с тем, фактически штат на 80% состоял из мусульман, но благодаря действиям политической элиты, вошел в состав Индии, население которой, в подавляющем большинстве, исповедовало индуизм. Логичнее выглядело бы включение Джамму и Кашмира в состав мусульманского Пакистана [3]. Для этого были все предпосылки: граница позволяла присоединиться к любому государству; основная часть населения придерживалась ислама.

Нужно отметить, что изначально конфликт носил религиозно-этнический характер, но с обретением Индией независимости конфликт стал носить ярко выраженный политический характер и перешел в стадию международного конфликта. В соответствии с Конституцией Индии, ни одна из ее территорий не может выйти из состава Союза. Поэтому Индия отставила целостность своего государства. Переход конфликта из этно-религиозной плоскости в политическую весьма закономерен, например, в связи с замечанием Орлова М.О., о том, что «политика выполняет

организационную и структурирующую функцию» [4, с. 37], а потому и смысл данный конфликт имеет более на позднем, структурированном этапе.

Считается, что между Индией и Пакистаном за всю историю их независимого существования было три вооруженных конфликта: первая индо-пакистанская война 1947-1948 гг.; вторая индо-пакистанская война 1965 года; третья индо-пакистанская война 1971 года. Нужно отметить, что так же были и другие вооруженные столкновения, но они были локальными и непродолжительными.

После окончания третьей индо-пакистанской войны, 21 декабря Совет безопасности ООН принял резолюцию, которая предусматривала прекращение огня до вывода войск на свои территории [5].

В 1974 году в Индии были произведены испытания ядерного оружия, что значительно осложнило «хрупкий мир», достигнутый в отношениях между Индией и Пакистаном, вплоть до середины 1980-х годов. В 1983 году конфликт начал обостряться: обе стороны планировали провести операцию по захвату ледника Сиачим. Вооруженные столкновения не привели к успеху, индийская армия так и осталась держать свои погранзаставы, а пакистанская армия решила организовать в километре от противника линию своей заставы. В итоге, новые столкновения не привели к перевесу сил, лишь образовался новый участок перестрелок и постоянных стычек. Накал боев на леднике приходится на 1987-1988 гг., но и по сей день там случаются перестрелки.

С началом войны в Афганистане и с началом исламизации Пакистана резко усилилась роль исламского фактора в Индо-Пакистанском конфликте. В начале 1990-х активизировалась партия «Джамаат-и-Ислами», которая требовала начать в стране революцию. С активизацией этой партии в индийском штате Джамму и Кашмир регулярно стали происходить террористические акты. Вследствие этого, индийскому правительству пришлось распустить Законодательную ассамблею штата и ввести президентское правление. В конце 1990-х гг. Индия пыталась стабилизировать ситуацию путем проведения выборов в Законодательную ассамблею, но попытки остались тщетными, большая часть населения не приняла участие в выборах [6].

Начало XXI века привнесло еще больше нестабильности. Террористические акты на территории Индии обостряли отношения с Пакистаном, таким образом, конфликт в новом столетии вот-вот готов был перейти к вооруженному столкновению. Показательно в этом отношении движение джафаритов Пакистана – крупнейшая религиозная партия мусульман-шиитов Пакистана. Первоначальное название «Техрик-и нифаз-и фикх джафария» (Движение за осуществление джафаритского права). Возникла данная партия еще в 1979 г. в ответ на установление в Пакистане в годы правления генерала Зии уль-Хака суннитского исламского

законодательства. ТДП взяла на себя роль защитницы шиитов (последователей джафаритского толка) от притеснений со стороны властей и агрессивных вылазок суннитских экстремистов. Сегодня деятельность ТДП, вставшей на радикальные позиции, фактически способствовала эскалации религиозно-общинного конфликта, сопровождавшегося многочисленными террористическими актами с обеих сторон. Всё это оказывает непосредственное влияние на систему международных и межкультурных отношений [7].

Подводя итоги, следует отметить, что индо-пакистанский конфликт основывается главным образом на этно-религиозных проблемах. Выход данного конфликта на международный уровень свидетельствует о том, что столкновение ислама с индуизмом мировой общественностью было воспринято именно как межцивилизационное. Интересно, что Индия в данном случае выступала в качестве представителя европейской цивилизации (как наследник Англии), Пакистан в то же время рассматривался как представитель восточной цивилизации. Именно этот факт привел к вмешательству в третью индо-пакистанскую войну США, что и определило ее исход в пользу Индии.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // *Философия и общество*. 2007. №1. С. 174-189.
2. Воскресенский А.Д. Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные. М., 2008.
3. Льюис Г. Без оглядки на богов. Взлет современной Индии. М., 2010.
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
5. Шаумян Т.Л. Кто и почему воюет в Кашмире? Индопакистанское вооруженное противостояние в Каргиле: причины и последствия. М., 1999.
6. Лунев С.И., Широков Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001. С. 262.
7. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: КОМПРОМИСС ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

С.С. Киреева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: Svetik1994@gmail.com

Сегодня наиболее глубокие исследователи «европейской интеграции» указывают, что она ведёт к такой серьезной перекройке европейского пространства, которую можно назвать настоящей геополитической революцией. Истинной целью её является демонтаж национально-государственных образований и устранение политических границ

Ключевые слова: ислам, Европа, евро интеграция, глобальное общество.

ISLAM IN MODERN EUROPE: COMPROMISE OR OPPOSITION?

S.S. Kireeva

Today the deepest researchers of "the European integration" specify that it conducts to such serious recutting of the European space which it is possible to call the real geopolitical revolution. Its true purpose is dismantle of the national and state educations and elimination of political borders

Key words: Islam, Europe, euro integration, global society.

Наиболее глубокие исследователи «европейской интеграции» указывают, что она ведёт к такой серьезной перекройке европейского пространства, которую можно назвать настоящей геополитической революцией. Истинной целью её является демонтаж национально-государственных образований и устранение политических границ для обеспечения свободного перемещения транснационального капитала и закрепления контроля с его стороны за ключевыми зонами континента. Однако эта геополитическая революция сопровождается не менее глубокой революцией в сфере демографии, которую учёные называют «демографической катастрофой».

В последнее время относительное падение демографического веса Европы в мире стало превращаться уже в абсолютное. Регион прекратил воспроизведение своего населения вследствие крайне низкого уровня рождаемости. Его средний показатель составляет в настоящее время 1,5, тогда как для сохранения текущей численности населения требуется уровень как минимум 2,1. Как указывают демографы, это не просто нулевой прирост населения (НПН), это уже нулевое население (НН). А. Пар, директор отдела России и СНГ Германского совета внешней

политики, высказался по этому поводу совершенно определённо: «Мы на перепутье, и трудно сказать, куда это приведёт... Да, можно сказать, что «белая раса» вымирает... В открытую вести такие обсуждения пока сложно, потому что есть электорат» [1].

По данным Комиссии по демографии Совета Европы, если в 1960 г. люди европейского происхождения составляли 25% мирового населения, в 2000 г. – 17%, то через 40 лет они будут составлять не более 10%. В 2000 г. население Европы насчитывало 728 млн., к 2050 г., при сохранении текущего уровня рождаемости и без учёта иммиграции, оно будет насчитывать 600 млн. Европа потеряет к этому времени столько жителей, сколько населяет Германию, Польшу, Данию, Норвегию, Швецию и Финляндию вместе взятые. В последний раз столь значительное сокращение европейского населения наблюдалось только во время эпидемии чумы в 1347-1352 гг. Особенно серьёзная ситуация в Германии, где к 2050 г. население может сократиться с 82 до 59 млн. человек. Соответственно, меняется и возрастная структура населения. С 2003 по 2011 г. произошло значительное ускорение старения населения. Через 40 лет число детей до 15 лет сократится на 40%, а треть населения будут составлять люди старше 60 лет (в наиболее развитых странах каждому десятому будет за 80). Соотношение молодых людей и людей среднего возраста к пожилым будет 2:1 [2].

Всеобщая либерализация, распространяемая на сферу производства, торговли и финансов привела в крайне подвижное состояние и мировой рынок дешёвой рабочей силы. Общеизвестно, что современную эпоху, начиная с последней четверти XX в., называют «эрой миграции». Кардинальные изменения в масштабах и структуре мировых миграционных потоков вследствие глобализации и крайнего обострения неравенства экономических возможностей, привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации, при которой можно говорить уже о своеобразной «нации мигрантов» или «новых кочевниках». Характерными чертами этого процесса стали усиление роли диаспор в развитии и отправляющих, и принимающих стран, формирование «миграционных сетей», определяющее значение экономической миграции, внутри которой неуклонно растёт нелегальная, вынужденная миграция, увеличение значимости миграции в демографическом развитии и, наконец, двойственный характер миграционной политики на всех уровнях. В результате мигранты начинают занимать целые экономические ниши и отрасли национальной экономики принимающих стран.

Вместе с тем, всё большую роль играет внутренний рынок труда транснациональных компаний, который характеризуется частым перемещением работников между странами. Так, менеджмент компаний превратился уже в чисто транснациональный класс. Таким образом, по всему миру рабочая сила движется к местам её наиболее выгодного

использования, а капитал – к районам сосредоточения дешевого труда. В итоге миграция в реальности превращается в орудие построения «цивилизации кочевников».

На фоне всего этого, нарастание напряженности в мусульманском мире не может не «радовать». события, происходящие в мусульманском мире на протяжении последних двух десятков лет, уже как только не называют: пробуждение, возрождение, ренессанс и т.д. Некоторые видят в повсеместном усилении позиций исламских фундаменталистов чуть ли не предвестник новой мировой войны, которую заранее определяют как религиозную. Всё чаще различные политологи и эксперты рассуждают о «войне цивилизаций», о начавшемся глобальном противостоянии исламской цивилизации Европе и Западу и т.д.

На самом же деле мусульманский мир переживает отнюдь не подъём и тем более не ренессанс (который вообще-то подразумевает не возрождение архаики, а стремительное и всеобъемлющее развитие), а нечто, им прямо противоположное. Поэтому процессы, приведшие в прошлом году к быстрому падению режимов, ещё вчера казавшихся практически незыблемыми, едва ли уместно называть «весной». Скорее уж, речь идёт о приближении эпохи сумерек, более характерных для совершенно другого времени года.

Любой непредвзятый взгляд, даже вскользь брошенный на современные исламские страны, вынужден будет констатировать наличие тяжёлого и всеобъемлющего кризиса, усугубившегося до такой степени, что под его воздействием рушатся целые государства. К сожалению, природу данного кризиса, охватившего исламский мир, на сегодняшний день понимает ещё меньшее количество людей. Отчасти, причиной этого становится изменение бытовой жизни людей, ведь как говорил М.О. Орлов в одной из своих статей «культура коррелирует с общей динамикой индивидуального развития» [3]. Например, в качестве причин тех же самых арабских революций зимы-весны 2011 года чего только называлось: и массовое внедрение компьютерных технологий в повседневную жизнь, и фактор возросшей роли социальных сетей, и выход на политическую арену молодых представителей местного «креативного класса» (это наряду с насквозь пропагандистскими клише вроде «народ устал от коррупции» и «арабы выбрали свободу»). Однако все эти толкования, являющиеся по частностям верными, совершенно не дают ответа на главный вопрос: что именно заставляет в разных странах на протяжении уже ряда лет одних мусульман (сторонников шариата и исламского государства) с фанатичной яростью убивать других мусульман (сторонников сохранения некоранической государственной модели), погружая целые регионы в состояние анархии и резни?

Кризис исламского мира вызревал не одно десятилетие, и сейчас мы, как это ни парадоксально, во многом пожинаем плоды эпохи распада

колониальной системы XX века, во времена которой, собственно, на карте мира и появилось большинство современных мусульманских государств.

Ни для кого не секрет, что все эти государства, чье становление и развитие пришлось на период наивысшего накала «холодной войны» между странами Запада и Восточным блоком, с самого начала брали за основу собственного государственного строительства либо общественно-политические модели своих бывших колонизаторов, либо социалистическую модель, активно распространяемую Советским Союзом в мусульманском мире в 60-80-е годы прошлого века. То есть, изначально создание новых государств происходило на совершенно неисламских принципах, не имеющих отношения к нормам, именуемым шариатскими, которым, согласно исламской религии, должен во всех аспектах жизни следовать правоверный мусульманин.

Согласно мусульманскому вероучению любой мусульманин, если он, конечно, подлинный мусульманин, а не «мунафик» (лицемер), должен жить в строгом соответствии с законами шариата. Которые, в свою очередь, представляют собой свод морально-этических норм и правил, всесторонне регулирующих поведение человека, его отношения с обществом и государством. Шариатские нормы непосредственно выводятся из Корана (мусульмане верят, что его ниспослал сам Аллах) и Сунны (священного предания о жизни Мухаммеда), не признавая при этом никаких иных источников, особенно неисламского происхождения. Самовольное толкование, ревизия этих норм, попытка их адаптации под местные народные традиции с точки зрения исламских фундаменталистов есть тяжкий грех отпадения от истинной веры.

Та же яростная борьба исламских фундаменталистов за поголовное ношение женщинами хиджаба, малопонятная людям, не знакомым с подлинно мусульманским взглядом на мир, является не сумасбродством или самодурством, а буквальным следованием предписаниям шариата, которые устанавливают для слабого пола тип одежды вполне конкретного образца. Для исламского фундаменталиста такое поведение является абсолютно естественным и органичным, так же, как, скажем, для ортодоксального еврея – празднование субботы и ношение бороды.

Любой правоверный мусульманин должен стремиться жить в государстве, построенном согласно законам шариата, в государстве, признающем шариат высшим источником легитимности. Более того, он обязан всеми силами способствовать созданию такого государства в том случае, если проживает на территории «дар аль-харб», где ещё эти законы не установлены. Для него нет принципиальной разницы, кто именно олицетворяет собой этот «дар аль-харб» («землю войны»): европейские демократии или местные светские правители, «отпавшие от ислама». Вести борьбу против тех и других во имя создания подлинно шариатского государства – религиозная обязанность правоверного.

Ещё раз подчеркну, сама идея светскости и тем более отделения религии от государства в корне противоречит мусульманскому вероучению. Христианский принцип «кесарю – кесарево, а божие – богу» здесь неизбежно входит в острый конфликт с исламской традицией, которая, как известно, не признаёт подобного разделения. Подлинно шариатское государство не может быть светским, все его правовые, юридические, этические нормы выводятся непосредственно из религиозных источников. Соответственно, правоверный мусульманин в своей борьбе за создание шариатского государства должен также бороться и против светскости как одного из главных препятствий на пути утверждения шариата.

Здесь мы подходим к главному противоречию современного исламского мира, охваченного, как уже говорилось выше, глубоким и всеобъемлющим кризисом. Практически все входящие в него ныне государства построены на неисламских, противоречащих шариату принципах, в число которых следует включить даже монархии Персидского залива. Более того, такая нешариатская форма государственного устройства является по сути единственной возможной для них в современных условиях. Там, где фундаменталисты захватывали власть и начинали воплощать свои шариатские принципы буквально, в строгом соответствии с религиозной догматикой, дело заканчивалось быстрой и масштабной катастрофой, яркими примерами чему могут служить Афганистан, Судан, Сомали и даже Чечня периода 1997-1999 гг.

Буквальное следование шариату в нынешнем мире невозможно, поскольку невозможно строить сегодня эффективное и развитое государство, основываясь на принципах военной демократии, распространённой среди арабских племён в раннем средневековье. Общества исламских стран на протяжении всего XX века мучительно искали и продолжают искать компромисс – способ примирить религиозную традицию с реалиями современного жизнеустройства. Но как раз этот компромисс порождает внутри исламских обществ, во-первых, резкое усиление позиций фундаменталистов, опирающихся в своей борьбе на непререкаемый авторитет Корана и Сунны, а во-вторых, способствует подрыву и разрушению государств мусульманского мира изнутри, силами собственных религиозных фанатиков.

Кто воевал против режима Муаммара Каддафи в Ливии? Кто ведёт сегодня войну против правительства Башара Асада в Сирии? Кого выбирают себе в союзники западные державы, заинтересованные в нагнетании международной напряжённости и создании новых «горячих точек» по всему миру? Разумеется, исламских фундаменталистов, для которых свержение правителей, не руководствующихся, либо руководствующихся не в полной мере законами шариата, является религиозным долгом. Но не стоит при этом забывать и об экономической

подоплеке данных процессов, ведь как отмечал М.О. Орлов в другой из своих статей «Экономические условия оказывают прямое воздействие на политическую сферу социума» [4].

Во многом схожими причинами вызвана и нынешняя диверсионно-террористическая война на Северном Кавказе, поскольку боевики «Имарата Кавказ» действуют именно под знаменем религиозной войны, практически полностью отринув столь популярные на Кавказе в 90-е годы идеи этнического национализма. Подобная трансформация из националистов в исламские фундаменталисты представляется вполне естественной, если учесть, что за последние двадцать лет, с момента падения советской власти и фактического открытия границ, кавказские народы так или иначе начали ощущать собственную связь со всемирной исламской уммой, неизбежно перенимая и все её пороки. Фундаменталистский мятеж против нынешних кавказских властей вполне укладывается в логику тех процессов, которые ныне определяют облик исламского мира. В нём под знаменем борьбы за чистоту веры почти повсеместно происходит деструкция и разрушение государства европеизированного образца. А поскольку никакого иного типа государства там в данный момент, за редким исключением, не существует, то уместно говорить о масштабном кризисе государства как такового в мире ислама.

Возможно ли создание на месте павших светских или частично светских режимов мусульманских стран чего-то иного, сопоставимого с ними по уровню развития, весу и влиянию в мире, но при этом основанном строго на шариатских принципах?

Судя по всему, нет, и провал в средневековое мракобесие является практически единственно возможным вариантом последующего «развития». Печальные примеры тех стран, где фундаменталисты дорывались-таки до власти, наглядно свидетельствует о том, что вместе с деструкцией государства повсеместно начинается и быстрый распад общества, выражающийся во всесторонней примитивизации и архаизации общественной жизни, приводящий в конечном итоге к масштабной гуманитарной катастрофе. Кроме того, правление исламских фундаменталистов способствует быстрому нарастанию конфронтации с соседними государствами и всем мировым сообществом и зачастую завершается иностранным вторжением и оккупацией, являющихся завершающей фазой государственной деструкции.

Почему популярные в мусульманском мире ещё 30-40 лет назад европейские идеи просвещения, национализма и социализма, служившие основой для бурного государственного строительства в ту эпоху, сегодня утратили привлекательность и встречают всё большее число противников?

Одна из основных причин этого заключается в том, что европейское общество сегодня тоже охвачено серьёзным кризисом, в связи с чем его

атрибуты в значительной степени утратили в глазах жителей мусульманских стран прежнюю привлекательность. Социалистический лагерь пал, оставив своих приверженцев в исламском мире один на один перед лицом множества могущественных врагов, а разлагающийся на глазах западный капитализм с его мараматической толерантностью и легализацией однополых браков вряд ли способен вызвать среди мусульман массовое желание подражать себе. Значительная часть населения исламского мира качнулась в сторону дремучего фундаментализма, повинувшись вполне естественной защитной реакции сохранения собственного социального организма, которая, однако, на деле ведёт лишь ещё к большей деструкции и развалу.

Нельзя забывать, что численность мусульман в мире, возросшая с середины XX века почти вдвое, составляет сейчас порядка 20% от общего количества живущих на Земле людей и продолжает быстрыми темпами расти. Как следствие, усиливается демографическое давление мусульман на окрестные народы, растёт их миграция в немусульманские страны, где вновь прибывшие держатся за шариат как за надёжный защитный механизм от ассимиляции и растворения. В сущности, кризис мусульманского мира отчасти вызван и фактором быстрого увеличения численности его населения, которое сделалось возможным именно благодаря достижениям современной европейской медицины. А данные достижения, в свою очередь, стали доступны исламскому миру лишь во второй половине XX века, с образованием государств европеизированного светского образца, против которых и восстают религиозные ортодоксы.

Исламские фундаменталисты – непримиримые противники европейских идеологий национализма, социализма, либерализма как учений, противоречащих шариату. Но люди (в том числе и на нашем Северном Кавказе), видящие в исламской религии некую защиту от угроз современного мира, глубоко заблуждаются, думая, что религия поможет им справиться с глубоко социальными проблемами коррупции, безработицы, общественной атомизации, неустроенности в жизни. Цель ислама – сам ислам, то есть, неукоснительное поклонение верующих Аллаху, а не преодоление их жизненных невзгод. Поэтому, давая своим adeptам чёткие обоснования для низвержения нешариатских государств, ислам оставляет затем их перед лицом всё усугубляющегося кризиса общества, от которого они не знают никакого противоядия. Ренессанс исламского фундаментализма - лишь его первый, начальный этап.

Безусловно, кризисные процессы исламского мира весьма сложны и имеют массу нюансов, зависящих от той или иной страны. В Ливии этот кризис наложился на историческую вражду местных племён, в Нигерии или Судане – на этно-религиозное противостояние между мусульманским севером и христианским югом. Но сейчас нам важно другое: осознать их именно как кризисные и перестать забивать себе голову ничего на деле не

объясняющими, сугубо политическими заявлениями об «исламском возрождении» и «религиозной экспансии». Первыми, кто в действительности страдает от подобных явлений, являются сами жители мусульманских стран, значительное число которых находится в состоянии холодной и даже горячей гражданской войны.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
2. Андрунин А., Чернова И. Европейский миграционный тупик // Телеграфист. 2013. URL: http://ruskline.ru/opp/2013/4/29/evropejskij_migracionnyj_tupik/ (дата обращения: 10.03.2015).
3. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

УДК 261.8

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ И ЛОКАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.А. Колпакова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: nataliya-kolpakova@yandex.ru

В статье отмечается, что дисфункция социальных институтов является естественным «побочным эффектом» социальной трансформации; на уровне общества в целом явление дисфункции – необходимый элемент развития, при этом на уровне государства – это прямая угроза национальной безопасности. Рассматривается кризисное состояние института религии и его влияние на функционирование других социальных институтов. Автор приходит к выводу о необходимости социального мониторинга и анализа данных явлений с целью сохранения жизнеспособности системы государства.

Ключевые слова: дисфункция, социальные институты, государство, национальная безопасность, экстремизм.

DYSFUNCTIONAL CRISIS OF THE INSTITUTIONS OF RELIGION AND LOCAL THREATS TO NATIONAL SECURITY

N.A. Kolpakova

The article notes that dysfunction of social institutions is a natural “side effect” of social transformations. At the level of a society the dysfunction is an essential element of development, while at the state level it is a direct threat to national security. The author examines the critical state of the institutions of religion and the impact of the crisis on the functioning of other social institutions. It is concluded that there is a need for social monitoring and research of these phenomena in order to preserve the viability of the state.

Key words: dysfunction, social institutions, state, national security, extremism.

Религия характеризуется, как сложное социальное образование, смысл существования которого обуславливается потребностью общества в священном. Она включена в систему общественных отношений и порождается ими, рассматривается в качестве важного социального фактора, выполняющего вполне реальные функции в жизни общества [1, с. 453].

В общепринятом смысле, основой этого образования служат верования и действия, связанные с явлениями духовными, священными, но совсем не мирскими. Священное – это те стороны действительности, которые обособлены от сферы будничного и являются запретными. Мирское же – это те стороны социальной реальности, которые носят знакомый и повседневный характер.

Церковь, работая с широкими массами, должна находить с ними общий язык, поэтому она не порывает с земным порядком, а наоборот, принимает его и освящает. Отсюда и вытекает посюсторонняя позиция церкви, несмотря на ее доктринальный трансцендентализм. Это универсальная организация, стремящаяся охватить и подчинить своему авторитету всю жизнь человека. Церковь «рассматривает весь мирской порядок как средство и подступ к сверхмирской цели жизни и включает подлинную аскезу в свою структуру под сильным церковным руководством как момент в достижении этой цели» [2., с. 141].

Религиозное сообщество связано с миром сложными, можно сказать, противоречивыми отношениями. С одной стороны, религиозные институты работают в обществе, как стабилизирующий фактор, содействующий сохранению установленного социального порядка и тем самым укрепляющий положение властных структур. Но с другой стороны, религия может выступать и как фактор дестабилизации, так как в ней всегда присутствует высокий нравственный стандарт, сообщающий ей критический потенциал. Присутствие у религии критического потенциала в соединении с традиционным авторитетом консервативных религиозных институтов определяет ту важнейшую роль, которую церковь играет в обществе.

Социологи оценивают религию, как важный институт, способствующий социальной интеграции и солидарности. Конфликтологи же представляют религию, как орудие в руках правящих элит, которые применяют его для ослабления социального напряжения, порождаемого социальным неравенством и несправедливостью.

Мы не будем забывать о важных, положительно влияющих на общество, социальных функциях религии, но в данной статье мы рассмотрим ее разрушительную сторону. Тема статьи предусматривает ответы на следующие вопросы: 1 – в чем проявляются дисфункции религии? 2 – какова динамика и тенденции развития отношений между государством и религией?

Явление дисфункции неизбежны в любом обществе и проявляются в том, что социальный институт в той или иной степени прекращает действовать в гармонии с объективными потребностями и целями, ради которых он и создавался.

Церковь создавалась для решения важных мировоззренческих вопросов и установления высоких нравственных идеалов, но со временем стала заниматься образованием, экономической деятельностью (монастырское хозяйство), сохранением и передачей знаний, исследовательской работой (религиозные школы, гимназии и др.), покровительство.

Как сказано выше, взаимодействие с социальной средой является необходимым условием существования церкви. Этот процесс может протекать нормально, вместе с тем возможны и нарушения.

Происходящие в обществе процессы нередко меняют потребности индивидов, групп, слоев и классов общества, меняют, таким образом, и характер связи институтов с социальной средой. По причине этого может возникнуть ситуация, когда изменившиеся социальные потребности не найдут тождественного изменения в структуре и функциях соответствующих социальных институтов. В результате такого несоответствия в деятельности социального института и возникают явления дисфункций, которые могут сказываться как в сфере внешней, материальной, организационной структуры соответствующих учреждений, так и в характере, в предмете деятельности социального института. Внешне явления дисфункции могут заключаться в недостатке подготовленных кадров, материальных средств, в организационных недостатках и т.д. С содержательной точки зрения (что важнее) недостатки выражаются в неопределённости целей деятельности, в их нечеткой интерпретации, сковывающей деятельность института, двусмысленности функций, упадке социального престижа и авторитета данного института. В случае с церковью – это религиозная нетерпимость и фанатизм, которые приводят к войнам и многочисленным преследованиям иноверцев и атеистов.

Функции и дисфункции социальных институтов могут быть явными, если они открыто выражены, всеми осознаются, либо латентными, если они замаскированные и остаются бессознательными для участников социальной группы. В религии – это человеческие жертвы, самоистязания, связанные с фанатичными формами поклонения.

В современном демократическом государстве религиозные вероучения осуществляют роль регулятора нравственных ценностей в обществе, распространителя моральных принципов и устоев. «Религия задает иерархически построенную систему норм, которые определяют моральные позиции по отношению к миру» [3, с. 254]. Но как же быть с негативным влиянием религии на общество? Как государство должно поступить с ним?

Для многонациональной и многоконфессиональной России особую важность имеет сохранение паритетных отношений между различными этносами и религиями. Это становится более важным, так как наше общество столкнулось в последнее время с увеличениями национальных распрей, этнического эгоизма с использованием в той или иной мере религии националистическими, экстремистскими группировками в своих прагматических целях [4].

Нередко религиозный экстремизм – это возражение против непростых социально – экономических условий в том или ином регионе, против трудностей, вызванных непродуманными формами принятия рыночных отношений, резким расслоением общества. Для тех людей, которые не смогли приспособиться к новым социально-экономическим условиям, не могут осуществить свои возможности, рядовые конфликты на «бытовой почве» легко становятся возбудителем межнациональной розни.

Главную опасность представляют потенциальные столкновения между двумя наиболее крупными этно-конфессиональными группами, которые определяют цивилизационное своеобразие евразийской России – православно-христианской и мусульманской.

В Российской Федерации особенно актуальны проблемы, связанные с ростом экстремистской деятельности религиозных организаций двух особенно динамичных направлений.

С юга и юго- востока началась пропаганда исламского радикального фундаментализма, добивающегося расширения своего влияния не только в традиционно мусульманских регионах, но и на всей территории страны. Популяризация и применение насилия для достижения своих политических целей принимает религиозную форму. Религиозно-политический экстремизм таких движений в последние годы стал одной из главных угроз национальной безопасности нашего государства. Терроризм – это насилие группы людей по отношению к государству, как политическому субъекту [5, с. 35].

С другой стороны, не менее опасную урон национальной безопасности России может принести значительная часть так называемых «новых религиозных движений» (НРД) или синкретических религий «Нового века». Прибывшие в первую очередь из США и Западной Европы, они внедряют новую антироссийскую и антигосударственную идеологию.

Параллельно возникли и российские аналоги такого рода движений. Экстремистское крыло НРД представлено организациями, которые рекламируют отказ от традиционной морали, общественно важного труда и зачастую приводят к разрушению семей, причинению вреда физическому и психическому здоровью людей. Значительная часть таких религий имеет скрытую коммерческий уклон и действует по принципу сетевого маркетинга.

Описанные выше изменения доказывают необходимость формирования правильных подходов и действенных методов, обеспечивающих гарантию национальной безопасности России. Претворение в жизнь светского варианта государственно-конфессиональных отношений должно, во-первых, производиться с учетом неминуемости проявлений всей полноты как желательных, так и нежелательных последствий и, во-вторых, быть нацеленными на предвидение и максимальное снижение роли побочных негативных эффектов, связанных с дисфункциями религии. Последние – это неременная цена, которую общество и государство платят за сохранение мира и согласия, за гарантию равенства прав и свобод.

Государственно-конфессиональные отношения складываются (в общем виде и во всех частных областях) как следствие социального соглашения между субъектами этих отношений, частями общества, обладающими разными, подчас полярными религиозно-мировоззренческими убеждениями и пропорциональной им социальной практикой. Дискурсивное управление определяется, как процесс поддержания социальной системы в стабильности, осуществляемый посредством сотрудничества и согласования различных интересов [6, с. 43]. Государство призвано выполнять роль посредника и гаранта при достижении такого рода компромисса.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. Энгельс Ф. Соч. М., 1955. С. 7-544.
2. Трельч Э. Церковь и секта / Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М., 1994. Ч. 1.
3. Вебер М. Избранные произведения // Социология в текстах. Хрестоматия. М.: Прогресс, 1990.
4. Данилов С.А., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.

5. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
6. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.

УДК 111

О МНОГОАСПЕКТНОСТИ ПОНЯТИЯ ИСТИНЫ У АРИСТОТЕЛЯ

В.Г. Косыхин

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматривается классическая аристотелевская концепция истины как соответствия познания познаваемому предмету. В рамках этой концепции демонстрируется сложная структура истины как состоящая из логического, метафизического и каузального аспектов. Понятие истины выявляется через анализ взаимосвязи этих аспектов внутри целостной картины философии Аристотеля. Подчеркивается связь истины с категориями логики, с понятием сущности как единства материи и формы, с учением Аристотеля об уме и божественном уме. Выявляются значение учения о причинах и телеологии для понимания места истины в философии Аристотеля.

Ключевые слова: истина, сущность, ум, причина.

The article examines the classical Aristotelian concept of truth as the correspondence of knowledge knowable subject. Under this concept, the complex structure of the truth as consisting of logical, causal and metaphysical aspects is demonstrated. The concept of truth is revealed through analysis of the relationship of these aspects within a holistic picture of philosophy of Aristotle. The connection of truth with the categories of logic, the notion of essence as unity of matter and form, with the teachings of Aristotle about the mind and God's mind is emphasized. The meaning of the causal and teleological conceptions for understanding the place of truth in Aristotle's philosophy is identified.

Key words: truth, essence, mind, reason.

Аристотель известен как основоположник классической теории истины, которая формулируется очень четко в средневековом выражении *veritas est adaequatio intellectus et rei*, что означает: истина – есть соответствие мышления познаваемой им вещи. Или, в более широкой трактовке, когда вещь, познаваемая умом, и ум совпадают, т.е. ум не обманывается насчет вещи, перед нами имеет место истина.

Но конечно, это не отражает в полной мере всю интенцию мышления Аристотеля. Учение Аристотеля об истине и его теория истины более масштабны и глобальны. Приведенная формулировка отражает лишь один

из ее аспектов, хотя и принципиальный, ведь по нему можно судить об аристотелевском понятии истины, но все-таки нуждающийся в дополнительных уточнениях. Потому что «соответствие нашего мышления познаваемому предмету» лишь на первый взгляд звучит понятно и доступно, пока мы не зададимся вопросом, а что такое *rei* как та самая вещь, которую мы познаем, что такое ум, который эту вещь познает, и в чем состоит соответствие между ними. Когда мы зададимся подобным вопросом относительно значения *rei*, *intellectus*, и *adecvatio* в их латинской интерпретации, то тогда выйдем на проблематику более серьезную, глубинную проблематику учения Аристотеля об истине.

Латинская, а не греческая формулировка понятия истины взята нами за основу потому, что аристотелевское учение в средние века было кодифицировано, став ядром интерпретации мироздания в поздней схоластике. Со времен Фомы Аквинского, т.е. с XIII века аристотелизм становится господствующим философским мировоззрением в средневековой Европе, что в той или иной степени сохраняется до XVII века, когда он сменяется новым учением об истине, которое было сформулировано Декартом и его последователями. Но нас, в рамках данной статьи, интересует именно аристотелевская теория истины с ее тонкостями и проблемами.

Итак, поскольку речь идет о мышлении (*intellectus*), которое постигает истину, следует иметь в виду, что Аристотель создал учение об этом мышлении, о формах этого мышления, формальную логику. Поэтому под мышлением имеется в виду в первую очередь мышление, которое мыслит логически, по определенным правилам и законам. Аристотель сформулировал три закона формальной логики, учение о понятиях, суждениях, об умозаключениях, о силлогизмах. За две с половиной тысячи лет своего существования эта логика практически мало изменилась. Именно аристотелевская логика была тем фундаментом, на котором в дальнейшем были надстроены математические операции. И современная математическая логика, которая сегодня существует наряду с формальной, является определенным видоизменением логики аристотелевской.

Важным логическим свойством истины в теории Аристотеля является ее непротиворечивость. Это логический критерий истины: об одном и том же мы не можем сказать два взаимно противоречащих утверждения. Мы не можем сказать, что это телефон и слон одновременно и в одном и том же смысле, мы не можем сказать, что человек и есть, и нет. В данном случае, всегда нужно уточнять: либо А, либо Б, и третьего не дано. Либо одно, либо другое. Аристотель требует определенности суждения об истине. Истина для логики – это не что-то где-то туманное, она очень четко формально определена, постоянна, неизменна и подвержена определенным логическим критериям.

Помимо формального логического измерения, теория истины Аристотеля погружена в измерение содержательное – метафизическое. Для метафизического понимания истины характерна опора на неизменное, сохраняющееся, постоянное, вечное бытие. Истина в метафизике – это не то, что может изменяться. Когда мы считаем, что сегодня это так, а завтра будет иначе, мы имеем дело с чем угодно, но не с истиной. Истина всегда сохраняется неизменной. Как пишет Аристотель, «не имеет смысла судить об истине на том основании, что окружающие нас вещи явно изменяются и никогда не остаются в одном и том же состоянии. Ибо в поисках истины необходимо отправляться от того, что всегда находится в одном и том же состоянии и не подвергается никакому изменению» [1, с. 282]. То есть мы не говорим об истине, если думаем, что она будет меняться, мы не говорим об истине, если думаем, что она будет развиваться. Это так называемые метафизические критерии истинности. Для Аристотеля истина статична, она всегда остается доступной для познания. Статичное здесь понимается не в отрицательном смысле, а как утверждение неизменности истины. Ведь если мы считаем, что дважды два четыре верно только для нас, а для кого-то это не верно, либо мы считаем, что «дважды два четыре» верно сегодня, а завтра не верно, то это положение не может с точки зрения метафизического критерия претендовать на истину. Истинность – это то, что истинно всегда, везде и для всех. С этим вроде бы мог согласиться и Платон, но в данном случае Аристотель несколько модифицирует и мысль Платона. Вот что характерно для Аристотеля: истину мы должны искать там, где ничего не меняется, то есть не в бытии, но в мышлении.

И здесь возникает очень важный вопрос: каким же образом наш ум, который подвижен, пронизан временем, который живет и умирает, может постигать истину, которая вечна и неизменна? Ответ аристотелевской «Метафизики» состоит в выдвижении концепции бессмертного по своей природе ума. Аристотель, в отличие от Платона, у которого было учение о бессмертной душе, полагает, что душа в целом смертна, но бессмертен ум. Именно это свойство ума и позволяет ему усматривать вечные и неизменные истины. Вместе с тем было бы неправильно чрезмерно интеллектуализировать теорию познания у Аристотеля, который, в отличие от Платона, был все-таки не столько математиком, сколько эмпириком, и поэтому у него имелась тенденция гармонизировать соотношение разума и чувственного опыта. По Аристотелю, разум является последним критерием, последним, кто судит об истине, но, тем не менее, мы не должны, в отличие от того, что говорил Платон, полностью абстрагироваться от того, что нам говорят чувства. Мы должны опираться и на разум, и на чувства, и вот здесь Аристотель говорит, что та вещь (*rei*), о которой шла речь в приведенной в начале статьи формулировке истины, это единичная вещь. У Платона истина вещей пребывает как их общее понятие, идея, т.е. мы приближаемся к истине через проникновение в

идеальный мир общих понятий. Аристотель вместо идеи вводит понятия формы и сущности. Вещь (res) – относительно которой отсчитывается истина – это, по сути дела, либо то, что есть (ti esti) либо сущность (ousia). Мы говорим о сущности, когда мы мыслим предмет не таким, каким он был вчера или неделю назад, или каким он будет, а каким он есть всегда. Истина (aletheia) направлена на раскрытие сущности (ousia). Такая истина опирается на свойство разума собирать из множества частных не что единое. Истина открывается в логически правильно построенной речи как высказывание, раскрывающее сущность. Категория сущности у Аристотеля характеризует не вещи вообще, а конкретную индивидуальную вещь, которая обладает двумя качествами: материей и формой. Здесь Аристотель вводит еще один аспект в многомерное понятие истины: говоря об истине, мы говорим о единичной вещи (res) как о сущности, которая постигается через материю и форму.

По Аристотелю все, что есть (ti esti), состоит из единства двух вещей: материи (hyle) и формы (morphē), и, соответственно, его познание должно учитывать материальные и формальные критерии. Но что, по Аристотелю, представляет собой материя? Здесь не следует понимать, что материя – это просто нечто такое материальное, а форма – это то, что придает материи форму. Форма играет главную роль. Наш ум устроен так, что мы понимаем истину как единство формы и материи в настоящем времени. Форма (morphē), по Аристотелю, есть не что иное, как определение: то, чем является вещь. А материя (hyle) есть некая субстанция или среда, из которой эта вещь состоит. Но в данном случае, имеется в виду следующее: через определение вещи мы указываем на ее форму. Форма – это не что иное, как синоним сущности (ousia), в том виде как она дана в уме. Там форма и сущность есть одно и то же. Поэтому логика Аристотеля формальная. В своих построениях ум отвлекается от материи, действие ума формально. Чем отличаются действие тела от действия ума? Действия тела направлены на объекты, которые, собственно, материальные объекты, но ум, он всегда судит согласно формам, которые нематериальны.

Форма представляет собой некое описание сущности вещи. Когда я говорю, что, допустим телефон, является устройством для того-то и того-то, я указываю на его форму. Когда я говорю, человек – это то-то и то-то, я указываю его форму. Я не говорю, из чего состоит человек, я указываю его форму как сущность, данную в понятии «человек». В данном случае этот формальный критерий для Аристотеля чрезвычайно важен. Когда мы говорим об истине в пространстве логики, то в ней существует три формы мышления: понятие, суждение и умозаключение. Любое понятие – это форма, суждение – форма, и умозаключение – тоже форма. Знание в первую очередь имеет дело с понятиями. Если из головы убрать все понятия, о каком знании может идти речь? Тогда исчезнет всякое познание того, что есть (ti esti), исчезнет сущность (ousia), исчезнет определенность,

исчезнет любое представление о чем-то. Поэтому Аристотель и полагает, что нечто становится познаваемым лишь в понятии о нем. Понятие же есть не что иное, как форма, которая заключает в себе все самое существенное, что есть в предмете. Допустим, мы попытаемся понять, что такое лошадь или, что такое луна. В этом случае мы не имеем дело с восприятием ощущений луны или лошади. Наш ум оперирует чисто формальными понятиями. Когда мы делаем высказывания, суждения, они также обладают формальностью, но уже непосредственно связанной с истиной. Они либо соответствуют (*adaequatio*) ей, либо не соответствуют. В одном случае мы говорим, что это истинно, а в другом случае, что это ложно.

Хотя вроде бы мы говорим о познании отдельных вещей, тем не менее, в этих вещах мы постигаем их существенные свойства. На самом деле вне мира понятий мы и можем только сказать, что «это есть это». Но даже «это» – тоже понятие. Все, что мы знаем о мире, производится нашим умом (*intellectus*), который и производит формы. Эти формы помогают узреть сущность окружающей в материи и предстают в облике понятийного формального мира. Т.е. в принципе, мы вообще не можем понимать материю саму по себе, материя без формы – это «ничто» по Аристотелю. «Что-то» – это всегда форма, и все, что мы понимаем, тоже форма. Другое дело, что в нашем мире форма неразрывно связана с материей. В мире всегда есть «что-то» и это «что-то» из чего-то состоит. Аристотель скажет, что в том настоящем времени, где мы постоянно себя обнаруживаем, есть две причины: материальная (из чего состоит), и формальная (что это такое). Всякий раз, когда мы отвечаем на вопрос, что это такое, мы стремимся обнаружить некую истину. Но этого мало, потому что необходимо еще знать не только, что это такое, но и из чего это состоит. Этим, по Аристотелю, и отличается наш интеллект от интеллекта бога. Бог познает только формы, а мы познаем формы в материи. Чистый интеллект – это форма, поэтому Аристотель определяет Бога – как «форму форм», форму, которая познает другие формы. Только Бог вообще не познает материю. По Аристотелю, он познает только формы, и потому знает сущность каждой вещи. Это объясняется тем, что изменчива только материя, а форма неизменна. Бог знает человека как форму, а мы способность нашего формообразующего ума направляем на познание материальных объектов, т.е. мы познаем через форму, но воспринимается она как единая с материей. Хотя интеллект и работает с чистыми формами, но у нас он направлен на соединение формы и материи.

Подобное соединение далеко не случайно. Согласно Аристотелю человек, собственно, есть существо, которое определено к познанию и постижению истины. Как существа познающие, мы не можем не познавать. Как скажет Аристотель в начале «Метафизики»: «доказательство тому – влечение к новым восприятиям: ведь независимо от того, есть ли от них польза или нет, их ценят ради них самих»[1, с. 65].

Ребенок получает знания, осваивая новые впечатления. Человек не может сказать, что, к примеру, с завтрашнего дня он не будет ничего познавать. Общаясь с друзьями, говоря с кем-то, читая книгу, он осуществляет познание. Но познание всегда нацелено на истину. Наш разум устроен так, что он познает в первую очередь истину. Поэтому в некотором плане, говорит Аристотель, «исследовать истину в одном отношении трудно, в другом легко» [1, с. 94]. Легко, когда мы не задумываемся над основными вопросами, а трудно, когда мы начинаем исследовать истину во всей полноте.

Полное знание по Аристотелю – это знание четырех причин. Помимо настоящего времени есть также прошлое и будущее. Истина есть всегда, не только в настоящем, а она есть в прошлом и она будет в будущем. Неверно считать, что вчера истины не было, а потом истина появилась. И неверно считать, что истины нет сегодня, но обязательно будет завтра, ведь возникнет вопрос: «Откуда она возьмется?» Истина есть всегда, но не всегда мы ее знаем. Не всегда наш ум (*intellectus*) находится в состоянии соответствия (*adaequatio*) с той вещью, на которую он направлен.

Познавать истину означает также приводить свой интеллект в состояние соответствия (*adaequatio*), то есть становиться адекватными той сущности, которой мы являемся. Сущностью ума, познающего истину. Но более того, это означает необходимость выйти за пределы своего рода «самообмана чувств». Истина у Аристотеля имеет чисто интеллектуальный характер. Истина постигается, по большому счету, только умом. Но она должна находить подтверждение при помощи чувственного опыта. В этом состоит основное различие учения об истине у Аристотеля и у Платона. По Платону для начального постижения истины необходим ум в своей чистой стихии – идеальности. Но сама истина, по Платону есть то, что превышает ум, ум – это еще не вся истина. Аристотель, наоборот, связывает истину исключительно с умом. Истина есть результат логических построений и доказательств ума. Для того, чтобы удостовериться в истине, необходимо, с одной стороны, соблюдать правила и законы логики, а с другой стороны, следить, чтобы высказывания логики соответствовали сущности познаваемой вещи, которая является единством материи и формы, т.е. соответствовали реальному положению дел.

Аристотель говорит, что, мы можем говорить об истине в двух смыслах: относительной (когда складываются разные мнения о ней в истории мысли) и абсолютной (которая от мнений не зависит, являясь истиной самой по себе). Абсолютная истина связана с полным познанием при помощи ума истинного положения дел.

Помимо логической непротиворечивости и метафизического постоянства сущности, независимого от изменений и познаваемого умом, у Аристотеля есть еще один важный аспект в его учении об истине. Как уже было сказано, мы не знаем истины не зная причины того или иного

положения дел. Причин, по Аристотелю, может быть всего четыре, как я уже сказал. Это связанные с настоящим временем формальная и материальная причины. С прошедшим положением дел связана действующая причина, когда мы знаем «откуда это взялось?». И, наконец, последняя и главная причина – это целевая, отвечающая на вопрос «зачем это нужно?». Вот поэтому концепция истины у Аристотеля может быть названа телеологической.

Аристотель определяет философию как знание об истине. Потому что истина – есть цель любого умозрительного знания. А знание философское есть знание первых причин всего, что существует. Вот эти первые причины и образуют область истины как сферу исследования философии.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., «Мысль» 1976. 550 с.

УДК 241

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

А.С. Кривенко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: aleksandr-krivenko00@rambler.ru

В представленной статье автор анализирует современные социологические теории религии. В статье описаны две ключевые теории: теория секуляризации; теория рационального выбора. Также, в конце статьи автор проводит сравнительный анализ двух теорий и делает вывод об их актуальности и применимости к современному обществу.

Ключевые слова: общество, секуляризация, теория рационального выбора, трансформация религии, социальные процессы.

SOCIAL CONSEQUENCES OF THE RELIGIOUS WORLDVIEW

A.S. Krivenko

In the present article, the author analyzes the contemporary sociological theories of religion. This article describes two major theories: the theory of secularization; the rational choice theory. Also, at the end of the article the author conducts a comparative analysis two theories and concludes that their relevance and applicability to modern society.

Key words: society, secularization, the rational choice theory, the transformation of religion, social processes.

На сегодняшний день несомненным является тот факт, что любая религия имеет под собой социальные предпосылки, влияющие на религиозный генезис, а также социальные следствия, ведущие к динамике и трансформации социума. Подходы, которые существуют в социологии религии на сегодняшний день можно структурировать и свести к двум основным теориям, рассматривающим проблему трансформации религии и религиозных обществ. Для начала стоит обратиться к теории секуляризации, ее поддерживали ряд основных социологов XIX века, прежде всего К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм.

Отношение К. Маркса к религии состоит из двух основных элементов. Во-первых, К. Маркс писал, что форма и сущность религии зависит от социальных и еще более от экономических отношений, которые составляют базу для анализа общества. Во-вторых, религия – это форма отчуждения, показатель неправильного развития общества, маска, под которой скрывается эксплуататорская сущность капиталистического строя [1, с. 55-56]. Важно отметить, что с точки зрения К. Маркса, религию невозможно понять отдельно от того общества, в котором она существует.

Для веберовского понимания религии центральной является идея, что эта часть человеческой жизни является чем-то «другим», отличным от мира и общества. Подобное понимание религии имеет три следствия. Первое состоит в том, что взаимоотношения общества и религии, как одной из его подсистем, являются непредсказуемыми: как именно они будут развиваться, зависит от конкретного времени и места. Второе – эти взаимоотношения можно рассматривать только в их историческом и культурном своеобразии. Третье – эти взаимоотношения развиваются в определенном направлении, поскольку в современных обществах границы между религиозной подсистемой и другими подсистемами постепенно стираются. Кроме того, М. Вебер был заинтересован в том, каким образом методы рационального мышления стали доминировать в современной жизни. В своих работах он соотнес такое развитие мышления с так называемым «духом капитализма».

Подход Э. Дюркгейма к проблеме религии кардинально отличается от подхода М. Вебера. Для Э. Дюркгейма важно то, что религия делает, или, иначе говоря, та функция, которую выполняет религия в обществе. Эта функция состоит, прежде всего, в объединении людей в единое целое, поэтому пока существует общество, будет существовать и религия [2, с. 41-42]. Кроме того, из работ Э. Дюркгейма понятно, что религия, по его мнению, не представляет собой ничего кроме символического выражения социального опыта людей, и поэтому ее внешнее выражение – только иллюзия. Главный компонент религии по Дюркгейму не ее догматическая связь, а практическая религиозная деятельность, выражающаяся в коллективном исполнении обрядов. Выражая определенные общественные потребности, религия выполняет

необходимые общественные функции. Такая позиция французского социолога не может остаться без внимания, так как Эмиль Дюркгейм минимизирует роль Бога, выводя на первый план структурно-функциональные особенности религиозных обрядов и ритуалов. Данный подход может показаться ограниченным ввиду своей узкой направленности исключительно на сферу внутриобщинного взаимодействия индивидов, но именно этот метод способствовал созданию новой парадигмы, где интегрирующая функция религии выходит на первый план.

Эти три позиции, на наш взгляд, очерчивали спектр проблем западной социологии религии первой половины XX века. Под влиянием именно этих авторов сформировалась определенная парадигма, решительно повлиявшая на дальнейшее развитие социологии религии. Теория секуляризации на долгие годы вперед определила вектор изучения проблемы взаимовлияния религии и общества.

Обращаясь к современным исследованиям данной проблематики, мы вплотную приближаемся к концепции под названием «Теория рационального выбора». Одним из предвестников данной теории является шотландский экономист и философ Алан Смит. Именно он впервые утверждал о том, что эгоизм так же мотивирует церковнослужителей, как и светских людей, что рынок принуждает церкви вести себя так же, как светские компании; и что выгоды от конкуренции, бремя монополий и опасность государственного регулирования сказываются на религии, как и на любом другом секторе экономики.

Сама теория в наиболее общем виде изложена в книге Родни Старка и Вильяма Бейнбриджа «Теория религии». В основе теории рационального выбора лежит аналогия религии как системы отношений с рынком. Религиозный рынок затрагивает обмен основными сверхъестественными объяснениями «компенсаторами»: обещаниями будущего воздаяния и сверхъестественными объяснениями событий жизни и их значений, а религиозные организации являются фирмами, производящими религиозные ценности. Кроме того, достаточно большую роль в рассматриваемой теории играет концепция Лоренса Яннаконе о «религиозном капитале» человека. Согласно ей, соучастие человека в религиозной жизни формирует у него определенный религиозный капитал, который представляет собой знакомство человека с религиозными доктринами и ритуалами, и используется для создания религиозных ценностей в будущих религиозных коллективных действиях.

В качестве общего примера того, как работает модель рационального выбора, в книге Финка и Старка приводится изменение религиозной ситуации в Латинской Америке. В течение четырех столетий католическая церковь в этом регионе получала от государства финансовую и законодательную поддержку, благодаря чему распространила свое влияние

на многие социальные институты. Но к концу XIX века во многих республиках появились реформаторские движения. Это способствовало появлению новых церквей, хотя католицизм все еще оставался основной силой. К 30-м годам XX века в Латинской Америке увеличивается число объединений евангельских христиан-баптистов, а лидерство католической церкви постепенно сходит на нет, как и ее государственная поддержка. В результате такой конкуренции церкви стали прибегать к агрессивным маркетинговым ходам для привлечения неопитов. И, чем больше в обществе становилось баптистов, тем более активно католическая церковь включалась в конкурентную борьбу.

Таким образом, сравнивая две теории, мы можем говорить о нескольких основных отличиях. Теория рационального выбора считает религию не эпифеноменом, реальные основания которого должны быть вскрыты, а феноменом, который действует сам по себе [3, с. 60-62]. Если теория секуляризации определяла религию как опиум народа, то новая теория указывает на то, что религия часто бывает мощной побудительной силой, вдохновляющей многих людей. Вместо того чтобы связывать религию с иррациональными когнитивными процессами, новая парадигма говорит о религии как о рациональном, инструментальном и, в некоторой степени, научном мышлении. В противоположность теории секуляризации, концепция рационального выбора настаивает на том, что отсутствие государственной регуляции в вопросах церкви и увеличение конкуренции увеличивает религиозную активность. Наконец, не признавая современного упадка спроса на религию, новая парадигма пытается объяснить религиозную жизнь, исходя из экономического предложения.

Однако же, говорить об универсальности или полноценной состоятельности той или иной парадигмы не приходится. Теория секуляризации на протяжении почти сорока лет получает критическую оценку со стороны ведущих социологов, философов и политологов по всему миру. Особенно обоснованными эти претензии стали выглядеть с начала XXI века, когда научное сообщество стало напрямую заявлять о религиозном возрождении и включило в научный обиход такие термины как «Десекуляризация» и «Религиозный ренессанс» [4, с. 7-12].

Одной из основных слабостей модели рационального выбора считается использование теории компенсаторов. Сами же компенсаторы, согласно данной парадигме, это не только то, на что люди готовы тратить, получая что-либо взамен; это также и некое обещание будущего вознаграждения, и объяснения того, чем оно может обеспечиваться. Но если мы рассмотрим этот тезис с другой стороны, то получится, что, будучи не в состоянии получить вознаграждение сейчас, мы скорее примем простые обещания о компенсации в будущем, чем объяснения, что мы можем получить вознаграждение сейчас, но следуя необходимым инструкциям. Под таким углом зрения утверждение о компенсации

предстает избыточным и обманчивым. Так же не просто дело обстоит и с концепцией вознаграждений. Стив Брюс, изучая эту теорию, заявлял о ее чрезмерной материалистичности, поскольку она предполагает, что религиозные обещания не могут быть желанными, если только им нет какого-либо осязаемого заменителя. Получается, что для теоретиков данной парадигмы религия представляется ложной по существу, и может существовать только как компенсация чего-то недостижимого.

Современная эпоха глобализации дает понять, что к изучению процессов взаимодействия между религией и социумом следует подходить комплексно. Кроме того, не стоит забывать, что на протяжении многих веков именно религии принадлежала сама идея глобального. Наконец, в религии стали происходить процессы, удивительно напоминающие глобальные экономические и финансовые тенденции. Это стимулировало осмысление глобализации как комплексного, а не сугубо политико-экономического явления, как зачастую полагали до конца 90-х гг. XX века [5, с. 20-27]. То есть религию нельзя выключать из списка институтов участвующих в глобализационных процессах современности. Религию необходимо рассматривать не отдельно от этих институтов, но сквозь призму их взаимодействия, а также влияния на современное состояние социума, государства, политики и экономики.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. О религии. М.: 1955. С. 55-56.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 41-42.
3. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ. 2003. С. 60-62.
4. Руткевич Е.Д. Изменение мира и десекуляризация Запада // Россия в современном диалоге цивилизаций. М.: Культурная революция. 2008. С. 7-12.
5. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.
6. Орлов М.О. Категориальный анализ энергичных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.
7. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
8. Spicard J.V. 1998. Rethinking religious social action: What's rational about rational choice theory // URL: <http://www.findarticles.com/SociologyofReligion/Summer> (дата обращения: 20.12.2014).

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ (КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ, ЗЕМНОМ И НЕБЕСНОМ)

О.Ю. Крючкова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sarteorlingv@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности концептуализации представлений о жизни и смерти, земном и небесном в традиционной народной культуре, показана тесная связь этих понятий с религиозным знанием носителей традиционной культуры.

Ключевые слова: концепт, религия, традиционная народная культура.

ROLE OF RELIGIOUS KNOWLEDGE IN TRADITIONAL FOLK'S CULTURE (CONCEPTUALIZATION OF NOTIONS OF LIFE AND DEATH, EARTHLY AND HEAVENLY)

O.Ju. Kryuchkova

The article deals with the peculiarities of conceptualization of notions of life and death, earthly and heavenly in traditional folk's culture. It also shows the close connection of these notions to the religious knowledge of traditional culture's bearers.

Key words: concept, religion, traditional folk's culture.

Надежным источником изучения русского традиционного сознания является речь носителей народной сельской культуры, «обыденное речевое поведение носителей языка», которое, как справедливо отмечает Е.Ф. Тарасов, представляет собой один из наиболее удобных каналов доступа к сознанию людей [1, с. 69]. Наше исследование проведено на материале мультимедийного диалектологического корпуса (СарДК), создаваемого в Центре изучения народно-речевой культуры им. проф. Л.И. Баранниковой Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Корпус включает тексты, записанные от диалектоносителей, в виде аудио- или видеозаписей, их текстовых расшифровок, специально обработанных (размеченных) для лингвистических целей текстовых модулей [2]. Наличие в корпусе значительных по объему целостных речевых произведений позволяет анализировать в том числе тематическую организацию речи носителей традиционной народной культуры, выявлять характер репрезентации конкретных тем, проводить содержательный анализ соответствующих текстовых фрагментов, т.е. делает корпус не собственно лингвистическим,

но лингвокультурологическим ресурсом, представляющим интерес многих гуманитарных отраслей.

Цель данной статьи – показать особенности концептуализации представлений о жизни и смерти, земном и небесном в традиционной народной культуре, тесную связь этих понятий с религиозным знанием носителей традиционной культуры. Наше исследование проведено на материале текстового массива одного из подкорпусов СарДК – подкорпуса текстов, записанных в 1990-х – 2000-х гг. от пожилых жителей с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области.

Обращение к материалам именно этого подкорпуса не случайно. Специфика духовной и речевой культуры с. Белогорное связана с историей села, обусловлена исторически сложившейся в нем лингвокультурной ситуацией. История поселения на территории нынешнего Белогорного ведет свое начало с середины XVII в., времени, когда в приволжские земли бежали не согласные с церковной реформой патриарха Никона староверы поморского согласия. Первоначальное название села – Самодуровка – отражает, согласно бытующей легенде, акт самовольного («самодуром»), не санкционированного властью заселения территории. Население Самодуровки сформировалось из скрывшихся там от преследований староверов (считают, что Самодуровка стала ядром поморства в Хвалынском уезде) и из другого беглого люда, по разным причинам прибывавшего в Поволжье в поисках лучшей доли [3-5]. Таким образом, жителями Самодуровки стали люди, придерживающиеся различных толков православия – старообрядцы и последователи официальной церкви.

Особенности культурной ситуации в с. Белогорное обусловили, во-первых, активное обсуждение тем, связанных с религией. Исследование тематической организации говора с. Белогорное показывает высокую частотность и лексическое разнообразие единиц тематической группы «Религия» [5]. В текстах подкорпуса содержатся упоминания и рассуждения о Боге, христианских святых, православных праздниках и знаменательных датах церковного календаря, о церковных службах и обрядах, сочинениях религиозного содержания, о религиозных деятелях, религиозных направлениях и иноверцах, отражены элементы христианской мифологии. Во-вторых, некоторые общекультурные концепты, как показывают материалы подкорпуса с. Белогорное, получают выраженную религиозную окраску, среди них – представления о жизни и смерти, земном и небесном. Соответствующие знания не только охотно воспроизводятся, обсуждаются, но и активно пропагандируются в общении с представителями иного культурного круга.

Рассказы сельских жителей старшего возраста показывают, что жизнь и смерть, земное и небесное осмысляются носителями традиционной народной культуры в соответствии с христианским мировоззрением не как

противопоставленные, отдельные сущности, а как единство противоположностей, различные формы продолжающегося бытия.

Жизнь земная и жизнь небесная, переход в мир иной неразрывно связаны между собой, и эта связь извечна, определена Богом. Считается, что большую роль в жизни человека играют ангелы-хранители, которых от рождения Бог приставляет к каждому человеку: *ангел приставлен от рождения и сдаст/ как умрём/ Богу*. Носители народной традиции считают, что не только человек, но и каждый элемент природы имеет своего ангела: *они слуги Иисус Христосу, ангелы-то// <...> ангел света/ ангел воды/ ангел ветра/ у каждого... у каждого растения свой ангел/ у каждого дерева/ у каждого человека// всё/ у всех приставлены ангелы*. Святой небесной силой, не видимой для человека, пронизано, по мнению носителей народной традиции, всё в окружающей природе: *все святые/ они всё/ всё слышат/ чё о них говорят// они вот просто вот в воздухе/ но нам не дано видеть это// нам это не дано видеть*.

Смерть, как и вообще все повороты судьбы, по убеждению сельчан старшего поколения, посылается Богом. Нередко это кара за греховность земной жизни, прежде всего, расплата за грех неверия. Бог, считают носители традиционной культуры, строго наблюдает за происходящим в земной жизни и жестоко наказывает за неверие, за любые отступления от предписанных им раз и навсегда правил морали и поведения, в том числе за неверное исполнение религиозных ритуалов. Ср.: *ну/ пойдём Юра в церковь// он говорит/ а я в Бога не верю// а у него/ раз вот/ и сынок-то утонул// вот тебе и в Бога не верю*.

...у меня у сына выходила [замуж] вот старша дочь/ <...> и я там участвовал/ они как сидели этак вот молодые-ти/ я им говорю/ выходите/ вот/ круг сделайте/ <...> кругом обойдите/ <...> остановитесь над образами и будете класть три поклона/ и прощаться/ и уходите// а они нет/ на своём поставили/ так он вон... дружка там какой-то нашёлси/ парень/ его Господь вот не пожалел/ он помер.../ какой-то случай с ним произошёл/ да/ не потерпел Господь/ он/ нет/ я поверну по-своему;

...кто ругнется в Бога/ или в Духа Святого/ того/ говорит/ не прощу никогда!;

родителей почитайте// почитайте родителей// за непочтение родителей накажу/ говорит/ пятой// Господь так пишет.

Религиозная мотивировка смерти соединяется в сознании носителей традиционной культуры с народно-мифологической. Смерть, посылаемая Богом, предвещается особыми приметами: «пол трещит», «свечки секутся». Ср.: *мы молились <...> у одной старушки години пять лет справляли/ <...> я слышу пол трещит треск/ треск/ треск/ мы стоим спокойно/ а пол трещит// <...> я говорю/ покойник будет// и сразу два покойника.../ обпились-то которые//свечки секутся/ тоже... <...> вот это примета сразу/ всё/ покойник будет*.

Сама по себе смерть, по убеждениям носителей традиционной культуры, – не самая тяжкая кара за греховную жизнь и неверие. Главное наказание – бытие грешника после смерти, то, как сложится его вечная жизнь в мире ином. Ср.:

это как мытарства будем проходить/ женщина подходит// подвели ее значит <...> ангелы подвели к Богу/ пред божьему престолу// вот Господь ее спрашивает/ на земле жила?/ жила/ беззаконье творила?/ творила Господи// ещё беззаконье-то ладно// а еще людя'м говорила что Бога нет// иди говорит/ в муку вечную бесконечную// вот так// <...> кто ругнется в Бога/ или в Духа Святого/ того/ говорит/ не прощу никогда!

...гляжу/ идут/ в одних трусах [шортах]/ да батюшки/ да что уж это! девушка!.. <...> а то женщина! имеет двух детей/ сын/ дочь/ и она эдак идёт/ а? срамба! разве Бог там будет терпеть? он сказал/ буду мучить до конца/ а подойдёт времябез конца!// вот// – Ну неужели он такой жестокий? – Очень// очень// потому что мы такие жестоки стали// к нему// к нему// молодёжь/ заставь вот сейчас начало положить/ три поклона положить? ни один не положит.

Весте с тем сельские жители старшего возраста твердо верят в возможность заслужить на земле благоденствие в жизни вечной, потому что Бог милостив и щедро воздает людям за творимое ими добро и веру. Ср.: *самое главное/ девчонки/ креститесь// и то будет спасение// да ещё спасенье какое/ до 7-го колена// детя'м Господь счастье даст/ и внукам/ и правнукам;*

везде молиться надо// Господь/ Господь простит/ если будет кто Бога просить и молиться/ всё равно/ Господь простит// он многомилостив// он всем прощает/ кто его просит;

а то одна-то молилась женщина Василию Блаженному// а когда умерла бесы хватают душу// вот ступеньки-те/ мытарства проходят// и она/ на одной ступеньке/ её задержана/ бесы душу хватают// а Василий Блаженный подошёл и говорит/ вот мешочек// её здесь слезы/ её молитвы// и сатана-то ушёл/ а она пошла выше.

В сознании носителей народной традиции нравственное и безнравственное, истинное и неистинное обязательно связаны с соблюдением божественных заповедей, следованием канонам Священного Писания. Эта связь находит отражение и в лексической системе говора: производные слова с корнем *-бог-* используются со значениями морально-этического плана. Ср.: *по-божьи* ('нравственно, истинно'), *безбожество* ('безнравственность'), *божество* ('соответствие Писанию; соответствие нравственному закону').

Но, как предостерегают сельчане, милость и прощение Бога к своим земным чадам всё же не безграничны: *...Господь тоже терпит/ терпит/ да и с рук-то бросает.*

Необходимость постоянного служения Богу, строгого следования предписанным им правилам поведения (*что бы ни случилось/ а Бога не забывают<...> в душе держите*) сочетается у верующих с осознанием ответственности самого человека за свою жизнь, причем последнее приравнивается по своей значимости к евангельской заповеди, ср.: *... вот там тоже написано/ на Бога надейся/ а сам не плошай.*

Традиционной народной культуре свойственно глубокое осознание того, что каждое доброе дело на земле важно не только здесь и сейчас, но имеет большую ценность для будущей вечной жизни после смерти. Ср.: *весной они [цыгане] пришли/ бабушка/ пусти нас// да/ пожалуйста// весной/ ноги у всех сырые// я им воды нагрела// ну/ что// Господь зачтет// ну/ я все равно милость им сделала;*

будет спасен тот/кто хотя лампадку зажжет/ или ладан зажжет/ или стакан воды с хлебом/ по своим средства'м подаст// или лучше всего/ вот/ подать маленьким детям/ или в садик/ или лапши купил/ крупы купил.

Евангельские заповеди сотворения добра и терпения рассматриваются в традиционной народной культуре как непреложная норма человеческого поведения. Ср.: *...мир создан для этого/ чтобы творить благо;*

милостыню обязательно какую-нибудь надо// пусть ты кусок хлеба подала или... или милость какую/ или больного посетила/ или ноги намыла может быть/ больному какому// <...> это есть/ это есть// это было и будет/ потому что все в Писании писано/ вот;

за обидевшего нужно молиться// обидел/ за него надо молиться// потому что Господь все терпел;

терпение надо/ везде терпение.

Божественная сила, божья помощь проявляется, по мнению верующих жителей села, в их повседневной жизни – в трудных ситуациях, в избавлении от болезней: *вот в лесу я заплуталась <...> и я не знаю куда идти <...> стала Бога просить/ Господи/ святитель Христов/ отче Никола/ помоги мне выйти-то// и гляжу/ дедушка идёт;*

дедушка вон у меня лежал... вот лег на голландку/ таблетку выпил и говорит/ бабушка/ что-то у меня это... в роту-то/ как заноза <...> а я говорю <...> читай “Отче наш”!!! почитал “Отче наш” один раз и говорит/ бабушка/ она у меня заноза-то под языком// ещё раз читает// три раза прочитал/ говорит/ бабушка/ ее у меня теперь-то и нету.

Таким образом, вся земная бытовая повседневность осознается сквозь призму будущего, иного бытия; настоящая, земная жизнь и будущая, жизнь после смерти образуют в сознании носителей традиционной культуры неразрывное единство.

Вера в то, что смерть не конечный пункт бытия и продолжение этого пути в мире ином определяется самим человеком в его земной жизни, формирует особое восприятие смерти. Событие смерти лишено

трагической, наводящей ужас окраски, представление о смерти может вызывать даже положительные эмоции:

вот сон мне приснился/ умру 12-го числа// а 12-й день/ знаете девчонки/ какой хороший день!!! <...> и вот там/ значит/ описано/ каждое 12-тое число месяца архангел Михаил вынимает души грешников из озера серного// мы все туды будем проходить <...> ну?/ что заслужили.

Мир небесный, в который переселяется душа после смерти, в народном представлении – мир высший, недоступный, неподвластный человеку и вместе с тем мир не чуждый ему. В этом мире есть великие заступники живущих – святые, особое место среди которых занимают глубоко почитаемые и вместе с тем «свои», «очеловеченные» Богородица и Николай Чудотворец.

Богородица особенно близка народному сознанию, потому что в ней воплощена очевидная связь земного и небесного, она – и наделенная величайшей силой царица небесная, и жившая на земле женщина-мать, самая святая из всех земных, претерпевшая в земной жизни невиданные страдания: *святейшая всех святых// всех святее херувимов и серафимов// всех святее она// потому что Господь вселил Святого Духа//<...> на земле не было святых людей// Духа-то не в кого вселить/ а она/ вот видишь...;*

...Богородица-то// уснула под деревом/ и снится/ сыночка ведут/ на распятье/ а на голове-ти терновый венок/ а она пла-ачет// она мать/ ей жалко/ а когда вели Иисуса Христа-то/ а у него белье как/ везде кровь// живого места нигде не было// вся шкура полопалась// и вот где встанет/ след-то/ а Богородицу тащат под руки/ ноги-те по земле волочатся// она каждый здесь след Иисуса Христа/ и каждый следочек оплакала/ целовала-то мать// то-то матери жалко.

Огромная чудотворная сила приписывается народным сознанием и Николаю Чудотворцу: *Николай Чудотворец/ он угодник божий по всей земле; Миколай Чудотворец/ это вообще/ во всю землю!!! о-о-о/ во всю землю!* Обладая необыкновенной, непостижимой человеку небесной властью святой остается близким, «своим» для каждого ведущего праведную жизнь и нуждающегося в помощи. Включение святого в личную сферу носителей традиционной культуры подчеркивается использованием народного варианта имени – Микола. Номинация же Чудотворец, ставшая частью собственного наименования святого, не потеряла для носителей традиционной культуры своей внутренней формы, о чем свидетельствует ее предикативное употребление: *...ложишься спать/ за спаньем молись// Господи/ Микола милосливый/ спаси и сохрани от злых и ненавистных/ три поклона// помолилась/ и легла... – А почему именно Микола? – А Микола/ она чудотворец/ дочка// поняла?*

Являясь главными небесными заступниками людей, и Николай Чудотворец, и Богородица отворачиваются, однако, от неверующих и

грешных, не помогают им в послеземной жизни. Ср.: [из рассказа о грешной женщине, представшей пред судом божьим] ...а она говорит/ а в стороне/ говорит/ стоит Миколай Чудотворец/ угодник божий/ а я/ говорит/ на лестнице сороковой стою/ стою и прошу/ Миколай Чудотворец/ подай мне руку помощи!!! а он/ говорит/ и не глядит на меня// потому что не молилась/ ничего// <...>а Богородица-то идет по бережку/ а мы в аду/ оттудова/ матушка/ владычица/ чай помочи-то перста нам!!! пить хотят все// а от неё-то сияет... Богородица-то/ она и говорит/ на земле-те/ говорит/ жили/ меня не вспоминали!!! теперь просите родственников/ чтоб они об вас помолвились.

Связь с миром живых не прерывается, по глубокому убеждению носителей традиционной народной культуры, после смерти человека. Оставшиеся в земной жизни родные и близкие могут своими молитвами облегчить участь перешедшего в иной мир. Ср. в предыдущем фрагменте: теперь просите родственников/ чтоб они об вас помолвились. Ср. также: когда человек умер/ и поют/ вот просят Бога/ кого Господь пошлет на помощь-то/ вот душу-то/ или ангела/ или архангела/ или сам сойдешь/ владыко/ или всех святых.

Неразрывная связь между живыми и умершими устанавливается посредством специального обряда поминовения умерших. Значимость этого обряда чрезвычайно велика в народной культуре. Ритуал поминовения умерших объединяет разные поколения сельчан (ср.: А молодежь ходит [в церковь]? – Ходит// <...>это уж родителей поминают// все стараются помянуть), носит глубоко личностный и воспитывающий характер: «церковные» поминают умерших родственников, посещая в субботу церковь и ставя свечи за упокой их душ, в обряд поминовения входит обычай печь пироги и угощать ими односельчан: родительское вот придёт/ тоже мы так вот на родительское// не магазинное мы купим/ а <...> сами испекём/ по родителей/ понимаешь подаём/ по родителей// своё домашнее надо всё/ подавать// зашла в церковь/ <...> царство небесное моим родителям/ бабушке там/ дедушке/ прадедушке там//вот// зашла в церковь/ поставила свечку...

Различия в отправлении обряда поминовения усопших, имеющиеся между проживающими в с. Белогорное приверженцами официальной церкви и старообрядцами, не устраняют принципиальной общности его культурно-нравственного содержания – сохранение постоянной духовной и душевной связи с ушедшими в мир иной. Обряд родительского поминовения в народной культуре служит важным звеном в концептуализации «царства небесного» как пространства не чуждого, не враждебного тем, кто еще продолжает свой земной путь, пространства, населенного покинувшими этот мир близкими и любимыми. Тем более, что переход в «царство небесное» уравнивает людей, устраняет их земное

разобшение: *все <...> и князи/ и убогие/ и нищие/ все пойдут в равном достоинстве/ все в землю пойдут// перед престолом божьим будут.*

Христианские концепты, эмоционально интериоризованные народным сознанием, устанавливают тесную связь между двумя мирами бытия человека – земным и небесным. Глубокая включенность христианского знания в личную сферу носителей традиционной народной культуры, в сферу их повседневной жизни в значительной мере нейтрализует противопоставленность жизни и смерти, земного и небесного по принципу «свой» – «чужой», определяет концептуализацию этих понятий как двух взаимосвязанных форм человеческого бытия.

Библиографический список

1. Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. №4. С. 69-73.
2. См.: Крючкова О.Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2007. Т. 7. Вып. 1. С. 30-34.
3. См.: Бибикова М.Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII – XIX веков // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 186-189.
4. См.: Быстров С.И. Поморское согласие в Саратовском крае. Саратов, 1923. 26 с.
5. См.: История с. Самодуровки по воспоминаниям Е.И. Круглова. Дооктябрьский период (апрель 1963 г.). Материал из фонда Вольского краеведческого музея. Ф. 4, Д. 233. С. 1-6.
6. Буранова А.И. Тематическая организация диалектной речи: количественный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 3. С. 35-38.

УДК 316.3

ВОПРОС ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПОЛЬШИ КАК ЛИЧНОСТИ БОЖЬЕЙ ВРАЗУМЛЕНИЕМ БОЖЬИМИ ИСТИНАМИ И ПРЕДАНИЯМИ СВЯТЫХ ОТЦОВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Р.Б. Куликовская-Павловски

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: raissa@t-online.de

Статья посвящена вопросу кризиса ситуации европейской цивилизации, в том числе и в Польше, разложения человека и восстановления его как Божьей личности. Как предотвратить гибель венца Божьего человека? Что для этого необходимо? Кто и как может помочь человеку на его жизненном пути? Христианство всего мира, в том числе христиане Польши серьезнейшим образом должны пересмотреть свои взгляды и

мировоззрения на личность человека, чему они посвящаются, кому поклоняются, искореняя всякие формы неистинной веры, культов, идолопоклонства, прибегая лишь к совершенной Истине Божьей. Необходимы разработки выхода из этого кризиса христианских теологов, ученых.

Ключевые слова: человек, разложение, восстановление, кризис, Польша, Католицизм, Истина, Священное Писание.

THE ISSUE OF RESTORATION OF POLAND AS A MAN OF GOD PERSONALITY ABSORPTION AND CHASTENING OF GOD'S TRUTHS

R.B. Kulykovska-Pawlowski

The article focuses on the crisis situation of European civilization, including Poland, the expansion of the human and his reinstatement in God's image. How should one prevent the undoing of the crown of the godly men? What is missing for that? Who can help the person in his life's path and how? Christianity is spread all over the world, including Poland, where Christians should seriously reconsider their views and earthliness. What are they dedicated to? Who are they worshiping by eradicating all forms of untrue faith, cult, idolatry, and only resorting from the ultimate truth of God's word. A group of Christian theologians and their teachings are concerned with the unavoidable working of exiting this crisis. .

Key words: man, the expansion, rehabilitation, crisis, Poland, Catholicism, the Truth, the Holy Scriptures.

Сегодня, когда сложилась серьезнейшая кризисная ситуация европейской цивилизации, в том числе и в Польше, христианство оказалось лицом к лицу с проблемами: уже не постепенного совершенствования человека, но прежде всего объяснения причин трагизма истории всего человечества; катастрофического характера его развития; а также вразумления людей о страшной надвигающейся на них духовной проблеме и ее последствиях на человеческое общество; угрозы будущего восстановления человека всецело как ЛИЧНОСТИ Божьей, нуждающейся в выходе из этого ужасающего часа путем неизбежно активных и реальных действий.

Что же необходимо предпринять в этот час разложения человека и деградации всеобщего человеческого нутра, его мировоззрений и представлений о его же будущности? Как же остановить это безразличие человека к жизни, которое его затягивает в пучину, казалось бы непреодолимой смерчи? Как предотвратить гибель венца Божьего-человека? Господь Бог пристально внимает ему на протяжении веков среди всего творения Божьего, слушает его, отвечает ему на его просьбы, молитвы и заботится о нём во все времена; наблюдая за ним, благословляет его солнцем, луной и звездами, утром и ночью, питанием и одеждой; наставляет и вразумляет его; исцеляет от болезней, изгоняет тьму всякого рода проклятий, даруя радость, надежду на будущее. Но, прежде

всего, Господь Бог по Милости Своей вознаграждает людей любовью друг к другу, как наказание взамен той совершенной Божьей Любви, которую они оставили в саду Эдеме и до сих пор это продолжают делать, занимаясь языческими культами в христианстве, подчиняясь и поклоняясь человеку более нежели Господу Богу – Тому, Кто дал им дыхание жизни, чтобы они жили, «властвовали над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» и не умирали Быт.1:28 [1]. «Ведь Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих» Прем. Сол.1:13 [1]. Но сам человек искажил свой путь к Божьей Истине, возгордившись, отринул Ее и Слово Божье, Заповеди Божьи и Дух Господень. Но вечно ли будет так происходить? Быт 6:3 [1]. Есть опасность в том, что человек сам себя может разрушить от верха до основания. Как же его спасти? Как восстановить человека Польши как Личности Божьей, чтобы он вновь совершенствовался, различая всякое слово, которое ему предлагается со всех сторон, начиная с рождения от родителей, школ, институтов, церквей – как питание для его духа и поглощал бы лишь здоровое Слово для его вразумления и оздоровления? Иначе, всякое искаженное слово, не согласное со Священным Писанием, обретающее лишь вид здорового, но по сути не являющееся таковым, как рак паразит их вскоре 2 Тим.2:17 [1]. Об этом научал Святитель Игнатий (Брянчанинов) (1867): «Не играйте вашим спасением, не играйте! Иначе будете вечно плакать. Займитесь чтением Нового Завета и Святых Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая церковь выдает за святых!);» [2]. Что же для этого необходимо? Кто и как может помочь человеку на его жизненном пути? Кто ответственен в этом? Как подойти к нежной, но в тоже время гордой и взбунтовавшейся Истине душе его, чтобы она начала взывать к Господу, чтобы ей были прощены её грехи, дабы ей самой не видать беды, смерти и всё-таки быть спасённой?

Ведь встают повсюду вопросы: как можно теперь верить в Бога, в каком отношении сегодня Он находится к миру и всему происходящему в нем, что значит быть христианином в таком мире? Для теологии это был и остается также вопрос о том, что же в действительности обо всем этом говорит Божественное Священное Писание – книга, хранящая и могущая глубинно дать ответы на все тайные вопросы любого человека и общества всех времен; что об этом говорят Святые Отцы Церкви? Святитель Игнатий (Брянчанинов): «изучите в Святых Отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жителство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину» [2]. Преподобный Максим Грек (1556) пишет: «Я в своих сочинениях обличаю всякую латинскую ересь и всякую хулу иудейскую и языческую...» [3].

Сегодня период времени, в котором должны произойти серьезнейшие ломки понятий о Всеобщем Католицизме – как всеобщей единой системы,

стремящейся себя поставить во главе всего христианства и всех вероисповеданий, подчиняя их себе, невзирая ни на что, ни на то: кому верят все эти деноминации, к чему они стремятся своими взглядами, понятиями, кто ими главенствует, что они исповедуют, кого они исповедуют в духовном мире господином и спасителем, и куда уходят корни их надежды и посвящений? В наше время экуменические устремления и путь к христианскому единству в Католицизме провозглашаются обсуждением на равных с представителями других вероисповеданий. Но Библейский Бог не имеет ничего общего с «богами» религий и философий, изготовленными человеком по своему образу и подобию. Святитель Марк Ефесский (1457) по этому вопросу пишет так: «Никогда то, что относится к Церкви, не разрешается путем компромиссов». Св. Иоанн Кронштадтский (1908): «Разве можно соединить несоединимое – ложь с истиною?» [4, с. 31]. И далее Иоанн Кронштадтский высказывал также свои мысли против экуменических положений: «Множество существует отдельных вероисповеданий христианства, с различным устройством внешним и внутренним, с различными мнениями и учениями, нередко противными божественной истине Евангелия и учению св. Апостолов, Вселенских и поместных соборов и св. отцов. Нельзя считать их все за истинные и спасительные: безразличие в вере, или признание всякой веры за одинаково спасительную, ведёт к безверию или охлаждению к вере, к нерадению об исполнении правил и уставов веры, к охлаждению христиан друг к другу» [4].

Сейчас, именно в наши дни, христианство и христиане Польши должны коренным образом пересмотреть свои взгляды, свои мировоззрения на личность человека. Необходимо, чтобы открылись глаза их сердец для понимания ценности этого времени, когда должна произойти позитивная духовная революция в человеческих умах во всём христианстве. Человек должен и обязан осознать свое предназначение на земле и в Католицизме Польши. Для этого необходимо расширить учебно-познавательную систему, чтобы использовать для дальнейшего углубления и развертывания знания о Католицизме, о его влиянии на Польшу, чтобы польский народ увидел в каком духовном состоянии они находятся и понял бы – почему в реальности с ними происходят процессы заблуждения в Истине, отпадения от веры. Одним словом, необходимо предотвратить серьезный процесс разложения общества, молодежи, тех, которые должны являться совершенными в продолжение развития человеческого общества. По статистике в настоящее время в Польше наблюдается, что 50 % людей отошло от веры. Св. правед. Иоанн Кронштадтский: «Натворили папы в своей папской церкви разных фокусов, разных ложных догматов, ведущих к фальши и в вере, и в жизни. Это вполне еретическая церковь» [4, с. 35].

Хотелось бы, чтобы организовалась группа христианских философов, теологов, которые интересуются вопросами искажения христианского общества, его падения, но и его восстановления на серьезном христианском научном познании (приглашая на симпозиумы, конференции всякого, кому не безразлична эта тема с предложениями выхода из духовного кризиса всего христианства и христиан Польши, для их возрождения как Личностей Божьих) на всех его стадиях, но в наивысших его мерах исследования. Надобно разработать, построить и ввести в жизнь фундаментальные теории выхода сознания и умопостроения молодёжи, детей с раннего детства из страшной воронки секуляризации, хаоса и истребления рода людского. Ведь с раннего возраста наше юное поколение нуждается в правильном воспитании, здоровом духовном питании, а иногда в перестройке, в духовной реконструкции. Наше будущее поколение, отвечающее за дальнейшую жизнь человека на земле в благополучии, расцветании и вообще в жизнеспособности, говоря другим языком Еф 4:22-24 [1], должно «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях», и нуждается «в обновлении духа ума, дабы облечься ему в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости Истины». А для этого необходимо отвергнуть всякую ложь. Непременно должен наступить новый период в сознании человечества, крутых изменений понятий и принципов, характерных для духовно-научной здоровой революции, которая может иметь позитивное влияние на людей.

Имеет большое значение, чтобы изучались и развивались научные познания таких вопросов как: генезис зарождения Католицизма, его формирование, развитие, цели и влияние всеми своими силами, планами на политические, общественные, административные, житейские сферы и структуры общества, которые существенно повлияли своей умозрительно-прогнозирующей функцией на человека Польши и других стран. Для этого важно выработать идеи для освобождения личности уже с раннего возраста от неистинных истин (искажающих разум в поклонении человеку, идолам...) и восприятия Божественных Истин Святых Писаний. Безусловно, это принесет значимо хороший результат, который утвердит Польшу как страну на здравомыслии Божьем, что подтвердится хорошим результатом и через века. Требуется, чтобы произошел переход от умозрения к теоретическому исследованию и внедрению его практически в жизнь, реально, начиная с детского возраста. И тогда, действительно, уповающим и надеющимся на Него, Он даст обильное, как море, спасение по Его Сердцу, освобождение их от беззаконий и грехов. Поглощая Божьи Истины и вразумляясь ими как Божьим Сокровищем, люди будут получать от Бога исцеление, которое Он даровал нам через Господа Иисуса Христа.

Слово Божье не может быть лишь историей, христианской Вестью к морали, культу или идеям социальной справедливости. Это не просто Слово. К нему нельзя пренебрежительно относиться как к приспособлению лишь к потребностям современной цивилизации. К нему нужно относиться как к живому Первоисточнику вечно пульсирующей Истины Божьей, который нужно изучать, над которым нужно размышлять и «день и ночь, в точности исполнить все, что в нем написано, дабы жить по нему и быть успешным в путях своих и поступать благоразумно» И. Навин 1:8 [1]. От этого Слова Бога возрастет и вера Рим. 10:17 [1], с которой можно угодить самому Творцу всей вселенной Евр.11:6 [1].

Христианская вера польского народа должна быть освобождена от исторически-преходящей оболочки – всякого рода и вида сгнившей религии, которая является лишь удушьем для человека, но никак не жизнью во Христе. Именно превращение веры в религию приводит человека в служение не живому Господу Богу, а человеку, вождю, расе, нации, государству, что совершенно не подобает Богу. Св. прав. Иоанн Кронштадтский пишет «...Сколько погрешностей величайших, губительных для душ человеческих выдумала католическая, папская церковь в догматах, в обрядах, в канонических правилах, в богослужении, в мертвящих, злобных отношениях католиков к православным, в хулах и клеветах на Православную Церковь, в ругательствах, обращенных к Православной Церкви и к православным христианам!...» [4, с. 99].

И лишь истинная христианская вера – есть суд над всяким поклонением человеку и неправильными человеческими учениями-заблуждениями. Ибо, «говорит ли кто, то должен говорить как Слово Бога» 1 Пет. 4:11 [1], не повреждая его 2 Кор. 2:17 [1] вымыслом человеческим. Именно через Иисуса: происходит живое примирение между Богом и сотворенными Им человеком и миром; можно преодолеть всепоглощающую пропасть, лежащую между ними; христианская вера не будет стоять на службе политике или морали; не будет поклонения – ложным богам; идолопоклонство во всех своих формах исчезнет. Только доверившись «единому Слову Бога» человек может избежать такой ситуации, когда, поклоняясь ложным богам, он оказывается на самом деле «без бога», т.е. беспомощным перед лицом нигилизма и соблазном вседозволенности.

Лишь «Иисус Христос есть единое и Истинное живое Слово Бога» и единственное в понимании того, как сделать понятной христианскую Весть и доступной для всякого современного человека.

В этом есть «Свет Божьей Истины», которую не следует искать в том, что говорит человек от себя, чему научает по своему злему сердцу и своим злым намерениям.

Только через Бога и Его Слово человек может обрести свое подлинное существование, свое истинное естество и пребывать в Божьем предназначении.

Всякий здравомыслящий человек Польши, всякий христианский теолог должны серьезно относиться к вопросу целомудрия польского общества, не быть безразличными к проблемам взаимоотношений между поляками и формированию у них духовно-нравственных устоев. Необходимо серьезно уделить внимание не только социально-гуманитарным наукам, но и сама Католическая Церковь должна пересмотреть свое отношение к человеку как Личности Божьей и поставить вопрос о духовном его восстановлении посредством Истинного истолкования и вразумления Божьих Истин. Ведь лишь Истина, познав которую, «может сделать нас свободными» Иоанн 8:32 [1]. От беспорочной личности христианина зависит благосостояние всякой страны, в том числе и Польши. А примером для истинных верующих является образ жизни Иисуса Христа и Его жертва, совершенная для спасения человечества.

Библиографический список

1. Библия. М.: Российское библейское общество, 2010. 2047 с.
2. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. Т. 4. СПб., 1886. С. 476.
3. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Тверь, 1993. С. 7.
4. Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Живой колос с духовной нивы. Из дневника за 1907-1908 гг. М., 1992.

УДК 261.8

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

С.С. Купряхина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: personal_sunny@inbox.ru

Арабо-израильский конфликт является одним из наиболее затяжной и трудноразрешимых конфликтов современности. Одной из главных причин сложности его разрешения является двойственность его природы: помимо очевидных политических и экономических причин существует ряд не менее важных культурно-религиозных причин, основания которых следует искать не в современности, а глубоко в древности. Более того, в контексте глобального общества данный конфликт приобретает масштаб столкновения цивилизаций.

Ключевые слова: евреи, арабы, конфликт, глобальное общество, цивилизация, культура, иудаизм, ислам, христианство.

ARAB-ISRAELI CONFLICT: CULTURAL AND RELIGIOUS OPPOSITION OR COLLISION OF CIVILIZATIONS

S.S. Kupryakhina

The Arab-Israeli conflict is one of the most long and the stubborn conflicts of the present. One of the main reasons of complexity of its permission is the duality of its nature: besides the obvious political and economic reasons there is a number of not less important cultural and religious reasons which bases should be looked for not in the present, and deeply in the ancient time. Moreover, in the context of global society this conflict assumes a scale of collision of civilizations.

Key words: Jews, Arabs, conflict, global society, civilization, culture, Judaism, Islam, Christianity.

Арабо-израильский конфликт существует с появления государства Израиль на современной карте, однако причины данного противостояния лежат в глубокой древности.

На сегодняшний день данный вопрос приобрел особую значимость, принимая во внимание возросшую степень напряженности в отношениях Израиля и Палестины и их военное противостояние. Когда речь идет об арабо-израильском конфликте следует сразу отметить, что по своей сути это не только конфликт между Израилем и Палестиной, военное противостояние которых особо активно наблюдалось несколько лет назад. В него вовлечен целый ряд арабских стран, а также арабские военизированные радикальные группировки, поддерживаемыми частью коренного арабского населения подконтрольных (оккупированных) Израилем палестинских территорий, с одной стороны, и сионистским движением, а затем и Государством Израиль, с другой. Поэтому региональный палестино-израильский конфликт выделен отдельно в рамках крупномасштабного арабо-израильского конфликта. И в последние годы именно этот конфликт является источником политической напряженности в регионе.

Несмотря на явную политическую составляющую данного конфликта нельзя не обратить внимание на тот факт, что корни данного конфликта лежат в идейной сфере. Так, краеугольным камнем идеологов создания Израиля, была идея формирования нового человека, воссоздающего свой утерянный два тысячелетия назад национальный очаг на своей древней земле. При этом, однако, данная идея оставалась обращенной в будущее, а не в прошлое: концепция «отрицания диаспоры» отражала восприятие двухтысячелетней жизни в странах рассеяния как цепь непрекращающихся страданий, и в новой стране казалось крайне важным построить не просто

национальный очаг, но некое идеальное с точки зрения социального устройства общество [1].

Учитывая, что как говорили саратовские философы «Движение к цивилизации нужно рассматривать как процесс становления и наращивания социальных связей, социальной основы, социального потенциала развития общества» [2, с. 175], говоря о специфике ислама как цивилизационной силы, нельзя игнорировать, что мусульмане воевали по всему миру, на десятках фронтов: против индусов – в Кашмире, против христиан – в Африке и в Ливане, против буддистов – в Таиланде, против русских – на Кавказе, против англичан, французов, сербов, испанцев, голландцев, датчан и других – в Европе, и против США – в Америке.

Ислам противостоит Западу не из-за Израиля, как полагают некоторые, а напротив, ненавидит Израиль, потому что воспринимает его как Запад.

В этом отношении на Большом Ближнем Востоке почва для гиперрадикализации более чем подготовлена. Несколько поколений выросли в условиях бесконечного беспредела, войн, диктатуры, нищеты, угнетения и коррупции. Последнее не менее важно, т.к. как отмечал Орлов «Экономика, как и политика и идеология, есть неотъемлемая область культуры и, следовательно, она имеет самое непосредственное отношение к вопросам этики, политики и социальной философии» [3, с. 37]

Две магистральные тенденции в исламском мире питаются двумя глубинными социально-цивилизационными запросами: на интеграцию и коренные реформы (изменения в экономике, политике, культуре). По соцопросам, практически во всех мусульманских странах, в том числе в богатых, высок уровень критических оценок всех сторон организации жизни.

Современная психология показала, что любой конфликт имеет две стороны. Рациональную часть, которая выражается в материальных претензиях, например те же территории или компенсации и нерациональную, психологическую часть. Это не менее, если не более важная часть конфликта, к ней относятся эмоции, идеи, моральные представления участников конфликта. Это то, что относится к духовной сфере человека.

Все попытки решения арабо-израильского конфликта учитывают лишь рациональную составляющую. Они никоим образом не учитывают например иррациональную ненависть части арабского мира к Израилю, желания восстановить честь, утраченную в унижительных поражениях, желания вернуть себе господствующее положение в «Палестине». Наиболее наглядный пример такой иррациональной ненависти – деятельность «Хизбаллы» на территории Ливана, который не может иметь никаких территориальных претензий к Израилю с точки зрения международного права. Между тем, Израиль никоим образом не учитывает

в своих переговорах эту сторону конфликта. Между тем, именно нерациональная, психологическая часть часто берет вверх в застарелых конфликтах, когда одна из сторон не в состоянии мыслить рационально и оценить те материальные, рациональные преимущества, которые принесет заключение мира.

Встает вопрос – каким образом можно понять духовный фактор и как его исследовать, а также как все это можно применить на практике. Это достигается с помощью нового современного метода под названием интуитивная драма. Метод интуитивной драмы был разработана в 2000 г. эстонским исследователем А. Тыугу, ныне работающим в Германии. С 2001 г. она широко используется группой исследователей в разных странах, в том числе в Эстонии, Литве, Германии, США, России, Израиле, Украине для анализа различных ситуаций и решения проблем. В последнее время накоплен также определенный опыт применения интуитивных драм для решения межнациональных конфликтов.

Именно этот метод анализа позволяет кроме материальных, рациональных факторов, оказывающих влияние на проблемную ситуацию, исследовать также нематериальные факторы. Под ними понимаются духовная жизнь людей, действующих в данной ситуации, то есть особенности их мышления, эмоциональной и волевой сферы. Также исследуется влияние таких факторов как идея или миссия, присущая той или иной организации, или группе людей, вплоть до отдельных сообществ или народов.

В этом отношении идейные основания хорошо подчеркивает миграционная политика Израиля, который «с одной стороны жестко закрывает возможность переселения в страну для неевреев (и прежде всего – арабов), а с другой, максимально расширительно толкует понятие еврейской нации» [4, с. 12]. Таким образом, главная ставка правительства Израиля делается не столько на еврейское происхождение, сколько на сознательную готовность идентифицировать себя как еврея.

Есть также гипотеза, что одной из причин арабо-израильского конфликта является контроль именно над Иерусалимом. Но контроль не над городской территорией, а над духовным центром. В Иерусалиме, символе еврейской истории несомненно, находится некий вечный ресурс, способный в настоящее время дать импульс для нового этапа развития человечества, – в свое время подобный импульс давали иудаизм и христианство. В более современную эпоху цивилизацию двигали вперед многие мыслители: Фрейд, Маркс, Эйнштейн и другие.

Сам конфликт, по всей видимости, существует потому, что этим ресурсом стремятся завладеть глобальные цивилизационные силы, понимающие важность духовного ресурса. Поскольку Иерусалим значим как культовый центр не только для иудеев и мусульман, но и для христиан,

мусульмане вредит прочего в своих претензиях на Иерусалим бросают вызов всему западному миру.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить культурную многомерность арабо-израильского конфликта, который в духовной сфере опосредован прежде всего тремя причинами: претензией мусульман на духовное господство над евреями, восприятие Израиля, являющегося светским государством как части Запада, или, во всяком случае прозападного, и наконец, притязаниями мусульман на Иерусалим и духовное господство во всем мире.

Библиографический список

1. Лиссак М. Различные подходы к концепции строительства еврейского ишува // От национального очага – к государству. Еврейская община Палестины // Эрец-Израэль между Первой и Второй мировой войной. Раанана, 2006. Т. 2. С. 329-348.
2. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
3. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

УДК 2.27:122/129

РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

И.В. Кутырева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kutyirina@mail.ru

В статье рассматриваются варианты существования религии в эпоху модернизации. Автором высказывается точка зрения, согласно которой противопоставление религии и модернизации как двух противоречивых понятий спорно и мало обосновано. Представляется, что религия в эпоху модернизации напротив, усиливает свои позиции и может вполне гармонично существовать в условиях динамично развивающихся социальных, политических и экономических систем.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, динамичность, духовность.

RELIGION IN THE ERA OF MODERNIZATION

I.V. Kutyreva

The article discusses options for the existence of religion in the era of modernization. The author expressed the view according to which the opposition between religion and modernization as two contradictory concepts controversial and poorly justified. It seems that religion in the era of modernization on the contrary, strengthens its position and can quite harmoniously exist in the emerging social, political and economic systems.

Key words: modernization, industrialization, dynamics, spirituality.

Представляется, что заявленная тема является весьма неоднозначной и достаточно противоречивой. Зачастую понятия модернизация и религия не рассматриваются в одном поле, так как они противопоставляются друг другу. Для религии характерна устоявшаяся традиционность, сложившаяся тысячелетиями, оформившихся в систему, канонов, норм и правил. Модернизация основана на переходе от одного типа общества к другому, качественно отличающемуся. Модернизация в широком плане связывается с индустриализацией, и с обновлением общества во всех сферах, в том числе и духовной. Понятной становится невозможность развития общества в сфере материального, в частности, промышленности, экономики, и абсолютную замкнутость и непоколебимость духовной сферы этого же общества. Человек не может существовать в одной материальной плоскости, иначе у общества не существовало бы традиций, моральных устоев, ценностных ориентиров и т.д. Представляется не совсем верным вводить оппозицию понятий религия и модернизация. Связь модернизации с теориями секуляризации не выдерживает логических рассуждений. Возникает другой вопрос: как религия встраивается в эту модернизационную систему.

Так, Т. Лукман связывает снижение роли религии и религиозных институтов с экономическим развитием общества, чем в обществе более развиты экономические институты, промышленность, тем более человек погружается в сферу иных социальных отношений, постепенно уходя от религиозных институтов.

Вместе с тем, следует все же отметить возрастающую роль религии в современных обществах, обществах модернизационного типа. Это связано с тем, что сама религия и формы ее проявления также изменяются под влиянием трансформаций, происходящих в других сферах общества. Одной из главных особенностей современного общества, которая подчеркивается теоретиками, является плюрализм, проникающий, в том числе, и в религиозное сознание. Прослеживая тенденции, происходящие в обществе, следует отметить рост новых религиозных движений.

Появление ответвлений религий, претендующих на самостоятельность, обособленность, идентичность, а также развитие законодательства, разрешающего и регулирующего деятельность

религиозных объединений, свидетельствует о включении религии в процессы, происходящие в обществе, в процессы экономических, политических изменений, особенностей межкультурного диалога, коммуникационных составляющих. Но несмотря на официально провозглашенное отделение церкви от государства, в средствах массовой информации и в публицистике активно обсуждаются вопросы, связанные с клерикализацией. В настоящее время идет активное обсуждение включенности религии во все сферы общественной жизни, в частности, образование и культуру. Тем не менее, обходя обсуждение сути подобных вопросов, заметим, что эти темы, как правило, свидетельствуют о включении религии в те или иные сферы, взаимодействие религии с обществом, которому свойственны процессы модернизации.

Как правило, сопоставляя понятия модернизации и религии, возникает вопрос именно о сложностях адаптации религии в качественно изменяющемся обществе. Но, зададимся вопросом, а может ли религия способствовать или препятствовать развитию инновационных, модернизационных процессов. Представляется, что в разные исторические моменты религия занимала более или менее влиятельные позиции в обществе, и таким образом, выступала союзником или противником определенных процессов, как политических, так и экономических и социальных.

Так, рассматривая модернизацию, происходящую на европейском пространстве, В.Г. Хорос отмечает, что христианская религия (а именно протестантизм и католицизм) выступала не всегда преобразовательным фактором, но иногда тормозом в определенные исторические эпохи. Здесь примером являются деятельность инквизиции или контрреформации. Что касается России, то Хорос говорит, что православная церковь в политическом и социальном плане была достаточно пассивной и не оказывала влияния на процессы, происходящие в обществе. Например, по сравнению с западными церквями она сравнительно мало и поздно (примерно лишь с середины XIX в.) оказалась вовлечена в частности, в образовательный процесс. В политическом плане она полностью наследовала византийский принцип подчинения церкви государству.

Хотя, с этим можно поспорить, ведь модернизация предполагает не только изменение и совершенствование в материальной сфере, но и в духовной, так как мораль и ценностные ориентиры играют немаловажную роль в развитии общества. А если говорить о духовности, то за всю историю России Православие играло важнейшую роль во всех процессах, происходящих на земле русской, что объясняется сложившимся веками особым менталитетом русского народа.

Обращаясь к истории становления, отмечаем, что с конца X века Православие стало духовно-нравственным стержнем общества, формируя мировоззрение, характер русского народа, культурные традиции и образ

жизни, этические нормы, эстетические идеалы. Христианская этика в течение веков регулирует человеческие отношения в семье, быту, определяя отношение к государству, людям, предметному миру, природе. Христианская тематика питает образами, идеалами, идеями творческую сферу, искусство. И материальная и духовная культура используют религиозные понятия и символы, периодически возвращаются к православным ценностям, изучают и переосмысливают их.

Православие в России является тем стержнем, на котором держится не только культура, традиции, обычаи, но самосознание русского человека.

Таким образом, с момента принятия Православия на Руси, вплоть до Советского периода, Православная Церковь играла важнейшую роль в государственных делах и в жизни народа. Обращение к вере сегодня, в эпоху глобализации и прочих характеристик современной культуры, является вполне объяснимым и исторически опосредованным. Человек в нынешнем состоянии ищет сферу, в которой ему комфортно себя чувствовать, в которой он может самоопределяться, которую он может обогащать. И становится понятным, что сфера материального мира не отвечает требованиям мира внутреннего. Обращение к духовным истокам и духовным традициям вполне объяснимо. Поэтому говорить о пассивной роли религии относительно происходящих модернизационных процессов является спорным утверждением.

Но если рассматривать взаимоотношения религии и других институтов, не с точки зрения институциональных основ, а с точки зрения мировоззренческих позиций, то нужно отметить в институциональной сфере наличие одних и тех же функций, посредством которых осуществляется построение поведенческой модели. Единственное отличие, что выполняя одни и те же функции, институты используют разные механизмы. Возьмем, к примеру, регулятивную функцию, которая обеспечивает целостность общественной системы, регулирует отношения как между людьми, так и между социальными группами, что, свойственно и для религии и для политической системы. Воспитательная функция проявляется также по-разному: в политике посредством социального принуждения, введения системы запретов, зафиксированных законодательно, в религии посредством нравственного воспитания, осуждения, реализующихся посредством выполнения заповедей. Таким образом, и политика и религия как институты выполняют аналогичные функции, направленные на объединение, стабильность, укрепление нравственных основ, формирование здоровой духовной основы.

Взаимосвязь данных институтов очевидна. Являясь регулятором общественной жизни, политика оказывает влияние, в том числе, на религию, создавая условия для ее функционирования: регулируя отношения между разными конфессиями, создавая механизмы для

бесконфликтного существования разных религий, обеспечивая свободу выбора и вероисповедания для каждого члена общества.

Тем временем стабильность политической системы обусловлена моральными устоями, нравственными идеалами, духовными ценностями, которые насаждаются посредством религиозных учений. Каждая религия имеет свою систему норм и правил, систему запретов, которая на другом, отличном от законодательного уровня, существует. Этот уровень является внутренним, духовным, нравственным стержнем, который подкрепляет уровень закона, а зачастую является даже на порядок значимее его. Человек, являясь гражданином государства, обязан следовать системе норм и запретов, закрепленных в законах и кодексах. Но зачастую для верующего человека важнее и значимее являются религиозные нормы, которых он придерживается. Важным является то, что законы государства и религиозные нормы взаимодополняют друг друга, имеют общую социальную задачу – сохранение общественного порядка и защиту личности. Так, в Православии христианин придерживается заповедей («не убивай», «не кради»), закрепленных законодательно в уголовном кодексе.

Теперь обратимся к особенностям взаимодействия политики и религии в условиях российского общества. Данные особенности обусловлены рядом исторических обстоятельств. Нужно сказать, что само Крещение Руси носило весьма политический характер: выбор религии был обусловлен стратегическими задачами. Затем, на всем протяжении истории России к церкви отношение менялось: от ослабления до усиления ее значения, но все же, зачастую в пользу укрепления религиозных основ. В определенные исторические эпохи церковь имела весьма большую значимость, если не вообще главенствующее положение. Государева власть во многие времена подкреплялась церковью, царь опирался в своей безграничной власти на церковь.

Русскому человеку всегда нужна была идейность, трудные в экономическом и политическом плане времена переживались русским народом благодаря объединяющей силе, следованию общему делу. Вера является одним из самых сильных оснований для человека, посредством веры человек крепнет духовно и готов смириться с тем, что он не мог бы понять рационально. Ведь рационально можно понять или не понять, а на веру принимают и ей следуют. Этим, в частности, объясняется «особая» ментальность русского народа, богатство культуры в ее духовной составляющей, особый путь исторического развития.

Если проследить историческое развитие России, то можно выявить определенную закономерность: в моменты кризисных ситуаций роль религии как созидательного фактора, объединяющего, дающего духовную подпитку, резко возрастает. Когда отношение к разным сторонам общественной жизни становится «апатичным», наступает духовный кризис, провоцирующий искания личности в других сферах, чаще всего в

мистике и религии. Современное состояние общества демонстрирует усиление духовной составляющей, что связано с наличием противоречивых тенденций, происходящих как на мировом уровне, так и в рамках локального измерения. В частности, изменения происходят в политической сфере. Современный мир демонстрирует нам противоречивые тенденции политического, социального, экономического развития, понятие личности уходит на второй план.

Тем не менее, отмечается важность политики модернизирующегося государства по отношению к той или иной конфессии. Нужно сказать, что говоря о модернизации, нельзя забывать и о процессах глобализации. В современном обществе состоянию так называемого здоровья нации, отводится все большее значение. Насколько общество будет способным динамично развиваться в плане экономики, производительности, насколько оно будет готово взаимодействовать с другими системами, напрямую зависит от моральной закрепленности, от ценностей, которые являются базовыми в социуме.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

УДК 373.1

ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИИ

Н.А. Медведева, О.В. Невзорова

*Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского, Россия*

E-mail: mednatalia2015@yandex.ru

В статье рассказывается о роли школы в профилактике вовлечения участников образовательного процесса в деструктивные религиозные организации. Представлен адаптированный элективный курс «Духовно-психическая безопасность личности», раскрывается значимость данного курса.

Ключевые слова: общество, школа, деструктивные религиозные организации, профилактика, элективный курс.

PREVENTION OF STUDENT INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE RELIGIOUS ORGANIZATIONS

N.A. Medvedeva, O.V. Nevzorova

The article describes the role of schools in prevention of involving participants in the educational process in a destructive religious organizations. Presents an adapted elective course "Spiritual and mental security of the person", reveals the importance of this course.

Key words: society, school, destructive religious organizations, prophylaxis, elective course.

В современном обществе наблюдается ряд проблем отрицательно влияющих на население. Одной из таких проблем является вовлечение людей в деструктивные религиозные организации. Доказано, что некоторые религиозные организации применяют психический террор по отношению к своим последователям и подозреваются в шпионаже. Они известны многочисленными судебными процессами в связи с нанесением психического и физического ущерба адептам и заявили о себе как в России, так и за рубежом различными антиобщественными и антигосударственными действиями, вплоть до проникновения в государственные органы и заговоров против государства. Работа некоторых так называемых религиозных организаций уподобляется действиям специальных служб. Многие религиозные организации занимаются совершенно неконтролируемой целительской деятельностью [1, с. 32].

Исследования показали, что наиболее часто в секты и культы уходят люди с техническим образованием. Поэтому увеличение в школах и вузах количества времени, отведённого на изучение гуманитарных дисциплин вообще и религиоведения в частности, является важнейшим фактором профилактики ухода молодёжи в секты. Соответственно, сокращение гуманитарных дисциплин в долгосрочной перспективе неизбежно даст негативный эффект [2, с. 59].

Таким образом, школа уже сейчас должна больше внимания уделять вопросам профилактики вовлечения подрастающего поколения в деструктивные организации. Это объясняется тем, что, во-первых, именно в школе ребёнок должен получать знания об опасностях исходящих от таких организациях, так как многие родители часто не понимают, что вовлечь человека в секту просто, а вернуть его к нормальной жизни очень трудно, а иногда не возможно. Во-вторых, необходимо формировать у ребёнка уважение к семейным ценностям, чувство защищённости семьёй. Это важно потому, что человек в состоянии стресса часто пытается найти помощь не в семье, а у третьего лица, которое вполне может оказаться представителем какой-либо религиозной организации [3, с. 24]. Помимо основных знаний и умений, получаемых в семье, родители должны

разъяснять ребёнку ценности исповедуемой ими религии. Это важно для того, ребёнок, понимая суть вероисповедания родителей, умел отличить псевдорелигиозные организации и учения, проповедуемые ими от истинных благ официальных религий [4].

В связи с вышеизложенным, можно сказать, что целесообразным в этой ситуации является формирование у подростка адекватного представления понятия «любовь» во всех ее проявлениях. Родители должны объяснять ребёнку в соответствии со своими представлениями, что такое любовь. В школе же должны проводиться специальные семинарские или внеклассные занятия.

С целью выявления знаний о религиозных деструктивных организациях у учащихся было проведено исследование среди подростков 9-х классов МОУ СОШ №7 города Балашова. Исследование проводилось с помощью следующих методик:

1. С помощью методики «Уровень субъективного контроля» определялась степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь.

2. Методики «Измерение целостных ориентаций» М. Рокича проводилась для выявления представлений у учащихся индивидуальной системы целостных ориентаций личности.

В результате было выявлено, что информированность школьников по проблеме деструктивных культов характеризуется следующим образом: 61,7% опрошенных не знакомы с деятельностью деструктивных сект, остальные имеют недостаточно четкие представления о них и культах как социальном явлении.

Шкала группового психологического насилия показала наивысший результат контроля сознания. Исходя из результатов можно выявить группу риска, состоящую из 8 человек, которые могут быть вовлечены в секту. Эта группа показала низкий уровень информатизации о деятельности данных организаций.

Таким образом, необходимо проводить работу по профилактике вовлечения учащихся в деструктивные религиозные организации. Мы предлагаем это делать с помощью адаптированного нами элективного курса «Духовно-психическая безопасность личности». Данный курс может быть представлен как отдельной дисциплиной предпрофильной подготовки для учащихся 9-х классов с базовым уровнем знаний, умений и навыков, а также входить в содержание курса «Основы безопасности жизнедеятельности» для любого профиля.

Объем курса: 17 ч. (1 ч. в неделю, одно полугодие). Программа курса может быть расширена до 34 ч (1 ч. в неделю в течение учебного года) за счет более глубокого рассмотрения предложенного содержания. Учебно-тематический план представлен в таблице 1.

Целью курса является формирование у учащихся целостного

представления об устройстве человека и об опасных ситуациях психологического, психического и духовного характера, которые могут возникнуть в их жизни, о способах распознавания и мерах защиты от этих последствий.

Сформулированная цель ставит следующие задачи курса:

– ознакомление учащихся с опасностями психологического, психического и духовного характера, угрожающими человеку в современной жизни;

– изучение методов и приемов защиты от духовно-психологических воздействий и позволяющих минимизировать возможный ущерб для личности, ее здоровья, жизни и благополучия;

– выработка умения оказывать сопротивление деструктивному духовно-психологическому воздействию.

Основными методами обучения являются: проблемно-поисковый метод изложения нового материала, направленный на творческое осмысление и принятие излагаемых учителем позиций; беседы с элементами дискуссий; интерактивные методы обучения. Целесообразна на занятиях групповая работа с последующей презентацией результатов обсуждения тех или иных проблем и выводов, сделанных группой. Занятия на психологическую безопасность при общении, на принятие решения и отработку умения сказать «нет» в проблемной ситуации предполагают практикумы, тренинговые ситуации и игровое моделирование.

Формы организации деятельности учащихся традиционные: осмысленное слушание и ответы на вопросы, работа с литературой, конспектирование – и инновационные: участие в дискуссиях, выступления перед классом с сообщениями, работа в малых группах.

Табл. 1. Учебно-тематический план элективного курса
«Духовно-психическая безопасность личности»

№ урока	Название раздела и темы уроков	Количество часов
1	Вводный урок	1
2	Как устроен человек: тело - психика – душа – дух	1
3	Установки и поведение человека: как воспитывать в себе	1
4	Понятие о деструктивном психическом воздействии	1
5	Психическая безопасность	1
6-7	Информационная безопасность	2
8	Реклама и ее воздействие на человека	1
9	Техники манипулирования сознанием	1
10	Как сохранить психическое здоровье	1

11-12	Духовная безопасность	2
13	Общение и психологическая безопасность	1
14	Понятие о толерантности: может ли человек сказать «нет»	1
15	Алгоритм принятия решения	1
16	Как сказать «нет» в проблемной ситуации	1
17	Заключительное занятие	1
	Всего часов	17

Материально-техническое обеспечение:

1. Виртуальная агрессия. Видеофильм режиссера Валентина Матвеева, Леннаучфильм, 2001. Для показа учащимся, родителям, учителям.

2. Сахаджа Йога (часть 2). Видеофильм режиссера Софии Ливандовской, Творческое объединение «Перекресток», 1998 и т.п.

Ожидаемые результаты могут быть следующие:

– развитие психологической культуры учащихся в целом и, как частность, развитие психологического аспекта культуры безопасности жизнедеятельности;

– приобретение учащимися знаний и практических умений по распознаванию и преодолению опасных ситуаций духовно-психологического характера, которые могут возникнуть в их жизни, о способах и мерах защиты от них;

– выработка у учащихся умения оказывать сопротивление деструктивному духовно-психологическому воздействию на них на основании целостного представления об устройстве человека.

Подведение итогов и оценивание деятельности учащихся может проводиться в традиционной форме: оценка за ответ на уроке, оценка за контрольную работу, за выполнение тестового задания и т.д., а также в сочетании с инновационными методами аттестации: дифференцированный зачет по контрольным вопросам, реферат, мини-исследование, интервьюирование, доклад по заданной теме. Итоговым результатом может стать открытый урок с приглашением администрации и учителей школы, итоговая конференция.

Библиографический список

1. Васильев А.Н. Религиоведение. М.: Наука, 1999.
2. Куликов И. Сатанизм: криминальный характер сатанистских сект // Миссионерское обозрение. 2000. №8. URL: <http://seminaria.bel.ru> (дата обращения: 15.03.2015).
3. Мартинович В.А. Портрет потенциального адепта секты // Адукацыя і выхаванне. 2009. №3. С.59-63.
4. Кашицына Л.В. Профилактика влияния деструктивных религиозных организаций на население // Матер. I Всерос. науч.-практич. конф. «Профилактика религиозного экстремизма и противодействие его проявлениям в молодежной

УДК 241

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.В. Мурашова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: elena-elena-v@rambler.ru

Проблема трансформации морального сознания, так или иначе, затрагивает все формы общественной жизни. В условиях глобализации эта проблема прослеживается наиболее остро и ярко, как в социологическом, так и в религиозном аспектах. Отмечается также, что фактором влияния на изменение сознания имеет мировоззрение человека. В статье рассматривается отношение человека к морально-этическим нормам в современном мире.

Ключевые слова: глобализация, моральные нормы, трансформация морали, семейные ценности.

TRANSFORMATION OF MORAL CONSCIOUSNESS IN THE MODERN WORLD

E.V. Murashova

The problem of transformation of the moral consciousness, one way or another, affects all forms of public life. In the context of globalization, this problem is seen most sharply and clearly as in sociological, and religious aspects. It is also noted that the factor of influence on the change of consciousness has a human world. This article discusses the relationship of man to the moral and ethical norms in the modern world.

Key words: globalization, moral standards, transformation of morality, family values.

Развитие человечества в XXI веке позволяет утверждать о том, что проблемы морального сознания и нравственных ценностей личности в обществе имеют особую значимость. Доминирующую позицию в нём стали занимать вопросы в сфере экономики, где наблюдается высокая степень заинтересованности людей в материальных благах, а не в духовных. В условиях глобализации духовные ценности постепенно забываются, общество перестаёт думать о своём духовном обогащении, игнорируется нравственная первооснова поступков. «Глобализация, проникая в мир традиционных религий, обостряет внутренние

противоречия: усиливает деградацию политических систем, крах моральных ценностей, развал семьи» [1, с. 33].

Можно сказать, что в условиях современности стремительно меняются моральные ценности, появляются новые критерии оценки нравственности. «Большинство современных обществ, в том числе на Западе, сегодня находится в плачевном состоянии: ослабляются социальные связи, находятся в упадке семейные ценности, фиксируется демографический спад. Это происходит потому, что во многих демократических государствах отсутствует целенаправленная поддержка нравственных норм в общественной жизни» [2, с. 25].

В морали выражаются отношения между человеком и обществом, правила поведения людей, обязывающих их к соблюдению правил. Моральное и нравственное сознание выступает регулятором во всех сферах деятельности человека. Любому обществу присуща какая-либо система моральных норм и ценностей, которые являются важной частью духовной жизни социума, определяющая поведения людей и их взаимоотношения между собой. Нравственные ценности вмещают в себя то, что в представлении какого-либо государства или нации предстаёт в виде наивысших ценностей бытия.

Несомненно, что под нравственностью понимаются определённые критерии добра, справедливости, чести, совести. Понятия о добре и зле, любви, ненависти, чести, чувстве долга образуют картину морального образа человека и всего общества. «"Добро" и "зло" коррелятивны, и в известном смысле можно сказать, что "добро" возникло лишь тогда, когда возникло "зло", и падает с падением "зла"» [3, с. 47].

В настоящее время во всех областях современных обществ существуют противоречия в понимании моральных ценностей, которые определяют культурное измерение явлений общественной жизни. Большие изменения во всех областях жизнедеятельности социума наиболее остро отражаются в духовной сфере. Здесь нарастают негативные процессы, что ярко проявляется в утрате нравственных ценностей и в снижении уровня культурного развития. Падение уровня моральной и нравственной культуры народа ведёт к кризисному состоянию общества.

Центром нравственной жизни общества является общественное сознание людей. С развитием общества меняются и моральные принципы. «Жизнь большинства людей современного общества подчинена достижению не таких «вечных» целей, как любовь, дружба, доброта, а, например, таких как материальное благополучие и достаток, карьерный рост и богатства. Кроме того, мы можем наблюдать свободу, перешедшую во вседозволенность. Ранее мимолетные половые связи, добрачный секс, рождение детей вне брака осуждались и порицались общественностью» [4].

Говоря о трансформации морали, нельзя не вспомнить об ослаблении семейных отношений. В современном мире изменилось понятие о таком возвышенном чувстве как любовь. «Будущее брака зависит от того, насколько молодые люди нацелены на брак. Опросы студентов Москвы и Санкт-Петербурга, проведенные в последней четверти XX в., показали, что встретить любимого – любимую мечтают более 70%, а создать семью – всего около 40%. Слабую нацеленность на брак подтверждает и статистика: каждая десятая пара, подавшая заявление на вступление в брак, не является на регистрацию в назначенный срок» [5, с. 91].

Появляется всё больше людей, живущих по принципу «каждый за себя», вследствие чего развивается эгоизм и подрываются семейные устои. Каждый стремится обеспечить себе счастливую жизнь, не отягощая себя заботой о другом, никто не хочет обязывать себя брачными узами, считая, что это будет ущемлять свободу. Человек XXI века совершенно не готов к самопожертвованию ради других людей. Во многом нарушаются библейские заповеди. Как писал Святитель Игнатий Брянчанинов: «Безнравственная, греховная жизнь приводит к «пустоте души», ее оскудению» [6, с. 37].

С приходом чего-то нового, общество всё дальше отдаляет от себя и забывает традиционные моральные ценности. Всё, что считалось аморальным и вызывающим, с течением времени становится абсолютно приемлемым и нормальным. Здесь нельзя не вспомнить об однополых браках, официально разрешённых в некоторых странах Запада, причём не только государством, но и церковью. В Швеции, Дании, Норвегии венчание таких браков разрешено. Проводятся мероприятия, ориентированные на людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. В Сиднее ежегодно устраивается фестиваль ЛГБТ-культур, носящий название Марди-Гра, кульминацией которого является прайд-парад.

Следует отметить, что в современности увеличивается рост насилия по отношению к ближнему. По проведённым Лысовой А.В. социологическим исследованиям, насилие над жёнами в российских семьях на 2007 год составляло 50% из 1076 опрошенных. Немаловажную роль в становлении моральных и нравственных принципов играет среда. Безусловно, на воспитание человека влияет окружение, в котором он рос и развивался. Соответственно, если на ребёнка будут влиять факторы, никак не имеющие своей целью духовно-нравственное и моральное развитие, то он просто не поймёт, где заканчиваются нравственные поступки и начинаются безнравственные.

В условиях крупномасштабных перемен в российском социуме в XX – начале XXI веков произошли изменения в старых структурах, и стали формироваться новые общественные идеалы. В настоящий момент полностью не сформировано религиозное миропонимание. Это объясняется тем, что процесс обращения к религии происходит в условиях,

когда предыдущие поколения не были связаны с религиозными институтами. Но, «являясь основой жизни религиозного человека, вера определяет все аспекты его общественной и личной жизни» [2, с. 22].

Вера способна передавать ценности социума, его обычаи и поведения, изменять духовный мир людей, помогает приспособиться к изменившимся жизненным ситуациям. «В связи с этим в социологическом знании правомерно, что религия рассматривается как один из специфических социальных институтов, формирующих ряд компонентов. Различное ее проявление постоянно обнаруживается в межличностных коммуникациях, в социальных отношениях, в государственных механизмах, в идеалах, традициях, которые значимы для поведения индивидуума в общественной жизни» [7].

Решение разного рода задач обновления сфер общества, прежде всего, связано с уровнем развития и совершенствования нравственного, морального и духовного мировоззрения человека. В современности наиболее важно стоит вопрос духовного обновления и развития всех социальных слоёв общества. Важное место в духовной жизни отводится моральному сознанию человека. Духовная жизнь общества, прежде всего, включает в себя возникновение, распространение сознания, которое поможет удовлетворить духовные потребности человека.

Состояние морального сознания современности описывается как хаотичное, где отсутствует единство и целостность. От трансформации морали на сегодняшний день общество избавиться не может, потому что моральные нормы, хранимые веками, всегда остаются актуальными. Очень важно обрести и сохранить тенденцию, направленную на укрепление базовых нравственных ценностей, которые должны выступать единым духовным началом.

Библиографический список

1. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
2. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.
3. Бердяев Н.И. О назначении человека. Мир философии. В 2-х ч. М.: Политиздат, 1991. 318 с.
4. Тихонова У.С. Мораль в современном обществе. URL: http://socio.my1.ru/load/2010/moral_v_sovremennom_obshhestve/1-1-0-39 (дата обращения: 07.12.2014).
5. Хачатрян Л.А. Современный брак – результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестник Пермского Университета Сер. Философия. Психология. Социология. Вып. 1(5). 2011. С. 89-100.
6. Брянчанинов Игнатий (святитель). Аскетическая проповедь // Сочинения в 7 т. М., 1995. Т. 4. 203 с.

7. Черная Ю.В., Химишев З.К. Социально-религиозные отношения в современном трансформирующемся российском обществе: введение в проблему // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, История, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология. Вып. 3. 2009. С. 134-138.
8. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.
9. Соловьёв В.С. Оправдание добра (сочинения в 2-х томах, т. 1). М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.

УДК 261.8

КОММУНИКАЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУР ВО ФРАНЦИИ

А.Э. Панов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: artiendy@ya.ru

В настоящее время Франция утрачивает свои традиционные приоритеты, которые некогда были ее устойчивыми культурными признаками на мировой арене. На смену привычному «романтическому» представлению приходят подчас неожиданные социальные, политические и культурные реалии страны, вызванные религиозными столкновениями. Речь в данной статье пойдет о взаимодействии христианства и ислама, о положении каждой из этих культур в пространстве французского общества, а также о перспективах данных конфессий в различных сферах жизни государства.

Ключевые слова: Франция, религия, культура, политика, конкуренция, искусство, философия, общество.

THE COMMUNICATION OF THE CHRISTIAN AND ISLAMIC CULTURES IN FRANCE

A.E. Panov

The communication of the Christian and Islamic cultures in France. Currently France loses the traditional priorities that formerly were its stable cultural signs on the world stage. Sometimes unexpected social, political and cultural realities of the country, caused by religious clashes, come in the stead of its usual «romantic» presentation. This article deals with some information about the interaction of Christianity and Islam, about the position of each of these cultures in space of the French society, and also about the prospects of these creeds in various spheres of the state life.

Key words: France, religion, culture, policy, competition, art, philosophy, society.

В наши дни вопрос положения христианства и ислама во Франции становится все более актуальным. Большое число французских мусульман весьма активно проявляют себя в культурных сферах, принимают участие в политических движениях, отстаивают свои права, а также составляют значительную духовную часть общества. Христианство же постепенно вытесняется светским образом жизни своих же приверженцев, которые индифферентно относятся к религиозным ценностям и предпочитают отделять церковные устои от государства. Целью настоящего исследования является выяснить может ли подобная ситуация привести к созданию новой исламской цивилизации в рамках старой христианской и в чем преимущества обеих культур.

Как известно, наряду с разумным началом, религия нередко является движущей силой в становлении той или иной цивилизации. «Фундамент цивилизации – общественное богатство в единстве материальных и духовных ценностей» [1, с. 175]. Христианство положило начало развитию европейской культуры, а также оказало значительное влияние на стиль мышления и аксиологический аспект европейцев.

Обращаясь к историческому рассмотрению данного вопроса, целесообразно привести цитату Орлова М.О.: «Анализ исторической ретроспективы позволяет предположить, что любые социокультурные изменения в той или иной степени связаны взаимодействием мышления и языка, поскольку развитие любого индивида является, по сути, развитием языковой, интерактивной компетенций, встроенных в контекст определенных поведенческих наборов.» [2, с. 2]

Изначально христианство стало той культурной средой, в которой произошел генезис французского народа как такового. Влияние европейского христианства на Францию было амбивалентным, так как французская культура также во многом повлияла на становление христианства, прежде всего католичества, достаточно вспомнить хотя бы авиньонское пленение пап или процесс над тамплиерами. Даже в секулярную эпоху Франция продолжает ассоциироваться прежде всего с католичеством, особенно, когда затрагивается исторический аспект.

Впрочем, на сегодняшний момент секулярная культура Франции слишком далеко ушла от традиционных культурных корней. Идеологическая косность христианства, частое нежелание идти «в ногу со временем» провоцирует многих коренных французов противостоять христианству как устаревшему социальному институту. Не так давно во Франции разгорелся скандал с участием католической церкви: после того, как католический священник отказался венчать гомосексуальную пару, ЛГБТ-сообщество устроило акцию протеста. На массовую демонстрацию вышло более 50 000 человек, которые заблокировали движение на Елисейских полях, растянувшись от площади Согласия до Триумфальной арки. Главным требованием манифестантов стало немедленное

запрещение христианства «как религии возбуждающей ненависть по сексуальному признаку, а значит являющейся, по своей сути, экстремистской» [3].

Теперь стоит перейти к описанию исламской культуры во Франции. Общее количество мечетей во Франции предлагает примерную картину религиозности мусульман. В настоящее время мечетей во Франции имеется 1554. Если предположить среднюю посещаемость мечети в неделю в 200 человек (цифра в 200 принята как предположение по аналогии с имеющимися средними данными по Великобритании и США), то окажется, что количество постоянных прихожан мечетей во Франции оказывается около 300 тысяч из 6 млн. выходцев из мусульманских стран, что означает посещаемость мечетей в 5%. Получается, что 95% выходцев из мусульманских стран не посещают мечети, следовательно, не являются ретрансляторами данной культуры [4].

Здесь может возникнуть предположение, что, быть может, одна лишь низкая посещаемость мечетей не есть доказательство низкой религиозности мусульман Запада. Быть может мусульмане Франции плохо посещают мечети, но сохраняют свою верность мусульманской культуре в остальном? Нет. На конец 2000-го года во Франции проживало около 4,2 млн. выходцев из мусульманских стран и их потомков. При этом уже в 2000 году лишь 36% мусульман назвали себя практикующими мусульманами. Посещение мечетей на Западе становится одним из основных индикаторов верности мусульман своей культуре, поскольку все остальное вокруг принадлежит западной культуре.

Таким образом, мусульмане не транслируют собственную культурную идентичность, но напротив, ассимилируются во французском населении. На деле это влечет за собой полную потерю мусульманской идентичности за счет смешанных браков в последующем поколении. Это исследование достаточно реалистично описывает в цифрах процесс постепенной ассимиляции любой диаспоры в стране пребывания. Даже дети, выросшие в полностью мусульманских семьях, впоследствии имеют гораздо больше склонности к смешанным бракам, а значит и к последующей ассимиляции, чем их родители. Те же дети, кто вырос в смешанных семьях, еще быстрее вырастают в культуру страны пребывания и теряют идентичность своего мусульманского родителя.

Обычно в третьем поколении едва ли 2% от изначального числа будут сохранять свою историческую культуру. Остальные постепенно включаются в жизнь своей новой родины и перенимают ее культуру, философию и даже религию. Этот процесс надо обязательно учитывать при рассуждении на тему о численности иммигрантов. Против националистов любой страны надо всегда уметь использовать аргумент, что большинство иммигрантов во втором поколении уже будут осознавать себя жителями новой родины и носителями ее культуры [4].

Нет ничего удивительного в чрезвычайной активности иммигрантов в социальной, политической, культурной, а также экономической плоскостях жизни страны. В конце концов, М.О. Орлов говорит, что «дискурсивный подход в экономике сводится к идее, что в процессе обсуждения и реализации важных экономических решений должны принимать участие все заинтересованные стороны» [5, с. 37]. Это означает, что только при помощи воплощения в реальность данного подхода, можно прийти к коммуникативному идеалу, взаимному пониманию и соглашению лиц. Многие социологи комментируют данную активность весьма скупой, безо всякого интереса, например, что подобное социальное проявление объясняет генетическая принадлежность, или что приезжие всегда стремятся добиться большего, чем старожилы. С моей точки зрения, в этом вопросе стоит заметить существенное влияние ислама на своих приверженцев. Безусловно, при иммиграции беженцев в Западную Европу, в частности, во Францию, религиозный контур в их сознании постепенно стирается при взаимодействии с культурными особенностями другой цивилизации, однако основные положения и религиозные ценности ислама остаются и передаются детям на подсознательном уровне. Желание изменить мир вокруг себя, спроецировать свое онтологически «идеальное» видение общества на реально существующий порядок дел имеет именно религиозную подоплеку. Ислам предписывает своим послушникам пять столпов, одним из которых является Джихад. В классическом смысле Джихад подразумевает не только борьбу с «неверными», но и борьбу с тленностью бытия вокруг себя. По сути, каждый мусульманин, вне зависимости от уровня религиозности, запрограммирован противостоять внешнему миру и отстаивать свои права столько, сколько это необходимо.

Следует отметить, что сами французы опасаются экспансии со стороны исламистов. Как свидетельствует французская пресса «LeFigaro», «Особенно стоит подчеркнуть, что происходит подмена и поглощение исконно французских ценностей исламскими. Это объясняется тем, что аксиологическая база ислама присутствует в повседневной жизни мусульман, в то время, как христиане воспринимают церковь и ее учение всего лишь как красивый атрибут, а не священное писание» (авторский перевод с фр.) [6].

Очевидно, предпосылки к ослаблению традиционной культуры во Франции обусловлены целым рядом факторов, из которых исламская эмиграция является далеко не самым мощным. Однако, отвечая на заявленный вопрос, можно сказать, что новая исламская цивилизация во Франции – это не становление мусульманского мира в христианской стране, а всего лишь обновление национального генофонда общества, которое способствует улучшению и развитию многочисленных сфер жизни государства. В данном случае, жизненные и культурные установки вбирают в себя религиозные особенности, которые сформировывают

определенную общественную формацию, основанную на духовном становлении. Ислам выступает здесь как потребность в преодолении трудностей, в обеспечении себя и своих близких хорошим уровнем жизни, в стремлении не просто построить новую цивилизацию, а встроить себя самого в нее. Собственно, этим стоит подчеркнуть мотивационный компонент ислама.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // *Философия и общество*. 2007. №1. С. 174-189.
2. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
3. *Fognews*. 2013. №9. Р. 23-25.
4. *Per Research. Muslim Population by Country*, 2011.
5. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
6. *Le Figaro*. 23.12.2011. №157, Р. 12-13.

УДК 261.8

ДИАЛОГ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В.П. Перфилова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: veraperfilova1@gmail.com

В течение многих лет США, руководствуясь доктриной «плавильного котла», упорно пытались создать собственную культурно-цивилизационную идентичность. Одним из острых вопросов, терзавших американское общество не одно десятилетие, остается вопрос расового противостояния. С активизацией ислама в последние годы этот вопрос приобретает и религиозный смысл.

Ключевые слова: США, ислам, культура, плавильный котлет, расизм, апартеид, межкультурная интеграция.

DIALOGUE OF RELIGIOUS CULTURES IN THE AMERICAN SOCIETY

V.P. Perfilova

For many years the USA being guided by the doctrine of "a melting copper" persistently tried to create own cultural and civilization identity. One of the sensitive issues tormenting the American society not one decade still remain a question of racial opposition. With activization of Islam in recent years this question gets also religious sense.

Key words: USA, Islam, culture, melting copper, racism, apartheid, cross-cultural integration.

Американское общество в течение многих десятилетий приковывало внимание мировой общественности вопросами расового противостояния. В свое время собственная культура чернокожих американцев была уничтожена, однако, это не способствовало их интеграции в культуру «белых» [1]. С точки зрения исследования культуры, это в корне неверно, т.к. как отмечал один саратовский философ «Для выявления механизмов, управляющих результативностью межкультурных взаимодействий, необходимо всестороннее исследование границ понимания, обусловленных разницей в системах мировосприятия, культурно-исторического опыта и картинах мира, что возможно лишь в рамках дискурсивного подхода» [2, с. 47].

Массовые волнения афроамериканского населения в Соединенных Штатах случаются с явной степенью регулярности. Как правило, поводом для выступлений чернокожих жителей американских городов становится очередное убийство или ранение их «соплеменника» белыми полицейскими или дружинниками.

Социальные и расовые проблемы в Соединенных Штатах зашли настолько далеко, что можно с уверенностью утверждать о возможности вооруженных конфликтов на расовой и социальной почве в этом государстве, изображающем из себя образец демократии и толерантности. Не секрет, что афроамериканское население в Соединенных Штатах год от года увеличивается в численности, но его социальные проблемы практически не решаются. Безработица, бедность, неполные семьи, уголовные преступления, наркомания, СПИД – это далеко не полный перечень социального негатива, в котором живет большая часть афроамериканского населения США. Потомкам бывших рабов так и не удалось поднять в массе своей социальный уровень хотя бы до примерного соответствия белому населению. В результате, именно чернокожие американцы составляют большую часть уличных преступников, торговцев наркотиками, обитателей американских тюрем.

Средняя афроамериканская семья живет в двадцать раз хуже европейской семьи. Среди молодых афроамериканцев в несколько раз

больше безработных, чем среди их сверстников из белых семей. На фоне бедственного социального положения афроамериканского населения Соединенные Штаты сталкиваются с не менее серьезной проблемой – по причине лишения собственной культурной идентичности среди чернокожих граждан страны успешно распространяется ислам. Ислам для афроамериканцев становится альтернативой официальным протестантским течениям. Принимая ислам, афроамериканец как бы бросает вызов существующей политической и социальной системе, подчеркивает свою «антиамериканскую идентичность», нежелание ассоциироваться именно с американским миром и образом жизни, для многих чернокожих жителей США все еще воспринимаемым как мир эксплуататоров. Стремление к обособлению от белокожего населения США возросло у афроамериканцев по мере формирования особой афроамериканской идентичности, появления собственной интеллигенции, озадачившейся поиском основ для «африканского возрождения» в Новом свете. Значимую роль в подчеркивании своей «инаковости» для афроамериканцев играло религиозное обособление. Афроамериканское население в значительной степени стало воспринимать христианство, в особенности протестантские конфессии, распространенные среди англосаксонской части населения Штатов, как «религию белых» [3].

Начиная с первой четверти XX века в Соединенных Штатах Америки и на островах Карибского бассейна появляются «альтернативные» общины афроамериканцев и афрокарибцев, отказывающиеся исповедовать христианство и переходящие к иным религиозным практикам. На Ямайке, как известно, примерно в этот период возникло растафарианство – афроцентристское социальное и религиозное движение, давшее впоследствии толчок для появления широко известной субкультуры «растаманов». Его появление связывают с именем Маркуса Мосиа Гарви – уроженца Ямайки, который одним из первых афрокарибских общественных деятелей заговорил о собственной идентичности афроамериканцев и афрокарибцев, о необходимости отдельного существования белой и черной рас, достижение которого он стремился добиться посредством возвращения потомков вывезенных из Африки рабов назад – на Африканский континент. Если на островах Вест-Индии утвердилось и получило широкое распространение растафарианство, то в Соединенных Штатах Америки в 1930-е годы начинает распространяться ислам.

В 1925 году в городке Ньюарк, что в штате Нью-Джерси, некий Тимоти Дрю, принявший имя Али, основал религиозную секту «Мавританский храм науки», включившую значительный исламский компонент в свою мировоззренческую систему. Дрю Али называл себя мусульманином и «посланником короля Марокко», при этом отличаясь крайне негативным отношением к белой расе. Вместе с тем,

мировоззренческая система Мавританского храма науки, причислявшего к великим пророкам не только Христа и Мухаммада, но и Будду, и Конфуция, вряд ли позволяет отнести эту примечательную организацию к числу правоверных мусульман. Также, как и текст «Священного Карана» (именно через «а»), – брошюры, в которой Дрю Али изложил основы своего вероучения, представлявшего собой христианско-мусульманско-растафарианский синтез.

Одним из первых «черных мусульман» в Соединенных Штатах Америки стал Уоллес Фард, принявший имя Мухаммад. В 1930 году Уоллес Фард Мухаммад основал в городе Детройт небольшую религиозную общину, названную им «Нация ислама». Строго говоря, «Нация ислама» не была ортодоксальной мусульманской общиной. Ее деятельность была обращена, в первую очередь, на решение проблем чернокожего населения. Одновременно в общине возник своеобразный культ личности Фарда, который рассматривался как мессия, «Махди». За достаточно короткое (с 1930 по 1934 гг.) время проповеднической деятельности Фарду удалось привлечь более 25 тысяч сторонников из числа афроамериканцев. Таким образом, из небольшой общины экстравагантных поклонников мусульманства, с которым в тогдашних США никто практически и не сталкивался, «Нация ислама» превратилась в динамично развивающуюся религиозную организацию, имеющую все шансы на дальнейший рост популярности в среде афроамериканского населения.

В отличие от других мусульманских общин, которые следовали букве ислама как религии интернационалистической, следующей древнему принципу «ни эллина, ни иудея», «Нация ислама» с первых дней своего основания была не столько религиозно-мусульманской организацией, сколько движением афроамериканских националистов. Посредством обращения афроамериканского населения в ислам лидеры общины намеревались добиться политических целей, в первую очередь – создать отдельное государство «чернокожих» на территории Северной Америки. Проповедовавшийся «Нацией ислама» «черный национализм» характеризовался стремлением к полному обособлению афроамериканского населения от белых американцев и в этом отношении «черные мусульмане» также оказались сторонниками расовой сегрегации. Во-вторых, «Нация ислама» уделяла большое значение «окультуриванию» афроамериканского населения, в том числе – профилактике алкоголизма и наркомании в негритянской среде, борьбе с семейным насилием. Члены «Нации ислама» остаются, прежде всего, афроамериканскими националистами и уже затем представителями религиозной мусульманской организации. Из пяти столпов исламского вероучения «Нация ислама» допускает необязательность исполнения намаза (ежедневной пятиразовой молитвы), отмечания праздника Рамадан и

хаджа (паломничества в Мекку). По сути, обязательными остаются лишь вера в единого бога – Аллаха и закят – регулярный налог в общину на помощь бедным и малоимущим.

С точки зрения ортодоксального ислама учение организации может показаться сектантским и даже богохульническим. Основателя «Нации ислама» Уоллеса Фарда Мухаммада активисты организации считают одним из воплощений Аллаха, а его преемника на посту руководителя Элайджа Пула Мухаммада – пророком. Белая раса, в соответствии с учением «Нации ислама», появилась как результат экспериментов злого ученого Якуба по созданию «псевдолюдей» – евреев, которые и положили начало белой расе, вытеснившей черную с лидирующих позиций в мире и обрекшей ее на бедственное положение. Христиане и евреи почитают Якуба как пророка Иакова, но для африканцев он получается злейшим врагом, стоявшим за всеми их злоключениями.

Поскольку негроидная раса в мировоззренческой парадигме «Нации ислама» признается первой, давшей жизнь остальным расам, то и великие религиозные учителя причисляются априори к негроидной расе, что также вызывает много вопросов о соответствии доктрины организации канонам исламского вероучения. Наконец, космогонические представления «Нации ислама» также полностью идут в разрез с традиционными исламскими представлениями.

Среди определенной части афроамериканской молодежи «Нация ислама» пользуется популярностью, в первую очередь, потому, что рисует достаточно понятную альтернативу привычному образу жизни молодого человека или подростка с черным цветом кожи на окраине американского города. Активисты организации занимаются спортом, отказываются от алкоголя, курения и наркотиков, стремятся всегда и во всем помогать людям одной с ними расы. Безусловно, что эти позитивные начинания находят симпатию среди широких слоев афроамериканского населения. С другой стороны, не следует забывать, что «Нация ислама» рассматривается исламским миром как средство влияния на правительство Соединенных Штатов.

Руководители исламских государств, политики и общественные деятели предпочитают закрывать глаза на очевидные расхождения идеологии и практики «Нации ислама» с традиционным исламом. Наиболее известным спонсором «Нации ислама» в свое время был лидер ливийской революции Муаммар Каддафи. Скорее всего, Каддафи хотел с помощью афроамериканских мусульман получить рычаг давления на Соединенные Штаты, для чего регулярно жертвовал в помощь «Нации ислама» значительные финансовые средства. Впрочем, и сам Луис Фаррахан не скрывал своего сотрудничества с ливийским лидером. Ему принадлежат знаменитые слова, что «если Бог когда-либо разрушит Америку, то сделает это руками мусульман». Но это не помешало

Фаррахану на президентских выборах поддерживать Барака Обаму – другого афроамериканского политика, только «системного» толка. Расовая солидарность и здесь оказалась для «Нации ислама» значимее политического и идеологического контекста.

Бывшие и настоящие активисты «Нации ислама» в последнее десятилетие принимают активное участие в терроризме. В 2002-2003 гг. Мухаммад Джон Аллен расстрелял 18 прохожих и потребовал 10 миллионов долларов за прекращение своей террористической деятельности, после чего был задержан. В 2005 году был приговорен к смертной казни другой участник «Нации ислама» – Хасан Акбар, забросавший гранатами сослуживцев во время нахождения в Ираке в составе американского контингента. Хотя в целом «Нация ислама» предпочитает дистанцироваться от чрезмерно радикальных «черных мусульман», именно из ее недр периодически появляются более радикальные организации, которые, как правило, откалываются от основной структуры и продолжают самостоятельную деятельность, часто далеко за рамками американского законодательства. Еще в 1980 году от «Нации ислама» откололась организация «Джамаат уль-Фукра» - Совет джихада в Северной Америке. Ее основатель Мубарак Али Гилани, собрав группу «черных мусульман», создал чуть севернее Нью-Йорка специфическое поселение, получившее название «Исламберг» [3].

В Соединенных Штатах, по данным американской прессы, существует по меньшей мере тридцать пять тренировочных лагерей. Боевиков, которые проходят в них подготовку, чаще всего набирают среди контингента американских тюрем. Афроамериканцы, которых в местах заключения в шесть раз больше, чем белых, достаточно легко ведутся на проповеди радикальных пропагандистов. Так как большинству из них «нечего терять, кроме своих цепей», освобождаясь, они находят пристанище в учебно-тренировочных лагерях.

«Черные мусульмане» в настоящее время составляют более 42% от числа всех мусульман, проживающих в Соединенных Штатах Америки. Еще 25% приходится на выходцев из Индии и Пакистана, остальные представлены арабами, иранцами, турками, выходцами из центральноазиатских государств. Таким образом, именно афроамериканцы представляют собой наиболее многочисленную мусульманскую общину в США. Сегодня более 20% от общей численности афроамериканского населения Соединенных Штатов исповедует ислам [1]. Так что, если говорить о постепенном увеличении численности афроамериканского населения, рождаемость которого значительно превосходит уровень рождаемости среди белых американцев, то нельзя забывать и о том, что параллельно увеличению общей численности афроамериканцев в США увеличивается и процент мусульманского населения страны. Как правило, ислам принимают молодые афроамериканские мужчины, что делает

общины «черных мусульман» куда более пассионарными по сравнению с христианско-африканскими сектами и протестантскими церквями, распространенными среди чернокожего населения Соединенных Штатов Америки. Причем, в отличие от ориентированных на криминал «обычных» афроамериканцев из «негритянских гетто», у «черных мусульман» есть развитая мировоззренческая система, есть план действий, есть поддержка со стороны остального исламского мира, для которого Соединенные Штаты, во многом сами породившие феномен религиозного фундаментализма, всегда будут оставаться «противником номер один».

Учитывая, что сегодня Соединенные Штаты имеют в исламском мире имидж страны, несущей главную ответственность за то кровопролитие, которое десятилетиями продолжается на Ближнем Востоке, в Афганистане, на Африканском континенте, в целом восприятие американского государства в глазах мусульман не может быть сильно положительным. Тем более, у неофитов из афроамериканской среды, у которых религиозное противопоставление усугубляется традиционными социальными и расовыми обидами на существующую в Соединенных Штатах социально-политическую систему. То есть, можно утверждать, что в Соединенных Штатах Америки по мере увеличения численности афроамериканского населения и распространению ислама в афроамериканской общине, растет количество людей, негативно относящихся к самой идее американской государственности и при любой возможности готовых эту американскую государственность «пнуть как следует». За этими людьми могут стоять спецслужбы Саудовской Аравии, Пакистана, международные исламские организации, но нельзя отрицать и возможности существования полностью неподконтрольных никому объединений, в недрах которых и может вызревать социальный и религиозный протест против американской государственной машины.

Влияние религиозных проповедников и общественных деятелей, прибывающих в Соединенные Штаты из стран с давней исламской традицией, таких как Пакистан, Афганистан, Саудовская Аравия, Египет или Марокко, будет способствовать лишь укреплению религиозной идентичности афроамериканских мусульман, дальнейшему сближению «черного ислама» с традиционным исламом. Прежде всего, это вызовет, как можно предполагать, и дальнейшую радикализацию «черного ислама», так как в нем, в силу социального положения афроамериканского населения Соединенных Штатов, всегда будет крайне силен именно социально-расовый подтекст. Регулярные волнения чернокожего населения в американских городах позволяют усомниться в дальновидности и правильности тех схем, которые американские руководители и спецслужбы могут применять в отношении «черных мусульман». Скорее всего, эти организации постепенно выползают из-под контроля американских спецслужб и превращаются в самостоятельных

игроков, усиление которых на фоне растущих социальных и расовых противоречий в американском обществе представляет собой серьезную проблему. Судя по всему, решить существующую проблему американское правительство не в состоянии – разговор с протестующими, что в Фергюсоне, что во время прошлогодних протестов по аналогичному поводу, ведется исключительно с позиций грубой силы. Но подавление восстаний ликвидирует лишь последствия, но не причины социального и политического недовольства афроамериканского населения. Соответственно, не исключен и такой вариант, что рано или поздно мир станет свидетелем настоящей социальной и расовой войны в Соединенных Штатах Америки, и религиозный фактор в этой войне, как следует предполагать, также сыграет немаловажную роль.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
2. Harold M. Minister of New Orleans Mosque Interview with the Times Picayune April 11, 1994.
3. Chicago: Coalition for the Remembrance of Elijah Muhammad, 1992.
4. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.4
5. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.5

УДК 261.8

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К.А. Перфилова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kristinka-ja@yandex.ru

В последнее время по всей стране стремительно нарастают антиклерикальные тенденции. Причин этого процесса достаточно много, но одной из главных и наименее заметной является обострение социальных противоречий между церковью и обществом и присутствие политического компонента в церковной жизни.

Ключевые слова: церковь, общество, политика, антиклерикалы, вестернизация.

THE SOCIO-POLITICAL BASES OF ANTI-CLERICAL MOVEMENTS IN MODERN RUSSIA

К.А. Perfilova

Recently over all country anti-clerical tendencies promptly accrue. There is a lot of reasons of this process, but one of main and the least noticeable is the aggravation of social contradictions between church and society and presence of a political component at church life.

Key words: church, society, policy, anti-clericals, westernisation.

Антиклерикальные тенденции в России последних лет, существенно усилились. Целый ряд событий, начиная от сюжета о «часах Патриарха» и кончая приговором над девушками из Pussy Riot породило ужесточение антиклерикальных настроений в обществе. Подчас эти настроения приводили к фактам прямого вандализма – таким как спиливание поклонных крестов в Челябинской и Архангельской областях. Но даже если не брать во внимание столь яркие проявления, общая тенденция очевидна: интеллектуалы, интеллигенция и даже отдельные священнослужители отходят от Церкви. Многие люди, которые до сих пор были индифферентны по отношению к религии, занимают антицерковные позиции, и общество, по существу, оказывается расколотым.

Прежде чем понять, что такое антиклерикализм, нужно осмыслить его антитезу, то есть клерикализм. Потому что антиклерикализм возникает как реакция на клерикализм и, строго говоря, только в рамках этой дихотомии. Под клерикализмом обычно подразумевают те течения общественной мысли и практики, которые используют влияние религии практически на все сферы жизни общества. Если говорить о клерикализме в узком смысле слова, то он свойствен практически всем организационно оформленным религиям и религиозным направлениям. И это совершенно нормальный феномен в том случае, если его развитие происходит в рамках религиозной общины.

Антиклерикализм, по сути, существует столько же веков, сколько и клерикализм, и является во многом реакцией на клерикализацию, которая выражается в том, что служители церкви занимаются не только духовным окормлением паствы, но и начинают активно вмешиваться в светскую жизнь и даже руководить государством. Антиклерикализм, как правило, возникает тогда, когда люди начинают замечать, что духовенство злоупотребляет властью в различных областях повседневной жизни [1].

Р. Докинз пишет: «Религиозность американцев проистекает, как это ни странно, из антиклерикализма конституции. Именно потому, что в юридическом отношении Америка является светским государством, религия превратилась в своего рода частное предпринимательство. Конкурирующие церкви стараются переманить друг у друга паству –

вместе с толстыми кошельками; при этом в ход пускается весь арсенал агрессивных рыночных уловок. Приемы рекламы стирального порошка помогают рекламировать и бога; в результате налицо почти маниакальная религиозность среди слабообразованных классов. В Англии же, наоборот, под сенью прочно укоренившейся церкви религия превратилась в почти полностью утратившее религиозные признаки времяпрепровождение в приятной компании – не более того» [2]. В период Нового и, в особенности, Новейшего времени антиклерикализм является если не движением, то достаточно распространенным настроением во многих странах мира, будучи реакцией общества на вмешательство Церкви в искусство, науку и образование [3]. В тех странах, где Церковь имеет реальную власть, подкрепленную законодательно, антиклерикализм зачастую становится спутником революционных и других радикальных движений.

В Европе антиклерикализм начинает играть важную роль в политических и духовных движениях в период позднего Средневековья. Можно говорить о немецком антиклерикализме, особенно в период Реформации, когда антиклерикальные настроения стали одной из основных движущих сил религиозных реформ и сплотили народные массы. При этом некоторые движения воспринимали клириков как врагов Евангелия и агентов Антихриста.

Невозможно представить Французскую революцию без антиклерикальной составляющей. В XIX столетии можно смело говорить об испанском антиклерикализме как одном из факторов развития современной испанской культуры, и, конечно же, достаточно много работ было написано о российском антиклерикализме, хотя в последнее время появилась устойчивая тенденция представлять эти работы как чисто идеологические, что может быть верно лишь отчасти. Также в обыденном сознании антиклерикализм часто связывается с атеизмом, что, конечно, не совсем верно. Разумеется, атеист может быть антиклерикалом, но процент антиклерикалов достаточно высок и среди верующих людей, в последнее время появилось даже такое выражение – «православный антиклерикал». Это не покажется странным, если мы обратимся к истории, особенно истории Нового и Новейшего времени.

В России в Новое время антиклерикализм был распространен не только в среде радикально настроенной молодежи, но и среди обывателей. Этнографы еще в XIX веке собрали богатый антиклерикальный фольклор (загадки, сказки, поговорки); надо сразу оговориться, что антиклерикальный фольклор широко распространен и в Европе. Причины антиклерикальных настроений в народной среде различны (пожалуй, большая часть их «работает» и в наше время); одной из основных причин является материальное благосостояние священнослужителей (наличие у священника дорогого автомобиля — это первое, что отмечают многие

люди, когда обсуждают священнослужителей). Но, конечно же, основная причина антиклерикальных настроений коренится в том, что священнослужители, далеко не всегда должным образом исполняя свои обязанности и порой не являясь образцом для подражания, тем не менее позиционируют себя как духовных пастырей, наставляющих верующих, и чрезвычайно активно вмешиваются в их жизнь, вплоть до ее мелочной регламентации.

Переходя к политическим предпосылкам антиклерикализации, стоит отметить, что одно из опаснейших для Церкви убеждений состоит в том, что массовый антиклерикализм в России связан с массовым недоверием к власти. Этот миф во многом создан оппозицией и имеет чисто политическую функциональность.

Центральная власть – один из немногих институтов, к которым в России сохраняется доверие, хотя ее работу и нельзя признать удовлетворительной. Объектом ненависти россиян является не собственно центральная власть, которая для этого слишком абстрактна и слишком священна, но элита, в которую входят сегодня представители как власти, так и оппозиции.

Особенность современной российской элиты заключается в том, что до недавнего времени она не была заинтересована в собственной исторической легитимации. Подъем национального самосознания на данном этапе не отвечает интересам многих представителей элиты. Как отмечают саратовские ученые: «Существует устойчивая корреляция между подъемом национализма и религиозного фундаментализма и переходным состоянием общества. Националистические движения обычно укореняются, прежде всего, в тех регионах (и, возможно, стратах), где модернизация уже достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения» [4, с. 33]. Очевидно, это связано с глобальным неверием в будущее страны, либо наличием каких-то глобальных обязательств и, наконец, сложностью процедур подобной легитимации.

Значительная часть индифферентно и атеистически настроенных людей инкриминирует Церкви следующие проявления коллаборационизма:

- участие в «разделе богатств» страны, выражающееся в обогащении духовенства, строительстве роскошных храмов на фоне продолжающейся нищеты регионов и сокращения социальных гарантий;
- участие в разложении образования – именно так многими интерпретируется активность Церкви в средней и высшей школе при продолжающихся реформах;
- участие в идеологических авантюрах общественников таких, как «десталинизация» и «декоммунизация», которые не будут

восприняты адекватно до тех пор, пока Россия уступает СССР по всем параметрам, достойным великой державы.

В то же время, если духовенство перестанет поддерживать центральную власть в таких базовых вопросах, как сохранение единства страны, пространства русской культуры (в т.ч. за пределами России) и пр., это может быть воспринято именно народом как предательство и только усилит негативные тенденции, ведь как отмечают саратовские ученые «Религия является одним из проблемных элементов культурной идентичности. Никакой иной фактор не может доставлять более богатого материала для процессов культурной интеграции или дезинтеграции» [5, с. 25].

На данный момент в России можно выделить два вида антиклерикализма: «народный» и «элитарный». Последний связан, главным образом, с опасением влияния Церкви как на государство, так и на народ, с опасением подъема национального самосознания и усиления непредсказуемости, пассионарности русского народа. Единственное, что объединяет эти два типа антиклерикализма, – это предрассудки: религия несовместима с наукой, она есть обман масс ради обогащения и т.п. Для преодоления этих предрассудков Церковь нуждается в квалифицированных научных кадрах и авторитетных пастырях, примером строго аскетической жизни показывающих ложность тезиса о религии как опиуме народа.

Представляется, что наиболее действенна сейчас работа с людьми на местах, для которой нужен энтузиазм. Также следует сделать больший акцент на неинституциональные формы деятельности, на активность мирян – без их вмешательства в церковное управление, т.к. смысл этой активности состоит именно в том, что Церковь как институт должна стать менее зримой мишенью для нападков своих оппонентов. Это будет актуально до тех пор, пока в самой Церкви продолжаются всевозможные злоупотребления. Работа с мирянами требует выдвижения чутких и аскетически настроенных пастырей, способных не только увлечь, но и удержать в Церкви. Без окормления активность мирян чревата разрушением Церкви.

Библиографический список

1. Орлов М.О. Категориальный анализ энергичных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.
2. Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2008. С. 42.
3. Roberts J.M. Europe. 1880-1945. N.Y., 2001. P. 55, 56.
4. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. № 307. С. 32-38.

5. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.

УДК 140.8+17.022

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

К.Ю. Петрова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: petra-velikaya@ya.ru

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№ 15-33-12009*

В ходе исторического развития России нередко приходилось задаваться вопросом о том, каково ее место в цивилизационных взаимоотношениях Запада и Востока. В зависимости от исторической эпохи этот вопрос решался по-разному, однако сегодня в силу трансформаций, которые претерпело само западное общество имеет смысл говорить уже не о взаимоотношениях с западной, а новой, принципиально иной глобальной культурой.

Ключевые слова: Запад, Восток, цивилизация, глобализм, экономика, политика, ценности, духовность.

RUSSIAN CIVILIZATION: BETWEEN THE WEST AND THE EAST

K.Yu. Petrova

In the history Russia quite often asked, where a place of its civilization concerning the West and the East. Depending on a historical era this issue was resolved variously. Today the western society strongly changed and it is necessary to speak not about relationship with western culture, but relationship with new, global culture which wasn't earlier.

Key words: West, East, civilization, globalism, economy, policy, values, spirituality.

Цивилизационное положение России во многом уникально: вопрос о том, принадлежит ли Россия Востоку или Западу, или же вовсе, является совершенно особым пространством, ставился неоднократно и в различных контекстах. В зависимости от того, с какой точки зрения, в какую эпоху и кем этот вопрос ставился, на него давались различные ответы. В силу геополитического положения России, а также богатства ее ресурсами, данный вопрос обычно ставится в политической и экономической плоскостях. В данной же статье хотелось бы обратить внимание на менее изученные, но не менее важные плоскости: социальную и духовную.

Для начала необходимо выяснить, в чем заключается коренное различие Запада и Востока. Как отмечено саратовскими философами, хотя цивилизационные критерии для Запада и Востока едины, «нельзя с одинаковыми мерками подходить к разным цивилизациям, их ценностям, к нормам поведения людей» [1, с. 174]. Традиционно сложилось мнение, что для Запада характерен индивидуализм, нацеленность человека на собственное благо, в то время как на Востоке имеется коллективистская установка, нацеленность на общее благо. Если проследить генезис этой идеи, можно сказать, что она закрепились в истории мысли в XIX веке, во время популярности структурно-функционального анализа в социологии, главным образом, благодаря работам Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса. Будучи представителями европейской цивилизации и развивая идею о дифференциации сложного общества, они плотно соотносили индивидуализм с прогрессом, в то время как коллективизм для них был признаком отсталости. Пытаясь обосновать причину высоких достижений Европейской цивилизации, они отыскивали в ней элементы торжества индивидуализма, представляя их как общее правило. Восточным же цивилизациям приписывался коллективизм главным образом для того, чтобы показать отсутствие в них четкой дифференциации (которая, по мнению Дюркгейма, служит показателем высокого уровня развития) и тем самым доказать превосходство собственной культуры.

Позже свой вклад в данный вопрос внесла Р. Бенедикт, создав теорию о европейской культуре как «культуре вины», для которой характерна ориентация на собственные внутренние установки, и восточной культуре как «культуре стыда», для которой характерна ориентация на внешние, социальные установки [2]. Безусловно, такое разделение нельзя рассматривать как тотальное, потому что любой человек находится под воздействием как внутренних, так и внешних установок. Когда мы говорим о становлении человека как продукта собственной цивилизации (в том числе западной), внешние установки играют большую роль. Как отмечал профессор Орлов, «процесс социализации каждого нового поколения, формирующий его моральность, обусловлен рамками имеющихся культурных традиций гораздо больше, нежели влиянием индивидуальной логики развития» [3, с. 47]. Таким образом, даже если европейская культура предлагает человеку обратиться к своим внутренним установкам, это уже является внешней установкой.

Также рассматривая вышеуказанный критерий, следует указать на то, что сегодня он часто расходится с фактической ориентацией людей, а потому не является столь однозначным. Как показывают исследования современных психологов и антропологов, наряду с традиционными восточными обществами сегодня стыд является основным модификатором в том числе и в американском обществе. По мнению ряда западных исследователей, подобная концепция также является не более чем

порождением конкретного политического режима. В частности, Иви Мерлин отмечает, что концепция Бенедикта зародилась в эпоху ожесточенного противостояния США с Японией, потому что «Было крайне важно открыть разделение между позором и виной, чтобы поддержать иерархическое различие между Японией и Соединенными Штатами, и вообще между не-западом, и западом (доказать, что вина - иудео-христианское понятие, незнакомое жителям не-запада)» [4, р. 46].

Кроме того, говорить о разделении Запада и Востока можно разве что с поправкой на историческую эпоху: оно правомерно там, где мы говорим об обществе, живущим, в полном или, по крайней мере, значительным соответствии со своей традиционной культурой. Учитывая тот факт, что сегодняшнее общество претерпело серьезные изменения, и во многих обществах традиционная культура вытесняется глобальной, изменяется и характер основного модификатора. До недавнего времени глобализация проявлялась в тотальной вестернизации незападных обществ, однако, западные культуры сами по себе оказались крайне пластичными, и в процессе глобализации заимствовали многие отличительные черты Востока. Кроме того, социальная и политическая реальность также вносит свои коррективы.

Разумно задаться вопросом – когда сформировалась европейская цивилизация и каковы ее основные особенности и достижения. Как правило, исторические корни европейской цивилизации ищут в античной цивилизации. Безусловно, античность оказала огромное влияние на европейские культуры, что, однако, не доказывает прямой преемственности между античным миром и Европой. По сути, основания, на которых европейцы считают себя потомками античного мира заключаются в использовании его интеллектуального наследия, прежде всего, традиции античной философии. Такая установка свидетельствует о потреблении, но никак не о цивилизационной преемственности. Учитывая уровень достижений античного мира, его плодами пользовались далеко за границами Европы (вспомнить хотя бы тот факт, что Платона и Аристотеля Европа заново узнала преимущественно в арабских переводах). Кроме того, античность не была единственным источником знаний для европейцев – влияние более ранних культур – египетской, вавилонской – также было значительно, однако, европейцы не считают себя их наследниками.

Другим своим основанием европейцы считают христианство. Безусловно, христианство послужило основой современной европейской цивилизации. Однако, этого недостаточно, чтобы заявить, что христианство само по себе может быть отождествлено с Европой. Во-первых, христианство не происходит из Европы, а напротив, внедряется в нее извне, с Востока, как географически, так и идейно. Христианству чужда идея индивидуализма, так что традиционное подразделение Запад –

Восток: индивидуализм – коллективизм в данном случае не работает. Христианство, прежде всего, предполагает принадлежность к церкви, т.е. общине, что не может быть мыслимо в индивидуалистическом контексте. Во-вторых, территориально христианство, в частности православие, простирается намного дальше Европы. И наконец, самым главным основанием отсутствия прямой цивилизационной связи можно считать тот факт, что начиная с эпохи Просвещения западное общество развивалось в секулярном направлении и на сегодняшний день идейно западный мир крайне далек от собственной христианской традиции.

Итак, ни античная философия, ни христианство, как бы велико не было их влияние на развитие европейских культур так и не стали единым стержнем, который мог бы породить единую европейскую или шире – западную цивилизацию. Не существовало также и других оснований, которые сплотили бы европейские культуры в единое целое. Каждая страна на Западе развивала собственную самобытную культуру и была готова к взаимодействию со странами соседями только в случае очевидной политической или экономической выгоды. Таким образом, мы можем констатировать, что не существует какой-либо единой западной цивилизации: исторически Запад был представлен множеством цивилизаций и культур, не имеющих единого общего стержня, а потому нельзя говорить о едином менталитете западного человека.

Далее следует перейти к вопросу, существует ли отдельная русская цивилизация и каковы ее особенности. Если рассматривать становление России исторически, можно отметить, что с древнейших времен на Руси имелась собственная самобытная культура. Даже несмотря на существенные изменения, произошедшие в духовной и культурной жизни Руси в связи с христианизацией и колоссальные заимствования из византийской и греческой культур, данные заимствования прививались на существующую почву, вследствие чего русская культура не становилась наследницей византийской, но сохраняла самобытность.

Однако, мы говорим не просто об отдельной культуре, но о полноценной цивилизации. Основанием для этого служит тот факт, что исторически Россия формировалась как многонациональное и многоконфессиональное государство. Российская цивилизация формировалась как симбиоз различных культур, стержневой среди которых была русская. Ведущую роль в данном процессе сыграло православие. Во-первых, учитывая многонациональность России, апеллировать к этническому фактору было сложно. Принятие же православия представителями этнических меньшинств означало цивилизационное присоединение к русским. Именно церковь была основным просветительским органом для большинства населения дореволюционной России.

Однако присоединение к русской цивилизации было возможно даже там, где речь шла о народах, традиционно исповедующих иные религии. Для продуктивного взаимодействия догматические основания религии были не столь важны, главным фактором было отсутствие различий этической программы. Этика православия формировала определенную модель поведения, и там, где представители конфессиональных меньшинств в данную модель вписывались, разногласий не возникало. Именно религиозной этикой, а не догматикой определялось мировоззрение русского человека, его основные ценностные ориентиры, ставшие в итоге ценностными ориентирами всей российской цивилизации. Даже после революции, несмотря на засилье воинствующего атеизма, народы России не изменили собственной этике и мировоззренческим установкам, что и помогло им сохранить единство в рамках нового политического и идеологического режима. Именно поэтому в Советском Союзе так и не был воплощен ряд идей, разработанных теоретически марксизма, таких как, например, отказ от института семьи. Таким образом, можно сказать, что российская цивилизация существует и включает в себя целый ряд локальных культур, объединенных вокруг единого этико-мировоззренческого стержня русской культуры.

Характер взаимодействия российской цивилизации с Западом и Востоком определялся не изменчивостью направлений развития России, а изменчивостью направлений развития других стран. Наиболее тесное культурное и политическое взаимодействие России со странами Запада приходилось на те моменты исторического развития, когда ценностная программа западных цивилизаций не вступала в противоречия с ценностной программой России. Подобных исторических эпизодов в истории России было великое множество (начиная с отношений с Византией на основании идей православия и заканчивая взаимодействием с США во Второй мировой войне на основании идеи противостояния нацизму) и, как правило, подобное взаимодействие было выгодным как для России, так и для стран, с которыми она взаимодействовала.

Говоря о международном взаимодействии, нельзя не затронуть экономическую сферу. Странам Запада часто приписывается особый интерес к вопросам экономики. Успех, который западный мир делал на этом поприще до определенного момента, традиционно объяснялся наличием частной собственности. Однако, как показывает состояние экономики сегодня, существующий западный тип экономики себя изживает. Как отмечает профессор Орлов, «Развитие частной собственности, ее эксклюзивность не лучшим образом сказываются на способах достижения идеального коммуникативного сообщества, экономической справедливости, поэтому сегодня так остро ощутима потребность в эффективных социально-управленческих программах, которые могут поставить надежный заслон стихийным действиям

владельцев частной собственности» [5, с. 38]. Именно этим можно объяснить успех, которого сегодня достиг Китай, строящий принципиально иную, восточную, коллективистскую экономику. Если примерить данный критерий на Россию в ее ретроспективе, можно заметить, что именно коллективистский тип экономики для нее более комфортен: осуществляя подобный тип ведения экономики, СССР достигло наивысших экономических показателей. Именно этим обуславливается существенная переориентация России на экономическое взаимодействие со странами Востока.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать ряд выводов. Запад никогда не представлял собой единой цивилизации, объединенной единой идеей, в то время как в российской цивилизации подобная идея существовала и была связана с этико-аксиологическими установками ее народов. Россия на протяжении истории была открыта для цивилизационного взаимодействия с другими странами тогда, когда их этико-аксиологические установки не вступали в противоречие с установками российского народа.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: Изд. РОССПЭН, 2004. 256 с.
3. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т 13. №2-1. С. 46-50.
4. Marilyn I. Benedict's Shame // Cabinet. Fall. 2008. 112 p.
5. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

УДК 261.8

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А.А. Пшеничников

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: majakovskij.volodya@yandex.ru

В представленной статье автор анализирует процессы, связанные с изменениями в сфере общественной религиозности. В данной статье приведены результаты статистических опросов последних лет, которые указывают на различные тенденции в

области общественной религиозности. Также, в конце статьи автор подводит выводы и указывает на этнические и религиозные проблемы, существующие в современной России.

Ключевые слова: общество, религиозность, динамика, статистика, социальные процессы.

DYNAMICS OF RELIGIOUSNESS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

A.A. Pshenichnikov

In the present article, the author deals with the processes associated with changes in the field of public religiousness. This article presents the results of statistical surveys in recent years, which indicate the different trends in the field of public religiousness. Also, at the end of the article the author summarizes the findings and indicates the ethnic and religious problems in modern Russia.

Key words: society, religiousness, dynamics, statistics, social processes.

С момента крушения Советского Союза 23 года назад в России, являющейся его преемницей, произошли колоссальные изменения. Подверглись трансформации экономическая, государственная и общественная системы. Россия вступила в новый виток своей истории без идеологической основы. Принципы, на которых строилось советское государство и общество оказались радикальным образом отторгнуты, а новые не были выработаны. Российское общество впервые за 70 лет столкнулось с необходимостью поиска новых оснований. И, в конечном итоге, эта ниша общественного сознания была занята многочисленными религиозными движениями и организациями. Огромный интерес общества к религии в 90-е гг. можно объяснить главенством во времена СССР научно-атеистического мировоззрения. Гонениям подвергались все без исключения религиозные движения, действующие на территории РСФСР и СССР. Потому впоследствии религии заполняли «духовный вакуум», образовавшийся после разрушения Советского Союза. Традиционные для России религии, которые к тому времени ещё не успели вернуть себе былого влияния, оказались оттеснены многочисленными новыми религиозными движениями.

Несомненно, нынешняя ситуация отлична от той, что сложилась в 90-х гг., намечаются различные тенденции в области общественного отношения к религиям. Отмечается рост адептов традиционных для России религий, а также увеличение атеистически настроенных слоёв общества и численности так называемых «духовных, но не религиозных» людей. Как правило, распределение религий происходит по этническому признаку, т.е. православие преобладает среди русского, белорусского и украинского населения, а ислам наиболее распространён среди жителей Северного Кавказа и некоторых республик Приволжского федерального округа и т.д.

Необходимо уточнить, что именно мы подразумеваем под словом «динамика», для этого используем определение М.О. Орлова, данное в одной из его статей: «Социальная динамика представляет собой циклический процесс, функционирование которого определяется спецификой социальной стратификации и социокультурной памятью конкретного общества» [1, с. 44].

Единственным способом, позволяющим судить о динамике общественной религиозности, является статистика. Периодически, крупные российские и зарубежные статистические центры публикуют опросы, проведённые среди населения и направленные на выявление численности представителей того или иного религиозного движения. На всём протяжении современной истории России данная статистика никогда не была одинаковой, хотя всегда существовали тенденции, определяющие отношения общества к религии. Производимые исследования подтверждают поликонфессиональный характер России. На её территории представлены десятки самых разнообразных религиозных образований: от мировых и национальных религий до элементов традиционных верований. География религиозных движений в России очень широка: ряд регионов носит монорелигиозный характер (преобладание одной религии, как например ислам на Северном Кавказе), а Приморский край является наиболее антирелигиозной областью (более 20% жителей причисляют себя к атеистам) [2]. Также, статистические выкладки позволяют нам узнать не только о том, каков процент жителей, относящих себя к православию, исламу, буддизму и т.д., но и понять, насколько эти люди хорошо знакомы с вероучением и обрядами своей религии. Исходя из этих позиций, можно сделать вывод о том, что число верующих, которые знакомы с вероучительными текстами своих религий становится всё больше. Однако выделяется и тенденция к формализму веры [2].

Следует, на наш взгляд, подробнее остановиться на доминирующих по количеству последователей религиозных движениях и организациях. Прежде всего, стоит сказать о христианстве, которое по своей сути неоднородно. В России оно представлено, пожалуй, всеми существующими деноминациями. Это и православие, и католицизм, а также классические протестантские и неопротестантские движения. Доминирующим христианским движением в России является православие и, хотя, данные статистических опросов очень сильно колеблются, порою до 30%, тем не менее, мы можем сделать вывод о многочисленности этого движения. А католические и все протестантские движения в совокупности составляют не более 1% [2]. Таким образом, эти сведения лишь подтверждают историческую действительность: православие в России всегда являлось религией большинства, католицизм и протестантизм, которые были широко распространены во времена Российской империи,

оказались в катастрофическом положении во времена советской власти и в последующее время так и не смогли вернуть былого влияния.

Второй религией по численности своих адептов считается ислам. Регионы, в которых он традиционно был распространён и в нынешнее время являются мусульманскими центрами России. Это республики Северного Кавказа, республики Татарстан и Башкортостан. Российский ислам не имеет чёткой структуры. Существуют несколько организаций – это Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ) и Совет муфтиев России (СМР). Среди адептов ислама большинство составляют традиционное для России направление суннитского ислама. Общая численность мусульман колеблется от 5 до 7% [2]. Однако, процессы миграции из стран Средней Азии, усилившиеся в последнее десятилетие, дают нам основание полагать, что количество мусульман может увеличиться в последующие годы.

Необходимо также отметить, что в России проживает большое количество представителей различных восточных религиозных традиций. Три республики традиционно представляют тибетский буддизм школы Гелуг. Это Калмыкия, Бурятия и Тува. Численность буддистов по всей России колеблется от 1,5 до 2 млн. человек. Также, в России проживают адепты различных индуистских культов. Представлены последователи такого немногочисленного движения как бахаи, согласно исследованиям американского статистического центра по изучению религий в России, по состоянию на 2005 год, насчитывалось 18 990 представителей этого движения [3].

Большую популярность с каждым годом приобретают всевозможные протестантские и неопротестантские деноминации. «Миссионерский и социальный успех протестантизма сделал его последователей частью религиозной и в целом гражданской элиты постсоветского российского общества. Однако, даже став одной из элит общества, протестанты не перестали рассматриваться сквозь призму «сектантства», «западных агентов», «пятой колонны», которая исповедует западническую идеологию, западный рационализм, который чужд евразийскому восточному православному сознанию» [4, с.142]. По данным последних исследований, число протестантских церквей и союзов достигло 10 тысяч на всей территории России, а количество адептов приблизилось к отметке в 3 млн. человек [4, с.139]. И как замечает исследователь протестантизма Роман Лункин: «Критики евангельского движения или неопротестантизма (как часто называют миссии и движения, которые стали возникать в 1970-1980-е гг.) отчасти правы в том, что евангелисты привносят свою культуру, своё понимание духовности и благочестия, которые отличны от православного, предлагают верующим богослужение с экстатичными молитвами и поп-музыкой, радикально отличающиеся от литургической

традиции православия или католицизма (и консервативного лютеранства)» [4, с. 142].

К сожалению, вместе с отмечающимся ростом религиозности и религиозных движений в обществе, растёт количество экстремистских организаций и уровень ксенофобии. Национальные и религиозные конфликты стали частью современной российской действительности. Как отмечают исследователи информационно-аналитического центра «СОВА»: «Продолжавшийся с 2009 по 2012 годы спад уличного расистского насилия явно прервался. Год ознаменовался заметным всплеском этнического насилия, очевидным даже незаинтересованным наблюдателям. Была устроена настоящая травля уроженцев Центральной Азии и Кавказа. Люди страдали как от организованных атак, так и от бытового ксенофобного насилия, в том числе с применением оружия. Выросло, в частности, количество нападений в вагонах электричек и метро («белых вагонов»). А в октябре мы столкнулись с беспрецедентными случаями групповых налетов на поезда, идущие в Таджикистан. В сочетании с умножившимися полулегальными рейдами ультраправых по местам жительства и работы мигрантов все это снова создает атмосферу насилия» [5, с. 21].

Безусловно, такая обстановка не способствует укреплению межэтнического и межконфессионального мира, который так необходим нам в столь непростых исторических условиях. «Религиозные организации традиционных конфессий могли бы сообща проводить вместе с учеными различные исследования и встречи, посвященные проблемам понимания межэтнической и межконфессиональной толерантности, преодоления религиозно-политического и националистического экстремизма, по профилактике межрелигиозных и межнациональных конфликтов» [6, с. 26].

Таким образом, представленные данные позволяют нам сделать определённые выводы, относительно религиозности общества и межконфессиональной обстановке в государстве:

Во-первых, совершенно очевидным становится увеличение количества последователей традиционных для России религий – христианства (а именно представителей православия), ислама, также прочные основы имеет буддизм в регионах, в которых он традиционно распространён;

Во-вторых, происходит рост численности последователей различных нетрадиционных религиозных движений, что очень ярко видно на примере неопротестантских церквей и деноминаций;

В-третьих, намечается тенденция к росту конфликтов на религиозной и этнической почвах.

«Иными словами, реальной проблемой для государства и общества остается проблема мирного сосуществования различных религий в

условиях демократии и свободы совести, которое было бы религиозно обосновано» [7, с. 37]. Подводя итог, хотелось бы сказать о том, что все государственные и общественные усилия должны быть направлены на недопущение серьезных межэтнических и межрелигиозных конфликтов, на создание благоприятной демократической обстановки в стране.

Библиографический список

1. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.
2. Верю – не верю. «Огонёк». № 34 (5243). 27.08.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1997068> (дата обращения: 10.12.2014).
3. Most Baha'i Nations (2005). URL: http://www.thearda.com/QuickLists/QuickList_40c.asp (дата обращения: 10.12.2014).
4. Лункин Р.Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа: журнал. М.: Институт Европы РАН, 2014. №3 (59). С. 133-143.
5. Альперович В., Кравченко М.А., Сибирева О.А., Юдина Н.Ю. / Под ред. Верховского А.М. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году: Сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА». М.: Центр «Сова», 2014. 163 с.
6. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.
7. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.

УДК 1:316.3

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА И ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАД – РОССИЯ – ВОСТОК

В.П. Рожков

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблемы динамики современного социума. Автор обращает внимание на тенденции-противоречия, в результате реализации которых возможны движения к однополярному или многополярному мировому сообществу. В статье раскрывается сложность и неоднозначность либерализма, традиционализма и национализма, и предполагается, что обращение к нравственным ценностям религиозно-духовной традиции взаимодействующих культур может создать условия для формирования многополярной мировой системы.

Ключевые слова и фразы: либерализм, традиция, нравственность, национализм, религиозность, философия, духовность.

DYNAMICS OF THE CONTEMPORARY SOCIETY AND THE PROBLEM OF INTER-CULTURAL DIALOGUE IN EXPANSE THE WEST – RUSSIA – THE EAST

V.P. Rozhkov

The article investigates the problem dynamics of the contemporary society. The author draws attention to the trend-contradiction, as a result of which the possible movement towards a unipolar or multipolar world community. The article reveals the complexity and ambiguity of liberalism, traditionalism and nationalism, and it is assumed that an appeal to the moral values of the religious-spiritual tradition of interacted cultures can create the conditions for the formation of a multipolar world system.

Key words: liberalism, tradition, morality, nationalism, religiosity, philosophy, spirituality.

Современное человечество, достигшее рубежа II и III тысячелетий, все сильнее убеждается в сложности и противоречивости образования планетарной системы коммуникаций, которое воспринимается общественным сознанием, как глобализация. Объективно обусловленная тенденцией расширенного воспроизводства индустриального общества XIX-XX столетий и отсюда нарастанием интеграции во всех сферах деятельности мирового сообщества, глобализация естественно рождает вызовы, адресованные социуму. С учетом рисков и метаморфоз соответствующего всечеловеческого масштаба, содержащихся в этих вызовах, ответ на них, как представляется, не может не предполагать мощной апелляции к диалогу национальных культур.

Технико-технологический фактор, обеспечивающий реальность и интенсивность подобного диалога создан и постоянно совершенствуется, выражая специфику информационной фазы постиндустриальной цивилизации. Однако в таком случае логично возникает вопрос о человеческом факторе в форматах индивидуального, социального, и этнического субъектов. Его закономерность аргументируется не только логикой классификации подобных факторов. Постановка такого вопроса вполне правомерна и потому, что все процессы, тенденции, противоречия, метаморфозы, происходящие в социо-культурном пространстве цивилизации, как и само это пространство, создаются совместной деятельностью людей, деятельностью человека – человечества. Думается, что в исследовании динамики глобализации в этом ключе требуется прежде всего выявить центральные, основообразующие тенденции–противоречия глобальной стадии современной исторической динамики, в которых концентрированно выражаются потребности, интересы, мотивы,

цели и поступки человека и создаваемых им социальных (в широком смысле слова) институтов. С учетом заявленного исходного положения можно отметить, что знаковые исторические события последнего десятилетия создали основания для следующих предположений.

Исследуемая современная стадия динамики современного социума характеризуется резко обостряющимся противоречием между процессами мощно нарастающей интеграции мирового производства и консервации национальной доминанты экономических интересов. Трансформация выделенного противоречия просматривается в сферах отношений собственности, обмена и управления. Это сферы борьбы транснациональных корпораций, олигархических кланов и национально ориентированного бизнеса. В этой борьбе определяется результирующий вектор движения к однополярному или многополярному миру. Следует отметить, что уже во второй половине XX века историческая ситуация складывается так, что становится очевидным усиление тенденции движения к мировому доминированию модели западной техногенной цивилизации. С развалом Советского Союза и Варшавского блока в процессе глобализации отчетливо обозначается вектор движения к однополярной системе планетарного управления. К выполнению функции подобного единственного «полюса» как центра управления земной цивилизацией стремятся США, опираясь на блок НАТО. Причем выделяющийся западный «полюс» проявляет свой характер преимущественно, как неконтролируемый «центр силы». Об этом свидетельствуют такие драматические события на международной арене, как: прямое использование вооруженных, военных операций США и НАТО в Сербии, Ираке, Ливии, Афганистане, инициирование и военная поддержка западно-ориентированных сил радикальных оппозиций на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Восточной Европе, в ходе так называемых «цветных революций». Показательно, что насильственные акции, попирающие международное право, так же как и многократно декларированные международными организациями и форумами права человека или права нации на самоопределение и государственный суверенитет, осуществляются под знаком западного либерализма и демократических ценностей.

Однако к началу второго десятилетия XXI столетия в динамике глобализации выделяются носители других векторных направлений в лице таких геополитических гигантов, как Китай и Россия. Таким образом, появляются институциональные условия движения к многополярному всечеловеческому сообществу. Статус Китая как «мирового игрока» в этом направлении укрепился настолько, что администрация Барака Обамы в 2009 году выступила с предложением оформления политического союза с КНР. Советник американского президента по внешней политике Збигнев Бжезинский в этот период выдвигает идею стратегической ориентации на

«большую двойку» (G2) или «Кимерику», оставляя Евросоюзу роль «второстепенного игрока». [1, с. 52-53]. Думается, что с учетом самостоятельности Китая как игрока в геополитическом пространстве складывающегося планетарного социума, появляются основания для видения в нем мощного восточного полюса, влияющего на динамику международных отношений. Роль России как «игрока» планетарного формата проявлялась постепенно, вызывая нарастающее противодействие США и НАТО, что особенно ясно просматривается в Сирийских и Украинских событиях в настоящее время.

Показательно, что утверждение самостоятельного статуса России и Китая как «игроков» планетарного уровня и в таком качестве как носителей вектора многополярности мира связано с противостоянием западному либерализму и обращением к национально культурным традициям. В среде и российской, и китайской общественности интенции традиционализма часто отождествляются с обращением к национальному чувству, национальным особенностям и национализму. «Подъем национализма и то, что он смог покончить с господством либерализма в среде китайской интеллигенции и даже в китайском обществе, что он все более и более заменяет либерализм в качестве самого влиятельного в Китае идеологического направления, – считает заместитель директора Института политологии Академии общественных наук КНР, профессор Фан Нин, - имеет глубокие общественные корни и исторические причины» [2, с. 8]. В России подобное направление связывается с поиском русской национальной идеи, с акцентированием внимания на мессианские мотивы русского национализма, на нравственную и творческую наполненность национального чувства русского человека. [3].

Во многом, как представляется, подобный «культурный поворот» объясняется сложностью и противоречивостью и либерализма, и традиционализма, и национализма. Действительно, даже при достаточно обобщенном изучении генезиса либерализма обнаруживаются «две стороны медали» процесса реализации либеральных идей. Одна сторона отражается в концепциях «естественного права» и «общественного договора» Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, Ш-Л. Монтескье, Т. Джефферсона, Б. Франклина. Как известно, положение Дж. Локка о праве на *жизнь, собственность и свободу* стало принципиальной основой программ классического либерализма, воплощающегося в принципах и конституционных нормах демократического государства (праве на участие в выборах главы государства, представительных органов власти, праве на объединение в политические профессиональные и общественные организации, праве на свободу совести, слова, печати и т.д.). Обратная сторона медали выделяется из противоречия между ориентацией на ценности «жизни и свободы» и насильственными средствами их реализации, а также между реальностью и формальностью юридического

права вообще и права на собственность в частности. Действительно, практическое воплощение теоретических положений о естественном праве на жизнь и свободу происходило, как не парадоксально, в процессе насильственного попрания их в кровавых событиях революции и гражданской войны 1642-1649 годов в Англии. Декларация прав человека и гражданина, принятая Учредительным собранием Франции (26 августа 1789 г.), реализовывалась в ходе массового террора и гражданской войны и, следовательно, лишения жизни и свободы тысяч людей в период Великой французской революции 1789-1793 гг. Отражение идей естественного права в Декларации независимости (1776 г.), принятой Континентальным конгрессом в ходе войны за независимость в Северной Америке, (1776-1783 гг.) как и формирование государственной системы, ориентированной на принципы либерализма, не стало преградой для вооруженного насилия и массовой гибели людей в ходе военных действий. Рожденные революционным насилием, либерально – демократические государства не отказались от средств насилия, сформировав в своих системах традиционные силовые структуры – армию, полицию и т.д. Не отказались они и от военных форм разрешения противоречий, как на международном уровне, так и внутри собственных стран. Подтверждением тому может служить инициирование и участие США и ведущих стран НАТО в многочисленных масштабных и локальных войнах в XIX – XX столетиях и военных конфликтах и операциях в начале XXI века. В то же время история подтверждает и теоретическую аргументацию совместимости экономического либерализма с авторитарными режимами. В качестве насильственных средств реализации экономических интересов крупный монополистический капитал использовал и использует национализм и фашизм. Классическим примером в этом отношении может служить Германия периода Веймарской республики, конституционно закрепившая либеральные ценности парламентаризма и демократических свобод, а закончившая установлением фашистского режима. Общеизвестно, что именно олигархия угольных и стальных «баронов» Рура миллионными вливаниями поддержала триумвират Гитлера – Геринга – Геббельса, усматривая в нацизме мощную силу для решения задачи расширения экономического пространства «Рурской» империи в масштабе европейского континента и за его пределами. Судя по активизации радикальных националистических оппозиций в ходе «цветных революций», реальность подобной поддержки наблюдается и в настоящее время. Что касается разрешения военными средствами внутренних противоречий, то классическим примером такого варианта вполне обоснованно может рассматриваться Гражданская война в США (1861-1865 гг.) между Севером и Югом. Насильственная сторона либеральной медали, как представляется, во многом способствовала и формализации прав человека, прав на самоопределение и государственный

суверенитет, что, в конечном счете, не могло, не отразится на характере проявления второго из ранее выведенных противоречий.

Особый интерес в этом отношении представляет институт частной собственности, занимающий одно из ключевых положений в экономических программах либерализма и представляющийся воплощением выдвинутого Дж. Локком естественного права человека на собственность. Формализация этого права в условиях рыночной экономики и, следовательно, конкуренции естественна, так как проигравший в конкурентной борьбе субъект собственности объективно оказывается перед реальностью отчуждения от собственности. Более того, функциональный механизм частной собственности содержит в себе и структурную предпосылку закономерного отчуждения от собственности определенного социального субъекта, для которого продекларированное право собственности в формате собственности на средства производства становится формальным. Действительно, если собственность на средства производства определить в качестве совокупности таких функций пользования средствами производства, как: юридическое владение, непосредственное использование средств производства в процессе труда и управление (распоряжение), то можно обнаружить варианты функционального отчуждения определенного социального субъекта на уровнях средней, крупной, монополистической и государственно-монополистической собственности.

Выделенные противоречия не получили своего принципиального разрешения и до настоящего времени. Более того, они способствуют дальнейшим деформациям западного либерализма. Вот почему российское и китайское общественное и философское сознание имеют основание обратиться к собственной, совершенно иной мировоззренческой традиции, содержащей идеал нравственно детерминированной личности, и на этом традиционном фундаменте совместно решать задачи принципиальной корректировки западного либерализма. Исторический опыт господства прозападных либеральных группировок у власти в России 90-х годов, показывает, что отказ от подобной корректировки в условиях цивилизационного транзита современной фазы глобализации способствует подчинению национальных экономических, политических, социальных интересов стратегиям западного «центра силы»; забвению традиционных культурных ценностей и замене их приоритетами западной массовой культуры; резкой дифференциации и социальному разбалансированию общества; негативным демографическим и межэтническим процессам.

Судя по публикациям в последние десятилетия, идеи западного либерализма широко распространяются и в современном Китае. Причём китайский либерализм предлагает общественному сознанию знакомые рецепты: демократию, частную собственность, рыночную экономику, свободу личности. Предыдущий анализ противоречий либеральной

доктрины даёт основание предположить, что в случае реализации «знакомых рецептов» без учёта оборотной стороны «либеральной медали» китайское общество может столкнуться с нарастанием рисков господства олигархической собственности, сформированной за счёт фактического захвата государственной собственности и акцента на торгово-валютные операции с постепенным открытым и завуалированным переходом производственно-экономических рычагов к иностранному капиталу; рисков разрушения национального промышленного и сельскохозяйственного производства с ранее обозначенными социальными, демографическими и межнациональными последствиями.

Думается, что и в России, и в Китае корректировка западного либерализма может быть осуществлена на основании обращения общественной мысли к ресурсу культурной, а значит, и философско-религиозной традиции. Но в этом случае в общественном сознании обеих стран необходимо закрепить вполне определенное отношение к традиционализму и национализму, как к сложным, неоднозначным и в какой-то степени взаимосвязанным явлениям. Следует учитывать, что среди характеристик национализма в качестве идеологии в современной социальной теории выделяются с одной стороны идеи нации, как высшей ценности и формы социально-этнической общности, а с другой – идеи национальной исключительности и национального превосходства. Шовинизм, в свою очередь, определяется как крайний национализм или идеология воинствующего национализма, а фашизм – как идеология воинствующего шовинизма и практика уничтожения и порабощения народов со стороны господствующей, избранной в своем исключительном превосходстве нации. В тоже время, в традиционализме обозначается нацеленность на сохранение традиций и национального начала.

Нельзя не отметить, что современная теоретическая мысль, базируясь на западной рациональной методологии, акцентирует внимание на консервативных интенциях традиционализма. В этом ключе, традиционализм связывается лишь с защитой сильной государственной власти, архаикой, ностальгией, приматом общества над личностью национализмом, радикализмом. Как представляется, такой подход страдает односторонностью, так как традиционализм не одномерен, и как любое сложное явление предполагает учёт «двух сторон медали». С позиции подобного подхода аксиологическое обращение, например, к традициям русской религиозной философии и конфуцианства, характеризующихся «панэтизмом», «метафизикой всеединства» с одной стороны и «фундаментальной этицированностью», «моральной теорией человеческих действий» – с другой, вряд ли позволяет воспринимать их лишь как реакционные и радикальные, консервативные и архаичные. Напротив, посылка к обозначенным духовно – нравственным составляющим традиционализма на антропологическом уровне означает восстановление в

ментальных пластах сознания российской и китайской интеллектуальных элит вполне определённых приоритетных идеалов. Это-идеал «личности-нравственно действующей силы», ориентируемой жизнестроительной любовью, концептуально выделенный в религиозно-философской антропологии В.С. Соловьёва. И это – идеал «благородного мужа», нравственно коррелируемого человеколюбием и долгом, в учении Конфуция. Думается, что именно такие нравственно-ценностные приоритеты антропологического содержания отмеченных философских мировоззрений могут стать основой как для корректировки негативных проявлений либерализма и национализма, так и для осуществления диалогового процесса между США и ЕС – западным полюсом, Россией – евразийским полюсом и Китаем – восточным полюсом. В конечном счёте, на подобном нравственном основании движение к многополярному миру может из возможности превратиться в реальность. Проблема заключается лишь в способности народов и их политических элит реализовать ценностный духовно-нравственный ресурс собственных культурных традиций, отказавшись от привычного убеждения о несовместимости нравственности и политики.

Библиографический список

1. Петрунина Ж.В. Внешнеполитическая стратегия КНР в Азиатско-тихоокеанском регионе // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М., 2013.
2. Фан Нин. Три крупнейших течения общественной мысли, имеющих влияние в современном Китае // Экономические стратегии 2005. №7. URL: www.inegnet.ru/magazine/top10/mode=show_news?id=2547 (дата обращения: 02.04.2013).
3. См.: Фриауф В.А., Орлов М.О., Рожков В.П. и др. Русская идея, как выражение традиции: богословие, философия, литература. Саратов, 2011. С. 5-155.

УДК 261.8

ВОЗМОЖНОСТЬ СИНТЕЗА КУЛЬТУР РОССИИ И КИТАЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

А.И. Ситникова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: haruno.sakura.ya@mail.ru

Сегодня цивилизационные отношения в глобальном мире переживают новый перелом. Устоявшиеся отношения Востока и Запада стремительно разрушаются и России в этой связи крайне важно найти новых союзников и определить свое место в новом мире. Интересным союзником в этом контексте представляется Китай.

Ключевые слова: Россия, Китай, культура, цивилизация, синтез.

POSSIBILITY OF SYNTHESIS OF CULTURES OF RUSSIA AND CHINA AS WAY OF ACHIEVEMENT OF MUTUAL UNDERSTANDING

A.I. Sitnikova

Today the civilization relations in the global world endure a new change. The settled relations of the East and the West promptly collapse and in this regard it is extremely important to Russia to find new allies and to define the place in the new world. The interesting employee in this context China is represented.

Key words: Russia, China, culture, civilization, synthesis.

Россия и Китай на современной политической арене являются достаточно обособленными и выделяющимися субъектами. Наметившийся в последнее время курс на политическое и экономическое взаимодействие обусловлен не только политической обстановкой, но и имеет более глубокие цивилизационные основания. Целью данной статьи является проанализировать культуру Китая и найти общие с Россией цивилизационные основания.

В целом Китай нельзя охарактеризовать ни одним из терминов, принятых для современной классификации государств; здесь не подходят (или подходят лишь частично) определения «развитое», «новоиндустриальное», «переходное», «развивающееся». Особые возражения вызывает применение к КНР выражения «формирующийся рынок». Возможно, по этой причине есть смысл охарактеризовать Китай по официально заявленному качеству – как страну рыночного социализма (на его начальной стадии), тем более что в социалистическом качестве она, повторим, числится и в документах самой ВТО. Стоит также признать низкой вероятностью замены этого определения какой-либо общечеловеческой или иной западной доктриной и даже конфуцианством. При этом отдельные западные «теории» – свободы торговли, социальной стратификации – в перспективе могут утвердиться в тактическом арсенале Пекина. Стоит заметить и весьма спокойное (если не сказать ироничное) отношение КНР к попыткам ее классифицировать, к внешнему «имиджу» – предмету неустанных забот «гайдаризма».

Нужно ли нам слово «цивилизация» для объяснения причин подъема Китая? Как мы попытались показать, подъем этого мегагосударства базировался на универсальных и в том числе методических основаниях, хорошо известных всякому человеку, родившемуся в СССР или КНР. Это – исторический материализм, дополненный практическим ленинизмом [1] Дэн Сяопина. Разумеется, не помешало и многое действительно полезное, наработанное на Западе и Востоке. Добавим, что измерения

«цивилизационного» в основном производится разномастными обществоведами за рубежами Китая. Во многом эти интеллектуальные искания направлены на выявление некой особой идеальной субстанции – «китайского предпринимательского (трудолюбивого) духа» – наподобие «протестантской этики».

Как реакция на практические неудачи в модернизации и глобализации отдельных стран «цивилизационный дискурс» вполне объясним, равно как и желание защититься от культурной и информационной экспансии Запада. Но это – реакция оборонительная, консервативная, что неплохо, но грозящая фундаментализмом и расставанием с наукой, что нехорошо. Удачные абстракции и четкие научные определения имеют свойство облегчать существование человечества. Но из этого не следует, что введение категории «цивилизации» (еще и во множественном числе), ставшей особенно популярной после работы С. Хантингтона, является необходимым для анализа социально-экономического развития и особенно международных отношений. Работа с «цивилизациями» в означенной сфере таит в себе не только теоретические опасности, вытекающие из принципа экономии мышления. Существует политическая опасность избыточного применения цивилизационного подхода. Представляя мир в качестве совокупности «цивилизаций», – китайской, индийской, западноевропейской, американской, российской, – мы рискуем выпустить из виду отдельные страны из-за неопределенности их «цивилизационного» положения, небольшого размера, смешения существующих в них культур, этносов и тому подобное. Кроме того, вводя в политический оборот термин «цивилизации», мы, помимо прочего, сами подрываем основы деятельности ООН, в основных документах которой этого термина, к счастью, пока нет.

В результате необыкновенно оживились чайные самобытники, незалежники и многопудовые городские казаки, способные одним своим весом переломить хребет «владимирскому тяжеловозу». Повсюду «национальные миры» с барынями-патриотками. В какой-то мере С. Хантингтон нас «купил», заставив копаться в этнокультурном, а также «духовном и возвышенном». А ведь естественнее было задать простой вопрос о том, кто выигрывает от монополярного мира, и организовать коллективное сопротивление зарвавшемуся гегемону в политике, экономике и информационной сфере.

Но Поднебесная справилась с решением этой задачи практически в одиночку, разумеется, отчаянно маневрируя и используя для упрочения отношений с незападными странами, в том числе, и «цивилизационную» риторику. Знамя Китая не упало, а после обидной для гегемона документальной фиксации долга правительства США по обязательствам «Фани» и «Фреди» произошла агрессия в Ливии (2011 г.). Пекин перешел в

контрнаступление, обозначив новую биполярность в мире, становящемся полицентричным [2].

Интересен, например, китайский термин «культурная безопасность», введенный в оборот в качестве инструмента противодействия неблагоприятному внешнему воздействию. Китайские международники иронично уподобляют его применительно к малограмотной формуле «национальная (европейская) идентичность», распространенной в Старом Свете. С давних времен китайские власти очень выручают точные и емкие формулировки политических установок. «Политика – командная сила», «винтовка рождает власть», «одна страна – две системы», «расставаясь с земледелием – не расставаться с деревней», «импортом вскармливать экспорт». Они яркие и простые.

Нужна ли Китаю «национальная идея» – вопрос необыкновенно интересный. Китай в этом отношении имеет весомый базис, ведь как отмечал М.О. Орлов «В последнее десятилетие прошлого века европейская политико-философская мысль в контексте обсуждения прав человека способствовала вниманию к конфуцианству и его принципам» [3, с. 48]. Любой доктрине, претендующей на полноту, необходима своя мечта (утопия), роль которой в западном миропонимании последние 40 лет прекрасно выполняло представление о постиндустриальном мире из работы американского социолога Д. Белла, естественно, в дальнейшем вульгаризированное.

Поднебесная, внимательно наблюдая за внешним миром, все более укрепляется в собственной полноценности и уже готова внести конкретный идейный и, что важно, практический вклад в развитие мировой цивилизации, заплутавшейся в последние десятилетия в дебрях неолиберализма, постмодернизма, разного рода «гайдаризмов» и т.п.

Отчасти именно в этом как раз и состоит, на наш взгляд, действительный узел противоречий между Пекином и Западом. Заземленный на практику «коммунистический Китай» (об этом статусе угождающий Пекину Запад быстро позабыл) представляется теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем «свободный Запад» с его остатками глобальных моральных претензий. Наглой клоунадой выглядят, например, бомбардировки Ливии, едва покинутой китайскими строителями, с последующим обращением «гуманных» европейских лидеров к Пекину с просьбами дать взаймы. Противоречат духу глобального мира и здравому смыслу многочисленные ограничения на инвестиции китайских компаний в экономику развитых стран. Странными представляются обвинения Пекина в проведении «колониальной» политики в Африке, где до сих пор топчутся забытые прессой французские легионеры и т.п.

Парадокс нынешнего исторического момента заключается еще и в том, что, если на Западе сложившуюся экономическую систему все чаще

атакуют слева, то Китай «нажимает» на Запад с коммерческих позиций: покупкой (непокупкой) или продажей госдолгов развитых стран, апелляциями к нормам ВТО и тому подобное. Это особенно интересно, учитывая нехарактерность экономике Китая его политике: как отмечал Орлов, ««Нейтрализация» капитала снимает реальную угрозу интервенционизма государства» [4, с. 38]. И в то же время неблагоприятным частям планеты оказывается немалое содействие. Чего стоит одно только возвращение Африки, ставшей крупным получателем китайской экономической помощи, из «забытого» континента в поле активной политической игры. Не менее впечатляюще недавнее предложение 300-миллиардного пакета инфраструктурного содействия Индии. А к 2020 г. компания «Бэйдоу» собираетс^с бесплатно предоставлять всем заинтересованным странам услуги глобального позиционирования [5].

Заметим, что одним из первых выражение «китайская мечта» применил в Великобритании член палаты лордов Нат Вэй – третий из хуацяо, получивших этот почетный титул за работу в сфере социального предпринимательства. Он, помимо прочего, указывал на немалую дискриминацию китайцев в Альбионе. Возможно, мечта ориентирована и на более широкую, уже не только внутрикитайскую аудиторию. Тем более, что ситуация в отношениях с диаспорой необыкновенно быстро меняется в пользу Пекина (это во многом произошло из-за агрессии Запада в Ливии). Данный сдвиг зафиксирован весной 2012 г., когда лидерам диаспоры указали на необходимость участия во внутривнутриполитической жизни стран проживания.

Библиографический список

1. Гонтмахер Е.Ш., Загладин Н.В.. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 22.
2. Барский К.М., Салицкий А.И. Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. №7 (70). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m7-2012/15558-policentrizm-sovremennogo-mira-i-novaya-bipolyarnost-kak-vozmozhnyu-scenariy-globalnogo-razvitiya.html> (дата обращения: 05.03.2015).
3. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
4. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
5. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.

ИСЛАМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

А.Е. Тимофеев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: andrewtimof1994@yandex.ru

Целью написания данной статьи стало рассмотрение религиозной ситуации в современных государствах Юго-Восточной Азии, а так же влияния религиозных взглядов на общественную жизнь, на государственный строй и на внешнюю и внутреннюю политику.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, ислам, государство, общество, религия, религиозные общности.

ISLAM IN SOUTHEAST ASIA. STATE, SOCIETY AND RELIGION

A.E. Timofeev

The purpose to writing this article was to consider the religious situation in the modern states of Southeast Asia, as well as the influence of religious beliefs on public life, on the system of government and foreign and domestic policy.

Key words: Southeast Asia, Islam, state, society, religion, religious communities.

Распространение ислама в Юго-Восточной Азии началось уже к VII веку. Сначала там появлялись купцы-мусульмане, а затем со временем, стали появляться и расти мусульманские торговые государства. После пришествия португальцев, а затем и голландцев, то что человек мусульманин, вполне могло значить, что он либо сам состоит в движении сопротивления европейцам, либо поддерживает их [1].

Постепенно, ислам стал господствующей религией во всём регионе. Сейчас, Индонезия – крупнейшая в мире мусульманская страна. Мусульманская, потому что более 90% её населения исповедуют ислам.

Основная же проблема в том, что в отличие от исконно мусульманских стран, в этом регионе, ислам стал политически-направленной религией. Политики используют эту веру, чтобы достичь постов, в том числе и постов глав государств, а оппозиция правительству влияет на мусульманские организации для достижения своих целей.

В общем и целом, Юго-восточно-азиатский ислам – один из самых мягких в мире, но в тоже время в регионе появились и радикалы, которые, так же, как и в других исламских регионах, стремятся создать религиозное исламское государство [2].

В Индонезии, первыми президентами – Сукарно и Сухарто – были проведены политические мероприятия по деполитизации ислама, что им в конечном счёте и удалось. Также, при них резко изменилась демографическая составляющая (в плане религии). Подавляющая часть мусульман была переселена из исконно мусульманских провинций в различные христианские, что способствовало увеличению плотности населения по всей стране.

На данный момент, в Индонезии существует две наиболее крупных организации, которые выступают за разные направления политики религиозных деятелей. За консервативную линию выступает организация «Нахдат уль-улама», а за постепенное реформирование и очищение – «Мухаммадия» [3].

В Камбодже проживает мусульманский народ чам, не имеющий своей письменности. Этот народ был практически уничтожен «красными кхмерами», из-за чего он получает помощь из многих стран, в которых проживают либо чам-иммигранты, либо сочувствующие им мусульмане. На материальную помощь в Камбодже было построено множество новых мечетей, школ и исламских центров.

Однако, помимо материальной помощи, в последние годы в Камбоджу начали проникать и движения исламских фундаменталистов. Что привело к распространению либо вакхабизм, либо других движений [3].

В отличие от Индонезии и Камбоджи, государственной религией ислам признаётся сейчас лишь в Брунее. И там его исповедует около 63% населения [4]. Но и там начали распространяться мусульманские фундаменталистские движения.

За счёт того, что при начале распространения, ислам не оказывал себе вооружённой поддержки в данном регионе, многие народы приняли ислам ещё около XII века, и вплоть до XV-XVI столетий он не встречал и не оказывал никакого религиозного давления ни на местные религии, ни с их стороны на себя.

По наступлении же Колониальной эпохи и пришествию португальцев, началась борьба за существование не только местного ислама, но и остальных религий и верований, в том числе буддизма и индуизма.

По пришествии в регион силы, заменившей португальцев, голландцев, религиозные притеснения только усилились. Именно из-за этого и начался ещё более массовый переход в ислам местного населения. Так как в отличие от остальных конфессий, мусульмане организовывали целые повстанческие отряды [1].

Так было в течение истории. Но после получения независимости от европейцев эти государства получили также и подвижки к модернизации. Но к модернизации особой, восточной, а не западной. Это и стало

отправной точкой модернизации индонезийских президентов Сукарно и Сухарто.

Так же это стало отправной точкой глобализации и появления надгосударственного образования в Юго-Восточной Азии – АСА, а затем и АСЕАН, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

Вот как описывает эти процессы М.О. Орлов: «Если включить в число субъектов трансформации страны Юго-Восточной Азии, процессы в которых не являются модернизационными в чистом виде, а также Индию, то в целом вырисовывается сценарий незападной (азиатской) глобализации. Его суть – построение консюмеризированной мировой деревни, иными словами, возобладание предмодернизационного стиля жизни над западным стилем или стилем других форм современности при исключении всякой демократии, кроме общинной, и, разумеется, игнорировании каких-либо прав человека» [5].

М.О. Орлов со своей стороны прав, в странах Юго-Восточной Азии могут беспрепятственно нарушаться права человека, но это лишь немногие случаи. В отношении демократии – нет. Так как там присутствуют и республики, и федерации, а из не демократических – королевства. То есть государственный строй там совершенно различен и можно наблюдать совершенно разные проявления вышеуказанных республик и федераций [3].

Да, там существуют республики и федерации, являющие по своей сути союзы общин, но существуют и демократии в европейском смысле этого слова.

Так же хотелось бы сказать, что ко всему региону Юго-Восточной Азии можно отнести индонезийский лозунг «Единство в различии», потому что ни в одной из стран региона на сегодняшний день не преследуется ни одна из проживающих там наций и ни одна из присутствующих там конфессий.

Так же эту идею «исповедают» большинство живущих там мусульман, буддистов и индугов. Вот что об этом пишет Майкл Лаффан: «Although the national motto of Indonesia, «Unity in diversity» (Bhinneka tunggal ika), was intended to be an explicitly national one, it is no less applicable to the community of Southeast Asian Muslims, as well as to Muslims the world over. When Muslims come together to worship in the mosque on Friday, or when they perform their daily prayers as individuals, they face the same direction. As such they participate in a unitary tradition. The same might be said of when Muslims greet each other with the traditional Arabic blessing «Peace be with you» (al-salam `alaykum), when they undertake the fast (sawm) during the month of Ramadan, or when they make the pilgrimage (hajj) to Месса...

On the other hand, many distinctions between believers of different cultural and theological traditions remain in evidence. Even when the global community

of the faithful gather in Mecca for the hajj and don the same simple costume of two unsewn sheets (known as ihram), they often travel together in tightly managed groups of fellow countrymen or linguistic communities—at times with tags displaying their national flags. By the same token, there are many specific local practices that are felt to be thoroughly Islamic in Southeast Asia, but these, on occasion, have been condemned by Muslims of different cultural backgrounds by virtue of their absence in, or displacement from, their own histories. Local practices include the use of drums (bedug) in place of the call to prayer (adhan), or the visitation of the tombs of the founding saints of Java...

(«Несмотря на то, что национальный лозунг Индонезии «Единство в многообразии», должен носить явный национальный характер, это также применимо к мусульманам в других государствах региона Юго-Восточной Азии и для мусульман всего мира. Когда мусульмане собираются в мечети в пятницу, или когда они индивидуально выполняют свои ежедневные молитвы, они склоняют головы в одном и том же направлении. Как таковая, эта традиция едина для всех. То же самое можно сказать об их приветствии «Мир вам», об их постах в месяце Рамадан, или об их паломничестве в Мекку...

С другой стороны, многие различия между верующими различных культурных и богословских традиций остаются очевидны. Даже тогда, когда мировое сообщество верующих собирается в Мекке для совершения хаджа и входят в состояние ихрам, они часто путешествуют вместе в чётко организованных группах со своими соотечественниками или в своих языковых общинах, порой с флажками, отображающими их национальные флаги. К тому же, есть много специфических местных традиций, по которым можно узнать мусульман из Юго-Восточной Азии, за которые они, иногда, осуждаются мусульманами других культурных традиций в силу их отсутствия у них, или ухода, замещения их другими на протяжении их собственной истории. Местные традиции включают использование барабанов вместо призыва на молитву, или посещение могил местных яванских святых...» [6].

Таким образом, можно сказать, что ислам, конечно же, повлиял на историю региона, как и на другие, но здесь он наиболее мягко вписался и в местные верования, и в то, каким стал государственный строй на сегодняшний день и в общественные, в том числе межконфессиональные отношения [7]. Это вместе сформировало регион таким, каким он известен нам на сегодняшний день [8].

Библиографический список

1. Шпажников С.А. Религии и их роль в странах Юго-Восточной Азии. М.: изд-во Наука, 1980.
2. Зарипов А. История Ислама. Глава 12. Ислам в Юго-Восточной Азии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003.

3. Комарова И.И. Мусульмане Юго-Восточной Азии // Восточный свет. 2010. С. 76-95.
4. Кирей Н.И. Территориальное распространение ислама в Азии и Африке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. С. 41-45.
5. Орлов М.О., Данилов С.А., Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
6. Laffan M. Islam in Southeast Asia. Asia Society URL: <http://asiasociety.org/islam-southeast-asia-0> (дата обращения: 14.02.2015).
7. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1-2. С. 43-47.
8. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.

УДК 316.4

МИР ЕВРОПЫ. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Н.Г. Устьянцев

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: nikyst.55@gmail.com

В данной статье автор рассматривает генеалогию развития идеи универсальности в истории и культуре европейской цивилизации. В этом исследовании поднимается вопрос о влиянии идеи универсальности на идентичность, в контексте современного кризиса европейской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, универсальность, цивилизация, этос, империя.

THE WORLD OF EUROPE. RELATIVE UNIVERSALITY AND RELATIVE ESCHATOLOGY

N.G. Ystyantsev

In this article, the author examines the genealogy of the idea of universality in the history and culture of European civilization. This study raises the issue of influence the idea of universality for identity in the context of the contemporary crisis of the European identity.

Key words: identity, universality, civilization, ethos, empire.

Конструкт или глобальный эксперимент Европейских государств имеет долгую историю существования. Видоизменяясь в зависимости от требований эпохи, эта форма сосуществования европейских государств

была поставщиком форм мышления и образов идеальной личности, которые через глобализирование распространялись не только в поясе государств «от Великобритании и до Польши», но и на остальные части света [1, с. 13]. Тем самым распространяя образ «европейца», как эталон цивилизованного человека, что особенно было заметно в XIX и XX вв., но остающегося таким и в современном постколониальном мире. Впрочем, как известно каждому, в конце каждой сменяющейся эпохи происходит период критического переосмысления современных положений сохраняющих целостность Европейского конструкта, а так же устаревших элементов, которые необходимо реформировать исходя из культурного, духовного и социального контекста. «Культура не является статичной, это специфически атрибутивная система явлений в их историческом развитии, подчиняющаяся логике морального и законам социокультурного исторического развития, обновляемая каждым грядущим поколением» [2, с. 47]. Забегая вперед, следует выделить, что на данный момент все три представленных контекста указывают на нестабильность механизмов и необходимость в очередном «обновлении» формы сосуществования, как европейских государств, так и содружеств стран Ближнего и Среднего востока, и так же стран СНГ, хотя последнее прорабатывается довольно скудно [3, с. 189].

Тем не менее, «Европа» имеет относительно универсальную структуру содружества государств, с приоритетом территории, закона, религии и населения. Так же отдельным формообразующим элементом является существование ментального «альтер эго» – Империи, но об этом пока следует умолчать.

Итак следует указать и выделить те исторические эпистемы, которые задали основной ментальный и исторический вектор западной цивилизации, где усложнение формы приводило как к появлению так и усложнению рисков, что можно назвать «самопорождающим несовершенством». Конструкт Европы, вполне можно назвать в духе натуралистов самопорождающим организмом, с тем лишь замечанием, что этот процесс происходил из множества (точнее, хаоса нерелексированного количества) событий нелинейно связанных между собой (убеждая в отсутствии между собой причинно-следственной связи, но только на поверхности анализа). Из приоритетных целей, и чтобы не затрагивать исследования историков и социологов, выделим три интересующие стадии, в которых проглядываются интересующие нас компоненты, поэтому обзор приведенных эпох будет компактным подобно линзам Ньютона используемых при открытии дисперсии света.

Мир римской империи, как прототип мира Европы, заложил множество техник управления и самоорганизации, которые с последующими поколениями и вызовами, связанными с ними, будут претерпевать изменения форм, ноне затрагивающие основной механизм.

Важными для этого исследования будут: двойной механизм порядка и права, – где дисциплина связана с иерархией управляющего и управляемого; идея мирового господства и греко-римская культура, удерживающая веру в эту идею.

Римская форма управленчества на период Республики, еще не знала форм бюрократии, какие начали насаждаться в период I-II вв. до н.э. при постоянно расширяющейся за счет военных походов империи. В ней присутствовали элементы полисной рабовладельческой администрации в форме самоорганизующихся магистратов, среди членов которых имели место «патронажно-клиентальные отношения» [4, с. 98]. «С процессом отмирания республиканских учреждений происходило становление новой, бюрократической по своей сути, системы управления, которая, будучи отчужденной от гражданской общины, была полностью подчинена императорской власти» [4, с. 99]. В период, когда Октавианом устанавливается принципат, магистраты и сенат становятся декоративными институтами, но исполнители на среднем уровне и всадники из низшего сословия иерархии управления из разных регионов увеличивали свои полномочия, нередко обращаясь к полководцам и их солдатам для решения внутренних проблем. Нередко префекты были назначены благодаря своим военным заслугам и таким факторам, как уважение и доверие. В конечном счете, непродуктивная и склонная к паразитизму римская бюрократия оказалась не только не в состоянии предотвратить ослабление и разрушение Рима, но и сама в немалой степени способствовала этому.

Что касается универсальности модели римской империи, в рамках мирового концепта, то эта идея развивалась в двух направлениях: любовь к отечеству (*amor patriae*) и любовь к цезарям. «У римских граждан из муниципиев имеется две родины: одна по рождению, другая по гражданству (*unam naturae, alteram civitatis*), одна по местности и другая по праву (*alteram loci patriam, alteram iuris*)» [5, с. 288]. «Заимствовав у эллинов концепцию «просвещенности», цивилизации – *humanitas*, наполнили ее во многом новым содержанием и сделали существенной частью своей политической и культурной идентичности» [5, с. 292], что привело к существенному изменению политики использования идеи просвещенности. Римская империя перестала иметь слабые стороны от идеи превосходства над другими, приведшей Афины к упадку, ибо последние под этим утверждением не допускали участие подвластных территорий к отпавлению власти. Гибкая внутренняя политика была необходимым базисом для реализации целей внешней политики, а именно построения единой римской империи. Но по причине усложнения бюрократии, нарастающей коррупции, и политической борьбы за престол, эти цели трансформировались из культурно-пространственного расширения, в религиозно-пространственное. Эсхатологией греко-римской

культуры, определилась в полной трансформации своей сущности под влиянием иудео-христианской традиции.

Христианская эпоха, эпоха пастырства, принесла три основные идеи, которые раскрывшись в умах, впоследствии, так и не были обоснованными или развенчанными окончательно, но сыграли определяющую роль в культуре и облике цивилизации. Это миссионерство, божественный промысел, и идея пастыря.

К рассмотрению первой идеи, следует интуиция, что в античности, существовала традиция сохранения достояния ойкумены на одном уровне с остракизмом, что изобретение или гений присущ одному единственному месту, месту рождения. И тем самым, будучи его достоинством и его проклятьем. Достоинством, вследствие, реализации «Огня Прометея» и проклятьем по той же причине. Как это было с Архимедом, Асклепием, и Сократом. Но с приходом христианства, изобретения было необходимо распространять как провидение или благодать, всем и каждому, по причине чего многое было уничтожено или потеряно, или попало в чужие руки, как личинка шелкопряда. Это что касается первой интенции.

Относительно «божественного промысла», так этот момент вполне близок с интенциями договора между израильтянами и Яхве, особенно пересмотренная идея в период вселенских соборов и реализации христианства как инструмента политики распространяющего власть. Провиденциалистская идея нашла свою реализацию в педагогике и в воспитании, ведь таким образом была достигнута возможность распространить одну необходимую целостность среди многочисленных приверженцев из разных культур и местных религий. Данная идея смогла моделировать важные элементы новой глобальной идентичности. Таких, «как сущность человека, его место в мире, цель и предназначение человеческой жизни, природа личности и индивидуальной свободы, определение содержания и цели воспитания» [6, с. 99].

Для раннего христианства, идея предопределенности дала серьезный толчок к развитию. Распространяемая идентичность, на тот момент времени, была достаточно сильной и «прогрессивной». Следуя и вопрошая о собственном значении, молодая религия породила множество иллюзий относительно своей будущности, чье скорое наступление приносило для приверженцев надежду и готовность пойти на жертву, ради ее скорого пришествия. По истечению некоторого времени, это привело к регрессу ожиданий некоторых «иллюзий», но закрепившись в роли догматов, конституировало саму религию и веру в ней.

Идея пастыря является наиболее отрефлексированной идеей из всех инструментов управления Христианства. Восходя к концепту папства и конкретнее личности Апостола Павла, этот образ пастыря – пастуха, тем не менее, не является уникальным по своему происхождению, т.к. наблюдается и у греков в образе Зевса – бога-пастуха, у египтян и

ассирийцев в образе фараона, и у иудеев в образах первосвященника и правителя [7, с. 196]. В отличие от последних, только в Христианстве происходит становление отношений «пастух – стадо», не только как одного из аспектов взаимодействия Бога и людей, но институциализируется и наполняется нормами, законами и техниками. Это развитие обуславливает тот факт, что «вся церковная организация, от Христа до аббатов и епископов, преподносит себя, как организация пастырская» [7, с. 214].

Видоизменяя греко-римскую культуру, христианство перенимала не только практики распространения власти, но цели, к которым эти практики имели отношение. К идее универсальности христианства как мировой религии, добавилась цель, суть которой было распространение на все стороны света, для приближения второго пришествия, которое является собственно эсхатологией самой системы ценностей. В отличии от итогов римской теории универсальности, в иудео-христианской традиции универсальность и эсхатология были сильно взаимосвязаны и такое тесное переплетение отношений требовалось для аргументации отправления власти. Гегемония христианства не ослабевает; она переживает метаморфозы [8, с. 134].

Европейская эпоха как идея, имеет примерную датировку своего рождения в первой половине XVII века, в знаменитом Вестфальском договоре, и для того периода она была инновационной. Реальность, в которой образовывался будущий европейский мир, еще была полна идеями одного правителя и государства сохранившихся со времен Римской империи, чьим наследием Европа, безусловно, является. К тому же, и христианские универсалии еще не были до конца развеяны после Реформации, но к этому моменту империя и Церковь, как две основные универсалии уже потеряли свое предназначение перед открытым политическим пространством и идеей государственного многообразия. Таким образом Европа – «это географическое разделение», ибо на тот период времени не включает в свой состав Россию, но на двояком основании включает Англию, «многообразие без единства государств», ибо отменяет предшествующую имперскую иерархическую модель распределения государств подчиненных друг другу, но устанавливающее различие между меньшими и большими государствами [7, с. 388]. Резюмируя эту совокупность новых отношений, следует подчеркнуть и разобрать определяющие элементы для той исторической реальности, которая является и нашей действительностью. Это идея баланса между государствами, идея европейской идентичности и отношения Европы и Империи, которые в современном мире будут составлять относительная универсальность Европы.

Относительная эсхатология Европы в современном мире, это не нарушение баланса между государствами, что приводило к пробуждению

ото сна идеи Империи. Этот страх был основательным для XVIII и XIX столетий, но нашел свое разрешение в XX веке, по прошествии двух мировых войн, отрефлексированных, как обоснование идеи баланса множества государств и реализации идеи Европейского союза. Но на данный момент времени это вопрос о европейской идентичности и самосознания, который в своей нерешаемости современными методами, грозит разрушением самой идеи Европы. Уже в 2005 г. европейская идентичность стояла острым вопросом для европейских интеллектуалов, чьим разрешением занимались многие крупные исследователи, такие как Фрэнсис Фукуяма и Эммануэль Оттоленги, Стивена Симона и многих, в связи с действиями радикального ислама, как это было с осмыслением убийства Тео Ван Гога. Но по прошествии десяти лет это положение, как показывает эпизод с Charlie Hebdo произошедший 07.02.15, так и не было изменено. Основным предметом этого вопроса, после 50-х годов XX в., стало положение национализма и национальной идентичности. Последние определялись, как поля для развития нового нацизма, что привело к политике становления абстрактной идеи Европейской нации, основанной на праве, свободных границ и международном рынке с единой валютой. При такой политике, неразрывно следует подавление национальных идентичностей и демифологизация пространства Европы посредством трансформации символов патриотизма и национализма в абстрактные идеи постнационального этоса. Но такими действиями невозможно достигнуть определяющих для групповой идентичности Европы результатов, а именно общеевропейской истории, как отношений множества государств, так и общеевропейской памяти, которая служила бы мощным базисом для мирного содружества государств. Ведь при подавлении национальных идентичностей, происходит к двум радикальным последствиям. Во-первых, культурное самоотрицание, которое ведет к невозможности интеграции других культур, как идентичностей, к которым себя причисляют иммигранты, так как последним в итоге не представляется возможности принятия местных этнических и правовых норм, изучение и использования местного языка и принятия культурных ценностей. В невозможности получения последнего «вновь прибывшие, вероятно, обратятся к своим этническим и религиозным корням как к своей основной идентичности» [9, с. 123], Что незамедлительно вызовет всплеск ксенофобии у коренных жителей, и агрессии к иммигрантам.

«Несмотря на непрерывное развитие институциональной структуры объединенной Европы, общая наднациональная европейская идентичность по-прежнему отсутствует. Тем не менее, при более пристальном рассмотрении основополагающих принципов европейского этоса приходит понимание того, что такая идентичность чрезвычайно необходима» [9, с. 124].

В этой абстрактной и двоякой идее наднациональной идентичности и проявляется становление относительной универсальности и эсхатологии концепта современной Европы, если воспринимать ее, как незавершенный концепт существования множества государств. Либеральный облик европейских государств усиливает негативные эффекты на многих пластах политической арены, от экономической замкнутости [10, с. 38] и вплоть до столкновения правовых основ с религиозным фундаментализмом. Но в отличие от остальных политических систем, либеральная система ценностей единственно подходящий конструкт для разрешения сложившейся ситуации.

Библиографический список

1. Артановский С. Н. Глобализация и де-глобализация // Вестник СПбГУКИ . 2011. №4. С. 6-14.
2. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
3. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
4. Лугвин С.Б. Социально-политическая трансформация древнеримской государственности процесс становления бюрократии // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого . 2003. №2 (11). С. 97-104.
5. Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху империй // Вестник ННГУ. 2014. №1-1 (1). С. 288-299.
6. Макаров М.И. Провиденциалистская идея воспитания в отечественной педагогической мысли XI – нач. XXI в. // Вестник ПСТГУ. Педагогика. Психология . 2013. №29 (2). С. 99-105.
7. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
8. Snediker T. The Autonomy of the Now: Christianity, Secularism, Subjectivity, in Journal for Cultural and Religious Theory. Vol. 14. no. 1 (Fall 2014). Pp. 123-142.
9. Эммануэль Оттоленги. Может ли Европа покончить с национализмом // Прогнозис. 2005. №2 (3). С. 119-130.
10. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЕ ВОСКРЕСНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И САРАТОВСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Е.И. Уфимцева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ufim75@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу феномена воскресной школы в системе религиозного образования Русской Православной Церкви. Рассматриваются особенности возникновения воскресной школы в России. Представлена структура современной системы религиозного образования Русской Православной Церкви. Описываются особенности организации религиозного образования в Саратовской митрополии на примере воскресной школы «Гефсимания» г. Энгельса.

Ключевые слова: воскресная школа, Русская Православная Церковь, система религиозного образования, Саратовская митрополия.

SUNDAY EDUCATION IN RUSSIA AND SARATOV DIOCESE

E.I. Ufimtzeva

The article is devoted to theoretical analysis of the phenomenon of Sunday school in the religious education system of the Russian Orthodox Church. Discusses the origin of the Sunday school in Russia. The structure of the modern system of religious education of the Russian Orthodox Church, describes the features of the organization of religious education in the Saratov diocese for example, Sunday school «Gefsimania» of Engels.

Key words: Sunday school, Russian Orthodox Church, the religious education system, the Saratov diocese.

В современных условиях крайней секулярности социокультурной среды, утраты семьей основополагающей функции первичной религиозной социализации церковное образование в России становится основополагающим институтом воспроизводства православной религиозности. В связи с этим изучение процесса возрождения традиций церковно-приходских воскресных школ, их места в системе конфессионального образования Русской Православной Церкви (РПЦ), их функциональной значимости, основных направлений деятельности, особенностей организации приобретает особую актуальность и значимость.

Исследователи отмечают, что понятие «воскресная школа» появляется в педагогической литературе в середине XIX века одновременно с массовым распространением самих воскресных школ [1]. В то время к воскресным школам относили образовательные учреждения двух типов:

во-первых, церковные школы, предназначенные для конфессионального воспитания детей и юношей; во-вторых, школы, обеспечивающие доступ к получению грамотности людям, не имеющим возможности учиться в обычных школах – «общеобразовательные» воскресные школы. Общим для этих двух категорий воскресных школ было то, что занятия в них проходили по выходным или праздничным дням. Первые церковные воскресные школы появились в 1750 г. при Иркутских и Нерчинских монастырях. Создавались они преимущественно при иноверческих приходах (католических, протестантских) и в тех районах, в которых были сильно распространены еретические учения. Первые общеобразовательные воскресные школы были открыты благодаря Н.И. Пирогову (1859 г.) и К.Д. Ушинскому. Основной целью этих школ было обучение людей грамоте [2].

Современная система православного образования РПЦ включает два уровня образовательных учреждений: 1) духовные учебные заведения, осуществляющие подготовку священнослужителей, церковнослужителей, богословов и церковных работников на базе высших и средних специальных учебных заведений, и 2) образовательные учреждения для мирян. Основными направлениями религиозного образования РПЦ для мирян являются: дошкольное православное воспитание в детских садах и яслях; общее начальное и среднее образование в православных школах, гимназиях и лицеях; преподавание Основ православной культуры (ОПК) — учебного предмета, включённого Министерством образования и науки Российской Федерации в школьную программу (4-й класс средней общеобразовательной школы) в качестве федерального образовательного компонента в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ); катехизация для взрослых; церковно-приходские (воскресные) школы для детей.

В общецерковных документах РПЦ церковно-приходская воскресная школа определяется как основная форма православного воспитания детей и подростков на приходе. В своей деятельности воскресные школы руководствуются действующим законодательством РФ, нормативными документами Русской Православной Церкви (Устав Русской Православной Церкви от 2000 г. в редакции 2013 г.), Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви (Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви на территории РФ от 2012 г., Устав центра духовно-нравственного воспитания местной религиозной организации православного прихода храма от 2012 г., Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории РФ от 2012 г., Положение об аттестации воскресных школ (для детей) РПЦ на территории РФ от 2014 г.), решениями архиерейских соборов РПЦ («О задачах Русской Православной Церкви в области религиозного

образования» от 1994 г.), постановлениями Священного Синода РПЦ («О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви» от 2011 г.), документами епархии (указами и распоряжениями епархиального архиерея).

Современные воскресные школы РПЦ подразделяются на три типа:

- а) воскресная учебно-воспитательная группа;
- б) воскресная школа, не имеющая статуса юридического лица (являющаяся структурным подразделением религиозной организации Русской Православной Церкви);
- в) центр духовно-нравственного воспитания, являющийся самостоятельным юридическим лицом [3].

Учебно-воспитательная деятельность, реализуемая в воскресной школе для детей, включает в себя три ступени:

- а) дошкольная (набор детей в возрасте 5-6 лет) – с ориентировочным сроком обучения (максимально 2 года);
- б) начальная (набор детей в возрасте 7-11 лет) – с ориентировочным сроком обучения (максимум 4 года);
- в) основная, (набор детей в возрасте 12-16 лет) – с ориентировочным сроком обучения (максимально 4 года).

Целью церковно-приходской школы является воспитание детей в системе христианских ценностей и норм поведения, обучение их основам православного вероучения, формирование навыков церковной жизни – участие в богослужениях, церковных Таинствах, а также в социальной и благотворительной деятельности прихода.

К сожалению, в открытом доступе актуальной и полной информации о количестве церковно-приходских воскресных школ в России нами обнаружено не было. Так в работе Е.А. Никитской предлагаются статистические данные за 2004-2007 г. [2]. Согласно этим данным, в Русской Православной Церкви на 2004 г. насчитывалось 9 468 воскресных школ, из них в России – 4 696, на Украине – 3 044, в Белоруссии – 447, в Молдавии – 955, в странах СНГ и Балтии – 260, в дальнем зарубежье – 66. На начало 2007 г. количество церковно-приходских воскресных школ достигло десяти тысяч. Доступны данные по количеству церковно-приходских воскресных школ на 2014 г., но только по Московской епархии, в которой таких учебных заведений было зарегистрировано 279 и, соответственно, в них 12 093 обучающихся детей и 6 841 обучающихся взрослых [4].

Саратовская митрополия, образованная 6 декабря 2011 г. в границах Саратовской и Вольской епархий, включает Саратовскую епархию, Балашовскую епархию [5], Покровскую епархию [6]. Главой митрополии является митрополит Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин). На уровне епархий религиозное образование в Саратовской митрополии организуют и координируют епархиальные отделы религиозного

образования и катехизации. Систему духовных учебных заведений Саратовской епархии составляют 2 организации [7]:

1. Саратовская православная духовная семинария (СПДС) (1830 г.), осуществляющая профессиональную подготовку по специальности «Православное богословие», направлению 48.03.01 «Теология» на базе очного и заочного отделений. В 2014/2015 учебном году общее количество студентов очного отделения составило 70 человек. Общее количество студентов заочного отделения СПДС – 110 человек из 21 епархии РПЦ.

2. Межъепархиальное женское духовное училище во имя святой преподобной мученицы великой княгини Елисаветы (2006 г.). Обучение в училище осуществляется по двум направлениям: регентское отделение; подготовка сестер милосердия. Всего в учебном центре обучается 33 человека.

Религиозное образование для мирян осуществляют следующие учебные заведения Саратовской епархии:

1. Дошкольные православные образовательные учреждения (2): «Детский развивающий центр «Колосок» при храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины г. Саратова (2014 г.). Сейчас в центре 47 воспитанников; Общеразвивающая студия при храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины г. Саратова, которую посещают 39 детей от 2 до 5 лет.

2. Православные гимназии (3): Свято-Покровская православная классическая гимназия г. Саратова (2007 г.); Хвалынская православная классическая гимназия во имя святого мученика Александра Медема (2010 г.); Русская православная классическая гимназия имени преподобного Сергия Радонежского г. Саратова (2014 г.).

3. Общеобразовательные учреждения в рамках преподавания Основ православной культуры. Общее количество школ на территории Саратовской епархии составляет 314. Из них 2014-2015 учебном году ОПК вне рамок ОРКСЭ, в качестве школьного компонента преподается в 124 общеобразовательном учреждении. В качестве модуля ОРКСЭ ОПК выбрали 72% четвероклассников по Саратовской области (15 293 человека), по Саратовской епархии – 74% (7482 четвероклассника).

4. Церковно-приходские воскресные школы. На начало нового 2014-2015 учебного года в епархии зарегистрировано 37 воскресных школ, 22 воскресные учебно-воспитательные группы. По данным отдела, воскресные школы всех типов посещает 2331 человек. Из них: детей – 1386, взрослых – 945.

В Покровской епархии отдел религиозного образования и катехизации возглавляет протоиерей Александр Милованов. Одной из воскресных школ Покровской и Николаевской епархии является воскресная учебно-воспитательная группа «Гефсимания».

Воскресная учебно-воспитательная группа «Гефсимания» функционирует с 2000 г. при Свято-Воскресенском храме г. Энгельса (Покровск) [8]. Настоятель Свято-Воскресенского храма г. Энгельса – руководитель отдела религиозного образования и катехизации Покровской епархии протоиерей Александр Милованов. Деятельность учебно-воспитательной группы «Гефсимания» курирует помощник благочинного по религиозному образованию и катехизации Покровского благочиния Покровской епархии иерей Алексей Талалаев.

В 2014-2015 учебном году численность учащихся воскресной школы «Гефсимания» составила 71 человек. Учащиеся разделены на 5 групп: дошкольная ступень первого и второго года обучения, начальная ступень первого, второго, третьего года обучения.

Учебный год в учебно-воспитательной группе «Гефсимания» начинается 14 сентября – в день церковного новолетия и заканчивается в период с 25 по 27 мая, после Дня памяти святых Кирилла и Мефодия, Дня славянской письменности (24 мая). Каникулярный период совпадает с каникулярным периодом общеобразовательных школ. Вместе с тем в каникулы дети посещают воскресную школу для участия во внеурочных мероприятиях: походы в музеи, праздничные мероприятия. Ребенок, поступающий в воскресную школу, зачисляется на ступень, соответствующую возрастной категории. Посещение уроков несвободное, а обязательное. Прием учеников в течение года осуществляется крайне редко, в качестве исключения. Занятия проходят в субботу и в воскресенье. При воскресной школе для всех детей организовано питание.

Учебно-воспитательная деятельность, реализуемая в воскресной учебно-воспитательной группе, включает в себя три ступени:

- а) дошкольную (набор детей в возрасте 5-6 лет);
- б) начальную (набор детей в возрасте 7-11 лет);
- в) основную (набор детей в возрасте 12-16 лет).

Учебно-воспитательный процесс в воскресной школе организуется на базе учебных планов, разработанных и утвержденных педагогическим советом воскресной школы. Согласно требованиям Стандарта учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории РФ от 2012 г., учебно-воспитательная деятельность «Гефсимании» включает основную (вероучительную) часть и дополнительную. Основная часть учебно-воспитательной деятельности представляет собой комплекс базовых вероучительных программ (дисциплин), направленных на усвоение учащимися знаний о православном вероучении, богослужении и истории Церкви: «Введение в Закон божий», «Священная библейская история. Ветхий Завет», «Священная библейская история. Новый Завет», «Устройство православного храма и богослужение», «Церковнославянский язык», «Основы христианской нравственности». В рамках

вероучительного направления учебно-воспитательной деятельности «Гефсимании» предусмотрено еженедельное участие детей в богослужениях.

Дополнительную часть учебно-воспитательной деятельности воскресной школы составляют дополнительные занятия по развитию прикладного творчества, а также мероприятия внеклассного характера. Основными направлениями внеклассной деятельности воскресной школы являются:

- участие в ежегодных мероприятиях воскресных школ Покровской епархии;
- социальное партнерство;
- социально-краеведческая деятельность;
- паломнические поездки.

Комплекс ежегодных мероприятий для воскресных школ Покровской епархии на 2014-2015 учебный год включает:

- Начало учебного года, молебн. 14 сентября.
- Региональные образовательные Покровские чтения – межрайонная конференция. С 1 по 14 октября.
- Творческий фестиваль воспитанников воскресных школ «В единстве – наша сила» ко Дню Казанской Иконы Божией Матери (ноябрь).
- Рождественские утренники (январь).
- Православный фестиваль «Сретение Господне». Олимпиада для воспитанников воскресных школ (февраль).
- Благотворительная епархиальная акция: «Подари книгу» (1-14 марта).
- Пасхальные фестивали по благочиниям (апрель – май).
- Фестиваль Славянской письменности, в рамках фестиваля епархиальный конкурс чтецов.
- Окончание учебного года, молебн. 24 мая.

Социальное партнерство предусматривает взаимодействие со светскими образовательными учреждениями разного уровня, профиля. На 2014-2015 учебный год социальными партнерами школы являлись:

- Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Надежда» г. Энгельса;
- Энгельсский политехнический техникум;
- Школа-интернат №2 VIII вида г. Энгельса.

Так, сотрудничество воскресной школы с социально-реабилитационным центром «Надежда» началось в мае 2014 г. Воскресной школой был разработан календарно-тематический план, согласно которому занятия с воспитанниками центра проводятся на территории воскресной школы два раза в месяц. Формы работы: занятия по ознакомлению детей с

двунадесятыми праздниками, занятия по ознакомлению детей с житиями православных святых, просмотр документальных кинофильмов нравственного содержания, мастер-классы по созданию поделок. Сотрудничество со школой-интернатом №2 VIII вида г. Энгельса началось в декабре 2014 г. Первым совместным мероприятием стала организация акции «Подари радость ребенку».

Социально-краеведческое направление. Особенностью расположения Свято-Воскресенского храма г. Энгельса является то, что он относится к категории кладбищенских храмов и располагается на территории закрытого кладбища г. Энгельса (проспект Строителей, 19в). Это обстоятельство, с одной стороны, создает определенные сложности для реализации деятельности воскресной школы, а, с другой стороны, – дополнительные возможности, к которым относится реализация социально-краеведческой деятельности, предусматривающей:

- участие учащихся в уборке и благоустройстве территории кладбища;
- организацию поисковой деятельности;
- проведение мероприятий по привлечению внимания общественности к истории города и его героев.

В 2013 году на городском Воскресенском кладбище были обнаружены захоронения членов семьи преподобноисповедника Гавриила (Мелекесского). Вместе с настоятелем педагоги и воспитанники воскресной учебно-воспитательной группы разыскали родственников святого. С этого времени между ними и учащимися «Гефсимании» установились тёплые дружеские отношения. Ребята поддерживают порядок на могилах и навещают близких преподобноисповедника Гавриила (Мелекесского). Одним из первых мероприятий воскресной школы в рамках социально-краеведческого движения стало осуществление поиска и уборки могилы отца писателя Л.А. Кассиля.

Итак, как показал анализ особенностей организации церковно-приходского воскресного образования РПЦ, данная форма религиозного воспитания и обучения сложилась в России во второй половине XIX века. Однако в условиях сформировавшейся к тому времени системы православного церковного образования, особой необходимости в воскресных школах как дополнительном институте религиозной социализации не было. На современном этапе восстановления РПЦ и институтов воспроизводства православной конфессиональности, церковно-приходские воскресные школы занимают основное место в системе церковного воспитания и образования для мирян. Новые социокультурные условия существования Православной Церкви определяют изменение социального статуса воскресных школ, их функциональности, типологического разнообразия, характера организации, а также, можно предположить, системы социальных отношений, моделей социального

взаимодействия и социальных практик основных субъектов церковно-приходского воскресного образования, что нам и предстоит изучить в рамках дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Агеева А.В. Церковно-приходские воскресные школы: история возникновения и тенденции развития // Вестник ПСТГУ. Серия 4. Педагогика. Психология. Вып. 3 (18). 2010. С. 58-66.
2. Никитская Е.А. Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология, 2008. Вып. 2(9). С. 121-132.
3. Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви//Православное образование. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви. URL: <http://pravobraz.ru/standart-uchebno-vospitatelnoj-deyatelnosti-realizuemoj-v-voskresnyx-shkolax-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 15.02.2015).
4. Приложение к докладу Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (23 декабря 2014 года). URL: <http://pravobraz.ru/prilozhenie-k-dokladu-svyatejshego-patriarxa-kirilla-na-eparxialnom-sobranii-g-moskvy-23-dekabrya-2014-goda> (дата обращения: 15.02.2015).
5. Балашовская епархия. URL: <http://www.balashovblag.ru/> (дата обращения: 15.02.2015).
6. Православное Заволжье. Официальный сайт Покровской и Николаевской епархии. URL: <http://pravrokrov.ru> (дата обращения: 15.02.2015).
7. Доклад Митрополита Саратовского и Вольского Лонгина на Епархиальном собрании Саратовской епархии // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской епархии. URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/doklad-mitropolita-longina-na-eparxialnom-sobranii-saratovskoj-eparhii-2014> (дата обращения: 15.02.2015).
8. Воскресная учебно-воспитательная группа при храме в честь Воскресения Христова г. Покровска (Энгельса) «ГЕФСИМАНИЯ». URL: <http://gefsimania.wix.com/gefsimania> (дата обращения: 15.02.2015).

АНТИХРИСТИЧЕСКИЙ ПЕРФОРМАНС И ЗОНГ СУММЫ ЕРЕСЕЙ ЕРЕТИКОВ 7 ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ КАК ПЕРТУРБАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН И КОМПЛОТ ПРОТИВ ТРИЕДИНОГО БОГА С ЦЕЛЬЮ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

М.В. Хачатрян

E-mail: mastegra88@yandex.ru

*Ключевое слово: Томос Льва – I, Римский Папа
«Господь Иисус Христос – Истинный Богочеловек,
Совершенный Бог, Совершенный Человек, познаваемый
в двухестествах, соединенных в Одном Лице:
неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно»
Исаия 53:8 «От уз и суда Он был взят, но Род Его кто изъяснит?»*

Более детально данную тему можно озвучить так:

Религиозно-антихристический **перформанс** и **зонг** тринитарных ересей еретиков-богохульников до вселенских и 7 Вселенских Соборов, как **пертурбация** среди христиан с целью искажения Догматов Истины Церкви Христовой и создания негативного **перфекта**, **пиара** и **комплота** в отношении Троицизма, Единосущия и Божества Трех Ипостасей Троициного Бога: тайна **суммы ересей** и деяний еретиков, получивших **единое посмертное имя «САМАН-ДЕ»**, осуждённого Судными Словами Бога: **«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС, УПАРСИН»**.

В данной статье автор делает религиозно-историческое исследование ересей, осужденных и отверженных до вселенскими и 7 Вселенскими Соборами со 2 по 8 вв., и пытается дать основательное объяснение причин зарождения богохульных ересей, их распространения и паразитического развития до нынешних дней в разных модернизированных формах. В ходе исследования автор выявляет цели, преследуемые еретиками, и выдвигает противопоставляемые этим ересям концепции, основанные на православных истинных догматах. Результатом авторского анализа является выявление радикального бескомпромиссного вердикта в отношении ересей и их авторов: еретиков-богохульников, созданием единого посмертного имени **«САМАН-ДЕ»**, осуждённого Судными Словами Бога: **«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС, УПАРСИН»** (Даниил 5:25-28).

Ключевые слова: перформанс, пертурбация, перфект, пиар, зонг, секвенция, комплот, хула, секуляризация, соборы, сумма ересей, догматы истины, посмертное имя: **«САМАН-ДЕ»**.

ANTICHRISTIAN PERFORMANCE AND "SONG" OF SUM OF HERESIES OF HERETIC'S OF 7 ECUMENICAL COUNCILS AS A PERTURBATION OF ORTHODOX CHRISTIANS AND COMLOT AGAINST THE TRIUNE GOD FOR SECULARIZATION OF SOCIETY, GOVERNMENT AND INDIVIDUAL

M.V. Khachatryan

In current article the author does religious and historical research of heresies convicted and rejected by before ecumenical and 1st to 7th Ecumenical Councils and attempts to give a fundamental explanation to causes of genesis present heresies, their spread and parasitic growing until present days in different modernized forms. In the process of research, the author detects aims of heretics and puts forward concepts opposed to those heresies, based on the Orthodox True Dogmas. The result of authors analysis is the detection of radical and straight-out verdict according to the heresies and their authors: heretics-blasphemers, by creation of union posthumous name "SAMAN-DE", convicted by Judgment Words of God: "MENE, MENE, TEKEL, PERES, UPHARSIN".

Key words: performance, perturbation, perfect, PR, song, sequence, complot, blasphemy, secularization, councils, sum of heresies, dogmas of the truth, posthumous name: "SAMAN-DE".

1. Актуальность данной темы состоит в том, что прежний **перформанс** и **зонг** ересей еретиков-богохульников, участвовавших на довселенских и 7 Вселенских Соборах, донныне в негативном **перфекте** оказывают влияние на общества, на государства и на личности, формируя **негативный пиар**, т.е. ложное богохульное мнение людей о Боге, продолжали искажать Догматы Истины, Православия, в результате чего рождались и формировались всё более изощрённые лжерелигии, еретические секты, такие как свидетели Иеговы и разные псевдохристианские общины. В связи с возникшей проблемой появилась крайняя необходимость более детально исследовать и выявить причины зарождения первоначальных ересей, которые донныне оказывают глубокое негативное влияние на умы людей, искажая их помышления в области познания Слова Божия и Догматов Истины Вселенского Православия. А также важно знать не только причины зарождения ересей, но и методы их ликвидации, аннулирования и предания полному забвению. Ибо существование ересей и еретиков – это продолжение пертурбации антихристических духов против истинных православных христиан, которых Бог призывает к постоянному бодрствованию! Посему проблема осмысления еретизма и борьбы против него и полного истребления их из среды православных христиан, является крайне актуальной, как для светских, так и для религиозных исследователей.

В связи со сложностью и специфичностью происходящих множественных и разнообразных духовных процессов в периодах времени довселенских и 7 Вселенских Соборов Православия, при предъявлении

еретиками ересей и выдвижении против них Догматов Истины обличителями ересей, возникает необходимость употребления сложных терминов для краткого выражения следующих друг за другом духовных ситуаций, которые на протяжении многих веков выражались в форме **секвенции**. Данная статья представляет следующие основные концепции об отвержении и осуждении, как 7 главных еретиков, так и суммы их ересей, проявляющихся по сути, как **перформансы**, в своей демонстративной импровизации в театрализации, которых по каноническим текстам не ожидали услышать зрители-верующие; и, как **зонги**, то есть короткие стихотворения – ереси, которые озвучивались еретиками во время «богослужений» Эти повторяющиеся зонги постепенно превращались в **секвенции**, т.е. в « религиозные песнопения », при которых напев попеременно перемещается по ступеням гаммы то вверх, то вниз, что выражает то активное, то пассивное воздействие ересей еретиками на верующих, создавая впечатления о ложном прекращении своих действий. Целью этих перформансов и зонгов еретиков было совершить **пертурбацию**, то есть внезапное смятение, замешательство, беспорядок, споры, которые привели бы к перелому и перевороту истинных Догматов, определяющих основы Православного Вероисповедания. Например, практическим проявлением еретической **секвенции** является арианство, которое на протяжении многих лет и доныне проявляют свое деструктивное влияние.

2 Термины статьи, нуждающиеся в интерпретации:

1. **Перформанс** (англ. performance) – театральная импровизация [1, с. 504].

2. **Пертурбация** (лат. perturbatio) – внезапное замешательство, беспорядок, изменение, приводящее к перевороту или перелому установленного порядка [1, с. 504].

3. **Перфект** (лат. perfectum) – действие, закончившееся в прошлом, но результат длится в настоящем [1, с. 504].

4. **Зонг** (англ. song) – сатирическое короткое злободневное стихотворение [1, с. 242].

5. **Секвенция** (лат. sequentia) – перемещение одного и того же напева по ступеням гаммы вверх и вниз [1, с. 600].

6. **Пиар** (PR – англ. Public Relations) – общественное мнение, созданное по заданию в отношении проектов и лиц. Пиар может быть позитивный и негативный [1, с. 505].

7. **Комплот** (фр.complot) – предварительный преступный заговор, бунт против кого-либо [1, с. 326].

8. **Секуляризация** (лат.saecularis) – освобождение от церковного влияния в общественной и умственной деятельности [1, с. 601].

9. **«САМАН–ДЕ»** – это посмертное единое имя, данное 7 еретикам-богохульникам.

3. Довселенские и с 1 по 7 Вселенские Соборы и их важность

Из всех довеленских соборов, наиболее важными являются: Александрийский собор 261 г., и Римский собор 262 г., на которых осудилась ересь савеллианство, отвергавшая Триединство Бога и считавшая Бога монадой, а Духа Святого и Иисуса Христа-модусами, т.е. проявлениями Бога Отца. Из Вселенских Соборов следует отметить с 1 по 7 Вселенские Соборы, на которых осуждались триадологические ереси и еретики, создавшие их: **1)** 325 г. на 1 Никейском I Вселен. Соборе-арианство; **2)** 381 г. на 1 Константинопольском II Вселен. Соборе – аполлинарианство, македонианство; **3)** 431 г. на Ефесском III Вселенском Соборе – несторианство; **4)** 451 г. на Халкидонском IV Вселенском Соборе – евтихианство – монофизитство; **5)** 553 г. на 2 Константинопольском V Вселенском Соборе – осуждались одновременно вставшие несторианство и евтихианство; **6)** 680 г. на 3 Константинопольском VI Всел. Соборе осуждались монофелиты; **7)** 787 г. на 2 Никейском VII Вселен. Соборе осудили иконоборчество, как сумму всех ересей и заблуждений [2, с. 253].

Общностью довеленских Соборов 261 и 262 года и 7 Вселенских Соборов с 325 по 787 годов являются то, что на этих Соборах:

1) осуждались тринитарные ереси против: 1. Триединства и Единосущия Святой Троицы; 2. Божества Трех Ипостасей Триединого Бога; 3. Богочеловечности Иисуса Христа; 4. Девы Марии.

2) На соборах официально выступали по 2 православных епископа, патриарха обличителей ереси и по 2 еретика-богохульника: епископы, архимандриты.

3) На всех соборах участвовали императоры-христиане, которые оказывали большое влияние на решения соборов.

Вселенские Соборы – это собрания высшего духовенства, преимущественно епископата, и представителей поместных христианских церквей, на которых разрабатывались и утверждались основы христианского вероучения: догматы Истины, Символы Веры, Томос и Орос, формировались канонические богослужебные правила, оценивались различные богословские концепции и осуждались богохульные лжеучения – ереси, выдвигались решения подвергать еретиков анафеме – отлучению от церкви, осуждению и изгнанию в ссылку [3, с. 20]. В 313 г. император Константин I провозгласил терпимость относительно христианства и посему преследования христиан язычниками закончились, и епископы из многих провинций получили возможность созывать церковные поместные и Вселенские Соборы [4, с. 435].

4. Описание таблицы. При тщательном изучении причин зарождения многоконцептуальных триадологических ересей, начиная со 2 по 8 вв. (200-787 гг.), и при их сопоставлении с Догматами Истины, автор приходит к заключению, что ереси проявлялись через разных еретиков **не**

хаотично, а целенаправленно. Удивительным фактом является также последовательность в проявлении бунта – **комплота**, мятежа и богохульства против Бога, которые явно исходили от единого антихристического и демоно-сатанинского духа, действующего на протяжении многих веков незаметно для человеческого обозрения. При детальном наблюдении, автор приходит к выводу, что каждое слово, изложенное в ересях, еретики в точности использует слова, описывающие процесс сотворения Богом первых человек: Адама и Евы, которые, нарушив заповедь Божью: «не есть от плодов дерева познания добра и зла» Быт. 2:17, [5, с. 10], подверглись грехопадению, в результате чего они отлучились от Творца Вселенной и, соединившись, совокупились с падшими ангелами и тварями – с дьяволом, сатаной и с древним змеем. Таким образом, искусственно сформировалось, противящееся Богу, демоно-сатанинское лжебожество, в состав которого вошли Адам, Ева, дьявол, сатана и древний змей. Автор данной статьи стремится открыто показать, что тенденция и цель антихристических духов, которые усиленно проявляются через человека греха и беззакония – Адама и Еву, а также через дьявола и сатану, состоит именно в том, чтобы искусственно созданное лжебожество и духовные низкие позиции, в которых они сами оказались из-за грехопадения, дерзким богохульством, комплотом и лжесвидетельством, перенести на Бога Отца, на Бога Духа Святого и на Бога Иисуса Христа!

В связи с обширностью и сложностью данной темы и во избежание повторения, автор целесообразным считает систематизировать в таблицах многосложную информацию о Догматах Истины, о концепциях ересей и о причинах зарождения этих ересей в периодах до вселенских и 7 Вселенских Соборов. Для ясности чтения таблиц представляется, что в первой колонке изложены Догматы Истины, во второй – ереси, в третьей – причины зарождения этих ересей в сравнении с процессом сотворения Богом Адама и Евы, и описание совершившегося грехопадения с подтверждением Слова Божия из Библии, в четвёртой колонке описываются факторы сопоставления духовных позиций Бога Отца, Духа Святого, Иисуса Христа с Адамом, Евой, дьяволом, сатаной и древним змеем. В таблице употребляются условные обозначения:

Табл. 1. Причины зарождения триадологических ересей против догматов истины 1–7 соборы

325 год 1-ый ВСЕЛЕНСКИЙ НИКЕЙСКИЙ СОБОР ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН-1			
Обличители ереси	Еретики лжи	Сравнения	Сопоставления
1. Александр Александр. 2. Афанасий Александр.	1. Арий Александр. 2. Евсевий	сотворения и положения Адама и Евы с	сотворения и положения Адама и Евы с концепциями

	Никомед. 3. Евсевий Кесарий.	концепциями ересей еретиков 1- 7 Вселенских Соборов	ересей еретиков 1- 7 Вселенских Соборов
ДОГМАТЫ ИСТИНЫ – АНТИАРИАНСТВО	ЕРЕСИ ЛЖИ- АРИАНСТВО		
Д-1 Сын рождён от Бога, а не сотворен. Кол.1:15-18	Е-1 Сын сотворён Богом, а не рожден	1. Адам сотворён Богом «Сотворим человека по образу, по подобию	1. Адам сотворён Богом «Сотворим человека по образу, по подобию
Д-2 Сын рождён и Единосущен с Богом Отцом.	Е-2 Сын сотворён из ничего	2. Адам сотворён из праха, т.е. из ничего «Прах ты, Адам, в прах»	2. Адам сотворён из праха, т.е. из ничего «Прах ты, Адам, в прах
Д-3 Сын – Бог, рождён от Бога, Свет от Света	Е-3 Сын – тварь, а не Бог	3. Адам – тварь, создан из праха земного.	3. Адам – тварь, создан из праха земного.
Д-4 Сын рождён от Отца прежде всех веков. Сын так же вечен, как вечен Бог «Искони» Пр.8:22	Е-4 Сын имеет начало бытия	4. Адам имеет начало бытия, сотворен в 6-й день творения Бога. «Мужчину, женщину»	4. Адам имеет начало бытия, сотворен в 6-й день творения Бога. «Мужчину, женщину»
Д-5 СыниБог Отец Единосущны, а неподобосушны «Сын, сущий в Недре Отчем, Он явил» Ин1:18	Е-5 Сын и Бог имеют абсолютно различную природу	5. Адам после грех опадения соединился с дьяволом: с падшим херувимом – различные природы, сущ-ти	5. Адам после грехопадения соединился с дьяволом: с падшим херувимом – различные природы, сущ-ти
Д-6 Сын равен Отцу по Божеству «Я и Отец одно Лицо»	Е-6 Сын подчинён Богу во всём	6. Адам полностью подчиняется власти дьявола «ибо власть предана	6. Адам полностью подчиняется власти дьявола.« ибо власть предана
Д-7 Сын сотворил всё вместе с Богом Отцом. «Все Им и для Него создано, и всё Им стоит » Кол.1:16	Е-7 Сын – орудие сотворения «создал из ребра Адама – жену...» Быт.1:21,22	7. Адам был полностью лишён участия в сотворении. Мир сотворен без его участия, и Ева сотворена из ребра его.	7. Адам был полностью лишён участия в сотворении. Мир сотворен без его участия, и Ева сотворена из ребра его.
Д-8 Дух Святой -Бог, а не тварь. Дух Св. не сотворён Богом или	Е-8 Дух Святой – высшее	8. Ангелы есть 2- ое творение Бога, после	8. Ангелы есть 2-ое творение Бога, после человека, а сатана –

Сыном.	творение Сына.	человека, а сатана – падший ангел	падший ангел
Д-9 Дух Святой- Бог, Ипостась Троицы Св. Единосущной «Дух Святой исходит от Отца» Ин.15:26	Е-9 Дух Святой – внук Бога Отца, т.к. Дух Святой – творение Сына.	9. Ангелы – второе творение Бога, потому ересь: Дух Св – внук Бога. «Из чрева прежде денницы рождение Твоё» Пс.109:3	9. Ангелы – второе творение Бога, потому ересь: Дух Св. – внук Бога. «Из чрева прежде денницы рождение Твоё» Пс.109:3

Табл. 2. Причины зарождения триадологических ересей против догматов истины 1-4 соборы

381год 2-й ВСЕЛЕНСКИЙ 1-й КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СОБОР. ИМПЕРАТОР ФЕОДОСИЙ - 1			
ОБЛИЧИТЕЛИ ЕРЕСИ	ЕРЕТИКИ ЛЖИ	СРАВНЕНИЯ	Сопоставлен ия
1. ГригорийНисский 2. ГригорийНазианзин	1. Аполлинарий Лаод 2. Македоний Константинопол-й	Сотворения и положения Адама и Евы с концепциями ересей еретиков1-4 Вселенских Соборов	духов. позицийБо га, Иисуса Хр. Адама, Евы и дьявола и сатаны
ДОГМАТЫ ИСТИНЫ ДИОФЕЛИТСТВО	ЕРЕСИ ЛЖИ МОНОФЕЛИТСТ ВО. АПОЛЛИНАРИА НСТВО		ФАКТОР Ы
Д-1 Сын Иисус Христос Совершенный Человек и Совершенный Бог	Е-1 Сын не имеет человеческого духа Он заменён Божест венным Логосом	1. Человеческий дух Адама, заполнен словом дьявола и сатаны	1.Человеч еский дух и Слово- Логос
Д-2 Сын имеет тело и душу разумного, совершенного человека.«Слово стало Плотью» Ин.1:14	Е-2 Сын имеет тело и душу, подобные животным	2.Тело Адама из праха, оно человеческое, греховное, тленное, смертное. Душа человеческая, порочная соединенная с душою змея. «Порождения ехидны»	2. Природа тела и естество души Иисуса Х. и Адама Мф.12:34
Д-3 Божественноеи человеч-е естества Сына соединены в единстве , а не сливаются	Е-3 Божественное и человеческое естества Сына сливаются	3. Адам духом и душой соединён сдьяволом и сатаной.	3. Два естества Иисуса и Адама
Д-4 Сын имеет Свою	Е-4 Сын не имеет	4. Адам не имеет воли	4. Воля

Волю, которую Он добро-вольно согласует с Волей Бога Отца. «Отче, да будет воля Твоя..» Мф.26:42, Мф.6:9,10	Человеческой Воли полностью подчинен Божьей Воле. МОНОФЕЛИТСТВО	своей, он раб и подчиняется воле дьявола и сатаны «дам Тебе, власть, если, падши поклонисься мне.»	челов-ая, Божест-ая Мф.4:9
Д-1 Дух Святой-Бог, а нетворение	Е-1 Дух Святой не Бог, а творение	1. сатана –падший херувим – ангел. Ангел -2-е творение Бога после человека.	1. Сущность и природа Д.С.
Д-2 Дух Святой не подобен ангелам	Е-2 Дух Святой подобен Ангелам		2. Естество Д.С. и ангелов
Д-3 Дух Святой -Бог и извечно исходит только от Бога Отца	Е-3 Дух Св. – это Сила, равноподчиненная Богу и Сыну	3. действующая сила сатаны, 2 Фесс.2:9	3. Божество, сила, подчинение, исхожд.
Д-4 Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, Едины Единосущны, Единоравны, Единоправны	Е-4 Бог Отец, Сын и Дух Святой, не Единосущны	4. дьявол, сатана, древний змей, змея, Адам, Ева – разносущие твари, ангелы, человеки, животные	4. Единосущие Св. Троицы и разносущие Адама, Евы, дьявола, сатаны, древнего змея

Табл. 3. Причины зарождения триадологических ересей против догматов истины 1-4 соборы

431 год 3-ий ВСЕЛЕНСКИЙ ЕФЕССКИЙ СОБОР. ИМПЕРАТОР ФЕОДОСИЙ-2			
ОБЛИЧИТЕЛИ ЕРЕСИ	ЕРЕТИКИ ЛЖИ	СРАВНЕНИЯ	Сопоставления
1. Кирилл Александрийский 2. Евсевий Дорилейский	Несторий Константинопольский	Сотворения и положения Адама и Евы с концепциями ересей еретиков 7 Вселен. Соборов	духов. позиций Иисуса Христа Адама, Евы
МИАФИЗИТСТВО ИСТИННОЕ ДИОФИЗИТСТВО	НЕСТОРИАНСТВО ЛОЖ. ДИОФИЗИТСТВО		ФАКТОРЫ
Д-1 Иисус Х.- Богочеловек, Он Совершенный Бог, и Совершенный Человек.	Е-1 Иисус Христос не Богочеловек отвергает Божество	1. Адам – падший, грешный, глупый смертный человек,	1. Сущность, Естество

Д-2 Иисус Христос – Богочеловек, а не Богоносец	Е-2 Иисус Христос Богоносец, а не Богочеловек	2. Адам – дьяволоносец.	2. Сущность, Естество
Д-3 Дева Мария родила Богочеловека, а не простого человека.	Е-3 Мария родила простого человека, с к-м соедин-ся Бог.	3. Адам -не рожден, а сотворен из праха	3. Рождение Сотворение
Д-4 Дева Мария – Богородица, а не Христородица	Е-4 Дева Мария – Христородица, а не Богородица	4. Ева – не рождена, а сотворена из ребра Адама, к-й. из праха.	4. Рождение Сотворение
451 г. 4- й ВСЕЛЕНСКИЙ ХАЛКИДОНСКИЙ СОБОР. ИМПЕРАТОРЫ МАРКИАН И ПУЛЬХЕРИЯ			
ОБЛИЧИТЕЛИ ЕРЕСИ	ЕРЕТИКИ ЛЖИ	СРАВНЕНИЯ	Сопоставлен ия
1. Евсевий Дорилейский 2. Анатолий Констан-й	1. ЕвтихийКонст-й 2. Диоскор Алекс-й	Положения Адама и с концепциями ересей еретиков 7 соборов	духов. позиций Иисуса и Адама
МИАФИЗИТСТВО	МОНОФИЗИТСТВО		ФАКТОРЫ
Д-1 Иисус Х.- Истинный Бог и Истинный Человек по Божеству, Онвечно рождается от Бога Отца.	Е-1 Иисус Х. - Бог, а не Человек, в Нём - Божеское Естество и человек.природы нет	1.В Адаме все умирают, во Христе все оживут. 1Кор.15:22	1.Сущность и природа Иисуса Х.
Томос Льва-1: Иисус Х. – Совершенный Бог и Совершенный Человек, познаваемый в 2хестествах, соединенных в Одном Лице:неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно			
553 г. 5-й ВСЕЛЕНСКИЙ 2-й КОНСТАНТИН-Й СОБОР, ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН – 1			
Собор созван из-заспора между несторианами (ложное диофизитство: Иисус простой человек, Богоносец, а не Богочеловек) и евтихианами (монофизитство: Иисус – Бог и не человек). Цель крайне хитрой борьбы - чтобы победила хотя бы одна из ересей.			
680 г. 6-й ВСЕЛЕНСКИЙ 3-й КОНСТАНТИН-Й СОБОР, ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН – IV			
Собор созван против ереси монофелитства, основанный Аполлинарием: (в Иисусе Х. действует Одна Божественная Воля, а Человеческая подчинена Богу). Против этой ереси выступили Софронийи Максим Исповедник, основатель доктрины диофелитство.			
787 г. 7-й ВСЕЛЕНСКИЙ 2-й НИКЕЙСКИЙ СОБОР, ИМПЕР. КОНСТАНТИН – VI И ИРИНА			
Собор был созван против иконоборческой ереси и иконоборцев. Против них выступил Иоанн Дамаскини написал книгу «Три слова в защиту иконопочитания».			
ДОВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ: 1. АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ-261 г. 2. РИМСКИЙ 262 г.			
Соборы осудили ереси: монархианство и савеллианство, которые утверждали, что Бог – монада, а Иисус Христос и Дух Святой – не Божественные Личности, а модусы – проявления Бога Отца; отрицали Троичность Бога. Против них выступили: епископ Дионисий Александрийский и Дионисий, Римский Папа.			

5. Цель еретиков. Итак, при детальном исследовании ересей и Догматов Истины, расположенных в строгой последовательности в таблицах 1, 2, 3, автор приходит к выводу, что еретиками преследовались следующие цели:

1. Исказить истинные помышления верующих в познании Естества, Божества и Ипостасности Всевышнего Троиединого Бога, Творца всех и всего;

2. Лишить человека знаний, богослужений и служений освящения, посредством которых он может достигнуть обожения, т.е. теозиса, воссоединения с Богом.

3. Убедить верующих в том, что Иисус Христос не Богочеловек: а либо Онтолько Бог, чтобы отвлечь людей от поклонения Богу Отцу и Духу Святому; либо Он только Человек и тварь, не рождённый от Бога, чтобы отвлечь верующих от поклонения Иисусу Христу. Так, еретикивносили антихристическую агитацию в православную церковную жизнь.

4. Обратить людей к Богу без участия и ходатайства Иисуса Христа. И, тем самым, они с хитростью желали опять ввести людей в проклятие клятвы закона, которое действовало в Ветхом Завете.

5. Разрушить единство людей между собой и с Иисусом Христом, для того, чтобы каждый искал свой путь спасения, и никто не имел бы общности друг с другом и с Богом, а лишь были бы между ними раздоры и споры.

Таким образом, великой цели обожения верующий может достигнуть лишь посредством всеединства [5, с. 17]. К Рим.8:19 написано, что все Сыны Божьи должны получить откровение о достижении нетления и бессмертия [5, с. 1220].

6. Обмануть человека в том, чтобы он не познал Истинного Бога, и не уподобился Иисусу Христу, как Богочеловеку – самая главная цель еретиков и антихристических духов: 2 Петр.1:4 «соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» [5, с. 1204].

7. Ввести ложное и неистинное поклонение Богу Отцу, дабы Бога познали, как монаду, а не как Троиединого Бога, а Дух Святой и Иисус Христос не Личности Святой Троицы, а модусы, которые попеременно проявляются через Бога Отца. Это и есть основание ереси савеллианство. Итак, если бы ересь Савеллия достигла бы утверждения того, что Дух Святой лишь модус Бога Отца, что Он не существует, как Личность, то не было бы ни крещения Духом Святым, ни общения людей с Ним. И если бы люди не принимали Духа Святого, как Личность Святой Троицы, то кто смог бы быть запечатлён Духом Святым для воскресения из мёртвых в день воскресения? И если по савеллианству Иисус Христос не Личность, а лишь модус Бога, то как бы разрешился вопрос обращения и покаяния

людей для получения прощения грехов? По утверждению еретиков, Иисус Христос – Тварь. Тогда как может тварь спасти тварь? И в таком случае, как человек освободится от Адама? Ибо написано: «в Адаме все умирают, а во Христе все оживут». Цель еретиков - аннуляция плана спасения.

6. Интерпретация посмертного имени 7 еретиков «САМАН – ДЕ»:

Савеллий, **А**рий, **М**акедоний, **А**поллинарий, **Н**есторий, **Д**иоскор, **Е**втихий

С целью единого осуждения всех 7 еретиков и суммы их ересей появляется необходимость формирования для них единого посмертного имени. Таким образом, если составить аббревиатуру из имен 7 еретиков, то получится единое имя, которое и станет посмертным именем для них: «САМАН – ДЕ». Вот перечень имен этих 7 еретиков в точной хронологической последовательности, соответствующий периодам доселенских и с 1 по 4 Вселенских Соборов: Савеллий, Арий, Македоний, Аполлинарий, Несторий, Диоскор, Евтихий.

Необходимо отметить первую часть посмертного имени «САМАН – ДЕ» – «САМАН», которое в переводе с тюркского языка (**saman**) означает кирпич, сделанный из глины, т.е. из праха земного, соломы и навоза [7]. Этими кирпичами строилась вавилонская башня людьми, которые хотели сделать для себя единое имя, Быт.11:3,4 [1, с. 17]. Действительно: Адам сотворён Богом из праха, в прах он и возвратился. И не только Адам, но и все эти 7 еретиков, которые, поступив подобно Адаму, стали жертвами дьяволу и сатане, и духовно участвовали в построении духовной вавилонской башни. Примечательным является также тот факт, что стены и дома Египта ещё в 5000-летию до н.э. строились из САМАНА и, что самые богохульные ереси арианство и монофизитство начались из Египта, т.е. из Александрии, ибо и Арий, и Диоскор были служителями церкви Александрии. Посмертное имя «САМАН – ДЕ» пишется через дефис и приставку «ДЕ», потому что эти два еретика - Диоскор и Евтихий, выделялись особым образом, участвуя на двух соборах: 1) в 449 г. 8 августа на Ефесском «Разбойничьем соборе» Диоскор, для утверждения своих ересей, деспотически избив ногами, убил патриарха Флавиана; 2) в 451 г. на IV Вселенском Халкидонском Соборе особо выделялся Евтихий, а его поддерживал Диоскор. Монофизитство этих двух еретиков было разгромлено императором Маркианом и императрицей Августой Пульхерией, и патриархом Анатолием Константинопольским. В имени «САМАН – ДЕ» приставка «ДЕ» – означает отсутствие, отмена чего-либо: деградация, деструкция, деформация, демобилизация, девальвация, т.е. движение вниз. [1, с. 196]. В слове «САМАН» выделяется также имя АМАН, который восстал против Мардохея и еврейского народа и был казнен судом царя Артаксеркса и царицы Эсфирь, Есф.7: 10 [5, с. 496].

7. Итак, САМАН – это кирпич из глины, соломы и навоза, из которого строили вавилонскую башню, и это было связано с будущим

явлением вавилонского царя и его царства, которое предопределено было Богом на полное истребление, соответственно сну царя Навуходоносора и пророка Даниила. Действительно, хотя голова идола во сне Навуходоносора была из золота, но ноги и стопы его были из глины и праха, и когда Камень Божий (Иисус Христос) ударил по ногам идола, то он разбился и превратился в прах, который унёс ветер Божий, а на месте бывшего идола воздвиглось Царство Иисуса Христа, которое должно стоять непоколебимо и вечно! **«САМАН-ДЕ»** – посмертное имя всех тех еретиков-богохульников, которые пожелали в своем противлении восстать против Бога Всевышнего и дерзко хулить Его. Посему это имя и все, входящие в него еретики удостоиваются посмертного вечного осуждения Судными Словами Бога: **«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС, УПАРСИН!»**, которые написались Кистью Руки на стене царского чертога вавилонского царя Валтасара, сына Навуходоносора. А сии слова означают: **«МЕНЕ»** – Бог исчислил царство Вавилона и положил конец ему, **«ТЕКЕЛ»** – вавилонский царь взвешен на весах и найден очень легким, **«ПЕРЕС»** – разделено царство Вавилона, **«УПАРСИН»** – царство дано другому. Эти Слова Божьи, составляющие **вердикт** Суда Божия: **«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС, УПАРСИН»** – написаны для вавилонского царя, для царства его, и для всех антихристов, еретиков, рождающих ложь, обман, **комплот**, идолопоклонство и богохульство против Бога! Дан.5:24-28 [5, с. 786]. В этом отношении особо **восстал в России идол ВИЛ – Владимир Ильич Ленин**, который посредством кровавых братоубийственных революций, внес в Россию и во многие страны мира полное безбожие -атеизм, а разрушением православных церквей и репрессий духовных главенств и интеллигенции, он достиг грубейшей **секуляризации** всей России и бывших с ней союзных республик на 70 лет, подобно 70-летнему плену Израильского народа в Вавилоне. Это были самые тяжелые для России годы, когда государство и наука вероломно разрушали в людях веру в Бога, и лишали общество, государство и науку духовного христианского православного освящения.

Взаключении, согласно Слову Божьему Дан. 5:25, можно пророчески сказать: «Религиозно-антихристический **перформанс** еретиков единым посмертным именем **«САМАН – ДЕ»** – завершён! **Репертуарс** богохульными **зонгами** суммы ересей с разнозвучными **секвенциями** – окончательно заглушён!

Пертурбация с целью создания негативного **пиара**, **перфекта**, **комплота** и богохульства против Бога и Божьего народа – остановлена! Все меры и способы **секуляризации** общества, государства и личностей – пресечены!

Вердикт Суда Божьего над единым посмертным именем еретиков-богохульников **«САМАН – ДЕ»** – вынесен и провозглашён Вечными

Божьими Судными Словами: **«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС, УПАРСИН»**. Аминь и Аминь!

По обетованию и Святому Пророчеству Божьему православные верующие ожидают Второго Пришествия Иисуса Христа, Который Был, Есть и Грядёт! Он скоро явится с Сиянием Совершенных Догматов Истины и Правды Святого Троиственного Бога с Тремя Единосущными, Вечными, Божественными Ипостасями в Имени **Единого**, Которое окончательно истребити предаст **вечному забвению единое посмертное имя богохульников «САМАН - ДЕ»!** Так совершится Победа над всякой ложью и обманом и над всеми ересями и богохульствами, ибо Победа Божья поглотит смерть! 1 Кор.15:54 [5, с. 1238]. Да исполнится молитва Господа Иисуса Христа: «Отче наш, Суший на Небесах, да **СВЯТИТСЯ Имя Твоё**, да придет Царствие Твое; да будет Воля Твоя, и на земле, как на Небе... Ибо Твоё есть Царство и Сила и Слава во веки веков». Аминь и Аминь! Мф.6:9,10 [4, с. 1044].

Библиографический список

1. Бурцева В.В., Семёнова Н.М. Словарь иностранных слов. М., 2009. С. 817.
2. Успенский Л.А. Богословие иконы Прав. Церкви. М., 1989. С. 474.
3. Калинина Г. Энциклопедия Православной веры. Тула, 2011. С. 400.
4. Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 2002. С. 686.
5. Российское Библиейское Общество. Библия. М., 2005. С. 1337.
6. Соловьёв В.С. Чтение о Богочеловечестве». М.: 2011. 293 с.
7. Википедия. Свободная энциклопедия. URL.: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.04.2015).

УДК 261.8

УТОПИИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Г.В. Хачатурова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: hachaturowa.gajane@yandex.ru

Утопии существовали во все времена и находились в тесной взаимосвязи с господствующим политическим режимом. Учитывая что Европа на момент своего цивилизационного становления была раздираема войнами и конфликтами, утопии как представление о наилучшей форме государства сыграли важную роль в формировании европейского сознания

Ключевые слова: цивилизация, культура, утопия, история, становление, генезис.

UTOPIAS AS FACTOR OF FORMATION OF EUROPEAN CIVILIZATIONS

G.V. Khachaturova

Utopias existed at all times and were in close interrelation with the dominating political regime. Considering that Europe at the time of the civilization formation was torn apart by wars and the conflicts, utopias as idea of the best form of the state played an important role in formation of the European consciousness

Key words: civilization, culture, utopia, history, formation, genesis.

Что пришло на смену коммунистической утопии, во что, после развала советской коммунистической империи, этой утопии удалось перевоплотиться?

Попробуем уточнить понятия. Речь в дальнейшем пойдет, конечно, не об утопии, как литературном жанре, а о весьма специфическом символическом проекте, который, апеллируя к некоторой совокупности представлений о будущем или прошлом, пытается с их помощью изменить настоящее. Сегодня существует возможность рассматривать такой проект не только как социальный или культурный, но и как филогенетический. Так, среди филогенетических стимулов поведения, из разряда закрепления выработанного условного рефлекса, есть стимул, в котором перспективная привлекательность того или иного объекта заставляет субъект жертвовать в настоящем тем, чем без перспективной награды он пожертвовать не готов. Эта филогенетическая особенность позволяет рассматривать утопию прежде всего, как систему символических стимулов, с помощью которых возможна манипуляция не только социальными, но и генетическими защитными механизмами.

Однако чтобы сузить рассматриваемое явление, скажем, что нас будут интересовать не все утопии, а только те, по поводу которых возникли глобальные программы их воплощения, или, если воспользоваться известной формулой, утопии, овладевшие массовыми умами на протяжении одного или двух столетий. То есть универсальные утопии, прошедшие апробацию на социальную и культурную функциональность для нескольких поколений.

Утопиям этого типа соответствовал (-ует) полный набор утопических функций оправданий. Именно оправданий, так как сила утопии прежде всего в том, что она использует такие фундаментальные свойства человека как неуверенность, ограниченность, временность пребывания в любом социальном или метафизическом пространстве. Ни одна из присвоенных им позиций – будь это позиция социальная, экономическая, религиозная, культурная, даже географическая и, конечно, антропологическая – не является перманентно значимой; все они имеют тенденцию к трансформации, чреватые потерей или изменением статуса (как при

социальной, так и при самооценке). Утопия потому и обладает столь привлекательной, а точнее незаменимой структурой воздействия, что способна совершать символические подмены – заменять нисходящие функции восходящими, вместо одних процессов подставить другие, оправдывать то, что обречено на поражение и иначе быть оправдано не может. Причем это символическое воздействие обладает претензиями на универсальность и радикальность, то есть обещается исполнение перспективно неограниченных желаний во всех тех областях, где человек нуждается в оправдании – в социальной, экономической, психологической, антропологической и географической области.

Если коротко, то в социальном плане в наиболее известном варианте утопия предлагает такой способ интерпретации социума, при котором появляются серьезные основания протестовать против системы распределения доминирующих позиций и предлагается простой и эффективный механизм смены одной социальной иерархии другой. Хотя почти столь же универсален – только уже на следующем этапе реализации утопии – и другой социальный аспект утопии, при которой она, напротив, становится убедительным стимулом для сохранения и укрепления доминирующих позиций в социуме, а энергию недовольных аккумулирует в более консервативные и освященные традицией формы типа работы или патриотического служения. Не менее отчетливы амбиции глобальной утопии в экономической плоскости, где в рамках нового утопического дискурса ставится вопрос о форме собственности и предлагается инновационный способ ее перераспределения, более соответствующий интересам наиболее активных групп общества. Географические претензии утопии, одновременно, глобальны и противоречивы – это крайняя удаленность, можно даже сказать, бесконечная удаленность, и при этом – территориальная отчетливость, неприкосновенность границ. Хотя, возможно, именно географическая составляющая утопической функции является промежуточным звеном между разными фазами воплощения утопии. Удаленность утопии коррелируется с физической невозможностью преодолеть расстояние между местом воплощения желания и пространством его зарождения. Но как только это расстояние оказывается преодоленным и утопия вступают в фазу воплощения, востребованной оказывается вторая географическая особенность утопии – замкнутость, обособленность, которая начинает функционировать, как грань между старым и новым, и, одновременно, структурное начало другого, Иного места с иными фундаментальными основаниями. То есть географическая граница утопии – это зафиксированная линия фронта между прошлым и будущим, или «это предел, до которого простирается власть» утопии [1].

Наиболее комплиментарным оно было в андеграундный, доперестроечный период, то есть до того, как социально-культурные перемены и приоритеты внесли в чисто символическую борьбу

предпочтения и отличия уже вполне материального свойства. Иначе говоря, когда выяснилось, что ироническая деконструкция Приговым советской эмблематики ближе широкой интеллектуальной публике, чем отточенная, пластически безупречная, модернистская поэзия андеграунда.

С тех пор прошло почти два десятка лет, и в кардинально изменившихся условиях подобный вопрос вновь обрел актуальность. Теперь он звучит так: не утопия ли все эти наспех притороченные к нашей сегодняшней жизни бирки вроде «суверенной демократии», «вертикали»? Не прикрывают ли на самом деле эти вывески искусственно выстроенную шаткую и ненадежную конструкцию государства и общества, которую способен опрокинуть любой серьезный политический либо экономический кризис? Именно об этом, на наш взгляд, свидетельствует тот совсем недавний, рубежа 2007-2008 гг., «бурный поток» (здесь пародийный штамп, пущенный когда-то в ход 16-й страницей «Литературной газеты», кажется нам как нельзя более уместным) облеченных в беллетристическую форму пророчеств, фантазий и попросту конъюнктурных спекуляций, обрушившихся на отечественных, несколько оторопевших от неожиданности, читателей. А поводом к нему, подчеркнем, послужил даже не очередной «крутой поворот» нашей истории, а всего лишь ожидание такого поворота. Перед нами, кстати говоря, – пример крайне любопытного, не столь уж редкого явления. Позволим себе дать ему определение. Это – «ситуационная литература», для которой, на наш взгляд, характерны: возникновение в связи с определенной общественно-политической ситуацией или событием, высокая интенсивность (тот самый «поток» пополнения, исключительный (намного выше обычного) общественный интерес к этому рода литературе, наконец, исчерпание «потока» с разрешением породившей его ситуации. Забегая вперед, заметим, что нам предстоит еще вернуться к подобному явлению на другом его примере.

Излишне говорить, что подобное обращение в годы перестройки к такому сложному и неоднозначному понятию, как утопия, носило искусственный, в полном смысле этого слова «прикладной» характер. Но одновременно происходило и переосмысление этой категории, причем в совершенно новых условиях, когда великие произведения Е. Замятина, Дж. Оруэлла, О. Хаксли, А. Платонова – а в большинстве своем и сами имена их творцов – впервые в нашей истории из достояния счастливых обладателей или просто читателей интеллектуально-элитарного самоиздата превращались в мощный фактор массового сознания [2].

Ну и последнее, самое очевидное – психологическое измерение, то есть возможность символического оправдания и самоутверждения для адептов нового утопического дискурса, которые рекрутируются, в том числе, из весьма многочисленного числа лишенных доминирующих

позиций в обществе или испытывающих потребность существенного повышения собственного статуса.

Если говорить о глобальных европейских утопиях Нового времени, то коммунистическая утопия, которую в прошлом веке пытались реализовать в России, не была, конечно, первой. Более того, сам жанр классической литературной утопии возник как реакция и необходимая фиксация утопического движения в ином направлении. И первым утопическим направлением для Европы был, естественно, не Восток, а Запад. Социальная утопия, являясь естественной преемницей утопии религиозной, точнее христианской, во многом исчерпавшей ресурс оправдания современной ей социальной иерархии и слишком тесной для символических претензий нарождающегося третьего сословия, ищет будущее, способное изменить настоящее, собственно говоря, там же, за воображаемой линией горизонта, отделяющей жизнь от смерти и истории; утопия опять направляется на поиски земного рая, земли обетованной и ищет их именно в стороне заката, что, конечно, симптоматично. Движение на Запад, в древнеегипетскую «землю мертвых» указали еще античные мифы: именно на западе всегда располагался языческий рай, на западе размещались Елисейские поля и Сады Гесперид, на западе Платон разместил Атлантиду – прообраз первой европейской утопии; в западном направлении разворачивались странствия Улисса. Именно на запад, пытаясь переплыть Атлантический океан, неслучайно в средние века именовавшийся Морем Мрака, все более и более сдвигая границу познаваемого (то есть оправданного) и все ближе приближаясь к Блаженным островам, где люди продолжают жить в Золотом веке, ринулись европейские мореплаватели из Европы, так как пространство для социальных инноваций здесь было сужено до предела [3].

Запад был единственным направлением, где в принципе еще оставался шанс обнаружить новую сакральность, способную стать легитимной для социального обновления, или найти основания для оправдания (или существенного обновления) старой. Для разрешения глубокого кризиса европейской легитимации надо было начать все с начала, с места, где история еще не начиналась, с белого листа, на котором еще не был расчерчен ни один проект иерархического распределения ценностей и позиций, унижительных и бесперспективных для многих. В Европе таких направления практически уже не оставалось. Варварские северные страны все более осваивались европейскими завоевателями, с легкостью включившими их в орбиту европейской истории. Вечно терпкий Восток меркантилизировался и превратился в поставщика шелка, сказок и пряностей; оставалась, правда, Индия, куда арабы и португальцы уже проложили пути, не обнаружив там, однако, ни необитаемых земель, ни людей с другой антропологией, ни конца света. Для социального обновления нужны были ранее не звучавшие аргументы.

Утопией стал Новый свет, или страна Будущего, как назвал Америку Гегель. Именно открытие Америки, этого географического антипода Европы, породило жанр классической литературной утопии [4]. Кампанелла в «Городе солнца» упоминает судовладельца из Генуи, подразумевая под ним Христофора Колумба, и «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона неслучайно оказалась расположенной на одном из тихоокеанских островов. Совпало все или почти что все – удаленность, которая легко поддается интерпретации, как Иное; богатая экзотическая природа и иные антропологические признаки аборигенов; само усилие по преодолению моря Мрака, кажется, соизмеримое с искуплением грехов; общее напряжение и массовое ожидание. И реально чистое место, свободное от истории, то есть интерпретации. Утопический дискурс начинает развиваться как результат развеществления дискурса католицизма, отступающего под напором реформаторов различного толка. Утопия приходит на смену мифа о потерянном рае и меняет главное действующее лицо истории, вместо Бога, творившего мир, появляется человек, который должен и может организовать новый топос, новое общество. Это вполне отражено в последующем духе европейцев-освоителей и строителей нового общества.

Библиографический список

1. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // *Философия и общество*. 2007. №1. С. 174-189.
2. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13. №2-1. С. 46-50.
3. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
4. Marilyn I. Benedict's Shame // *Cabinet*. Fall. 2008. 112 p.

РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.В. Хлебникова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: religioved_2011-2015@mail.ru

В работе рассматриваются основные направления исследований религиозной социализации. Проанализированы и обобщены материалы исследований, которые занимают различные методологические позиции, чтобы исследовать процессы запуска религиозной традиции в постсоветской России.

Ключевые слова: религиозность, религиозная социализация, воцерковление, религиозная десоциализация.

RELIGIOUS SOCIALIZATION PERSONALITY: THEORETICAL ASPECT

N.V. Khlebnikova

The article examines the leading research directions of religious socialization. The materials of the researches, taking different methodological positions to explore the processes of launching a religious tradition in Post-Soviet Russia, are analyzed and generalized.

Key words: religiousness; religious socialization; churching; religious dissocialization.

В настоящий момент общество уделяет особое внимание проблемам религиозности различных слоев русского народа. Термин «религиозная социализация» трактуется по-разному. На первый план выходит поиск приоритета. Что же главенствует: ритуальная, доктринальная или вероучительная сторона? Западные христианские страны, по многовековой традиции, основой религиозной жизни считают вероучение и твердо убеждены в его истинности. Восточно-христианские религиозные организации, в особенности те, которые находятся под юрисдикцией Русской Православной Церкви (РПЦ), на первое место ставят участие в церковной жизни. Из-за этой разности взглядов каждый по-своему понимает суть религиозной социализации, которая в общем смысле есть становление верующего, происходящее в определенном конфессиональном и социокультурном контексте. Запад считает, что проявление религиозности заключается, прежде всего, в особом способе восприятия мира, соотнесения себя с ним. Поэтому и под религиозной социализацией понимают «введение в условия существования сверхъестественного», то есть превращение человека в верующего

субъекта. Вера православного человека начинается с обряда и постепенного воцерковления. Эта мысль подтверждается в документах РПЦ.

Религиозная социализация во многом зависит от передачи от старшего поколения к младшему определенных ценностных установок. На мой взгляд, проявляется, таким образом, религиозная преемственность поколений.

Главное отличие между религиозной историей прошлого и современностью – вопрос о возможности участия родителей в религиозном воспитании детей, в приобщении к определенной религиозной традиции, последователем которой являются члены семьи.

Цикличность данных процессов нужно рассматривать в динамике, суть которой раскрывает М.О. Орлов [1].

Нынешнее обращение зарубежных специалистов к проблемам межпоколенных отношений и выяснение ими механизмов успешной или безуспешной передачи религиозного опыта связано с отмечаемым многими из них не столько «кризисе религии» на рубеже веков и тысячелетий, сколько «кризисе секуляризации», наличии интереса как к традиционным, так и к вновь возникающим религиям, к сохранению религиозности как одной из базовых характеристик общественного сознания даже в тоталитарном советском обществе, не говоря уже о неожиданном для многих «религиозном подъеме» в современный период. Не стоит забывать, что – практически во всех странах – общая самооценка здоровья (душевного и физического), качества жизни и ощущения «счастья» среди людей, принадлежащих к какой-то религии, по-прежнему немного выше, чем у их современников, являющихся атеистами или не принадлежащими ни к какой конфессии.

Перестройка социальной организации общества сильно ударила по взрослому населению России. От людей стали требоваться взрослые и ответственные решения, к которым они оказались зачастую неспособны, в силу своего прошлого воспитания и обучения в русле ни за что не могущих (и не имевших права) отвечать «советских детей партии». Такая ситуация резко обострила социально-психологическую атмосферу. Компенсаторная роль религии стала явно востребована.

В советском обществе подрастающее поколение чувствовало себя зависимым, а отнюдь не «хозяином Страны Советов». Социальная несвобода усугублялась идеологической, несвобода институтов и процессов социализации (семья, школа и др.) персонифицировалась в «светлых» атеистических образах октябрёнка, пионера, комсомольца, несовместимых с образами «темных» верующих детей, якобы задавленных враждебно настроенными по отношению к «светлому будущему» родителями или бабушками (дедушками) и по своей настроенности близких к антисоциальным преступным элементам разных мастей.

В советское время культ агрессивной безрелигиозности усиленно насаждался армейской службой, куда попадал юноша после школы. Характер отношений между мужчинами (частное проявление их — дедовщина) накладывал свой отпечаток на все прочие социальные взаимоотношения, в том числе и на стереотип отношения юноши к своим будущим детям.

Принудительная атеизация общественной жизни и процессов воспитания вызывала в советское время идеализацию образа всемогущей партии и коллектива. Сейчас эта ситуация обернулась своей противоположностью, однако поведенческие стереотипы продолжают мешать формированию представлений о равенстве в вопросе свободы воли. Для выявления их изменения требуются систематические исследования «образов веры» у различных поколений, а также их отношений к религиозности, причем не только на повседневном, но и на теоретическом уровне. Даже существующие позитивные модели отношения к детской религиозности продолжают сохранять свою дисфункциональность по отношению к миру детства.

Вышеуказанные факторы ведут к конфессиональным конфликтам между представителями разных возрастных когорт.

Ряд авторов обращается к понятию религиозной социализации в контексте изучения специфики межконфессиональных и этнорелигиозных конфликтов. Исламский терроризм, научный коллектив под руководством Ю.М. Антоняна описывает пример религиозной десоциализации, т.е. противовеса социализации: «религиозность, лежащая в основе терроризма, не является той, которая считается общепринятой... это конформное поведение, подчиненное сообществу, но замаскированное религией» [2]. Более того, в статье коллектива авторов М.О. Орлова; С.А. Данилова и Д.А. Аникина подчеркивают: «Религиозные ценности предельны. Их нельзя выбрать, они открываются вдруг – это обращение» [3].

А вот византийские, а затем русские православные никогда не делали упор на силу оружия, действовали с помощью просвещения и убеждения [4]. В православной традиции не прочитываются даже какие-либо экстремистские движения защиты веры истреблением инакомыслящего народа.

Прослеживая историю религиозности и отношения к ней общества в XX столетии и соотнеся ее с текущим современным контекстом, мы сможем понять, как и почему возобновился в России интерес к вере — после почти 80-летнего перерыва — именно в 1990-е — 2000-е гг. В России развивается понятие свободы совести, оптимизируется религиозная социализация, что вызывает необходимость создания интеллектуальной традиции, изучающей этот тип социализации.

Библиографический список

1. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.
2. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
3. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.
4. Антонян Ю.М. Этнорелигиозный терроризм. М.: «Аспект-пресс», 2006. 320 с.

УДК 2-1

ВОСПРИЯТИЕ РЕЛИГИИ СОВРЕМЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ: ПОНИМАНИЕ И АБЕРРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИИ ИСИХАЗМА)

Д.А. Ченцова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

E-mail: siausa@ya.ru

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-33-01216

Статья посвящена проблемам понимания религии в целом и конкретных религиозных традиций в современном мире. Для современного человека характерно наличие aberrаций в отношении религии. Причины данных aberrаций могут крыться в недостатке аутентичной, достоверной информации, обращением индивида не к оригинальным, но к вторичным источникам информации, стремлением к синкретизму. В данной статье на примере традиции исихазма представлены основные типы aberrаций, характерные как для западного, так и для восточного менталитета, предложены варианты минимизации aberrаций в отношении религии.

Ключевые слова: религия, религиозная традиция, современность, исихазм, aberrации.

**PERCEPTION OF RELIGION BY A MODERN HUMAN:
UNDERSTANDING AND ABERRATIONS
(BY AN EXAMPLE OF THE TRADITION OF HESYCHASM)**

D.A. Chentsova

The present article is devoted to the problem of understanding the crucial aspects of religion as a whole and of religion traditions in the Modernity. The modern human consciousness produces different aberrations in the religious sphere and the causes of them are lack of authentic information, referring to the secondary sources of information or tendencies of the syncretism. The author marks out general aberrations of religion produced by eastern and western mentality by an example of the tradition of hesychasm, classifies aberrations into several types and represents methods of minimizing the aberrations.

Key words: religion, religious tradition, hesychasm, Modernity, aberrations.

Положение религии как таковой и конкретных религиозных традиций в современном мире неоднозначно. С одной стороны, в последние десятилетия в ряде стран, в том числе, в России, мы отмечаем тенденцию десекуляризации или, по мысли Ю. Хабермаса, уже не просто десекуляризации, но постсекуляризации как ситуации возникновения и закрепления «религиозного плюрализма в социуме» [1, с. 129]. С другой стороны, при видимой эскалации религиозного мировоззрения, нельзя не отметить качественный упадок знания о религии как таковой и о конкретных религиозных традициях. Современный мир полон заблуждений, что не обходит стороной и сферу религиозную, где терминологические, мировоззренческие и информационные ловушки также, как и в других сферах жизнедеятельности, подстерегают простого обывателя. Традиционные СМИ, рекламу, Интернет можно отнести к факторам, продуцирующим такого рода ловушки. С одной стороны, мы видим увеличение интереса к религии, а с другой – отсутствие элементарного знания и понимания в сфере духовной жизни. Значительное число людей, формально отождествляющих самое себя с определенной религиозной традицией, зачастую имеют посредственное представление о сути и ключевых положениях традиции. Здесь ситуация в России и за рубежом во многом сходная за счет того, что в России на протяжении значительного времени религия находилась под официальным запретом, на Западе же религиозное длительное время постепенно вытеснялось светским.

Поскольку духовная сторона жизни человека и социума, несмотря на утверждения об обратном, является важнейшей стороной бытия [2], фундаментом мировоззрения и деятельности как отдельных людей, так и малых и больших групп. Неустойчивое мировоззрение современного человека есть плод вытеснения духовного.

Одним из вопросов, встающих перед современным обществом, является вопрос межкультурного диалога, с которым так или иначе, в независимости от вытеснения и забывания духовного, связана также и проблема диалога межрелигиозного. С одной стороны, выбор «стратегий взаимодействия» носителей различных культурных традиций «задается системой координат культуры» [3, с. 46]. С другой – в том, что касается вопроса о духовных традициях – мы видим, что представители различных культур и мировоззрений могут отдавать предпочтение одной традиции. Например, буддизм широко распространен как на Востоке, так и на Западе, в том числе и в России. Буддизм здесь не исключение. Так, интерес к исихазму в 20 в. весьма возрос в Европе и Соединенных Штатах Америки. Зарубежные исследователи данной традиции даже говорят о своеобразном феномене «глобализации исихазма» [4, с. 25-28].

Современная культура так или иначе коррелирует с динамикой общественного развития, тем самым определяя границы межкультурного диалога и взаимодействия, религия же как определенная духовная традиция чаще всего не прогрессивна, а консервативна – за исключением таких систем как, например, современные школы буддизма, или же т.наз. новые религиозные движения, являющихся, напротив, модернистскими и которые мы не можем назвать религиями в классическом значении этого слова. В случае с последними мы должны отметить, что данные движения как таковые в силу своей специфики не являются и духовными традициями. Консервативность религии тормозит или делает невозможным диалог с представителями иных религиозных воззрений, поскольку, в отличие от культуры, религия претендует на универсальное мировоззрение, обладающее статусом истинного.

Современное общество постулирует себя как секулярное, т.е. религия в социуме не несет какой-либо явной роли, отделена от общественных процессов. Современная западная цивилизация, как представляется, истоком своим обязана христианской традиции, отпечатки которой, несмотря на трансформацию мировоззрения, ценностей и идеалов, до сих пор прослеживаются как в культуре, так и в сознании отдельных людей и групп. Несмотря на религиозные истоки, именно западной цивилизации принадлежит идея секулярности (более того, цивилизация как понятие, не включающее в себя духовную составляющую, есть западное понятие, возникающее на той стадии развития человечества, когда «начинают доминировать социальные связи», а не религиозные [5, с. 176]; современная же тенденция социальной динамики поэтому связывается с западноевропейской моделью развития, актуализирующей «ценность социальной справедливости и равноправия» [6, с. 36], моделью, где сакральное «вынесено за скобки», духовная сторона жизни человека и социума принципиально не рассматривается и допустима исключительно в пространстве церкви). Знаменательно, что в последнее время, интерес к

духовным традициям, в частности, к исихазму на Западе значительно повышается. Интерес к исихазму может говорить об усилении интереса к христианской традиции в ее изначальном состоянии (поскольку исихазм ближе к раннему христианству, нежели современные направления христианства, и в отличие от последних, практически не изменялся ни в учении, ни в практике на протяжении долгих веков существования традиции). Что касается восточной ментальности – здесь интерес к исихазму также обнаруживается, будучи вызван компаративистскими исследованиями духовных традиций (исихазм изучается и анализируется в контексте сравнения с такими традициями как буддизм, даосизм, йога, суфизм).

Скажем немного о самой традиции исихазма. Во-первых, исихазм наиболее верно определять как созерцательную традицию в христианском монашестве, (конец III – начало IV веков, родина – Египет, Палестина и Малая Азия), характеризующуюся стремлением к личному «обожению», «обожению» – как началу преображения самого себя, других людей и всего мира. Так, жизнь монаха-исихаста определяется внутренней молитвой, «умным деланием» (πραξις νοερα). Отметим также, что исихазм в ядре своем есть учение закрытое, поэтому и привлекает к себе внимание значительного числа людей, зачастую мало что представляющих о самой традиции исихазма. Что касается исихазма, наивно полагать, будто понимание учения исихастов может быть сведено к внешней телесной практике (многим профанам свойственно думать именно так – в этом одна из типичных аббераций). Также неверными будут попытки объяснить традицию исихазма как некую психотехнику; соответственно, отождествление с йогой и суфизмом (в рамках психологии религии) также не вполне верно. За видимой и телесно-ощутимой практикой в исихазме (как и в других духовных традициях, например, в суфизме) скрыт пласт многовекового духовного опыта. Стать исихастом может далеко не каждый. Исихаст – это монах, человек особого статуса, а не обычный индивид. Следовательно, полагающие, что исихаст – это тот, кто непрестанно читает Иисусову молитву, и следующие в повседневной жизни этому правилу по сути своей исихастами не являются, хотя себя таковыми считают. Здесь также кроется абберация.

На самом же деле в том, что касается традиции исихазма в современном мире, мы видим колоссальное количество аббераций. Как возникают абберации относительно традиции? Первоначально – интерес, любопытство в отношении той или иной традиции. Интерес естественным образом сопровождается незнанием. В довершение – широкое распространение неаутентичной информации и доверие к ней со стороны значительного числа обывателей – в силу обращения не к текстам традиции, а к вторичным или даже третичным источникам. Также одним

из факторов является Интернет как свободное неконтролируемое виртуальное пространство, порождающее аберрации.

Так, на ряде форумов, посвященных исихазму, мы видим описания ряда мистических событий (причем, описания принадлежат явным профанам и представляют собой образцы весьма сомнительного духовного опыта) или представление «практики», лишенной каких-либо действительных духовных основ и многое другое, к традиции исихазма относящееся либо условно, либо не относящееся вовсе.

Вследствие доверия к данному пласту информации, в итоге рождаются абсурдные идеи относительно традиции, появляются форумы, пестрящие темами и сообщениями, по сути, не относящейся к традиции. И если на серьезных богословских порталах все обстоит благополучно, то в дебрях форумов и Живого журнала можно потеряться в хаосе абсурда [7]. Здесь ситуация сходна как в Рунете, так и в остальной Глобальной сети.

Помимо уже озвученной проблемы, касающейся аберраций в среде обыденного сознания, следует также упомянуть интерес к исихазму со стороны представителей науки. Здесь видим тенденцию современных исследований, в последнее время все более распространяющуюся, наделять понятие «исихазм», определением «политический исихазм» [8, 9] и отождествлять его с социальной, культурной и политической программой, проводившейся видными византийскими деятелями, имевшей большое влияние в славянских странах. С одной стороны, такое движение мысли подтверждается деятельностью ряда исторических личностей (император Иоанн Кантакузин, константинопольский патриарх Филофей Коккин, киевский митрополит Киприан). Несомненно, наличествует некая связь между этим движением и утверждением ортодоксальности учения Григория Паламы на соборах в 1341, 1347 и 1351 гг. Данное отождествление исихазма с политическими силами восходит к ситуации в Византии, когда в XIV веке происходило внедрение исихастского учения как истинно-православного в целом государстве, но поскольку деятельность лиц вышеперечисленных не сводилась к практике исихазма, то приложение к ним понятия «исихазм» может быть осуществлено с некоторыми ограничениями и требует уточнений, классическое понимание исихазма здесь не представлено.

В целом, введение в исследования религии политического контекста допустимо, но зачастую затрудняет беспристрастное и качественное изучение самой религии. Хотя ряд современных исследователей полагает иначе. Так, данное положение иллюстрирует мысль М. Шевченко («Центр стратегических исследований религии и политики современного мира»), утверждающего, что во всех высказываниях о религии нужно уделять внимание «строго политическому контексту», оценивая такие высказывания с точки зрения содержания в них политического [10], а не собственно-религиозного. Заметим, весьма известный в России и за

рубежом «антрополог исихазма» С.С. Хоружий и другие исследователи в последнее время все чаще обращаются именно к пониманию феномена исихазма как исихазма политического, выделяя его как наиболее актуальную сторону интерпретаций исихазма в современном мире.

В целом, научная среда также не защищена от влияния аберраций. Возникает вопрос, как можно их минимизировать? С научной стороны освещения вопроса ничего не поделаешь. Ее можно либо поддерживать, либо не поддерживать. С Интернетом еще сложнее. Конечно, практически невозможно провести мониторинг всех ресурсов Глобальной сети. Соответственно, мы не можем говорить о каком-либо контроле над размещаемой в сети Интернет информацией. Анонимность, на настоящий момент являющаяся главной чертой сетевой коммуникации, наделяет человека абсолютным отсутствием ответственности за размещаемые материалы, а простота и доступность самого виртуального пространства делает размещение любой информации секундным делом. При попытках контроля виртуального пространства сети Интернет, возможен лишь некий отсмотр материалов и анализ ресурсов, с дачей экспертных оценок (экспертами – специалистами в области религии), с последующим формированием и распространением в Сети списка рекомендованных к просмотру сайтов.

Что касается самих людей, их внутреннего субъективного восприятия, то здесь о какой-либо возможности контроля уже принципиально не может быть и речи. Помочь здесь может, в первую очередь, повышение уровня элементарной религиозной грамотности, что само по себе является задачей современного религиоведения (при условии, что религиоведение обладает относительной свободой действия в области как преподавания и просвещения, так и в области проведения экспертизы).

В заключение отметим, что аберрации в отношении религии характерны для современной эпохи и затрагивают большинство традиций религиозного характера, причем основные аберрации характерны для представителей как западного, так и восточного менталитета, как для простых обывателей, так и для деятелей науки. На примере же традиции исихазма мы постарались проследить понимание и непонимание религии в современном мире, природу аберраций и методы минимизации аберраций и борьбы с ними.

Библиографический список

1. см. Хабермас Ю. Вера и знание // Будущее человеческой природы. М., 2002.
2. См.: Kallistos (Ware). Orthodox theology today: trends and tasks // International Journal for the Study of the Christian Church. Routledge. Taylor&Francis Group. Vol. 12, No.2, May 2012. Pp. 105–121.
3. Орлов М.О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. № 2-1. С. 46-50.

4. Johnson C.D.L. The Globalization of Hesychasm and the Jesus Prayer Continuum International Publishing Group, 2010. 206 pp.
5. Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. №1. С. 174-189.
6. Орлов М.О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления: стратегии Европы и Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. №3. С. 36-40.
7. Журнал Кирилла Фролова. URL: <http://kirillfrolov.livejournal.com/2261523.html> от 12.11.2012 (дата обращения: 14.12.2015).
8. См.: Петрунин В.В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. М., 2009. 164 с.
9. См.: Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. XXIII. Л., 1968. С. 86-108.
10. Выступление на круглом столе «Религия и коммуникация». Москва, МГУ. 12.04.2012. URL: <http://sreda.org/2012/reportazh-vremya-vyizovov-i-provokatsiy-kruglyiy-stol-ekspertov-religiya-v-sovremennom-informatsionnom-obshhestve-na-filosofskom-fakultete-mgu/3039> от 10.11.2012 (дата обращения: 14.12.2015).
11. Toti M. The Hesychast method of prayer: its anthropological and symbolic significance // International Journal for the Study of the Christian Church. Routledge. Taylor&Francis Group. Vol. 8. No.1. February 2008. Pp. 17-32.

УДК 261.8

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ И ЛОКАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.А. Шакина

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: shakinasasha@gmail.com

В статье отмечается, что дисфункция социальных институтов является естественным «побочным эффектом» социальной трансформации; на уровне общества в целом явление дисфункции – необходимый элемент развития, при этом на уровне государства – это прямая угроза национальной безопасности. Рассматривается кризисное состояние института религии и его влияние на функционирование других социальных институтов. Автор приходит к выводу о необходимости социального мониторинга и анализа данных явлений с целью сохранения жизнеспособности системы государства.

Ключевые слова: дисфункция, социальные институты, государство, национальная безопасность, экстремизм.

DYSFUNCTIONAL CRISIS OF THE INSTITUTIONS OF RELIGION AND LOCAL THREATS TO NATIONAL SECURITY

A.A. Shakina

The article notes that dysfunction of social institutions is a natural “side effect” of social transformations. At the level of a society the dysfunction is an essential element of development, while at the state level it is a direct threat to national security. The author examines the critical state of the institutions of religion and the impact of the crisis on the functioning of other social institutions. It is concluded that there is a need for social monitoring and research of these phenomena in order to preserve the viability of the state.

Key words: dysfunction, social institutions, state, national security, extremism.

Религия характеризуется, как сложное социальное образование, смысл существования которого обуславливается потребностью общества в священном [1]. Она включена в систему общественных отношений и порождается ими, рассматривается в качестве важного социального фактора, выполняющего вполне реальные функции в жизни общества [2, с. 453].

В общепринятом смысле, основой этого образования служат верования и действия, связанные с явлениями духовными, священными, но совсем не мирскими. Священное – это те стороны действительности, которые обособлены от сферы будничного и являются запретными. Мирское же – это те стороны социальной реальности, которые носят знакомый и повседневный характер.

Церковь, работая с широкими массами, должна находить с ними общий язык, поэтому она не порывает с земным порядком, а наоборот, принимает его и освящает. Отсюда и вытекает посюсторонняя позиция церкви, несмотря на ее доктринальный трансцендентализм. Это универсальная организация, стремящаяся охватить и подчинить своему авторитету всю жизнь человека. Церковь “рассматривает весь мирской порядок как средство и подступ к сверхмирской цели жизни и включает подлинную аскезу в свою структуру под сильным церковным руководством как момент в достижении этой цели” [3, с. 141].

Религиозное сообщество связано с миром сложными, можно сказать, противоречивыми отношениями. С одной стороны, религиозные институты работают в обществе, как стабилизирующий фактор, содействующий сохранению установленного социального порядка и тем самым укрепляющий положение властных структур. Но с другой стороны, религия может выступать и как фактор дестабилизации, так как в ней всегда присутствует высокий нравственный стандарт, сообщающий ей критический потенциал. Присутствие у религии критического потенциала в соединении с традиционным авторитетом консервативных религиозных

институтов определяет ту важнейшую роль, которую церковь играет в обществе.

Социологи оценивают религию, как важный институт, способствующий социальной интеграции и солидарности. Конфликтологи же представляют религию, как орудие в руках правящих элит, которые применяют его для ослабления социального напряжения, порождаемого социальным неравенством и несправедливостью.

Мы не будем забывать о важных, положительно влияющих на общество, социальных функциях религии, но в данной статье мы рассмотрим ее разрушительную сторону. Тема статьи предусматривает ответы на следующие вопросы: 1 – в чем проявляются дисфункции религии? 2 – какова динамика и тенденции развития отношений между государством и религией?

Явление дисфункции неизбежны в любом обществе и проявляются в том, что социальный институт в той или иной степени прекращает действовать в гармонии с объективными потребностями и целями, ради которых он и создавался.

Церковь создавалась для решения важных мировоззренческих вопросов и установления высоких нравственных идеалов, но со временем стала заниматься образованием, экономической деятельностью (монастырское хозяйство), сохранением и передачей знаний, исследовательской работой (религиозные школы, гимназии и др.), покровительство.

Как сказано выше, взаимодействие с социальной средой является необходимым условием существования церкви. Этот процесс может протекать нормально, вместе с тем возможны и нарушения.

Происходящие в обществе процессы нередко меняют потребности индивидов, групп, слоев и классов общества, меняют, таким образом, и характер связи институтов с социальной средой. По причине этого может возникнуть ситуация, когда изменившиеся социальные потребности не найдут тождественного изменения в структуре и функциях соответствующих социальных институтов. В результате такого несоответствия в деятельности социального института и возникают явления дисфункций, которые могут сказываться как в сфере внешней, материальной, организационной структуры соответствующих учреждений, так и в характере, в предмете деятельности социального института. Внешне явления дисфункции могут заключаться в недостатке подготовленных кадров, материальных средств, в организационных недостатках и т.д. С содержательной точки зрения (что важнее) недостатки выражаются в неопределённости целей деятельности, в их нечеткой интерпретации, сковывающей деятельность института, двусмысленности функций, упадке социального престижа и авторитета данного института. В случае с церковью – это религиозная нетерпимость и фанатизм, которые

приводят к войнам и многочисленным преследованиям иноверцев и атеистов.

Функции и дисфункции социальных институтов могут быть явными, если они открыто выражены, всеми осознаются, либо латентными, если они замаскированные и остаются бессознательными для участников социальной группы. В религии – это человеческие жертвы, самоистязания, связанные с фанатичными формами поклонения.

В современном демократическом государстве религиозные вероучения осуществляют роль регулятора нравственных ценностей в обществе, распространителя моральных принципов и устоев. «Религия задает иерархически построенную систему норм, которые определяют моральные позиции по отношению к миру» [4, с. 254]. Но как же быть с негативным влиянием религии на общество? Как государство должно поступить с ним?

Для многонациональной и многоконфессиональной России особую важность имеет сохранение паритетных отношений между различными этносами и религиями. Это становится более важным, так как наше общество столкнулось в последнее время с увеличениями национальных распрей, этнического эгоизма с использованием в той или иной мере религии националистическими, экстремистскими группировками в своих прагматических целях.

Нередко религиозный экстремизм – это возражение против непростых социально – экономических условий в том или ином регионе, против трудностей, вызванных непродуманными формами принятия рыночных отношений, резким расслоением общества. Для тех людей, которые не смогли приспособиться к новым социально-экономическим условиям, не могут осуществить свои возможности, рядовые конфликты на «бытовой почве» легко становятся возбудителем межнациональной розни.

Главную опасность представляют потенциальные столкновения между двумя наиболее крупными этно-конфессиональными группами, которые определяют цивилизационное своеобразие евразийской России – православно-христианской и мусульманской.

В Российской Федерации особенно актуальны проблемы, связанные с ростом экстремистской деятельности религиозных организаций двух особенно динамичных направлений.

С юга и юго-востока началась пропаганда исламского радикального фундаментализма, добивающегося расширения своего влияния не только в традиционно мусульманских регионах, но и на всей территории страны. Популяризация и применение насилия для достижения своих политических целей принимает религиозную форму. Религиозно-политический экстремизм таких движений в последние годы стал одной из главных угроз национальной безопасности нашего государства. Терроризм

– это насилие группы людей по отношению к государству, как политическому субъекту [5, с. 35].

С другой стороны, не менее опасную урон национальной безопасности России может принести значительная часть так называемых «новых религиозных движений» (НРД) или синкретических религий «Нового века». Прибывшие в первую очередь из США и Западной Европы, они внедряют новую антироссийскую и антигосударственную идеологию.

Параллельно возникли и российские аналоги такого рода движений. Экстремистское крыло НРД представлено организациями, которые рекламируют отказ от традиционной морали, общественно важного труда и зачастую приводят к разрушению семей, причинению вреда физическому и психическому здоровью людей. Значительная часть таких религий имеет скрытую коммерческий уклон и действует по принципу сетевого маркетинга.

Описанные выше изменения доказывают необходимость формирования правильных подходов и действенных методов, обеспечивающих гарантию национальной безопасности России. Претворение в жизнь светского варианта государственно – конфессиональных отношений должно, во–первых, производиться с учетом неминуемости проявлений всей полноты как желательных, так и нежелательных последствий и, во–вторых, быть нацеленными на предвидение и максимальное снижение роли побочных негативных эффектов, связанных с дисфункциями религии. Последние – это неременная цена, которую общество и государство платят за сохранение мира и согласия, за гарантию равенства прав и свобод.

Государственно – конфессиональные отношения складываются (в общем виде и во всех частных областях) как следствие социального соглашения между субъектами этих отношений, частями общества, обладающими разными, подчас полярными религиозно-мировоззренческими убеждениями и пропорциональной им социальной практикой. Дискурсивное управление определяется, как процесс поддержания социальной системы в стабильности, осуществляемый посредством сотрудничества и согласования различных интересов [6, с. 43]. Государство призвано выполнять роль посредника и гаранта при достижении такого рода компромисса.

Библиографический список

1. Данилов М.О., Орлов М.О. Государство, общество, религия в пространстве западноевропейской цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. №1. С. 20-27.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. С. 7-544.
3. Трельч Э. Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии, М., 1994. Ч. 1.

4. Вебер М. Избранные произведения // Социология в текстах. Хрестоматия. М.: Прогресс, 1990. С. 44-306.
5. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник томского государственного университета. 2008. №307. С. 32-38.
6. Орлов М.О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. №1-2. С. 43-47.

РАЗДЕЛ 15. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 331.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА УРОВНЕ РАБОТНИКА И НА УРОВНЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

А.С. Бондышева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: alica281091@mail.ru

В статье рассматривается понятие эффективной занятости на уровне работника и на уровне предприятия. Также рассматриваются критерии и взаимосвязь эффективной занятости для данных субъектов. Такой анализ помогает достичь максимальных показателей эффективной занятости и на уровне работника и на уровне предприятия.

Ключевые слова: занятость, эффективная занятость, критерии эффективной занятости.

IMPLEMENTATION OF EFFECTIVE EMPLOYMENT AT THE LEVEL OF THE EMPLOYEE AND AT THE ENTERPRISE LEVEL

A.S. Bondyasheva

The article discusses the concept of effective employment at the level of the employee and at the enterprise level. It also discusses the criteria and effective employment relationship for the data subjects. Such analysis helps to achieve maximum performance and effective employment at the level of the employee and at the enterprise level.

Key words: employment, productive employment, the criteria for effective employment.

Сегодня актуальными вопросами экономики любой развивающейся страны становится не только вовлечение трудоспособного населения в процесс занятости, но и совершенствование структуры занятости, направленное на достижение эффективной занятости для всех субъектов данного процесса. На наш взгляд, рассматривая понятие эффективной занятости, можно выделить четыре основных субъекта: работник, предприятие, регион и государство. Соответственно, эффективность занятости можно рассматривать на четырех различных уровнях, исходя из интересов каждого субъекта.

Целью данной статьи является анализ взаимосвязи эффективной занятости на уровне работника и эффективной занятости на уровне

предприятия. На первый взгляд, противоположно направленные интересы данных субъектов имеют, на наш взгляд, прямую зависимость в достижении эффективной занятости и общую совокупность факторов. Процесс анализа и нормализации данных отношений может привести к достижению максимальных показателей эффективной занятости.

Вначале необходимо определить понятие эффективной занятости. Рассмотрим взгляды различных ученых на этот вопрос. Янтурина А.С., Бердникова Г.И. считают, что эффективный характер занятости предполагает занятие общественно-полезной деятельностью, которая обеспечивает достойный доход, здоровье, возвышение личности, рост образовательного и профессионального уровня для каждого члена общества на основе роста общественной производительности труда, а также экономическую и социальную целесообразность рабочих мест [1]. Н.Л. Казначеева, Д.П. Строганова считают, что эффективная занятость, обеспечивая удовлетворение потребностей населения в рабочих местах, одновременно направлена на стимулирование роста экономики, ее эффективности, т.е. предполагает оптимальное сочетание потребности в рабочих местах и трудовых вкладов работников с целью эффективного функционирования производства [2]. В.А. Гаги под экономически эффективной понимают такую занятость, которая обеспечивает достойный доход; здоровье, рост образовательного и профессионального уровня для каждого члена общества на основе роста общественной производительности труда [3]. Ю.П. Кокин и П.Э. Шлендер считают, что продуктивная (эффективная занятость) – характеризуется с двух позиций. Во-первых занятость должна приносить трудящим доход, обеспечивающие достойные человека условия жизни. Отсюда вытекает прямая связь политики занятости с политикой доходов, антиинфляционными действиями и т.д. Во-вторых эффективная занятость противопоставляется занятости формальной. Частный случай последней – содержание излишних работников или создание формальных рабочих мест во избежание безработицы [4].

На наш взгляд, определение эффективной занятости можно сформулировать следующим образом: эффективная занятость – это совокупность экономических отношений по поводу включения экономически активного населения в процесс трудовой деятельности для достижения определенных целей всех субъектов этих отношений. Эффективная занятость должна быть направлена на улучшения качества жизни населения страны, отвечая при этом потребности предприятий (работодателей) – соотношение высокой и качественной производительности труда при наименьших затратах на производственную деятельность; эффективная занятость должна содействовать развитию региональных производств и быть направлена на качественное улучшения производства в стране в целом.

Выделим теперь основные критерии эффективной занятости с позиции работника. На наш взгляд, первостепенными (базовыми) будут являться следующие:

1. Безопасные условия труда и приемлемый уровень гигиены на рабочем месте. Сюда относится комфортная температура в рабочем помещении, освещенность рабочего места, чистота помещения и пр.
2. Необходимы уровень заработной платы, который позволяет приобретать товары и услуги первой необходимости.
3. Приемлемые отношения в коллективе, отсутствие давления со стороны руководства и коллег, уважительное отношение.

Мы рассмотрели базовые критерии, отсутствие которых делает работу фактически неприемлемой, далее рассмотрим критерии, которые позволяют расценивать занятость как эффективную (нумерация параметров будет продолжена, так как первые три также являются критериями эффективной занятости):

1. Официальные трудовые отношения, которые дают работнику право на различные социальные гарантии.
2. Содержание труда, которая приносит человеку удовлетворение в процессе его деятельности.
3. Возможность развивать свои профессиональные навыки и умения, получать новые знания.
4. Достойная оплата труда, которая позволяет человеку удовлетворять различные индивидуально-важные для него потребности (например: посещать различные культурно-развлекательные мероприятия, заниматься спортом, путешествовать и т.д.);
5. Дружелюбные и теплые отношения в коллективе, благоприятный психологический климат.
6. Возможность качественного медицинского обслуживания.

Исследовав, что входит в понятие эффективной занятости на уровне работника, можно сформулировать определение. Эффективная занятость на уровне работника – это совокупность экономических отношений по поводу включения человека в процесс трудовой деятельности, которая обеспечивает: безопасные и комфортные условия труда, высокий уровень организационной культуры, выполнение профессиональных задач, возможность совершенствовать свои навыки, получать достойную заработную плату, иметь все положенные по законодательству социальные гарантии.

На уровне предприятия критерии эффективной занятости порой могут быть противоположны. Здесь главную роль играет экономическая эффективность, то есть, соотношение затрат к результату. Любой предприниматель стремится найти максимально квалифицированных

работников, которые смогут обеспечивать наивысшую производительность труда. Однако, хозяйственная деятельность любого предприятия имеет целью экономию на издержках, к которым также относятся заработная плата сотрудников и общехозяйственные расходы (в том числе связанные с организации условий труда). Таким образом, эффективная занятость с точки зрения предприятия – это соотношение высокой и качественной производительности труда при наименьших затратах на организацию производственной деятельности.

При этом, стоит отметить, что в условиях современных рыночных отношений предприятие постоянно должно совершенствовать свою деятельность, чтобы оставаться конкурентоспособным. Необходимо постоянно модернизировать производственные процессы, оптимизировать бухгалтерские и юридические службы, совершенствовать маркетинговые исследования и т.д. Сегодня эффективность деятельности предприятия начинает зависеть от интеллектуального капитала его сотрудников, а также насколько работники готовы прилагать свои деловые качества на благо предприятия.

На наш взгляд, эффективная занятость в отношениях работника и предприятия имеет прямую зависимость. Возможно и противоречие в интересах этих двух рассматриваемых субъектов, здесь будет наблюдаться обратная зависимость, однако, такую занятость нельзя назвать эффективной.

Прямая зависимость интересов работника и работодателя будет реализовываться в том случае, если обе стороны нацелены на развитие и совершенствование. Со стороны работника это будет выражаться в максимальном приложении усилий на благо предприятия, со стороны работодателя – в предоставлении возможности для развития потенциала работника, а также в соответствующем награждении за интенсивный труд.

В отдельных случаях совпадение интересов работника и работодателя может наблюдаться при отсутствии стремления к совершенствованию с обеих сторон. Однако, данная ситуация в долгосрочной перспективе существовать не может. На наш взгляд, работодатель со временем все равно будет заинтересован в увеличении объема работ, либо сложности выполняемой работы. Работник в свою очередь, будет заинтересован хотя бы в минимальном росте дохода (который покрывал бы ежегодный рост инфляции).

Обратная зависимость интересов работника и работодателя будет наблюдаться в случае заинтересованности одной из сторон в совершенствовании рабочих процессов и отсутствия интереса с другой стороны. Так, например, если работодатель стремится привлечь к работе молодых и перспективных специалистов, нагружая их при этом лишь рутинной работой и не предоставляя им возможности развиваться и

двигаться по карьерной лестнице в рамках данного предприятия, то на таком предприятии будет постоянная текучка кадров.

Таким образом, если предприятие стремится выжить в долгосрочной перспективе и при этом иметь высокие финансовые показатели, то руководство предприятия должно обеспечить работникам комфортные условия труда, возможность получать новые знания и использовать их в интересах производства. Таким путем и будет достигнута эффективная занятость для обеих сторон.

Библиографический список

1. Янтурина А.С., Бердникова Г.И. Эффективная занятость как фактор устойчивого развития социальной экологии региона // Вестник ОГУ. №6/июнь. 2009. С. 526.
2. Казначеева Н.Л., Строганова Д.П. Формирования системы эффективной занятости как важнейший элемент социальной // Вестник Томского государственного университета. №4(16). 2011. С. 97-104.
3. Гаги В.А. Экономика и социология труда: (социально-трудовые отношения): Учебник (под ред. В.А. Гаги). Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2008. 340 с.
4. Шлендер П.Э., Кокин Ю.П. Экономика труда: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. Ю.П. Кокина, проф. П.Э. Шлендера. М.: Магистр, 2010. 686 с.

УДК 338.1

ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН

Ю.А. Варламова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

E-mail: jillmc@yandex.ru

В статье в качестве ключевых показателей общественного благосостояния анализируются истинные сбережения и индекс развития человеческого потенциала. Истинные сбережения выступают как индикатор устойчивого развития страны. Индекс развития человеческого потенциала используется для сравнения стран по уровню развития на основе не только экономического роста, но и социальных показателей. С помощью корреляционного и кластерного анализа по 110 странам мира проверяется гипотеза о взаимосвязи анализируемых индикаторов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономическое развитие, истинные сбережения.

THE INDICATORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Y.A. Varlamova

We analyze genuine savings and the Human Development Index as the key indicators of well-being. Genuine savings act as an indicator of sustainable development. The Human Development Index is used to compare countries in terms of development based on economic growth and social indicators. The correlation and cluster analysis for 110 countries around the world are provided to test the hypothesis about the relationship of the analyzed indicators.

Key words: sustainable development, economic development, genuine savings.

Национальное богатство включает в себя не только уровень экономического развития страны, но и ряд показателей, которые отражают современные подходы к трактовке понятия общественное благосостояние. Концепция устойчивого развития привела к необходимости дополнения традиционных экономических критериев развития страны экологическими показателями, отражающими степень истощения ресурсов и загрязнения окружающей страны. С другой стороны, введение в широкий кругооборот концепции человеческого капитала и экономический успех в развитии таких стран как Сингапур, Тайвань, Ю. Корея вызвало насущную потребность оценивать не только природный капитал, но и потенциал развития человеческих ресурсов через систему образования, здравоохранения. Таким образом, основными требованиями к построению методики расчета национального богатства страны выступают учет экологических факторов и показателей развития человеческого капитала.

Целью проводимого исследования является корреляционный анализ между показателями устойчивого развития стран. В качестве объекта исследования выступают 110 стран. Предметом исследования служит взаимосвязь между показателями общественного благосостояния. Основным методом, используемым для проведения анализа, является корреляционный анализ, кластерный анализ.

Методологической базой исследования послужили теоретические подходы, рассматривающие в качестве критериев общественного благосостояния истинные сбережения как показатель, характеризующий устойчивое развитие экономической системы, и индекс человеческого развития, отражающий уровень развития человеческого капитала в стране. По данным показателям составляются ежегодные рейтинги стран.

Истинные сбережения выступают в качестве индикатора устойчивого развития. Методика расчета истинных сбережений базируется на модели Pearce and Atkinson (1992), которые выделили три вида капитала: производственный капитал (reproducible capital), человеческий капитал (human capital) и природный капитал (natural capital). Ученые строят динамическую модель, в которой определяют критерии устойчивого развития и применяют ее для 21 страны. Они рассчитывают индикатор

устойчивости как сбережения за вычетом амортизации трех видов капитала [1, р. 2-3]. Предложенная исследователями методика оценки устойчивого развития принята Всемирным Банком [2], который рассчитывает скорректированные (или истинные) чистые сбережения (adjusted net saving) как валовые сбережения минус потребление основного капитала плюс расходы на образование, минус истощение минеральных и энергетических ресурсов, чистое истощение лесов, ущерб от диоксида углерода и твердых отходов. Разработанная методика позволяет сравнивать национальное богатство стран, опираясь на современные тенденции развития мирового сообщества. В России сторонниками концепции истинных сбережений выступает коллектив авторов под руководством С.Н. Бобылева [3, с. 71-76], предложившие на основе методики расчета истинных сбережений Всемирного Банка собственные показатели учета экологических факторов в экономическом росте.

Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index) строится как среднее геометрическое нормализованных индексов, для каждого из трех измерений: продолжительности жизни, уровень образования и уровня жизни населения. При этом уровень образования определяется количеством лет обучения в школе и ожидаемым количеством лет обучения [4, р. 16]. Следовательно, измерение экономического роста дополняется существенными социальными показателями, такими как продолжительность жизни и уровень образования, что позволяет сравнивать страны не только по уровню их экономического развития на конкретную дату, но и оценивать потенциал развития, заложенный в человеческом капитале.

Гипотеза, проверяемая в ходе исследования, состоит в том, что между истинными сбережениями и ИРЧП должна существовать взаимосвязь. Выдвигаемое предположение основано на сути индикаторов, построенных на базе дополнения валового дохода на душу населения как показателя экономического роста социальными, экологическими показателями. Уровень обучения присутствует в обоих индикаторах, однако, в истинных сбережениях учитываются расходы на образование, а в ИРЧП – продолжительность обучения.

Результаты проведенного корреляционного анализа по 110 странам за 2012 год показали, что между истинными сбережениями как индикатором устойчивого развития и ИРЧП существенной связи не выявлено (см. рис. 1).

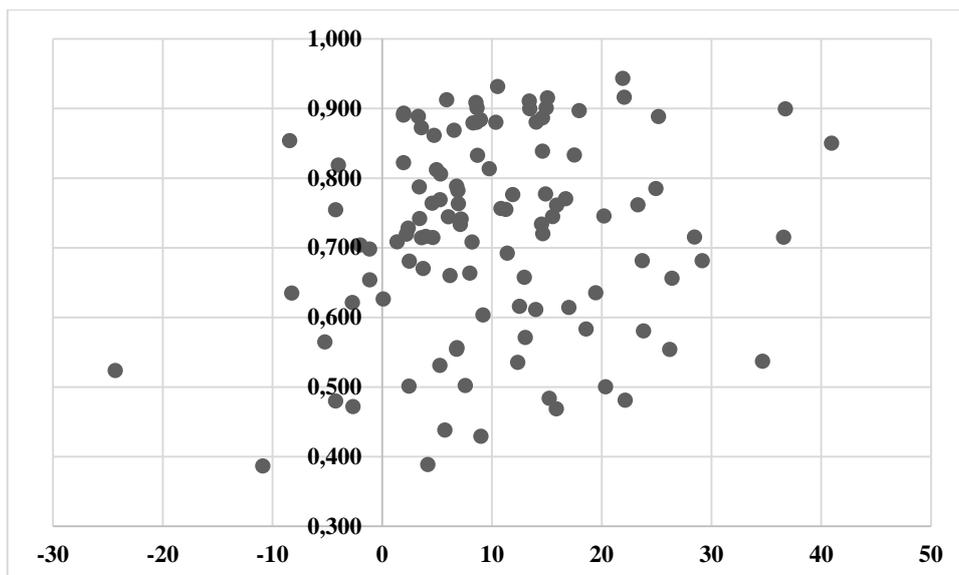

Рис. 1. Взаимосвязь между истинными сбережениями (ось ОХ, в % от ВВП) и ИРЧП (ось ОУ, в коэффициентах)

Отсутствие корреляции между двумя индикаторами видно не только на точечной диаграмме, представленной на рисунке 1, но и с помощью расчетов коэффициентов корреляции: Пирсона – 0,14; Спирмена – 0,12. Следовательно, отсутствует значимая линейная и нелинейная связь между показателями.

Кластерный анализ более наглядно демонстрирует связь между исследуемыми индикаторами (см. табл. 1). Так, группу со средним уровнем истинных сбережений и средним уровнем ИРЧП составляют 29% стран (из 110 анализируемых). Также многочисленной является группа со средним уровнем истинных сбережений и высоким уровнем ИРЧП (33%). На два перечисленных кластера приходится в совокупности 62% стран. Таким образом, средний уровень истинных сбережений характерен для стран со средним и высоким уровнем ИРЧП.

Табл. 1. Распределение стран по кластерам (в % от общего количества)

ИРЧП	Истинные сбережения		
	высокий	1	33
средний	5	29	10
низкий	3	9	4
	низкий	средний	высокий

Высокий уровень ИРЧП на фоне низкого уровня истинных сбережений наблюдается в Лесото, в то время как высокие уровни обоих индикаторов характерны для Беларуси, Республики Корея, Норвегии, Панамы, Катара, Сингапура и Швейцарии. В данном кластере нет однородности среди перечисленных стран по уровню экономического развития и качеству жизни населения. Тем не менее страны попали в одну

группу с самыми высокими индикаторами как потенциала для экономического развития страны на основе человеческого капитала, так и устойчивого развития системы в целом.

Наибольшее беспокойство вызывают страны, образующие группу с низкими значениями истинных сбережений и ИРЧП: Ангола, Бурунди, Судан и Уганда. Для этих стран характерны отрицательные значения истинных сбережений, что объясняется низким уровнем экономического развития, при этом серьезным ущербом окружающей среде и низкими расходами на образование. Таким образом, устойчивое развитие данных стран находится под серьезной угрозой в будущем, если их правительства не предпримут соответствующих мер по развитию экономики, но не за счет еще большего загрязнения окружающей среды и сокращения расходов на социальную сферу.

Мозамбик, Кения, Гаити, Гана, Гамбия, Эфиопия характеризуются средним уровнем человеческого потенциала на фоне низкий значений истинных сбережений. Можно выдвинуть предположение, что в данных странах проводится стимулирующая политика по развитию человеческого потенциала, но пока она не согласуется с действиями по защите окружающей среды.

Россия входит в группу стран со средним уровнем истинных сбережений и высоким уровнем ИРЧП. По данным Всемирного Банка, показатель истинных сбережений в России принимает положительные значения, начиная с 1998 года, что можно объяснить сокращением выбросов вредных веществ и проведением мероприятий по защите окружающей среды. Истощение природных ресурсов на фоне высоких темпов загрязнения окружающей среды были основными причинами отрицательных значений истинных сбережений в 1995-1998 гг. Общая тенденция к росту уровня истинных сбережений отмечается на протяжении всего периода 1999-2012 годов с резким увеличением данного показателя в последние годы (см. рис. 2).

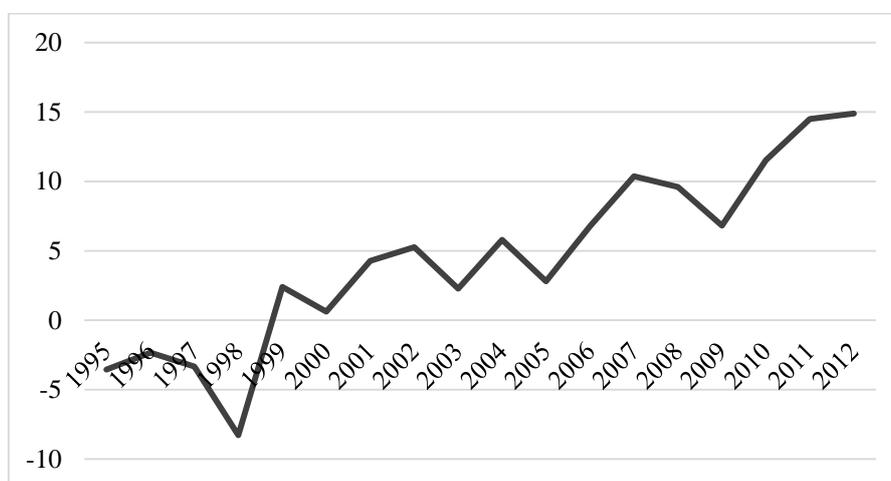

Рис. 2. Динамика уровня истинных сбережений в России в 1995-2012 гг. [5]

Что же касается развития человеческого потенциала, то Россия отстает от развитых экономик в основном за счет низкой продолжительности жизни и валового национального дохода на душу населения. Несмотря на высокий уровень образования, демографические показатели качества жизни населения пока остаются в России на более низком уровне по сравнению со странами с развитой экономикой. Следовательно, направлениями роста для России и залогом ее устойчивого развития могут стать не только экономические факторы, но и рациональное природопользование с развитием человеческого потенциала.

Проведенное исследование опровергает выдвинутую гипотезу о тесной взаимосвязи между индикатором устойчивого развития – истинными сбережениями и индексом развития человеческого развития как индикатора качества жизни и потенциала развития социально-экономического развития. Корреляционный анализ показал низкую зависимость между выбранными показателями, тем не менее разбиение стран на группы, позволило сделать вывод о том, что более 60% исследуемых стран характеризуются средним уровнем истинных сбережений и одновременно средним или высоким уровнем ИРЧП.

Россия входит в число таких стран, и на протяжении 1998-2012 гг. отмечается положительная тенденция роста уровня истинных сбережений. Тем не менее по ИРЧП Россия пока отстает от стран с развитой экономикой, что требует нахождения баланса между политикой экономического роста, истощения природных ресурсов и развития человеческого потенциала за счет, в первую очередь, увеличения продолжительности жизни.

Библиографический список

1. Pearce D., Atkinson G. Are National Economies Sustainable? Measuring Sustainable Development CSERGE Working Paper GEC 92-11 // University College London and University of East Anglia, Norwich, UK. 12 p.
2. The Changing Wealth of Nations. Measuring Sustainable Development in the New Millennium. The World Bank, Washington DC. 221 p.
3. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. М.: ЦИРП, 2001. 220 с.
4. Human Development Report 2013. The United Nations Development Programme. Communications Development Incorporated, Washington DC. 216 pp.
5. Adjusted net savings, excluding particulate emission damage (% of GNI). The World Bank, 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.ADJ.SVNX.GN.ZS/> (дата обращения: 10.03.2015).

УДК 378.4 (470+571)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ

М.В. Голубниченко

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: mvl04@mail.ru

Университеты осуществляют научные исследования, разрабатывают инновационные технологии и продукты, внедряют их в практику путем взаимодействия с внешней средой. В связи с этим необходим набор показателей, позволяющих оценить эффективность и коммерциализацию результатов научной деятельности университетов. В статье предлагается система таких показателей и производится их расчет на основе данных о деятельности национальных исследовательских университетов, поскольку они являются примером вузов, наиболее активно осуществляющих коммерциализацию своих исследований.

Ключевые слова: национальные исследовательские университеты, коммерциализация, эффективность, научная деятельность.

PERFORMANCE EVALUATION AND COMMERCIALIZATION OF RESEARCH RESULTS OF UNIVERSITIES

M.V. Golubnichenko

Universities carry out scientific research, develop innovative technologies and products, implementing it in practice through interaction with the external environment. In this connection, a set of indicators for evaluating the efficiency and commercialization of university research activities are required. The article proposes a system of such indicators and their calculation based on activity data of national research universities as an example of high schools that are most actively engaged in their research commercialization.

Key words: national research universities, commercialization, efficiency, scientific activity.

Университеты с каждым годом играют все более значимую роль в экономическом развитии регионов и страны в целом. Они проводят научные исследования, разрабатывают инновационные технологии и продукты, внедряют инновационные разработки в практику путем взаимодействия с внешней средой. В связи с этим необходим набор показателей, позволяющих оценить эффективность и коммерциализацию результатов научной деятельности университетов.

Мы разработали систему таких показателей и произвели их расчет на основе данных о деятельности национальных исследовательских университетов (НИУ) за 2010-2013 гг., представленных на сайте Министерства образования и науки РФ [1], поскольку данные

университеты являются примером вузов, наиболее активно осуществляющих коммерциализацию своих исследований.

НИУ осуществляют научные и опытно-конструкторские разработки; формируют кадровый потенциал инновационного развития региона; выполняют прикладные исследования по грантам на федеральном и региональном уровнях; участвуют в совместных проектах с НИИ, промышленными предприятиями; создают технопарки, инновационные центры. Кроме того, взаимосвязь НИУ с промышленными предприятиями позволяет разрабатывать те инновационные проекты, которые действительно востребованы предприятиями и могут быть профинансированы.

В рамках стимулирования государством инновационной активности вузов с 2008 по 2010 годы на конкурсной основе было образовано 29 национальных исследовательских университетов, в том числе 17 вузов – технического профиля, 9 – классических университетов, один университет – экономического профиля, один – медицинского, а также академический научно-образовательный центр Российской академии наук. Категория «национальный исследовательский университет» присвоена вузам сроком на 10 лет.

Министерство образования и науки РФ ежегодно осуществляет оценку эффективности реализации программ развития НИУ. Эффективной реализация признается, если достигнуто не менее 80% показателей за год. Перечень показателей утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. №276 «О перечне показателей, критериях и периодичности оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлена категория «национальный исследовательский университет» [2]. В этот перечень входят:

- показатели успешности образовательной деятельности;
- показатели результативности научно-инновационной деятельности;
- показатели развития кадрового потенциала;
- показатели международного признания;
- показатели финансовой устойчивости.

Реализация программ развития национальных исследовательских университетов признается эффективной при условии достижения в отчетном году не менее 80% показателей оценки эффективности, утвержденных правительством Российской Федерации.

В течение 5 лет реализации программ развития НИУ предусмотрено финансирование из федерального бюджета. При этом НИУ должны обеспечить внебюджетное софинансирование программы развития не менее 20% размера ассигнований федерального бюджета. После окончания бюджетного финансирования университеты должны успешно функционировать, осуществляя дальнейшее саморазвитие.

Помимо оценки эффективности реализации программ развития НИУ по прошествии 5 лет их функционирования актуальным становится вопрос оценки эффективности и коммерциализации их научной деятельности. На основе перечня показателей оценки эффективности реализации программ развития НИУ, представленных в форме №5 («Справка о показателях национального исследовательского университета»), мы разработали следующие показатели, которые рекомендуем использовать для оценки научной деятельности любого вуза (университета):

- **наукоемкость дохода НИУ;**
- **рентабельность предоставленных НИУ бюджетных ассигнований;**
- **рентабельность хозяйственной договорной деятельности региональных участников;**
- **коэффициент коммерциализации научных результатов субъектами вузовской инновационной инфраструктуры;**
- **коэффициент финансовой самостоятельности вуза.**

Показатели разработаны на основе принципов, позволяющих обеспечить необходимый уровень объективности и преемственности при обработке данных научной деятельности НИУ:

- 1) принцип целевой направленности – оценка эффективности и коммерциализации научной деятельности университетов;
- 2) принцип сопоставимости – возможность сравнивать и оценивать результаты научной деятельности университетов в разные периоды времени;
- 3) принцип непрерывности – регулярное осуществление оценки деятельности университетов на основе предложенных показателей

Рассмотрим результаты расчета и анализа данных показателей.

1. Показатель наукоемкости дохода НИУ

Наукоемкость характеризует долю научно-исследовательской деятельности и разработок в общем объеме деятельности организации [3, с. 138]. Мы предлагаем определять наукоемкость дохода НИУ отношением дохода от НИОКР из всех источников по ПНР НИУ (20 показатель формы №5) к общим доходам НИУ (19 показатель формы №5).

Анализируя данные за 2010-2013 гг., можно сделать вывод о том, что высокий показатель наукоемкости дохода стабильно удерживается у КНИТУ (от 0,37 в 2010 году до 0,45 в 2013 году), МИФИ (0,41 – в 2011 году, 0,39 – в 2013 году) (рис. 1).

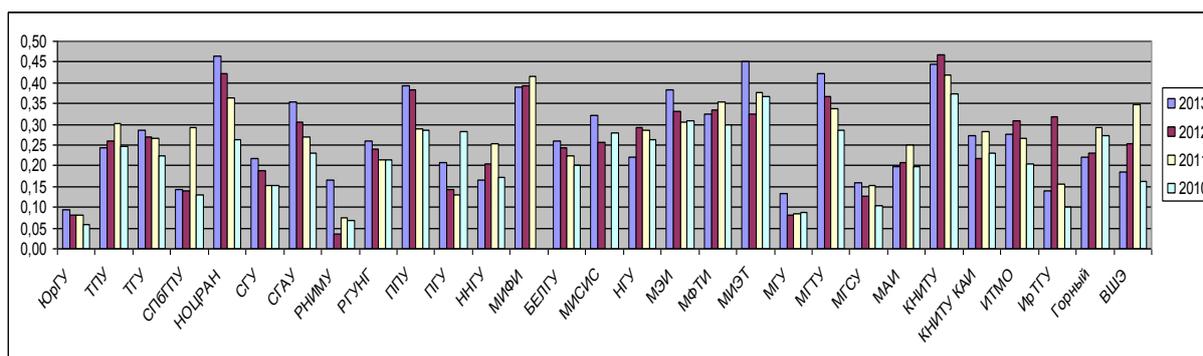

Рис. 1. Научеомкость дохода НИУ за 2010-2013 гг.

Значительный рост показателя с 2010-по 2013 гг. наблюдался у НОЦ РАН (от 0,26 в 2010 году до 0,46 в 2013 году) и МГТУ (от 0,29 в 2010 году до 0,42 – в 2013 году).

Среди лидеров по данному показателю в 2013 году следует отметить: НОЦ РАН – 0,46, КНИТУ (0,45), МИЭТ (0,45), а также МГТУ им. Н.Э. Баумана (0,42). Эти вузы смогли в большей степени реализовать свой научный потенциал (почти 50% их дохода составляют доходы от НИОКР по ПНР НИУ). Наименьшие показатели представлены у ЮУрГУ (0,09), МГУ им. Н.П. Огарева (0,13), ИрТГУ и СПбГ (0,14), МГСУ (0,16).

Данный показатель имеет большое значение для оценки эффективности научной деятельности НИУ, поскольку определяет реализацию научного потенциала университета и кроме того является мультипликатором программы развития НИУ.

2. Рентабельность предоставленных НИУ бюджетных ассигнований

Данный показатель определяется отношением объема средств, полученных НИУ на НИОКР по договорам с хозяйствующими субъектами по ПНР НИУ (38 показатель формы №5) к ассигнованиям федерального бюджета (сметное финансирование НИОКР) и грантам научных фондов РФ, (26 показатель формы №5).

Лидер по данному показателю в 2013 году – КНИТУ КАИ (36,25) (рис. 2). Причем в 2012 году значение показателя составляло 12,62, то есть наблюдается его рост почти в 3 раза. Значительный рост показателя с 2012 года по 2013 год у ЮрГУ (2,57 и 11,4 соответственно). На втором месте в 2013 году с большим отрывом от лидера находится КНИТУ – 20,09. Третье место у МГТУ (15,72).

Можно наблюдать существенное различие между значением лидера и наименьшим значением. Так, рентабельность предоставленных бюджетных ассигнований у РНИМУ составила – 0,16, ННГУ – 0,46, ТГУ – 0,58.

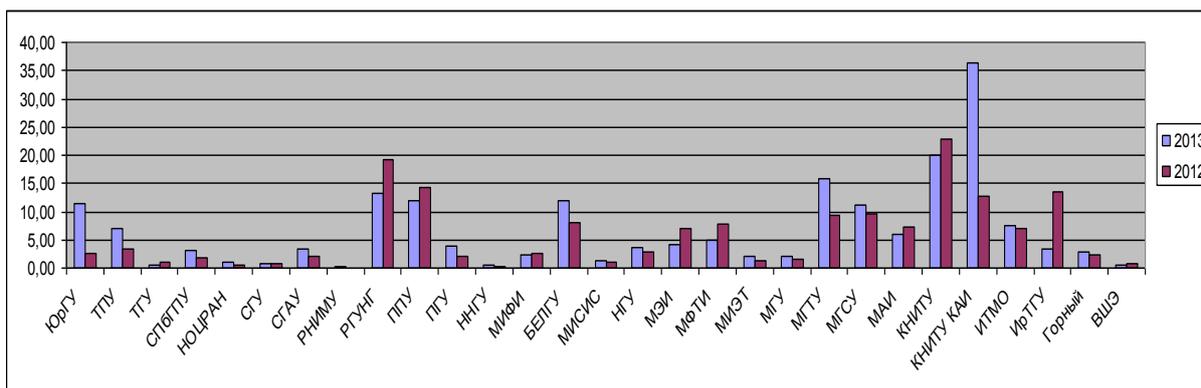

Рис. 2. Рентабельность предоставленных НИУ бюджетных ассигнований в 2012-2013 гг.

Стоит также отметить, что наблюдается несущественная вариация значений данного показателя по университетам (за исключением значений показателей лидеров).

Данный показатель важен для оценки коммерциализации вузов, поскольку он отражает инвестиции, привлекаемые по договорам с хозяйствующими субъектами, на 1 рубль бюджетных ассигнований.

3. Рентабельность хозяйственной договорной деятельности региональных участников

Данный показатель определяется отношением объема средств, полученных НИУ на НИОКР по договорам с хозяйствующими субъектами по ПНР НИУ (38 показатель формы №5) к общим доходам НИУ (19 показатель формы №5).

По этому показателю лидируют в 2013 году МЭИ (0,31), с небольшим отставанием КНИТУ (0,29) и МГТУ (0,28) (рис. 3). Также данный показатель высок у МИФИ (0,26) и ППУ (0,25). Наименьшее значение показателя у РНИМУ, СГУ (0,02), а также у ННГУ, ВШЭ (0,03). Наблюдается существенная вариация значений данного показателя по вузам.

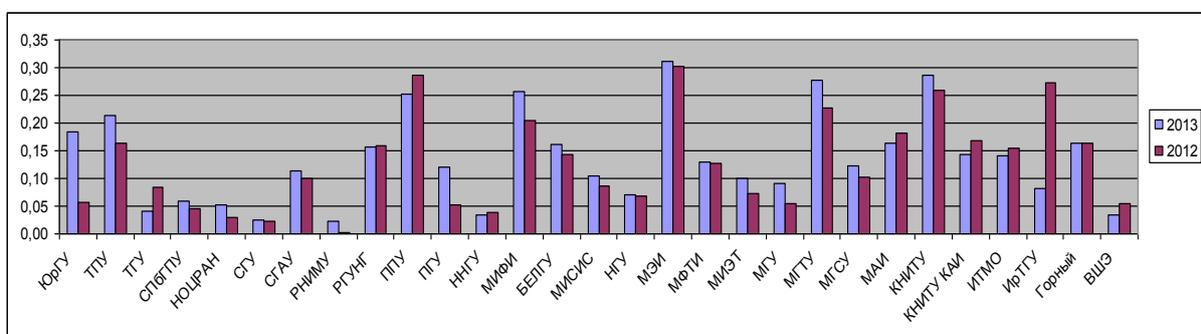

Рис. 3. Рентабельность хозяйственной договорной деятельности региональных участников в 2012-2013 гг.

Значительное снижение данного показателя в 2013 году по сравнению с 2012 годом наблюдается у ИрТГУ (0,08 и 0,27 соответственно). Заметный рост характерен для ЮрГУ (0,06 в 2012 году и 0,18 в 2013 году).

Предложенный показатель важен для оценки коммерциализации вузов, поскольку он отражает соотношение инвестиций, привлекаемых по договорам с хозяйствующими субъектами, и общих доходов НИУ.

4. Коэффициент коммерциализации научных результатов субъектами вузовской инновационной инфраструктуры

Показатель определяется отношением совокупного дохода от реализованной НИУ и организациями его инновационной инфраструктуры научно-технической продукции по ПНР НИУ (25 показатель формы №5) к общим доходам НИУ (включая федеральные деньги программы развития) (19 показатель формы №5). Показатель также важен для оценки степени коммерциализации вуза.

Первое место по данному показателю в 2013 году у МГТУ (0,45) (рис. 4). Второе место у КНИТУ (0,42). На третьем месте находятся МЭИ и МИЭТ (0,39). Следует отметить, что у МИЭТ наблюдается значительное снижение данного показателя по сравнению с 2010 и 2011 годом (0,57 и 0,58 соответственно). Самая низкая позиция в 2013 году у РНИМУ (0,03). Также низкое значение показателя у НОЦ РАН (0,05), ННГУ (0,09).

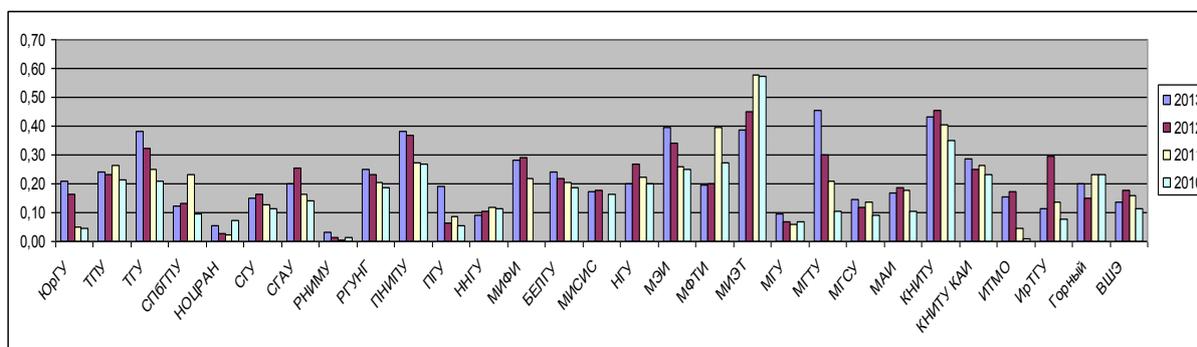

Рис. 4. Коэффициент коммерциализации научных результатов субъектами инновационной инфраструктуры НИУ за 2010-2013 гг.

Рост показателя в 2013 году по сравнению с 2010, 2011 годом наблюдается, например, у ЮрГУ (с 0,05 в 2010 году до 0,21 в 2013 году), то есть почти в 4 раза, у ПГУ (с 0,06 в 2010 году до 0,19), то есть более чем в 3 раза.

5. Коэффициент финансовой самостоятельности вуза

Определяется отношением доходов, полученных от приносящей доход образовательной и научной деятельности (внебюджетные средства) (24 показатель формы №5) к общим доходам НИУ (включая федеральные деньги программы развития) (19 показатель формы №5).

Следует отметить, что вариация показателя по университетам незначительна, но по большинству из них (20 вузов из 29) наблюдается существенное снижение значения показателя в 2013 году по сравнению с 2011 годом (рис. 5).

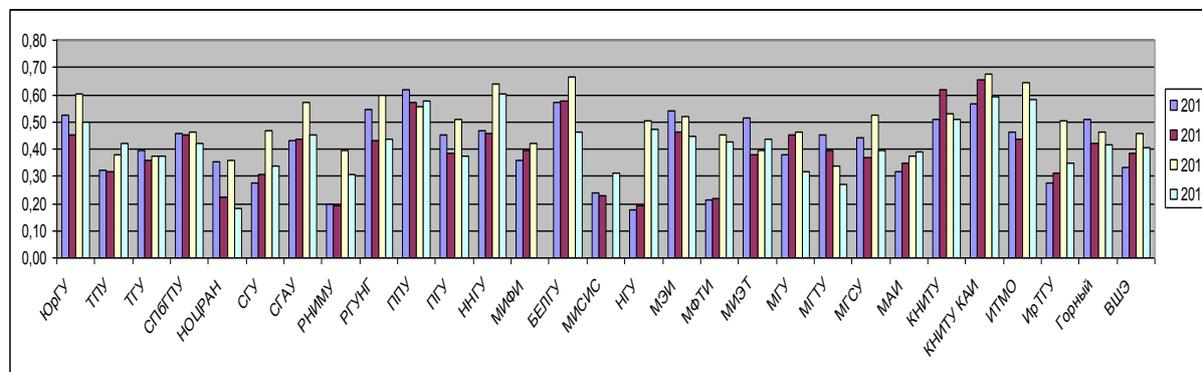

Рис. 5. Коэффициент финансовой самостоятельности НИУ в 2010-2013 гг.

Лидируют по данному показателю в 2013 году ППУ (0,62), с небольшим отставанием – КНИТУ КАИ и БелГУ (0,57). Третье место у РГУН (0,55). В то время как, например, в 2010 году на первом месте находился ННГУ (0,60), в 2011 году – КНИТУ КАИ (0,68).

Наименьшие значения показателя в 2013 году у НГУ (0,18), РНИМУ (0,20) и МИЭТ (0,21).

Данный показатель отражает степень финансовой самостоятельности вуза и показывает насколько потенциал вуза можно коммерциализировать. При этом, чем больше образовательные услуги вуза будут востребованы в регионе, тем выше будет данный показатель.

Таким образом, представленные показатели позволят оценить эффективность и коммерциализацию результатов научной деятельности университетов. На основе предложенной оценки предусматривается возможность установления рейтинга вузов и их кластеризация по уровню и динамике изменения показателей.

Библиографический список

1. Национальные исследовательские университеты: Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <http://mon.gov.ru/pro/niu/> (дата обращения: 01.03.2015).
2. Приказ Министерства образования и науки России от 29 июля 2009 г. N276 «О перечне показателей, критериях и периодичности оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлена категория "национальный исследовательский университет"». URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/5561/276.pdf> (дата обращения: 01.03.2015).
3. Толковый словарь «Инновационная деятельность». 2-е изд., доп. / Отв. ред. В.И. Сулов. Новосибирск, 2008. 224 с.

ЛЬГОТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТОЙНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Н.С. Землянухина, И.Д. Павлова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А.,
Россия*

E-mail: nadezhda_zeml@mail.ru

Статья посвящена анализу возможностей использования льгот для обеспечения достойного уровня жизни в России в исторической ретроспективе и в современных динамично изменяющихся условиях. Дана трактовка понятия достойного уровня жизни. Рассмотрены примеры льгот, применявшихся и применяемых в России, и направленных на повышение уровня жизни и приближении его к состоянию достойности. Сделан вывод о перспективности применения льгот в рассмотренном аспекте.

Ключевые слова: льготы, достойный уровень жизни, качество жизни.

BENEFITS AS TOOLS OF SECURITY OF A DECENT STANDARD OF LIVING IN THE CHANGING WORLD

N.S. Zemlyanykhina, I.D. Pavlova

This article analyzes the possibilities of using benefits to provide a decent standard of living in Russia in the historical perspective, as well, as in modern dynamically changing environment. The authors interpreted concept of decent standard of living. In addition, they considered examples of benefits, applied and used in Russia, and aimed at improving the standard of living and its approximation to the state of worthiness. The conclusion about the prospects of the application of exemptions in the above aspect was made.

Key words: benefits, decent standard of living, quality of life.

Тема достойности в том или ином ракурсе является предметом научного дискурса уже много лет. В научной литературе обсуждаются понятия достойной жизни [1, 2], достойного труда [3], достойного уровня жизни [1, 4, 5] и т.д. Рассматривая различные аспекты этого понятия, авторы едины в оценке направления вектора социально-экономического развития: в качестве ориентира и критерия оценки провозглашается достижение тех или иных параметров достойности. С этим соглашаются и представители властных структур. В Конституции РФ прямо указано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [6].

Данная статья посвящена рассмотрению возможностей использования льгот в разрезе обеспечения достойного уровня жизни в РФ.

Определим в начале, какой уровень жизни может быть признан достойным. В отличие от минимально допустимого уровня жизни, определяемого пограничным состоянием, ниже которого располагается нищета, достойный уровень жизни должен обеспечивать человеку (семье) возможность удовлетворять не только базовые потребности (в пище, жилье и т.д.), но и перейти к удовлетворению потребностей достижения целей жизни, если следовать структуре потребностей Б.М. Генкина [7]. Согласившись с тем, что если в качестве цели жизни выбрано накопление богатства и роскоши, оно никогда не сможет быть удовлетворено полностью, отметим, что удовлетворение иных целей жизни, а особенно целей развития, самосовершенствования и т.д., должно обеспечиваться при достойном уровне жизни. Так как возможность продвижения к целям жизни человеком оценивается субъективно как состояние благополучия, можно утверждать, что достойный уровень жизни должен создавать условия для приемлемого качества жизни (или удовлетворительного качества жизни, если производить оценку по двухбалльной шкале). Отметим также, что показатели, характеризующие качество жизни населения страны (например, индекс развития человеческого потенциала) имеют интегральный характер и не учитывают дифференциации доходов и доступности тех или иных достижений цивилизации отдельными категориями населения.

Льготы в России традиционно являлись инструментом решения социально-экономических проблем, вызванных существованием неравенства. Под льготами мы понимаем любые исключения из общих правил, выражающиеся в облегчении или улучшении условий их выполнения (вплоть до полной отмены обязанности выполнения) и распространяющиеся на определенную категорию граждан, личные качества, особенности жизни и деятельности которых выступают источником социально-экономического неравенства [8, с. 51].

Так, еще в XVII веке рассматривался вопрос о предоставлении льгот при наличии детей: «Дайте, государи, въ своемъ, государевѢ оброкѢ льготы, покамѢста робятишки подрастутъ» [9, с. 65] (1684 г.), предоставлялись льготы при освоении непахотных земель «Иные места за Булаком под огородом ново даны на оброк же со льготою» [10, с. 46] (XVII в.~ 1568 г.)...и т.д.

В советское время при относительно невысоких доходах населения бесплатное образование, жильё и здравоохранение, а также льготные цены на детские товары, финансируемые из общественных фондов потребления, существенно повышали уровень жизни населения, делая его более достойным. Кроме того уже к 1935 году «были определены те группы населения, которым государство обязалось помогать: инвалиды-

пенсионеры, пенсионеры по старости, пенсионеры по выслуге лет, персональные и академические пенсионеры, герои труда; инвалиды труда, войны, военной службы и т.д.; слепые и глухонемые, члены семей, потерявших кормильца из числа рабочих и служащих; лица с ограниченной трудоспособностью» [11, с. 25]. После Великой Отечественной войны начала складываться система льгот для военных и участников войны. Многие из принятых в этот период льгот сохранились в первоначальном или несколько трансформированном виде вплоть до 01.01.2005 года, когда был введен в действие Федеральный Закон 122-ФЗ, именуемый в средствах массовой информации законом о монетизации льгот [12].

В настоящее время, несмотря на отмену вышеупомянутым законом термина «льготы», они продолжают существовать как социально-экономическая категория в теоретическом смысле и проверенный годами практический инструмент решения социально-экономических проблем и оказывать воздействие на различные аспекты социально-экономического положения льготных категорий населения. Не рассматривая все возможные направления этого воздействия, остановимся на некоторых наиболее значимых в контексте влияния на уровень жизни.

Во-первых, с уровнем жизни тесно связан уровень доходов населения, распределенный крайне неравномерно. Льготы, предоставляемые малообеспеченным слоям населения, иждивенцам, инвалидам и другим социально незащищенным категориям граждан в форме пособий, субсидий, и иных трансфертов позволяют сгладить существующее неравенство. Отметим, что, к сожалению, к категории малообеспеченных в нашей стране могут относиться и зачастую относятся работающие граждане. Для них более естественным решением проблемы низких доходов было бы повышение реальной заработной платы, однако пока проблема не решена таким образом, наличие льгот является востребованным.

Кроме того, оценивая уровень жизни населения, необходимо кроме текущих доходов оценивать обеспеченность населения благами длительного пользования, в том числе жильем, так как наиболее значительные расходы связаны в настоящее время именно с необходимостью приобретения или аренды жилья. Предоставление льгот по обеспечению жильем или хотя бы частичная компенсация расходов из средств предприятия или местного бюджета оказывает существенное влияние на возможность работника направить ресурсы на удовлетворение остальных потребностей. Развитие кредитно-банковской системы с точки зрения оценки её влияния на уровень жизни является неоднозначным, с одной стороны, населению предоставляется возможность делать дорогостоящие покупки при отсутствии необходимой суммы денег, однако в дальнейшем, за счет необходимости возврата самого кредита и высоких

процентов от взятой суммы, уровень потребления существенно снижается, причем зачастую на очень длительное время. Поэтому, если предприятие предоставляет своим работникам возможность получить беспроцентный заём, что также вполне можно рассматривать как льготу, это способствует повышению реального уровня жизни. Недавнее решение правительства РФ о снижении ставок по льготной ипотеке до 12%, т.е. ниже ключевой ставки, также можно рассматривать как меру, направленную на повышения уровня жизни нуждающихся в ипотеке граждан.

Несомненно влияют на уровень жизни льготы, предоставляемые в натуральной форме. Особенно востребованы эти льготы в сфере сохранения здоровья, в первую очередь для больных, которым жизненно необходимы дорогостоящие лекарства, а также для работающих во вредных условиях труда. Постепенная утрата работником здоровья во многих случаях не может быть полностью компенсирована деньгами. Особую важность имеет также (в первую очередь для работодателя) снижение работоспособности работника, а тем более ее полная потеря. Поэтому и работодатель, и территория (регион), и государство заинтересованы в возможно полном и эффективном воспроизводстве здоровья работника, утрачиваемого в ходе выполнения тяжелой и вредной работы. Эффективным и проверенным способом решения этой задачи является предоставление трудовых льгот. Предоставление льгот работникам, выражающихся в предоставлении специального питания, дополнительных отпусках, сокращении рабочего времени, медицинских профилактических осмотрах и т.д. не могут обеспечить полностью безопасные условия труда, но могут существенно сократить риск возникновения профессиональных заболеваний и утраты трудоспособности, вызванных неблагоприятными условиями труда, а также существенно снизить тяжесть последствий возникновения подобных исходов.

Способствует повышению уровня жизни и предоставление налоговых вычетов на средства, направленные на оплату обучения, медицинского обслуживания, а также на покупку жилья.

В заключение отметим, что согласно классификации, приведенной в [8], в зависимости от того, в какой сфере лежат социально-экономические проблемы, обусловленные неравенством, на решение которых направлены льготы, их можно классифицировать как трудовые, профессиональные и социальные. К коммерческим льготам отнесены льготы, добровольно предоставляемые предприятиями категориям граждан, находящихся в условиях неравенства, и предназначенных для получения работодателем дополнительной выгоды. Все перечисленные типы льгот, независимо от того, предоставляются они государством или предприятием, оказывают положительное влияние на уровень жизни льготных категорий населения. Так как в динамично изменяющемся мире риски снижения уровня жизни

существенно повышаются, для сглаживания негативных тенденций использование льгот в качестве инструмента вполне оправдано.

Библиографический список

1. Филиппова Э.М. Принцип «ориентация на достойный уровень жизни» в социальном обеспечении Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Право. 2014. №1. С. 59-63. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 02.03.2015).
2. Велиева Д.С. Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» // Ленинградский юридический журнал. 2014. №2 (36). С. 74-84. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 02.03.2015).
3. Баймурзина Г.Р., Валиахметов Р.М., Колосова Р.П. Реализация принципов концепции Достойного труда в России: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012.
4. Рогожникова Ю.С. Формирование уровня заработной платы // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». Выпуск 3. Май-июнь 2014. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 02.03.2015).
5. Гостева С.Р. Достойные качество и уровень жизни – важное условие обеспечения национальной безопасности России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. // Тамбов: Грамота, 2011. №1 (7). С. 69-78. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/1/15.html (дата обращения: 02.03.2015).
6. Конституция Российской Федерации. Статья 7. Глава 1. Основы конституционного строя. Раздел 1. Основные положения. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).
7. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. 7-е изд., доп. М.: Норма, 2007. 448 с.
8. Землянухина Н.С. Социально-экономическая теория льгот: монография. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2006.
9. Арсеньев Ю.В. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиной (1650-1684 гг.). Чт. ОИДР, 1903. Кн. 2. Отд. 1.
10. Кн. п. Казани, тексты цит. по: Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1981. Вып. 8. Т. 8; Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 2. Ч. 1. Л.-О. М., 1989. С. 64-65.
11. Александрова А.Л., Овчарова Л.Н., Шишкин С.В. Бедность и льготы: мифы и реальность. М., 2003.
12. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. N122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями от 29 ноября, 21, 29, 30 декабря 2004 г., 1 апреля, 9 мая, 30 июня, 18 июля, 27 сентября, 31 декабря 2005 г., 10 января, 6, 13 марта, 3 июня, 16, 25 октября, 3, 4 ноября, 18, 29 декабря 2006 г., 20 апреля, 26 июня, 21 июля, 2, 18 октября, 8 ноября, 1 декабря 2007 г., 24 апреля, 13 мая, 18, 22 июля, 25 декабря 2008 г., 9 февраля, 24 июля, 10 ноября, 17, 21, 27 декабря 2009 г., 1 февраля, 12 апреля, 8, 19 мая, 22 июля, 8 ноября, 8, 10, 28 декабря 2010 г., 7 февраля, 14 июня, 18, 19 июля, 8, 16, 21, 30 ноября, 3, 6,

8 декабря 2011 г., 5 июня, 20 июля, 29, 30 декабря 2012 г., 5 апреля, 7 мая 2013 г.).
URL: <http://base.garant.ru/12136676/> (дата обращения: 02.03.2015).

УДК 334

РОССИЙСКИЕ СТРАХОВЫЕ ПУЛЫ – ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.Г. Кабанцева

Саратовский социально-экономический институт (филиал)

РЭУ им. Г.В Плеханова, Россия

E-mail: kng28@yandex.ru

В статье рассматривается роль страховых пулов в обеспечении защиты от экологических рисков и развитии отечественного рынка экологического страхования. Определены преимущества пулингового страхования экологических рисков по сравнению с практикой их страхования индивидуальными страховщиками, такие как осуществление взаимного контроля финансовой устойчивости страховщиков-участников пула, посредством анализа внутренней отчетности объединения; осуществление дополнительного контроля со стороны государства в момент регистрации пула и в течение всего срока его работы; высокое качество оказания страховых услуг; высокий уровень гарантированности исполнения обязательств при наступлении страхового случая; удовлетворение спроса на страхование (перестрахование) таких групп рисков, которые индивидуальные страховщики не могут принять на страхования в силу закона или недостатка финансовых возможностей.

Ключевые слова: страховые пулы, страхование рисков.

RUSSIAN INSURANCE POOLS – THE MAIN TASKS, DEVELOPMENT PROSPECTS

N.G. Kabantceva

The article discusses the role of insurance pools to provide protection against environmental risks and the development of the domestic market for environmental insurance. The advantages of insurance pools environmental risks when compared with the practice of individual insurance insurers, such as the implementation of the mutual control of financial stability of insurers-participants in the pool, through the analysis of the internal reporting of the association; implementation of additional monitoring of the state at the time of registration and the pool for the duration of his work; high quality of insurance services; a high level of assurance of performance in the insurance case; meeting the demand for insurance (reinsurance) groups such risks that individual insurers cannot take on the insurance in force of law or lack of financial resources.

Key words: insurance pools, risk insurance.

Страховые пулы занимают на страховом рынке особое положение, выполняя специфические задачи. Их создание и функционирование преследуют следующие цели:

- преодоление недостаточной финансовой емкости отдельных страховщиков;
- обеспечение финансовой устойчивости страховых операций;
- гарантии страховых выплат клиентам;
- возможность принятия на страхование крупных, катастрофических или новых, видов рисков.

Из этого следует, что основной задачей страховых пулов является укрепление страховой защиты в тех сферах экономики, где требуется значительная консолидация финансовых ресурсов для страхования капиталоемких рисков. В частности, для страхования рисков, связанных с эксплуатацией объектов повышенной опасности, строительных рисков при сооружении крупных объектов, рисков гибели и убытков вследствие террористических актов и так далее требуется объединение не только финансовых возможностей страховщиков, но и их опыта и навыков в проведении подобных операций [1, с. 43].

Развитие отечественной пулинговой системы страхования связано, прежде всего, с созданием в 1997 году Российского ядерного страхового пула (РЯСП) и Российского антитеррористического страхового пула (РАТСП), который был учрежден в 2001 году.

Российский антитеррористический страховой пул был учрежден шестью крупнейшими российскими страховщиками: Военно-страховой компанией, РОСНО, Ингосстрах, Интеррос-Согласие, РЕСО-Гарантия, Росгосстрах. Целью деятельности Российского Антитеррористического Страхового Пула является страхование юридических и физических лиц, находящихся на территории Российской Федерации, от риска гибели и убытков вследствие террористических актов и диверсий.

В настоящее время количество членов пула увеличилось до 28. С 1 января 2015 года в состав РАТСП войдут новые участники – ОАО «Открытие Страхование», ЗАО «Объединенная страховая компания», ООО «Строительная страховая группа», ООО «Страховая Фирма «Адонис». По итогам 2014 года текущая емкость пула в рамках национальной программы перестрахования составила 12,2 млрд. руб., емкость международной программы соответственно 225,0 тыс. дол. США – это самая крупная перестраховочная емкость для рисков «терроризм» и «диверсия» на российском страховом рынке. Увеличение емкости произошло благодаря подписанию перестраховочной программы с синдикатами Lloyd's. Базовая ставка по этой программе составляет 0,015%, в то время как компании, не входящие в пул, предлагают услуги по ставке 0,017-0,025%.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране в целом и на страховом рынке в частности, объем начисленной премии за 2014 год

вырос на 60% по сравнению предшествующим периодом, в РАТСП было перестраховано 446 рисков [2].

Перестрахование террористических рисков осуществляется на облигаторной основе между всеми участниками РАТСП. При перестраховании рисков участники пула используют собственную автоматизированную систему управления и документооборота (АСУ РАТСП), которая позволяет перестраховывать риски в режиме «онлайн». Российский антитеррористический страховой пул осуществляет свою деятельность в соответствии с учредительными документами, подписанными всеми участниками пула. Высшим органом пула является Наблюдательный совет. Рабочим органом пула является Исполнительный комитет.

Целью создания старейшего отечественного страхового пула – РЯСП является страхование ответственности эксплуатирующих организаций-объектов использования атомной энергии за убытки и вред, причиненные радиационным воздействием третьим лицам при осуществлении деятельности в рамках Федерального закона от 21 ноября 1995 г. №170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»

Органом управления РЯСП является наблюдательный совет, в состав которого входят первые руководители участников пула, либо уполномоченные ими лица. Управляющей организацией страхового пула является Национальная Ассоциация Страховщиков Атомной Отрасли (НАСАО).

Как отмечалось выше, страхование атомных рисков – это вид страхования, предусматривающий возмещение материального ущерба или вреда личности от радиоактивного воздействия, вызванного внезапными и непредвиденными обстоятельствами при добыче, производстве, хранении, применении и транспортировке ядерного топлива и радиоактивных веществ. Развитие ядерного страхования в России стало возможным после ратификации Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб, что позволило концерну «Росэнергоатом» и РЯСП выйти на мировой уровень страхования и стать полноправным членом Форума национальных ядерных пулов.

В настоящее время в состав пула входят 20 компаний-участников, восемь из которых имеют высший национальный рейтинг надежности «А++». Лидерами в этом списке являются такие страховые компании как СОГАЗ, Ингосстрах – их доля в пуле составляет 15%, а также Альянс и РЕСО-Гарантия с долей участия в пуле – 6%.

Динамика показателей, характеризующих деятельность РЯСП за последние годы, представлена в таблице 1 [3].

Табл. 1. Показатели деятельности Российского ядерного страхового пула

Показатели	2008год	2009год	2010год	2011год	2012год
Емкость пула для внутреннего страхования (ответственность перед третьими лицами +материальный ущерб)	–	\$94 млн.	\$110 млн.	\$120 млн.	\$200 млн.
Емкость для принятия иностранных рисков (ответственность перед третьими лицами + материальный ущерб)	\$30 млн.	\$30 млн.	\$30 млн.	\$50 млн.	\$50 млн.
Лимит ядерной ответственности перед третьими лицами по каждому случаю (РЭА)	\$137 млн.	\$143 млн.	\$160 млн.	\$212 млн.	\$233 млн.
Количество договоров страхования	2	2	11	17	18

Не смотря на сложную экономическую ситуацию в стране итоги деятельности РЯСП за 2013 год достаточно позитивны. В частности, по решению Наблюдательного совета пула совокупная страховая емкость РЯСП и РЯПП была увеличена до 6,2 млрд. руб. Были достигнуты большие успехи по привлечению новых клиентов по входящему перестрахованию. За 2013 год количество договоров перестрахования выросло на 130%, а перестраховочная премия – на 85%.

В РЯСП в настоящее время перестрахованы гражданская ответственность за ядерный ущерб и имущественные риски следующих зарубежных АЭС: АЭС «Пакш» (Венгрия), АЭС «Доэль», АЭС «Тианж» (Бельгия), АЭС «Богунице» (Словакия), АЭС «Борселе» (Голландия), АЭС «Кршко» (Словения), НАЭК «Энергоатом» (Украина), АЭС «Гуандонг», АЭС «Линг Донг», АЭС "Квиншан", АЭС "Тяньваньская" (Китай), АЭС «Темелин» (Чехия) и так далее.

В свою очередь риски ОАО «Концерн «Росэнергоатом» по договорам страхования гражданской ответственности перестрахованы в 18 зарубежных пулах, а именно в Великобритании, Франции, Испании, Китае, Украине, Белоруссии, Чехии, Словакии, Словении, Голландии, Бельгии, Венгрии, Хорватии, Бразилии, Швейцарии, Финляндии и так далее.

Благодаря росту перестраховочной премии в 2013 году, соотношение между входящим и исходящим перестрахованием выросло с 27% до 36% [3].

Как отмечалось выше, Российский ядерный страховой пул является одним из первых объединений такого рода системе страхования

экологических рисков. Однако экологические риски не ограничиваются только ущербом, возникающим вследствие радиоактивного воздействия на окружающую среду и человека. Помимо атомных электростанций в нашей стране имеется множество крупных промышленных производств с изношенным иногда до 50% и технически устаревшим оборудованием, экологически опасных предприятий и других, потенциально опасных с экологической точки зрения объектов. По данным Национального союза страховщиков ответственности (НССО) в настоящее время в России имеется более 340 тысяч опасных объектов различного типа и различной формы собственности, в том числе:

- 8 000 взрывоопасных и пожароопасных объектов;
- 150 000 км магистральных газопроводов;
- 62 000 км нефтепроводов;
- 25 000 км продуктопроводов;
- 30 000 водохранилищ, в том числе 60 крупных водохранилищ емкостью более 1 млрд. м³;
- несколько сотен накопителей промышленных стоков и отходов [4].

Общеизвестно, что российский рынок экологического страхования до 2012 года, то есть до вступления в силу Федерального закона от 27.07.2010 №225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» в основном был представлен добровольными формами проведения страховых операций. В частности, доминантой на данном рынке являлось страхование гражданской ответственности предприятий – источников повышенной опасности или опасных производственных объектов. Именно страхование ответственности данных предприятий составляло основную долю в объеме страховой премии, собираемой страховщиками при осуществлении экологического страхования. Динамика поступления страховой премии по страхованию гражданской ответственности предприятий источников (объектов) повышенной опасности за пять лет представлены на рис. 1 [1, с. 75; 3; 6].

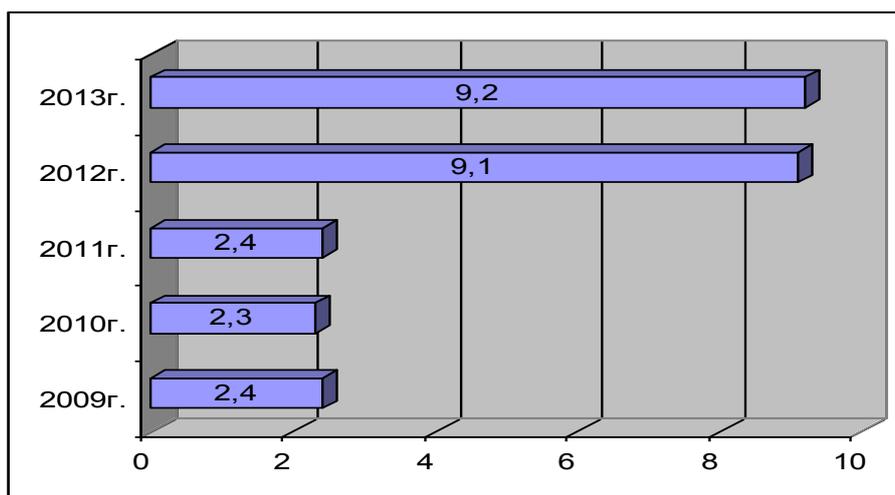

Рис. 1. Динамика поступления страховых премий по страхованию ОПО, млн. руб.

Как отмечают аналитики введение обязательного страхования особо опасных объектов с января 2012 году по масштабам последствий для отечественного страхового рынка сопоставимо лишь с введением ОСАГО. Оно должно в ближайшей перспективе повысить уровень социальной стабильности и информационной прозрачности в сфере безопасности опасных объектов. По мнению «Эксперта РА», заметный рост уровня промышленной безопасности под действием закона об ОПО возможен лишь начиная с 2015 года [7; 8].

Введение обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного объекта потребовало координации деятельности российских страховщиков, предоставляющих данный вид страховой услуги. В этой связи 28 декабря 2010 года во исполнение требований Закона №225-ФЗ был внесен в реестр объединений субъектов страхового дела в качестве профессионального объединения страховщиков, наделенного организаторской, контролирующей, надзирающей и компенсационной функциями – НССО (Национальный Союз страховщиков ответственности). Последняя функция предполагает производство НССО компенсационных выплат в случаях проведения в отношении страховщика процедуры банкротства, отзыва у страховщика лицензии, неизвестности лица, ответственного за причиненный вред и т.д.

В соответствии с принятым законом и правилами, выработанными НССО в отношении страховщиков желающих получить лицензию на проведения операций по страхованию гражданской ответственности предприятий источников повышенной опасности, проводится серьезный отбор. В частности, повышение финансовой надежности страховщиков, качества предлагаемых страховых услуг требует от них помимо прочих условий (стаж работы на рынке страхования ОПО, уплаты вступительных взносов, внесения гарантийного депозита для обеспечения обязательств и

т.д.) обязательное участие в страховом пуле (ст. 23 Закона о страховании)[9, 10].

Решение о формировании перестраховочного Пула было принято Общим собранием членов НССО 30 ноября 2011 года, после чего было подписано Соглашение о пуле.

Председателем перестраховочного Пула является Президент НССО, который осуществляет общее руководство и выполняет представительские функции. Полномочиями по непосредственному управлению объединением страховщиков наделяется Президиум НССО, а исполнительным органом Пула является ООО «РСА-Клиринг». Именно эта организация осуществляет взаимозачеты между участниками перестраховочного пула. Финансово-хозяйственная деятельность созданного НССО пула обеспечивается расчетным банком, в качестве которого выступает АО «Альфа-Банк» – один из крупнейших универсальных банков России, принадлежащий консорциуму «Альфа-Групп», а также ряд уполномоченных банков, в которых участники пула размещают банковские вклады (депозиты). К последним относятся: ОАО «АЛЬФА-БАНК»; ОАО Банк «Возрождение»; АКБ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (ЗАО); ОАО Банк ЗЕНИТ; ОАО «Росгосстрах Банк»; ОАО АКБ «РОСБАНК»; ОАО Банк «Народный кредит»; ЗАО «Банк ЖилФинанс»; «НОМОС-БАНК» (ОАО); «Азиатско-Тихоокеанский Банк» (ОАО).

Участниками перестраховочного пула, созданного под эгидой Национального Союза страховщиков ответственности, могут быть только члены данного профессионального объединения. В свою очередь, члены НССО обязаны перестраховывать риски по объектам повышенной опасности только в перестраховочном пуле. Исключение из данного правила составляют только случаи перестрахования от имени пула при недостаточности его емкости для покрытия риска.

Для обеспечения финансовых гарантий участники пула обязаны, во-первых, поддерживать на специальном счете в АО «Альфа-Банк» минимальный доступный остаток в 300 тысяч рублей, во-вторых, разместить в уполномоченном банке вклад в размере равном размеру собственного нетто-удержания (СНУ) в пуле, но не менее 20 млн. руб. и не более 100 млн. руб. [4].

В перестраховочный пул участники рынка обязательного страхования объектов повышенной опасности (ОС ОПО) передают в общем порядке риски по договорам с ответственностью страховщика более 50 млн. рублей. Также в пул должны передаваться риски по договорам с более низким покрытием, если страховая сумма превышает уровень собственного удержания страховщика ОПО. На сегодняшний день в перестраховочный пул входят 57 страховые организации, его емкость

составляет 2,628 млрд. руб. Сведения об участниках пула, и их доли в его страховой емкости на конец 2012 года представлены в таблице 2 [10].

Табл. 2. Состав и емкость Пула НССО

Участник пула	Макс.СНУ млн. руб.	Доля, %	Участник пула	Макс.СНУ млн. руб.	Доля, %
Согаз	391,0	14,878	ПАРИ	16,0	0,608
Ингосстрах	315,0	11,986	ЧСК	15,0	0,507
РЕСО-Гарантия	155,0	5,898	ГЕФЕСТ	15,0	0,507
Росгосстрах	123,0	5,186	ЭРГО-Русь	15,0	0,507
Согласие	118,0	4,490	Паритет-СК	14,0	0,533
Альянс	104,0	3,957	Гелиос	14,0	0,533
Капитал Страхование	97,0	3,691	Регион Союз	13,0	0,495
ВСК	96,0	3,653	АЛРОСА	13,0	0,495
Альфа Страхование	95,0	3,614	СБГ	12,0	0,457
ВТБ Страхование	86,0	3,272	Адонис	12,0	0,457
ТРАНСНЕФТЬ	77,0	2,930	Помощь	11,0	0,419
УралСиб	75,0	2,854	Метротон	11,0	0,419
МАКС	72,0	2,739	ДАР	11,0	0,419
МСК	66,0	2,511	Стерх	10,0	0,308
ЖАСО	62,0	2,359	Северная казна	10,0	0,308
ЭНЕОГОГАРАНТ	54,0	2,054	ССГ	10,0	0,308
ГУТА-Страхование	47,0	1,788	Межрегионгарант	10,0	0,308
Россия	46,0	1,750	Евро-полис	10,0	0,308
Чулпан	43,0	1,636	ПРОМИНСТРАХ	10,0	0,308
РСЦ	39,0	1,484	РСХБ	9,0	0,342
Цюрих	31,0	1,179	ОСК	8,0	0,304
Сургутнефтегаз	26,0	0,989	АСКО	8,0	
Ренессанс Страхование	25,0	0,951	СДС	10,0	0,308
РЕГИОНГАРАНТ	23,0	0,875	РСТК	7,0	0,266
Югория	21,0	0,799	БАСК	7,0	0,266
Чартис	18,0	0,685	21ВЕК	5,0	
ІСК	18,0	0,685	ЖАСО	4,0	
НАСКО	17,0	0,647	КИТ Финанс	1,0	0,038
НСГ	16,0	0,608	Емкость Пула нетто -2,628 млн. руб.		

В 2013 году российские страховщики обеспечили защитой опасные объекты, подпадающие под действие закона об объектах повышенной опасности, на сумму 3,2 трлн. руб. Уровень страхования данных рисков, участниками перестраховочного пула составил соответственно по всем опасным объектам – 70%, в том числе по АЗС – 76%.

Структура страховых выплат в рамках страхования ОПО представлена на рисунке 2 [6].

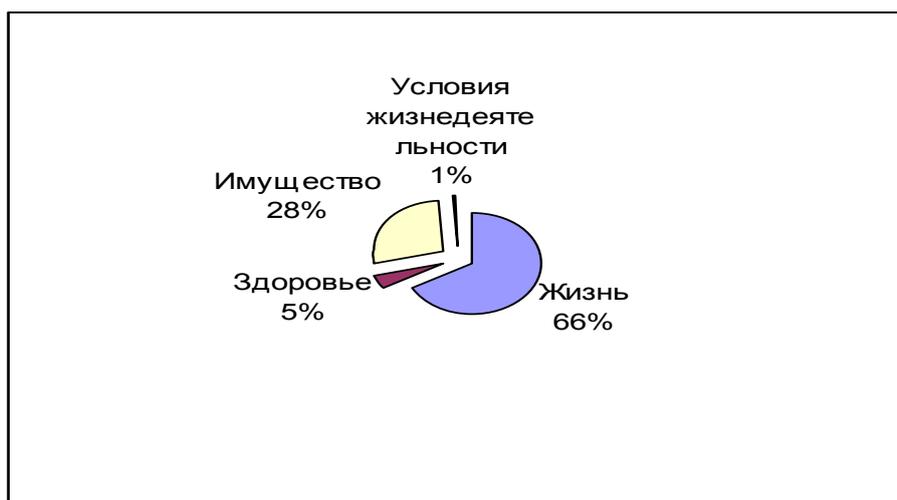

Рис. 2. Структура страховых выплат по страхованию ОПО, 2013 год

Международный и отчасти отечественный опыт показывает, что деятельность страховых пулов, осуществляющих экологическое страхование и перестрахование, способствует наиболее эффективному решению проблемы возмещения ущерба от природных и рукотворных катастроф. Причем во многих странах создание таких пулов является обязательным условием проведения страховых операций в этой области.

Однако их создание и развитие в нашей стране сдерживается целым рядом факторов, основным из которых на наш взгляд являются отсутствие специального законодательства, определяющего статус страхового пула, его место в отечественной системе страхования, корректирующего отдельные законодательные нормы (ст. 14.1 Закона о страховании), сужающие свободу выбора страховщиков при создании страховых пулов [1, с. 41].

Наряду с совершенствованием законодательства следует на наш взгляд, принять на вооружение зарубежную практику ведения реестров страховых пулов, контролирования их текущей деятельности в целях обеспечения защиты интересов страхователей, обеспечения безусловного, своевременного, полного возмещения ущерба.

Необходимость совершенствования законодательных и организационных основ функционирования страховых пулов позволят, на наш взгляд, создать наиболее благоприятные условия для развития данной формы объединений российских страховщиков, гарантировать финансовое обеспечение покрытия страховых выплат по экологическим рискам.

Проведенные нами исследования позволяют, в свою очередь, констатировать определенные преимущества пулингового страхования экологических рисков по сравнению с практикой их страхования индивидуальными страховщиками:

- осуществление взаимного контроля финансовой устойчивости страховщиков-участников пула, посредством анализа внутренней

отчетности объединения;

- осуществление дополнительного контроля со стороны государства в момент регистрации пула и в течение всего срока его работы;
- высокое качество оказания страховых услуг;
- высокий уровень гарантированности исполнения обязательств при наступлении страхового случая;
- удовлетворение спроса на страхование (перестрахование) таких групп рисков, которые индивидуальные страховщики не могут принять на страхования в силу закона или недостатка финансовых возможностей.

Библиографический список

1. Кабанцева Н.Г. Страховые пулы как механизм защиты от экологических рисков // Поволжский торгово-экономический журнал. 2014. №6(40). С. 36-45.
2. Официальный сайт Российского антитеррористического страхового пула (РТСП). URL: <http://www.ratsp.ru/> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Руденский П.О. Ядерные риски и международная пулинговая система // XI Международная конференция по страхованию (Москва, июнь 2013 г.). URL: http://www.insuranceconference.ru/2013/files/presentations/1/Rudenskiy_1.pdf (дата обращения: 24.02.2015).
4. Официальный сайт Национального Союза страховщиков ответственности (НССО). URL: <https://www.nssso.ru/nssso/> (дата обращения: 24.02.2015).
5. Итоги 2013 года на страховом рынке. Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт-РА». URL: http://raexpert.ru/ratings/insurance_rank/ins_2013 (дата обращения: 24.02.2015).
6. Официальный сайт ЗАО «Медиа-Информационная Группа «Страхование сегодня» (МИГ). URL: <http://www.insur-info.ru/pressr> (дата обращения: 24.02.2015).
7. Меньшикова О.В., Меньшиков В.В. Экологическая ответственность и экологическое страхование // «Вестник Международной академии наук. Русская секция». 2012. №2. URL: <http://www.oecd.org/env/outreach/50247963.pdf> (дата обращения: 24.02.2015).
8. Обязательное страхование ОПО в РОССИИ Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт-РА». URL: <http://raexpert.ru/project/opo/2011/resume> (дата обращения: 24.02.2015).
9. Федеральный закон от 27.07.2010 №225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2015).
10. Гусар С.В. Анализ деятельности по обязательному страхованию ответственности владельцев ОПО. Международная конференция по страхованию (Москва, июнь 2012 г.). URL: http://www.insuranceconference.ru/2012/files/presentations/round_table_OPO/Gusar.pdf (дата обращения: 24.02.2015).
11. Комментарий к Закону РФ от 27 ноября 1992 г. N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный) (Кабанцева Н.Г., Ларионова В.А., Захарова Н.А., Бевзюк Е.А., Слесарев С.А.) (Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2012). URL: <http://www.strahyi.ru/material/ommentaryu-zakon-4015-1-ob-organizacii-strahovogo-dela> (дата обращения: 24.02.2015).

12. Кабанцева Н.Г., Кабанцева В.С. Страхование как механизм защиты от экологических рисков. Саратов: Изд-во Саратов ин-та РГТЭУ, 2012.

УДК 316.3

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА: ВИДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Т.Л. Коновалова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: konovalovatl@rambler.ru

Статья посвящена анализу характеристик и видов общественных благ, их соотношению с частными. Рассматриваются взгляды экономистов на классификацию общественных благ и их свойства. Выделяются проблемы, характерные для различных видов общественных благ, критические оценки отдельных публикаций по данной теме. Определяются перспективы обеспечения общественных благ.

Ключевые слова: общественные блага, чистые и смешанные общественные блага, свойства общественных благ.

PUBLIC GOODS: TYPES AND CHARACTERISTICS

T.L. Konovalova

Article is devoted to the analysis of characteristics and types of the public goods, their ratio with private. Views of economists of classification of the public goods and their property are considered. Problems, characteristic for different types of the public goods, critical evaluations of separate publications on this subject are allocated. Prospects of providing the public goods are defined.

Key words: the public goods, the pure and mixed public goods, properties of the public goods.

Множество экономических благ – ограниченных в своем объеме вещей и действий (товаров и услуг), которые используют люди для удовлетворения своих потребностей, можно классифицировать по разным основаниям. Исходя из характера потребления все блага (товары и услуги) можно разделить на две основные группы – частные и общественные.

Частные товары не создают видимых проблем по их производству в условиях рыночной экономики – оно обеспечивается через механизм спроса и предложения. Для частных благ характерна делимость, они являются товарами, доступными для конкретного покупателя: тот, кто платит за продукт, тот его и потребляет и может исключить из потребления других индивидов.

Если частные блага возможно определить достаточно четко, то к общественным относится широкий спектр благ с различным сочетанием

характеристик: делимости и неделимости, платности и бесплатности, конкурентности и неконкурентности, доступности и исключаемости.

Общеизвестно определение общественных благ посредством двух признаков – неисключаемости из потребления и неконкурентности потребления. П. Самуэльсон определял их как «блага коллективного потребления», то есть такие, «которые все потребляют сообща, в том смысле, что потребление такого блага каждым индивидом не ведет к сокращению такого потребления любым другим индивидом» [1, с. 387].

Общественные блага неделимы, они не могут быть проданы индивидуальным покупателям. При пользовании общественным благом нельзя исключить тех, кто не платил за них, это исключение неэффективно. Например, можно установить плату за пользование библиотеками, парками, но скорее всего это приведет к такому ограничению пользования, что общество, в конечном счете, лишь понесет ущерб [2, с. 11].

Свойства общественных благ внутренне взаимосвязаны. Блага, обладающие неисключаемостью, характеризуются и несоперничеством в потреблении (хотя и в определенных пределах). Чем сильнее выражено несоперничество, тем при прочих равных условиях вероятнее неисключаемость.

Большинство общественных благ обладает свойством неразделимости. Это означает, что такие блага могут использоваться всеми членами общества или определенной группой людей со сходными интересами и потребностями только сообща, изолированное их потребление исключается. Для таких благ общественная полезность заключается в том, что отрицается исключительно частная выгода потребления: ее получают не только поставщики благ, но и все члены общества. Общественные блага, не имеющие данного свойства, определяются как делимые, используемые членами общества в разной мере. И здесь возникает проблема финансирования их производства. На первый взгляд, платить должен тот, кто потребляет данное благо. Однако отдельная плата за пользование делимыми общественными благами невозможна по следующим причинам:

– потребители делимых общественных благ не в состоянии сами оплатить их стоимость – она слишком высока для них;

– от делимого общественного блага имеют выгоду не только непосредственные потребители, но и многие другие, чью выгоду трудно оценить конкретно;

– технически не всегда можно выделить делимые общественные блага.

В итоге оплачивать как делимые, так и неразделимые общественные блага должны все члены общества. Будучи произведено,

общественное благо является одинаково доступным для всех потребителей, как бы они его не расценивали.

Дж. Бьюкенен утверждал, что «любое благо (или услуга), которое группа или сообщество индивидов в силу тех или иных причин решает производить через посредство коллективной организации, определяется как общественное. Эта широкая категория может включать блага и услуги, степень «общественности» которых варьируется от нуля до 100 процентов [3, с. 169]. В соответствии с такой трактовкой общественное благо – это любое благо, производимое через посредство коллективной организации.

Блага могут потребляться как общественные при определенных условиях:

- при наличии не только индивидуальных, но и общественной, социально-значимой потребности, позволяющей объединить усилия потребителей для превращения блага в общественное;

- частное потребление данного блага не обеспечивает удовлетворения общественной потребности или обходится потребителям дороже, чем общественное потребление;

- благо настолько дорого, что частное потребление его невозможно или значительно ограничено.

В зависимости от степени «чистоты» проявления основных свойств (неисключаемости и несоперничества в потреблении) блага могут делиться на следующие группы:

- частные блага, или блага только индивидуального потребления. Они потребляются индивидуально и не могут быть получены без согласия поставщика, которое обычно приобретается путем оплаты (например, личный автомобиль);

- совместные (совместно оплачиваемые) блага, для которых исключение допустимо. Они характеризуются совместным потреблением, причем пользователи должны за них платить, а неплательщики могут быть легко исключены из числа потребителей (услуги такси);

- общедоступные блага, или блага индивидуального потребления, для которых исключение недопустимо. Такие блага потребляются индивидуально, и практически невозможно лишить кого-либо права свободно пользоваться ими (городской автобус);

- коллективные блага – блага только совместного потребления, для которых исключение недопустимо. Эти блага потребляются сообща, и невозможно исключить кого-либо из этого процесса, то есть потребители, как правило, будут платить за эти товары только в случае принуждения (городская улица, шоссе) [4, с. 59].

Совместно оплачиваемые блага могут быть поставлены рынком. Так как отстранение от их потребления вполне допустимо, пользователи будут оплачивать, а поставщики – предлагать эти блага, соответствующие по количеству и качеству спросу потребителей. Но проблему здесь могут

создать естественные монополии, когда они обеспечивают наиболее экономичное предоставление таких благ. Это может относиться к кабельному телевидению, коммунальным услугам и т.п.

Общедоступные же блага, при отсутствии необходимости их оплаты, могут вызвать ряд существенных проблем. Их производство может не соответствовать по объему и качеству запросам потребителей, поскольку трудно выявить действительный спрос. Для таких благ особенно серьезной является опасность истощения. Предпринимаемые усилия по их сохранению и развитию не дают должного эффекта, поскольку отстранение потребителя от их использования трудноосуществимо.

Рыночные механизмы не обеспечивают поставку общедоступных благ. Но запасы их по мере потребления истощаются, производство теряет эффективность, а затраты возрастают. Одним из путей решения данной проблемы может служить приватизация – превращение общедоступного блага в частный товар. Однако решение о передаче права собственности на общественное благо в частные руки может существенно повлиять на возможность его нормального потребления и вызвать негативный общественный резонанс (например, приватизация участков побережья морей, рек, лесных угодий и т.п.).

Коллективные блага характеризуются тем, что рынок не в состоянии их поставить, потому что по своей природе они потребляются одновременно многими людьми, и никто не может быть исключен из их потребления. Для потребителей возникает стимул «бесплатного проезда», когда можно пользоваться благом бесплатно, не внося соответствующей доли в затраты по их производству. Поскольку никто не изъявляет желания платить за благо, постольку никто не станет и добровольно его производить, во всяком случае, в необходимом количестве. Поэтому для обеспечения предоставления таких благ необходимы коллективные взносы (как правило, в форме налогов). В небольших группах речь идет о сборе добровольных взносов, в больших диверсифицированных группах используются принудительные меры в виде налогообложения и др.

В. Тамбовцев приводит мнения критиков П. Самуэльсона, которые отмечают, что далеко не все общественные блага соответствуют принципам неисключаемости и неконкурентности. Самуэльсон утверждал, что «коллективные блага не ратионируются, – что использование блага (индивидом) А не налагает какие-либо издержки на (индивида) В». Ясно, что это не выполняется в случае таких общих услуг, предоставляемых государством, как образование, госпитали, скоростные автодороги, чьи ограниченные мощности – это темы повседневной прессы. Напряженный календарь судебных заседаний определенно говорит о том, что использование этой функции А делает ее менее доступной для В... Вероятно, единственными благами, отвечающими определению Самуэльсона, являются национальная оборона и маяки [5, с. 28].

В результате дискуссий все общественные блага стали подразделять на чистые и смешанные, в которых основные свойства – неисключаемость и несоперничество – проявляются не достаточно полно. Однако блага и услуги, предоставляемые через посредство государства, если и являются полностью коллективными, то крайне редко. Р. Нуреев определяет чисто общественное благо как такое благо, которое потребляется коллективно всеми гражданами независимо от того, платят они за него или нет. Именно чистое общественное благо характеризуется свойствами неисключаемости и неконкурентности в потреблении.

Если хотя бы одно из этих свойств проявляется слабо, то это уже смешанные блага [6, с. 10]. К ним, в частности, относят социально значимые или мериторные блага. Это блага, которые рассматриваются как столь значимые, что их удовлетворение обеспечивается из средств государственного бюджета и платы за частных потребителей [6, с. 10].

В. Тамбовцев считает, что объявление того или иного блага социально значимым есть следствие дискреционного решения, независимо от того, принимается оно частным лицом либо государственным чиновником, под влиянием собственных убеждений и предпочтений или общественного мнения. «Существует единственное основание, по которому можно сблизить понятия общественных благ и социально значимых благ: их производство сегодня в значительной мере осуществляется государством – либо непосредственно государственными предприятиями и учреждениями, либо за счет бюджетного финансирования» [6, с. 30]. Эта точка зрения представляется спорной, поскольку противопоставляет общественные и социально значимые блага. В результате ставится под сомнение социальная значимость общественных благ. Скорее социально значимые блага – это смешанные общественные блага, имеющие значительный общественный эффект.

Нельзя согласиться и с тем, что определение социальной значимости блага – следствие произвольного решения частного лица или чиновника. Поскольку социально значимые блага обеспечиваются государством и финансируются из государственного бюджета, решение об их социальной значимости принимается на основании объективных или субъективных данных (например, статистических или результатов опросов), широко обсуждается, признается значимым большинством в государственном органе. Если такой подход считать *дискреционным*, то какой иной может быть более объективным?

В основу бюджетного финансирования общественных благ должны быть положены определенные социальные стандарты, определяющие перечень основных общественных благ, натуральные объемы их предоставления, источники и объемы финансирования этих благ в определенном регионе.

Производство и использование таких общественных благ, как образование, исторически велось на основе использования социальных норм. Но убежденность экономистов в том, что рынок – самый эффективный механизм распределения ресурсов, приводит к введению в эти сферы рыночных норм [7, с. 181]. «В настоящее время мне представляется, что стандартизированная структура тестирования и зарплаты, связанной с результатами работы, толкает образование от социальных норм к рыночным. Соединенные Штаты уже тратят на каждого студента больше денег, чем любая другая страна Запада. Будет ли мудрым решением впрыснуть в систему еще больше денег? То же самое справедливо и в отношении тестирования: оно и так проводится очень часто, и дальнейшее увеличение частоты вряд ли сможет улучшить качество образования» [8, с. 103-104].

Имевшее место в нашей стране в предшествующий период широкое обобществление благ, таких как образование, здравоохранение, жилье и различные социальные услуги, дало определенные социальные результаты, но оказалось дорогостоящим для государственного бюджета и не обеспечивающим все более возрастающих качественных запросов. Доминирующая роль государства в обеспечении общественных благ выявила необходимость ее сокращения для достижения определенного баланса с частными структурами, диверсификации их обеспечения и потребления.

Библиографический список

1. Samuelson P. The pure theory of public expenditure // «Review of Economics and Statistics». 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387-389.
2. Расков Н.В. Рыночная экономика и государство. Введение в теорию. СПб., 1995.
3. Бьюкенен Дж. Государственные финансы в условиях демократии // Отечественные записки. 2002. №4-5. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/4/2002_04_21.html (дата обращения: 03.04.2015).
4. См.: Савас Э.С. Приватизация: ключ к рынку. М.: Дело, 1992.
5. См.: Тамбовцев В. Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? // Вопросы экономики. 2014. №11. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n11_2014.html#an2 (дата обращения: 05.02.2015).
6. Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ. 2005.
7. Ореховский П. Моральные критерии экономической политики // Общество и экономика. 2014. № 2/3. С. 174-187. С. 181.
8. Ариели Д. Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 103-104.

СООТНОШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО И ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е.А. Коробов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: korobovea@ya.ru

В статье рассматривается концептуальное соотношение инвестиционной и финансовой политик компании в системе корпоративного финансового управления. Приводится эволюция соответствующих экономических категорий в период глубинных преобразований в российской системе хозяйствования. Рассматриваются модели стратегического управления и политического управления компанией, выявляются достоинства и недостатки этих моделей. Также анализируется их применимость к реалиям современного российского корпоративного сектора.

Ключевые слова: финансовая политика, инвестиционная политика, стратегическое управление, политическое управление, корпоративный менеджмент.

THE RELATION OF INVESTMENT AND FINANCIAL MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF CORPORATE GOVERNANCE

E.A. Korobov

The article deals with the conceptual relation of investment and financial policies in the system of corporate governance. The evolution of the respective economical categories is described within the period of drastic changes in the Russian economic system. The models of strategic management and political management are considered. Their advantages and disadvantages are revealed. Their applicability to the conditions of up-to-date Russian corporate segment is analyzed.

Key words: financial policy, investment policy, strategic management, political management, corporate governance.

Соотношение экономических категорий «финансовая политика» и «инвестиционная политика» можно рассматривать только через призму существующей в стране системы хозяйствования. Несмотря на то, что в СССР существовало понятие инвестиций, и были нормативы для расчета их эффективности, инвестиционная политика, как элемент хозяйственной деятельности, вообще учеными-экономистами не рассматривалась.

Классик финансовой науки Советского Союза Шереметьев М.К. в своем труде [1, с. 112] давал широкую трактовку категории «финансовая политика», как концентрированного выражения финансов, то есть как образа и результата финансовых отношений в экономике страны. В целом

же советские экономисты определяли финансовую политику как совокупность, основанных на реальном финансово-экономическом положении страны, направлений деятельности государства в сфере финансов, обеспечивающих средства для экономических преобразований, поддержания и роста расширенного воспроизводства, и расширения натурально-денежной базы в стране, что достигалось за счет финансовой централизации. То есть в данном аспекте господствовал общегосударственный макроэкономический подход.

После распада Советского Союза он царил среди экономистов еще долгое время. Как отмечено в [2, с. 94] «...в учебной литературе финансовую политику, как правило, сводят лишь к финансовой политике государства. Финансовая же политика организаций вообще не рассматривается, что противоречит реальной действительности...». Нужно отметить, что такой макроэкономический подход являлся достаточно узким, не отражал реалии финансовой практики и не отвечал насущным потребностям хозяйствующих субъектов.

Поскольку категория «политика» вообще не применялась к микроэкономическим агентам, то и говорить о таком явлении как «инвестиционная политика предприятия» так же не приходилось. Существовало лишь понятие «инвестиционная деятельность», которое было определено законом №1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» и определялось как «вложение инвестиций, или инвестирование, и совокупность практических действий по реализации инвестиций» [3].

Серьезные изменения во взглядах произошли лишь в конце 90-х годов. Отправной точкой в этом вопросе можно считать публикацию Приказа Минэкономики РФ от 01.10.1997 г. №118 «Об утверждении Методических рекомендаций по реформе предприятий (организаций)» [4, с. 9]. В них предприятие рассматривалось как целостная сущность, деятельность которой должна быть подчинена ряду *политик*: снабженческо-сбытовой, ценовой, финансовой, инвестиционной и кадровой. Категория «политика» впервые было применено к микроэкономическим субъектам на законодательном уровне.

Параллельно с этим в 1999 году была издана новая редакция закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», которая с некоторыми правками действует и по сей день, и отражает все основные элементы инвестиционного процесса.

Издание указанных нормативных документов явилось мощным толчком для отечественных экономистов, которые стали развивать и формировать фундаментальное научное направление, исследующее сущность финансовой, инвестиционной, производственной и других политик микроэкономических агентов и их взаимного влияния друг на друга.

В современной экономической литературе есть большое число определений финансовой политики компании [5-7]. Обобщая их можно сказать, что в широком смысле финансовая политика хозяйствующего субъекта – это некоторый набор мероприятий, подчиненный общей идее или идеологии, ставящий своей задачей достижение конкретных целей развития компании путем управления доходами и расходами.

Инвестиционная политика предприятия характеризуется также широким спектром определений [2, 8, 9]. Если подытожить их, то получится, что инвестиционная политика ставит своей задачей выгодное вложение собственных или привлеченных финансовых ресурсов при минимальных рисках в среднесрочной или долгосрочной перспективе и нацелена на развитие и обновление функционирующего предприятия.

Однако из разных определений финансовой и инвестиционной политики возникает некоторая путаница. В одних случаях утверждается, что инвестиционная политика – это *часть* экономической стратегии, в других – она *направлена на создание* инвестиционной стратегии. Для того чтобы выяснить механизм соотнесения финансовой и инвестиционной политики необходимо определить место, которое каждое из этих направлений занимает среди всех прочих направлений деятельности организации и в ее внутренней системе принятия решений.

Выстраивание таких управленческих систем на предприятии будет напрямую зависеть от принятой внутри компании модели прохождения управленческих решений от менеджмента высшего звена к рядовым исполнителям. На данный момент выделяют два различных концептуальных подхода к таким моделям.

Исторически первой появилась модель, основанная на концепции стратегического корпоративного управления. Она возникла в 70-е годы XX века в США и странах Западной Европы и была связана с бурным ростом крупных транснациональных корпораций. Эта концепция [10, с. 218] состоит в том, что вся деятельность компании в долгосрочной перспективе определяется достижением стратегических целей корпоративного развития. Для достижения этих целей руководством организации разрабатывается общая корпоративная стратегия развития. Далее в рамках последней разрабатываются функциональные стратегии по главным направлениям работы предприятия. Функциональные стратегии включают: производственную, финансовую, инвестиционную и т.д. Формированием функциональных стратегий занимаются управляющие основных функциональных служб компании. Следующий этап детализации общекорпоративной стратегии развития проводится на уровне хозяйствующих подразделений. Стратегии последних нацелены обычно на решение двух основных задач: обеспечение устойчивых конкурентных преимуществ конкретного вида бизнеса и повышение его прибыльности. Разработкой стратегий этого уровня занимаются главы и менеджеры

хозяйствующих подразделений при консультационной поддержке управляющих функциональными службами компании.

После согласования и утверждения стратегий хозяйствующих подразделений последние начинают формировать соответствующие политики, направленные на реализацию стратегий и выступающие практическим руководством к действию для всех сотрудников. Таким образом, весь процесс прохождения управленческих решений в организации от руководства высшего звена до рядового исполнителя будет соответствовать схеме: стратегические цели → стратегия развития → инвестиционная стратегия → инвестиционная тактика → инвестиционная политика.

Концепция стратегического управления компанией строится на дедуктивной схеме «от общей стратегии развития – к конкретным действиям сотрудников». При этом она имеет как свои достоинства, так и недостатки. К достоинствам концепции можно отнести наличие четкой детерминированной линии развития компании, когда собственники бизнеса ясно формулируют свои требования к предприятию и оговаривают степень риска, на который они готовы пойти ради достижения поставленных целей. Второй плюс данной модели состоит в попытке предсказать развитие отраслей и технологий в краткосрочной и долгосрочной перспективе, что в той или иной степени формирует ожидания и направления развития научно-технического прогресса. Третье достоинство заключается в комплексной многоуровневой проработке всех сфер деятельности предприятия, когда работа каждого хозяйствующего подразделения в отдельности подчинена общей стратегии развития и вносит свой посильный вклад в целостную картину корпоративного роста.

Главным недостатком рассматриваемой концепции является то, что она применима лишь к очень крупным, обычно транснациональным, компаниям с сильно диверсифицированными активами. В этом случае конъюнктурные колебания в отдельной отрасли или отдельной стране пребывания не могут сильно сказаться на финансовой устойчивости организации. Поэтому и возрастает точность прогнозов касательно будущего развития компании, когда она способна не только подстраиваться под веяния рынка, а и самостоятельно задавать их.

Вторая модель корпоративного управления [11, с. 41] исходит из того, что собственники, как основные инвесторы предприятия, определяют принципы его функционирования с целью увеличения доходов на вложенный капитал. Менеджеры управляют организацией на условиях, заданных собственниками, обеспечивая устойчивый рост бизнеса при балансе интересов между целями владельцев и задачами расширенного воспроизводства компании.

Акционеры предприятия обосновывают свои требования к бизнесу в виде функциональных политик: производственной, сбытовой, финансовой

и др. Финансовая политика в этом смысле представляет собой нормативную базу для управления денежными фондами. Она может включать в себя необходимые и достаточные для собственников величины показателей рентабельности собственного капитала, темпов прироста прибыли, риска инвестиций и т.д.

Финансовая стратегия разрабатывается менеджерами в рамках финансовой политики и детализирует финансовые показатели компании с указанием путей их достижения в конкретном временном интервале. На основании стратегии затем создается финансовая тактика, которая представляет собой четкое руководство к действию для рядовых сотрудников организации. Применительно к инвестиционной деятельности модель прохождения управленческих решений в данной модели будет следующей: финансовая политика → инвестиционная политика → инвестиционная стратегия → инвестиционная тактика.

К достоинствам концепции политического управления можно отнести то, что в ней достигается определенный компромисс между амбициозностью собственников и осторожностью управляющего персонала. Потенциально завышенные требования акционеров затем согласовываются с настроенным более скептически управленческим звеном организации, что позволяет выработать общие трезвые подходы к дальнейшему развитию предприятия, удовлетворяющие как первому, так и второму уровню корпоративного планирования. Вторым плюсом данной концепции является ее бóльшая устойчивость к функционированию в относительно нестабильной внешней бизнес-среде. Даже крупное предприятие, но со слабо диверсифицированными активами, может стать заложником завышенных ожиданий собственников или излишней осторожности менеджмента. Компания становится уязвимой для резких изменений рыночной конъюнктуры.

К недостаткам концепции можно отнести отсутствие единой детерминированной линии развития компании и меньшую роль прогнозирования при определении будущих изменений отраслевых и производственных факторов. Компания в этом случае из технологических лидеров отодвигается на второй план, подхватывая идеи и технические решения, предложенные корпорациями первого эшелона.

В современной российской практике присутствуют оба подхода корпоративного управления. Выбор той или иной концепции определяется видением акционеров компании перспектив ее развития и их предпочтениями в отношении внутреннего регламента работы предприятия. Тем не менее, несмотря на то, что большинство крупных российских компаний позиционируют свою деятельность, как основанную на стратегическом управлении, по факту они функционируют в рамках модели политического управления. Главная черта стратегической модели –

прогнозирование, предвосхищение *будущих* рисков и потребностей клиентов – у них или отсутствует, или недостаточно развита.

Библиографический список

1. Шереметьев М.К. Финансы СССР. М.: Финансы, 1977.
2. Барулин С.В. Финансы : учебник. М.: КНОРУС, 2011. 640 с.
3. Закон РСФСР №1488-1 (ред. от 19.07.2011) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» от 26.06.1991 // Справ.-правовая система «Консультант Плюс» URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.11.2014).
4. Методические рекомендации по реформе предприятий (организаций). М.: Инфра-М., 2000. 96 с.
5. Бочаров В.В. Управление денежным оборотом предприятий и корпораций. М.: Финансы и статистика, 2002.
6. Слепов В.А., Громова Е.И., Кери И.Т. Финансовая политика компании : учеб. пособие. М.: Экономистъ, 2005.
7. Лихачева О.Н., Щуров С.А. Долгосрочная и краткосрочная финансовая политика предприятия : учеб. пособие / под. ред. И.Я. Лукасевича. М.: Вузовский учебник, 2008. 288 с.
8. Ковалев В.В. Инвестиции: учебник для вузов. М.: Проспект, 2007. 584 с.
9. Чернов В.А. Финансовая политика организации : учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
10. Бланк И.А. Финансовая стратегия предприятия : учеб. курс. Киев: Ника-Центр, 2006. 520 с.
11. Казак А.Ю., Веретенникова О.Б., Майданик В.И. Финансовая политика хозяйствующих субъектов: проблемы разработки и внедрения. Екатеринбург: АМБ, 2003.

УДК 338.45 (470+571)

НАУКОЕМКИЙ СЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЩНОСТЬ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Е.В. Коротковская

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: korotkovskaya@yandex.ru

В статье представлены понятия науки, наукоемкого сектора, инновации, высокотехнологичного сектора. Проанализированы тенденции наукоемкого производства. Доказано, что наукоемкий сектор является отдельным сектором экономики.

Ключевые слова: наука, наукоемкий сектор, инновации, высокотехнологичный сектор, наукоемкое производство.

KNOWLEDGE-INTENSIVE SECTORS OF MODERN RUSSIA: THE NATURE AND DEVELOPMENT FACTORS

E.V. Korotkovskaya

The article presents the concepts of science, high technology sector, innovation, high-tech sector. Analyzed trends in high-tech industry. Proved that knowledge-intensive sectors is a separate sector of the economy.

Key words: science, knowledge-intensive sectors, innovation, high-tech sector, high-tech production.

На сегодняшний день происходит признание науки и научного обслуживания как самостоятельного вида производства. Это подтверждается тем, что продукция научных учреждений рассматривается как товар, который подлежит реализации потребителям.

В связи с этим термин «наука» можно рассматривать как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, осуществляющих целенаправленную деятельность по производству нового знания.

В XX веке наука включилась в систему общественного воспроизводства и развитие науки становится важнейшим фактором экономического роста. Анализ мировых тенденции показывает, что наукоемкие производства занимают сегодня определяющую роль в научно-технологическом развитии экономики большинства стран. В них материализуется основная часть результатов научных исследований и разработок и таким образом формируется спрос на достижения науки и техники со стороны потребителей. Масштабы высокотехнологичного и наукоемкого сектора в значительной степени характеризуют научно-технический и экономический потенциалы страны и выступают определяющим фактором развития ее экономики. Кроме того, состояние высокотехнологичных производств становится одним из условий успешной интеграции той или иной страны в складывающуюся систему глобальных мирохозяйственных связей [1, с. 42].

Наукоёмкий сектор наиболее пригоден для того, чтобы быть инновационным ядром отечественной промышленности. На предприятиях, входящих в этот сектор, инновационная деятельность должна быть более активной и направленной на освоение новых рынков и ресурсосберегающих технологии производства продукции. Эффективность и глубина инновационного потенциала страны, прежде всего, определяются привлекательностью тех отраслей, в которых будут создаваться нововведения, а также способностью инновационной инфраструктуры обеспечивать эффективную коммерциализацию результатов научно-технической деятельности.

Тем самым, можно утверждать, что наукоемкий сектор является отдельным сектором экономики. Разграничим некоторые определения, касаемые наукоемкого сектора экономики. Для начала уточним само понятие наукоемкого сектора экономики.

Сущность наукоемкого сектора экономики можно сформулировать следующим образом:

Наукоемкий сектор экономики – сфера экономики, характеризующаяся высокими удельными затратами на научные исследования и разработки и способствующая реализации фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ, освоению, производству и коммерциализации отечественных наукоемких технологий.

Наука, как сектор экономики имеет свою специфику:

1. Неопределенность и отложенность результата.
2. Несовпадение общественного и индивидуального эффектов.
3. Ассиметричность информации, доступной потенциальным инвесторам, исследователям, новаторам, потребителям.
4. Высокие инвестиционные риски.
5. Особые требования к квалификации кадров.

Говоря о науке, сегодня многие используют термин инновации.

Инновация – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях [2].

Инновация является результатом деятельности наукоемкого сектора. По нашему мнению, можно отождествить понятие инновационный и наукоемкий сектор.

В статистике выделяют следующие основные виды инновационной деятельности:

6. исследования и разработки;
7. инструментальная подготовка и организация производства, охватывающие приобретение производственного оборудования и инструмента, изменения в них, а также в процедурах, методах и стандартах производства и контроля качества, необходимых для изготовления нового продукта или применения нового технологического процесса;
8. производство, проектирование, дизайн и другие разработки, новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов, включая подготовку планов и чертежей, предусмотренных для определения производственных процедур, технических сертификаций, эксплуатационных характеристик, необходимых для создания концепции, разработки, производства и маркетинга новых продуктов, процессов, услуг;
9. приобретение овещественных технологий – машин и оборудования

по своему технологическому назначению связанных с внедрением технологических и прочих инноваций;

10. приобретение неовещественных технологий со стороны в форме патентов, лицензий на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей, раскрытия ноу-хау, а также услуг технологического содержания; приобретение программных средств, связанных с осуществлением технологических инноваций;

11. обучение, подготовка и переподготовка персонала, обусловленная внедрением инноваций;

12. маркетинговые исследования.

Еще один подход к трактовке сущности наукоемкого сектора – структурно-функциональный.

Некоторые ученые считают, что наукоемкий сектор – это целостная многоотраслевая совокупность научных, образовательных, производственных, управленческих, консалтинговых и иных структур, обеспечивающих инновационную направленность экономического развития страны.

Другими словами можно сказать, что наукоемкий сектор включает в себя полный цикл жизни инноваций начиная с создания инновации и заканчивая производством этой инновации.

Исходя из этого, рассматривая наукоемкий сектор как совокупность можно выделить два основных блока: научно-исследовательская сфера и наукоемкое производство. Как видно из рисунка 1, каждый блок имеет свои задачи. Обозначенные стрелочками связи, отражают взаимодействие блоков наукоемкого сектора.

Наукоемкий сектор отличается следующими основными признаками:

– сравнительно высокими и стабильными затратами на НИОКР на протяжении длительного времени;

– стабильным количеством высококвалифицированных работников, занятых исследованиями и разработками, удельный вес которых в общей численности занятых превышает среднеотраслевые значения;

– относительно частой сменой не только ассортимента выпускаемой продукции, но также методов и технологий их производства;

– более высокой, чем в среднем по отрасли, нормой амортизации активной части основного капитала.

А с точки зрения роли и места наукоемкого сектора в национальной экономике можно выделить его основные черты:

– качественная разнородность отраслей и сфер деятельности;

– удовлетворение, главным образом, общественных потребностей, в том числе будущих;

– инициатором развития является не частный сектор, а государство;

– нерыночный характер значительной части сделок между заинтересованными участниками внутри данного комплекса, а также между государством и наукоемким сектором.

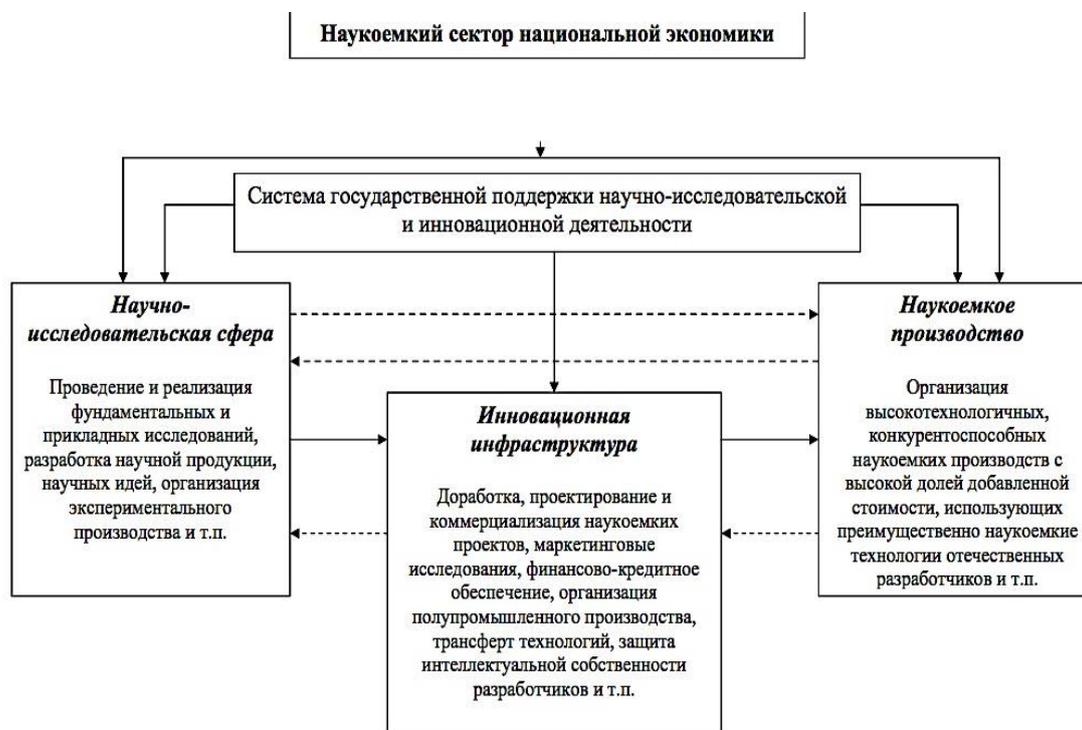

Рис. 1. Схема взаимосвязей наукоемкого сектора экономики [3]

Далее следует рассмотреть понятие высокотехнологичного сектора. В статье этот сектор будет рассматриваться как часть наукоемкого сектора. Высокотехнологичным сектором национальной экономики называется совокупность отраслей, характеризующихся относительно высокой наукоемкостью производства. Согласно характеристике, данной Центром инновационной экономики Института экономики (ИЭ) РАН, отнесение отрасли или производства к числу высокотехнологичных определяется превышением некоторого фиксированного уровня соотношения затрат на НИОКР и объема выпускаемой либо отгруженной продукции, добавленной стоимости или же величины основных факторов производства (производственных фондов и труда) [4].

Как таковой единой методологии, определяющей такое соотношение, в мировой практике не существует. Оценка уровня развития высокотехнологичных секторов экономики основывается на выборе методики отнесения отраслей к тому или иному уровню технологичности. В мире существует три наиболее авторитетных признанных классификаций высокотехнологичных отраслей промышленности. Это классификация Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Национального научного фонда США (National Science

Foundation) и ООН (в рамках Стандартной международной торговой классификации – Standard International Trade Classification – SITS) [5].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) использует два подхода к определению высокотехнологичных отраслей [6]:

1. классификация по секторам высоких технологий, критерием которой выступает интенсивность использования современных технологий в процессе производства;

2. классификация по продукту, критерием которой выступает конечный продукт и его наукоемкость (отношение затрат на НИОКР к объему производства, доходу).

По методике ОЭСР к наукоемким производствам относятся те, для которых показатель наукоемкости превышает 3,5%. Если показатель находится в диапазоне 3,5-8,5%, то производство соответствующих продуктов относится к группе технологий «высокого уровня»; если превышает 8,5%, то такие производства характеризуются как «ведущие» наукоемкие технологии [4].

В отличие от рассмотренной классификации ОЭСР в ООН и США отдано предпочтение высокотехнологичным отраслям экономики с небольшой разницей в формулировке. Критерием отнесения к наукоемким отраслям в США является объем затрат на НИОКР, превышающий средний уровень для обрабатывающей промышленности, равный 2,36% от добавленной стоимости (условно чистой продукции). К высокотехнологичным относятся те производства, где средний уровень объема затрат на НИОКР для обрабатывающей промышленности превышает не менее, чем вдвое. К числу высокотехнологичных относятся: производство ЭВМ, средств связи, научных приборов, медицинских препаратов, авиационно-космической техники, пластмасс и продуктов неорганической химии, включая химикаты для сельского хозяйства, и др.

В данной трактовке наукоемкий сектор определяется и выделяется на основании лишь одного показателя, что является односторонней характеристикой данного образования. Эта трактовка является наиболее распространенной в экономической литературе.

Однако рассмотрение высокотехнологичного сектора только с точки зрения затрат на НИОКР может оказаться недостаточным для понимания его роли в экономике и возможности сравнения с другими секторами. Так как наукоемкость зависит от двух факторов – затрат на НИОКР и объемов производства продукции, то ее изменение носит циклический характер соответственно жизненному циклу изделий: этап разработки и освоения новой техники и технологии, отличающийся высоким уровнем расходов на НИОКР, сменяется этапом структурной перестройки и последующим расширением масштаба производства продукции, а это все, как правило,

отражается в тенденции снижения показателя наукоемкости. Также, помимо показателя наукоемкости высокотехнологичный сектор может характеризоваться рядом параметров и признаков, позволяющих идентифицировать сектор.

Проанализируем развитие наукоемкого сектора экономики России.

Как видно из рисунка 2, среди лидеров по экспорту технологий выступают такие страны как США (11385), Германия (61110,3), Великобритания (49174,8), Ирландия (40878,4), Нидерланды (39985,8), Япония (29887,2). Россия сильно отстает по экспорту технологий от ведущих стран мира. По данным на 2012 год Россия получила 688,5 млн. долларов. Следует также отметить, что наша страна еще находится в стадии заимствования технологий и импорт инноваций превышает экспорт.

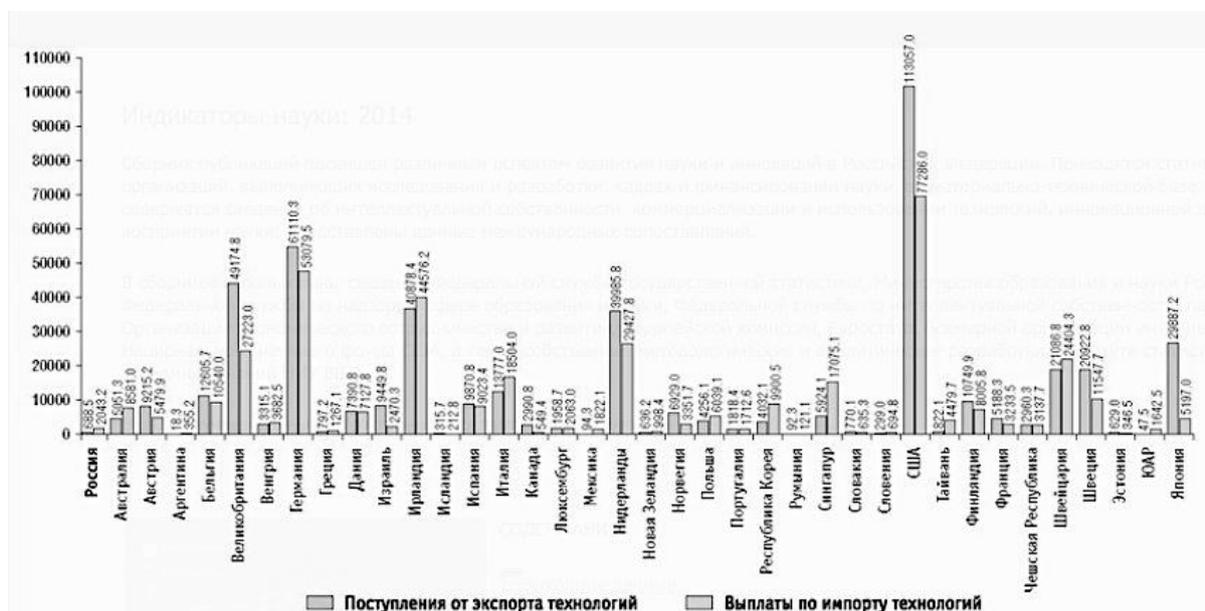

Рис. 2. Поступления от экспорта технологий и выплаты по импорту технологий: 2012 (миллионы долларов США) [7, с. 394]

Выделим факторы, влияющие на развитие наукоемкого сектора и экономики в целом. К основным факторам, определяющим развитие наукоемкого сектора современной России, относятся: политические факторы; экономические факторы; социальные факторы; технологические факторы; экологические факторы; факторы законодательства.

На рисунке 3 представлен рейтинг факторов, препятствующих развитию инноваций в период с 1993 по 2012 года, разделенных на 3 группы.

Наибольшее препятствие в развитии наукоемкого сектора составляют такие факторы как: высокая стоимость нововведений, недостаток собственных денежных средств, недостаток финансовой поддержки со стороны государства, высокий экономический риск, низкий

инновационный потенциал организации, неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности. Можно сказать, что наибольшее препятствие развитию наукоемкого сектора оказывают экономические факторы.

Рис. 3. Рейтинг факторов, препятствующих развитию наукоемкого сектора [7, с. 394]

Обобщая можно сказать, что существуют различные подходы к определению высокотехнологичного комплекса, а его важность и роль в экономике требуют разработки и реализации продуманной, научно-обоснованной экономической политики государства. В зависимости от выбора того или иного определения могут меняться цели политики и способы их достижения, а, следовательно, и эффективность функционирования самого высокотехнологичного комплекса страны.

Библиографический список

1. Демин С.С. Методология управления инновационной модернизацией высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2012. 42 с.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»» N254-ФЗ от 21 июля 2011 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/popular/> (дата обращения 17.04.2014).
3. Сулова Н.В. Формирование механизмов регулирования наукоемкого сектора как фактор инновационного развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2009.
4. Официальный сайт «Центра Инновационной Экономики ИЭ РАН». URL: <http://cines.ru> (дата обращения 17.04.2014).
5. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Доктрина высокотехнологичных рабочих мест в российской экономике. М.: Эдитус, 2013. 124 с.

6. Спицын В.В. Особенности инновационного развития высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей в России // «Вестник Томского гос. университета». №342 (январь). 2011. С. 166-172.
7. Индикаторы науки: 2014: статистический сборник. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 400 с. (394).

УДК 336.748

ВЛИЯНИЕ КОЛЕБАНИЯ КУРСА РУБЛЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

О.Ю. Красильников

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ok-russia@yandex.ru

В статье рассматривается влияние изменения курса национальной валюты на экономическое развитие регионов России. Делается вывод, что произошедшее в последнее время падение курса рубля по отношению к основным мировым валютам негативно скажется на развитии большинства российских регионов, и тех которые зависят от импорта и тех, где преобладают предприятия-экспортеры. Снижение курса рубля может привести к раскручиванию инфляционной спирали, кризису региональных бюджетов, падению потребительского спроса и как следствие валового регионального и национального продукта.

Ключевые слова: регион, валютный курс, девальвация, инфляция, безработица, импорт, экспорт, промышленное производство, валовой региональный продукт.

THE EFFECT OF FLUCTUATIONS OF THE EXCHANGE RATE ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

O.Y. Krasilnikov

The article discusses the impact of changes in national currency rate on the economic development of regions of Russia. The author arrives at a conclusion that the recent fall of the ruble against major world currencies will have a negative impact on the development of the majority of Russian regions: those who depend on imports and those who dominate in the sphere of exporting enterprises. The depreciation of the ruble could lead to the unwinding of the inflationary spiral, crisis of regional budgets, consumer demand falling and as a result to the falling of gross regional and national product.

Key words: the region, exchange rate, devaluation, inflation, unemployment, import, export, industrial production, gross regional product.

Наметившаяся с конца 2013 г. тенденция падения курса рубля по отношению к основным мировым валютам непосредственно влияет на экономическое развитие российских регионов. С одной стороны,

ослабление национальной валюты повышает конкурентоспособность сырьевых регионов и может стимулировать рост валового регионального продукта (ВРП). С другой – увеличивает издержки регионов, экономика которых сильно зависит от импорта. В основном это либо слаборазвитые субъекты РФ, либо регионы, где имеется множество предприятий, которые закупают сырье и материалы за рубежом.

Падающий курс способен свести на нет все усилия по снижению инфляции, которая составила 2,8% только за первый квартал 2014 г. (здесь и далее [1, 2]). Инфляция подстегивалась также реализацией коррупциогенных мегапроектов в отдельных регионах (саммит АТЭС во Владивостоке, универсиада в Казани, олимпиада в Сочи), а также решением финансовых проблем Крыма и, возможно, Юго-восточной Украины. Надо понимать, что если инфляция превысит 10 процентов, то может произойти раскрутка инфляционной спирали: затраты – цены. Отсюда ужесточение кредитно-денежной политики, рост ставок по рублевым кредитам и депозитам.

В этих условия ЦБ вынужден проводить политику «плавной девальвации» рубля. В условиях перманентной девальвации национальной валюты, банки теоретически должны устанавливать разрыв в процентных ставках между рублевыми и валютными вкладами примерно на уровне темпа падения курса рубля. Так называемая плавная девальвация способствует снижению платежеспособного потребительского спроса в экономике России, так как покупательная способность рубля будет падать. Все это подрывает внутренние механизмы роста экономики даже регионов-доноров.

Падение потребительского спроса ведет к снижению внутреннего производства в России. Это, в свою очередь, вызовет массовые сокращения персонала и приведет к росту безработицы в стране. Можно прогнозировать снижение импорта, в связи с тем, что импортные товары окажутся невостребованными из-за падения доходов, что сократит общий показатель ВВП страны. Следствием может стать рост просроченных кредитов, взятых под импортные товары, внезапно оказавшимися без работы, или просто обедневшими россиянами.

Предприятиям придется гораздо дороже покупать импортные оборудование и комплектующие, что приведет к росту себестоимости их продукции. Например, отечественные строительство и сельское хозяйство, которые практически целиком работают на импортной технике и материалах, будут испытывать большие трудности. При этом импортозамещение от девальвации, как это было после дефолта 1998 г., вряд ли произойдет по причине отсутствия временно свободных производственных мощностей и сильного износа основных производственных фондов.

Снижение производства коснется и предприятий, работающих на экспорт. В условиях обесценивания рубля им придется дороже покупать энергоносители, то же импортное оборудование и технику, а также получать коммунальные услуги. Все это может свести на нет весь выигрыш экспортеров от повышения курсовой разницы при продаже валютной выручки. Особенно сильно девальвация рубля отразится на подорожании стоимости выплат по западным кредитам. Согласно статистике сырьевые экспортеры – самые закредитованные из всех производителей в России: из свыше 750 млрд. долларов зарубежного долга страны, больше половины лежит именно на них.

В январе текущего года произошел спад промышленного производства на 0,2%. (в 2013 году отмечены нулевые темпы роста). Основной вклад в снижение производства внесли так называемые естественные монополии – производство и распределение электроэнергии, газа, тепла и воды за январь упало на 3,9%.

Не лучше обстоят дела в строительном комплексе, где объем выполненных строительных работ упал на 5,4%, несмотря на планы развития жилищного строительства, повышения степени доступности жилья и преодоления дефицита предложения новых квартир. Весьма показательно, что в России сегодня 80% граждан не в силах позволить себе улучшить жилищные условия даже с учётом ипотеки: высокие ставки по кредиту, неподъемный первый взнос, высокая стоимость квадратного метра жилья (в среднем в 2,3-2,5 раза выше средней зарплаты по стране) и сравнительно низкий уровень трудовых доходов подавляющей части населения (у 73% россиян зарплата ниже средней по стране в 29,6 тыс. рублей, а у 50% и вовсе ниже 20 тыс. рублей даже по официальным оценкам Росстата) превращают жильё из объекта первой необходимости в непозволительную роскошь. Квартирный вопрос не только не решается, но даже продолжает усугубляться – 70% россиян испытывают острую и сильную потребность в улучшении своего жилья.

По мере окончания реализации крупномасштабных мегапроектов происходит снижение объема инвестиций, несмотря на высокие цены на сырьё. Спад инвестиций на 0,3% в 2013 г. перерос в обвал капитальных вложений на целых 7% в первом месяце 2014 г.

Предприятия малого и среднего бизнеса закрываются либо уходят в тень – только в 2013 г. ушли в тень или обанкротились свыше 620 тыс. ИП, а собираемость налога на прибыль упала на 12%.

Повышенный уровень инфляции при небольшом экономическом росте (1,3% в 2013 г.) снижает привлекательность для вложения в российские активы. Иностранные инвестиции вследствие девальвации снижаются. Об этом говорит нарастающий показатель чистого оттока капиталов из России: за первый квартал 2014 г. – более 65 млрд. долл. (за

весь 2013 год – 62 млрд.). Это и понятно, иностранные инвесторы идут лишь в те страны, курс национальной валюты которых растет.

Впервые за долгое время Росстат отчитался о снижении уровня жизни подавляющей части населения страны и сжатии платёжеспособного спроса россиян. Согласно официальным оценкам Росстата, в январе 2014 г. произошло сокращение величины чистых реальных располагаемых доходов населения на 1,5%, а с учётом реальной оценки инфляции и вообще уместно говорить о падении уровня жизни россиян на 2-4% в годовом выражении.

На этом фоне происходит кризис региональных бюджетов. По данным Минфина бюджеты более чем 80 субъектов РФ закредитованы. По итогам 2013 г. размер бюджетных дефицитов регионов подскочил в 2,3 раза (до 640 млрд. рублей то есть с 3,5% до 7,8% доходов субъектов федерации), размер долговой нагрузки вырос на треть (до 1,49 трлн. рублей), а расходы на их обслуживание увеличились на 23%. Неудивительно, что на фоне затухания российской сырьевой экономики, парализованной «голландской болезнью» и коррупцией, без малого на 12% упали сборы налога на прибыль, который обеспечивает до трети всех поступлений в региональные бюджеты.

В 2013 г. лишь 6 регионам удалось полностью покрыть свои расходы за счет собственных внутренних источников. Суммарный профицит этих регионов, удержавшихся в зоне самофинансирования, составил не более 27 млрд. руб. тогда как остальные 77 субъектов федерации не досчитались мистических 666 млрд. руб. Пугает сама динамика снижения численности регионов-доноров – в 2012 г. таковых было 16, а их доходы превышали расходы на 76 млрд. рублей, тогда как дефицитных субъектов было 67 с суммарным дефицитом в размере 355 млрд. руб.

При этом происходящая девальвация рубля сильно облегчит положение федерального бюджета. В отличие от предыдущих лет, в январе текущего года в нем уже образовался большой профицит, а по итогам года, от ослабления рубля бюджет сможет получить до 1 трлн. руб. сверхплановых доходов.

Снижение производственной активности в первом квартале 2014 г., сопровождаемое раскручиванием маховика инфляции, инвестиционным кризисом, масштабным бегством капитала и девальвацией, более всего ударит по большинству регионов России, которые сидят на голодном пайке и субсидиях из федерального центра, не имеют доступа к притоку нефтедолларов и погрязли в долгах. По нашему мнению без кардинальных изменений в экономической политике данные тенденции будут только нарастать.

Необходимо не на словах, а на деле перейти к инновационному типу развития, провести новую индустриализацию, структурную перестройку в рамках несырьевого развития экономики:

- изменить модель отношений между федеральным и региональными бюджетами в пользу большей их самостоятельности и наполнения доходной части;
- снизить налоги на предприятия, особенно в части уплаты НДС, налога на прибыль и отчислений в социальные фонды;
- ввести прогрессивную шкалу налога на доходы физических лиц;
- снизить ставку рефинансирования Центрального банка;
- пересмотреть тарифы на услуги естественных монополий в сторону понижения;
- раскупорить «кубышки» Резервного фонда и фонда Национального благосостояния и направить средства на структурную перестройку и модернизацию экономики России;
- создать национальную платежную систему;
- развивать Таможенный союз и ЕвразЭС, а также активизировать участие России в международных экономических организациях АТЭС и ШОС, особенно в связи с экономическими санкциями ряда стран.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.04.2014).
2. Московский экономический форум (оценки экспертов). URL: <http://www.meforum.ru> (дата обращения: 18.04.2014).

УДК 005.521

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИИ КОРПОРАТИВНОГО СЕКРЕТАРЯ В РОССИИ

Л.Н. Леванова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: levanova1@mail.ru

Статья посвящена особенностям становления профессии корпоративного секретаря в российских корпорациях. Автор выявляет специфику функционирования корпоративных секретарей в странах Европы, а также основные черты их функционирования в современных условиях в России. Также выявляются профессиональные и личностные качества корпоративных секретарей и их несоответствие требованиям и Кодексу корпоративного управления.

Ключевые слова: корпоративный секретарь, корпоративное управление, Кодекс корпоративного управления.

FEATURES OF THE PROFESSION OF CORPORATE SECRETARY IN RUSSIA

L.N. Levanova

The article is devoted features profession formation of corporate secretary in Russian corporations. The author reveals the specifics of the operation of corporate secretaries in European countries, as well as the main features of their functioning in the present conditions in Russia. Also identifies professional and personal qualities of Corporate Secretaries and their non-compliance and the Code of Corporate Governance.

Key words: Corporate Secretary, Corporate Governance, Corporate Governance Code.

Фраза «Semper vigilans», что означает «Всегда начеку, всегда бдительный», написана на гербе Британского института дипломированных секретарей (ICSA The Institute of Chartered Secretaries and Administrators), основанного в 1891 году для представления интересов новой группы специалистов – секретарей акционерных обществ, узаконенных первым «Законом о компаниях» в 1862 году. Также на гербе изображена птица – секретарь, писчие перья и ключи, символизирующие функции секретаря как хранителя регистратора ценной информации. Уже в 1902 году ICSA была пожалована Королевская грамота за его вклад в развитие корпоративного управления в Великобритании [1, с. 51].

Не удивительно, что, несмотря на активное развитие профессии корпоративного секретаря в – он достаточно распространен и присутствует в 57% публичных компаний ЕС, Великобритания является единственной страной, где должность корпоративного секретаря является обязательной для акционерных обществ (рис.1 [2, с. 8]).

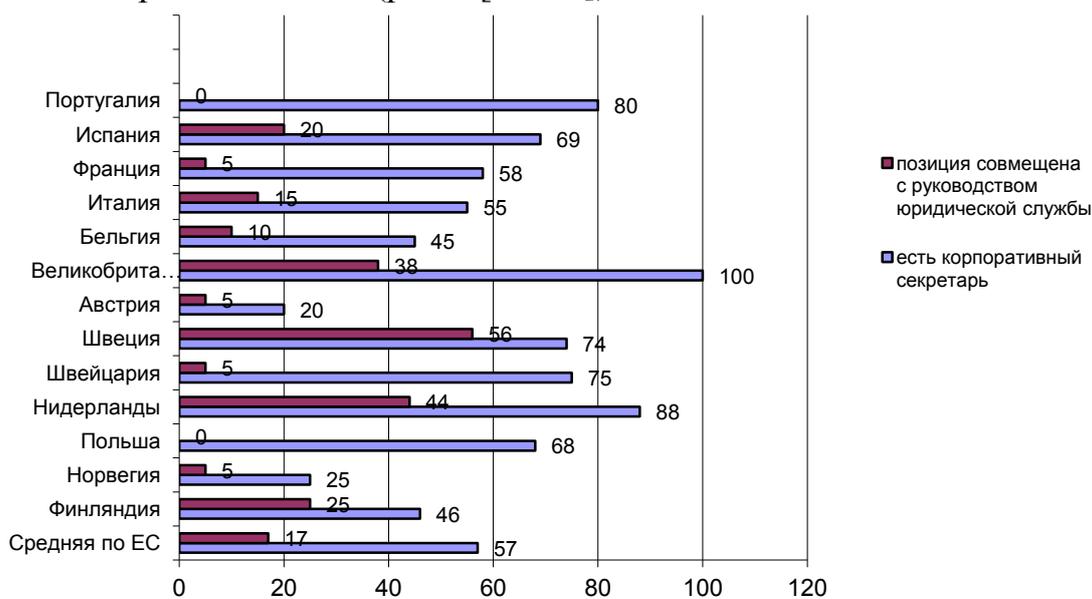

Рис. 1. Статистика применения института корпоративного секретаря в европейских компаниях, 2011 г.

Россия не может похвастаться таким опытом, так как бизнес сообщество узнало о таких профессионалах только с выходом первого национального Кодекса корпоративного управления в 2002 году.

На сегодняшний день компании по-разному понимают специфику деятельности и статус корпоративного секретаря. В одних компаниях корпоративный секретарь подчиняется совету директоров, в других – одному из топ-менеджеров компании в качестве руководителя соответствующего структурного подразделения аппарата управления компании. Кроме того, должность специалиста, реализующего функции корпоративного секретаря, называется в компаниях по-разному. Зачастую функции корпоративного секретаря отданы юридическому департаменту, что ограничивает функционал должности корпоративного секретаря и делает его статус неполноценным. Ограничения при реализации функций корпоративного секретаря вносят и отсутствие людских и финансовых ресурсов. Так, только в 23% компаниях, где работают корпоративные секретари – члены НОКС, участники IV Международного Форума корпоративных секретарей (всего 83 респондента) создана отдельная позиция со штатом и бюджетом. А в 41% случаев функции корпоративного секретаря выполняют члены исполнительного руководства, что совсем противоречит статусу корпоративного секретаря в мировой практике корпоративного управления и Кодексу корпоративного управления в России (рис. 2 [3, с. 63]).

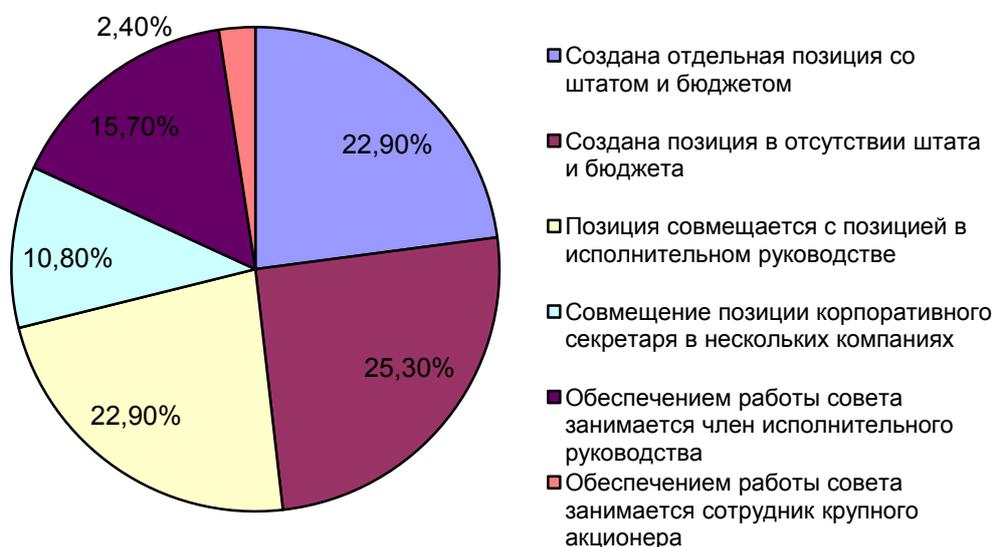

Рис. 2. Статус корпоративного секретаря в российских компаниях

Кроме того, несмотря на огромное количество обязанностей корпоративного секретаря по всем блокам корпоративного управления, в большинстве компаний по результатам опроса 66 корпоративных секретарей, представляющих как крупные, так и небольшие компании

самых разных отраслей экономики, аппарат корпоративного секретаря в большинстве компаний составляет менее 3-х человек (рис. 3 [4, с. 6]).

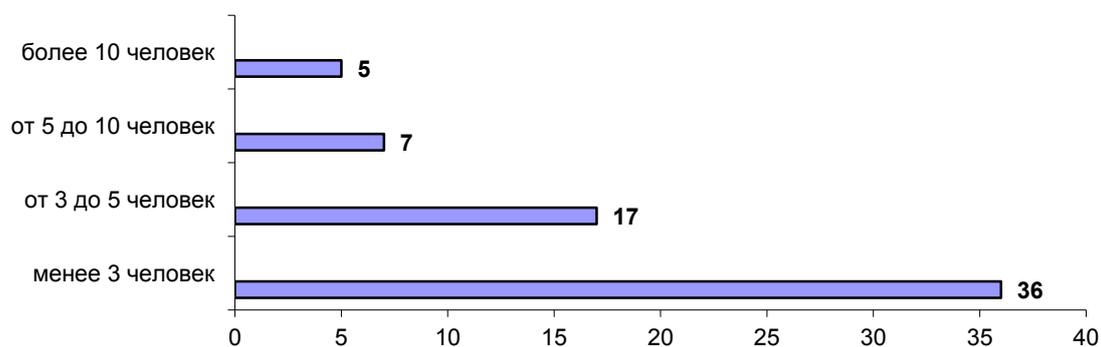

Рис. 3. Распределение компаний по количественному составу корпоративного секретаря

То есть, можно предположить, что в отдельных компаниях корпоративный секретарь работает вообще без помощников, что, несомненно, затрудняет его работу по всем направлениям и приводит к тому, что деятельность корпоративного секретаря ограничивается исключительно процедурными вопросами, то есть подготовкой документов к общим собраниям акционеров и заседаниям совета директоров. И, как видно из рисунка 3, только в 5 компаниях количество подчиненных у корпоративного секретаря превышает 10 человек.

Но вследствие принятия новой редакции Кодекса корпоративного управления 13 февраля 2014 года и модернизации гражданско-правового законодательства резко возрастает роль корпоративного секретаря в развитии системы корпоративного управления в компании. Новый Кодекс корпоративного управления не ограничивается только введением в российское корпоративное управление внедрением лучшей международной практики корпоративного управления (*corporate governance best practices – CGBP*), а нацелен на повышение корпоративного управления в российских компаниях с учетом российской специфики бизнеса и тех корпоративных конфликтов, которые наблюдались за последние 20 лет в российских компаниях. И разработчики кодекса предусмотрели в нем специальную главу, посвященную роли и специфике деятельности корпоративного секретаря в российских компаниях.

Важность данной должности для системы корпоративного управления подчеркивается тем, что его функции касаются всех блоков корпоративного управления: права акционеров, органы управления, раскрытие информации, социальная ответственность.

В соответствии с данным подходом зоны ответственности корпоративного секретаря можно разделить на четыре блока:

1. Обеспечение подготовки и проведения общих собраний

- акционеров общества;
2. Организация работы совета директоров общества и комитетов совета директоров;
 3. Обеспечение раскрытия информации на рынке ценных бумаг;
 4. Взаимодействие с акционерами общества, участие в реализации корпоративных процедур, затрагивающих права акционеров.

В рамках зон ответственности корпоративного секретаря могут быть сформулированы следующие задачи:

- Контроль организации работы коллегиальных органов.
- Взаимодействие с акционерами, членами совета директоров и высшим менеджментом.
- Контроль раскрытия информации.
- Контроль реализации процедур, связанных с правами акционеров.
- Повышение уровня корпоративного управления и совершенствование корпоративной культуры компании.

Также одной из задач корпоративного секретаря является последовательное совершенствование системы корпоративного управления акционерного общества, которая распадается на две подзадачи:

- Обеспечение соблюдения в практике компании норм и требований корпоративного законодательства, осуществляющиеся путем мониторинга изменений, вносимых в корпоративное законодательство; контроля за соблюдением требований корпоративного законодательства; критического анализа сложившихся практик;
- Совершенствование системы корпоративного управления на основании рекомендаций «лучшей практики корпоративного управления» посредством отбора тех из них, которые отвечают интересам конкретной компании и ее акционеров; закрепления соответствующих добровольно принимаемых на себя обязательств в уставе и внутренних документах акционерного общества; последующего неукоснительного выполнения таких обязательств.

Таким образом, большую работу корпоративный секретарь проводит в рамках контроля исполнения (compliance) и выполняет свои обязанности во многих подразделениях органов корпоративного управления, что отражает рисунок 4 [3, с. 14].

Рис. 4. Структуры, в которых корпоративный секретарь выполняет функцию секретаря

Следовательно, из огромного объема обязанностей и функций корпоративного секретаря вытекают его необходимые профессиональные и личностные качества, которым должен обладать человек, претендующий на данную должность. И что необходимо отметить, объем данных качеств разнообразный и обширный.

66 секретаря НОКС было предложено выбрать 3 из 5 предложенных характеристик: навыки организатора; коммуникационные качества, умение работать с конфиденциальной информацией, креативность, исполнительность. В результате наиболее необходимыми качествами, по мнению самих секретарей, являются организационные качества, коммуникационные навыки и исполнительность (рис. 5 [4, с. 6]).

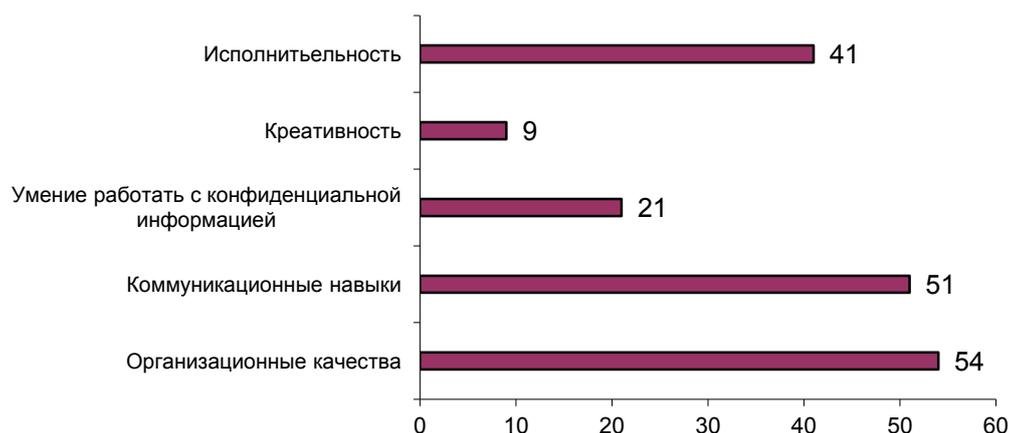

Рис. 5. Приоритеты деловых качеств сотрудников аппарата корпоративного секретаря

Что касается профессиональных требований, то в рамках Кодекса корпоративного управления на должность корпоративного секретаря рекомендуется назначать лицо, имеющее высшее юридическое, либо экономическое или бизнес – образование, стаж работы не менее 5 лет, в

том числе стаж работы в области корпоративного управления или руководящей работы – не менее 2 лет. Корпоративный секретарь должен обладать безупречной репутацией.

Таким образом, несмотря на прописанные требования к данной должности в Кодексе корпоративного управления, образ корпоративного секретаря еще формируется в России. Зачастую работодатель смешивает функции корпоративного секретаря и корпоративного юриста, не устоялись еще системы оценки и вознаграждения корпоративных секретарей. Но, несомненно одно – необходимость российских корпораций в людях данной квалификации и выполняющих столь разнообразную систему функций нарастает, что способствует развитию и формированию профессии корпоративного секретаря в России.

Библиографический список

1. Меркулова О.В. Корпоративный секретарь в Великобритании // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2014. №11 (126). С. 49-53.
2. Швырков О.Г. Корпоративное управление как инструмент роста инвестиционной привлекательности компаний // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2013. №10. С. 4-9.
3. Результаты опроса корпоративных секретарей // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2012. №12. С. 62-64.
4. Как развивается институт корпоративных секретарей российских компаний. // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2013. №9. С. 4-14.

УДК 330.16

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.А. Максимов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: maxvad53@yandex.ru

В статье анализируется экономическое поведение хозяйствующих субъектов в российской экономике. Отмечено, что инвестиционная и инновационная активности имеют конъюнктурный характер. Подчеркивается не циклический характер экономического поведения, а структурный, сотворенный регулятивными органами.

Ключевые слова: Рациональность, нерациональность, иррациональность, принятие решений, экономические действия, поведение регулирующих органов, мотивация, спекулятивная и квази-рыночная экономика.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF ECONOMIC BEHAVIOR OF ECONOMIC ENTITIES IN SCIENTIFIC RESEARCH

V.A. Maximov

In this article analyzed an economical behavior of business units in Russian economy. It should be noticed that the investment and innovative activities have market nature. Structural character of economical behavior neither cyclical character, made by regulating organs is emphasized.

Key words: rationality, irrationality, decision-making, economic activity, regulating organs behaviour, motivation, speculative and quasi-market economy.

Методологические основания. Субъективные предпочтения исходят из очевидности, из объективности наблюдаемого мира, но насколько индивиды верно его оценивают как во времени, так и в пространстве? Или насколько рационально наше суждение об окружающей среде и поступках других людей? Поддаётся ли нерациональное (иррациональное) действие рациональному объяснению, и не содержит ли оно, в свою очередь, субъективную компоненту? В науке это известно как парадокс «дурной» бесконечности или нескончаемой редукции. Некоторым выходом из такого состояния в эпистемологии виделся набор аксиом или априорных установок (по Д. Юму-И. Канту). Классики политической экономии – от А. Смита до А. Маршалла – настаивали, что на глубинном уровне (позже стали говорить, на бессознательном) индивидами движут инстинкты, и поведение дихотомно: биологично и социально. Е. Бём-Баверк отмечал: из мотивов наших действий «можно насчитать только два (эгоизм и альтруизм)» [1, с. 354]. Повторюсь, насколько такие экзистенциальные состояния рациональны для себя, и в какой степени иррациональны для окружающих? Не случайно А. Маршалл писал: «Меккой экономиста является, скорее, экономическая биология... Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем думают в своей повседневной жизни. Но предметом ее исследования являются, главным образом, те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» [2, с. 53, 69].

В начале XX века в поисках микрооснований, экономисты обращались и испытывали большое влияние социальной философии (социальной антропологии). Дж. М. Кейнс, следуя взглядам Д. Мура, пишет сочинение «Этика применительно к поведению», которая послужила прологом к «Трактату о вероятности». Ф. Хайек входил в состав «Венского кружка», в рамках которого обосновывались ценностные принципы человеческого поведения. Научному сообществу были представлены гипотезы, объяснявшие поведение и рациональные

действия, зависящие от структуры выбора: бытие являет себя через взаимоотношения, конкретно через ситуацию (Хайдеггер), через энергетику и волю (А. Шопенгауэр: «Воля есть мостик, связывающий разум с действием»), нормативные и правовые регулярности (Р. Штаммлер), через динамику познавательных способностей (Ж. Пиаже), через эмоции и воображение (Э. Мах), через структуру представлений (К. Левин). К. Левин многократно повторял: субъект изменяет объект наблюдения, «срез» (карта территории) не дает целостной картины во времени и пространстве, т.е. довоображает его [3, с. 65]. Априорность необходима, указывал Т. Веблен: «...основные черты человеческой природы (предрасположенность, склонности и т.д.), благодаря, которым возникает ответная реакция и привыкание, остаются, в сущности, неизменными» [4, с. 86]. Представляется, что полузабытые постулаты К. Менгера в отношении человеческих действий, покоящихся на генной основе, приложимы к анализу современных экономических процессов. Он отмечал, что «Причина... равнодушия [практических деятелей]... в настоящем положении самой науки, в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постичь ее эмпирические основания... наши потребности вытекают из влечений, последние же коренятся в нашей природе... забота о нашей жизни и нашем благосостоянии... является самым важным из всех человеческих стремлений, как предположение и основа всех остальных». Тем самым выделяются: экономическая безопасность, экономическое благополучие и экономическое удовольствие. Органично для современной поведенческой экономики и реальной политической экономии, звучат слова: «человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних, составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства» [5, с. 34, 60, 89]. Разумными, а не рациональными, следствиями выбора являются действия, инвестиции и инновации.

Теоретические основания и презентация экономического поведения в российских исследованиях. Научное представление о действиях хозяйствующих субъектов на протяжении 90-х годов XX века сводилось к констатации поиска ренты (seeking rent). Это объяснялось неэкономическими мотивами, переходной, псевдорыночной фазой развития, нечеткими институтами, переделами собственности. Глубокое освещение этим процессам дал Ж. Тироль (тогда еще не Нобелевский лауреат) в серии статей, продолжающих его основополагающую работу [6]. Итогом российской дискуссии стала статья О. Сухарева о модификации такового вида экономического поведения, представлявшей «новаторов рентного пути» [7, с. 41]. Чуть ранее В. Полтерович определяет поведенческие мотивы (с ограниченной рациональностью по Г. Саймону) и поведенческие финансы (в виде постановки проблемы). Неопределенность в смысловом и эмпирическом определении мотивов

поведения выделили И. Гурков (что такое инвестиционное поведение), В. Кабалина, С. Кларк (каковы источники инновационного поведения), Л. Макаревич (мотивы государственной экономической политики и принуждения к инвестициям), К. Ильчук (организационные мотивы и цели высшего менеджмента). Общий анализ организационного поведения делает Г. Клейнер [8, 9, 10, 11, 12, 13].

С середины 2000-х годов экономическое поведение стали рассматривать системно, структурно и ценностно. Обсуждаются проблемы эффективности культуры принятия решений в российской экономике. На фоне бурного экономического роста, отмечаются негативные факторы в действиях, прежде всего, промышленных предприятий. Поведение «не вписывается в стандарты» нормативных предписаний рынка. Инвестиционный бум – хаотичен, без какого либо расчета рисков, огромные вложения в непрофильные активы – неэффективны. С другой стороны недостаток инвестиций, вследствие оттока капитала из-за «экономической неуверенности» (по К. Менгеру) в легитимности собственности и существования «плохих» институтов («предвзятое» налогообложение, легкая возможность силового рейдерства), неправильная селекция информации. Создается «спекулятивная» экономика. Внутреннее поведение в корпорациях чрезмерно администрировано, а эффективность государственных компаний и организация государственного регулирования поставило страну в рейтингах международной конкурентоспособности на 100-е места.

В связи с кризисом внимание сосредоточилось на иных аспектах поведения, возможно, связанных с цикличностью экономического роста. Пристально обсуждаются источники инвестиций, их структура и форма. Большинство экономистов настаивает на модернизации (новой индустриализации), позволяющей «освободить» поведение. В. Карачаровский обосновывает «технологический пат» (по Г. Меншу), то есть – псевдоинновации, которых большинство в России. Он подчеркивает, что даже в период спада, инвестиции, направленные в НИОКР (R&D), во Франции достигают 70%, Германии – 50%, а в России – только 10%. Обратная пропорция наблюдается в приобретении оборудования: Россия – 60%, Франция – 10% , Германия – 25% [14, с. 59]. Такую же тенденцию выделяют В. Вишневский и В. Дементьев: плохой отбор приоритетов инвестирования, господство «коротких правил» взаимодействия. В таком же ключе рассматривает поведение А. Скоробогатов: существующие институты влияют на интенсивность и направление инноваций, причем у инновационной деятельности другая мотивация: оригинальность продукта, а не рутинизация производства. Такая тональность усиливается на фоне резкого падения российского ВВП, в 2010 году и способствует расширению изучения поведенческих аспектов. В. Карачаровский отмечает «отсутствие, сколько-нибудь заметно, представленного

экономического поведения, ориентированного на получение результата инновационного роста. Резко падает доля НИОКР и затрат на технологические инновации, отчетливо проявляется «минимально выраженное стремление повысить конкурентоспособность за счет исследований и разработок... изъятие средств у предприятий на выплату дивидендов, финансовые вложения... высокий интерес к участию во внешних бизнес-структурах» [15, 16, 17].

В России сформировалась псевдоинновационная система, т.к. нет стимулов к развитию, а макроэкономические показатели маскируют процессы деградации. Инвестиции закладываются в новые импортные машины и оборудование, а не в новые технологии, происходит имитация НИОКР. В других авторских исследованиях отмечается зависимость инноваций от существующих объемов инвестиций, что нет стимулов к обновлению изношенных фондов, причем эти стимулы не правильно осознаются; не прослеживается корреляция экономической активности, в т.ч. инновационной с экономическим благосостоянием регионов. Не удовлетворенность национального инновационного процесса проявляется в том, что по импорту технологий мы отставали от Германии на 2011 год в 27 раз, от США – в 25 раз. Доля инновационной продукции в промышленности снизилась с 30-40% в 1990 году, до 4,5% в 2010 году. Актуальной является роль государства в активизации инвестиционной деятельности, но она приходится в основном на сферу строительства, или обновления крупных объектов. Привлечение иностранных инвестиций выдвигалось правительством, как необходимый фактор модернизационного роста, но при этом совершенно не просчитывался циклический характер мировой экономики. Динамика иностранных инвестиций отражена ниже (таблица 1).

Табл. 1. Динамика иностранных инвестиций за период 2000-2010 гг. [18, 19]

	Ед. изм.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Иностранные инвестиции – всего	млн. долл.	10958	53651	55109	120941	103769	81927	14746
	в % к итогу	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
В том числе: прямые инвестиции	млн. долл.	4429	13072	13678	27797	27027	15906	13810
	в % к итогу	40.4	24.4	24.8	23.0	26.0	19.4	12.0
портфельные инвестиции	млн. долл.	145	453	3182	4194	1415	882	1076
	в % к итогу	1.3	0.8	5.8	3.5	1.4	1.1	1.0
прочие инвестиции	млн. долл.	6384	40126	38249	88950	75327	65139	99860
	в % к итогу	58.3	74.8	69.4	73.5	72.6	79.5	87.0

В 2013 году в РФ пришло уже более 170 млрд. долл., но взносы в капитал предприятий не превышали 6% (10 млрд. долл.). Такое фактическое состояние требует приемлемого объяснения. Может быть, существуют национальные особенности инновационной и инвестиционной деятельности? Или это структурный, системный порок сырьевой экономики. Возможно, такое поведение вытекает из дисбаланса сбережений и инвестиций [20, с. 5]. Валовые инвестиции в мире и России, за 10 предшествующих кризису лет, представлены в таблице 2.

Табл. 2. Динамика валовых инвестиций в мире и России за период 2000-2008 гг. (в % к ВВП) [21, 22]

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Австралия	22.0	22.9	24.8	25.4	25.8	27.0	26.9	28.3	29.7
Германия	21.5	20.0	18.3	17.9	17.5	17.4	18.2	18.7	19.0
Япония	25.2	24.7	23.3	22.8	22.7	23.3	23.5	23.4	23.1
Корея	31.1	29.5	29.1	29.9	29.5	29.3	29.0	28.5	29.3
Норвегия	18.4	18.1	17.9.	17.3	18.0	18.8	19.6	21.3	20.8
Португалия	27.1	26.5	25.0	22.9	22.6	22.2	21.7	21.8	21.7
США	19.9	19.2	17.9	17.9	18.5	19.2	19.3.	18.9	17.9
ЕС-27	20.6	20.2	19.6	19.4	19.6	20.0	20.7	21.3	21.1
Бразилия	16.8	17.0	16.4	15.3	16.1	15.9	16.4	17.5	18.7
Китай	34.3	34.6	36.3	39.2	40.6	41.0	40.7	40.1	41.1
Индия	22.9	23.3	23.7	24.4	27.5	30.4	32.0	34.0	34.5
Россия	16.9	18.9	17.9	18.4	18.4	17.7	18.5	20.7	21.5
В среднем	22.1	21.7	21.3	21.4	21.8	22.4	23.0	23.4	23.1

Удельный вес валовых инвестиций ВВП России на протяжении 2000-2009 гг. соответствовал показателям развитых европейских стран и США, а индексы физического объема инвестиций в основной капитал практически представляли двузначные темпы роста. Но при этом важно скорее качество, а не количество, а именно, состояние основных производственных фондов. По мнению А. Алексеева 50% износа – это признак простого воспроизводства, более 50% – суженного, а 45-46% – на грани [23, с. 74].

Табл. 3. Степень износа основных фондов (в % на конец года) [24]

	1992	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Все основные фонды	2.5	9.5	9.3	5.2	6.3	6.2	5.3	5.3	7.1	7.9	7.7	7.7

Конечно, напрашивается вывод, что объём инвестиций в России недостаточен, но более актуален другой подход к поведению: ценностный. Нуждаются ли субъекты рынка в ускоренном накоплении? Повышение нормы накопления принципиально означает снижение нормы потребления. К чему это может привести в экономической политике государства для общества, бизнеса и домохозяйств есть ответ в мировой и российской истории XX века. Казалось бы, что спрос на инвестиции ограничивается низким конечным спросом на продукцию, но лишь 19% руководителей предприятий считали этот фактор значимым. Статистический бюллетень 2011 г. зафиксировал, что чуть более половины отечественных предприятий приобретают основные средства. Бизнес нуждается в другой манере правительства: негосударственные компании, МСБ предъявляют спрос на институты, позволяющие свести инвестиционный риск к минимуму.

2013-2014 гг. мнение экономистов, аналитически указывающие на «неправильное» поведение экономических агентов, склоняются к общему выводу: главным фактором является действие правительства. Количественно это подтверждается затухающими темпами инвестиций в основной капитал (в годовом и квартальном измерении). Прирост кредитных средств, предоставленных нефинансовым организациям, замедлился на 01.01.2013 года до 12,7%, против роста на 24,7% на 01.06.2012 года, хотя средневзвешенная ставка снизилась с 9,5% до 9,1%. Индекс предпринимательской уверенности остался в минусовом выражении [25]. Инновационная составляющая высокотехнологичных отраслей (к которым относят собственное производство машин, оборудования, транспортных средств, электронных компонентов, оптики) в абсолютном выражении составило 6,7 млрд. долл., или 1,7% во всех

инвестициях (справочно: в США вкладывалось в эти отрасли 52,7 млрд. долл.). Значимо выделение организаций, осуществляющих технологические инновации. Их число стабильно последние 10 лет – от 9,3% до 9,6%, но ниже чем в 200 году (10,6%). Значит, частный капитал не имеет интереса. Для сравнения в Германии таких организаций свыше 60%. Большая часть затрат на R&D (65%) в России приходится на государство и в этом Россия входит в тройку мировых лидеров. Исследователи подчеркивают, что существующие стремления государства поддерживать инновационный процесс, упирается в его же проводимую экономическую политику [26, 27]. По сути, ему же вторят Т. Кузнецова и В. Рудь: недостаток технологических инноваций действительно велик, то что же говорить о организационных и маркетинговых нововведениях в промышленности – их меньше почти в три, четыре раза. Роль и эффективность корпоративного менеджмента, по их мнению, весьма консервативна и слишком традиционна. Удручающе выглядит индекс важности таких инноваций для организации отечественного приборостроения (по организационным – минус 0,3, по процессным – близко к нулю). По проводимым опросам, стратегия предприятий по их окупаемости ориентирована на 6 месяцев – 1 год (81% и 84% соответственно) [28, с. 86].

Вывод: на российских рынках доминируют режимы конкуренции, не стимулирующие напрямую, инновационную активность, если их к этому жестко не подталкивает государство, или не создает чрезвычайно льготные условия. Но и эта форма активности имеет конъюнктурный характер. Можно согласиться с оценкой Института стратегических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ, что расчет на сиюминутное изыскание выгоды, может привести, к 2020 г., к кумулятивным потерям для России 6,5% годового ВВП. Эта перспектива подчеркивает не циклический характер экономического поведения, а структурный, сотворенный регулятивными органами. Данную оценку, по сути, подтверждает глава МЭР А. Улюкаев: «...наверное, мы попали в идеальный шторм» (подразумевается, что для России затяжной спад или двухпиковый кризис – неповторимое явление, и что тут ничего не поделаешь), «наверное, это неслучайно, потому что, в каком-то смысле, этот шторм мы сами и готовили» [29]. Бывший министр финансов РФ А. Кудрин, предлагая новые институциональные преобразования, на различных форумах неоднократно указывал, что у правительства «искаженная мотивация» и близорукая тактика [30, с. 21, 24].

Библиографический список

1. Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии. М., 1992. 354 с.
2. Маршалл А. Принципы политической экономии / Пер. с англ. Р.И. Столпера, общ. ред. С.М. Никитина. М.: Издательство Прогресс, 1983. 416 с.

3. Левин К. Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. СПб.: «Сенсор», 2000. 368 с.
4. Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. 2007. №7. С. 99-117.
5. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992. С. 31-242.
6. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации в промышленности. СПб.: Экономическая школа, 1996. 745 с.
7. Сухарев О. Эволюционная макроэкономика в шумпетерианском прочтении (к новой системе взаимодействия "новатора и "консерватора) // Вопросы экономики. 2003. №11. С. 41-52.
8. Ильчук К. О влиянии структуры совета директоров российских компаний на их эффективность // Общество и экономика. 2007. №9. С. 8-19.
9. Гурков И. и др. Инновационная деятельность российских промышленных предприятий // Вопросы экономики. 2002. №7. С. 71-80.
10. Кабалина В., Кларк С. Инновации на постсоветских промышленных предприятиях // Вопросы экономики. 2002. №7. С.18-33.
11. Макаревич Л. Итоги 2004 года заставляют правительство усилить государственное регулирование экономики // Общество и экономика. 2005. №1. С. 3-30.
12. Клейнер Г. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2003. №10. С. 47-69.
13. Клейнер Г. Системная структура экономики и экономическая политика // Проблемы теории и практики управления. 2006. №5. С. 8-21.
14. Карачаровский В. Долговременные тенденции развития инновационного сектора // Экономист. 2010. №11. С. 59-68.
15. Вишневский В., Дементьев В. Инновации, институты и эволюции // Вопросы экономики. 2010. №9. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n9_2010.html#an4 (дата обращения: 01.04.2015).
16. Скоробогатов А. «Особый путь» России и стимулирование инновационной деятельности // Вопросы экономики. 2009. №2. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n2_2009.html (дата обращения: 01.04.2015).
17. Карачаровский В. Стратегические изменения в российской инновационной системе // Общество и экономика. 2012. №5. С. 5-24.
18. Сайфиева С., Ермилина Д. Финансовые источники воспроизводства основного капитала // Экономист. 2012. №11. С. 21-37.
19. Россия в цифрах 2011: Краткий статистический сборник. М., 2011.
20. Григорьев Л, Иващенко А. Мировые дисбалансы сбережений и инвестиций // Вопросы экономики. 2011. №6. С. 4-19.
21. Алексеев А. Новая индустриализация: оценка потребности в накоплении // Экономист. 2012. №3. С. 29-41.
22. OECDFactbook 2010. URL: <http://www.oecd.org/std/oecd factbook2010 focusesoncausesandconsequencesofcrisis.htm> (дата обращения: 01.04.2015).
23. Алексеев А. Модернизация российской экономики: кто оплатит счет? // ЭКО. 2015. №1. С. 74-86.
24. Россия в цифрах – 2014. URL: http://www.gks.ru/metod/xml/XML_plan_2014.htm (дата обращения: 17.03.2015).
25. Россия в цифрах – 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/Main.htm (дата обращения: 17.03.2015).
26. Данные Росстата. URL: [gks.ru](http://www.gks.ru) (дата обращения: 01.04.2015).

27. Алексеев А., Кузнецова Н. Инновационный потенциал реального сектора: неутраченные иллюзии? // Экономист. 2013. №12. URL: <http://www.economist.com.ru/arc2013/e2013-12.htm> (дата обращения: 01.04.2015).
28. Кузнецова Т., Рудь В. Конкуренция, инновации и стратегии развития российских предприятий // Вопросы экономики. 2013. №12. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n12_2013.html#an5 (дата обращения: 01.04.2015).
29. Об идеальном шторме. ЭКСПЕРТ online. URL: <http://expert.ru/expert/2015/01/ob-idealnom-shtorme/> (дата обращения 17.03.2015).
30. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. №12. URL: http://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/kudrin_vopreco_12-2014.pdf (дата обращения: 01.04.2015).

УДК 658.8.012.12

ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО МЕДИАМАРКЕТИНГА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СФЕРЫ УСЛУГ

Е.С. Милинчук

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: solmirina@inbox.ru

Статья посвящена особенностям использования инструментов социального медиамаркетинга на предприятиях сферы услуг. В статье рассмотрены возможности использования маркетинга в социальных сетях и обобщен опыт их использования в России. Обращается внимание на то, что технологии, позволившие организовать коммуникации посредством социальных платформ, определяют качественное совершенствование деятельности сервисных предприятий.

Ключевые слова: Интернет-маркетинг, маркетинговые инструменты, продвижение, социальная сеть, социальный медиамаркетинг.

THE TOOLS OF SOCIAL MARKETING IN SERVICE BUSINESSES

E.S. Milinchuk

This article is devoted to peculiarities of the use of tools of social marketing in service businesses. The article considers the possibilities of using social media marketing and experience of their use in Russia. Draws attention to the fact that the technologies, allowing to organize communication through social platforms, determine the quality improvement activities of service companies.

Key words: Internet marketing, marketing tools, promotion, social network, social media marketing.

Большую роль в современном обществе играют информационные технологии и различные телекоммуникационные связи. В настоящее время

Россия занимает седьмое место в мире и второе в Европе после Германии по количеству пользователей сети Интернет. Ежедневно как минимум один раз в интернет выходит 56,3 млн. человек, то есть 48% населения России (старше 18 лет). При этом 80% дневной аудитории русскоязычного интернета проявляют активность в социальных сетях. Лидером по проникновению социальных сетей оказался Северо-Западный федеральный округ – 67%. За ним следуют Уральский (63%) и Центральный (61%) округа. Самое большое количество времени пользователи проводят на сайте «ВКонтакте» – среднее время составляет 42 минуты, за ним следует Facebook – 30 минут. Если учитывать, что многие зарегистрированы на всех сервисах, то в среднем в день человек уделяет 2 часа 18 минут социальным сетям [1].

В настоящее время социальные сети являются достаточно мощным инструментом маркетинговых исследований, а для разных видов рекламы многие характеристики социальных сетей являются большим преимуществом в сторону выбора этих сетей в качестве площадки. Большую роль играет непосредственный контакт с целевой аудиторией и потенциальными клиентами. При этом можно четко определить группу пользователей, которых заинтересует рекламное объявление, поскольку необходимая информация о потенциальных клиентах, как правило, представлена в их профилях (например, пол, возраст, профессия, образование, место жительства и др.). Многие эксперты считают, что продвижение товаров и услуг в социальных сетях – это наиболее удобная и популярная форма, а также наиболее быстрый способ для пользователя выразить свое отношение к тому или иному бренду. По данным международных исследований 78% пользователей социальных медиа верят рекомендациям, оставленным другими участниками сети, и только 14% потребителей доверяют рекламе.

С возрастанием популярности социальных сетей появилось понятие «социальный медиамаркетинг» (SMM) – новый эффективный инструмент продвижения товаров и услуг. Социальный медиамаркетинг можно определить как привлечение внимания к бренду или определенному продукту компании через социальные платформы, когда социальные медиа используются в качестве каналов для продвижения предприятия на рынок.

Социальный медиамаркетинг представляет собой комплекс мер, направленных на привлечение из социальных сетей заинтересованных посетителей на сайт компании путем маркетинга и PR в социальных медиа. SMM позволяет рекламодателю выйти на новый уровень поиска и наладить взаимодействие с разными целевыми аудиториями там, где им удобнее. С помощью SMM можно решить такие задачи, как продвижение бренда, повышение лояльности и известности, увеличение посещаемости сайта.

Многие инструменты интернет-маркетинга уже давно хорошо известны. К ним относят сайты компаний, различные методы продвижения (поисковая оптимизация, контекстно-медийная реклама, баннерная реклама, видео реклама, вирусный маркетинг), интернет-каталоги, электронную почту, партнерские программы. При этом в поисковой выдаче определяющее влияние имеют поведенческие факторы, такие как время, проведенное на странице, количество просмотренных страниц ресурса [2, с. 8].

1. Социальные сети активно используются при выводе на рынок новых продуктов и для повышения узнаваемости брендов. Они позволяют получать обратную связь от аудитории и влиять на ее мнение. Кроме того, социальные сети можно успешно использовать для консультаций клиентов. Подобная организация работы снижает расходы на call-центр и увеличивает лояльность клиентов. Мониторинг социальных сетей позволяет оценить то, как аудитория воспринимает бренд, изучить работу конкурентов и определить будущую стратегию взаимодействия с клиентами [3, с. 36-41].

Основным преимуществом социального медиамаркетинга является малая стоимость вложений по сравнению с возможным эффектом от проведенных маркетинговых мероприятий. В отличие от электронной почты, в которой сообщение адресуется известной и конкретно определенной группе людей, маркетинг в социальных сетях позволяет выйти за пределы данной аудитории и привлечь внимание миллионов пользователей, что позволяет узнавать о товарах, услугах или брендах абсолютно новой аудитории. При этом маркетинг в социальных сетях также обеспечивает возможность непосредственного общения с клиентами путем создания доверия. Клиенты используют социальные сети для того, чтобы получить ответы на вопросы о товарах и услугах, найти кратчайший путь к службе поддержки клиентов, получать информацию о распродажах и специальных предложениях и др.

Продвижение в социальных сетях позволяет точно воздействовать на целевую аудиторию, выбирать площадки, где эта аудитория в большей степени представлена, и наиболее подходящие способы коммуникации с ней, при этом в наименьшей степени затрагивая незаинтересованных в этой рекламе людей.

Социальные сети можно классифицировать на несколько групп:

1. Социальные сети общего формата (например, «В Контакте», «Одноклассники», «Facebook»). В таких сетях людей не связывают общие интересы или какая-либо совместная деятельность. Эти сети созданы в первую очередь для коммуникативных целей, т.е. для общения с друзьями, родственниками, знакомыми и коллегами. Пользователи часто выкладывают в сеть фотографии с отпуска или других мероприятий,

видеоролики, музыку и многое другое. Активно используются приложения.

2. Профессиональные социальные сети (например, «Профессионалы», «Мой круг», «LinkedIn»). Такие сети созданы исключительно для общения среди представителей определённых профессий. Профессиональные социальные сети позволяют найти сотрудников или наоборот работу, наладить контакт с представителем определённой компании, разместить корпоративную новость или пресс-релиз и воспользоваться многими другими возможностями.

3. Социальные сети по интересам. Общие интересы или интерес к конкретной деятельности порождают образование определённых социальных сетей, где пользователи могут пообщаться с единомышленниками. Например, Хабрахабр – самое крупное в Рунете сообщество людей, занятых в индустрии высоких технологий, «Vseturisty» – путешественников.

М. Волп предлагает иную классификацию социальных сетей [4, с. 363-375]. Он выделяет:

1. Publish (публикация) – каждый может публиковать что-либо для всех. К таким сетям относят Twitter, Wikipedia, YouTube;

2. Share (участие) – любой может продвигать что-либо всем. Это, например, новостной сайт Digg, который имеет семь рубрик: «Технологии», «Наука», «Мир и бизнес», «Спорт», «Видео», «Развлечения», «Игры». Русскими аналогами являются «Новости 2.0» и LinkStore;

3. Network (сеть) – любой человек может соединиться с каждым, где угодно. Это такие сети, как: Facebook, MySpace, Одноклассники и пр.

Важно отметить, что аудитория каждой из социальных сетей имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при подготовке маркетинговых мероприятий. Например, аудитория «Одноклассников» оценивается экспертами как более консервативная и зрелая, а аудитория «ВКонтакте», в свою очередь, больше ориентирована на развлечение и общение с друзьями. Среди пользователей Facebook много активных блогеров и предпринимателей. 68% пользователей Instagram составляют женщины. Twitter обладает самой молодой аудиторией пользователей. Google+ является наиболее ориентированной на мужчин социальной сетью. Около половины интернет-пользователей в возрасте 65 лет и старше по-прежнему не используют социальные сети [5].

Также было замечено, что женщины больше предпочитают сервисы с разнообразным контентом, но с явным уклоном в визуальную информацию (фотографии и изображения) – Facebook, «Яндекс. Фотки», «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Мой мир». Мужчины скорее склонны выбирать текстовую и видеoinформацию: их фаворитами являются Twitter, Rutube,

YouTube и LiveJournal. На сервисах «Я.ру» и «Мой круг» пользователей обоих полов практически поровну.

У предприятий сферы услуг имеются несколько способов взаимодействия с социальными сетями. Первый способ является самым распространенным и заключается в присоединении к уже существующей социальной сети. Предприятие может остановить свой выбор на нескольких существующих ресурсах в зависимости от сферы деятельности и характера целевой аудитории. Такие предприятия сферы услуг, как страховые компании, банки, компании в области сотовой связи представлены в наиболее популярных сетях: Одноклассники, ВКонтакте, Facebook и пр.

Следует отметить, что в социальных сетях могут быть представлены разные по величине предприятия. В отчете Агентства поддержки малого бизнеса США говорится, что 61% владельцев небольших фирм используют социальные сети для привлечения новых клиентов, в то время как в крупном бизнесе – только 28% компаний, а в среднем – 36% [6]. Компания может быть представлена в одной или нескольких социальных сетях в зависимости от своих возможностей и необходимости охвата целевой аудитории.

Второй способ заключается в создании собственной социальной сети. Такая сеть может быть создана на сайте компании и представлять собой сообщество пользователей, обсуждающих услуги компании. Например, это корпоративные социальные сети «МТС Лайф 2», «СТС Медиа». Эти сети, конечно, имеют меньшее количество участников по сравнению с первым вариантом, и для малых предприятий сферы услуг этот способ является слишком затратным.

Третьим способом является использование баннерной или контекстной рекламой. При этом отдача от показа контекстной рекламы приблизительно в пять раз выше, чем от показа баннерной. Это связано с тем, что ссылки контекстной рекламы воспринимаются как подсказка или даже рекомендации по интересующей тематике, она вызывает доверие, в то время как графические яркие баннеры однозначно воспринимаются только как реклама, и очень часто вызывают раздражение. Контекстная реклама привлекает заинтересованного посетителя, готового сделать телефонный звонок, или даже сразу оформить заявку на покупку, поскольку потребитель изначально задавался поиском определенного товара или услуги.

Рассмотрим инструменты социального медиамаркетинга.

1. Построение открытых и закрытых сообществ. Сообщество является визитной карточкой компании в социальных сетях. Этот инструмент, позволяет привлечь новых клиентов или работать с уже сформированной базой. Сообщества в социальных сетях позволяют компаниям собирать на собственных площадках потребителей своей продукции, отвечать на их

вопросы, удовлетворять пожелания, тем самым увеличивая их лояльность к своему продукту или бренду, укрепляя положительный имидж в глазах потребителей, увеличивая прибыль и долю рынка. Сообщество бренда упрощает работу предприятий сферы услуг, поскольку включает возможности для решения следующих оперативных задач: распространение информации, сбор потребителей на специальные мероприятия, анонсирование выхода новых продуктов, проведение маркетинговых исследований, выявление предпочтений.

Работа с закрытыми сообществами в социальных медиа для предприятий сферы услуг дает возможность управления удовлетворенностью партнеров и персонала. Приверженцы определенных брендов иногда сами объединяются в виртуальные группы, обсуждают достоинства и недостатки услуг, свои пожелания и идеи, делятся видеозаписями и т.п. Сообщества бренда, построенные по инициативе самой компании, становятся, своего рода, официальными представительствами компании в социальных медиа для общения с аудиторией.

2. Блогосфера. Многие эксперты приравнивают блогосферу к СМИ. Многие компании уже воспользовались этой возможностью для управления потребительскими предпочтениями, информирования широкой аудитории, формирования и поддержания интереса к бренду и для других задач. Работа с блогосферой не ограничивается созданием собственного блога. Один из классических инструментов работы в блогосфере – это работа с лидерами мнений. Лидерами мнений принято называть популярных блоггеров (с большим числом читателей), являющихся экспертами в той или иной области. Это могут быть интернет-журналисты, специалисты в определенной отрасли, а также люди, затрагивающие в своих блогах интересные темы. Корпоративный блог можно рассматривать как имиджевый инструмент, а также канал для распространения информации, проведения конкурсов, формирования сообщества лояльных клиентов. Корпоративный блог может быть в форме тематического блога (например, блог «Технологии для жизни» на сайте <http://ibusiness.ru/>) или «продуктового» блога.

3. Персональный брендинг. Положительная репутация и известность необходимы не только брендам, но и отдельным личностям. Влияние персонифицированной рекламы неоспоримо и для предприятий сферы услуг. В сознании потребителей присутствуют прочные ассоциации между профессиями и людьми, их представляющими (например, дизайн-студия Артемия Лебедева, портал предпринимателя Олега Тинькова). Для того чтобы оказание услуг ассоциировалось у потребителей с профессионализмом сотрудников, необходимо позиционировать их как специалистов не только в деле, но и в общении с потенциальными клиентами.

4. Репутационный менеджмент. Репутация компаний во многом зависит от того информационного поля, которое сформировалось вокруг нее в Интернете. Основным направлением деятельности здесь является работа с отзывами потребителей. Репутационный менеджмент представляет собой комплекс мероприятий по формированию репутации, поддержанию и защите лояльности аудитории к бренду. Важное направление в управлении репутацией предприятия – это поисковые системы. Социальный поиск представляет собой новый уровень поиска информации с учетом социальных связей конкретного пользователя при генерации результатов поиска в поисковых системах. Данный вид поиска приобретает все большую значимость после отмены учета ссылок в ранжировании запросов пользователей. На результаты поиска может повлиять количество кликов на кнопку «Мне нравится» на корпоративной страничке компании, в социальной сети Facebook и число упоминаний о ней в обсуждениях в Facebook.

5. Нестандартное продвижение (работа в приложениях интернет-ресурсов, а также работа с мобильными приложениями). В российском Интернете особенно распространены приложения «ВКонтакте». Некоторые пользуются многомиллионной популярностью. Многие компании используют такие возможности для продвижения своих товаров, услуг или имиджа компании. Некоторые компании даже заказывают изготовление собственных флеш-приложений для социальных сетей и таким образом привлекают целевую аудиторию. Так, «ВКонтакте» существует флеш-приложения «Подбор тура», «VISA путеводитель», которые обеспечивают пользователям доступ к единой базе данных туроператоров, что позволяет потребителям подобрать страну для отдыха, быстро и легко выбрать и забронировать понравившееся путешествие в Интернете. Популярностью пользуется приложение «Сбербанк-онлайн».

Мобильные приложения специально разработаны для мобильных устройств, смартфонов, планшетных компьютеров или других мобильных устройств. Мобильные приложения помогают решать широкий круг задач: от приема электронной почты до узкоспециализированных функций. Они призваны облегчить жизнь пользователей мобильных устройств, а также разнообразить способы использования этих устройств для решения текущих задач пользователей. Так, мобильные приложения имеют такие банки, как «Сбербанк России», «ВТБ-24», «Русский стандарт» и др.

Таким образом, всего за небольшой срок своего существования социальные сети смогли полностью изменить Интернет. По своей популярности они обошли многие ресурсы в Сети, практически достигнув уровня поисковых систем. Неудивительно, что продвижение услуг в социальных сетях также стало активно развиваться.

Пользователи многочисленных тематических форумов и информационных порталов по всему Интернету переместились в

социальные сети, тем самым упростив задачу по привлечению новых клиентов для многочисленных компаний. Реклама и продвижение бренда в социальных сетях гораздо эффективнее с точки зрения возврата инвестиций, чем, например, реклама на телевидении. Используя социальный медиа-маркетинг, предприятия сферы услуг могут решать следующие такие задачи, как формирование долгосрочных отношений с потребителями; формирование потребительской лояльности; повышение уровня удовлетворенности от потребления услуг; рост уровня продаж и доли рынка; управление имиджем компании.

Библиографический список

4. Angel Relations Group исследовала российскую аудиторию социальных сетей. URL: <http://www.siliconrus.com/2014/05/social-4-2014/> (дата обращения: 22.02.2015).
5. Аслудинова Л.С. Инструменты социально медиамаркетинга в системе управления деятельностью малых мебельных предприятий // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. 2014. Вып. 2. С. 3-25.
6. Сухарев О.С., Курманов Н.В., Мельковская К.Р. Функциональный и интернет маркетинг: монография. М.: КУРС: Инфра-М, 2013. 352 с.
7. Morgan N., Clark B., Gooner R. Marketing productivity, marketing audits, and systems for marketing performance assessment. Integrating multiple perspectives // Journal of Business Research. 2002. № 55 (5). С. 363-375.
8. Демография социальных сетей. URL: <http://habrahabr.ru/post/196036/> (дата обращения: 26.02.2015).
9. Горелова Е. Как российские предприниматели продвигают себя в социальных сетях. URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/1664045/baran_vyhodit_v_set (дата обращения: 26.02.2015).

УДК 334.01

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.Б. Оберт

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: oberttb@yandex.ru

В статье рассматриваются современные теории конкурентных отношений. Даются особенности теории Й. Шумпетера, его идеи о значении монополии в современной экономике. Приводятся теории австрийской школы экономической мысли. Анализируются взгляды российских экономистов.

Ключевые слова: Конкуренция; конкурентные отношения; монополия; совершенная конкуренция; стратегии взаимодействия фирм на рынке; конкурентный порядок; конкурентные преимущества и недостатки.

THE MODERN THEORY OF COMPETITIVE RELATIONS

T.B. Obert

The article considers the modern theory of competitive relations. Given the features of the theory of J. Schumpeter, his ideas about the importance of monopoly in the modern economy. Are the theory of the Austrian school of economic thought. Analyzed the opinions of Russian economists.

Key words: Competition; monopoly; perfect competition; strategies of firms in the market; the competitive order; competitive advantages and disadvantages.

На сегодня рассматриваемая в качестве динамического процесса, конкуренция должна вести к открытию нового товара, новой технологии, нового источника сырья или типа организации. Эта конкуренция, с одной стороны, обеспечивает существенное сокращение издержек и повышение качества продукции, но с другой стороны, «она угрожает существующим фирмам незначительным сокращением прибылей и выпуска, а полным банкротством» [1, с. 128]. Причем эта конкуренция оказывает влияние не только тогда, когда она осуществляется, но и до этого, тогда, когда она рассматривается еще как потенциальная угроза.

По мнению теоретика 20 века Й. Шумпетера монополистическая практика служит элементом долгосрочной политики роста отрасли, а сама монополия обладает положительными чертами, которые могут перевешивать возможные структурные ее следствия в виде ограничения выпуска и роста цен. К положительным моментам монополии Й. Шумпетер относит то, что монопольная прибыль может служить «эффективным способом накопления средств для финансирования дополнительных инвестиций» в отрасли. Также в распоряжении монополиста могут находиться способы производства, недоступные или труднодоступные для его конкурентов. Монополия может иметь на порядок более устойчивое финансовое положение. У монополии больше средств для финансирования технического прогресса, что идет на пользу всей экономики, а не только данной отрасли или фирме.

В 20 веке совершенная конкуренция порождает дополнительные расходы в виде менее эффективной внутрифирменной организации производства, менее производительной технологии, невозможности эффективно оценить и использовать новые перспективы, которые делают подобный тип рынка, в глазах Шумпетера, не только неоптимальным, но и даже нежелательным. Кроме того, отрасли с организацией, приближающейся к совершенной конкурентной, демонстрируют подверженность кризисам и колебаниям экономической конъюнктуры, что также не может считаться образцом идеальной эффективности.

Шумпетер отмечает относительность конкурентного и монопольного положения продавца. Крупная фирма в окружении потенциальных

конкурентов будет ощущать себя ценополучателем, будучи не в состоянии поднять цену выше конкурентного уровня. Более широкий взгляд на конкурентные отношения и в качестве продолжения концепции Шумпетера развивается в рамках австрийской школы экономической мысли.

Ф. Хайек критикует идеал совершенной конкуренции, но с несколько иных позиций, чем это делали Чемберлин или Шумпетер. Он считает, что экономическая теория просто неправильно использует термин «конкуренция». Согласно его точке зрения, конкурентные отношения следует рассматривать более широко, не только и не столько в качестве стратегии взаимодействия фирм на рынке, но в качестве движущей силы экономической жизни. Поэтому Хайек делает различие между конкуренцией как процессом динамическим по своей природе и конкурентным равновесием – статической версией модели рынка [2, с. 111].

Если анализировать статическую модель конкуренции, то, по Хайеку, совершенная конкуренция оказывается лишь одной из возможных точек реального конкурентного процесса, а вовсе не единственной и не детерминированной. Однако конкуренция – это еще и особая скрепляющая сила, то, что делает экономическую систему экономической системой, это – некая внутренняя структура и опора экономики. В этом смысле Хайек, как и другие представители австрийской школы, говорит о конкурентном порядке, цель которого заключается в том, чтобы заставить конкуренцию работать. Конкурентный порядок требует более широкого институционального обрамления в виде частной собственности, свободы контрактов и других механизмов свободного рынка. Многие работы представителей австрийской школы как раз направлены на разработку и обоснование этих институциональных условий существования конкурентного порядка.

Преимущества конкуренции как особой формы организации рынка проявляются в должной мере в динамике конкурентного процесса. Конкуренция действует через инновации. Инновации рассматриваются как способ снижения издержек и выхода на новые рынки. Однако возможна ситуация излишней конкуренции, когда отсутствие должной степени координации между фирмами-инноваторами ведет к дублированию усилий, росту издержек, что имеет своим исходом неэффективность инновационного процесса. Конкуренция может рассматриваться как процесс, приводящий к совершенной координации, и как процесс корректировки, возвращающий к равновесию.

В то же время конкуренция может трактоваться как вызывающая несовершенную координацию и ведущая к возникновению длительных и накапливаемых неравновесных состояний. Для преодоления этих негативных последствий конкуренции рынок вырабатывает особые

институты координации – в виде слияний и поглощений, сотрудничества и стратегических союзов, которые помогают организовывать конкурентный процесс. Институты рынка выступают и как внешние факторы процесса организации и как часть самого процесса, играющие более эффективную роль в качестве компенсирующего механизма провалов координации. С самого начала австрийская школа ставит вопрос о принципиальной недостижимости равновесия на рынке, а рыночные цены трактуются как цены неравновесия.

Хотя все представители данного направления рассматривают неравновесие в качестве нормального состояния рынка, разные исследователи выделяют различные факторы, играющие специфическую роль в поддержании неравновесного механизма. Так, Хайек особую функцию отводит несовершенству знания, невозможности обладания всей полнотой информации о существенных факторах рынка всеми участниками рыночных операций. Отсюда возникает и особая функция конкуренции – определение того, как наилучшим образом использовать знание, не присутствующее у каждого агента в полном объеме. Распространяя информацию, конкуренция создает единство и взаимосвязь в экономической системе.

Г. Хамелом и К. Прахаладом предложена концепция конкурентной стратегии фирм, заключающаяся в предвидении ситуации на рынке. По их мнению, проблема конкурентоспособности, с которой сталкиваются многие компании, – это проблема «нетрадиционной» конкуренции. Это не вопрос конкуренции между странами. Главная проблема заключается в соперничестве между отстающими и претендующими на лидерство компаниями, между опирающимися на давний опыт и новаторскими фирмами, между инерцией и копированием и даром предвидения.

Проблема заключается в том, чтобы «прорваться» сквозь неопределенность и «развить дар предвидения» в отношении рынка завтрашнего дня. Для этого Г. Хамел и К. Прахалад обращают внимание на необходимость разработки плана развития компании или, как они его называют, «план создания компетенций», необходимых для господства на рынке будущего [2, с. 144].

В условиях существующих рынков правилами конкуренции установлены главные ориентиры конкурентной борьбы хозяйствующих субъектов, например: соотношение цены и качества, устраивающие покупателя; наиболее эффективные каналы сбыта; дифференцирование продукции или услуг; оптимальная степень вертикальной интеграции.

Конкуренция за будущее, по Г. Хамелу и К. Прахаладу, – это состязание за «долю возможностей», а не за долю рынка. Причем основной целью является максимизация доли этих будущих возможностей, к которым компания могла бы получить потенциальный доступ. Учеными изучены основные проблемы, с которыми сталкиваются компании, и одна

из наиболее сложных состоит в определении их возможностей на будущих рынках. Исходным для решения этой проблемы является анализ имеющихся навыков или умений, называемых компетенциями. Страны и компании сталкиваются практически с одной и той же проблемой – как использовать навыки, которые образуют компетенции, особенно в наукоемких отраслях.

Необходимые компетенции складываются из интеллектуального капитала, который невозможен без образовательной политики, инвестиций в человеческий капитал, налоговых стимулов и т.д. Поэтому понимание того, что необходимо опережать других в приобретении знаний в новых областях деятельности, может потенциально рассматриваться как завоевание доли будущего рынка.

По мнению Г. Хамела и К. Прахалада, отличительным фактором конкурентных отношений за будущее является время. Это связано с тем, что по мере развития экономики жизненные циклы продуктов становятся короче, сроки разработки – плотнее, а клиенты ожидают получить услуги быстро. Ученые определили одно из важных отличий конкуренции за будущее от конкуренции за настоящее. Это, по их мнению, приоритетное развитие неструктурированных отраслей в отличие от структурированных.

В настоящее время на рынках большинства развитых стран существующую отраслевую структуру и присущие ей правила конкуренции определяет лидер отрасли. В рамках действующего отраслевого пространства компании имеют возможность найти прибыльную нишу и пытаться конкурировать. Однако кроме лидера отрасли на рынке потенциальные возможности для роста других компаний ограничены. Имеется лишь возможность закрепления на рынке и подчинения общим правилам.

В ходе конкурентной борьбы за будущие рынки конкурирующие компании борются за ключевые компетенции. Отмечая особенность развития конкуренции, Г. Хамел и К. Прахалад считают, что существует несколько причин, позволяющих говорить о конкуренции в сфере компетенций как о конкуренции между компаниями. Во-первых, ключевые компетенции несравнимы с продуктом. Это связано с тем, что, развивая конкурентоспособность товаров или услуг, ключевые компетенции переходят границы какого-то конкретного товара или услуги и выходят за рамки любого товарного рынка, так как они имеют более продолжительный «срок жизни», чем любой отдельно взятый продукт.

Во-вторых, успех или поражение за лидерство в компетенциях может оказать глубокое воздействие на потенциал развития и конкурентоспособность компании, что более значительно, чем успех или провал одного продукта.

Сама идея совершенной модели развития конкуренции имеет свои противоречия, которые на сегодня ещё более обострились, например, если

не один из производителей имеет право влиять на цену, то, что будет стимулом для развития этих производителей? Равные правила игры на рынке не дают возможностей дополнительного финансирования инноваций и повышения качества продукции и т.д.

Из российских ученых, особенно можно выделить Ю.Б. Рубина, А.Ю. Юданова, Г.Л. Азоева, С.Б. Авдашева и А.Е. Шаститко. Например, Г.Л. Азоев, рассматривая конкурентные отношения на российском рынке, выделяет объективные предпосылки усиления конкуренции. Переход от конкуренции за ресурсы и товары к конкуренции за потребителя и ужесточение отношений в этой сфере стали возможны в результате появления новых рыночных факторов [4, с. 28].

Российская экономика в советское время представляла собой разновидность монополистической рыночной структуры, в которой носителями монопольной власти были отраслевые министерства и различные главки. В странах, экономика которых длительное время развивалась в рамках плановой системы, степень монополизации рынка выше, чем в государствах с исторически сложившемся рыночным хозяйством. Это связано, прежде всего, с различиями путей формирования предпринимательских монополий. В рыночном хозяйстве монополистические объединения формировались «снизу»; они являются следствием развития конкуренции, приводящей к росту концентрации и централизации производства и капитала. Государственные органы, опираясь на антимонопольное законодательство, пытались в той или иной мере препятствовать значительному повышению степени монополизации. В плановой экономике монополистические структуры формировались «сверху». Государственные органы не только не препятствовали, а, наоборот, активно способствовали повышению степени монополизации хозяйства. Известно, что эффективность жесткого централизованного управления, основанного на административных методах, снижается со значительным увеличением числа управленческих связей. Поэтому государственные министерства и ведомства, стремясь ограничить рост таких связей, пытались сконцентрировать производство каждого вида продукции в рамках максимально узкого круга предприятий, соединить в производственных объединениях производителей одинаковой и аналогичной продукции. В результате складывалась высокомонополизированная экономика.

Конкуренция может оказаться под угрозой, если власть и рычаги и экономическое воздействие на рынок будут сконцентрированы в руках небольшого количества его участников. Любые ограничения соревнования в условиях рыночной системы препятствуют свободному действию рыночных механизмов, ведут к диспропорции спроса и предложения, нерациональному использованию производственных мощностей и

факторов развития и, как результат, к снижению эффективности рыночной системы.

Макроэкономические предпосылки усиления конкуренции связаны с факторами структурного характера, радикально изменившими приоритеты ведения бизнеса. Например, увеличение количества и разнообразия предприятий, действующих на российском рынке. В России с начала реформ общее количество предприятий, действующих в народном хозяйстве, возросло более чем в 10 раз. Увеличение количества хозяйствующих субъектов и разнообразия их организационных форм произошло за счет упрощения процедур создания и регистрации различного типа организаций, в результате чего появилось много новых структур, которые принято относить к малому и среднему бизнесу. Создание новых предприятий происходило и за счет разделения крупных объединений в ходе приватизации, распада отдельных промышленных монополий, создания большого количества фирм, обеспечивающих и обслуживающих рыночные процессы в банковской, страховой, торговой сферах, формирования совместных предприятий. По мнению Ю.Б. Рубина конкуренция – это система поведения субъектов бизнеса на разных стадиях зрелости компаний от фазы дебюта до фазы старения. Также он отмечает значение подсчета конкурентного риска, конкурентных преимуществ и недостатков и наконец, устойчивости конкурентных позиций фирм в российских условиях. На сегодня, по мнению Ю.Б. Рубина, с которым можно согласиться, конкуренция – это процесс исполнения субъектами профессионального бизнеса поведенческих процедур, т.е. это системное принуждение предпринимателями друг друга к профессиональному выполнению совсем не того, что хотелось бы делать в рамках стремления к экономическому господству и тотальному доминированию над окружением [5, с. 433].

Библиографический список

1. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
2. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.
3. Хамел Г., Прахалад К.К. «Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня» М.: Издательство Олимп-Бизнес. 2002. 288 с.
4. Азоев Г.Л., Челенков А.П. Конкурентные преимущества фирмы. М.:ОАО «Типография «НОВОСТИ». 2000. 256 с.
5. Рубин Ю.Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. 3-е репр. изд. М.: Маркет ДС, 2010. 464 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Е.В. Огурцова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tirolmen@yandex.ru

Статья посвящена анализу причин и последствий изменений функциональной структуры российской экономики. Диспропорциональность функциональной структуры российской экономики привела к деиндустриализации национальной экономики, потере ее конкурентоспособности. Переход к эффективной промышленной политике – важнейшее условие создания нового функционально-структурного строения производства, переоснащения мощностей на основе высоких технологий, формирования новых кадров.

Ключевые слова: функциональная структура, деиндустриализация, структурные диспропорции, конкурентоспособность, воспроизводство.

FUNCTIONAL STRUCTURE TRANSFORMATION OF RUSSIAN ECONOMY: REASONS AND CONSEQUENCES.

E.V. Ogurtsova

The article is devoted to the analysis of the reasons and consequences of functional structure of Russian economy. Functional structure disproportion of Russian economy has brought to deindustrialization of national economy, loss of competitiveness. Transition to effective industrial policy – prime condition of generation new function-structural production building, retooling facilities based on new technologies, forming new personnel.

Key words: functional structure, deindustrialization, structural disproportion, competitiveness, reproduction.

Функциональная структура экономики – особая организация функционирующих секторов-экономик, опосредующих такое их взаимодействие, которое обеспечивает движение общественного капитала через все его воспроизводственные стадии и во всех его воспроизводственных формах, движение общественного продукта от его производства до потребления и деление этого продукта по функциональному и стоимостному содержанию. На основе данного критерия в функциональной структуре выделяются сектора-экономики, играющие решающую роль в развитии ее организационных форм, в установлении закономерностей их взаимодействия и инструментов ускоренного развития экономики: экономика власти, экономика корпораций, экономика малого бизнеса, экономика знаний, региональная

экономика, экономика ресурсов, теневая экономика. Взаимодействие данных элементов структуры, их устойчивые связи и взаимозависимости формируют экономический смысл и содержание преобразований в экономической системе России под воздействием внутренних изменений и трендов в развитии мирового хозяйства.

Функциональная структура экономики отражает системное качество экономической системы, ее поэлементного состояния (системных характеристик). Во временном аспекте она претерпевает значительные изменения, что отражается на состоянии экономики, ее пропорциях, соотношении различных секторов-экономик и сфер производства. Динамика функциональной структуры есть проявление взаимодействия ее элементов, реализации целевых установок системы.

Сложность оценки трансформационных процессов, охватывающих всю функциональную структуру российской экономики, состоит: в многообразии социально-экономических взаимосвязей и неоднозначности проявления трансформационных изменений; в использовании механизма взаимодействия отдельных экономик в качестве инструмента реализации целей как государственного, так и монополюльно-корпоративного секторов экономики.

При этом характер изменений функциональной структуры в процессе ее трансформации определяется реализацией функционального потенциала сложившихся отдельных экономик. Важно понимание того, что многообразие и полнота выполняемых ими функций находится под влиянием сложившихся условий воспроизводства. Полнота реализации функций выше перечисленных секторов-экономик составляет основу:

- пропорциональности национальной экономики;
- рациональных структурных соотношений;
- согласованного развития сфер, регионов, комплексов.

Пропорциональность и диспропорциональность – это два состояния структуры экономики, два типа ее функционирования. Пропорциональность предполагает согласованное взаимодействие всех элементов экономической системы, рациональное обеспечение целевой ее ориентации, экономное расходование ресурсов при достижении наивысшей эффективности. Диспропорциональность – рассогласованное функционирование отдельных секторов-экономик, обеспечивающее прямые и косвенные потери всех видов ресурсов, сопровождающееся социальными осложнениями.

Диспропорциональность есть проявление нарушения действия механизма взаимодействия элементов функциональной структуры национальной экономики, отсутствие согласованного действия инструментов самоорганизации и властной организации в рамках национальной экономики. Диспропорциональность имеет своим

следствием появление противоречивых тенденций в развитии структуры и ведет к нарушениям закономерностей в осуществлении этого развития.

В последние десятилетия для российской экономики характерны периоды не пропорционального, а диспропорционального развития. Известно, что в зависимости от социально-экономических условий диспропорции принимают разные формы проявления. В России выделяется несколько этапов развития экономики после проведения реформ и соответственно несколько типов (по условиям образования и по характеру проявления) диспропорций.

Первый этап – это 1992-1998 гг. В России в ходе реформ 1992-1998 гг., проводимых на базе ясных экономических целей и влияния их на развитие внутреннего производства и социального положения населения, экономика России упала к началу 1999 г. по всем основным показателям. Валовой внутренний продукт снизился на 40%, в том числе производство товаров на 52 и услуг – на 18%. Спад производства был особенно крутым в сфере наукоемких производств. В целом по промышленности спад производства составил 50%, по сырьевым отраслям – 30, а в секторах технологического машиностроения – от 60 до 80%. Падение товарного выпуска произошло также в сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте. Как следствие существенно изменились важнейшие макроэкономические пропорции и соотношения.

На первом этапе (1992-1998 гг.) сложились следующие диспропорции:

– в объемах и по элементам образования первичных доходов, т.е. по оплате труда, налогам, прибыли и смешанным доходам. Наибольший уровень и прирост оплаты труда приходился на сырьевые отрасли, ориентированные на экспорт. Напротив, многие отрасли, работающие на конечный спрос, стали убыточными, вследствие чего снизились как предложение, так и спрос на товары для воспроизводства и конечного потребления населения;

– между имеющейся материальной базой и уровнем выпуска товаров. Объем основных производственных фондов в отраслях, производящих товары, практически не изменился, тогда как численность занятых в производстве снизилась на 1/3, а выпуск продукции – в 2 раза. К началу 1999 г. загрузка производственных мощностей в промышленности упала до 33% (против 74% в 1991 г.). Относительно «высокая» загрузка мощностей осталась в топливно-сырьевых отраслях, которые сохранили рынок сбыта и работали в основном на экспорт. В отраслях, ориентируемых на конечное потребление, уровень загрузки мощностей был ниже среднего и составил 17-30%. В результате упала эффективность производства, возросли издержки и нарушились пропорции факторов воспроизводства, в том числе ценовые;

– между использованием ВВП на потребление материальных благ и услуг и валовым накоплением. Сниженные доходы населения

использовало в основном на потребление материальных благ и услуг. К 1999 г. доля потребления в используемом ВВП составляла 78%, а валового накопления 15%; причем падение валового накопления опережало сокращение ВВП: если ВВП уменьшился на 40%, то накопление – на 85%. Чистое накопление за минусом потребления основного капитала (износ основных фондов) имело отрицательную величину. В этот период не могло осуществляться даже простое воспроизводство [1, с. 36-37].

1999-2003 гг. – второй этап развития экономики России в послереформенный период. Он характеризуется восстановительной динамикой роста. К этому времени сложились благоприятные внешние условия. Мировые цены на нефть выросли в 2 раза, природного газа – на 53,8%. Внешний спрос дал толчок росту производства сырьевых отраслей промышленности. Но по темпам роста они значительно опережали отрасли конечного спроса. Увеличению производства способствовало уменьшение импорта товаров, в связи, с чем весомым фактором экономического роста стало импортозамещение.

Под влиянием этих обстоятельств и при том, что производство товаров стало расти более быстрыми темпами, чем производство услуг, начало расти производство промышленной продукции, увеличились инвестиции, замедлились темпы роста инфляции, проявили себя и негативные тенденции: в структуре произведенного ВВП доля производства товаров с 2000 г. систематически снижается. Чистые налоги (за вычетом субсидий) занимают относительно стабильный удельный вес (таблица 1) [1, с. 37].

Табл. 1. Структура производства ВВП в 1999-2003 гг.
(в рыночных ценах, процент к итогу)

Показатели	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
ВВП	100	100	100	100	100
Производство товаров	40,6	40,0	37,9	36,0	35,4
Производство услуг	49,2	48,7	50,0	52,7	52,6
Чистые налоги на продукты и импорт (за минусом субсидий)	10,3	11,3	12,1	11,3	11,9

В экономике России обозначились следующие диспропорции:

– темпы увеличения ВВП снизились, а доля материальных затрат в валовом выпуске повысилась с 45 до 47%;

– рост импорта опережал рост ВВП почти в 2,3 раза, что отрицательно повлияло на развитие внутреннего производства;

– при высоком износе основных фондов инвестиционный спрос остается на низком уровне. Коэффициент обновления основных фондов в 1999 г. составил 1,3% против 5,8% в 1990 г., а по оборудованию – 0,5% против 7,5%;

– при увеличении сбережений в секторе «домашних хозяйств» идет снижение сбережений в секторе «нефинансовых предприятий», что сокращает возможность самофинансирования инвестиций.

Эти и другие диспропорции явно не отвечали задачам структурной перестройки экономики и перехода от экспортно-сырьевой модели развития к развитию внутреннего отечественного производства на основе новой техники и высоких технологий, а также решения социальных задач. На начало 2004 г. Россия оказалась в ситуации, когда при всех положительных тенденциях по основным социально-экономическим показателям не был достигнут уровень докризисного периода. Назрела необходимость решения следующих проблем:

- улучшение материально-технической базы внутреннего производства;

- увеличение темпов накопления капитала и обеспечение его перелива из сырьевых отраслей в обрабатывающие, и в первую очередь в машиностроение;

- обновление фондов и обеспечение новых технологий и повышения эффективности производства;

- обеспечение структурной перестройки.

В числе мероприятий, реализация которых могла бы способствовать решению этих проблем, стали: подготовка кадров для высокотехнологичных отраслей экономики; мобилизация ключевых источников финансирования капитальных вложений; усиление социальной направленности в развитии экономики; повышение производительности труда и внутреннего потребительского спроса; усиление бюджетной поддержки производства, науки, просвещения, здравоохранения.

2004-2008 гг. – хоть и с определенной долей условности, но можно выделить как третий этап в развитии экономики России. Реализация выше перечисленных мероприятий с той или иной долей успеха дала определенные результаты. Эти годы для России – годы значительного экономического роста – почти 7% прирост ВВП, что намного выше среднемирового уровня. При этом рост совершается без спадов. Инфляция не вышла за пределы 10%, лишь, по оценкам экспертов, в 2007 г. этот показатель был превышен. Наблюдается рекордный рост золотовалютных запасов страны (Россия заняла третье место в мире по этому показателю). Только за первое полугодие 2007 г. прирост золотовалютных резервов составил 33,6% и на 1 июля их объем составил 405,841 млрд. долл. США, а на 13 июля – уже достиг очередного исторического максимума – 411,2 млрд. долл. [2, с. 28, 39]. Поднялся жизненный уровень населения, выросла средняя заработная плата. Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения в первом полугодии 2007 г. сохранилась на высоком уровне – прирост относительно соответствующего периода 2006 г. 11,2% при опережающем приросте реальной заработной платы

(17,5%). Реальные доходы населения обеспечили рост оборота розничной торговли (14,2%), денежных сбережений [2, с. 28].

Все это свидетельствует о том, что в российском обществе наблюдался перелом в тенденциях, заложенных в 90-е годы. Формировались новые более позитивные тенденции во всех сферах общественной жизни: курс на развитие новых технологий, создание новых конкурентоспособных структур в экономике. Вместе с тем, наряду с успехами в социально-экономическом устройстве России проявился и ряд серьезных диспропорций.

Среди таких диспропорций сначала выделим те, которые касаются качественной характеристики процесса воспроизводства и его функциональной структуры в национально-государственной организации:

- несоответствие финансово-посреднического сектора, сосредоточившего крупный финансовый капитал, совершающий обращение в собственных интересах, и сектора производственного, нуждающегося в кредитном пополнении инвестиций для воспроизводства и модернизации промышленного капитала;

- замедление темпов роста экспорта нефти и других видов сырья не компенсируется наращиванием экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости;

- при огромных запасах энергоносителей отставание по эффективности использования энергии;

- рост потребления происходит при сохранении низкой конкурентоспособности продукции российской промышленности;

- высокий интеллектуальный потенциал несопоставим с его крайне небольшой отдачей, которая составляет лишь половину процента наукоемкой продукции и новейших технологий на мировом рынке.

Выделенные диспропорции весьма болезненны для экономики России. Сформировавшись в годы экономического подъема, данные диспропорции усилились при смене тенденций экономического развития в период наступившего в 2008 году кризиса. Огромные запасы таких видов энергоносителей как нефть и газ, не создали для России экономических преимуществ. Анализ динамики структуры вновь созданной (добавленной) стоимости (ВДС) в разрезе всех секторов российской экономики, свидетельствует о снижении в ней доли промышленности и сельского хозяйства (таблица 2) [3, с. 13]. Доля реального сектора экономики, выраженная в удельном весе отраслей, производящих товары, уменьшилась за 10 лет на 6,4 п.п. При этом доля промышленности сократилась с 31,4% в 2000 году до 28,3% в 2010 году, а доля сельского хозяйства уменьшилась с 6,5% до 3,6% за анализируемый период.

Табл. 2. Удельный вес в ВДС отраслей, производящих товары

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	6,5	5,0	3,6	3,7
Рыболовство и рыбоводство	–	0,4	0,2	0,2
Промышленность	31,4	32,7	28,3	29,6
Строительство	6,6	5,3	6,5	6,5
Производство товаров, всего	45,0	43,0	38,6	40,0

Снижение доли промышленности в ВДС – результат, прежде всего, уменьшения доли обрабатывающих производств (таблица 3) [3, с. 14], что свидетельствует о деиндустриализации российской экономики.

Табл. 3. Удельный вес промышленности в ВДС

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Добыча полезных ископаемых	–	11,1	9,6	10,9
Обрабатывающие производства	–	18,3	14,9	15,2
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	–	3,3	3,8	3,5
Промышленность, всего	43,0	32,7	28,3	29,6

В период экономического спада, начавшегося в 2008 году и продолжающегося и по настоящий момент времени особенно остро проявились диспропорции в организации воспроизводственной системы. К диспропорциям данного типа можно отнести следующие:

- при развитии федерализма у нас, по сути, сохранилась финансовая система унитарного государства;
- при необходимости обеспечить устойчивый экономический рост отсутствует система долгосрочного кредитования под приемлемый процент;
- при стремлении строить конкурентные отношения все еще отсутствует механизм, надежно защищающий от монопольного ценообразования;
- при ориентации экономической системы на выравнивание доходов все еще велико различие между первичным и перераспределенным доходом.

Перечисленные и другие диспропорции в системной организации могут быть преодолены в ходе достижения стратегической цели – превращения России в страну, имеющую конкурентоспособную экономику. Достижение этой цели связывается с решением национальных задач, к которым относится развитие экономики, социальной и духовной сфер.

Серьезный анализ причин и путей преодоления диспропорций в системной организации российского общества предполагает исследование

системных взаимосвязей во всех их содержательных характеристиках. Остановимся на наиболее значимых, общих для всех, существенных аспектах данных взаимосвязей. Прежде отметим, что диспропорции в функционировании воспроизводственной структуры имеют основанием:

- во-первых, недостаточно развитую промышленную политику, слабо учитывающую задачи и потребности крупных корпораций и малого бизнеса;

- во-вторых, недооценку роли труда в воспроизводственном процессе;

- в-третьих, оторванность процесса создания денежной базы от внутренних эмиссионно-бюджетных рычагов;

- в-четвертых, рассогласование между экономикой ресурсов и секторами-комплексами в вопросах использования природных ресурсов и как следствие – недооценка их в добавленной стоимости создаваемой продукции;

- в-пятых, неразвитость институциональной организации развития и использования главной компоненты научно-технического прогресса – интеллектуального потенциала;

- в-шестых, наличие региональных проблем;

- в-седьмых, рассогласование в развитии экономики науки и секторов-экономик, потребляющие ее главный продукт – знание и технологии.

Переход к эффективной промышленной политике – важнейшее условие создания нового функционально-структурного строения производства, переоснащения мощностей на основе высоких технологий, формирования новых кадров работников. Однако пока есть сложности у предприятий в получении инвестиционных кредитов и кредитов под лизинг, реализовать данную задачу не представляется возможным. Экономические санкции усложнили ее еще больше. По мнению экспертов, решение этой проблемы это не вопрос частных переговоров и договоров. Ни в одной развитой стране нет такой практики, чтобы оборотные средства банки кредитовали под залог самого предприятия. Нигде нет и таких высоких процентных ставок. Есть одно непреложное правило: чем ниже процент промышленных кредитов, тем выше конкурентоспособность промышленной продукции. В идеале банковский сектор должен быть партнером промышленного сектора, ставить условия и выдвигать требования, направленные на укрепление конкурентоспособности отечественных предприятий. Решение данной проблемы возможно лишь в рамках промышленной политики. Только государство может создать такие условия, при которых банкам будет выгодно кредитовать промышленность и технологическое развитие. И только государство может добиться, чтобы денежные ресурсы направлялись в сферу производства, а не за рубеж. Для этого предстоит создать законодательную базу для поддержки высоких

технологий. Партнерство банковского и промышленного сектора – это иной уровень выстраивания функциональной структуры экономики.

В последние годы выделились диспропорции функциональной структуры воспроизводства, имеющие тяжелые социальные последствия:

– при некотором сокращении числа людей, живущих за чертой бедности, сохраняется и даже увеличивается разрыв между 10 процентами населения, имеющими самые большие доходы, и 10 процентами, которые получают самые низкие доходы;

– при повышении жизненного уровня населения потребительская корзина все еще остается достаточно скудной.

Данные диспропорции особенно чувствительны для состояния всего российского общества. Они отражают положение населения страны и влияют на все стороны его жизни. Преодоление данной диспропорции – важнейшая национальная задача, поскольку она напрямую связана с интересами национальной безопасности страны. Для ее решения требуется системный, комплексный подход к развитию регионов. Принимаемые планы должны носить всеохватывающий, многосторонний и системный характер, а их выполнение четко контролироваться со стороны государственной власти и общества.

Библиографический список

1. Артемова Л., Назарова А. Макроэкономические пропорции в 1999- гг. (по данным национальных счетов) // Экономист. 2004. №5. С. 3-24.
2. Социально-экономические тенденции в первом полугодии // Экономист. 2007. №9. С. 26-42.
3. Плышевский Б. Рыночные реформы и развитие экономики России // Экономист. 2014. №9. С. 36-42.

УДК 338

ВЛИЯНИЕ РЕЖИМА ИНФЛЯЦИОННОГО ТАРГЕТИРОВАНИЯ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Р.О. Очкин

Саратовский социально-экономический институт (филиал)

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия

E-mail: lokheed@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые аспекты процесса перехода к режиму таргетирования инфляции, и его влияние на реализацию экономических интересов субъектов российской экономики. Обозначена роль ЦБ в процессе перехода к режиму таргетирования.

Ключевые слова: экономика, таргетирование инфляции, валютный курс, экономические интересы, центрбанк.

INFLUENCE OF THE MODE OF TARGETING OF INFLATION ON REALIZATION OF ECONOMIC INTERESTS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN ECONOMY

R.O Ochkin

In article some aspects of process of transition to the inflation targeting mode, and its influence on realization of economic interests of subjects of the Russian economy are considered. The role of the Central Bank in the course of transition to the targeting mode is designated.

Key words: economy, inflation targeting, exchange rate, economic interests, Central Bank.

В 2014 году центральный банк России взял курс на таргетирование инфляции в экономике. Необходимо отметить, что применение данного режима денежно-кредитного регулирования в условиях кризиса является целесообразным, но крайне недостаточным и его необходимо применять в совокупности с дополнительным «номинальным якорем» – таргетированием валютного курса. Данная промежуточная цель предпочтительна, поскольку Россия является страной с развивающейся экономикой с присущими ей чертами: неразвитостью финансовых рынков, неконкурентоспособностью отечественных товаров и диспропорцией в распределении финансовых ресурсов между отраслями. Для эффективности реформ, денежно-кредитная политика России должна быть направлена на стабилизацию темпа изменения объема денежной массы, процентной ставки, обменного курса и подконтрольна Центральному Банку.

При использовании режима таргетирования, власти используют «Правило валютного курса», согласно которому Регулятор может ускорить девальвацию национальной валюты, если реальный обменный курс ниже долгосрочных значений, что и наблюдалось осенью 2014 года.

На современном этапе Россия выбрала стратегию быстрого перехода, поскольку попытки Регулятора в виде постепенного расширения валютного коридора лишь способствовали снижению доверия рынка и провоцировали спекулятивные атаки. Основным мотивом быстрого перехода в сложившихся условиях послужило ограничение интервенции с целью экономии золотовалютных резервов.

Стоит отметить, что в развитых странах таргетирование воспринимается как номинальный якорь, служащий для поддержки заданных параметров изменения денежной массы. Таргетирование валютного курса предполагает его фиксирование на заданном уровне путем корректировки процентных ставок и денежной базы. То есть, политика таргетирования направлена на регулирование объема наличных

средств в экономике посредством эмиссии денежных знаков и корректировки ставок по кредитам для субъектов экономической деятельности.

Необходимо напомнить, что под денежной массой понимается совокупность наличных денег, находящихся в обращении, и остатков безналичных средств на счетах, которыми располагают физические, юридические лица и государство.

В свою очередь, денежная база в узком определении включает в себя выпущенные в обращение Банком России наличные деньги (с учётом остатков средств в кассах кредитных организаций) и остатки на счетах обязательных резервов кредитных организаций по привлечённым средствам в национальной валюте, депонируемые в Банке России. По состоянию на середину февраля денежная база составила 8 363,3 млрд. руб., отмечается ее постоянное сокращение с начала года за счет возрастающего оттока капитала.

В России отток капитала усугубился из-за совокупности факторов: внешней политики в отношении Украины, что привело к введению секторальных санкций, понижающего тренда цен на энергоносители и высокого уровня внешней закредитованности российских предприятий и банков.

Также необходимо отметить, что девальвация рубля приведет к увеличению кредитного бремени ряда ведущих национальных компаний, которые помимо этого, включены в американский санкционный список. В число таких компаний входят нефтедобывающие предприятия (Лукойл, Роснефть, Газпром, Сургутнефтегаз), чьи активы преимущественно выражены в национальной валюте, а пассивы (внешние заимствования) в иностранной. Для данных компаний девальвация связана с уменьшением собственного капитала и, как следствие, уменьшает стоимость обеспечения по кредитам, тем самым снижая возможность внутреннего кредитования. Как следствие – сокращение инвестиционной активности. В данных условиях основной угрозой является неплатежеспособность предприятий, что в конечном итоге поставит под угрозу целостность таких компаний – ведь перед иностранными кредиторами часто обеспечением выступают акции данных компаний.

В ближайшее время корпоративный блок столкнется с необходимостью внутреннего заимствования, хотя часть внешнего долга будет изыскана за счет сокращения своих иностранных активов. В связи с этим Регулятор вышел на рынок с валютным РЭПО, как основного источника валютного фондирования для банков. Механизм его работы заключается в том, что банк получает от регулятора валюту под залог активов под установленную ставку, а через указанный период времени совершает обратную операцию.

Одной из самых существенных стабилизационных мер Регулятора, явилось увеличение ключевой ставки до уровня 15%. Необходимо отметить, что корректировка процентных ставок прямо зависит от изменения ключевой ставки ЦБ, которая 30 января была уменьшена до уровня 15%, что означает, что Центральный банк России предоставляет кредиты коммерческим банкам именно под данный процент. Данная ставка была введена как инструмент кредитно-денежной политики России в сентябре 2013 года. В сложившейся ситуации мера крайне рискованная, поскольку самыми очевидными последствиями станут повышение стоимости заимствования, отказ от многих инвестиционных программ и стагнация экономики. Велика вероятность того, что Правительство будет вынуждено пойти на допэмиссию рубля, что может спровоцировать гиперинфляцию, и в конечном итоге возникнет угроза не только экономической, но социально-политической стабильности в стране. На краткосрочном этапе данная мера относительно адекватна, поскольку будет способствовать не только поддержанию инфляции на заданном уровне, но и препятствовать оттоку капитала из России.

Подводя итог вышесказанному, переход к режиму таргетирования – это шок для экономических агентов страны. Данная мера всецело затрагивает интересы субъектов российской экономики (энергетическую отрасль, транспорт, крупный бизнес). Именно, по этой причине центральный банк обязан увеличить потенциал прогнозирования инфляции, и в свою очередь создать системы информации по валютному риску, находящиеся в открытом доступе.

Библиографический список

1. Карачадаг Ч., Дутагубта Р., Фернандес Г. Основные аспекты перехода стран к плавающему валютному курсу. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2004/12/pdf/karacada.pdf> (дата обращения: 14.04.2015).
2. Содицова С.Ш. Особенности выбора промежуточных целей денежно-кредитного регулирования в современных экономических реалиях // Вопросы регулирования экономики. 2010. №1. Т. 1. С. 84-91.
3. Министерство финансов Российской Федерации. Статистика. URL: http://minfin.ru/ru/nationalwealthfund/statistics/volume/index.php?id_4=6412 (дата обращения: 14.04.2015).
4. Министерство финансов Российской Федерации. Резервный фонд. URL: http://minfin.ru/ru/reservefund/statistics/volume/index.php?id_4=5796 (дата обращения: 14.04.2015).
5. Базы данных. Банк России. URL: http://www.cbr.ru/hd_base/ (дата обращения: 14.04.2015).
6. Информационное агентство «Банки.ру». URL: <http://www.banki.ru/> (дата обращения: 14.04.2015).
7. Центральный банк Российской Федерации. Статистика. URL: <http://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 14.04.2015).

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Е.В. Порезанова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: porezanova.elena@yandex.ru

В статье раскрыты проблемы модернизации экономики России. Интерес представляет анализ движущих сил инновационной модернизации и инструмента согласования интересов всех агентов этого процесса. При этом внимание уделяется развитию технологической основы хозяйства и социальной основы как действенного стимула для модернизации экономики.

Ключевые слова: движущие силы модернизации, модернизационный сценарий, виды модернизации, агенты модернизации.

THE DRIVING FORCE OF INNOVATION MODERNIZATION OF ECONOMY OF RUSSIA

E.V. Porezanova

The article reveals the problems of modernization of the Russian economy. Interest is the analysis of the driving forces of innovation modernization and instrument of reconciling the interests of all agents in this process. Attention is paid to the development of the technological basis of the economy and social framework as an effective incentive for the modernization of the economy.

Key words: driving forces of modernization, the modernization of the scene the Seminary, modernization, modernization.

Для создания инновационной экономики, предполагающей инновационную модернизацию хозяйственной системы, необходимо осознать и проанализировать движущие силы перехода к новой экономической модели. Эти движущие силы могут представлять собой, прежде всего, исследователя, способного генерировать новые идеи, инвестора, который заинтересован в реализации данной идеи, а также предпринимателя, который оценивает коммерческий потенциал идеи, риски данной идеи и организует производственный процесс. При этом нельзя забывать о потребителях и о конкурентах. К движущим силам следует также отнести государство, которое обеспечивает взаимодействие науки, бизнеса и государственных институтов в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Важная роль отведена также инфраструктуре, представляющей собой совокупность субъектов и институтов, деятельность которых направлена

на поддержку инноваций. Нельзя сказать, что было мало сделано для создания инновационной инфраструктуры. Так, к началу 2009 года функционировали более 110 технопарков, 100 центров трансферта технологий, 120 бизнес-инкубаторов. Однако не были созданы основные движущие силы модернизации. В литературе эта проблема получила отражение как проблема формирования долгосрочных коалиций для модернизации [1, с. 22]. Поэтому при недостаточности формирования движущих сил развития экономики, институты развития и инновационная инфраструктура не могли обеспечить реализацию модернизационного сценария и создания национальной инновационной системы.

Объективно в России существуют вполне конкретные препятствия на пути ускоренного экономического развития, проявляющиеся в укоренении неэффективных институциональных образований: неблагоприятный деловой климат, обременительная государственная финансовая система, неэффективная структура экономики. Логика модернизационного вектора экономического развития России детерминирует необходимость обеспечения долгосрочной устойчивости, инноватизации, гуманизации, управляемости, гармоничности сочетания результатов развития в интересах всех участников отношений, включая государство.

С понятием «модернизационный вектор» и «модернизационный сценарий» тесно связано понятие «модернизационный цикл». При этом Г. Сатаров для анализа экономических процессов использует термин «модернизационные циклы» и отмечает, что эти циклы в России повторяются регулярно. Однако не все накопившиеся проблемы разрешаются. Чтобы эти проблемы были устранены, необходимо определить модернизационный вектор и выделить элементы процесса модернизации [2, с. 9].

В современных условиях модернизационный вектор представляет собой формирование особого типа поведения экономических субъектов, направленного на качественные прогрессивные изменения существующих институциональных форм, обновление и улучшение технологических основ жизни общества.

С этих позиций модернизацию можно рассматривать как совокупность общественных и технологических перемен, обеспечивающих выход страны на соответствующий современной цивилизации постиндустриальный уровень экономического развития, выступающую инструментом ускорения экономической динамики вне зависимости от причин, обусловивших необходимость его применения. Это позволяет определить модернизацию в широком смысле как скоординированные усилия по достижению национальной конкурентоспособности в постиндустриальном мире. Исходя из этого, можно выделить следующие составляющие процесса экономической модернизации:

– системную модернизацию, представляющую собой обновление

самых принципов функционирования национальных экономических систем: совершенствование базовых принципов организации экономики, таких как развитие конкурентной среды, либерализация экономических процессов и поощрение частнопредпринимательской инициативы, деbüroкратизация экономики и др.;

– разработку эффективного комплекса мероприятий по совершенствованию национальных экономик, в частности диверсификацию, повышение доли в ВВП отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, структурные преобразования;

– структурную модернизацию, которая осуществлялась конкретными методами государственного регулирования, в частности, в области промышленной и инновационно-структурной политики. Это обуславливает задачи, связанные с оптимизацией структуры национальной экономики и ВВП, направленной на снижение сырьевой ориентации, увеличении доли прогрессивных (инновационных) отраслей;

– институциональную модернизацию, включающую два уровня реализации: структурную дифференциацию (разделение) институтов экономической системы – то есть формирование новых национальных институтов рыночной экономики, выполняющих строго определенную функцию и одновременно тесно взаимосвязанных и взаимодействующих между собой (например, институт государственно-частного партнерства) и развитие уже имеющихся институтов с повышением их доли в хозяйственном комплексе до уровня, адекватного современным условиям модернизации; деблокирование институциональных барьеров;

– технологическую и промышленную модернизацию производительных сил, включающую повышение уровня технологического развития национальной экономики, развитие отраслей «новой экономики», обновление основных фондов в реальном секторе, снижение энерго- и материалоемкости ВВП, повышение производительности труда, оживление инвестиционной активности хозяйствующих субъектов.

Разработка стратегии, под которой следует понимать траекторию изменения институтов и экономической политики, соединяющую текущее состояние с желательным является необходимым условием проведения модернизации и выработки направлений повышения конкурентоспособности страны. Так как конкурентоспособность является комплексным явлением, то необходимо формировать многофакторные конкурентные преимущества, при этом изобилие традиционных факторов производства не является достаточным условием долгосрочного успеха.

Определяющими условиями достижения внешней конкурентоспособности страны выступают инновации и повышение производительности используемых факторов производства. Более того, в

целях повышения конкурентоспособности России необходим переход к новой экономической политике, стержнем которой является инновационная стратегия [3, с. 88].

Анализ структурных элементов модернизации российской экономики позволяет заключить, что при планировании модернизационных преобразований необходимо учитывать определяющие факторы (структуру экономики, национальные особенности, институциональную составляющую) и целевые ориентиры (конкурентоспособность на основе диверсификации, инноватизации и технологизации). Такая модель посткризисной модернизации не предполагает отказ от сырьевой ориентации полностью, и представляет собой диверсификацию на основе инноватизации и модернизации промышленного и нефтегазового секторов, повышении их технологичности и эффективности выработки.

Инноватизация и диверсификация как инструменты реализации стратегии модернизационного развития предполагают увеличение доли инновационной продукции в экспорте (до 10-20% ВВП и 15-25% экспорта) на основе модернизации традиционных секторов российской экономики (нефтегазового, сырьевого, аграрного и транспортного), опережающего развития высокотехнологичных отраслей, превращения инноваций в ведущий фактор экономического роста, повышения производительности труда в ведущих секторах, определяющих национальную конкурентоспособность, и снижения энергоемкости. Переход от догоняющего этапа к инновационному требует определения потенциальных направлений инновационных прорывов.

Вместе с тем существуют ограничения модернизации экономики России. Ими выступают: институциональная неразвитость, тиражирующая формирование гибридных неэффективных институциональных структур и соответствующей им среды; растущая социально-экономическая поляризация населения ввиду углубления как дифференциации населения по доходам, так и региональной асимметрии; действия групп специальных интересов; неэффективность государственного управления (административные барьеры на пути развития предпринимательства).

Деблокирование этих ограничений обеспечивается разработкой стратегии национальной модернизации как важнейшей составляющей государственной экономической политики, направленной на повышение конкурентоспособности экономики на основе форсайт-технологий. При этом модернизация не должна превратиться в антимодернизацию, когда имеет место нежелание правящих слоев осуществлять назревшие изменения. В конечном итоге это может привести к псевдомодернизации, о чем предупреждают некоторые экономисты [4, с. 46].

Думается, что модернизационный механизм предполагает учет и реализацию следующих направлений перехода к инновационному социально ориентированному развитию: развитие человеческого

потенциала; создание инновационной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику; диверсификацию экономики на основе инновационного технологического развития; закрепление и расширение глобальных конкурентных преимуществ России; расширение и укрепление внешнеэкономических позиций России, повышение эффективности ее участия в мировом разделении труда; переход к новой сбалансированной модели пространственного развития российской экономики.

Поэтому создание условий для развития как высокотехнологичных, так и традиционных секторов экономики, укрепление их взаимосвязанности, а также поддержание оптимальных пропорций между ними должно составить основное содержание модернизационного сценария России, поскольку именно такой комплексный подход может обеспечить реализацию долгосрочных национальных интересов на устойчивой социально-экономической основе. Новая индустриализация предполагает качественное обновление и производительных сил, и производственных отношений, включая экономическую систему, движущие силы и стимулы, организационные формы, источники и факторы инноваций.

В системном аспекте основным содержанием идеи новой индустриализации является вертикальная интеграция производства и собственности. Процесс вертикальной интеграции технологических цепочек в совокупности с развитием национального станкостроения и производства микропроцессоров обеспечивает превращение производительных сил в единую автоматизированную систему общественного производства. Вертикальная же интеграция собственности обеспечивает эффективное распределение добавленной стоимости в интересах всего общества, то есть в целях достижения конкурентоспособности и устойчивости развития. В совокупности оба вида вертикальной интеграции формируют принципиально новые воспроизводственные параметры российской экономики, создавая тем самым предпосылки не только социально-экономической целостности страны, но и ее рационального и эффективного включения в глобальные и региональные экономические связи. Необходим переход от диктата частного капитала к власти капитала социального ради подъема производительных сил и качества жизни [5, с. 11].

Таким образом, для осуществления модернизации не были созданы оптимальные условия. Доля высокотехнологичных отраслей в хозяйстве страны невелика, традиционные сектора экономики развиваются медленно, интеграционные связи между ними не сформированы. Движущие силы модернизации не скоординированы в единую систему: инвесторы не заинтересованы в реализации инновационных идей, предприниматели не сфокусированы на коммерческом потенциале идей,

отсутствует спрос на инновации.

Государство как главная движущая сила модернизации не обеспечивает взаимодействие науки, бизнеса и государственных институтов в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики. Инновационная инфраструктура сформирована не полностью, а ее деятельность лишь частично направлена на поддержку инноваций. Поэтому при недостаточности движущих сил развития экономики на сегодняшний момент времени, институты развития и инновационная инфраструктура не могут обеспечить реализацию модернизационного сценария и создания национальной инновационной системы.

Необходим механизм согласования интересов различных социальных групп, в противном случае, высоки социальные издержки модернизации. При этом модернизация должна затрагивать, прежде всего, индустриально-технологическую сферу, а также политическую, социальную и социокультурную сферы общества. Учитывая имеющиеся недостатки, необходимо объединение общества для осуществления модернизационного сценария развития и укрепление институтов власти. Это генеральная задача на будущее.

Библиографический список

1. Иванова Л.И. К вопросу о стратегии неоиндустриальной модернизации // Экономист. 2012. №12. С. 18-26.
2. Сатаров Г.А. Прологомены к последней модернизации в России // Вопросы экономики. 2011. №5. С. 3-12.
3. Рустамов Э.Д. Принципы эволюционной модернизации переходных экономик// Вопросы экономики. 2009. №7. С.78-92.
4. Кульков В.С. О позиционировании новой индустриализации // Экономист. 2014. №10. С. 43-53.
5. Губанов С.А. Новая индустриализация и сектор рециклинга // Экономист. 2014. №12. С. 3-11.

УДК.658.872

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СИСТЕМ ТОРГОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Н.В. Кочерягина, О.А. Рыжова

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Россия
E-mail: sstu_ko4@mail.ru*

Современная отрасль торговли демонстрирует снижение темпов экономического роста и развития на фоне общего ухудшения экономической ситуации в стране и

введения продуктового эмбарго. Негативными последствиями кризисных явлений является рост цен в продуктовой рознице и сокращение ассортимента. В тоже время, кризис открывает новые возможности для сетевого ритейла и позволяет более гибким компаниям быстрее приспособиться к новым условиям, получить более выгодную стратегическую позицию и большую долю по сравнению с конкурентами. В сложившихся условиях интегрированные системы торгового обслуживания должны переосмыслить существующие логистические бизнес-процессы с целью минимизации затрат.

Ключевые слова: логистическая интеграция, сфера торговли, интегрированные цепи поставки.

STRATEGIC DEVELOPMENT OF INTEGRATED LOGISTICS SYSTEMS MERCHANT SERVICES

N.V. Kocheryagina, O.A. Ryzhova

The present-day industry trade shows a decline in economic growth and development on the background of General deterioration of the economic situation in the country and the introduction of the food embargo. The negative impact of the crisis is the increase of prices in the food retail and reduced range. At the same time, the crisis opens up new opportunities for retail network more flexible and allows companies to quickly adapt to new conditions, to obtain a more favorable strategic position and large share in comparison with competitors. In the circumstances of an integrated system of commercial service needs to rethink existing logistics business processes to minimize costs.

Key words: logistics integration, trade, integrated supply chain.

Современная Российская экономика переживает сложный период своего развития. На протяжении последних 10-15 лет Россия стремилась экономически, политически и социально интегрироваться в мировую экономическую систему. Платой за подобную интеграцию стала зависимость страны от мирового финансового кризиса и неблагоприятной конъюнктуры большинства международных товарных рынков. Негативные явления в экономике усиливаются политическим кризисом во взаимоотношениях с западными партнерами и введением продовольственного эмбарго.

Статистика Российской экономики за 2014 год продемонстрировала снижение темпов роста практически по всем основным социально-экономическим показателям: ВВП, реальные денежные доходы населения, объем промышленного производства и продукции сельского хозяйства, внешнеторговый оборот, инвестиции в основной капитал, оборот розничной торговли и другие.

Экономически развитые страны в период кризиса используют показатель динамики оборота розничной торговли в качестве индикатора ожидаемого состояния экономики, поскольку снижение покупательской способности и потребительской активности, приводящее к падению

темпов экономического роста, быстрее всего отражается на динамике розничного товарооборота.

В России торговля является одной из важнейших отраслей экономики, а сетевой формат торгового обслуживания на протяжении последнего десятилетия стабильно являлся лидером по темпам экономического роста и развития. Однако, в настоящее время функционирование российских торговых сетей, реализующих продовольственные товары, значительно осложняется негативным влиянием продовольственного эмбарго, ростом инфляции и ослаблением курса рубля.

По данным Росстата, оборот розничной торговли в России в январе 2015 года составил 2,051 трлн. руб., сократившись на 4,4% по сравнению с аналогичным показателем 2014 года. По сравнению с декабрем 2014 года, в течение которого россияне массово тратили рублевые накопления и приобретали бытовую технику и продовольственные товары длительного хранения, оборот в розничной торговле сократился на 33,6%. Продажи мяса в январе 2015 года по сравнению с январем 2014 года сократились на 22,3%, продажи рыбы уменьшились в 2 раза, продажи молока и молочных продуктов снизились на 9,8%, яиц – на 21,3%, сахара – на 34,4%, свежих овощей и фруктов – на 42% и 33,1% соответственно [1].

Ограничение импорта продовольствия и экономические санкции привели к существенному росту цен на российском продовольственном рынке. В феврале 2015 года крупнейшие розничные сети – «Магнит», X5 Retail Group, «Ашан», «Дикси», Metro Cash & Carry, «Лента» направили в Федеральную антимонопольную службу (ФАС) проект соглашения, замораживающего розничные цены на социально значимые продукты. В марте 2015 года в правительстве Саратовской области подписан меморандум между розничными торговыми сетями «Семейный», «Магнит», «Лента», «Ашан», «Гроздь», «Палитра вкусов», «Рациональ», «Милена» об ограничении роста наценки на социально значимые товары. Таким образом, региональные сетевые операторы и федеральные гипермаркеты приняли социально ответственное решение о сдерживании цен и недопущении товарного дефицита.

В сложившихся непростых экономических условиях основной траекторией развития розничного сетевого ритейла будет стратегия снижения внутренних издержек при одновременном сохранении уровня качества товаров. Таким образом, существенное изменение экономической ситуации в России, пусть и в худшую сторону, открывает новые возможности и заставляет пересмотреть существующие логистические бизнес-процессы с целью минимизации затрат. «Переформатирование» рынка позволяет более гибким компаниям быстрее приспособиться к новым условиям, получить более выгодную стратегическую позицию и большую долю по сравнению с конкурентами. Очевидно, что кризис дает

не только проблемы, но и возможности. Поэтому сетевым торговым предприятиям необходимо иметь четкую стратегию развития.

Направления развития могут иметь различные траектории [2, с. 98]. Далее представим их характеристику.

При выборе сетевым торговым предприятием *экстенсивного пути развития* в стратегии развития могут указываться следующие данные:

- перечень регионов, городов, где планируется ввод новых торговых объектов;
- очередность ввода новых торговых и складских объектов;
- корректировка организационной структуры по мере ввода новых объектов и формирования новых филиалов и региональных подразделений;
- использование существующих в компании показателей, технологий и регламентов на новых торговых и складских объектах;
- закупка складского оборудования для оснащения новых объектов и др.

При ориентации на *интенсивный путь развития* в стратегии развития могут указываться следующие данные:

- перечень объектов, где планируется увеличить товарооборот, и их очередность;
- совершенствование организационной структуры компании в соответствии с решаемыми задачами;
- разработка и внедрение инновационных системы управления товародвижением по ISO 9001;
- разработка и внедрение инновационных складских технологий;
- внедрение корпоративной информационной системы;
- привлечение консалтинговых компаний и провайдеров, специализирующихся в области логистики, и др.

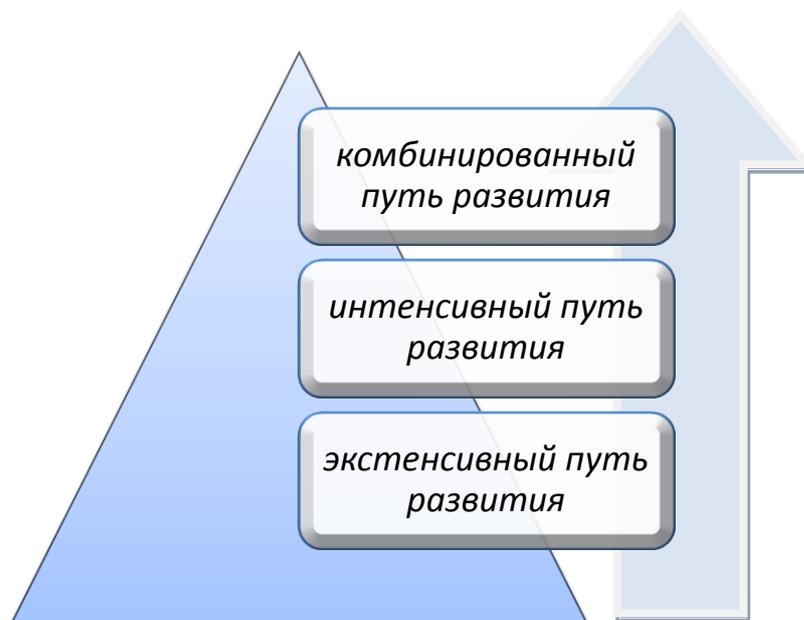

Рис. 1. Траектории развития

При выборе *комбинированного пути развития* в стратегии развития могут указываться следующие данные:

- перечень регионов, городов, где планируется ввод новых торговых объектов;
- перечень объектов, где планируется увеличить товарооборот;
- очередность ввода новых торговых объектов и увеличения товарооборота на существующих объектах по этапам;
- осуществление модернизации существующих объектов и увеличение их пропускной способности за счет более эффективного использования имеющихся площадей и внедрения более совершенной технологии;
- разработка и внедрение инновационных системы управления товародвижением по ISO 9001;
- разработка и внедрение инновационных складских технологий;
- внедрение корпоративной информационной системы;
- привлечение консалтинговых компаний и провайдеров, специализирующихся в области логистики, и др.

Большую роль в преодолении кризисных явлений в сфере торговли будут играть интегрированные цепи поставки. Интеграция – это совместное планирование, согласованные стратегии, общие риски и выгоды, совместный обмен информацией. Интеграция бизнес-процессов в системах торгового обслуживания происходит через контрольные точки, мониторинг поставщиков, принципы бережливого производства, совместное планирование и инвестиции в поставщика.

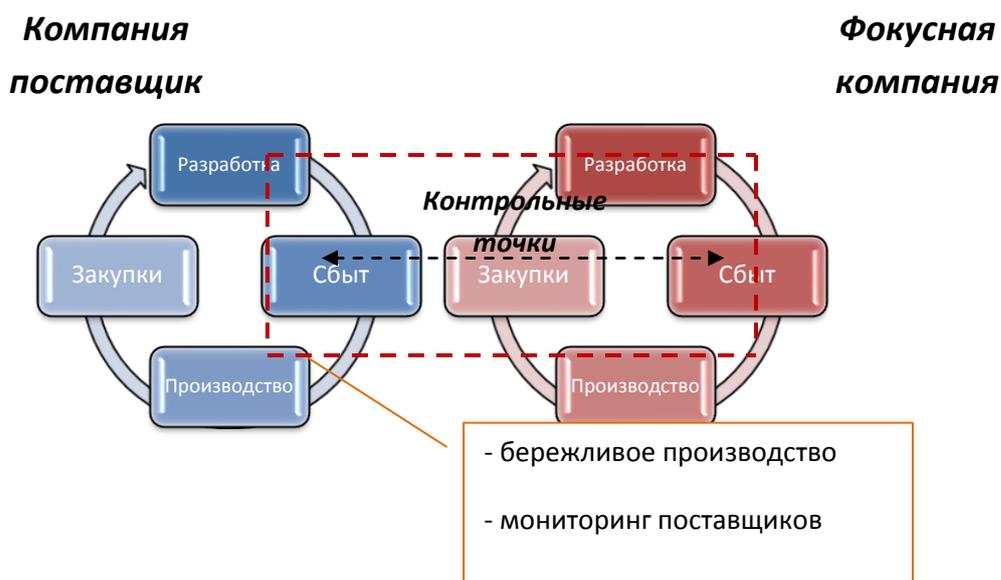

Рис. 2. Интеграция бизнес-процессов в цепях поставки

В заключение следует отметить, что для преодоления сложившейся ситуации крупные российские розничные торговые сети будут сокращать издержки за счет оптимизации ассортимента и логистики, активного сотрудничества с новыми поставщиками, корректировки планов по открытию новых магазинов, развитию форматов «магазин у дома» и «гипермаркет», вводу новых форматов («экспресс-ритейл»), развитию собственного производства. Для небольших розничных торговых сетей наиболее предпочтительной стратегией является логистическая интеграция.

Библиографический список

1. Росстат: оборот розничной торговли в РФ в январе сократился на 4,4%. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20150218/1048453377.html> (дата обращения: 20.03.2015).
2. Таран С.А. Логистическая стратегия предприятия: разработка и реализация. Практические рекомендации. М.: Издательство «Альфа-Пресс», 2010. 312 с.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕНЕНИЮ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

О.В. Сенокосова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: senoolga@yandex.ru

Статья посвящена анализу характеристик рынка труда в условиях постоянно изменяющихся условиях развития экономики. Подчеркивается, что изменения экономической пространственной системы рынка труда связаны с тесным переплетением связей взаимодействия институтов каждого возможного уровня рынка труда в пространстве, а также изменением самих институтов рынка труда, зарождением сетевых форм.

Ключевые слова: рынок труда, трансформация, пространство рынка труда.

SOME APPROACHES TO CHANGE THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE LABOR MARKET IN THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA

O.V. Senokosova

This article analyzes the characteristics of the labor market in the conditions of constantly changing conditions of economic development. It is emphasized that spatial changes in the economic system of the labour market related to the intertwining relations of interaction between institutions of each possible level of the labor market in the space, as well as the change in the labor market institutions, the emergence of network forms.

Key words: labour market transformation, the space of the labor market.

Трансформационные процессы, происходящие в российской экономике, существенно влияют на характер развития социально-экономических отношений. Структурные изменения, произошедшие в экономике под влиянием трансформационных процессов в обществе, как результат его «перехода» из индустриального в постиндустриальное, оказали весьма неоднозначное влияние на экономическую среду рынка труда. Изменение рынка труда трактуется неоднозначно.

Существующие направления трактовок трансформации рынка труда интересны. Бикчантаева А.И. под трансформацией рынка труда понимает изменение его сущностных характеристик, в первую очередь отраслевой и институциональной организации, осуществляемое в результате целенаправленного государственного воздействия на основные направления и способы использования трудовых ресурсов экономической системы, а также действия рыночных механизмов, приводящих к

изменению эффективности задействования труда в процессах общественного производства [1]. Дукарт С.А., Слета Е.В. связывают с трансформацией комплексное изменение ее составляющих элементов [2].

Иконникова Н.И. рассматривает трансформацию как качественное изменение общественных явлений и общества в целом под преобладающим воздействием субъективного фактора. Трансформации рынка труда и отношений занятости происходила в контексте общероссийских изменений, вызванных либерализацией и структурной перестройкой экономики страны в целом [3].

Невозможно дать всеобъемлющую и четкую характеристику экономическим явлениям и процессам, связям и отношениям, которые присущи экономической трансформации рынка труда, но необходимо рассмотреть все имеющиеся подходы к этому явлению.

В последние годы проведено большое количество исследований, затрагивающих проблемы трансформации рынка труда в современной экономике. Однако в указанной области все еще остаются нерешённые проблемы, связанные, в частности, с изменением рынка труда в экономическом пространстве.

Анализ рынка труда с позиции пространственной экономики рассматривается редко, отдельные положения, касающиеся информационного или виртуального рынка труда можно встретить в работах Талызина В.Е., Ефимова И.Н., Котлярова И.Д., экономического пространства у Тишиной В.Н., Матакас Ю., Юнявичюс А., Плучевской Э.В., особая роль отведена социальному пространству и взаимодействию его на рынок труда в работах Чилипёнок Ю.Ю., Храмова Ю.В., Виноградовой Н.Л., Зубаревича Н.В., Бекарева А.М. Во всей совокупности и целостности взаимодействия пространств рынка труда и институтов теоретический анализ скудный.

Построение новой экономической пространственной системы рынка труда и переплетение связей взаимодействия институтов каждого возможного уровня рынка труда в пространстве.

Экономическое пространство раскрывается в двух измерениях:

а) в пространственных структурах экономики страны, где человеческий труд в конкретных пространственных формах соединяется с техникой, энергоисточниками, опредмечивается в продуктах труда и распределяется;

б) в экономических связях между субъектами экономической деятельности в сферах занятости, профессиональной переподготовки или «застывая» в жизненном пространстве безработных.

Наиболее часто под экономическим пространством подразумеваются некие географические рамки, в которых существует экономическая система. Границы этих рамок у разных авторов простираются от единого мирового экономического пространства до регионального.

Изучение и анализ различных точек зрения на экономическое пространство и проблемы, с ним связанные, позволяют говорить о трех сложившихся на текущий момент подходах к его исследованию: территориального, ресурсного и информационного.

Другим весьма существенным измерением экономического пространства выступает сфера занятости, количеством занятых в народном хозяйстве и их качественным составом, структурой по полу и возрасту, уровню образования, профессиональной и квалификационной подготовки.

Фактором изменения кривизны экономического пространства становится изменение пространственных связей в системе «человек – машина». Работа человека с персональными компьютерами предполагает создание промышленной, торговой, финансовой информации в собственной городской квартире, изменяя тем самым привычные для людей представления о пространстве труда. Наблюдается расширение форм автономного поведения и нового типа межличностных отношений в структуре пространства.

Пространство рынка труда трансформируется, приобретает форму в рамках территориального пространства, информационного пространства, социального пространства, жилищного и т.д.

Исходя из пространственно-территориального подхода к классификации рынка труда, можно дать определение пространственно-территориальных форм функционирования рынка труда, как иерархически соподчиненные, взаимосвязанные, территориально ограниченные пространственные центры локации субъектов рынка труда, обеспечивающие, в конечном счете, оптимальное сочетание формирующего ими спроса и реализуемого предложения в общем, экономическом пространстве.

Кроме того, пространственно-территориальная форма рынка труда, как любая система обладает определенными свойствами, прежде всего это целостность (то есть, наличие единства целей и выполняемых функций); автономность (стремление к внутренней упорядоченности и самостоятельности в функционировании) и устойчивость (сохранение или восполнение отдельных элементов системы) [4].

Процесс появления и развития виртуального рынка труда в настоящее время связывают в большей степени с развитием информационных технологий, усиленных Интернетом. Появление новых информационных и коммуникационных технологий позволило рассматривать функционирование рынка труда как виртуального рынка, в соответствующей виртуальном пространстве.

В большей степени развитие виртуального рынка труда связывается с изменением всего лишь его организационных характеристик, и в частности формирования эффективной организационной формы для экономической деятельности [5]. Виртуализация – это форма сети, это новейшая и

потенциально наиболее важная форма сетевых структур, появившаяся и получившая широкое распространение в последнее десятилетие, трансформируя сетевое пространство.

Проследить всю сложность и переплетения связей между уровнями и формами рынка труда в пространстве можно, используя институциональный подход. Институциональный подход довольно часто в последнее время используется экономистами в исследованиях рынка труда. Среди обширной классификации институтов рынка представлены социальные институты, экономические, политические, формальные и неформальные и т.д. Сетевизация общества и экономики приводит к формированию совокупности сетей, имеющих свой порядок. Это оказывает воздействие не только на граждан, но и на государственные и общественные институты, экономические институты, институты рынка труда. Виртуальные институты, как экономическая категория, представлены в научной литературе широким спектром определений, не связанных с социально-экономическими отношениями. Всемирная компьютерная сеть становится институтом, содержание которого пока остается до конца нераскрытым. Институциональный характер сети, как института, остался практически не изученным с позиции социально-трудовых отношений, рынка труда, поэтому возникает целый ряд интересных методологических вопросов относительно закономерностей формирования и функционирования Сети-института и сетевых институтов внутри Сети.

В работах можно встретить различные направления исследования самой сети Интернет, как коммуникативный институт [6], как социальный институт [7], политический, социокультурный и т.д. Раисе М. предлагает рассматривать сеть как институт, определяющий правила взаимодействия и интеграции предприятий экономических субъектов, разделяющих близкую систему ценностей [8].

Сетевое сообщество как институт, по мнению Штейнберга И.Е. представляет собой «организацию-трансформер», стремящуюся каждый раз привести свою форму в соответствие с целями и задачами объединения. Особенности виртуальных сетей проявляются не в их структурно-организационном дизайне, а в нормах и правилах взаимодействия, сетевой этике, культуре «контента», кибернетической логике поведения виртуальных сетевых «узлов», способах установления границ и масштабов сетей [9].

Сам Интернет рассматривается Басовым А. не только как источник информации и развлечений, а как «платформа для социальной активности» [10].

Компьютерная сеть, на наш взгляд, являясь с одной стороны институтом в социально-экономических отношениях, является площадкой для образования и функционирования других институтов, которые можно

называть «сетевыми институтами». Сетевые институты возникают и в рамках виртуальной инфраструктуры рынка труда. Автора статьи интересуют сети, в первую очередь, с точки зрения возможности развития, взаимодействия и интеграции институтов в экономическом пространстве рынка труда.

Под институтом сетевого типа рынка труда понимается информационная сеть Интернет, объединяющая множество участников, и устанавливающая совокупность правил, устойчиво функционирующих в результате процесса их институционализации.

Институты возникают благодаря тому, что у людей появляется потребность в них. Целесообразно рассматривать информационную сеть как новый институт на рынке труда, которая сочетает в себе как рыночные механизмы, так и характеристики субъектов отношений на рынке труда.

Зарождение сетевого института рынка труда происходит путем объединения группы людей-участников виртуального рынка труда общим интересом в виде специфической информации, а также систематизированной переработанной информации, пригодной для решения практических задач.

Сетевые институты рынка труда, в общем, будут обладать следующими признаками: разделение ролей (появляются авторитеты, эксперты, профи в той или иной теме), формируются правила общения (как задавать вопросы, как отвечать, как реагировать на конфликтные ситуации, как обращаться, как составлять резюме), возникают внутренние формы санкций для нарушителей общепринятых норм и традиций и т.п. Сетевой институт рынка труда похож на пиринговую сеть, т.е. сеть, где каждый узел может одновременно выступать как в роли клиента (получателя информации), так и в роли сервера (поставщика данных).

Сама инфраструктура виртуального рынка труда представляет собой сеть институтов:

1. Сетевые информационные институты рынка труда – частично связаны между собой поисковыми серверами, например Яндекс. работа. В сетевой инфраструктуре виртуального рынка труда можно выделить отдельные институты в виде биржи труда для IT-специалистов (www.freelance.ru, itpeople.ru, www.it-rabota.ru), ресурсов для студентов и выпускников (www.e-graduate.ru, www.bestjob.ru, www.stazher.com), социальных сетей и сообществ (ресурс LiveJournal, rabota, best_job, career_job_ru, ru_job для различных профессий (например, paparazzi и rusfreelancers для журналистов, ru_freelance для IT-шников, ru_perevod4ik для переводчиков) и даже городов (например, spb_job), в виде сайтов государственных органов, электронных досок объявлений.

2. Сетевые консультационные/образовательные институты рынка труда, как правило, связаны с дистанционным рынком образовательных

услуг, функционирующих на базе высшего профессионального, послевузовского образования.

3. Сетевые формальные институты рынка труда – электронное правительство, электронная налоговая инспекция, электронная полиция, безопасная информационная инфраструктура, правовое регулирование деятельности в сети Интернет.

4. Сетевые неформальные институты рынка труда. Так, Апатова Н.В. обращает внимание на неформальный характер отношений внутри сети, следовательно, все институты будут рассматриваться как неформальные [11].

Таким образом, институциональная трансформация рынка труда проявляется в развитии сетевых институтов рынка труда, под которыми следует понимать зону взаимного интереса субъектов рынка труда, внутри которого вызревают новые модели поведения, условия взаимодействия, нормы и правила отношений, возникающих по поводу найма и использования рабочей силы. В России сетевые институты рынка труда находятся еще лишь на стадии зарождения. Сегодня отечественные сетевые институты рынка труда в своем развитии значительно отстают от аналогичных западных институтов. Последнее связано со спецификой российской институциональной среды, в которой функционируют отечественные сетевые институты. В настоящее время в нашей стране сложилась неустойчивая институциональная среда: интересы государства и бизнеса нередко вступают в противоречие. Поэтому необходимо выработать эффективный механизм, обеспечивающий взаимодействие всех институтов, находящихся как в сети, так и за ее пределами. В связи с отсутствием нормальной институциональной среды субъекты рынка труда избирают: менее затратную и менее рискованную модель поведения; краткосрочные, дающие быстрый результат действия.

В целом в экономическом пространстве рынок труда трансформируется в пространстве, институциональной среде, сети, организации, что обуславливает дальнейшее исследование данного процесса во взаимосвязи отдельных элементов.

Библиографический список

1. Бикчантаева А.И. Трансформация рынка труда в условиях модернизации структуры общественного производства (теоретико-методологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра э. наук. Казань, 2012. 41 с. С. 12-13.
2. Дукарт С.А., Слета Е.В. Проблемы оценки трансформации рынка труда в условиях модернизации экономики // Известия томского политехнического университета. 2010. Т. 316. №6. С. 8-12.
3. Валиахметов Р.М. Трансформация рынка труда и занятости населения // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. С. 136-140.
4. Сенокосова О.В. Экономическое пространство рынка труда // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. Выпуск 1. Ч. 1. 2014. Том 14. С. 16-21.

5. Коблова Ю.А. Институты и сетевая экономика: механизмы взаимодействия // Вестник СГСЭУ. 2012. №5 (44). С. 44-47.
6. Напалков А.А. Интернет как культурный коммуникативный институт // Регионология. 2008. №4. С. 332-339.
7. Хлипун В.В. Становление интернета как социального института // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2011. Т. 7. №9. С. 38-42.
8. Раисе М. Границы «безграничных» предприятий: перспективы сетевых организаций // Проблемы теории и практики управления. 1997. №1. С. 65-73.
9. Штейнберг И.Е. «Живые» и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий // Социологический журнал. 2009. №4. С. 85-103.
10. Басов А. Социальные сети изменили Интернет, и они во многом будут определять следующий этап его эволюции. URL: <http://www.kommersant.ru/daily> (дата обращения: 12.12.2014).
11. Апатова Н.В. Институты интернет // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономика. 2010. №1 (38). С. 38-41.

УДК 339.9 (470+571)

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ

И.И. Степанов

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Россия

E-mail: Hiermonk_Luke@mail.ru

В статье представлено понятие внешнеэкономических связей. Показаны основные теоретические концепции обоснования сути внешнеэкономических связей. Описывается структура внешнеэкономических связей России.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи; международная торговля; транснациональные компании; конкурентные преимущества.

THE MODERN STRUCTURE OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIA

I.I. Stepanov

The paper presents the concept of foreign economic relations. The basic theoretical concepts of justification essence of foreign economic relations. The structure of foreign economic relations of Russia.

Key words: foreign economic relations; international trade; multinational companies; competitive advantages.

Внешнеэкономические связи представляют собой комплекс различных направлений, форм, методов и средств перемещения

материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов между странами. Это одна из наиболее сложных сфер экономики любой страны.

Теоретическое обоснование сути и преимуществ внешнеэкономических связей представлено в работах представителей классической экономической школы политэкономии А. Смита и Д. Рикардо, Р. Торренса и Джона Стюарта Милля [1, 2].

Основы современных представлений о преимуществах в международном обмене заложили шведские ученые – экономисты Эли Хекшер и Бертиль Олин. Существенный вклад в теорию международной торговли внес Б. Олин в работе «Межрегиональная и международная торговля», получившей признание как важное исследование международных экономических отношений. Центральное место занимает модель Хекшера-Олина, в которой исходным является положение, что международная торговля возникает между странами с различными «факторами дохода», даже если эти страны обладают одинаковыми производственными технологиями. Различия в факторах дохода, по его мнению, обуславливают различия в относительных ценах. На основании этого положения Б. Олин обосновал свою концепцию товарных потоков.

Хекшер и Олин выдвинули теорему «выравнивания цен на факторы производства». Ее суть в том, что национальные производственные различия определяются разной наделенностью факторами производства – трудом, землей, капиталом, а также их ценами.

В 1948 г. американские экономисты П. Самуэльсон и В. Столпер усовершенствовали доказательство теоремы Хекшера-Олина, представив свою теорему: в случае однородности факторов производства, идентичности техники, совершенной конкуренции и полной мобильности товаров международный обмен выравнивает цену факторов производства между странами.

В концепциях международных связей, основанных на модели Рикардо с дополнениями Хекшера, Олина и Самуэльсона, торговля рассматривается не просто как взаимовыгодный обмен, но и как средство, с помощью которого можно сократить разрыв в уровне развития между странами.

Особую роль конкуренции в объяснении причин развития внешней торговли, выхода фирм на внешний рынок показал в своих исследованиях известный американский экономист М. Портер [3]. Конкурентность страны, в соответствии с его доказательствами, определяется прежде всего комплексом конкурентных преимуществ ее ведущих фирм.

Помимо теорий, ставящих своей задачей объяснить и обосновать процессы международной торговли с позиций теории сравнительных преимуществ, в зарубежной экономической мысли получает развитие направление, анализирующее внешнюю торговлю с позиции поведения отдельных международных компаний, прежде всего ТНК. Объективной

основой такого подхода является тот факт, что 1/3 мировой торговли осуществляется через трансфертные цены, то есть цены, по которым продукт передается внутри межстрановой филиальной сети крупных компаний. Транснациональные компании разбивают монополию отдельных стран на обладание сравнительными преимуществами. Они организуют производство там, где издержки производства наименьшие, и пользуются этими преимуществами в своих интересах.

В 2008 г. Нобелевская премия была присуждена американскому экономисту П. Кругману – за «новую теорию международной торговли и новую теорию экономической географии». Кругман проанализировал механизм и факторы роста торговли, прежде всего – между схожими странами, в своей книге «Стратегическая торговая политика и новая международная торговля» [4]. Он обращает внимание на экономию от масштаба производства и монополистическую конкуренцию, их роль в современной международной торговле. Анализируется экономика, выпускающая значительный объем продукции, применяя лишь один фактор – труд. В этом случае сбалансированный объем международного обмена может быть определен на основании условий равновесия. Его подходы инициировали исследования как теоретического, так и практического характера международных связей и заложили основу новой теории международной торговли.

По определению Дж. Сакса, «...экономический успех любой страны мира зиждется на внешней торговле. Еще ни одной стране не удалось создать здоровую экономику, изолировавшись от мировой экономической системы» [5].

Внешнеэкономические связи можно рассматривать с двух позиций. В рамках традиционного экономического анализа предполагается только исследование экономических связей страны с другими государствами. Д.С. Лебедев, например, видит в данном подходе два основных противоречия. Во-первых, как он считает, классический экономический анализ «противоречит системному подходу при изучении любого явления». Так, необходимо исследовать не только внешнюю торговлю как социально-экономическую систему, каковой она и является, но и такие ее элементы, как участники внешнеторговых отношений, механизм их взаимодействия и организационно-правовые формы регулирования, составляющие внешнеторговый комплекс страны [6].

Во-вторых, неправильно изучать только экономическую составляющую трансформации системы, поскольку это лишь одна из многих – наряду с социодемографической, институциональной, технологической, геополитической, социокультурной, пространственной и другими.

Другим методом анализа является использование институциональной теории, которая позволяет исследовать трансформационные процессы в

целом. Однако такой подход к исследованию внешнеэкономических связей может далеко увести от основной проблематики. Представляется, что использование данного метода может иметь место, но отказываться от использования хорошо известного классического метода нецелесообразно.

Характер, уровень развития и значение внешнеэкономических связей определяются соответствующим способом производства на основе международного разделения труда и присущих каждой стране сравнительных преимуществ и внешнеэкономической стратегии.

Россия заинтересована в использовании преимуществ международного разделения труда и в экономии общественно необходимых затрат. Для России характерна безальтернативность источников валютных поступлений, связанных только с экспортом сырья, в связи с чем любая самая агрессивная экспортная стратегия, не подкреплённая наличием конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, не даст должного эффекта. Капитал должен быть вложен в инновации и работать на повышение производственного потенциала, а не ожидать возможных потрясений на рынке [7].

Расширение внешнеэкономических связей стало одним из наиболее значимых факторов социально-экономического развития России – как источника экономического роста, доступа российских компаний к технологиям и финансовым ресурсам и наполнения рынка качественными инвестиционными и потребительскими товарами.

Возросла роль внешнеэкономического фактора в повышении конкурентоспособности российской экономики, в том числе машиностроения. В период с 2001 по 2007 год экспорт машинно-технической продукции возрос в 2,2 раза и достиг 19,7 млрд. долл., а его доля в конечной продукции машиностроения составила 17,4% в 2007 году. Существенным фактором модернизации экономики стали прямые иностранные инвестиции: их объём увеличился с 2,5 млрд. долл. (6% внутренних инвестиций) в 2000 году до 45,1 млрд. долл. (17,4%) в 2007 году.

Однако, несмотря на ряд позитивных сдвигов, ситуация во внешнеэкономической сфере далека от благополучия. За последние годы качественные параметры ее развития ухудшаются. Во внешней торговле сохраняется модель «импорт готовых товаров в обмен на экспорт сырья и энергоносителей», что означает скрытый отток добавленной стоимости из экономики и закрепление экспортно-сырьевой модели развития страны.

Структура российского экспорта остается недиверсифицированной. Более 65% в нем составляют углеводороды и сырьевые товары, дальнейшее наращивание вывоза которых неэффективно, связано с большими затратами и ведет к повышению внешней уязвимости отечественной экономики. При сохранении такой структуры увеличение объемов экспорта перестает быть источником экономического роста и

превращается в фактор его сдерживания. Уже в период с 2011 по 2013 год сальдо по текущим операциям платежного баланса стремилось к отрицательным значениям. Это означает, что при сохранении сложившихся тенденций дальнейшее наращивание экспорта сырья и энергоносителей не будет покрывать импорт готовых товаров, обеспечивающих конечное потребление.

Действующая в настоящее время система внешнеэкономических институтов не обеспечивает в должной мере ни эффективной защиты внутренних рынков, ни поддержания конкурентоспособности российских товаров за рубежом. По мере укрепления рубля рост импорта готовых товаров за последние годы приобрел «взрывной» характер, начав вытеснять с внутреннего рынка отечественных производителей. В результате по некоторым видам товаров российская экономика попала в устойчивую зависимость от импорта. Так, отрицательное сальдо во внешней торговле машинно-технической продукцией возросло с 1,5 млрд. долл. в 2000 году до 82,1 млрд. долл. в 2007 году, а к 2010 году увеличилось до 218 млрд. долл. [8].

Сложившаяся географическая структура внешнеэкономических связей ориентирована на традиционные европейские рынки и страны СНГ. В то же время позиции российских компаний на быстрорастущих рынках государств Азии и Латинской Америки крайне незначительны. По ряду направлений здесь наметились негативные тенденции. Так, отрицательное сальдо образовалось в торговле с основным партнером России в Азии – Китаем.

Приток капитала из-за рубежа не стал двигателем инновационного обновления экономики и повышения ее конкурентоспособности. На обрабатывающие производства приходится лишь 15% прямых иностранных инвестиций, в то время как почти 80% инвестиций направляется в добычу полезных ископаемых, операции с недвижимостью, торговлю и финансовую деятельность [9].

Отмеченные выше неблагоприятные тенденции являются во многом следствием нынешнего состояния всей системы внешнеэкономического регулирования, которая характеризуется отсутствием ряда институтов, обеспечивающих поддержку необходимых структурных сдвигов в экономике, повышение ее конкурентоспособности и переход на инновационный путь развития.

В ближайшие годы наша страна должна решить ряд перспективных задач, важное место среди которых занимают задачи, связанные с организацией и управлением внешнеэкономической деятельностью. Внешнеэкономический комплекс должен стать неотъемлемой частью долгосрочной стратегической концепции развития нашей страны, поскольку именно он может помочь российской экономике успешно интегрироваться в систему современного мирового рынка.

Затрагивая вопрос стратегического развития Российской Федерации, стоит отметить, что российскими учеными разработан ряд вариантов долгосрочной экономической стратегии на период до 2015 г. и далее, до 2025 г. В стратегии выделяется три значимых этапа реализации, которые приводятся с некоторыми коррективами [10].

На первом этапе (2006-2010 гг.) предполагалось преодоление последствий кризиса основного и человеческого капитала, причем в это время степень влияния государства на внешнеэкономические отношения была еще довольно высока.

Ко второму этапу (2011-2015 гг.) относятся завершение модернизации и принципиальное обновление машиностроительного комплекса на основе инноваций, планируется экспансия продукции российской инвестиционной сферы на мировом рынке, а также сокращение доли традиционных товаров в экспорте за счет инновационных продуктов. На этом этапе роль государства сводится лишь к стратегическим коррективам в сфере международной торговли и международных финансовых отношений.

Третий этап (2016-2025 гг.) представляет собой более полную либерализацию российской экономики и внешнеэкономических отношений, при этом роль государства ограничивается рыночной экономикой, необходимой кредитной и дипломатической поддержкой саморегулируемых хозяйственных и научно-технических организаций. Однако на всех трех этапах сохраняется функция государства, связанная с наполнением доходной части бюджета отчислениями от внешнеторговой деятельности.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» была принята с целью развития и совершенствования внешнеэкономических связей. Приоритеты государственной политики в сфере внешнеэкономической деятельности включают:

- формирование (через институты, механизмы и инструменты международного экономического сотрудничества) необходимых и достаточных условий для достижения стратегических целей России в мировой экономике и повышения вклада внешнеэкономической сферы в решение задач инновационно-ориентированной модернизации национального хозяйства;
- создание интегрированного евразийского экономического пространства (единого рынка) стран-участниц Евразийского экономического союза, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы;
- создание конкурентоспособной (по сравнению с лучшей зарубежной практикой) и доступной для широкой массы предпринимателей национальной системы институтов и

механизмов развития ВЭД;

- формирование системы государственного регулирования ВЭД, эффективно обеспечивающей национальные интересы и интересы российского бизнеса в процессе международного экономического сотрудничества с учетом изменившихся условий внешней среды. Реализация данного приоритета тесно связана с осуществлением наднациональных полномочий в сфере регулирования ВЭД органами Таможенного союза и Единого экономического пространства, эффективностью механизма выработки и принятия решений в рамках Таможенного союза и степенью влияния России на эти процессы;
- создание эффективных для участников ВЭД, обеспечения интересов России и Таможенного союза в целом в сфере экономики и безопасности систем таможенного администрирования и пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Цель Государственной программы развития ВЭД – усиление позиций России в глобальной экономике, улучшение качественных параметров внешнеэкономической деятельности, повышение вклада внешнеэкономической сферы в решение задач модернизации национального хозяйства.

Как показывает зарубежный опыт, наиболее эффективно для страны участие прежде всего в сфере интернационализированного производства. Развитию такого производства должна всемерно содействовать промышленная, инвестиционная, налоговая и таможенная политика России.

Эту же цель должно иметь в виду государственное регулирование внешней торговли, стимулируя экономически эффективную международную специализацию и кооперирование производства.

Внешнеторговая политика должна постепенно освобождаться от чрезмерной фискальной нагрузки и переходить к избирательному и ограниченному по масштабам и срокам протекционизму, исходя из того, что в условиях растущей конкуренции на мировых рынках в защитных мерах нуждаются прежде всего относительно более эффективные, динамичные и перспективные производители, а не заведомо неэффективные, способные лишь на затяжную стагнацию.

В то же время обеспечение национальных интересов требует активного противодействия любым проявлениям недобросовестной конкуренции на российском рынке (например, путем применения антидемпинговых процедур и других мер, официально признанных в международной практике).

Принимая во внимание длительный и глубокий инвестиционный кризис, выражающийся в резком сокращении, а то и в полном

прекращении инвестиционного процесса, и признавая, что его преодоление (а, следовательно, и устойчивый экономический рост) практически невозможно без широкого привлечения прямых иностранных инвестиций, реципиентами которых ныне являются, прежде всего, наиболее развитые страны, – в этой области необходима активная, целеустремленная государственная политика, направленная на создание надлежащего, т.е. максимально благоприятного, инвестиционного климата как для отечественных, так и для иностранных стратегических инвесторов, причем в большинстве отраслей речь должна идти о принципе национального режима для иностранных инвесторов. При этом особенно важно, чтобы все меры в этом отношении не ограничивались декларациями, а реально воплощались в жизнь.

Библиографический список

1. Рикардо Д. Принципы политической экономии и налогового обложения. Соч. Т.1. М., 1995.
2. Милль Дж.С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. В 2 т. Т. 1. СПб, 1860.
3. Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993.
4. Кругман П. Стратегическая торговая политика и новая международная торговля. М., 1995.
5. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994. С. 244.
6. Лебедев Д.С. Институциональная трансформация внешней торговли России. М.: Экономика, 2013. С. 5.
7. Кочетов Э. России нужна внешнеполитическая доктрина – геоэкономическая! // URL: <http://www.geoeconomics-academy.ru> (дата обращения: 15.04.2015).
8. Федеральная служба государственной статистики. Внешняя торговля. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).
9. Фаминский .П. Глобализация – новое качество мировой экономики. М.: Магистр, 2012. С. 38.
10. Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации. М., 2008. С. 24.

УДК 330.133.7

ФИКТИВНЫЕ ТОВАРЫ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Р.Р. Тугушева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: ryasimya.tugusheva@mail.ru

В статье анализируется такое понятие как фиктивный товар, его признаки. Для определения признаков фиктивных товаров, исследуется, что служит основой стоимости реальных товаров. В статье приводятся различные определения фиктивных товаров различных исследователей, занимающих данной проблемой.

Ключевые слова: фиктивность, фиктивный товар, реальный товар, фиктивная стоимость.

BOGUS GOODS AS AN ECONOMIC CATEGORY

R.R. Tugusheva

The article analyzes fictitious commodity and its characteristics. For signs of bogus goods is investigated, which serves as the basis for the cost of the real goods. The article presents different definitions of bogus goods suggested by various researchers dealing with this issue.

Key words: fictitiousness, bogus goods, real goods, bogus value.

В повседневной жизни люди потребляют различные роды товаров: изделия, услуги, информацию. То есть те товары, которые удовлетворяют их потребности. С другой стороны, есть люди, которые эти товары производят. Однако не все товары на современном рынке являются реальными товарами. Существуют так называемые фиктивные товары.

Для начала разберемся с таким понятием как «Фиктивность». Фиктивность – дутость, вымысленность, поддельность, мнимость, фальшивость, являющаяся фикцией. Например, фиктивная сделка – это намерение заведомого неисполнения обязательств по договору. Следовательно, фиктивный товар, то есть несуществующий.

Начиная с Адама Смита, для всех товаров основой стоимости являлся реальный труд. Согласно трудовой теории стоимости всякий труд является расходом рабочей силы. Портняжество или ткачество, несмотря на качественное различие, производительной деятельностью являются одинаково расходом человеческого мозга, силы и т.д. Поэтому и в стоимости товара представлены затраты человеческого труда вообще. Маркс выделял простой средний труд и сложный труд, который означает возведённый в степень простой труд. Следовательно. Меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Причиной разницы между стоимостями двух товаров является то, что для производства одного товара нужно затратить рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства другого. Из этого следует, что потребительная стоимость включает в себе качество содержащего в нем труда, а стоимость включает в себя количество труда затраченного для производства товара. При производстве одного товара производительная сила остаётся неизменной, то при увеличении количества этого товара его стоимость растёт. Большое количество потребительных стоимостей создаёт всё большее вещественное богатство, но при этом понижается величина стоимости этого товара. Это возникает из двойственного характера труда. С одной стороны полезный труд прямо пропорционален повышению или падению производительной силы. Но с

другой стороны, как бы ни изменялась производительная сила труда, он создаёт равные стоимости в равные промежутки времени, но различные количества потребительных стоимостей. При изменении производительной силы в сторону увеличения, увеличивается количество потребительных стоимостей, но при этом уменьшается величина стоимости данных потребительных стоимостей. С одной стороны, труд образует стоимость при расходовании человеческого труда в физиологическом смысле, но, с другой стороны, создаёт потребительную стоимость при расходовании человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме [1, с. 65-66].

Фиктивные товары – это товары, не имеют ни реальной, ни меновой стоимости, что и отличает их от реальных товаров. То есть в них не заложен человеческий труд. Марксистская теория стоимости не в состоянии объяснить превращения знания в стоимость, т.к. затраты на производство неопределенны.

На существование фиктивных товаров и их иллюзорную природу указывал и К. Маркс. Он считал, что фиктивным может быть и капитал и что «акция есть лишь титул собственности». Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности – не только государственных ценных бумаг, но и акций – поддерживает иллюзию, – писал К. Маркс, – будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. Показав природу кредита как средства экстенсивной и интенсивной экспансии капитала, Маркс из анализа этого явления выводит образование акционерного капитала и, как следствие, появление фиктивного капитала – капитала, который «живет» исключительно как некоторый знак возможного получения прибыли и имеет свою стоимость только как производная нескольких параметров, весьма далеких от процесса создания стоимости. Это ожидаемые дивиденды, ставка процента и конъюнктура фондового рынка. Все это параметры, непосредственно являющиеся субъективными, зависящие от, прежде всего случайных соотношений и поведения рыночных агентов. Здесь характерный для рынка вообще отрыв цены от стоимости как бы «возводится в степень». Материальная основа – движение общественного абстрактного труда – стоимости, оказывается столь далека от непосредственного процесса «оценки» фиктивного капитала, что играет уже незначительную роль. И только в период кризиса, в период когда «будят спящую собаку» и докапываются до действительных основ – только в этот период выясняется, что этот капитал – фиктивен. И выясняется это в совершенно очевидной и brutальной форме – резком падении котировок акций, спаде на фондовом рынке. Последний недвусмысленно говорит обладателям казавшегося огромным фиктивного капитала: Ваши акции – фикция. Бумага. Некие виртуальные

файлы. Это не товары. Это не стоимость. Это не капитал. Ибо «это» нельзя продать и «это» не приносит прибыли.

В рамках логики Маркса то, что сегодня называют «капитализацией фирмы», есть косвенная оценка фиктивного капитала, находящегося в собственности того или иного лица (персоны или корпорации). И этот капитал именно фиктивен. Не в том смысле, что он не реален – он вполне реален. А в том смысле, что это реальность особого рода. Этот капитал по своей природе количественно и качественно неопределен. Он не может быть определен количественно, ибо в принципе не известно и не может быть даже приблизительно известно, какова его действительная величина, т.е. стоимость (выраженная, естественно, в денежном эквиваленте). Известна лишь постоянно изменяющаяся оценка, зависящая не от стоимости данного товара, а от производных второго, третьего и т.д. порядка факторов. Отрыв капитализации от стоимости столь велик, что он делает сомнительным и качество этого феномена как капитала: принципиально неизвестно, приносит ли он прибыль или убыток [2].

Различные авторы различным способом определяют фиктивный товар. Впервые термин «фиктивные товары» ввёл в научный оборот Карл Полян, который трактовал его как ненастоящий товар, не произведённый для продажи. К фиктивным товарам он относит землю и труд. Он это объяснял это тем, что труд и земля не являются в отличие от обычных товаров продуктами производственной деятельности, предназначенным для продажи. Превращение их в товар предполагает формирование институтов, закрепляющих рыночные критерии оценки трудовой деятельности человека, тесно связанной с самим процессом жизни, использования природных ресурсов. Он говорил что, труд сеть не что иное, как другое название человеческой деятельности, неразрывно связанной с самой человеческой жизнью; эта последняя же существует не для продажи, но совершенно для других целей. Кроме того, трудовая деятельность не может быть оторвана от прочих составных частей человеческой жизни в целом, она не может запасаться или мобилизовываться по мере надобности. Земля — не что иное, как другое название природы, которая человеком не производится. Наконец, современные деньги — знаки покупательной силы в чистом виде и, как правило, не производятся вообще, но порождаются банковской или государственной финансовой системой. Ни один из этих трех элементов не производится для продажи; характеристика труда, земли и денег как товаров является чисто фиктивной.

К. Полян считал, что фиктивный характер этих товаров создает жизненно важный для организации общества принцип, который различными способами влияет почти на все общественные институты, а именно, принцип, в соответствии с которым не должны допускаться никакие установления и никакое поведение, препятствующие реальному

функционированию рыночного механизма применительно к фиктивным товарам [3, с. 14].

По определению А.А. Исаева фиктивные товары – это предметы торговли (объекты обмена), не отвечающие требованиям, предъявляемым к реальным товарам. В контексте удовлетворения жизненно важных потребностей людей «фиктивный товар» – это пустое понятие, экономический аналог «круглого квадрата» или «горячего льда».

Не являясь продуктом затраченного ранее труда, говорит он, фиктивный товар не может обладать реальной стоимостью по определению. В этой связи обмен, при котором одна из сторон обменивает реальный товар на фиктивный товар, является неэквивалентным изначально. Исаев говорит, чтобы отличить реальный товар от фиктивного товара, необходимо ответить на вопрос: «Что покупатель приобретает в момент купли-продажи?» Приобретает ли он право собственности на реальное имущество? Или речь идет только о приобретении права собственности на право получения в собственность определенного реального имущества в будущем? (Например, как это происходит при покупке обязательства на поставку урожая пшеницы будущего года.) Поскольку сразу после приобретения такого возникающего только в будущем права собственности на реальное имущество покупатель полноценным собственником данного реального имущества не становится; свободно владеть, пользоваться и распоряжаться им не может.

По большому счету, фиктивный товар есть лишь образ (фикция) реального товара, т.е. речь идет об абсолютно нематериальном характере фиктивных товаров. И в этой связи большой натяжкой является уподобление фиктивных товаров «мыльным пузырям».

А.А. Исаев к фиктивным товарам относит следующие: «товары из будущего», т.е. товары, которые в момент купли-продажи не существуют, например, урожай пшеницы в будущем году; ценные бумаги (акции, облигации, векселя и т.д.); производные финансовые инструменты; права требования, вытекающие из договоров гражданско-правового характера; иностранная валюта, используемая в качестве инструмента сбережения накоплений [4, с. 44-46].

Андре Горц к фиктивным товарам относит товары нематериального производства. Он отмечает, что сегодня, когда всё большее и большее значение приобретает интеллектуальный труд, всё труднее и труднее определить стоимость товаров, т.к. затраты на производство знаний зачастую трудно оценить, т.к. его уже нельзя оценить определёнными мерами и нормами. И хотя без материального труда по-прежнему не обойдешься, тем не менее, он становится подчинённым моментом производственного процесса. Уже Маркс считал, что знания должны стать крупной производительной силой и именно они должны служить мерой общественного богатства. Во главе производства становится

нематериальный труд. Именно он и меняет основу формирования стоимости. Это означает, что меновая стоимость зависит не от количества, содержащегося в нем труда, а от содержания в нём знаний, интеллекта и информации. Андре Горц считает фиктивными товарами те товары, в основе которых заложен живые и формализованные знания. К живому труду он относил повседневные навыки и умения, на основе которых выстраиваются профессиональные, представляющие из себя человеческий капитал. Формализованные же знания создаются посредством взаимодействия и коммуникации между исследователями и учёными. Он отмечает, что как живое, так и формализованное знание нельзя свести к общеизмеримой стоимости, без чего нельзя определить отношение эквивалентности. Невозможность выразить знания, интеллект в абстрактных единицах стоимости вынуждает применять чисто умозрительную оценку знаний, т.е. фиктивную оценку. Формы общего знания в нематериальном труде существуют лишь в живой практике. Они не были приобретены или созданы в расчёте на их применение в определённой работе. Продукты такого труда не являются реальными товарами, т.е. являются фиктивными. Они содержат потребительскую стоимость, но их денежная стоимость точно не определена [5, с. 21-53].

Приведённые выше трактовки «фиктивного товара» сводятся к единому мнению: фиктивный товар – это товар, не обладающий каким-либо свойством товара, но при этом реализуемый. При реализации фиктивного товара благо реализует функции товара, но при этом товаром реальным не является. В современной экономике должно быть выделено особое внимание рынкам фиктивных товаров, т.к. всё большее значение в производстве приобретает интеллектуальный труд.

Библиографический список

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы. 1949. 794 с.
2. Бузгалин А., Колганов А. Маркс, кризис и посткризисный мир. Полтора века спустя марксистский анализ вновь актуален // Журнал «Альтернативы». URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1047> (дата обращения: 02.04.2015).
3. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и капитал // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 10-18.
4. Исаев А.А. Фиктивная экономика. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. 160 с.
5. Горц А. Нематериальное знание, стоимость и капитал. Москва: Издательский дом государственного университета – ВШЭ, 2010. 209 с.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ РИСКА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.С. Федоляк

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: fvs01@rambler.ru

В статье доказывается, что существование риска является фактором регионального развития. Приводятся и анализируются внутренние и внешние риски регионального воспроизводства, показывающие вероятность снижения социально-экономического потенциала, возникающая в силу отсутствия стабильности в экономической, политической, социальной и др. сферах.

Ключевые слова: региональное воспроизводство, рыночная экономика, риск, регион, факторы, субъекты хозяйствования.

REGIONAL REPRODUCTION IN THE CONDITIONS OF RISK AND TO THE VAGUENESS

V.S. Fedolyak

In article it is proved that existence of risk is a factor of regional development. The internal and external risks of regional reproduction showing the probability of decrease in social and economic potential arising owing to lack of stability in economic, political, social, etc. spheres are brought and analyzed.

Key words: regional reproduction, market economy, risk, region, factors, subjects of managing.

Хозяйственная деятельность регионов реализуется в условиях неопределенности, множества возможных состояний и ситуаций формализации решений, наличием высокого уровня стихийности и противоречивости происходящих социально-экономических и политических явлений. Все это является причиной риска процесса регионального воспроизводства.

Риск является неизбежной составной частью хозяйственной деятельности региональных властей. Однако, само по себе наличие риска, не является ни достоинством, ни недостатком. Более того, отсутствие риска, т.е. опасности наступления непредсказуемых и нежелательных для субъекта событий или последствий его действий, как правило, в конечном счете, вредит экономике, подрывает ее динамичность и эффективность. Поэтому существование риска выступает постоянным и сильнодействующим фактором регионального воспроизводства.

В отличие от любых других субъектов хозяйствования в регионе региональные власти не могут позволить себе полной свободы в принятии решений по устранению рискованных ситуаций. В своей деятельности они вынуждены быть более консервативными и осмотрительными, так как обременены высокой социальной ответственностью перед населением своей территории, а также ответственностью перед федеральным центром за результаты хозяйственной деятельности в регионе.

В рыночной экономике каждый из ее субъектов ориентируется на достижение собственных целей. Общей характеристикой этих целей является стремление к воспроизводству условий для самостоятельного, независимого существования хозяйствующего субъекта. В конечном счете, для них важно обеспечить превышение получаемых доходов над расходами. Вместе с тем хозяйствующие субъекты региона имеют свои мотивации, вытекающие из особенностей их экономической деятельности. Поэтому цель для каждого субъекта имеет различное экономическое содержание. Например: для предприятий производственной сферы главной целью является получение прибыли от всех видов деятельности: производственной, финансово-хозяйственной, инвестиционной; для федеральных и региональных органов государственной власти и управления целью деятельности – достижение бездефицитных территориальных бюджетов; для населения – максимизация совокупных доходов (причем суммарный доход должен быть не ниже прожиточного минимума) [1, с. 74]. Все эти цели, выраженные в денежной форме, и об их достижении можно судить по состоянию финансовых результатов, которые отражают соотношение доходов и расходов от всех видов деятельности осуществляемых хозяйствующими субъектами.

Реализация цели каждым субъектом региона зависит не только от его собственных усилий, но и от взаимодействия с другими хозяйствующими субъектами, а также от результатов реализации социально-экономической политики на государственном уровне (федеральном и региональном). Таким образом, факторы риска, воздействующие на региональное воспроизводство можно подразделить на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся те, которые обусловлены причинами не связанными непосредственно с деятельностью субъектов хозяйствования в регионе. Внутренними факторами риска являются те, появление которых обусловлено или порождаются деятельностью субъектов хозяйствования в регионе.

Прикладной анализ факторов риска регионального воспроизводства целесообразно проводить в контексте общего описания функционирования региона, используя воспроизводственный подход, характеризующий регион с точки зрения как внешних и внутренних взаимосвязей, так и конкретных факторов, условий производства и отдельных

производственных единиц, сконцентрированных в регионе в соответствии с его специализацией и уровнем развития.

В общих чертах процесс регионального воспроизводства можно описать следующим образом. Каждый регион имеет свою отраслевую структуру, которая сформирована и развивается на основе имеющегося экономического потенциала (конкурентных преимуществ). Как правило, это относительно узкая специализация, не позволяющая полностью удовлетворять потребности населения региона в разнообразных продуктах и услугах собственного производства. Но, в тоже время, данная специализация обеспечивает определенный уровень социально-экономического развития региона, определяет его место в системе «национальная экономика». К примеру, само универсальные производства имеют такие регионы как Московская, Ростовская, Самарская и др. области, Краснодарский, Красноярский и Ставропольский края. И, напротив, ресурсодобывающие регионы Севера имеют узкую специализацию. Специализация и не способность удовлетворить потребности населения за счет собственного производства предполагает обширные межрегиональные хозяйственные связи между субъектами хозяйствования в рамках единого экономического пространства, а также связи с зарубежными странами в пределах своих компетенций. Эти связи способствуют перемещению товаров и услуг от региона-производителя к региону-потребителю в любую географическую точку России, благодаря предпринимательской деятельности населения. В результате, потребительский рынок во всех регионах России представлен в зависимости от того же уровня социально-экономического развития региона, доходов населения, его покупательной способности. Совокупный спрос в регионе обеспечивает новый виток движения всех стадий воспроизводства в регионе [2].

Воспроизводственный подход функционирования региона отражает современные специфические российские реалии. Регион здесь представлен в виде площадки возникновения и использования финансовых, материальных, трудовых и информационных ресурсов, а также потребительских товаров и услуг в условиях конкретной социально-экономической и природной среды. Все это сопряжено с неопределенностью функционирования региональной хозяйственной системы, действием множества внешних и внутренних факторов риска социально-экономического развития регионов [3, с. 26].

Внешние факторы риска регионального воспроизводства – это действие политических, природно-климатических, демографических, социально-экономических, экологических и др. факторов. Среди политических факторов риска регионального воспроизводства можно назвать такие как стабильность политической власти на федеральном и/или региональном уровне и связанная с ней возможность кардинального

пересмотра сложившихся отношений собственности. Серьезные нарушения нормальной хозяйственной деятельности могут быть обусловлены возникновением локальных этнополитических конфликтов, противоречиями в разграничении экономических прав, компетенций и ответственности между федеральными и региональными властями, а также возможными сепаратистскими настроениями в российских автономиях. Следствием таких тенденций в недавнем прошлом были случаи установления региональных ограничений на перемещение товаров и капитала.

Большую группу составляют внешние факторы риска регионального воспроизводства, возникающие в социально-экономической сфере. Некоторые из них возникают в результате нормотворческой деятельности федерального и регионального уровня: изменения налоговых нормативов или процентных ставок по кредитам Центрального банка; дополнительная денежная эмиссия; новые правила ведения внешнеэкономической деятельности; изменение правил валютного обращения; повышение тарифов на грузовые перевозки железнодорожным транспортом и др. Такие решения приводят к резкой перемене ситуации на региональных рынках.

Все большую роль в региональном воспроизводстве играют экологические факторы риска, обусловленные взаимодействием производства с окружающей природной средой. В этом плане важным может оказаться принятие в регионе более жестких требований к экологической чистоте производства; введение штрафных санкций; введение более жестких санитарных и других норм, под которые подпадает продукция или технология предприятия; изменение региональной экологической обстановки вследствие природных катаклизмов, техногенных катастроф; запрет или ограничения на использование местных природных ресурсов, необходимых для производства и др. Все это грозит снижением налогооблагаемой базы, выбытием рабочих мест и другими негативными последствиями регионального воспроизводства.

Известно, что всякое производство тесно связано с прогрессом в науке и технике, а конкретно – с использованием научно-технических достижений. Однако, влияние инноваций может представить угрозу экономической безопасности отдельных предприятий и региональному развитию в целом. Это возможно благодаря существованию межрегиональной конкуренции. Так, освоение предприятиями конкурентами других регионов новой технологии, существенно снижающей издержки производства традиционной для конкретного предприятия продукции, позволит им получить преимущество в ценовой конкуренции. Регионы, не имеющие инновационные предприятия, в перспективе могут потерять свою конкурентоспособность, результатам

чего является снижение уровня социально-экономического развития региона. Таким образом, функционирование региона постоянно подвергается опасности срыва или ухудшения со стороны внешних факторов, из-за возможного нарушения региональных, отраслевых и межотраслевых потоков, необходимых для его функционирования, а, следовательно, обеспечения населения необходимыми товарами и услугами.

В рыночных условиях существует множество субъектов хозяйствования, которые взаимодействуют друг с другом и с государственными органами управления федерального и территориального уровня. Эти субъекты самостоятельно выходят на различные рынки, реализуют собственные цели, конкурируют между собой, что и порождает риски их как собственной (локальные риски), так и совместной деятельности (риска взаимодействия). В совокупности они образуют внутренние риски регионального воспроизводства и формируются под воздействием множества различных факторов. Локальный риск достаточно изучен применительно к деятельности предприятий производственной сферы и различных учреждений финансово-кредитной системы, а также экономической деятельности населения.

Риск взаимодействия экономических субъектов в рамках региональной системы более сложен, поскольку нельзя заранее точно знать, как сформируются денежные потоки в регионе и каковы будут последствия возникновения локальных рисков отдельных субъектов. Например, когда платежи в федеральный и региональный бюджеты, во внебюджетные фонды поступают несвоевременно или неполно, возникает риск невыполнения расходных статей бюджетов, связанных с содержанием непромышленной сферы, выплатой заработной платы работникам бюджетной сферы, выплатой пенсий и т.п. [4]. Это делает невозможным для местных органов власти выполнять находящиеся в их компетенции экономические функции в полном объеме, что порождает кризисные ситуации в различных сферах жизнеобеспечения региона. Кроме того, государство как субъект хозяйствования из-за недостатка средств в бюджете само может стать источником риска: во-первых, не своевременная оплата предприятиям уже выполненные заказы и, во-вторых, снять государственный заказ, что может обострить проблему занятости в регионах, поскольку оно при этом не гарантирует выделение средств на техническое перевооружение оборонных предприятий.

Порождает рискованные ситуации в регионе противоречивость экономических интересов федерального центра, стремящегося к укреплению и развитию единого пространства национальной экономики России – это, с одной стороны, а, с другой стороны, стремление органов власти и управления региона, укрепить единство хозяйственного пространства региона; сохранить контроль над своим потенциалом и

реализовать свои конкурентные преимущества; сохранить и увеличить финансовую помощь из федерального центра, а также получить доступ к новым источникам финансовой поддержки.

Каждый регион подвержен риску в связи возможной не востребованностью рынком части продуктов, производимых в нем. В этом случае многие предприятия региона не только не могут осуществлять их производство, но и перестают выступать источником выплат налогов в федеральный и региональные бюджеты и тем самым разрушают ресурсную базу обеспечения жизнедеятельности в регионе.

Риск сопряжен и со структурой хозяйствующих субъектов в регионе, поскольку преобладание отдельных их типов (например, повышенная концентрация предприятий ВПК в ряде регионов, или финансово-кредитных учреждений в Москве) определяет общее состояние и динамику экономических процессов в регионах. Ситуация повышенного хозяйственного риска сложилась в регионах с однотипной отраслевой структурой. В России таковыми, как уже было отмечено, преимущественно, являются ресурсодобывающие регионы, цены, на продукцию которых в условиях экономического кризиса резко понизились. Многофункциональные регионы, где множество организаций различных сфер деятельности могут быть втянутые в зависимые рискованные ситуации. Противоречивые интересы хозяйствующих субъектов вступающих в разнообразные экономические взаимодействия в рамках региона, также являются факторами риска при реализации многих проектов и программ.

Под воздействием всех перечисленных выше факторов и других складывается интегральный риск регионального воспроизводства, который представляет собой вероятность снижения социально-экономического потенциала, возникающая в силу отсутствия стабильности в экономической, политической, социальной сферах и проявляющаяся в отрицательной динамике структурных элементов потенциала региона. Например, для каждого хозяйствующего субъекта его локальный риск заключается в вероятности достижения поставленных целей. В случае не достижения целей этот риск может быть количественно оценен в стоимостных показателях как ущерб (дефицит, убыток и т.п.) соответствующий данному риску и представляющий собой абсолютную величину отклонения фактически полученного результата от намеченного. Это отклонение в условиях рыночной неопределенности возникает либо из-за недополучения ожидаемых доходов, либо из-за превышения запланированных затрат, в том числе и обусловленных взаимодействиями хозяйствующих субъектов региона. В этих условиях риск хозяйствующих субъектов перестает быть только локальным и становится частью интегрального риска региона, характеризующий степень надежности воспроизводства региональной хозяйственной системы в целом.

Библиографический список

1. Гранберг А.Г., Суспицын С.А. Введение в системное моделирование народного хозяйства. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2004. С. 74
2. Федоляк В.С. Воспроизводственный процесс как способ реализации хозяйственной самостоятельности регионов России // Известия СГУ. Том 9. Серия Экономика. Управление. Право. Выпуск 1. 2009. С. 22-25.
3. Буянова М.Э. Выявление и идентификация рисков развития макрорегионов (на примере регионов ЮФО) // Управление риском. 2007. №2. С. 26.
4. Унтура Г.А., Евсеенко А.В. Риски субъектов федерации в условиях перехода к рынку. URL: <http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:ieieli:85847&type=book> (дата обращения: 18.03.2015).

УДК 334

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

А.А. Фирсова, М.А. Новоселова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: a.firsova@rambler.ru

Реализации проектов государственно-частного партнерства в России тормозится недостатком масштабных долгосрочных инвестиционных ресурсов. Сегодня необходимы разработка и применение эффективных инструментов и подходов к развитию механизмов и источников финансирования инноваций и образования на принципах государственно-частного партнерства, таких как проектного финансирования инноваций, инфраструктурных облигаций, коллективных инвестиций и эндаумент-фондов в ГЧП.

Ключевые слова: государственно-частые партнерства, механизмы финансирования.

PROBLEMS OF FORMATION OF FINANCING MECHANISMS PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Firsova A.A., Novoselova M.A.

Implementation of public-private partnership in Russia is hampered lack of large-scale long-term investment of resources. Today is necessary to develop and apply effective tools and approaches for the development of funding mechanisms and sources of innovation and education in the principles of public-private partnership, such as project financing innovation, infrastructure bonds, collective investments and endowment funds in public-private partnership.

Key words: public-private partnerships, funding mechanisms.

Вопросы поиска источников финансирования инфраструктуры и общественного сектора экономики в настоящих условиях чрезвычайно актуальны. Одним из ключевых аспектов привлечения инвестиций для структурной перестройки экономики является разработка эффективных механизмов мобилизации масштабных долгосрочных инвестиционных ресурсов через применение механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Концепция ГЧП приобретает в России все большее применение, однако перспективная идея сегодня буксует, так как имеется недостаток правовых и финансовых основ взаимодействия государства и частного бизнеса и моделей инвестирования ГЧП. Если в области инфраструктурных ГЧП проектов есть первые положительные результаты, то в сферах инновационной деятельности и образования механизмы ГЧП развиты чрезвычайно слабо. При этом большинство научных исследований по тематике ГЧП нацелено на изучение контрактов, рисков, финансовых и юридических аспектов партнерств. В то же время значительно меньше изучено взаимодействие государственного и частного партнеров в процессе создания и функционирования ГЧП, и особенно недостаточны исследования в области финансирования инновационных и образовательных проектов с использованием механизмов ГЧП [1, 2].

Сегодня появляются новые механизмы финансирования ГЧП, поэтому разработка теоретических, методологических и практических инструментов и применение эффективных инструментов к развитию механизмов и источников финансирования инноваций и образования на принципах государственно-частного партнерства, таких как проектного финансирования инноваций, инфраструктурных облигаций, коллективных инвестиций и эндаумент-фондов, имеют первостепенное значение, они позволят инициировать создание практических механизмов и инструментария для распространения реализации проектов ГЧП.

Можно выделить два основных механизма финансирования проектов ГЧП:

– механизм прямого финансирования, заключающийся в предоставлении ресурсов по реализации конкретного ГЧП проекта (методы проектного финансирования инноваций, финансовые вложения в инвестиционный проект, инвестирование в уставный капитал, в строительство новых имущественных объектов, в эксплуатацию существующих имущественных объектов, предоставление средств для проведения НИОКР, новые инструменты: проектные и инфраструктурные облигации, венчурное финансирование в НИОКР, финансирование целевого набора студентов в образовании и др.);

– механизм косвенного финансирования, характеризующегося объединением ресурсов для удовлетворения общих потребностей

субъектов сферы образования (инструменты привлечения коллективных инвестиций, эндаументы, краудфинансы, в частности краудфандинг).

Проектное финансирование – это метод привлечения долгосрочного заемного финансирования для крупных инновационных проектов, основанный на займе под денежный поток, создаваемый только самим проектом. При этом, все условия его зависят от детальной оценки создания проекта, операционных рисков и рисков дохода и их распределения между инвесторами, заимодавцами и другими участниками на основании контрактов и других договорных отношений. Для реализации инфраструктурных проектов ГЧП с использованием методов проектного финансирования должна создаваться отдельная компания, которая вправе выпустить специальные проектные облигации. Они будут доступны только квалифицированным инвесторам, а гарантом по таким облигациям может выступать государство.

Инфраструктурные облигации – это разновидности секьюритизированных долговых бумаг. Они выпускаются специальной проектной компанией, имеют целевое назначение в сфере инновационной деятельности, обеспечены потоками предполагаемых доходов либо денежных поступлений от реализуемых инновационных проектов, под которые они выпускаются. Суть предлагаемого механизма использования специальных облигаций в ГЧП проектах заключается в том, что эмитент посредством выпуска облигаций привлекает средства на реализацию конкретного инновационного проекта. Они выпускаются концессионером или собственником объекта, затем их выкупают банки и страховые и пенсионные фонды. Облигации, обеспеченные гарантией федерального Правительства, ВЭБа или другой соответствующей государственной компанией могут выпускаться после завершения строительства проекта напрямую специально созданной проектной компанией, имеющей контракт ГЧП с соответствующим государственным органом или банками, включая ВЭБ. Базовой гарантией доходности при выпуске проектных облигаций служит сам проект [3].

Система коллективного инвестирования является одной из инфраструктурных основ российского финансового рынка. Она призвана выполнять основные функции финансового посредничества по трансформации сбережений в инвестиции, повышению эффективности аллокации финансовых ресурсов, а на более высоком уровне – способствует увеличению мощности отечественного финансового рынка и расширению его емкости. Долгосрочный аспект функционирования системы коллективных инвестиций несет на себе важнейшую социальную миссию по участию широких слоев инвесторов в росте капитализации национальной экономики. И поскольку это участие реализуется через инвестиционные механизмы, происходит необходимый для экономики процесс эффективного распределения средств и вовлечения их в

финансовый оборот. Средства коллективных инвесторов, аккумулируемые специальными финансово-кредитными институтами, должны также применяться в схемах ГЧП в инновациях и образовании.

Инвесторами вышеперечисленных финансовых инструментов в ГЧП проектах могли бы стать пенсионные фонды, страховые компании и другие консервативные инвесторы, так как сегодня необходимо привлечение частных институциональных инвесторов, к инвестированию в инновационные проекты. Вышеназванные инвесторы в силу закона обязаны размещать деньги в доходные и желательно «длинные» ценные бумаги. Использование таких форм финансирования позволяет объединить потребность в инвестициях и предложить инвесторам надежную долгосрочную бумагу. Надежность реализуемых проектов гарантируется строгими рамками закона об ГЧП, а так же обеспечена гарантиями минимизации рисков данных проектов, включая предоставление банковских гарантий, использование механизмов страхования ответственности других.

Эндаумент – целевой фонд, предназначенный для использования в некоммерческих целях в образовании. Эндаументы создаются для формирования долговременного источника финансирования определённой некоммерческой деятельности образовательного учреждения, для обеспечения финансовой стабильности посредством получения гарантированного дохода и независимости от разовых пожертвований и иных добровольных поступлений [4].

Эндаументы образуются преимущественно за счет благотворительных пожертвований. Эндаумент может инвестировать свои средства с целью извлечения дохода, однако обязан направлять весь полученный доход в пользу тех организаций, для поддержки которых он был создан.

Финансовый механизм эндаументов в ГЧП заключается в том, что благотворители и меценаты вузов жертвуют средства на различные цели развития университетов, формируя целевой капитал, который инвестируется в акции, облигации, паевые фонды, валюту, недвижимость и другие инструменты с тем, чтобы обеспечивался его постоянный прирост. Финансирование программ университетов происходит за счет доходов от инвестирования, а сам капитал фонда остается неприкосновенным. Для меценатов фонды целевого капитала – это гарантия сохранности средств и того, что они не будут израсходованы за один год, а будут работать в течение многих лет. Для вузов подобные фонды являются источником финансирования долгосрочных крупных программ. Средства эндаумент-фондов являются важным источником для финансирования ГЧП проектов в образовании и сегодня требуется разработка организационно-экономических механизмов применения этого инструмента в России.

Краудфандинг представляет одно из ответвлений краудфинансов и краусорсинга, под которым понимается совместное добровольное участие частных инвесторов в решении общественно значимых задач [5]. Краудфандинг (англ. crowdfunding, “crowd” – толпа, “funding” – финансирование) – осуществляемое посредством специализированных сайтов через Интернет привлечение финансовых ресурсов группой лиц (доноров) для реализации конкретного проекта. Средства, привлеченные для реализации инновационных и образовательных проектов посредством краудфандинга, также могут использоваться в ГЧП проектах.

Таким образом, все перечисленные механизмы финансирования ГЧП проектов являются теми инструментами, которые могли бы развить механизмы инвестирования инноваций и образования и положительно сказаться как на процессах инвестирования, так и на решении проблем развития инновационной деятельности российской экономики.

Библиографический список

1. Огурцова Е.В., Челнокова О.Ю. Экономическая интеграция и экономический рост: взаимосвязь и взаимообусловленность процессов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, № 3. С. 3-9.
2. Челнокова О.Ю., Фирсова А.А. Взаимодействие университета, бизнеса и государства как фактор развития региона в национальной инновационной системе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 1-1. С. 26-32.
3. Фирсова А.А. Теория и методологии инвестирования инновационной деятельности на основе государственно-частного партнерства. Саратов: Изд-во СГУ, 2012. 320 с.
4. Теория и практика функционирования фондов целевого капитала в высшем образовании России: Сборник практических рекомендаций для участников Международной научно-практической конференции «Теория и практика функционирования фондов целевого капитала в России», МГИМО (У) МИД России, 27-29 апреля 2010 г. / под. ред. Е.С. Бирюкова, Д.А. Дегтерева, А.В. Стельмаха. М.: МГИМО, 2010. 148 с.
5. Финансово-экономический журнал «Forbes». URL: <http://www.forbes.com/sites/chancebarnett/2015/06/09/trends-show-crowdfunding-to-surpass-vcin-2016/3/> (дата обращения: 20.09.2015).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМА ИНТЕГРАЦИИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ЭКОНОМИКЕ

О.Ю. Челнокова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: o.chelnokova@mail.ru

В статье рассматривается актуальная проблематика модификации механизма интеграции хозяйствующих субъектов в условиях перехода к инновационной модели развития экономики.

Ключевые слова: трансформация, механизм, интеграция, информатизация, индустриальная экономика, инновационная экономика.

TRANSFORMATION MECHANISM OF INTEGRATION OF ECONOMIC ENTITIES IN THE ECONOMY

O.Yu. Chelnokova

The article discusses the current problems of modification of the mechanism of integration of economic entities in the conditions of transition to the innovative model of economic development.

Key words: transformation, mechanism, integration, informatization, industrial economics, innovation economy.

Перед современной Россией остро стоят взаимосвязанные задачи повышения конкурентоспособности и перевода экономики на инновационный путь развития, решение которых в немалой степени зависит от нахождения наиболее эффективных механизмов интеграции хозяйствующих субъектов.

Под механизмом интеграции хозяйствующих субъектов будем понимать совокупность форм и методов, с помощью которых они, руководствуясь собственными интересами или воздействием регуляторов рынка, осуществляют консолидацию и адаптируются к изменениям внешней среды. Этот механизм определяет содержание интеграции, очередность и процедуру проведения, организационно-экономические формы, и в конечном счете – ее эффект [1, с. 32].

В советской экономике формой связи между экономическими субъектами являлась планомерность, все отношения определялись сверху исходя из показателей единого плана. Целью интеграции в таких условиях было, в первую очередь, упрощение процедуры централизованного планирования и контроля.

В рыночной экономике экономические отношения формируются на

основе свободного взаимодействия продавца и покупателя на основе координации их деятельности. Это соединяет в себе, с одной стороны, возможности экономического развития путем изменения параметров и правил экономической деятельности в ходе сотрудничества и конкуренции, а, с другой стороны, возможности обеспечить индивидуальную заинтересованность экономических субъектов в таком развитии при использовании института частной собственности. Целью интеграции в таких условиях является максимизация текущей прибыли хозяйствующих субъектов за счет величина разрыва между ценой реализуемых товаров и услуги используемых при их производстве материальных и трудовых ресурсов.

На ранней стадии индустриального развития экономики (XVII-XIX века) концентрация капитала – увеличение стоимости активов компании, сопровождается концентрацией производства – его сосредоточением на всё более крупных предприятиях.

Ф. Энгельс применительно к Англии XVII-XIX вв., В.И. Ленин – к России конца XIX–начала XX вв. исследовали процесс разорения миллионов мелких производителей преимущественно к кустарно-ремесленным и мануфактурным типам производства и становления все более крупных капиталистических фабрик. Этот процесс рассмотрен и в современных публикациях [2].

В начале XX века основой промышленной интеграции стало присоединение к наиболее успешным компаниям конкурентов и смежников, создание на этой базе монополий. Однако уже в середине XX века концентрация капитала сопровождается деконцентрацией производства: в связи с быстрым расширением номенклатуры продукции и альтернативных технологий предприятия специализируются на однородном производстве, средняя численность их персонала уменьшается, управленческие функции концентрируются в головном офисе компании. СССР пошёл по другому пути, сохранив унаследованные от царской России гигантские многономенклатурные предприятия с полным производственным циклом. (Путиловский, Ижорский, Обуховский и другие заводы, которые в современных условиях неэффективны).

В индустриальной экономике интеграция хозяйствующих субъектов обеспечивала следующие виды эффекта:

- снижение себестоимости продукции благодаря применению более крупных и автоматизированных машин, углублению операционного разделения труда, конвейеризации производства (система Форда);
- уменьшение транзакционных издержек в связи с включением в компанию смежников (вертикальная интеграция) и сокращением числа сделок, связанных с переходом прав собственности;
- снижение постоянных издержек при увеличении объема продаж

(эффект масштаба);

- повышение качества управления при специализации менеджерских функций. В 1931 г. президент «Дж. Моторс» А. Слоун впервые разделил операционное и рыночно-ориентированное стратегическое управление;
- разделение экономических функций крупных, средних и малых фирм, организуемое многопрофильными компаниями, которые присутствуют на нескольких сегментах рынка и используют различные отраслевые технологии [3, с. 27-28].

Банкротство «Дж. Моторс» – четвертое по размерам в истории США и первое в промышленности (долг 173 млрд. долл. – больше, чем госдолг Индии, при активах в 82 млрд. долл.) – свидетельствует о завершении индустриального этапа интеграции хозяйственных образований. Модель интеграции корпорации «Дж. Моторс» была ориентирована на достижение эффекта масштаба за счет увеличения рыночной капитализации компании по биржевой оценке. В. Дюран в 1908 г. впервые провел консолидацию ряда фирм на основе слияний и поглощений, а А. Слоун создал крупнейшую в мире диверсифицированную корпорацию, состоящую из автономных дивизионов. Здесь наиболее полно были реализованы идеи А. Смита о разделении труда как основе экономического роста, Ф. Тэйлора – о дроблении операций, позволяющем малоквалифицированным рабочим собирать сложные машины, Г. Форда – о конвейере, где личные качества рабочего не играют существенной роли. В условиях индустриальной экономики это сделало «Дж. Моторс» к 1950 г. самой успешной компанией мира.

В постиндустриальной экономике вышеназванные преимущества превратились в слабости. Массовое производство стандартных изделий, которое конвейер сделал доступным для любой страны со значительными трудовыми ресурсами, переместилось в регионы с низкими издержками производства. Сдельная оплата и монотонный труд привели к снижению качества и надежности машин даже автомобилей всемирно известных марок. Дивизионы ТНК, расположенные в разных странах, стали конкурировать друг с другом. Высокопрофессиональные менеджеры гигантских компаний с многоступенчатым иерархическим управлением превратились в корыстных бюрократов, поскольку оказались оторванными от реального производства. Биржи к концу XX в. превратились из инструмента регулирования экономики, направляющего инвестиции в наиболее эффективные сферы приложения, в арену спекуляций на индексах курсов акций. Ведущие агенты корпораций, инвестиционные банки и аудиторы заинтересованы не в обновлении и повышении реальной конкурентоспособности производства, а в увеличении фиктивной рыночной капитализации за счет раздувания фондовых пузырей, т.к. от этого зависят их бонусы и комиссионные.

Интеграция хозяйственных субъектов в ее традиционных формах увеличивает монопольную прибыль и рыночную капитализацию компании, но уже не снижает операционные издержки. В результате растет виртуальная, но не реальная эффективность производства. Организационно-управленческие расходы увеличиваются в связи с бюрократизацией управления гигантскими компаниями, увеличением числа сотрудников с фиксированной оплатой и бонусами, зависящими от краткосрочных финансовых результатов, а не от долгосрочных перспектив повышения эффективности производства.

Прибыль от интеграции направляется преимущественно на финансирование дальнейших слияний и поглощений, выплату дивидендов, комиссионных инвестиционным банкам и аудиторам, процентов за кредит. Трансакционные расходы растут из-за увеличения числа поставщиков, издержек по сопровождению слияний и поглощений, соответствующим судебным искам, разрешению конфликтов между интересами различных агентов компании.

Продолжение интеграции в ее прежних формах ведет к чеболизации и монополизации экономики, особенно ее ресурсоемких отраслей, поскольку роста рыночной капитализации, которая превратилась в основной критерий ценности бизнеса, гораздо легче добиться за счет операций на фондовом рынке, агрессивной рекламы и отношений с рейтинговыми агентствами, чем на базе дорогостоящих и рискованных инноваций. Это ограничивает свободу конкуренции и ценообразования, предпринимательский риск и инновационную активность.

Переход к постиндустриальной экономике модифицирует механизм интеграции хозяйствующих субъектов. Теперь консолидация экономической деятельности не ограничивается концентрацией капитала во всё более крупных компаниях, а предполагает сосредоточение функций стратегического управления и организации цепочек создания стоимости в мезоэкономических центрах, представляющих собой мезоэкономические сетевые структуры с единым логистическим центром, общей стратегией и нематериальными активами, особой системой рамочных долгосрочных контрактов, но без объединения вещественных активов.

В постиндустриальной экономике, когда определяющими чертами экономического развития становятся информатизация и финансизация, важнейшей предпосылкой интеграции выступает сближение и переплетение информационных и финансовых процессов, обеспечивающих взаимосвязи разных экономических субъектов, входящих в технологические цепочки и воспроизводственные циклы в различных отраслях экономики.

Информатизация, многократно увеличивая взаимосвязанность и взаимозависимость предприятий и рынков, становится на постиндустриальном этапе важным интеграционным фактором и

характеризуется следующими важными чертами: высокой долей информации в конечной стоимости товаров и услуг и, следовательно, в ВВП отдельных стран и в валовом мировом продукте; высокой долей информационных ресурсов в общей занятости (трудовые ресурсы высокой и высшей квалификации); интегрирующей функцией в экономическом организме общества, в решающей степени обеспечивающей эффективность функционирования экономики, а также способность общества к структурным изменениям; инновационной функцией, проявляющейся в генерировании научно-технического прогресса и новых организационно-экономических отношений.

Информационные и финансовые процессы тесно взаимосвязаны с воспроизводственными процессами. Интенсивность производства предполагает достижение прибылей, прежде всего путем совершенствования организации производства, экономного использования материальных, природных и финансовых ресурсов, чему благоприятствует внедрение на предприятиях новых информационных технологий.

Современные интегрированные структуры все чаще объединяют не собственность на материальные активы, а общая логистическая база, электронная площадка, позволяющая находить наилучших поставщиков и покупателей по всему миру, заключать с ними контракты, вести расчеты и т.д., сводя трансакционные и агентские издержки к минимуму.

Особенностью современного хозяйствующего субъекта (фирмы) является резкое увеличение объема, разнообразия и скорости передачи, обработки и выдачи информации. Дело не только в том, что эта скорость с помощью Интернета позволяет управлять в рамках «реального масштаба времени». В новой информационной системе скорость управления, включающая все оперативные функции контроля и регулирования, осуществляется быстрее, чем скорость движения управляющего объекта.

Специфика системы, связанной с Интернетом, состоит в принципиально новой способности воспринимать интеллектуальное воздействие человека и претворять это воздействие в реальную управляющую силу. Тем самым завершается превращение науки в непосредственную производительную силу. Информационные функции, обеспечивающие целеполагающую деятельность предпринимателя и менеджера, представляют собой один из главных каналов, по которому наука включается в производство [4]. Это во многом определяет типологию интегрированных систем.

Новый инновационный этап развития постиндустриальной экономики характеризуется возрастанием неопределенности и динамичности изменений на рынке в связи с ростом многообразия взаимозаменяемых товаров и технологий, сокращением их жизненного цикла и одновременным удлинением и усложнением научно-производственного процесса, а также ростом запросов потребителей к

качеству и дизайну товаров. Рынок производителей превращается в рынок покупателей, которые получили доступ к глобальной информации о ценах, альтернативных поставщиках, их брендах и издержках, инфляционных ожиданиях и т.д. Этому содействуют НКО, чья роль в формировании деловой репутации фирм продолжает расти. Мезоэкономические структуры, в отличие от обычных фирм, могут прогнозировать структуру отраслевых рынков, появление новых товаров и технологий и другие ранее непредсказуемые рыночные изменения.

Основным конкурентным преимуществом компании становится не стандартная техника, а уникальные интеллектуальные и организационные ресурсы, сформировавшиеся в процессе взаимодействия её агентов, в т.ч. поставщиков, клиентов, инвесторов, консультантов, регуляторов рынка, НКО и групп влияния. Система управления знаниями позволяет сохранить накопленную стоимость даже после ухода создавших её сотрудников, воплотив её в брендах, базах данных, патентах на изобретения и промышленные образцы, программном обеспечении и других объектах интеллектуальной собственности.

Необходимо напомнить, что одним из первых показал ключевую роль нововведений в развитии экономики Й. Шумпетер. Создаваемая в результате интеграции экономическая система обречена на гибель, если не следует технологическим императивам, не формирует более благоприятные условия для разработки и использования технических и организационных нововведений. НТП нужно рассматривать и как причину, и как следствие преобразований в экономике.

Инновационная деятельность как особая самовоспроизводящаяся система экономических отношений между хозяйственными субъектами по поводу создания, распространения, потребления и замены нововведений не сводится к максимизации прибыли. Приходится учитывать социальные и экологические издержки и результаты, издержки входа на рынок и выхода из него, подачи исков и судебных разбирательств и т.д. В современном мире мощь государства, его конкурентоспособность определяется восприимчивостью к инновациям, ко всему новому, передовому и прогрессивному.

Для инновационной постиндустриальной экономики характерно возрастающее значение информации, культуры, взаимного доверия хозяйственных субъектов, процедуры принятия и выполнения управленческих решений и других явлений, которые не имеют денежной оценки, не могут быть монополизированы. Это требует метаморфозы власти и ее отношений с рынком. Революция в составе общественного богатства изменяет способы его создания и использования.

В заключение еще раз подчеркнем, что в условиях перехода к инновационной экономике принципиально меняется по сравнению с индустриальной экономикой механизм интеграции хозяйствующих

субъектов. Другим становятся характер связей и взаимодействий между хозяйствующими субъектами. При этом основное значение в инновационной экономике отводится предпринимателю-новатору, который с одной стороны действует в комплексной системе относительно устойчивых институциональных правил, а с другой – изменяет эти правила, ориентируясь не только на максимизацию прибыли, но и на увеличение добавленной стоимости, достижение внешних социальных и экономических результатов, реализацию интеллектуального потенциала.

Библиографический список

1. Чернова Е.Г. Современные формы и методы интеграции хозяйственных образований в условиях глобализации. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. 280 с.
2. Allen R. The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge University Press, 2009. 344 p.
3. Каткало В.С. Эволюция теории стратегического управления. СПб., 2006. С. 27-28.
4. Челнокова О.Ю., Грицак Л.Е. Развитие интеграции образования, науки, и производства в форме трансфера технологий на современной фазе инновационного цикла российской экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2013. Том 13. Вып. 1. С. 8-14.

УДК 316.453

ИННОВАТИКА И ГЛОБАЛЬНЫЕ МИРОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Г.Р. Шамьенова

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Россия
E-mail: shamenova@sstu.ru*

В статье рассматриваются вопросы развития государства в условиях формирования и становления глобального экономического пространства. Рассматривается сущность инновационного развития, определяются его факторы, подчеркивается противоречивость данного явления.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, глобализация, общественные потребности, противоречия.

INNOVATION AND GLOBAL WORLD ECONOMIC PROCESSES

G.R. Shamenova

In this article the author examines problems of the state development in conditions of

formation the global economic space. The author considers the essence of innovation development, its determinants, stresses inconsistency of this phenomenon.

Key words: innovation, innovative development, globalization, social needs, contradictions.

Долгое время под обобщающим термином «инновация» понимали определенное инженерное решение (техническое новшество). В настоящее время, инновация – это любое новое явление в менеджменте, экономике, медицине, юриспруденции, филологии и др., то есть во всем, что прямо или косвенно может касаться деятельности человека на международном, общегосударственном, региональном или местном уровнях [1].

Среди занятого населения существуют так называемые генераторы идей – субъекты, которые самостоятельно присоединяются к той или иной идее, и остальные, которыми овладевает идея под влиянием тех или иных факторов, часто без их собственного желания. Идея должна иметь четкое юридическое обеспечение, что не позволяет в процессе ее реализации выйти за пределы определенного направления, а в дальнейшем становится законом или подзаконным актом, что положительно воспринимается большинством населения страны.

То есть, можно предположить, что последовательность внедрения инновационных направлений такова: идея → PR-деятельность → реализация. Такой подход в инновационном развитии, используемый во многих странах мира, не всегда срабатывает в постсоциалистических государствах. В определенной степени это зависит от экономического состояния, но в последние 15-20 лет сформировались следующие важные факторы.

1. Масштаб государства:

а) государства, которые будут влиять на мировое развитие при любых обстоятельствах (Россия, США, Китай);

б) государства, которые могут влиять на события в мире при определенных условиях (например, современный кризис и Украина);

в) государства, которые существенно не влияют на мировые события (Таджикистан, Румыния, Болгария).

2. Однородность населения и ее соответствие федеративному устройству государства. Россия и Грузия – федеративные государства, страны Прибалтики и Таджикистан – унитарные. Сохранение многонациональной России как государства способствовало улучшению политической ситуации для всех ее народов - от великороссов до чеченцев. Напротив, грузинское руководство, которое силой все время хочет удержать в своем составе Абхазию и Южную Осетию, больше всего наносит вред данными действиями самой Грузии. И наоборот, в Армении с похожими проблемами внутренний климат гораздо лучше вследствие ее унитарности.

3. Менталитет народа является следующим фактором восприятия тех

или иных инновационных моделей развития.

4. Личностные качества политического лидера страны (именно лидера, а не президента, премьера, руководителя парламента, хотя каждый из них и может непосредственно им являться).

Результаты инноваций в экономике можно наблюдать на примере различных экономических показателей, например роста ВВП на одного жителя страны. Уникальным здесь является пример Сингапура, которому в 1991 году независимость досталась без борьбы. Так, в 1959 году ВВП на одного сингапурца составил около \$400, в 1990 году – \$12200, в 2005 году – \$ 27490 [2, 3].

В зависимости от предметного содержания различают инновации: технические (новых продуктов или новых технологий) и социальные (экономические, организационные, юридические, культурные). На практике большинство инноваций являются комплексными, т.е. включают как технические, так и социальные компоненты, поэтому эффективность инноваций имеет комплексный (системный) характер.

Сущность инноваций составляет инновационная деятельность, то есть деятельность по достижению новых результатов, средств и способов их получения и преодоление рутинных компонентов традиционной деятельности. При этом выделяют радикально новую и усовершенствованную деятельность.

Любой технический инновационный процесс содержит следующие стадии [4]:

- 1) исследование;
- 2) первое производственное освоение новшества (опытный образец или первая промышленная партия);
- 3) развертывания выпуска в масштабах, достаточных для удовлетворения общественной потребности;
- 4) использование инноваций конечными потребителями, сервис и т.п.;
- 5) утилизацию использованного изделия.

Для социальных нововведений аналогичный по сути инновационный процесс имеет определенные особенности.

Но инновационное развитие, в значительной степени, противоречивое явление. Основными являются противоречия между инновационной и традиционной деятельностью, но на практике еще более острый характер носят противоречия внутри самой инновационной деятельности – между радикальными ее видами и теми, что совершенствуются. С точки зрения конструктивной эволюции выделяют три этапа нововведений: улучшение параметров при неизменном техническом решении, переход к более рациональному техническому решению или структуры, переход к более рациональному физическому принципу действия [5].

Совершенствующие инновации успешно сосуществуют с традиционными организационными структурами, эволюционно

вписываясь в них, а радикальные вызывают сильное противодействие.

Второй тип противоречий связан с разделением труда между участниками инновационного процесса: инициаторами, организаторами, разработчиками, производителями, пользователями и другими субъектами экономической деятельности. Каждая из таких групп имеет свои (корпоративные) интересы, которые нередко существенно отличаются от интересов других. Именно это и определяет их различное отношение к конкретной инновации, которая может принимать самые разные формы между полярными полюсами: инициатива – содействие и бездействие – противодействие. Эти социокультурные параметры в сочетании с профессиональным управленческим консультированием в отношении инновационных процессов, осуществлением специализированного обучения персонала, восприимчивого к инновациям, и развитием его инновационных способностей, дают возможность положительно влиять на развитие страны в целом.

Все существующие противоречия можно разделить на четыре основные группы:

1. Противоречия при переходе к применению некоторых видов новой продукции, новых технологий, отраслевые касаются, например: замены традиционных товаров широкого потребления их разовыми вариантами, которые не являются улучшением качественных характеристик именно продукта; новых технологий – замены натуральных материалов искусственными, недолговечными или вредными; инноваций в аграрной отрасли, в которой интенсивное использование химических удобрений для сельских угодий привело к тому, что через 20-30 лет их применения резко увеличилось число соответствующих онкозаболеваний и уменьшился средний возраст жизни человека.

2. Вторые противоречия – в удовлетворении социальных и бытовых потребностей человека. Так, быстрое выращивание и срочное приготовления пищевых продуктов, являющихся генномодифицированными, привело к ожирению значительной части населения многих стран. Инновационная реклама, которая предлагает не новый продукт, а стиль жизни обязательно вместе с бутылкой пива, уже пагубно повлияла на целое поколение молодых людей, которые считают человеческими ценностями ежедневно пить пиво, а не вести здоровый образ жизни.

3. Инновации далеко не всегда позитивно влияют на духовный мир человека. Если элементарные счеты постоянно «тренировали мозг» того, кто ими пользовался, а незнание таблицы умножения считалось «дурным тоном», то сейчас многие, нажимая кнопки калькулятора, считают последнее вообще лишним, чтение книг заменяется «интернетным суррогатом», знания и творческое мастерство заменяют тесты, которые пригодны только для тех или иных телевизионных игр, общение между

людьми заменяют различные виртуальные контакты, а виртуальный мир для молодого поколения постепенно становится чем-то похожим на особый вид религии.

4. Противоречия инноваций можно наблюдать и в политике. Они в основном касаются внешних нововведений, когда, например, разработанные сценарии, так называемых, цветных революций приводят к созданию новых, до этого неизвестных проблем в Украине, Грузии, Кыргызстане, Ливии и других странах, или внутренних, когда использование инновационных политтехнологий делает практически невозможным приход к власти партий или отдельных личностей, которые действительно являются представителями, например, людей наемного труда, среднее количество которых среди населения любой страны приближается к 90%.

Таким образом, динамичное инновационное научно-техническое и экономическое развитие стран мира позволяет из общей совокупности человеческой деятельности выделить четыре типа существующих инноваций. Первые касаются потребностей экономики и производства (создание новой продукции, новых технологий, отраслевые и т.д.), вторые – социальных и бытовых потребностей человека, третьи – образования и духовного мира человека, четвертые – политических (внешних и внутренних) проблем.

Комплексный и противоречивый характер инновации означает, что для ее успеха важен и так называемый синергетический эффект, т.е. суммирующий эффект взаимодействия двух и более факторов, характеризующийся тем, что он существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента, например, техническая инновация должна быть еще и подкреплена улучшением организационных, экономических и других параметров, политическая инновация – социальных, правовых и т.д.

Но и здесь существуют определенные противоречия. Инновации в банковской деятельности, особенно это характерно для банков США, провоцируют возникновение глобальных кризисов, которые наступают примерно через 40 лет (кризис 30-х, 70-х годов прошлого века и 2008-2010 гг. нынешнего, локальных кризисов – один раз в 10 лет: конец 70-х, 80-х, 90-х лет XX в.), а желание поддержать те или иные страны, интегрированные в общеевропейскую экономику (пример с кризисным экономическим положением Греции, Исландии, Португалии и некоторых других стран Европы), сказывается на стабильности общей валюты. Именно здесь уже можно увидеть определенные закономерности, то есть предсказать ход кризиса и в определенной степени защитить национальную экономику.

Плановая экономика при многих ее недостатках – постоянного дефицита тех или иных товаров вследствие не гибкой политики

ценообразования, общего невысокого качества производимой продукции, постепенного обесценивания денежной единицы (покупательская способность одного советского рубля в конце 80-х годов прошлого века составляла 40 коп. 1961 года) – не дала за сравнительно короткий срок времени такого резкого сокращения объемов выпуска продукции (с сентября 2008 до июня 2009 года на 30%), галопирующей инфляции (дефолт 1998 года понизил курс национальных валют относительно доллара в России – втрое; кризис 2008-2010 гг. – 30-40%), массовой безработицы и, как следствие, снижение жизненного уровня основной массы населения.

Проблемы глобализации мировой экономики обусловлены желанием стран, так называемого «золотого миллиарда», обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие своих стран. Это и использование энергоресурсов в необходимом объеме, и вывоз капитала для производства продукции в страны, которые не принадлежат к «золотому миллиарду», за дешевую рабочую силу, и проникновение на их рынки со своими товарами, и появление в последнее время благодаря болонским соглашениям возможности «скачивания молодых мозгов» и т.д. Поэтому, если великая депрессия поразила в большей степени мощнейшую экономику США, а кризис 70-х годов XX в. – развитые европейские страны, то в настоящее время им удалось быстро прекратить снижение производства за счет сокращения использования иностранной рабочей силы, объединения предприятий и капиталов, национализации компаний. Экономическое положение других стран (не входящих в «золотой миллиард») продолжает ухудшаться.

Улучшить существующую ситуацию и уменьшить влияние кризисных явлений в дальнейшем возможно. Прежде всего, это учет времени их предполагаемого начала при разработке национальных стратегий развития. Модели инновационных стратегий России должны связать отдельные отраслевые прогнозы и программы действий в единую систему. Другим необходимым условием должна стать поддержка отечественного товаропроизводителя. Для этого нужно проводить широкомасштабные маркетинговые исследования как на уровне государства, так и в отдельных отраслях. Как показывает практика, ни отдельные консалтинговые фирмы, ни тем более промышленные предприятия этого сделать не в состоянии. Маркетинг большинства предприятий является фрагментарным, а не комплексным, а тем более не инновационным. Третьим условием является поддержка в хозяйственной деятельности страны роли регионов, определяющей чертой которой является сочетание общегосударственных интересов и территориальных возможностей.

Но особого внимания заслуживает сельское хозяйство, которое в результате сокращения рабочих мест на промышленных предприятиях может получить определенный прирост трудовых ресурсов.

Подкреплением агроэкономической политики государства должны стать два фактора: изменение государственной политики в подготовке соответствующих специалистов (сельскохозяйственного профиля, а также учителей и врачей) и улучшение инфраструктуры сел и небольших городов.

Изменчивость и скорость изменения потребностей и запросов потребителей, с одной стороны, и научно-технический прогресс, с другой, в своем сочетании приводят к созданию принципиально новых и усовершенствованных традиционных видов продукции, вносящих изменения в структуру и систему общественных потребностей. Эти изменения характеризуются как появлением новых потребностей, так и изменением соотношения между существующими потребностями, а также расширением способов удовлетворения одних и тех же потребностей новыми или существующими видами продукции.

Масштабность объемов производства, ускорение процесса создания инновационных и обновление существующих видов продукции не только расширили потребности и запросы потребителей, но и трансформировали саму структуру общественных потребностей. Считается, что в современных условиях общественные потребности, как правило, удовлетворяются за счет двух источников: экстенсивного или интенсивного расширения производства уже освоенных видов продукции и технологий; создание и внедрение продуктовых инноваций.

Первый источник практически полностью себя исчерпал, а потому в основу удовлетворения общественных потребностей должны быть положены инновации. Но инновации не возникают сами по себе, они являются результатом инновационной деятельности. Почву для быстрого создания и внедрения инноваций должно создавать государство через соответствующие методы и инструменты регулирования, а отечественная экономика должна развиваться инновационным путем.

Место государственной инновационной политики в процессе формирования, функционирования и развития национальной инновационной системы определяют в виде надсистемного элемента, предназначение которого в организационно-правовом аспекте заключается в создании и расширении соответствующих институциональных и инфраструктурных условий, а в организационно-экономическом аспекте – в поддержании макроэкономической и социальной стабильности в обществе, а также в обеспечении стабильного функционирования финансового механизма поддержки и развития инновационной системы

Однако, в данном случае государственная политика решает сравнительно узкие, лежащие на поверхности вопросы организационно-экономического и социально-экономического характера, вместо того чтобы сосредоточиться на организационно-содержательных проблемах более широкого плана. Поэтому, по нашему мнению, устойчивые

преобразования современной экономики России коренятся не в технологиях, а в формировании инновационного общества и инновационного мышления, и в связи с этим акцентируется внимание на решении более объемных задач, а именно:

- повышение конкурентоспособности России, сохранение стратегических позиций и ролей в мировой экономике;
- формирование общественных форм экономической и политической деятельности, качества и образа жизни, удовлетворяющих потребностям самосознания, гуманности;
- сохранение культуры, этики, социальной и личностной идентичности, при сохранении обороноспособности, суверенитета и существующих границ России;
- самовыживание человечества в целом.

Библиографический список

1. Иванус А.И. Гармоничный инновационный менеджмент. М.:URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. 247 с.
2. Иншакова А.О., Кожемякин Д.В. Реализация эффективной конкурентной политики ЕС в сфере инноваций посредством общего интеллектуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №2. С. 19-23.
3. Березняк Н.В., Кваша Т.К., Новицкая А.В. Процессы интеграции информационной инфраструктуры инновационной деятельности // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации: РИНТИ-2013: XII Международная конференция, 20 ноября 2013 года, Минск : доклады / [науч. ред.: А.В. Тузиков, Р.Б. Григянец, В.Н. Венгеров]. Минск, 2013. С. 209-214.
4. Бухарова М. Управление трансфером технологических инноваций: отраслевая цепочка ценностей // Проблемы теории и практики управления. 2013. №1. С. 111-119.
5. Туккель И.Л. Разработка и принятие решения в управлении инновациями. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 342 с.

РАЗДЕЛ 16. УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ И ИХ МОДЕЛИРОВАНИЕ

УДК 336.7(075.8)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ РЕПУТАЦИОННЫМИ РИСКАМИ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

А.Н. Айриева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kafedra-fik@mail.ru

В настоящее время российская экономика стала все чаще испытывать влияние мощных рискованных нагрузок. Среди них особое место занимает репутационный риск, который еще недостаточно изучен в теоретическом аспекте и довольно часто не учитывается в практической деятельности российских коммерческих банков. Такая ситуация создает определенные проблемы, поскольку репутационный риск приобретает все большую значимость при выборе эффективной стратегии развития, в связи с чем управление им и его оценка становятся актуальной проблемой для любой сферы предпринимательской деятельности, в том числе и для коммерческих банков.

Ключевые слова: деловая репутация банка, репутационный риск, факторы и причины появления репутационного риска, управление репутационным риском, методика оценки репутационного риска банка.

MODERN METHODS OF IMPROVING REPUTATION RISK MANAGEMENT COMMERCIAL BANKS

A.N. Ayrieva

At present, the Russian economy has become increasingly be influenced by powerful risk loads. Among them is the reputational risk, which is still poorly understood in the theoretical aspect and is often not taken into account in the practice of Russian commercial banks. This situation creates some problems because reputational risk is becoming increasingly important when choosing an effective development strategy, in connection with which its management and evaluation become an urgent problem for every sphere of business activity, including commercial banks.

Key words: bank's business reputation, reputation risk, factors and causes of reputational risk, reputational risk management, reputational risk assessment methodology bank.

Под репутационным риском коммерческого банка следует понимать риск ухудшения деловой репутации кредитной организации, т.е. риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие влияния следующих факторов [1].

Несоблюдение кредитной организацией (аффилированными лицами кредитной организации, дочерними и зависимыми организациями, реальными владельцами кредитной организации) законодательства Российской Федерации, учредительных и внутренних документов кредитной организации, обычаев делового оборота, принципов профессиональной этики, неисполнение договорных обязательств перед кредиторами, вкладчиками и иными клиентами и контрагентами, отсутствие во внутренних документах механизмов, позволяющих эффективно регулировать конфликт интересов клиентов и контрагентов, учредителей (участников), органов управления и (или) служащих, а также минимизировать негативные последствия конфликта интересов, в том числе предотвращение предъявления жалоб, судебных исков со стороны клиентов и контрагентов и (или) применение мер воздействия со стороны органов регулирования и надзора.

Неспособность кредитной организации, ее аффилированных лиц, а также реальных владельцев эффективно противодействовать легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также иной противоправной деятельности, осуществляемой недобросовестными клиентами и контрагентами и (или) служащими кредитной организации.

Недостатки в управлении банковскими рисками кредитной организации, приводящие к возможности нанесения ущерба деловой репутации. Осуществление кредитной организацией рискованной кредитной, инвестиционной и рыночной политики, высокий уровень операционного риска, недостатки в организации системы внутреннего контроля, в том числе в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Недостатки кадровой политики при подборе и расстановке кадров, несоблюдение принципа «Знай своего служащего».

Возникновение у кредитной организации конфликта интересов с учредителями (участниками), клиентами и контрагентами, а также другими заинтересованными лицами.

Опубликование негативной информации о кредитной организации или ее служащих, учредителях (участниках), членах органов управления, аффилированных лицах, дочерних и зависимых организациях в средствах массовой информации.

По данным российских рейтинговых агентств важнейшими причинами появления репутационного риска у российских банков за период с 2013 по 2014 годы являлись: не исполнение федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, а также нарушения нормативных актов Банка России и представление в ЦБ недостоверных данных.

В перечень основных недостатков в организационном, методическом и методологическом аспектах управления репутационным риском российских коммерческих банков можно включить:

- отсутствие в организационной структуре управления специализированных комитетов или отделов, осуществляющий весь спектр полномочий по управлению репутационным риском;

- отсутствие организационного управления риском потери деловой репутации в рамках выстроенной в банке системы управления всеми банковскими рисками;

- не соблюдение последовательности осуществления этапов управления репутационным риском банка, нарушающее процедуру мероприятий по оценке репутационного риска и выбора и способов его регулирования;

- абстрактное трактование стратегии управления репутационными рисками банков;

- неправильный выбор зон идентификации репутационного риска;

- выбор методов управления репутационным риском без учета конкретных видов репутационных рисков, а также отсутствие корреляционной оценки рисков;

- не оптимальный и не единый перечень системы показателей оценки репутационного риска;

- отсутствие единой системы или шкалы оценки репутационных рисков банков;

- отсутствие регулярного мониторинга репутационного риска на основе самостоятельно разработанной банком системы внутренних показателей.

В соответствии с выделенными недостатками, по нашему мнению, можно предложить следующие рекомендации, направленные на совершенствование мер по минимизации репутационных рисков и поддержания деловой репутации коммерческих банков:

1 Современным организациям банковской деятельности следует более четко формулировать выбранную собственную индивидуальную стратегию и конкретизировать подход к управлению репутационным риском (как кредитный меморандум, депозитную политику и т.д.).

2. При определении зоны проявления репутационного риска необходимо учитывать и другие сферы, которые отражают как внутренние, так и внешние факторы воздействия (например, слабая кадровая политика, отраслевой характер клиентурной базы, уровень профессионализма руководства банка и т.д.).

Кроме того, если учесть, что причинами появления репутационного риска могут быть и высокие финансовые риски банка, то зона идентификации репутационного риска способна расширяться (например, за счет снижения кредитоспособности заемщика, ухудшение качества

кредитного портфеля, возникновение просроченного основного долга и процентных платежей, появление проблемных ссуд, возникновения факторов делового риска, ненадежность источников погашения долга и т.д.).

3. Поскольку деловая репутация банков как финансовых институтов – это внешняя информация, которая должна рассматриваться в сравнении с результатами других организаций банковской деятельности, то необходимо определить четкие оценочные показатели для расчета риска потери деловой репутации единые для всех кредитных организаций, а также их количественную оценку и разработать шкалу уровня риска потери деловой репутации. Этот факт принципиально важен для развития банковской системы государства в будущем.

Кроме того, следует разработать способы расчета взаимосвязи риска потери деловой репутации с другими рисками банка.

4. При использовании современных методов управления репутационными рисками организация банковской деятельности следовало бы провести уточнение существующих у конкретного банка факторов или причин возникновения репутационного риска с возможными методами его регулирования, а также разработать пошаговые действия по анализу риска и алгоритмы предотвращения риска потери деловой репутации.

Полагаем, что такой подход позволил бы систематизировать и оптимизировать банковскую рисковую политику в области управления репутационными риском.

5. Мониторинг репутационного риска в коммерческих банках должен проводиться на постоянной основе еженедельно или ежемесячно (в зависимости от масштаба или типа коммерческого банка и числа клиентов), что позволит на ранних стадиях выявить факты нарушений во внутренней деятельности сотрудников банка или его руководства.

Кроме того, необходимо определить единые формы отчетности, от первичных до сводных, для мониторинга изменения риска потери деловой репутации, региональные особенности риска потери деловой репутации при многофилиальной структуре.

Возможно следует разработать не рекомендации, а инструкцию по риску потери деловой репутации коммерческого банка.

6. В целях обеспечения эффективности управления репутационным риском, можно обозначить следующие меры, которыми должна руководствоваться любая организация, в том числе и в сфере банковской деятельности:

– выстраивание и поддержание доверительных отношений с клиентами, акционерами и инвесторами и иными заинтересованными сторонами является одной из важнейших стратегий крупной организации.

Несмотря на то, что в настоящее время существование Интернета позволяет делать покупки, расплачиваться за те или иные услуги, Интернет

для большинства пользователей является источником получения информации. Именно поэтому, необходимо рассматривать Интернет в качестве основного источника информации о своей деятельности.

При этом информация должна быть написана доступным языком, имела актуальный и действительный и добросовестный характер. Также необходимо, чтобы интерфейс сайта был понятен и структурирован.

– клиенты всегда оценивают качество продукции и предоставленные услуги исходя из своих ожиданий и впечатлений. Именно поэтому необходимо уделять большое внимание мотивации служащих, особенно тех, кто находится на «первой линии фронта» обслуживания клиентов, так как именно они создают необходимую атмосферу и в принципе, являются лицом организации. Сегодня, в связи с тем, что большинство организаций в большинстве случаев предлагают одинаковый перечень товаров и услуг, потребители более искушенные и более требовательны к качеству товара/оказываемой услуге, соответственно, необходимо, чтобы сотрудники организации были более квалифицированными, а самое главное мотивированными для качественного исполнения своих обязанностей.

Также необходимо на постоянной основе проводить обучение персонала с целью обучения их новой, необходимой в работе информацией и развития правильных навыков, а также, демонстрируя сотрудникам, каким образом их действия/бездействие могут сказаться на деловой репутации организации, и какую значимую роль их работа оказывает на деятельность организации в целом.

– управление репутационным риском должно находиться под постоянным контролем высшего руководства организации.

– деловая репутация и репутационный риск должны находиться в одном списке приоритетов, что требует более глубокого понимания обоих понятий.

7. Полагаем, что самое важное в управлении репутационными рисками – выявить те или иные недостатки в текущей и стратегической деятельности банка и исправить их до того, как пробелы в управлении достигнут критического масштаба и об этом станет известно общественности.

В результате, процедуры по созданию положительного имиджа банка должны подразумевать:

- соблюдение банком требований действующего законодательства Российской Федерации;
- своевременность, достоверность, регулярность и оперативность предоставления информации клиентам, контрагентам и прочим заинтересованным лицам;

- раскрытие информации о собственниках банка и их долях в уставном капитале, об общественной и иной деятельности владельцев банка;
- защитную реакцию на распространение ложных слухов (клеветы) о банке на финансовом рынке и в СМИ;
- идентификацию клиентов, проводимую в рамках системы финансового мониторинга с целью реализации принципа «Знай своего клиента»;
- полноту, достоверность и своевременную актуализацию сведений, которые находятся в открытом доступе на официальном сайте и на стендах в офисах.

8 Для повышения уровня деловой репутации банка следует учитывать нижеприведенные факторы:

- наличие действующих лицензий и участие в системе страхования вкладов;
- членство в национальных и международных ассоциациях и системах;
- сотрудничество с клиентами / контрагентами с известным брендом;
- квалифицированный и сертифицированный штат, наличие проверочных стандартов при приеме специалистов в банк и контроль подбора и расстановки кадров (реализация принципа «Знай своего служащего»);
- научная деятельность работников банка, участие в семинарах и конференциях;
- универсальность интернет-сайта банка (сочетание функциональности и простоты использования);
- надлежащее организационно-техническое обеспечение интернет-банкинга (доступность автоматизированных систем, защищенность и конфиденциальность операций и сведений о клиентах) [2];
- планомерное расширение направлений деятельности банка;
- наличие кредитных рейтингов, присвоенных ведущими рейтинговыми агентствами;
- соблюдение условий договоров, отсутствие неисполненных обязательств перед третьими лицами и др.

9. В целях минимизации репутационных рисков банков, а также укрепления имиджа, необходимо поддержание в актуальном состоянии следующей информации на официальном сайте банка:

- общие сведения: полное и сокращенное наименование; регистрационный номер; местонахождение центрального офиса и обособленных структурных подразделений; контактная информация; режим работы; реквизиты;
- сведения об органах управления и учредителях;

- список лиц, под контролем либо значительным влиянием которых находится банк [3];
- сведения о вхождении банка в систему страхования вкладов;
- анкета банка [4];
- сведения о полученных лицензиях, учредительные и регистрационные документы;
- информация о членстве в российских и международных ассоциациях и системах;
- информация о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем;
- перечень предоставляемых услуг;
- информация о выходных и праздничных днях в России и за рубежом;
- установленные курсы иностранных валют и учетных цен на драгоценные металлы;
- продуктовая линейка, в том числе процентные ставки по кредитам и вкладам;
- тарифы на операции и услуги для частных лиц, корпоративных клиентов, кредитно-финансовых учреждений;
- установленные формы документов (договоры, заявления, анкеты, генеральные соглашения и др.);
- сведения о требованиях к пакету документов, предоставляемых для совершения операций и заключения сделок: на открытие и ведение счетов; на установление корреспондентских отношений; на получение кредитных средств; на приобретение векселей; на открытие срочных вкладов и пр.;
- результаты деятельности: аудиторские заключения; годовые отчеты; текущая финансовая отчетность (формы 0409101, 0409102, 0409134, 0409123, 0409135, 0409806, 0409807, 0409808, 0409812);
- информация о кредитных рейтингах, присвоенных рейтинговыми агентствами, статусах, награждениях грамотами, участии банка в конференциях и круглых столах, научной деятельности работников;
- сведения о проводимых акциях и кампаниях, в том числе с целью запуска новых видов услуг;
- сведения о благотворительной и спонсорской деятельности и т.д.

Информацию из этого перечня руководители ответственных подразделений должны регулярно направлять работникам, ответственным за поддержку банковского сайта. Факт отсутствия актуальной информации на сайте банка классифицируется как событие репутационного риска.

Полагаем, что представленные меры и рекомендации значительным образом помогут вывести на качественно новый, высокий уровень процесс

обслуживания, а также и управления репутационными рисками в организациях банковской деятельности.

Библиографический список

1. Стандарт качества управления репутационным риском в кредитных организациях. Ассоциация банков России. Версия 1.1 от 17.11.2010. URL: <http://www.arb.ru> (дата обращения: 17.03.2015).
2. Письмо Банка России от 31 марта 2008 г. №36-Т «О Рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем интернет-банкинга». URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.03.2015).
3. Положение о порядке раскрытия на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых находятся банки – участники системы обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (утв. Банком России 27 октября 2009 г. №345-П) (ред. от 27 ноября 2013 г.). URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.03.2015).
4. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2015).
5. Заман А. Репутационный риск: Управление в целях создания стоимости. Пер. с англ. Ю. Кострубова. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. 416 с.
6. Гриффин Э. Управление репутационными рисками: стратегический подход. Пер. с англ. М. Альпина Бизнес Букс, 2009. 237 с.
7. Репутация банков – топ риск текущего сезона // MOBILIS IN MOBILE. URL: http://www.franklin-grant.ru/ru/news2/data/news_01/2005_07/20050725_164402_ep.asp (дата обращения: 05.03.2015).
8. «Ромир» измерил деловую репутацию российских банков. URL: <http://www.lenta.ru/news/2010/04/16/rating/> (дата обращения: 05.03.2015).
9. Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 05.03.2015).
10. Интернет-портал о консалтинге. URL: www.consult.ru (дата обращения: 05.03.2015).
11. Положение Банка России от 16 декабря 2003 г. №242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах». URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 09.03.2015).
12. Письмо Банка России от 30 июня 2005 г. №92-Т «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах». URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 09.03.2015).
13. Письмо Банка России от 13 сентября 2005 г. №119-Т «О современных подходах к организации корпоративного управления в кредитных организациях». URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 14.03.2015).
14. Письмо Банка России от 21 июля 2011 года №110-Т ЦБ РФ О методических рекомендациях «О признании, оценке, предоставлении и раскрытии информации о деловой репутации при составлении кредитными организациями финансовой отчетности в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности». URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 12.03.15).
15. Рейтинговое агентство. URL: www.expert.ru (дата обращения: 05.03.2015).

**ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ВЕСОВЫХ МАТРИЦ ПРИ
МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-
РАСПРОСТРАНЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ**

О.С. Балаш

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: olgalash@mail.ru

Статья посвящена подходам к построению весовых матриц для анализа и моделирования пространственно-распространенных социально-экономических явлений и процессов.

Ключевые слова: матрицы смежности, границы, авторегрессионный процесс, весовые матрицы.

**APPROACH TO BUILDING THE WEIGHT MATRIX IN MODELING
SPATIAL PROCESS**

O.S. Balash

The article is devoted to the construction of approaches of weight matrices for analysis and modeling of spatial and widespread social and economic phenomena and processes.

Key words: adjacency matrix, borders, autoregressive process, the weighting matrix.

Общей проблемой при анализе пространственных явлений и построении эконометрических моделей для пространственно распространённых процессов является учет пространственной неоднородности и взаимозависимости, то есть того, как различаются и как связаны между собой наблюдаемые значения в соседних точках или областях.

Ряд методов, учитывающих взаимное расположение объектов, предполагает при построении экономико-статистических моделей использование не только матриц смежности, но и пространственных матриц весов с $W (n \times n)$.

Элементы весовой матрицы отражают силу потенциальных взаимодействий между объектами. Выбор способа формирования весовой матрицы является ключевым, наиболее важным и трудным этапом применения большинства методов статистического анализа территориально-распределённых данных.

В общем случае матрица пространственных весов определяется как симметричная матрица смежности, которая может быть построена на основе, представленной в геоинформационной системе топологической

информации, то есть информации о близости, сопредельности объектов или расстояний между ними.

Существуют различные методы представления смежных областей и соответственно методы построения весовых матриц W .

Проблема выделения однородных зон достаточно сложна, а субъективное и необоснованное определение границ может приводить к ошибочным результатам. Иногда исследуемая область разделяется на однородные зоны с четкими либо нечеткими границами. Для четких границ элемент весовой матрицы $\{w_{ij}\}$ полагают равным единице, если объекты i и j попадают в одну и ту же зону, и нулю – в противном случае. Нечеткие границы означают, что каждый объект с той или иной вероятностью имеет возможность попасть в любую зону. Обычно вероятность зависит от близости объекта к центру зоны и с увеличением расстояния уменьшается. Тогда элементы матрицы весов представляют собой вероятности попадания в выбранную зону, и нулю в противоположном случае.

При анализе региональных данных расстояния между объектами трудно определить однозначно, поэтому элементы весовой матрицы определяют, учитывая близость или сопредельность областей. На основе такого критерия сопредельности, элемент матрицы $\{w_{ij}\}$, аналогично разделению на четкие и нечеткие границы или матрице смежности, полагают равным единице, если объекты i и j являются соседними, и нулю – в противном случае. В частности, используют варианты: объекты i и j линейносопредельные, если обладают общей западной и восточной границей или ее частью; примыкают к другу, если есть общая граница не менее заданной длины с любой стороны; границы регионов имеют хотя бы одну общую точку.

Наличие и протяженность общей границы облегчают межрегиональное взаимодействие, но не определяют его полностью. На его интенсивность влияет множество других факторов, например, расстояния (географические по координатам или по транспортным магистралям) между региональными центрами и т.п.

Иногда элементы весовой матрицы вычисляют как заданные функции географических расстояний между объектами. Согласно критерию расстояния элемент весовой матрицы $\{w_{ij}\}$ определяют как некоторую функцию расстояния между объектами i и j : если расстояние больше ширины «окна пропускания» d , элемент полагают равным нулю. Ширина полосы пропускания и параметры весовой функции могут быть постоянными или адаптивно изменяться по территории. За основу могут брать географические расстояния, затраты времени на достижение объекта i из объекта j и т.п.

Если в основе построения матриц лежит расстояние, то веса определяют следующим образом [1]:

$$w(i, j) = d_{ij}^{-\delta},$$

где d_{ij} – расстояние между точками i и j , δ – параметр

Кроме того, в качестве весов используют экспоненциальную функцию расстояния:

$$w(i, j) = \exp(d_{ij}^{-\delta}).$$

Для таких представлений вес не равен нулю для всех пар точек или областей, но становится меньше с увеличением расстояния. Чем больше параметр δ , тем веса сильнее уменьшаются в зависимости от расстояния.

Если между областями существуют общие границы, то

$$w(i, j) = \left(\frac{l_{ij}}{l_i} \right)^\tau,$$

где l_{ij} – длина общей границы между i и j , l_i – длина границы с i , включая сегмент, граничащий с исследуемой областью, τ – параметр

Веса могут комбинировать длину границ и расстояние:

$$w(i, j) = \left(\frac{l_{ij}}{l_i} \right)^\tau d_{ij}^{-\delta}.$$

В этих случаях веса отличны от нуля для областей, имеющих общую границу, и уменьшаются с уменьшением доли общей границы региона j с i , а также с увеличением параметра δ .

Bavaud в 1998 г. предложил использовать пересечение или взаимодействие весов на основе акций экспорта и импорта. Он определил экспортный вес:

$$w(i, j) = \frac{n(i, j)}{n(i, .)},$$

затем импортный вес:

$$w(j, i) = \frac{n(j, i)}{n(., j)},$$

где $n(i, j)$ – пространственное взаимодействие i с j , $n(i, .)$ – общее взаимодействие без i , $n(., i)$ – общее взаимодействие, включая i .

В некоторых случаях целесообразно использовать меру, комбинирующую длину общей границы и расстояния между центрами (Cliff, Ord). Веса определяются как

$$w_{ij} = (d_{ij})^{-a} (\beta_{ij})^b,$$

где d_{ij} – расстояние между объектами i и j ; β_{ij} – доля границы объекта, приходящегося на контакт с объектом j ; a и b – параметры

Предложены также веса, учитывающие различия в размерах регионов, например,

$$w_{ij} = d_{ij} \alpha_i \beta_{ij},$$

где d_{ij} – строится по критерию сопредельности; α_i – доля всей площади территории, приходящейся на i -ый объект, β_{ij} – доля границы объекта, приходящегося на контакт с объектом j (Similarly, Dacey, 1968).

Заслуживает упоминания вариант определения весовой матрицы, основанный на обобщенной концепции доступности:

$$w_{ij} = \sum_j k_j \frac{a}{1 + b \cdot e^{-c_j d_{ij}}},$$

где k_j – относительная значимость j -го способа коммуникации между объектами, таких как автомобильное, железнодорожное, воздушное и прочие сообщения, d_{ij} – расстояние между объектами i и j ; a , b , c_j – параметры, подлежащие оценке (Bodson, Peeters, 1975).

Иногда вычисляют веса матрицы расстояний (*distancematrix*) следующим образом:

$$w_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{если } i = j; \\ \frac{1}{d_{ij}^\gamma}, & \text{если } d_{ij} \leq D(q); \\ 0, & \text{если } d_{ij} > D(q). \end{cases}$$

где d_{ij} – мера расстояния между центрами районов, $D(q)$ – квантили расстояний ($q = 1, 2, 3, 4$), γ – коэффициент, обычно равный двум.

Используя приведенную формулу, можно заметить использование гравитационного коэффициента: сила притяжения регионов обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Для $q < 4$ критическим расстоянием отсечения считается квантиль $D(4)$, дальше влияние расстояния считается несущественным. Если $q = 4$ в матрице учитываются все расстояния.

В некоторых работах, например, Fingleton (2002), используется матрица расстояний, учитывающая размер соседних регионов:

$$W_{ij}(q) = \begin{cases} 0, & \text{если } i = j \\ \frac{A_j}{d_{ij}^\gamma}, & \text{если } d_{ij} \leq D(q) \\ 0, & \text{если } d_{ij} > D(q) \end{cases},$$

где A_j – показатель размера или мощности соседнего региона j (ВРП, объем промышленной продукции, численность населения и пр.).

В большинстве социально–экономических задач применяются комбинации весов на основе расстояний и сопредельности.

Возможны и иные способы определения весов, в том числе, они могут быть заданы на основе опыта исследователя.

Иногда пространственные взаимодействия не могут быть корректно отображены по географическим характеристикам объектов. Например, изолированные анклав, острова, не имеющие общих границ с другими территориями. Также ассиметричное территориальное расположение городских агломераций и сельских районов. В таких случаях весовую матрицу можно попытаться определить с использованием информации об объеме товарообмена, миграционных потоков, иных показателей социально–экономической статистики, либо на основе расчетных расстояний, отражающих интенсивность экономических взаимосвязей, сходств или различий регионов, полученных, например, методом многомерного шкалирования.

Выбор метода построения весовой матрицы зависит от целей исследования. По–видимому, не существует универсального способа определения весов, который может использоваться во всех задачах. При решении конкретной проблемы полезно сравнить результаты, полученные при разных вариантах определения весов, а затем выбирать наиболее адекватный.

Другим вариантом построения является использование стандартизированной матрицы весов W^* , в которой сумма по строке дает единицу в результате деления каждого элемента строки на сумму элементов по строке:

$$w^*(i, j) = \left(\frac{w(i, j)}{\sum_{j=1}^n w(i, j)} \right)_{ij}$$

Bavaud [1] изучает свойства весовых матриц и показывает, как они изображают пространственно распространенные явления, такие как экономическое или социальное влияние региона или его место в территории страны.

Некоторые авторы изучали собственные значения и собственные вектора весовых матриц и определяли как матрицы характеризуют пространственную структуру (Tinkler, 1972; Boots, 1982, 1984; Griffith, 1996). Они выяснили, что собственное значение матрицы C определяют смежность областей, в то время как отдельные элементы соответствующего собственного вектора указывает на центральную роль каждой области на всей территории. Эти работы иллюстрируют латентную связь матриц C и W .

Таким образом, существуют различные виды подходов к построению матриц, которые зависят от выбора исследователя для каждого конкретного случая пространственной изменчивости.

Многие методы расчета весовых матриц реализованы, как встроенные, в ряде геоинформационных систем, так и

специализированных пакетах статистического и эконометрического анализа.

Автором построена матрица весов на матрице расстояний по автомобильным дорогам Приволжского федерального округа на основе формулы:

$$w(i, j) = d_{ij}^{-\delta},$$

где d_{ij} – расстояние между городами Приволжского федерального округа, δ – параметр, равный единице.

Библиографический список

1. Fingleton B. Theoretical Economic Geography and Spatial Econometrics: Bridging the Gap between Theory and Evidence, in Getis A., Mur J., Zoller H. (Ed.) Spatial Econometrics and Spatial Statistics, Palgrave, London. 2002.
2. Cliff Ord K. Estimation Methods for Models of Spatial Interaction // Journal of the American Statistical Association. 1975. Vol. 70. No.349. Pp. 20-26.
3. Балаш О.С., Харламов А.В. Статистические методы в оценке жилой недвижимости крупного города // Современные проблемы и тенденции развития коммерции. Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 2005. С. 241-245.
4. Балаш О.С., Харламов А.В. Адаптивные методы учета территориальной неоднородности при моделировании цен на недвижимость // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2009. №1 (51). С. 5-8.
5. Балаш О.С., Харламов А.В. Эконометрический подход в моделировании рынка жилья г. Саратова // Современные проблемы и тенденции развития внутренней и внешней торговли: Сб. науч. статей: в 2 т. / Междунар. науч. конф. (Саратов, 25 апр.2008 г.). Саратов: Сар.ин-т РГТЭУ, 2008. Т. 2. С. 291-296.
6. Anselin L. Spatial Externalities, Spatial Multipliers and Spatial Econometrics, University of Illinois, Urbana, 2002.
7. Anselin L., Moreno R. Properties of Tests for Spatial Error Components, 2002.

УДК 330.4

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КОМПАНИЙ РАЗЛИЧНЫХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА ОАО «СБЕРБАНК» С ПРИМЕНЕНИЕМ СТАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕРЫ РИСКА CoVaR

В.А. Барабаш

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: tribunskaya.veronika@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 14-01-00140

В статье приводится описание величины CoVaR, предложенной М. Brunnermeier, Т. Adrianу в 2009 г. Данная величина позволяет оценить взаимное влияние отдельных институтов друг на друга и систему в целом, а также влияние самой системы на

отдельные институты. Наше исследование связано с применением статической модели величины CoVaR к анализу влияния компаний различных секторов экономики на ОАО «Сбербанк».

Ключевые слова: системный риск, меры риска, Value-at-Risk, квантильная регрессия, финансовый риск.

APPLICATION OF THE COVAR STATIC MODEL TO THE ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF COMPANIES FROM DIFFERENT SECTORS ON OJSC «SBERBANK»

V.A. Barabash

The article contains the description of CoVaR risk measure proposed by M. Brunnermeier, T. Adriany in 2009. The measure provides an opportunity to estimate the mutual influence of the certain institutions or the mutual influence of the financial system and a particular institution. Our research is connected with the application of CoVaR static model to the analysis of the influence of companies from different sectors on OJSC «Sberbank».

Key words: systemic risks, risk measures, Value-at-Risk, quantile regressions, financial risk.

В настоящее время мировая экономика в целом является сложнейшей системой. В первую очередь это означает тесную связь экономик отдельных стран и в то же время отдельных секторов внутри национальных экономик. Недостаточная идентификация связей между экономическими институтами (отраслями, секторами, компаниями и т.п.) и их взаимного влияния друг на друга приводит к увеличению вероятности возникновения феномена системных рисков [1, с. 113-148; 2; 3, с. 2577-2603].

Измерение системных рисков требует применения особой величины, способной уловить взаимное влияние различных отраслей или институтов в рамках одной отрасли. Такая величина была предложена в 2009 году американскими экономистами *Markus K. Brunnermeier* (профессор экономики университета Princeton; специалист в области финансовых кризисов) и *Tobias Adriany* (вице-президент Федерального Резервного банка Нью-Йорка; исследователь в области финансовой стабильности, монетарной политики, ценообразования на рынке ценных бумаг) [4, с. 8] и раскрыта в нескольких статьях в российских источниках [5].

Цель данной работы заключается в рассмотрении статической модели величины *CoVaR* и ее применении к измерению взаимного влияния институтов сектора недвижимости, банковского и сырьевого секторов.

Чтобы раскрыть понятие *CoVaR* и ее основные свойства, удобно использовать связь этой величины с мерой риска *Value-at-Risk (VaR)*, которая является широко известной и часто используемой на практике [6, с. 25].

Так как VaR_q^i в неявной форме определяется через квантиль q , то:

$$P(X^i \leq VaR_q^i) = q$$

где X^i – это переменная, относящаяся к институту i , для которого и определяется VaR_q^i

Исходя из этого $CoVaR_q^{j|i}$ – это величина, равная величине VaR института j (или всей финансовой системы) при условии наступления некоторого события $C(X_i)$ в институте i . То есть, $CoVaR_q^{j|i}$ в неявном виде определяется через квантиль q распределения условной вероятности [4, с. 10]:

$$\Pr(X^j \leq CoVaR_q^{j|i} | C(X^i)) = q$$

Тогда влияние института i на институт j можно выразить следующим образом:

$$\Delta CoVaR_q^{j|i} = CoVaR_q^{j|X^i=VaR_q^i} - CoVaR_q^{j|X^i=Median^i}$$

Построим квантильную регрессию (Koenker, 2005) для нахождения оценок коэффициентов для институтов i и j финансово-экономической системы:

$$\hat{X}_q^{system,i} = \hat{\alpha}_q^i + \hat{\beta}_q^i X^i$$

где $\hat{X}_q^{system,i}$ представляет собой прогнозные значения по выбранному квантилю и значениям доходности института i .

Мы рассматриваем случай, когда $X^i = VaR_q^i$, то есть институт i находится в состоянии VaR .

После нахождения коэффициентов, находим значение $CoVaR$ по следующей формуле:

$$CoVaR_q^{system|X^i=VaR_q^i} = VaR_q^{system|VaR_q^i} = \hat{\alpha}_q^i + \hat{\beta}_q^i VaR_q^i$$

После чего определяется показатель $\Delta CoVaR$:

$$\Delta CoVaR_q^{j|i} = CoVaR_q^{j|X^i=VaR_q^i} - CoVaR_q^{j|X^i=Median^i} = \hat{\beta}_q^i (VaR_q^i - VaR_{50\%}^i)$$

Рассмотрим полученные результаты. В качестве исходных данных были взяты недельные доходности акций компаний, входящих в индекс РТС: ОАО «Газпром», ОАО «Сбербанк», ОАО «Группа компаний ПИК», ОАО «ВТБ» за 5 лет; для вычисления были взяты последовательно 2 квантиля: 5% и 1%.

На основе подсчитанных доходностей в качестве основы для анализа были вычислены следующие величины, приведенные в таблице 1 и таблице 2.

Табл. 1. Описательные статистики

Показатель	VTB	SBER	GAZP	PIKK
Mean	-0,003	-0,005	-0,003	0,001
Std.Dev	0,047	0,045	0,038	0,050
Min	-0,186	-0,181	-0,135	-0,163
Max	0,140	0,129	0,100	0,202
1% VaR	-0,145	-0,132	-0,125	-0,128
5% VaR	-0,075	-0,080	-0,067	-0,069
50% VaR	-0,004	-0,002	-0,001	-0,003

Табл. 2. Коэффициент корреляции для различных пар компаний

Пара компаний	cor
VTB & SBER	0,54
GAZP & SBER	0,66
PIKK & SBER	0,22

При подсчете величины *CoVaR* для выявления влияния компаний ОАО «Газпром», ОАО «Группа компаний ПИК» и ОАО «ВТБ» на ОАО «Сбербанк» при соответствующих значениях квантиля q были получены результаты, приведенные в таблице 3.

Табл. 3. Сводная таблица результатов

Показатель	SBER ← GAZP	SBER ← PIKK	SBER ← VTB
1% CoVaR	-0,207	-0,182	-0,181
1% Δ CoVaR	-0,113	-0,049	-0,062
5% CoVaR	-0,121	-0,092	-0,102
5% Δ CoVaR	-0,060	-0,008	-0,033

Представляет интерес рассмотрение не отдельного влияния компаний ОАО «Газпром», ОАО «Группа компаний ПИК» и ОАО «ВТБ» на ОАО «Сбербанк», а сравнение степени их влияния. Для этого важно понять, насколько изменилось значение *VaR* компании ОАО «Сбербанк» при условии реализации 5% и 1% худших исходов для соответствующих компаний (рис. 1).

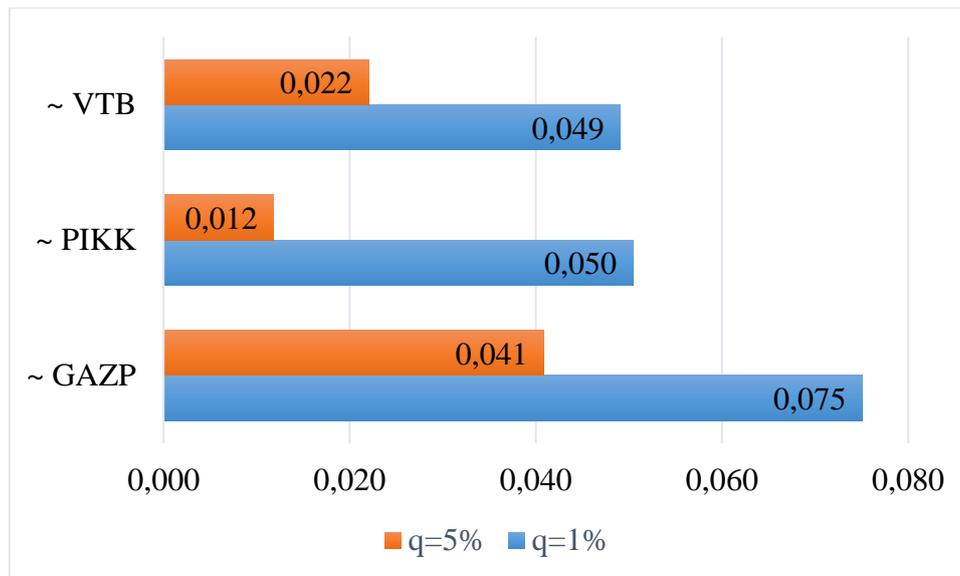

Рис. 1. Модуль изменения значения величины VaR компании ОАО «Сбербанк» под влиянием компаний ОАО «Газпром», ОАО «Группа компаний ПИК» и ОАО «ВТБ» для квантилей 5% и 1%

При анализе полученных данных было выявлено, что наибольшее влияние на компанию ОАО «Сбербанк» с точки зрения системных рисков оказывает компания ОАО «Газпром», представляющая сырьевой сектор. Данный результат вполне логичен, учитывая тот факт, что выручка от экспорта природного газа из России в 2013 году составила 73 млрд. долл., что составляет 3,5% ВВП и 13,9% всего экспорта. При этом «Газпром» располагает самыми богатыми в мире запасами природного газа. Его доля в мировых запасах газа составляет 17%, в российских – 72%. На «Газпром» приходится 13% мировой и 73% российской добычи газа. Соответственно данная компания имеет сильное влияние на макроэкономические показатели, которые в свою очередь являются принципиальными с точки зрения системных рисков – существенное ухудшение макроэкономических показателей обычно свидетельствует о кризисе в стране, а соответственно и о спаде в отдельных секторах экономики, в том числе и банковском (на который помимо прочего коренным образом влияет изменение курса рубля по отношению к доллару или евро). Более того, имеет место и прямая связь рассматриваемых компаний – ОАО «Сбербанк» является основным кредитором компании ОАО «Газпром».

Компании ОАО «Группа компаний ПИК» и ОАО «ВТБ» имеют примерно одинаковое влияние при условии реализации 5% худших исходов, однако при $q=1\%$ влияние компании ОАО «ВТБ» существенно больше. С одной стороны, равенство влияния в первом случае объясняется тесной связью банковского сектора и сектора недвижимости и сектора ипотечного кредитования (доля самого ОАО «Сбербанк» на рынке ипотечного кредитования составляет 47,6%). Однако если рассматривать более серьезные ухудшения финансового состояния компаний, то тот факт,

что ОАО «ВТБ» также относится к банковскому сектору, а значит и находится под влиянием схожих макроэкономических факторов, с точки зрения системных рисков играет решающую роль.

Интересно также и то, что в целом, хотя *CoVaR* и дает более детализированную информацию о взаимном влиянии компаний (например, он может быть использован для анализе влияния при различных исходах), общий паттерн соотношения влияния аналогичным образом передается с помощью коэффициента корреляции (таблица 2).

Подводя итоги, стоит сказать, что системные риски являются актуальной и нетривиальной областью изучения. Их катастрофические последствия и тот факт, что их нельзя минимизировать с помощью эффекта диверсификации, выносят на первый план проблему прогнозирования, предотвращения и идентификации этого вида рисков. А это в свою очередь означает выявление взаимосвязей между институтами внутри экономики и их влияния на финансово-экономическую систему в целом. Это и позволяет сделать описанная в данной работе величина *CoVaR*. В рамках практической части исследования было выявлено и проанализировано взаимное влияние компаний банковской и сырьевой отрасли, а также сектора недвижимости. Также были сделаны выводы о связи величины *CoVaR* и коэффициента корреляции.

Библиографический список

1. De Nicolò G., Lucchetta M. Systemic Risks and the Macroeconomy, NBER Chapters in: Quantifying Systemic Risk. 2011. p. 113-148.
2. Каурова Н.Н. Системные риски в финансово-кредитных сетях // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 33(75). С. 44-53.
3. Lehar A. Measuring systemic risk: A risk management approach, Journal of Banking & Finance, Elsevier. 2005. vol. 29 (10). Pp. 2577-2603.
4. Brunnermeier M., Adriaeny T. (2011), CoVaR, Federal Reserve Bank of New York Staff Reports, 348 (2011).
5. Барабаш В.А., Сидоров С.П. Анализ взаимного влияния экономических субъектов с использованием меры риска CoVaR на примере российских компаний // Корпоративные финансы. 2014. №1 (29). С. 75-84.
6. Jorion P. Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk / 3rd Ed.: McGraw Hill Professional. 2006.
7. Koenker R. Quantile Regression, Cambridge Books, Cambridge University Press. 2005.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ РАБОТНИКА В ОРГАНИЗАЦИИ

С.М. Гвоздева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: gvsveta@inbox.ru

Статья посвящена статистическому анализу характеристик категории качество трудовой жизни работников предприятия. Подчеркивается, что в настоящее время сосуществуют несколько концептуальных подходов к оценке уровня качества трудовой жизни. На основе критического анализа определений дается авторское определение такому многоаспектному понятию как качество трудовой жизни работника. В настоящее время отсутствует интегральный показатель качества трудовой жизни для любого предприятия. Для целей оценки удовлетворенности сотрудников наиболее перспективными является применение статистических методов, позволяющих определить факторы, влияющие на качество жизни работников. На основе коэффициентов Спирмена и Кендалла выявлена статистически значимая взаимосвязь между удовлетворенностью персонала и ожиданиями менеджмента.

Ключевые слова: качество трудовой жизни работников, статистические методы оценки качества жизни работников, удовлетворенность работников, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, коэффициент ранговой корреляции Кендалла.

STATISTICAL ANALYSIS OF THE QUALITY OF WORK LIFE IN EMPLOYEE ORGANIZATION

S.M. Gvozdeva

The article is devoted to the statistical analysis of the characteristics of the category of quality of working life of employees. Stresses that currently coexist several conceptual approaches to the assessment of the quality of working life. Based on a critical analysis of the definitions given by the author's definition such as a multidimensional concept of quality of working life of the employee. Currently there is no integral indicator of quality of working life for any enterprise. For the purpose of employee satisfaction is the most promising application of statistical methods to determine the factors affecting the quality of life of workers. On the basis of the coefficients of Spearman and Kendel showed a statistically significant relationship between employee satisfaction and expectations of management.

Key words: quality of working life of employees, statistical methods for evaluating the quality of life of employees, employee satisfaction, Spearman coefficient, Kendall coefficient.

Повышение качества трудовой жизни сотрудников организации являются приоритетными задачами менеджеров организации всех уровней. Управление качеством трудовой жизни работника требует решения ряда задач:

1) оценка основных тенденции, сложившиеся в практике трудовых отношений в организации на основе точных количественных данных анкетирования сотрудников и руководства;

2) разработка на основании полученной оценки разработка действенных мер по повышению качества жизни персонала организации.

В настоящее время сосуществуют несколько концептуальных подходов к оценке уровня качества трудовой жизни. Качество трудовой жизни может рассматриваться как постоянно эволюционирующая категория, которая наполняется различным содержанием в зависимости от точки зрения авторов.

Критический анализ позволил выявить три группы трактовки понятия «качество трудовой жизни персонала». Во-первых, качество труда определяется как совокупность параметров, характеризующих условия труда, что позволяет исследовать данное определение только с позиции рабочего места и производственной среды. Во-вторых, качество трудовой жизни сотрудников – совокупность параметров, характеризующих взаимоотношение персонала в трудовой деятельности. В-третьих, данная категория включает в себя совокупность параметров, характеризующих организацию и стимулирование труда. Последняя группа ограничивает качество жизни сотрудников оценкой эффективности системы организации и стимулирования труда [1, с. 58].

Таким образом, под качеством трудовой деятельности можно понимать совокупность свойств, возникающих в процессе отношения между сотрудником и организацией, характеризующих условия и организацию труда, с целью раскрытия работниками своего потенциала и достижения целей организации. На эти факторы влияют две составляющие уровень развития в организации системообразующих параметров качества трудовой жизни и степень удовлетворенности работником процессом результатом своей трудовой деятельности.

Многоаспектность понятия «качества жизни» не позволяет выявить универсальную методику оценки качества трудовой жизни для любого предприятия на практике. На данную проблему влияет несколько факторов: недостаточная проработанность, субъективность и частный характер, исследование персонала организаций различных отраслей и видов деятельности, имеющих множество особенностей.

Скорректировать кадровую политику позволяет объективная оценка качества трудовой жизни работников, целью которой является выявление резервов повышения производительности труда работников. Для выявления параметров, характеризующих качество жизнедеятельности работников, следует учитывать два системообразующих элемента: субъективное восприятие работником удовлетворенности своим трудом и оценкой работы своих сотрудников работодателей.

По мнению Л.Г. Миляевой, наиболее приемлемым на уровне организации представляется субъективный подход, основанный на самооценке сотрудником разноаспектных факторов, определяющих характер качества жизни работников [2, с. 159].

Статистический анализ результатов анкетирования работников организации в основном связан со следующими методами: регрессионным, методов описательной статистики, дисперсионным и группой так называемых непараметрических методов. Для целей оценки удовлетворенности сотрудников наиболее перспективными, на наш взгляд, является применение статистических методов, позволяющих определить факторы, влияющие на качество жизни работников.

Статистические методы в основном рассчитаны на достаточно большой объем выборки, т.к. в противном случае наблюдается смещение оценок. Автор считает, что на малых предприятиях или при оценке качества жизни работников сотрудников необходимо использовать непараметрические методы, например, коэффициенты корреляции рангов.

Коэффициенты корреляции рангов Спирмена и Кендалла основаны на корреляции не самих значений рассматриваемых признаков, а их рангов. Преимуществами использования непараметрических методов является простота расчетов, выявление взаимосвязи не только между количественными, но и качественными признаками, которые в основном и получают в результате обследования работников. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена – это непараметрический метод, который используется с целью статистического изучения связи между явлениями. Определяется фактическая степень параллелизма между двумя количественными рядами изучаемых признаков и дается оценка тесноты установленной связи с помощью количественно выраженного коэффициента.

Коэффициент корреляции Спирмена рассчитывается по формуле:

$$r = 1 - 6 \frac{\sum d^2}{n^3 - n}$$

Коэффициент Кендалла является альтернативным показателем для выявления взаимосвязи между двумя ранговыми переменными. Результаты вычисления коэффициента Кендалла показывают разность вероятностей совпадения и инверсии в рангах. Расчет коэффициента корреляции Кендалла проводится по следующей формуле:

$$\tau = \frac{P(p) - P(q)}{N \frac{(N-1)}{2}},$$

где P – число совпадений, Q – число инверсий, N – объем выборки

Считается, что сотрудник наиболее удовлетворен, если происходит совпадение ценностей организации с ценностями сотрудника. Поэтому основным критерием для оценки удовлетворенности сотрудника является связанность показателей оценки персонала с наиболее важными для организации показателями, пониманием миссии и ценностей организации [3]. Следующим критерием является простота расчетов и понимание каждого сотрудника интерпретации показателей качества жизни.

По мнению авторов монографии «Формирование подсистемы измерения и анализа удовлетворенности и вовлеченности персонала в процессы системы менеджмента качества образовательной организации» при оценке показателей для оценки вовлеченности персонала на каждом организационном уровне должно быть не более 5-10 ключевых показателей эффективности, иначе невозможно будет эффективно контролировать [4, с. 36].

Самым главным критерием удовлетворенности персонала и менеджеров является совпадение интересов и ценностей организации и сотрудника. Можно ранжировать степень удовлетворенности сотрудников по различным критериям. В организации иногда трудно напрямую рассчитать влияние каждого сотрудника на результат, поэтому чаще всего менеджеры по работе с персоналом используют балльную шкалу оценки удовлетворенности каждого работника. Для оценки рекомендуется использовать методику расчета индекса вовлеченности сотрудников, предложенную на сайте hr-portal.ru [5].

Наиболее распространенной методикой является опросник Q12 (Gallup), состоящий из 12 утверждений (вопросов), позволяющей измерить уровень вовлеченности сотрудников и выявить те аспекты в работе организации, которые необходимо совершенствовать для вовлечения сотрудников. Считается, что Q12 является эффективным инструментом измерения уровня вовлеченности персонала в работу организации [6]. В дальнейшем для оценки качества трудовой жизни персонала в организации сферы общественного питания мы будем использовать вопросы опросника Q12. Для анализа мы использовали непараметрические методы, в частности, коэффициент корреляции рангов Спирмена и Кендалла.

В ходе опроса каждый из опрошенных семи человек ранжировал по степени значимости два состояния. Ранжирование проводилось от единицы (наиболее важный фактор) до 12. Первый фактор «ожидания и ценности сотрудников» (X) респонденты оценивали с точки зрения вовлеченности в исследуемой организации. Второй фактор «ожидания менеджера от каждого сотрудника» (Y) ранжировал руководитель организации.

Расчетные значения ранговой корреляции Спирмена занесем в таблицу:

Табл. 1. Расчетные значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена

№ сотрудника	1	2	3	4	5	6	7
Значение коэффициента Спирмена	0.57	0.56	0.67	0.76	0.54	0.79	0.83

Все коэффициенты ранговой корреляции Спирмена с уровнем значимости 5%. Они показывают, что между ценностями и ожиданиями сотрудников и менеджментом в организации существует положительная связь.

В дальнейшей мы предлагаем рассчитать средний коэффициент корреляции рангов Спирмена в общем для организации. Для этого предполагается суммировать все значения рангов для каждого фактора, в результате мы получаем два фактора $\sum X$ (сумма рангов сотрудников) и $\sum Y$ (сумма рангов менеджера для каждого сотрудника). Для расчета коэффициента Спирмена построим расчетную таблицу:

Табл. 2. Матрица сумм рангов для расчета коэффициента Спирмена

Вопросы по опроснику	$\sum X$	$\sum Y$	ранг $\sum X, dx$	ранг $\sum Y, dy$	$(d_x - d_y)^2$
Я знаю, что от меня ожидают	23	18	3	1	4
Я располагаю всем необходимым для выполнения моей работы	21	23	2	2	0
У меня есть возможность ежедневно заниматься тем, что я умею лучше всего	19	25	1	3	4
За последние семь дней меня похвалили за хорошую работу	35	34	6	5	1
Мой руководитель проявляет заботу обо мне как о личности	56	53	11	11	0
Здесь поощряют мой рост	45	32	7	4	9
С моим мнением считаются	33	37	4	6	4
Мои коллеги считают своим долгом работать хорошо	50	42	10	8	4
Задачи, которые ставит перед собой компания, позволяют мне чувствовать мою работу важной	33	45	5	9	16
В моей компании работает один из моих лучших друзей	48	57	9	12	9
За последние шесть месяцев со мной беседовали о моем прогрессе в работе	60	51	12	10	4
В течение прошедшего года у меня была возможность для учебы, профессионального роста	45	38	8	7	1
Итого					56

По формуле вычислим коэффициент ранговой корреляции Спирмена:

$$r = 1 - 6 \frac{56}{12^3 - 12} = 0.8$$

Коэффициент Спирмена показывает, что с вероятностью 95% связь между ожиданиями и ценностями сотрудников и менеджера сильная и прямая.

Кроме расчета коэффициента Спирмена расчетная таблица 2 имеет практическое значение – она позволяет ранжировать факторы в целом для организации. Для сотрудников исследуемой организации на первом месте по важности является показатель «У меня есть возможность ежедневно заниматься тем, что я умею лучше всего», на втором – «Я располагаю всем необходимым для выполнения моей работы», на третьем – «Я знаю, что от меня ожидают». Для руководителя на первом месте стоит «Я знаю, что от меня ожидают», т.е. он считает, что самое главное – обеспечить правильное понимание в ценностях организации и четкое распределение прав и обязанностей.

Для расчета коэффициента Кендалла была составлена таблица 3:

Табл. 3. Матрица суммы рангов для расчета коэффициента Кендалла

ΣX	ΣY	ранг ΣX , d_x	ранг ΣY , d_y	P	Q
19	25	1	3	9	2
21	23	2	2	9	1
23	18	3	1	9	0
33	37	4	6	6	2
33	45	5	9	3	4
35	34	6	5	5	1
45	32	7	4	5	0
45	38	8	7	4	0
48	57	9	12	0	3
50	42	10	8	2	0
56	53	11	11	0	1
60	51	12	10	0	0
				52	14

Коэффициент Кендалла для расчета взаимосвязи между ожиданиями ценностями сотрудников и ценностями менеджера равен:

$$\tau = \frac{52 - 14}{\frac{1}{2} \cdot 12 \cdot (12 - 1)} = 0.58$$

Для уровня значимости 5% ранговая корреляционная связь между оценками прямая. Значения ранговой корреляции Спирмена и Кендалла отличаются, но это различие описано в теории статистики.

Таким образом, непараметрические коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла статистически значимы. Между

ожиданиями сотрудников и менеджера существует положительная связь. По таблице 3 можно сделать вывод, что для сотрудников важно заниматься тем, что они лучше всего, для менеджера – четко обозначать ожидания от обязанностей сотрудников.

Непараметрические методы статистики помогут определить проблемные зоны и принять меры по исправлению выявленных проблем. Используя данный инструмент, руководители могут понять, какие аспекты в работе с персоналом нуждаются в усовершенствовании, и что необходимо сделать для повышения эффективности работы организации на различных уровнях. Если в системе подбора учитываются не только образование, опыт работы и профессиональные навыки кандидата на работу, но и общее отношение кандидата к труду и своей профессии, то обычно уровень удовлетворенности в такой компании выше и можно говорить о определенной степени качества трудовой жизни сотрудников.

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла позволяют выявить ожидания и основные характеристики, по которым совпадают (или не совпадают) основные показатели удовлетворенности сотрудниками своей работы и ожидания менеджеров от деятельности работников организации, данные показатели простые в расчетах, их с успехом можно применять для малых предприятий, но в качестве недостатков можно отметить невозможность использовать эти показатели для оценки качества трудовой деятельности в крупных организациях.

Библиографический список

1. Дамбовская А.А. Высокое качество трудовой жизни – залог эффективного взаимодействия работника и работодателя // Известия Иркутской государственной экономической академии. №4. 2010. С. 157-159.
2. Миляева Л.Г. Методические подходы к оценке качества трудовой жизни персонала организации // Ползуновский альманах. №4. 2010. С. 157-160.
3. Соколова Л.И., Мищенко Е.С., С.В. Формирование подсистемы измерения и анализа удовлетворенности и вовлеченности персонала в процессы системы менеджмента качества образовательной организации. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. 124 с.
4. Щербакова Е.М. Изменение мотивов трудовой деятельности персонала и его влияние на качество труда // Проблемы современной экономики. №1. 2014. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4932> (дата обращения: 10.02.2015).
5. Методика расчета индекса вовлеченности персонала. URL: http://www.hr-portal.ru/files/iimg_uploads/12_11/vp1.gif (дата обращения: 15.02.2015)
6. Свиргун О. Вовлеченность персонала: ценное преимущество. Справочник по управлению персоналом. URL: <http://www.pro-personal.ru/journal/870/460105/> (дата обращения: 10.02.2015).

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ И ИХ МОДЕЛИРОВАНИЕ

М.В. Найденова

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Россия*

E-mail: naymv@rambler.ru

В статье рассматривается комплекс вопросов по управлению риском инновационных проектов. Автором уточнено понятие инновации, исследованы источники возникновения риска инновационных проектов и проанализирована их классификация. Предложен организационно-экономический механизм управления риском инновационных проектов и рассмотрены методические положения диагностики риска инновационных проектов.

Ключевые слова: инновационные проекты, риск, управление, диагностика, рисковый профиль, риск-менеджмент.

INNOVATION AND GLOBAL WORLD ECONOMIC PROCESSES

M.V. Naydenova

The article examines the complex issues of risk management of innovation projects. The author clarifies the concept of innovation, the sources of risk of innovative projects and analyzed their classification. An organizational-economic mechanism of management of risk of innovative projects and discusses a number of methods of diagnosis of risk of innovative projects.

Key words: innovative projects, risk, control, diagnostics, risk profile, risk management.

Экономика наиболее развитых стран и стран, осуществивших мощный рывок к мировому лидерству, в настоящее время строится, в первую очередь, на реализации научных достижений. Национальные интересы России требуют немедленных действий, направленных на сохранение ее научно-технологического потенциала, обеспечение его эффективного использования для преодоления кризисных явлений в экономическом и социальном развитии.

Инновационная деятельность российских предприятий сдерживается негативными процессами, которые происходят сегодня в экономике страны, правовыми ограничениями, стойкими организационно-управленческими стереотипами. В данной работе предлагается понятие инновации рассматривать как процесс реализации новой идеи, направленный на внедрение результатов научных исследований и достижений во всех сферах деятельности предприятия. Таким образом,

инновации всегда должны быть ориентированы на рынок, на конкретного потребителя или определенную потребность.

Активизация инновационной деятельности предприятия реализуется через разработку и внедрение инновационных проектов, которые представляют собой многоэтапный, сложный процесс. Определяя место инновационных проектов в системе управления инновационной деятельностью предприятия можно установить следующие принципиальные отличия, характерные для инновационных проектов [1]:

- высокая степень риска при разработке и реализации инновационных проектов и их временная растянутость, что предполагает необходимость анализа риска как постоянной функции на всех фазах и этапах жизненного цикла проекта;

- уменьшение вероятности предварительной финансово-экономической экспертизы за счет высокой степени риска, требующей на практике использования дополнительных критериев оценки и выбора проектов;

- большое количество участников разработки и реализации инновационного проекта, требующее постоянного согласования их интересов и вызывающее риск.

Учет выявленных особенностей разработки и реализации инновационных проектов обуславливает необходимость создания единых процедур, методов и инструментов управления риском, которые могли бы использоваться на протяжении всего жизненного цикла инновационного проекта. Жизненный цикл инновационного проекта ограничивается участием предприятия на различных фазах этого цикла. Рассматривая основные фазы жизненного цикла проекта и его характеристики, можно утверждать, что на протяжении всего жизненного цикла инновационного проекта его сопровождают ситуации, провоцирующие возникновение риска. Поскольку риск присутствует на всех фазах и этапах жизненного цикла инновационного проекта, необходимость в управлении риском не исчезает до закрытия проекта. Такой подход к управлению риском инновационных проектов должен учитывать его комплексный и перманентный характер.

Источники возникновения риска инновационного проекта можно объединить в две группы: внешние и внутренние. Внешние источники возникновения риска должны обязательно учитываться при принятии решений по управлению риском. Внутренние источники возникновения риска подпадают под сферу влияния предприятия, что предоставляет возможность руководителям постоянно осуществлять процесс управления риском.

Управление риском – специфическая область менеджмента, охватывающая различные вопросы, связанные практически со всеми направлениями и аспектами управления. Риск-менеджмент

инновационных проектов можно рассматривать как важнейший и эффективный способ предвидения и снижения риска. Он представляет собой процесс подготовки и реализации мероприятий по снижению негативных последствий нежелательного развития событий с целью предупреждения малоэффективных решений при разработке и реализации инновационных проектов.

В современной концепции менеджмента сформирован процессный, системный и ситуационный подходы к риск-менеджменту инновационных проектов [2].

Процессный подход характеризует риск-менеджмент как серию последовательных, непрерывных, взаимосвязанных действий, направленных на достижение целей инновационного проекта. С позиции процессного подхода процесс управления риском инновационных проектов можно представить в виде взаимосвязи между функциями (прогнозированием и планированием, организацией, регулированием, мотивацией, контролем), процессами принятия управленческих решений и коммуникационными процессами и менеджментом персонала инновационного проекта.

Системный подход к риск-менеджменту инновационных проектов традиционно позволяет выделить субъект и объект управления и на основе полученной информации с помощью различных методов, функций и инструментов разрабатывать и осуществлять мероприятия по предупреждению, снижению или удержанию риска инновационных проектов в допустимых пределах.

Ситуационный подход к риск-менеджменту инновационных проектов предполагает, что управление риском - это реакция на различные рискованные ситуации, которые происходят за рамками действия проекта и внутри него.

Используя все три современных подхода менеджмента к управлению риском инновационных проектов выделены основные направления этой деятельности: идентификация и оценка риска, выбор методов и инструментов управления риском, предотвращение и контролирование риска, финансирование мероприятий по ограничению риска и оценка их результатов.

Организация работ по управлению риском инновационных проектов строится на основе общих и частных принципов [3]. К общим отнесены принцип программно-целевого управления, интеграции, саморегулирования, системности и принцип логической основы. Частные принципы построения системы организации управления риском инновационных проектов учитывают возможность влияния факторов внешней и внутренней среды; однонаправленность целей функционирования системы управления риском с корпоративными целями предприятия; достаточность властных полномочий у руководителей проекта для реального управления риском; обеспеченность современного

уровня коммуникационных технологий; достаточность бюджета проекта для внедрения мероприятий по снижению риска и т.д.

Организация управления риском в соответствии с установлением общих и частных принципов позволит снизить риск потерь при разработке и реализации инновационных проектов.

Предпринимательские потери – это, в первую очередь, случайное снижение предпринимательского дохода. Именно величина таких потерь и характеризует степень риска. Отсюда анализ риска прежде всего связан с изучением потерь.

В зависимости от величины вероятных потерь целесообразно разделить их на три группы:

- потери, величина которых не превышает расчетной прибыли, можно назвать допустимыми;
- потери, величина которых больше расчетной прибыли относятся к разряду критических;
- катастрофический риск, при котором существует возможность понести потери, превышающие всё имущество.

Говоря о том, что риск измеряется величиной возможных вероятных потерь, следует учитывать случайный характер таких потерь. Таким образом, в основе оценки финансовых рисков лежит нахождение зависимости между определенными размерами потерь и вероятностью их возникновения.

При исследовании особенностей управления риском инновационных проектов предприятие представлено в виде многоуровневой системы, что дает возможность моделировать ситуации, которые соответствуют различным стратегическим решениям в инновационной деятельности [4].

В зависимости от инновационной стратегии предприятия можно структурировать цели инновационного проекта.

В первую очередь, для реализации инновационной деятельности устанавливаются основные цели: создание нового конкурентного продукта; поддержка конкурентоспособности выпускаемого продукта; обеспечение инновационных разработок конкурентоспособной продукции. Далее указанные цели разбиваются на соответствующие составляющие.

Исследования российских ученых дали возможность сформировать перечень рисков инновационных проектов, возникающих при реализации задач функциональных подсистем предприятия. Такой перечень насчитывает шестьдесят видов риска, классифицируемых по целям и задачам инновационного проекта.

Исследование особенностей управления риском инновационных проектов позволило сделать вывод о необходимости формирования организационно-экономического механизма управления риском инновационных проектов для обеспечения параллельно-последовательного

ведения проекта с установлением соответствующих функциональных связей между подсистемами предприятия.

Под организационно-экономическим механизмом управления риском инновационных проектов понимается совокупность способов обеспечения взаимосвязанной деятельности функциональных подразделений предприятия с целью разработки и реализации инновационных проектов в рамках существующей организационной структуры предприятия с проведением диагностики риска проектов и обеспечением оптимального распределения ресурсов по предупреждению риска.

Организационно-экономический механизм управления риском инновационных проектов формируется на основе сочетания и взаимодействия функциональных блоков (организационного, аналитического, коммуникационного, правового, мотивационного). Действие семантических и логических связей между блоками направлено на достижение общей цели – управление риском инновационных проектов, обеспечивающих дееспособность механизма.

Функционирование организационно-экономического механизма управления риском инновационных проектов обеспечивает координационный орган матричного типа, который способен осуществлять интегральные функциональные связи между подразделениями предприятия.

В рамках действия организационно-экономического механизма управления риском инновационных проектов необходимо осуществлять диагностику риска инновационных проектов и прогнозную оценку их дееспособности [5]. Эта методика предусматривает двухэтапную экспертизу риска инновационных проектов.

Первый этап методики диагностики риска инновационных проектов предусматривает проведение предварительной качественной экспертизы, основу которой составляют экспертные оценки риска. Для проведения качественной оценки риска инновационных проектов должны быть определены критерии, характеризующие различные стороны деятельности предприятия, разрабатывающего и реализующего проект, с позиции возникновения риска. Означенные критерии должны получить оценку экспертов, для чего разрабатывается анкета, с помощью которой эксперты определяют риск каждого критерия и всего проекта в целом. Полученные результаты экспертных оценок риска инновационного проекта являются основанием для определения рискованного профиля проекта. Построение рискованного профиля инновационного проекта является достаточно новым инструментом для проведения профессиональной предварительной экспертизы риска проекта.

Построение рискованного профиля предусматривает выделение коридора риска. Коридор риска предлагается рассматривать как совокупность областей риска или их частей, в пределах которых общие потери

предприятия от возможного наступления неблагоприятных событий не превышают значения потерь, которые установлены для инновационного проекта менеджерами предприятия. Области риска формируются в соответствии к размеру прибыли предприятия. Верхняя граница коридора риска всегда совпадает с безрисковой областью, нижняя граница – устанавливается для каждого проекта индивидуально. Установление границ коридора риска обусловлено содержанием инновационной стратегии предприятия и ситуацией, складывающейся на момент оценки риска проекта. Такую ситуацию определяют факторы внешней и внутренней среды, в которой действует предприятие.

Установленный коридор риска и балльные оценки каждого критерия деятельности предприятия, занимающегося инновационной деятельностью, позволяют очертить рисковый профиль проекта.

На рисковом профиле инновационного проекта рассматриваются такие критерии: критерии, характеризуют отрасль; критерии, характеризующие предприятие; целевые критерии; научно-технические критерии; критерии, характеризующие продукцию; производственные критерии; критерии, характеризующие маркетинг; критерии, характеризующие условия финансирования проекта; коммерческие критерии и социально-экономические критерии проекта.

Рисковый профиль проекта представляет собой ломаную линию, с помощью которой возможно определить, попадают ли оценки критериев в коридор риска.

Для обеспечения действия организационно-экономического механизма управления риском инновационных проектов на предприятии необходимо введение должности риск-менеджера. Должность риск-менеджера для российских предприятий является нетипичным явлением, возможно потому, что нет четко разработанных принципов, критериев и функций деятельности риск-менеджеров.

Риск-менеджер инновационных проектов является внутренним аудитором инновационной деятельности предприятия. Он разделяет ответственность за рискованные решения с руководителем проекта и другими менеджерами, которые возглавляют функциональные подсистемы предприятия. Используя комплексный подход к формированию алгоритма реализации функций риск-менеджера, можно утверждать, что управление риском инновационных проектов предполагает применение современных ситуационных стилей лидерства, установление характерных черт стиля руководства риск-менеджера.

Библиографический список

1. Балдин К.В. Управление рисками в инновационно-инвестиционной деятельности предприятия: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2013. 420 с.
2. Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. Риск-менеджмент. Практика ведущих компаний. М.: Вильямс, 2008. 208 с.

3. Зайцев А.В. Построение эффективной системы управления рисками инновационного проекта в условиях высокой неопределенности бизнеса // Российское предпринимательство. 2012. №7 (205). С. 32-36.
4. Поносова Е.В. Повышение инновативности антикризисного управления промышленным предприятием// Российское предпринимательство. 2012. №15 (213). С. 72-78.
5. Плошкин В.В. Оценка и управление рисками на предприятиях: Учебное пособие. Ст. Оскол: ТНТ, 2013. 448 с.

УДК 332.142

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕВЕНЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

И.В. Стазаева

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: kaf.menedjmenta@mail.ru

Статья посвящена концептуальному осмыслению коррупционных рисков в современной организации, автором акцентируется внимание на необходимости разработки антикоррупционных инструментов, вопросах превенции коррупционных транзакций и управления коррупционными рисками.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные риски, антикоррупционные инструменты, управление коррупционными рисками

CORRUPTION RISKS IN THE ORGANIZATIONAL SPACE: OPPORTUNITIES PREVENTION AND CONTROL

I.V. Stazaeva

The article is devoted to the conceptualization of corruption risks in the modern organization, the author focuses on the need to develop anti-corruption instruments, issues of prevention and control transactions korrrtuptionnyh corruption risks.

Key words: corruption, corruption risks, anti-corruption instruments, control corruption risks.

Коррупция является существенным фактором, препятствующим развитию бизнеса в России [1]. Коррупция имеет множественные основания для своего возникновения и широкого распространения в политической, экономической, культурно-духовной, социально-структурной организации общества. Но все ее проявления в большей степени ощутимы в реальной социальной жизни, сказываются на ее уровне, степени защищенности граждан, обеспеченности их прав и свобод.

Разрушительное действие коррупции можно смело поставить в центр всех нынешних социальных коллизий. Социально деструктивные последствия коррупции проявляются во всех без исключения сферах общественной жизни. Коррупцированное государство не может быть ни демократическим, ни правовым, ни экономически развитым, ни социальным [2, с. 332].

Разработка антикоррупционной политики неразрывно связана с осознанием самого явления, которому необходимо противостоять, в противном случае сама идея противодействия коррупции дискредитируется и приводит к диаметрально противоположному результату.

В последнее время обращение к понятиям «коррупция», «противодействие коррупции», «антикоррупционная политика» стало ключевой повесткой дня, как в средствах массовой информации, так и в выступлениях на самом высоком политическом уровне. В этих условиях возникает целый ряд вопросов, связанных с причинами усиленного внимания к данной проблеме: вызвано ли оно реальным ростом коррупции или осознанием опасности данного явления, парализующего нормальную экономическую и политическую жизнь страны.

Различные науки об обществе изучают коррупцию в различных аспектах. Экономический подход в исследовании коррупции акцентирует внимание на анализе практики взаимодействий государственных органов власти и рыночных субъектов хозяйственной деятельности, эффективности государственной экономической политики и обеспеченности ее антикоррупционными механизмами. Политологический подход основывается на исследовании взаимодействия институтов государства и общества, факторов влияния на их развитие, в том числе и коррупциогенных, подверженности политических и властных структур коррупционному влиянию, а также исследование форм и способов такого влияния; изучение феномена политической коррупции, степени ее влияния на политическую жизнь общества и систему государственного управления; взаимосвязь демократических процессов в обществе и коррупционной практики взаимодействия представителей власти с различными заинтересованными структурами, в том числе проблемы сращивания политической и управленческой элиты разного уровня с криминалитетом и теневым капиталом.

Правовой подход основывается на оценке эффективности нормативно-правовой базы антикоррупционного законодательства; исследовании причин и следствий правовых отклонений коррупционного характера; уточнении и расширении нормативных определений коррупционных признаков и отнесение их к тем или иным областям права; изучение коррупционного воздействия на правовые институты, правоприменительную практику и выработка мер противодействия ему.

Юридические науки воспринимают коррупцию, преимущественно, в контексте понятий «законное – незаконное». Политология исследует коррупцию в неразрывной связи с проблемами устойчивости политической системы и легитимности власти. Социология рассматривает коррупцию в проблемном поле социального порядка, организации и развития социального пространства, рассматривает коррупцию как патологию, основу деформации социальных отношений [3, с. 9-37].

Исследования проблемы коррупции в настоящее время актуализировались и охватывают различные направления – институционально-правовое (достаточность законодательных и нормативных средств и методов противодействия коррупции), организационно-управленческий (функциональность в распределении властных полномочий и контроль за их использованием должностными лицами), аксиологическое и этико-культурное. Все это создало условия для развития методологической базы в исследованиях проблемы коррупции.

Одно из общеприменимых в мировой практике определение коррупции характеризует ее как отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды [2, с. 332]. В зависимости от точки зрения на проблему коррупции само понятие этого явления может трактоваться в широком, как общий результат негативных проявлений в сфере государственной власти и управления, и узком, как одна из форм получения личной выгоды в сфере профессиональной управленческой деятельности, смысле. Так, в общественном мнении и в высказываниях политических деятелей коррупция и взяточничество могут отождествляться, либо, наоборот, рассматриваться как однопорядковые, но различные явления. Научный подход требует применения классификации признаков коррупции и идентификации форм ее проявления в различных сферах жизнедеятельности.

Устойчивое социально-экономическое развитие предполагает увеличения роли предпринимательства, вместе с тем, необходимо отметить, что существует непосредственная связь между развитием предпринимательства, предпринимательским климатом, инновационной активностью и уровнем коррупции. Коррупция является существенным фактором, препятствующим развитию бизнеса в России. В этой связи ведущие бизнес-объединения России – РСПП,ТПП РФ, «Деловая Россия» и «ОПОРА России» подписали Антикоррупционную хартию российского бизнеса и утвердили дорожную карту ее реализации (дорожную карту).

Положения Хартии направлены на предупреждение и противодействие коррупции и применимы в равной степени к деятельности индивидуального предпринимателя, любой компании или организации вне зависимости от формы собственности, ее размера, профиля деятельности, территории размещения. Положения Хартии

распространяются как на отношения внутри делового сообщества, так и на отношения, возникающие между бизнесом и органами власти. Российские объединения предпринимателей и работодателей, способствуют разработке и внедрению передовых корпоративных практик, включая системы оценки и репутационного стимулирования, в том числе в рамках ведения нефинансовой социальной отчетности компаний. Хартия должна сыграть большую роль в реализации антикоррупционной политики.

В Хартии определены основные принципы недопущения и противодействия коррупции: Основным условием противодействия коррупции является внедрение в практику корпоративного управления антикоррупционных программ и иных мер антикоррупционной корпоративной политики.

В программах и других внутрикорпоративных документах четко и подробно закрепляются принципы, правила и процедуры, направленные на предотвращение коррупции во всех сферах деятельности компаний, включая нормы деловой этики, специальные управленческие процедуры, требования к обучению персонала, правила специального антикоррупционного контроля и аудита, процедуры предотвращения конфликта интересов и коммерческого подкупа, правила осуществления пожертвований, спонсорства, участия в благотворительной деятельности. Организации в соответствии с Хартией осуществляют мониторинг и оценку реализации антикоррупционных программ. Органы управления компаний, как единоличные, так и коллегиальные, включая советы директоров, руководят разработкой и осуществляют контроль за реализацией антикоррупционной политики компаний, определяют лиц, ответственных за ее реализацию. Результаты выполнения антикоррупционных программ отражаются в социальной отчетности компаний.

По данным результатов социологического исследования Общероссийского общественного фонда «Общественное мнение» «Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации» примерно половина граждан России (51% респондентов) попадали в коррупционную ситуацию, 47% выразили готовность давать взятки в случае ожидания неформального вознаграждения [4, с. 134].

В рамках реализации антикоррупционной политики в контексте корпоративного управления необходимым является и система эффективного контроля (включающего организационные механизмы проверок бухгалтерской, учетной практики, кадровой и другой деятельности, подпадающей под действие антикоррупционных программ, а регулярные проверки систем внутреннего контроля для обеспечения их соответствия требованиям антикоррупционных программ), и бучение кадров и контроль за персоналом (компании обеспечивают обучение своих сотрудников и их активное вовлечение в реализацию антикоррупционных

программ). Важным является формирование антикоррупционного сознания, антикоррупционных стандартов поведения в организации, обеспечение открытости и публичности самого процесса реализации антикоррупционных мер [5, с. 12-18]. В системе управления современной организации все большую роль начинает играть предупреждение коррупционных рисков, основной целью которого является минимизация коррупционных, репутационных рисков, возникающих в результате нарушения профессиональных и этических стандартов. Системное управление коррупционными рисками с точки зрения построения системы управления в организации является одной из новых управленческих областей российских компаний, в этой связи актуализируется проблема методологического обеспечения данного процесса и подготовка персонала к новым видам профессиональной деятельности [6, с. 84].

Деятельность организации осуществляется в условиях разнообразных взаимодействий и взаимосвязей, в окружении, имеющем различные интересы – экономические, политические, правовые, социальные, духовные. Регулирование как внутренних, так и внешних взаимодействий, влияющих на организацию, является одной из важнейших управленческих функций, обуславливающей эффективность ее деятельности и устойчивость организационного развития. В этой связи особое значение приобретает деловая репутация, которая связывается с отсутствием неблагоприятных случаев, возникших по вине или в результате упущений в деятельности организации, связанные с нарушениями правовых и культурных норм, внимание акцентируется на оценке рисках потери деловой репутации, а также выстраивать систему управления рисками, которая сводится к их выявлению, предупреждению и реагированию.

Деловая репутация представляет собой объективно сформировавшуюся совокупность мнений о компании представителей заинтересованных сторон, так или иначе связанных с данной компанией (сотрудников, инвесторов, кредиторов, потребителей, представителей власти, аналитиков, СМИ). Вместе с тем, деловая репутация представляет собой динамическую характеристику поведения организации, формирующаяся в обществе в течение достаточно продолжительного периода времени. Репутация складывается на основе совокупности информации о том, каким образом и какими методами строит свое поведение предпринимательская структура в определенных ситуациях. Именно система комплаенса в настоящее время рассматривается как неотъемлемый элемент корпоративного управления, укрепляющий деловую репутацию:

Система управления коррупционными рисками предполагает реализацию комплексных мер и создание специальных механизмов, процедур, направленных на минимизацию рисков вовлечения организации в процессы, которые могут обернуться для нее не только финансовыми

потерями, но и потерей доверия. Управление коррупционными рисками в организации реализуется путем разработки внутренних документов и создания условий для формирования поведенческих моделей в организации в соответствии с высокими профессиональными и этическими стандартами по отношению, как к внешним, так и внутренним участникам рынка. Таким образом, организация поддерживает свою репутацию достойного участника рынка, работа с которым не несет дополнительных рисков.

Существует ряд стандартных элементов, определяющих политику организации в сфере управления коррупционными рисками:

- кодекс корпоративной этики (кодекс корпоративного поведения). Корпоративная культура и этика становятся объектами сознательного и целенаправленного воздействия в процессе управления организацией;
- стандарты поведения, включающие механизмы предупреждения конфликта интересов, например, правила принятия и дарения подарков, приглашений на мероприятия, направленные на четкое разграничения понятий «подарок» и «взятка» / «откат», на определение границ, после которой подарок становится подношением с целью получения возможности манипулирования должностным лицом в своих интересах. Политика, регулирующая конфликт интересов, задает этические стандарты поведения сотрудников при возникновении конфликта интересов, а именно в случаях, когда: интересы сотрудника могут противоречить интересам компании; интересы одного клиента могут противоречить интересам другого клиента и т. д. В частности, на работников накладывается обязательство способствовать выявлению и предупреждению случаев возникновения конфликта интересов, а также декларируется, что интересы компании должны всегда ставиться выше личных интересов ее отдельных сотрудников. Кроме того, подробно раскрываются и процедуры по осуществлению соответствующего контроля;
- механизмы сообщений о нарушениях этических стандартов, порядок и способы сообщения о нарушениях сотрудниками (с правом на анонимность), а также порядок последующего расследования и документирования этих нарушений;
- процедуры противодействия легализации теневых доходов, которые основывается на нормах международного права и рекомендациях международных групп;
- кроме того, важным элементом является эффективный контроль покупок ценных бумаг сотрудниками, чтобы избежать нецелевое использование служебной информации в целях личного

обогащения, неэтичного поведения сотрудников на рынке ценных бумаг (market timing);

- политика открытости и прозрачности, на основе четкого разграничения публичной и непубличной информации. Политика конфиденциальности информации регулирует неразглашение данных о клиентах и их операциях. Она подразумевает не только формирование общей культуры обращения с клиентскими данными, но и организацию хранения и соблюдение определенных стандартов при обработке персональных данных;
- политика взаимодействия с регулируемыми органами. Вопрос эффективного и правильного взаимодействия с регулируемыми органами является весьма актуальным на сегодняшний день, поскольку даже весьма законопослушные организации сталкиваются в такой ситуации с рядом практических сложностей.

Эффективная система предупреждения и управления коррупционными рисками ведут к установлению принципа справедливости в отношениях между участниками рынка, минимизации правовых и репутационных рисков, а также напрямую влияют на успех и целостность самой организации и на благополучие ее персонала, что повышает эффективность бизнеса.

Библиографический список

1. Государственная экономическая политика России. К умной и нравственной политике: В 5 т./ Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008. 364 с
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. М: Вече, АСТ, 2001. С. 332.
3. Магомедов К.О., Пономаренко Б.Т., Лобанов П.А. Противодействие коррупции в системе государственной службы: Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2011. 258 с.
4. Состояние бытовой коррупции (на основании результатов социологического исследования, проведенного во втором полугодии 2010 г. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2011. 352 с.
5. Римский В.Л. Коррупция как системная проблема российского общества и государства // Социология власти. М., 2003.С. 12-22.
6. Цаплин А.В., Бакушев В.В. Коррупция: тенденции в мире и России. М., 2000. 158 с.

АЛГОРИТМ ДЕТРЕНДИРОВАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ НОВОСТНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

А.Р. Файзлиев, С.П. Сидоров, Е.А. Коробов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: faizlievar1983@mail.ru

Работа поддержана РФФИ, грант №13-01-00175

Целью данной работы является анализ временных корреляций в потоках новостной интенсивности с помощью алгоритма детрендирования (удаление тренда). Для использования алгоритма детрендирования были взяты данные новостного агентства RavenPack, предоставляющего данные новостной аналитики. Проведенный анализ показал наличие корреляции дальнего действия для минутных данных новостной интенсивности.

Ключевые слова: детрендирование, корреляция дальнего действия, новостная интенсивность, новостная аналитика.

DETRENDING ALGORITHM FOR ANALYSIS FLUCTUATIONS OF DATA NEWS INTENSITY

A.R. Faizliev, S.P. Sidorov, E.A. Korobov

The goal of the paper is to present the time correlation analysis of the time series of the news flow intensity using the detrending algorithm. We use news analytics Raven Pack data for detrending analysis. Raven Pack is of the largest providers of news analytics data on the world. The analysis showed the presence of long-range correlations for minute news data intensity.

Key words: detrending, long-range correlation, news intensity, news analytics.

Извлекать информацию из обыкновенной новости о какой-либо компании, акции и т.п. может только эксперт. Но неподготовленному человеку требуется достаточно большое время на подобные умозаключения. Гораздо быстрее, но правда и менее точно, новость может обработать вычислительное устройство – компьютер. И по результатам анализа можно так же быстро принять решение вместо трейдера о покупке или продаже финансовых инструментов.

В последнее время финансовые и инвестиционные компании быстро оценили все потенциальные возможности нового подхода к анализу потока новостной интенсивности, основанного на системе искусственного интеллекта. В итоге появился спрос на формализованные новостные сообщения для последующей машинной обработки.

Используя данные новостного агентства RavenPack, были взяты новости обо всех компаниях за некоторый промежуток времени (за 2 месяца), далее данный промежуток времени был разбит на минутные интервалы и посчитано, сколько новостей обо всех компаниях выходило в каждый интервал. Для проведения такого исследования была написана программа. В качестве языка программирования использовался C# 3.0. Сервер баз данных: MS SQL Server 2008.

В данной работе рассматривались числовые характеристики новостей компаний, в зависимости от их настроения. А именно отдельно рассматривались хорошие, плохие, нейтральные новости для компаний, а также весь новостной поток. В отличие от исследования [1], данные новостного агентства RavenPack были отфильтрованы по следующим критериям:

1) были выделены только уникальные новости (в RavenPack одна и та же новость дублируется, если она относится к группе компаний (т.е. если вышла новость, относящаяся к некоторой отрасли, то в RavenPack ей будет соответствовать сотни новостей, что не совсем корректно));

2) были удалены новости, касающиеся дисбаланса спроса и предложения перед открытием и до закрытия торгов, которые происходят каждый торговый день в одно и то же время (как правило – это несколько сотен новостей, выходящих в короткий промежуток времени в начале и в конце торговой сессии).

Описательная статистика очищенной выборки приведена в таблице 1.

Табл. 1. Описательная статистика новостной интенсивности

	Все новости	Негативные	Положительные	Нейтральные
Число новостей	313598	55332	113611	144655
Среднее значение	5.0646	0.8936	1.8348	2.3362
Минимальное значение	0	0	0	0
Максимальное значение	254	78	94	147
Дисперсия	51.6096	2.1826	9.9609	14.7128
Среднеквадратическое отклонение	7.1840	1.4774	3.1561	3.8357
Медиана	4	0	1	1

Детрендрование – это метод выявления корреляций в рядах данных. В отличие от других методов определения корреляций, данный метод позволяет выявить корреляцию на больших диапазонах действия.

Впервые метод детрендрования (анализа колебаний исключением тренда) был применен для анализа последовательности нуклеотидов ДНК [2].

Для использования метода детрендрования были проделаны следующие шаги [3, 4]:

- 1) интегрирован временной ряд или последовательность;
- 2) проведено разделение последовательности на отрезки длины l ;
- 3) на каждом таком отрезке длины l с помощью метода наименьших квадратов строилась линейная модель (локальный тренд) (рис. 1);

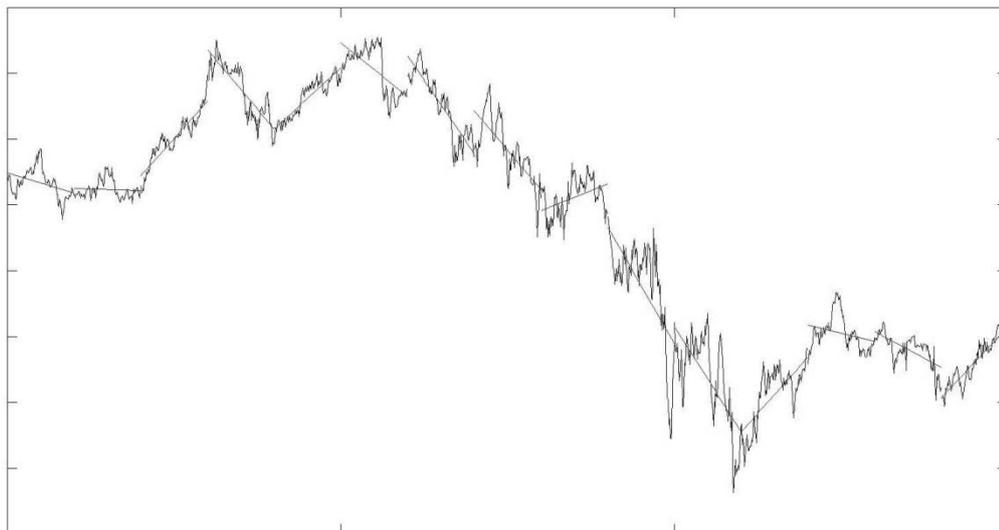

Рис. 1. Построение локальных трендов на отрезках длины l

- 4) также на каждом таком отрезке вычислялось среднеквадратичное отклонение кривой $y(i)$ от соответствующего ей локального тренда $y_{fit}(l)$:

$$F(l) = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N |Y_l(i)|^2}, \text{ где } Y_l(i) = y(i) - y_{fit}(l).$$

- 5) эти вышеуказанные процедуры повторялись для различных длин отрезков.

В итоге оказалось, что вне зависимости от выбора длины отрезка, имеет место следующее степенное соотношение между величиной среднеквадратичного отклонения и длиной отрезка: $F(l) = l^\alpha$, где α есть показатель степенной корреляции.

Заметим, что для некоррелируемой последовательности $\alpha=0.5$, а для коррелируемой последовательности $\alpha=0.6$.

Используя приведенный выше алгоритм детрендрования, был проведен анализ временных корреляций в потоках новостной интенсивности. В результате был проанализирован временной ряд новостной интенсивности за два месяца (сентябрь – октябрь 2010 г.) с минутной периодичностью (рассматриваемая выборка составила почти 62 тыс. наблюдений) (рис. 2). При этом, рассматривались как все новости, так и новости в зависимости от их настроения (положительные, негативные и нейтральные).

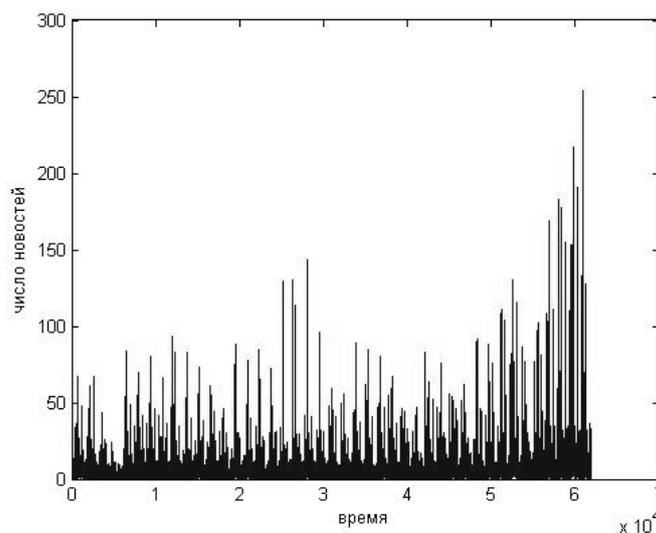

Рис. 2. Временной ряд новостной интенсивности за два месяца (сентябрь-октябрь 2010 г.) с минутной периодичностью (61920 наблюдений)

Примечательно, что показатель степенной корреляции α существенно уменьшился по сравнению со значениями, полученными ранее для не отфильтрованных данных [4] и также имеет разные значения в зависимости от настроения новости (рис. 3):

- для всех новостей $\alpha=0.79$;
- для положительных новостей $\alpha=0.67$;
- для негативных новостей $\alpha=0.56$;
- для нейтральных новостей $\alpha=0.71$.

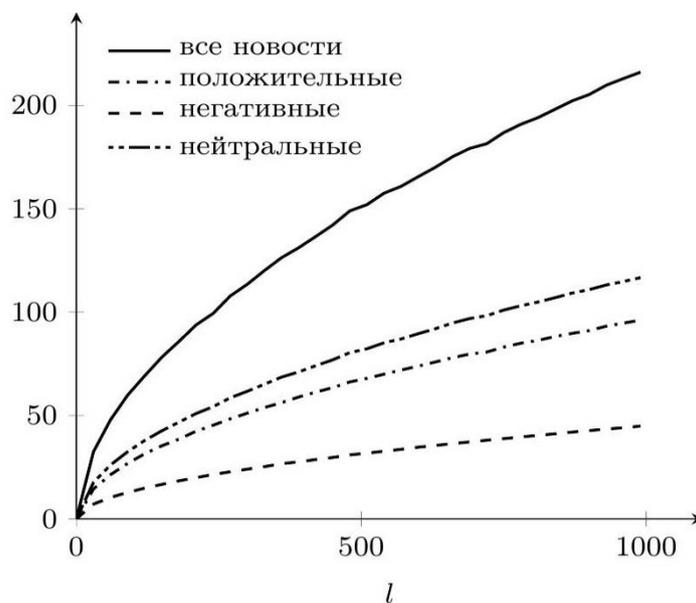

Рис. 3. Результаты детрендинга для новостей в зависимости от их настроения

Для нейтральных и положительных новостей корреляции практически совпадают. Негативные новости имеют самый низкий показатель корреляции, в то время как для всех новостей самая высокая корреляция. В целом все виды новостей, за исключением негативных, имеют коэффициент корреляции больший 0.6, что свидетельствует о наличии положительной временной корреляции дальнего действия в данных новостной интенсивности. Для отрицательных новостей показатель степенной корреляции близок к 0.5, что свидетельствует о некоррелируемой последовательности и отсутствии временной корреляции дальнего радиуса действия в данных негативного новостного потока.

Проведенное исследование за счёт фильтрации данных RavenPack позволило снизить коэффициенты степенной корреляции для всех типов новостей. Основываясь на выводах, сделанных по итогам автокорреляционного анализа, можно отметить, что наблюдаемый процесс новостной интенсивности (за исключением негативного новостного потока) обладает корреляцией дальнего действия и имеет периодическую (регулярную) линейную компоненту, т.е. явно отличен от шума.

Для более детального понимания новостной интенсивности необходимо обработать большее количество информации, а также применить дополнительные методы, которые помогут с другой стороны посмотреть на исследуемый нами процесс, например построение автокорреляционных моделей, учитывающих эффект сезонности, который свойственен новостной интенсивности.

Библиографический список

1. Peng C., Buldyrev V., Havlin S., Simons M., Stanley H., Goldberger A. Mosaic organization of DNA nucleotides: Phys. Rev. E 49, 1994. Pp. 1685-1689.
2. Bunde A., Havlin S. Fractals and Disordered Systems: Springer, Berlin, Heidelberg, New York, 1996.
3. Little M., McSharry P., Moroza I., Roberts S. Nonlinear, Biophysically-Informed Speech Pathology Detection: ICASSP 2006 Proceedings.: Toulouse, France. Pp. II-1080-II-1083.
4. Файзлиев А.Р., Сидоров С.П., Коробов Е.А. Алгоритм детрендирования для анализа колебаний данных о новостной интенсивности // Математическое моделирование в экономике и управлении рисками: материалы III Междунар. молодежной науч.-практ. конф. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 126-129.

РИСКИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

А.А. Фирсова

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: a.firsova@rambler.ru

Эффективная реализации проектов ГЧП в России тормозится недостатком притока финансовых ресурсов из-за значительных временных разрывов затрат и результатов, а также экстремально высоких рисков. Управление рисками проектов ГЧП является неотъемлемой частью обеспечения доходности любой инвестиционной деятельности. Ключевым принципом, применяемым в большинстве случаев при разделении рисков совместных предприятий и обеспечивающим наибольшую экономическую эффективность, является передача риска той, стороне, которая способна наилучшим образом им управлять. Система управления исками в ГЧП должна строиться так, чтобы каждый риск был передан тому участнику ГЧП проекта, который имеет наилучшие компетенции в управлении им.

Ключевые слова: государственно-частые партнерства, управление риском.

RISKS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS

A.A. Firsova

Effective implementation of PPP projects in Russia is hampered lack of financial flows because of the significant time gaps of costs and benefits, as well as extremely high risks. Risk management of PPP projects is an integral part of ensuring profitability of any investment. A key principle applied in most cases, risk-sharing joint ventures and provide the greatest economic efficiency is the transfer of risk to that side which is best able to manage it. The risk management system in the PPP must be built so that each risk has been transferred to the member of PPP project, which has the best competence in managing them.

Key words: state-frequent partnerships, risk management.

Необходимость развития современной российской экономики обуславливает особую актуальность разработки механизмов управления, которые позволят выйти на траекторию экономического роста. Одними из них являются государственно-частые партнерства (ГЧП), продемонстрировавшие свою эффективность в более чем 60 зарубежных странах при реализации важных инфраструктурных проектов и программ развития. Проекты ГЧП направлены на объединение усилий и ресурсов государства и частного сектора для развития ключевых направлений экономики.

Проекты ГЧП реализуются в тех сферах, где вложение средств предполагает долгие сроки окупаемости, но в то же время является

необходимым с точки зрения социально-экономического развития государства (создание инфраструктуры, здравоохранение и социальные услуги, жилищно-коммунальное хозяйство, образование и другие отрасли) [1, с. 70].

Эффективная реализации проектов ГЧП в России сегодня тормозится недостатком притока финансовых ресурсов в эти проекты из-за априорно присущих инвестиционным проектам значительных временных разрывов затрат и результатов, а также специфических экстремально высоких рисков на современном этапе развития российской экономики. Капитал – трус, и это обстоятельство препятствует развитию механизмов государственно-частного партнерства в условия турбулентной экономической среды. Для повышения инвестиционной активности экономики необходимо построение эффективных механизмов управления рисками ГЧП.

Одним из главных факторов, которые учитывает инвестор при принятии решения о финансировании проекта ГЧП, является ожидаемый уровень доходности на вложенный капитал. С этих позиций инвестиции в проекты ГЧП обладают средним риском и средней доходностью, и могут рассматриваться коллективными инвесторами как долгосрочный инструмент инвестирования (рис. 1).

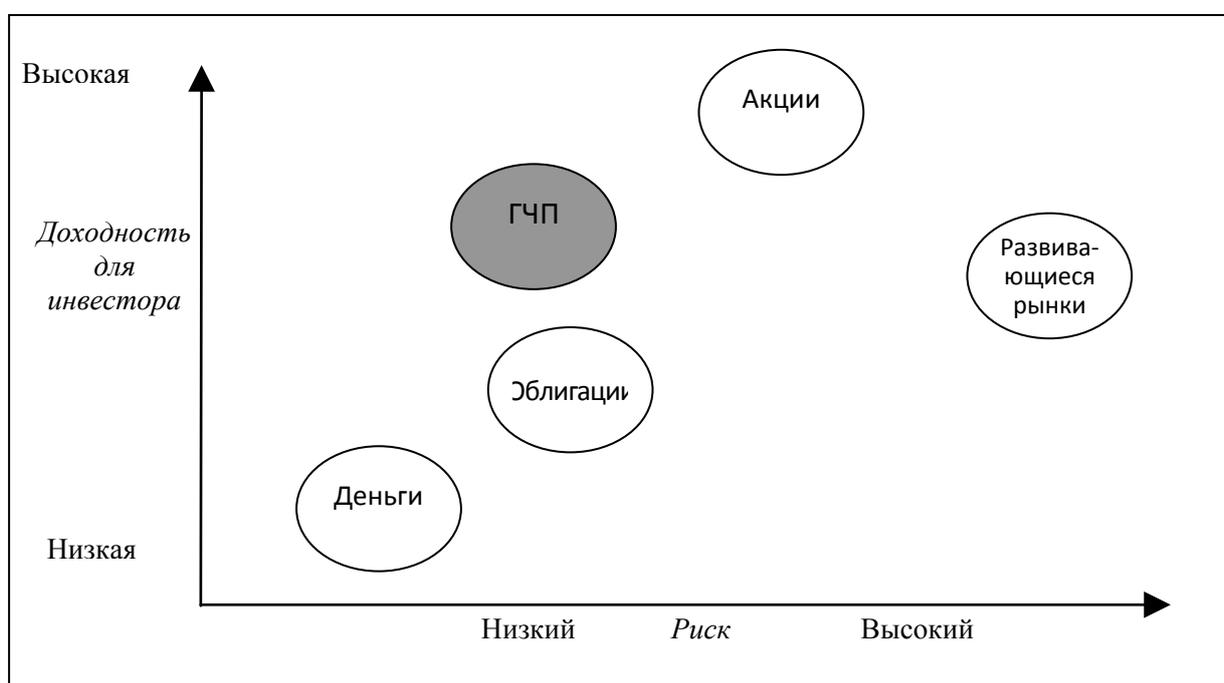

Рис. 1. Инвестиции в проекты ГЧП в сравнении с другими видами вложений [2, с. 344]

Управление рисками проектов ГЧП является неотъемлемой частью обеспечения доходности ГЧП как инвестиционной деятельности. Актуальность рискованного менеджмента в ГЧП обусловлена двойственной природой риска: с одной стороны, в качестве угрозы недополучения

прогнозируемой прибыли, с другой стороны – как потенциальной возможности максимизации прибыли. В связи с этим разработку направлений формирования системы управления рисками ГЧП проектов следует рассматривать как механизм предотвращения нежелательных последствий инвестиционной деятельности и получения дохода сверх прогнозируемых показателей.

Цель управления рисками в проектах ГЧП – снижение потенциальных негативных последствий реализации рисков. Основные вопросы, которые волнуют частный бизнес в ГЧП, сводятся к трудностям планирования инвестиционного проекта, защиты своего рынка, разграничение ответственности за отдельные этапы и направления деятельности.

Эффективному распределению рисков проектов ГЧП в российских условиях необходимо уделять особое внимание, так как плата за повышенный риск – это плата за более дорогое финансирование и, в конечном счете, результат коммерческой эффективности реализации проекта ГЧП. Систематизация рисков позволяет выделить следующие их ключевые направления (рис. 2) и распределение рисков в российских проектах ГЧП (рис. 3).

Рис. 2. Ключевые риски ГЧП проектов

Рис. 3. Распределение рисков российских проектов ГЧП [3]

Для оптимального распределения и снижения рисков ГЧП проектов необходимо ответить на основные вопросы: кто из участников проекта способен лучше остальных снизить вероятность наступления риска, и кто из участников проекта способен лучше остальных управлять издержками при наступлении риска?

В приложении к ГЧП проектам данный принцип разбивается на три составляющие.

Риски, связанные с созданием правовой среды реализации проекта ГЧП и государственным регулированием, должны быть полностью приняты на себя государством. Частный инвестор не способен управлять этими рисками, и их передача не отразится на эффективности реализации проекта, однако приведет к увеличению требований по доходности и, следовательно, увеличению объемов привлекаемого частного капитала.

Внутренние риски, связанные с операционным управлением, стоимостью и сроками строительства, операционными расходами и т.п., должны быть либо поделены между государством и частным инвестором, либо полностью переданы частному инвестору. Частный инвестор способен обеспечить более эффективное управление по сравнению с государством, а потому такая передача рисков вызовет снижение затрат (операционных и капитальных), соблюдение сроков реализации проекта и, следовательно, более высокий уровень отдачи на вложенный капитал.

Внешние риски – риски, влиять на которые не может ни одна из сторон (валютные, инфляционные, риски цен на биржевые товары, форс-мажорные обстоятельства и т.п.). Распределение данных рисков должно осуществляться на пропорциональной основе либо передаваться третьим сторонам за счет использования механизмов хеджирования.

Таким образом, система распределения рисков между различными участниками ГЧП проекта имеют целью общее повышение эффективности привлечения финансовых ресурсов в инфраструктурные проекты.

Ключевым принципом, применяемым в большинстве случаев при разделении рисков совместных предприятий и обеспечивающим наибольшую экономическую эффективность, является передача риска той, стороне, которая способна наилучшим образом им управлять. Каждый риск должен быть передан тому участнику ГЧП проекта, который имеет наилучшие компетенции в управлении им.

Библиографический список

1. Фирсова А.А. Развитие механизмов инвестирования инновационной деятельности в проектах государственно-частного партнерства // Инновационный Вестник Регион. № 2. 2011. С. 70-74
2. Фирсова А.А. Теория и методология инвестирования инновационной деятельности на основе государственно-частного партнерства. Саратов: Изд-во СГУ, 2012. 320 с.
3. Воротников А.М., Королев В.А. О развитии государственно-частного партнерства в российских регионах // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. №2 (43). Июль 2010. URL: http://dpr.ru/journal/journal_41_15.htm (дата обращения: 12.03.2015)

УДК 122

РИСК КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ. МЕСТО В СИСТЕМЕ

В.В. Хасин

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: riskinstitute@sgu.ru

Статья посвящена анализу понятия риска как философской категории и места этой категории в системе близких по смыслу понятий. Риск рассматривается в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах. Утверждается, что онтологически риск – это возможность, гносеологически он связан с неопределенностью, а аксиологически – это всегда оценка. Риск возникает в субъектно-объектных отношениях тогда, когда субъект в силу ограниченности информации на гносеологическом уровне в состоянии неопределенности не может предвидеть реализации онтологических возможностей рискогенной системы.

Ключевые слова: риск, возможность, неопределенность, предвидение оценка.

RISK AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY. PLACE IN THE SYSTEM

V.V. Khasin

This article analyzes the concept of risk as a philosophical category and place of this category in the system of similar notions. Risk is considered in the ontological, epistemological and axiological aspects. It is alleged that ontologically risk – it is an opportunity, epistemologically it is connected with uncertainty and axiological – it's always assessment. Risk arises from the subject - object relationship when the subject can't foresee the implementation of ontological possibilities of risk-taking system, because of the limited information on the epistemological level.

Key words: risk, opportunity, uncertainty, forecast, assessment.

При рассмотрении любого понятия как философской категории полезным бывает, как представляется, его (понятия) этимологический анализ. Поэтому начнем с этимологии. С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» определяет риск как:

1. Возможная опасность;
2. Действие наудачу, с надеждой на счастливый исход.

Отсюда, ключевые слова для категории «риск»:

1. Возможность;
2. Действие, то есть деятельность.

Начнем со второго:

Деятельность: цель – средство – результат.

Цель – идеальный образ будущего результата.

1) Идеальный образ, то есть никогда полностью не совпадающий с реальным прообразом. Так и риск никогда полностью не совпадает с возможностью, но об этом позже.

2) Деятельность, как и риск – это чисто человеческая категория: как нельзя говорить о «деятельности солнца», так и о «рискованном поведении» животного.

Деятельность, цель, идеальный образ – все это антропоморфные категории. Предмет философии, как известно, это субъектно-объектные отношения. Изучение взаимного влияния субъекта на объект и есть предмет философии. В понятии (категории) «риск» обязательно есть оба этих элемента (то есть риск – философская категория).

Объект – может иметь разные состояния и менять их во времени, и в пространстве.

Субъект – влияет на объект, небезразличен к его состоянию, испытывает обратное влияние от изменения объекта, но не может предвидеть однозначно состояние объекта с необходимой точностью, то есть находится в состоянии неопределенности.

Любая философская теория, если она теория и если она философская, должна иметь, по крайней мере, три составляющих:

1. Онтология – учение о бытии (бытие – неопределяемая категория: не зная, что такое быть, мы твердо уверены, что мы есть.) В русском языке бытие тождественно категории существования. Греческая «ὄντος» и латинская «*existentia*» – это разные категории, но все равно постулируемые, подобно понятию «сложения» в арифметике и «точки» в геометрии. Согласно теореме К. Гёделя не может быть теории, где все из всего бы логически выводилось, что-то обязательно постулируется, принимается без доказательства. Слабая теорема Гёделя о неполноте: «Любая формальная система аксиом содержит неразрешимые противоречия». Сильная теорема Гёделя о неполноте: «Логическая полнота или (неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы». Для ее доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы (усиление теоремы) [1, с. 112].

2. Гносеология – учение о познании («*gnosis*» и «*logos*»). Например, истина, заблуждение – гносеологические категории.

3. Аксиология (от греческого «ἀξία» – ценность) – учение о ценностях, их природе, связи между собой, структуре и месте в реальности. Так, правда и ложь – аксиологические категории.

Риск как философская категория должен быть рассмотрен: онтологически, гносеологически и аксиологически.

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКА

Риск как возможность существует в качестве элемента человеческого бытия и включен в понятие детерминизм. С.Б. Богоявленский предполагает «отсутствие детерминизма в рассматриваемой («рискогенной» – В. Хасин) ситуации» [2, с. 144]. Этого не может быть! Недетерминированных, то есть неопределенных вещей и явлений в бытии не бывает. Иначе – это чудо. (Неопределенность в гносеологии – это другое дело, но и об этом позже).

Детерминизм, как известно, отождествлялся только с причинностью и был строго однозначным. Таковы динамические законы классической механики. Например, второй закон Ньютона (уравнение движения классической механики):

$$\vec{F} = m \frac{d^2 r}{dt^2}$$

Случайности здесь нет места. Все возможности однозначно определены и могут быть просчитаны. Лаплас полагал, что если бы существовал такой всеобъемлющий ум, который знал бы все начальные и граничные условия в настоящем, то для него будущее было бы настоящим. Отсюда следует, что риску здесь места нет!

Сейчас определенность понимается только многозначно и не отождествляется только с причинностью (статистические законы).

Случайность включена в саму структуру закона. Например, это уравнение Шредингера (уравнение движения квантовой механики):

$$\hat{H} = -i\hbar \frac{\partial \psi}{\partial t},$$

где $|\psi|^2 = \rho$ – вероятность, ψ – волновая функция

Я.Ф. Аскин полагал, что существует детерминация прошлым (в частности, причинная), настоящим (в частности, системно-структурная) и будущим [3, с. 80-95].

Нас интересует детерминированность будущим, то есть ситуации, в которых поведение системы определяется заложенными в ней возможностями, существующими сейчас, но реализующимися или не реализующимися только в будущем.

Риск – это возможность наступления или не наступления неких (в том числе и негативных) последствий. Категория возможность всегда связана с представлением о мощи, силе, множестве. Так, в русском языке, слово возможность происходит от глагола «мочь» и приставки «воз», то есть «за», «вместо» [4, с. 333]. Мочь происходит от славянского «*moĥ*» – масса, очень много, родственно, гот. «*mohts*» – мощь, сила [5, с. 667]. Латинское слово «*potentia*» в переводе означает то же самое и происходит от греческого «*dinamis*» (латинского «*vis*») – множество, большое количество. «Аристотелевская «*dinamis*» есть также и «*potentia*», «сила», «мощь» – писал Гегель [6, с. 54]. Она же есть возможность, добавим мы. Возможность или потенция обозначает спектр неосуществившихся в прошлом или неосуществленных в настоящем изменений и одновременно дает представление о силовом воздействии. Направленность этого воздействия обусловлена причинностью («причина» происходит от глаголов «чинить», «учинять», «причинять», как и латинское «*causa*» – от глагола «*cuo*» – бить, ковать), то есть связью производительной, действующей, порождающей.

Таким образом, представление о рискогенной системе всегда является представлением о мощной, сильной системе, обладающей множеством (спектром) возможностей.

Риск, в принципе, предполагает наличие некоторых возможностей, некоторого множества (*vis*) состояний, в которое может попасть объект.

Возможности бывают всеобщие (потенции) – их много, вероятность риска высока, вероятность предвидения низка.

Общие – тенденции (*tento, tetendi*– тянуть, напрягать – лат.) – процесс становится направленным, то есть менее рискованным и более предсказуемым.

Особенные – способности (происходит от выражения «пособа», делать «по себе», порождать) [7, с. 738]. Способность – это только возможность: она может реализоваться, а может и нет.

Единичные – это альтернатива неизбежности: возможность либо реализуется, либо нет [8, с. 111-116]. Здесь вероятность (P) как в логическом законе «исключенного третьего»: ($\neg a \wedge a$) два противоположных утверждения не могут быть одновременно ложными, или из двух противоположных утверждений, по меньшей мере, одно необходимо истинно, или всякое утверждение либо истинно, либо ложно.

Очевидно, что речь здесь идет не о вероятности (P') становления новой действительности: если уж процесс становления «зашел так далеко», что спектр возможностей «сузился» от потенции, тенденции, способностей к потенциальной неизбежности, то эта вероятность (P') достаточно велика, по крайней мере, больше половины ($P' > 1/2$). Речь идет о том, что если новая действительность станет, то как реализация именно этой «последней» возможности или (\vee – сильная дизъюнкция) никакой, «третьего не дано» («*tertium non datur*» – лат.).

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКА

Риск гносеологически всегда связан с неопределенностью. Это всегда неопределенность наступления последствий для субъекта или возможность непредвиденного наступления таких последствий (как правило, негативных – ущербов).

Это всегда осознание недостаточности знаний о существующих в настоящем возможностях и маловероятное предвидение их реализации в будущем.

В принципе, это обычные условия существования человечества. То есть риск – это предвидение (предсказание) на основе простой повторяемости, экстраполяции, законах или теориях. Понятно, что чем более теоретичной является основание предвидения, тем достовернее предсказание и тем меньше риска.

Но достоверного ($p = 1$) предвидения не бывает, как утверждает, в том числе, синергетика (точки бифуркации и т.п.) [9, с. 356, 389-500]. То есть полностью избежать рисков в гносеологическом плане, получить 100% достоверное знание нельзя. Ничего абсолютного, в том числе и истины не бывает. Кант в «Критике чистого разума», говоря об антиномичности, утверждал, что категории «абсолют» и «бесконечность» привнесены в наш трансцендентальный феноменальный мир «вещей для нас» из трансцендентного, ноуменального мира, мира «вещей в себе» [10, с. 208].

Риск не тождественен неопределенности: риск – это ситуация, когда наступление возможных последствий, хотя и неизвестно, но информация о них существует (или субъект полагает что она существует).

Неопределенность – это ситуация, когда такая информация отсутствует вовсе (или субъект полагает, что она отсутствует). Например,

принцип неопределенности Гейзенберга: $\Delta \times \Delta \geq \frac{\hbar}{2}$, (\hbar – постоянная Дирака, $\hbar = \frac{h}{2\pi}$) – это распределение вероятности.

Зная все о координате, мы ничего не можем знать об импульсе $\vec{p} = m\vec{v}$ то есть о количестве движения, то есть, в конечном счете, о скорости частицы и наоборот. Здесь риска места нет.

Возможность и непредвиденность вместе означает наличие неопределенности. С экономической точки зрения, среднее значение ущерба – это произведение вероятности (P) неблагоприятного события и ожидаемого ущерба (Y) в результате этого события: $\mathfrak{R} = P \times Y$ или $\mathfrak{R} = \sum_i P_i \times Y_i$, если может иметь место несколько (i) неблагоприятных событий с различными вероятностями P_i и соответствующими им ущербами Y_i .

Математическое ожидание для дискретной величины:

$$\bar{x} = \sum_{i=1}^{\infty} x_i \times p_i$$

(x_i – значение случайной величины в i -м сценарии будущего), т.е. \bar{x} – среднее значение случайной величины.

Математическое ожидание случайной величины – величина не случайная, а детерминированная.

Для количественной оценки рисков можно использовать стандартное (или среднеквадратическое) отклонение, обычно обозначаемое σ :

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}},$$

где n – количество сценариев будущего, x_i – значение случайной величины в сценарии i , \bar{x} – математическое ожидание

Таким образом, величина σ есть мера «разброса» случайной величины вокруг ее среднего значения. Отметим, что если все x_i равны между собой, то $\bar{\sigma} = \bar{\sigma}_i$ и $\sigma = 0$, то есть в случае однозначно детерминированного будущего, когда во всех сценариях случайная величина принимает одно и то же значение, мера риска σ будет равна 0 (риска нет). С другой стороны, чем более варианты будущего x_i отдалены от среднего \bar{x} , тем больше будет σ («разброс» шире, риск выше). Поэтому учет факторов неопределенности

имеет принципиальное значение, что приводит к необходимости оценки рисков и их моделированию. При этом риск возникает, когда субъект оценивает возможные последствия (ущербы).

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКА

Риск – это всегда оценка, в частности, оценка возможных потерь. Неопределенность нейтральна. Она не предполагает субъектных оценок, а риск появляется там, где такая оценка есть. При оценочном подходе к понятию риска, условие безразличности субъекта к возможным последствиям является обязательным. Риск возникает в субъектно-объектных отношениях тогда, когда субъект в силу ограниченности информации на гносеологическом уровне, в состоянии неопределенности не может предвидеть последствий реализации онтологических возможностей как детерминации будущим. При этом, как правило, в аксиологическом плане субъект оценивает последствия реализации этих возможностей как неблагоприятные (то есть как ущербы).

Сократ говорил, что благо есть реализованная ценность. Таким образом, риск – это все-таки не благо, так как он есть не реализованная ценность, но ценность!

Библиографический список

1. Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: ЕЁ Медиа, 2012.
2. Богоявленский С.Б. «Управление риском в социально-экономических системах», гл. I. Риск и неопределенность. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.
3. Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание. М. 1977.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. 1964. Т. 1.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. 1967. Т. 2.
6. Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений в 14 томах. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 1.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. 1971. Т. 3.
8. Хасин В.В. Типы рациональности и возможное знание // Разум и культура. Саратов, 2001. С. 111-116.
9. Пригожин И.Р. «Время, хаос и новые законы природы». Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
10. Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Чоро, 1994. Т. 3.

ОПТИМАЛЬНОЕ ПОРТФЕЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ С АСИММЕТРИЧНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ПРИБЫЛЯМ И УБЫТКАМ

А.А. Хомченко, Н.П. Гришина, С.П. Сидоров

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия*

E-mail: sidorovsp@info.sgu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 14-01-00140

Данная статья описывает новые направления исследований, связанные с постановкой задачи портфельной оптимизации с учетом асимметричного отношения инвестора к потерям и выигрышам. Показывается, что неприятие риска оказывает существенное влияние на предположения инвесторов касательно эффективного портфеля и что рассмотрение подхода к анализу только на основании подхода риск-доходность может ввести инвестора в заблуждение.

Ключевые слова: портфельное инвестирование, теория перспектив.

OPTIMAL PORTFOLIO INVESTMENT WITH ASYMMETRICAL ATTITUDE TO GAINS AND LOSSES

A.A. Homchenko, N.P. Grishina, S.P. Sidorov

This paper describes the new areas of research related to the formulation of the portfolio optimization problem taking into account the asymmetrical attitude of investors to losses and gains. We show that risk aversion has a significant impact on investors' assumptions about effective portfolio and that the consideration of approaches to the analysis only on the basis of risk-return approach could mislead investors.

Key words: portfolio investment, prospect theory.

1. Свойства доходности активов, предпочтения инвесторов и проблема выбора активов

Традиционный подход к портфельной оптимизации состоит в нахождении идеального компромисса между доходностью и риском на основе максимизации вогнутой функции полезности. В рамках традиционного подхода предполагается, что предпочтения инвесторов описываются квадратичной или степенной функцией полезности, а доходности активов – гауссовым распределением. В силу этого инвестиционный анализ долгое время использовал только первые два момента распределения доходностей, т.е. математическое ожидание доходности портфеля и его дисперсию. Однако, как известно, на практике доходности активов не имеют нормального распределения, а ни одна из

упомянутых выше функций полезности не отражает истинное отношение инвесторов к потерям.

В течение последних десятилетий теория оптимального портфельного инвестирования и принятия инвестиционных решений прошла долгий путь развития. Существенной вехой в ее становлении стала работа Г. Марковица [1], опубликованная в 1952 году, согласно которой достаточно учитывать только первые два момента распределения доходности портфеля, а именно математическое ожидание и дисперсию. В рамках этого подхода поиск оптимального инвестиционного решения есть поиск компромисса между более высоким математическим ожиданием доходности портфеля и более низкой дисперсией прибыли. Основными предпосылками этого подхода являются предположения о нормальном распределении доходностей и о вогнутости функции полезности инвестора, которые, к сожалению, не имеют место в действительности.

Одним из характерных свойств нормального распределения является то, что любому наблюдению от минус до плюс бесконечности присваивается положительная вероятность. С другой стороны, логарифм доходности может принимать значения вплоть до минус бесконечности только в том случае, если потери равны величине начальных инвестиций. Это применимо к облигациям, акциям или опционам, когда они находятся в длинной позиции, но не к фьючерсам, акциям или опционам, когда они находятся в короткой позиции. Сколь угодно больших положительных результатов можно добиться на длинных позициях, когда цены увеличиваются без каких-либо ограничений. Это возможно, по крайней мере, для таких активов, как акции, фьючерсы или опционы. Опционы «пут» имеют теоретический верхний предел их стоимости (этот предел обычно не превышает, но иногда это может происходить). Для таких активов, как облигации, существует явная верхняя граница потенциальной прибыли: длинная позиция для простой облигации в общем случае приводит к получению заданного дохода к сроку ее погашения (или даже раньше, при этом незначительные отклонения могут быть вызваны изменениями в общей структуре процентной ставки). Таким образом, предположение о симметричном отклонения от ожидаемой величины, т.е. равная вероятность положительных и отрицательных отклонений от этой величины, может относиться только к небольшому набору таких активов, как акции. И даже для них нередко искаженная эмпирическая доходность.

Еще большие проблемы с предположением о нормальности вызывают так называемые экстремальные события. Например, если мы посмотрим на логарифмическую доходность промышленного индекса Dow-Jones в течение последних 6 лет (1520 торговых дней), то обнаружим 2 дня с потерями, превышающими 5%, в то время как для наблюдаемого среднего значения доходности и дисперсии нормальное распределение прогнозирует, что эти два экстремальных события должны были случиться

через 1,5 миллиона дней. Более того, для отдельных акций превышение коэффициента эксцесса и разрывы между прогнозируемыми и реально наблюдаемыми частотами, как правило, еще больше. Таким образом, учет в моделях портфельного инвестирования только первых двух моментов распределения доходности не учитывает важную информацию.

Это привело к тому, что все более популярными становятся другие подходы. В частности, вместо нормального распределения используется распределение Стьюдента с низкой степенью свободы, которое обладает избытком коэффициента эксцесса. Также используется теория экстремальных значений [2].

Традиционные предположения об отношении инвестора к риску подразумевают, что инвесторы на самом деле предпочитают активы, доходности которых имеют отклонения от нормального распределения. Общие предположения для моделирования предпочтений инвесторов в убывающей предельной полезности богатства предполагают большие отклонения в положительную сторону для компенсации потерь. Другими словами, считается, что инвесторы предпочитают активы с положительно асимметричными распределениями доходностей. По той же причине нежелательны высокие значения как дисперсии, так и коэффициента эксцесса (отклонения от среднего в любую сторону - положительную или отрицательную). Это означает, что потери уменьшают функцию полезности больше, чем выигрыш в прибыли увеличивает ее. Как следствие, более высокие значения дисперсии и коэффициента эксцесса должны компенсироваться соответствующим увеличением величины математического ожидания выигрыша.

Судя по всему, рациональные инвесторы, склонные к риску, должны найти инвестиции, которые оптимизируют компромисс между ожидаемой доходностью инвестиций и ожидаемыми отклонениями от доходности.

Последние работы в теории поведенческих финансов показывают, что функция полезности инвестора должна учитывать, кроме этого, ряд других факторов человеческого поведения. Д. Канеман и А. Тверски показали [3], что потери играют более заметную роль в принятии решений, чем это предсказывает анализ доходности. Согласно их исследованиям, решения обуславливаются не только неприятием потерь и перспективой в конечном итоге уменьшить свое богатство по сравнению с текущим, но и стремлением к избеганию риска с неравнозначным отношением к положительным или отрицательным отклонениям от ожидаемой доходности. Теория перспектив, которая возникла исходя из этих заключений, предполагает, что отношение инвесторов к потерям является асимметричным, т.е. инвесторы переоценивают как вероятность потерь, так и их величину.

Работа [4] эмпирически обосновывает эти эффекты для проблем принятия заблаговременных решений. Эти выводы имеют место [2] для

различных мер риска, таких как стоимостная мера риска и условная стоимостная мера риска, которые учитывают только потери, так и для тех, что принимают во внимание асимметрию между прибылью и потерями (мера риска «омега»).

Как мы указали ранее, реальное поведение доходностей активов и предпочтения ЛПП не согласуются с традиционными положениями теории оптимального портфельного инвестирования. В связи с этим оптимальное решение, полученное, например, на основе модели Марковица, может обладать рядом недостатков и не соответствовать ожиданиям инвестора. Теория поведенческих финансов и теория перспектив добились прогресса в определении более реалистичной модели предпочтения и выбора инвестора. Возникает проблема оценки того, как вышеописанные факты будут влиять на процесс выбора структуры портфеля на реальном рынке. В данной главе мы анализируем как выбор функции полезности, уровня неприятия риска и уровня неприятия потерь влияют на инвестиционный процесс.

Результаты показывают, что различия в предпочтениях не только приводят к различному пониманию эффективного портфеля, но также к тому, что свойства портфелей инвесторов будут существенно отличаться.

2. Оптимизация портфеля с учетом неприятия потерь

Обозначим, n – количество активов в портфеле, x_i – доля i -го актива в портфеле. Известно [1], что задача оптимального портфельного инвестирования может быть сформулирована как задача нахождения

$$x \in D := \{x = (x_1, \dots, x_n) \in R^n : \sum x_i = 1, x_i \geq 0, i = 1, \dots, n\},$$

максимизирующего математическое ожидание значения функции полезности:

$$\int_{r \in R} u(r(x)) dP(x) \rightarrow \max_{x \in D},$$

где $r(x)$ есть доходность портфеля x , $P(x)$ есть распределение доходности портфеля x .

Обычно предполагается, что предпочтения инвесторов описываются квадратичной или степенной функцией полезности u , а доходности активов – нормальным распределением. Но так как, ни характеристики распределений доходностей активов, ни предпочтения лиц, принимающих решения, не соответствуют предположениям классической теории Марковица, то возникают разногласия по поводу того, что такое оптимальное решение. Теория поведенческих финансов приблизилась к определению более реалистичной модели предпочтения и выбора, и это неизбежно приводит к добавлению новых ограничений и рассмотрению задач невыпуклой оптимизации.

Примером такого подхода является теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски. Их статьи [3, 5] содержат ряд примеров и демонстраций,

показывающих, что в условиях лабораторных экспериментов инвесторы и игроки систематически нарушают предсказания теории ожидаемой полезности. Более того, они предложили новую теорию – теорию перспектив, которая смогла объяснить поведение людей при принятии решений в условиях риска в тех экспериментах, в которых традиционная теория ожидаемой полезности потерпела неудачу. Они обнаружили, что при принятии инвестиционных решений инвесторы асимметрично относятся к потерям и выигрышам, а именно переоценивают либо вероятность, либо величину потерь. Учет поведенческих аспектов отношения инвестора к потерям приводит к рассмотрению задачи

$$\int_{r \in R} u_{PT}(r(x)) dw(P(x)) \rightarrow \max_{x \in D},$$

где w есть некоторая весовая функция, трансформирующая исходное распределение вероятностей,

и

$$u_{PT}(r) = \begin{cases} (r - r_0)^\alpha, & r \geq r_0 \\ -\lambda(r_0 - r)^\beta, & r \leq r_0 \end{cases}$$

где r_0 – есть заданный уровень доходности, α, β, λ – есть положительные константы, характеризующие отношение инвестора к потерям

Считается, что инвесторы максимизируют свою ожидаемую полезность. В совершенных рынках с экономически правильным распределением доходности инвесторы предпочитают сочетание рисковых и безрисковых активов. В зависимости от уровня неприятия риска инвесторы выбирают различные доли вложений в каждый из активов [6]. Однако как в случае отсутствия безрисковых активов, так и в случае, когда распределения доходностей не совпадают с известными параметрическими распределениями, решения принимаются не так просто. Проблема становится еще более сложной, если учесть практические ограничения, связанные с транзакционными издержками, выплатой налогов, риском ликвидности и т.д. Конечно, можно аппроксимировать распределения доходностей или вводить ограничения на величины долей активов, но это будет приводить к серьезным трудностям при решении задачи с использованием численных методов.

На практике доли отдельных активов имеют верхний предел в целях стимулирования диверсификации и снижения чрезмерной подверженности риску в случае наличия слишком большой доли одного актива в портфеле. В то же время для активов, включенных в портфель, часто задается величина их минимальной доли, чтобы избежать излишнего дробления активов. При наличии таких весовых ограничений задача нахождения оптимального портфеля с учетом асимметричного отношения инвестора к потерям и прибылям может быть сформулирована следующим образом.

Обозначим n - количество активов в портфеле, x_i – доля i -го актива в портфеле, T – количество временных промежутков, r_{it} – доходность актива

i в момент t , p_t – вероятность сценария t . Задача, которую можно рассматривать, состоит в нахождении $x = (x_1, \dots, x_n) \in R^n$, максимизирующего

$$G(x) = \sum_{t=1}^T \pi_t u_{PT} \left(\sum_{i=1}^n r_{ti} x_i \right) \rightarrow \max$$

при ограничениях $\sum_{i=1}^n x_i = 1$, $\frac{1}{T} \sum_{t=1}^T \sum_{i=1}^n r_{ti} x_i = d$, $x_i \geq 0, i = 1, \dots, n$. Числа π_t рассчитываются на основе значений p_t как это описано в [5].

Отметим, что данная задача оптимизации не является выпуклой, а функция u_{PT} дифференцируема в точке r_0 . Более того, если ввести ограничение на число активов в портфеле, задача будет иметь неполиномиальную сложность и стандартные методы нелинейной оптимизации не могут гарантировать нахождения ее решения за приемлемое время [7, 8].

Библиографический список

1. Markovitz H.M. Portfolio selection // *Journal of Finance*. V. 7 (1). 1952. Pp. 77-91.
2. Gilli M., Kellezi E. An Application of Extreme Value Theory for Measuring Financial Risk // *Computational Economics*. V. 27 (2). 2006. Pp. 207-228.
3. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // *Econometrica*. V. 47. 1979. Pp. 263-291.
4. Siegel J.J., Thaler R.H. Anomalies: The Equity Premium Puzzle // *Journal of Economic Perspectives*. V. 11 (1). 1997. Pp. 191-200.
5. Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: cumulative representation of uncertainty // *J. of Risk and Uncertainty*. V. 5 (4). 1992. Pp. 297-323.
6. Tobin J. Liquidity preference as behavior towards risk // *The Review of Economic Studies*, V. 25. 1958. Pp. 65-86.
7. Storn R., Price K. Differential evolution – a simple and efficient adaptive scheme or global optimization over continuous spaces // *J. of Global Optimization*. V. 11. 1997. Pp. 341-359.
8. Price K., Storn R.M., Lampinen J.A. Differential evolution: a practical approach to global optimization. Berlin: Springer, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 11. ЛИЧНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСКУССТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Бойко Е.Е. Теоретический анализ категории общения: междисциплинарный подход	3
Васильева Д.Н. Педагогические принципы и закономерности подготовки студентов к педагогической деятельности в образовательных интерактивных зонах в условиях непрерывного художественного образования	8
Гордеев П.А. Трансперсональные основания музыкальной педагогики	15
Дмитрюкова Л.В. Процесс моделирования музыкально- исполнительского замысла произведения	23
Клепиков А.Н., Озджевиз Е.Л. Из истории развития латиноамериканского музыкального жанра – сальса	28
Козинская О.Ю. Функции музыкального искусства в образовательном процессе	36
Королева И.А. О проблеме внедрения балльно-рейтинговой системы в практику образовательного процесса вуза	41
Кузьмина С.В. Взаимодействие со школьниками на уроках музыки в свете федерального государственного образовательного стандарта	47
Лебедев А.Е. Современная музыка для русских народных инструментов в контексте взаимоотношений России и Украины	53
Лушникова О.Н. Личность и гуманитарная культура: проблемы взаимодействия в контексте современного образовательного пространства	59
Лысикова Н.П. Личность и развитие города: социокультурный аспект	67
Мещанова Л.Н. Развитие самопознания обучаемых на уроках музыки	73
Новицкая Е.Н. О преимуществе компетентного подхода к процессу профессиональной подготовки студентов-музыкантов	78
Палагина Т.А. Творческие задачи молодого пианиста-исполнителя	86
Пестрякова Л.С. Влияние японского искусства на творчество Эдгара Дега	93
Плетухина Е.Г. Роль музыки в жизни человека	99
Протасова С.В. Методы диагностики сформированности исполнительских компетенций студентов	103

Рамзани Э.В. Художественно-образное познание педагогической действительности в процессе формирования психологической компетентности современного учителя	109
Ротмирова Е.А. Модельный образ культуры компетентностного развития педагога-художника	115
Сергиенко И.Н. Ситуационная форма обучения в становлении профессиональной компетентности	121
Фадеева М.А. Формирование творческой активности обучаемых на уроках музыки	127
Филиппов А.В. Проблема деятельности в музыкальном искусстве	132
Царькова Е.Г. Крепостные театры саратовской губернии	139
Чугунова Л.А. Воспитание духовно-нравственных ценностей у студентов гуманитарных вузов	146
Шевченко Е.П. Казимир Малевич – один из основоположников русского авангардного искусства	150

РАЗДЕЛ 12. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Васягина Н.В. Регулирование психоэмоционального состояния	158
Королева Е.И. Здоровьесберегающие технологии в школе	163

РАЗДЕЛ 13. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Аникин Д.А. Цивилизационные основания социальной памяти в условиях резких преобразований	170
Афанасьева В.В., Павлова Н.В. Ложь как атрибут сетевых коммуникаций	177
Орлов М.О. Революции и преобразования в социуме как эффекты человеческих влечений	182
Поршнева Н.Г. Многомерность понятий качества и эффективности в оценке деятельности государственных служащих	187
Романова Н.М. Медиация в современном обществе	192
Ставропольский Ю.В. Психологическая индивидуализация современного китайского социума	199
Тетюев Л.И. Родной язык, система и жизненный мир (методологические вопросы социокультурной интеграции немцев в России)	204
Филимонова О.Ф. Публичное пространство, или время публики	209
Чернодед А.Б. Преобразование этнической культуры в современном социуме	216

РАЗДЕЛ 14. РЕЛИГИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Акатова Е.Н. Религиозное столкновение египетского язычества с исламом	221
Антонова М.А. Германия: столкновение христианской и исламской цивилизаций	227
Борисова Н.В. Воздействие процессов глобализации на культурное разнообразие	231
Борисова У.М. Социальная динамика цивилизаций: Россия и Китай	234
Гербель М.В. Неоязычество в российском обществе	240
Городнёва М.С. Глобализация и феномен религиозного	247
Душичева У.Ф. К вопросу о социологических критериях определения уровня религиозности населения	253
Каргина Д.А. Религиозные воззрения как идеологический ресурс реализации политических идеологий и экономических стратегий	257
Каткова М.В. Международный порядок: культура, цивилизация, религия	261
Каштанова Д.А. Религиозные основания индо-пакистанского конфликта	267
Киреева С.С. Ислам в современной Европе: компромисс или противостояние?	271
Колпакова Н.А. Дисфункциональный кризис религиозных институтов и локальная угроза национальной безопасности	278
Косыхин В.Г. О многоаспектности понятия истины у Аристотеля	283
Кривенко А.С. Социальные последствия религиозного мировоззрения	289
Крючкова О.Ю. Роль религиозного знания в традиционной народной культуре (концептуализация представлений о жизни и смерти, земном и небесном)	294
Куликовская-Павловски Р.Б. Вопрос восстановления человека Польши как Личности Божьей вразумлением Божьими Истинами и Преданиями Святых Отцов Православной Церкви	301
Купряхина С.С. Арабо-израильский конфликт: культурно-религиозное противостояние или столкновение цивилизаций	307
Кутырева И.В. Религия в эпоху модернизации	311
Медведева Н.А., Невзорова О.В. Профилактика вовлечения учащихся в деструктивные религиозных организации	316
Мурашова Е.В. Трансформация морального сознания в современном мире	321
Панов А.Э. Коммуникация христианской и исламской культур во Франции	325

Перфилова В.П. Диалог религиозных культур в американском обществе	329
Перфилова К.А. Социально-политические основания антиклерикальных движений в современной России	336
Петрова К.Ю. Российская цивилизация: Западом и Востоком	341
Пшеничников А.А. Динамика религиозности в современном российском обществе	346
Рожков В.П. Динамика современного социума и проблема межкультурного диалога в пространстве Запад – Россия – Восток	351
Ситникова А.И. Возможность синтеза культур России и Китая как способ достижения взаимопонимания	358
Тимофеев А.Е. Ислам в Юго-Восточной Азии. Государство, общество и религия	363
Устьянцев Н.Г. Мир Еевропы. относительная универсальность и относительная эсхатология	367
Уфимцева Е.И. Церковно-приходское воскресное образование в России и Саратовской митрополии	374
Хачатрян М.В. Антихристический перформанс и зонг суммы ересей еретиков 7 Вселенских Соборов как пертурбация православных христиан и комплот против Триединого Бога с целью секуляризации общества, государства и личности	382
Хачатурова Г.В. Утопии как фактор становления европейских цивилизаций	394
Хлебникова Н.В. Религиозная социализация личности: теоретический аспект	400
Ченцова Д.А. Восприятие религии современным человеком: понимание и aberrации (на примере традиции исихазма)	403
Шакина А.А. Дисфункциональный кризис религиозных институтов и локальная угроза национальной безопасности	409

РАЗДЕЛ 15. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Бондяшева А.С. Реализация эффективной занятости на уровне работника и на уровне предприятия	415
Варламова Ю.А. Индикаторы социально-экономического развития стран	419
Голубниченко М.В. Оценка эффективности и коммерциализации результатов научной деятельности университетов	425

Землянухина Н.С., Павлова И.Д. Льготы как инструмент обеспечения достойного уровня жизни в изменяющемся мире	432
Кабанцева Н.Г. Российские страховые пулы – основные задачи, перспективы развития	437
Коновалова Т.Л. Общественные блага: виды и характеристика	447
Коробов Е.А. Соотношение инвестиционного и финансового менеджмента в системе корпоративного управления	453
Коротковская Е.В. Наукоемкий сектор современной России: сущность и факторы развития	458
Красильников О.Ю. Влияние колебания курса рубля на экономическое развитие регионов России	466
Леванова Л.Н. Особенности развития профессии корпоративного секретаря в России	470
Максимов В.А. Теоретические и методологические основания экономического поведения хозяйствующих субъектов в научных исследованиях	476
Милинчук Е.С. Инструменты социального медиамаркетинга на предприятиях сферы услуг	485
Оберт Т.Б. Современные теории конкурентных отношений	492
Огурцова Е.В. Трансформация функциональной структуры российской экономики: причины и последствия	499
Очкин Р.О. Влияние режима инфляционного таргетирования на реализацию экономических интересов субъектов российской экономики	507
Порезанова Е.В. Движущие силы инновационной модернизации экономики России	511
Кочерягина Н.В., Рыжова О.А. Стратегическое развитие логистических интегрированных систем торгового обслуживания	516
Сенокосова О.В. Некоторые подходы к изменению сущностных характеристик рынка труда в современной экономике России	522
Степанов И.И. Современная структура внешнеэкономических связей России	535
Тугушева Р.Р. Фиктивные товары как экономическая категория	538
Федоляк В.С. Региональное воспроизводство в условиях риска и неопределенности	541
Фирсова А.А., Новоселова М.А. Проблемы формирования механизмов финансирования государственно-частного партнерства	547
Челнокова О.Ю. Трансформация механизма интеграции хозяйствующих субъектов в экономике	552
Шамьенова Г.Р. Инноватика и глобальные мировые экономические процессы	558

РАЗДЕЛ 16. УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ И ИХ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Айриева А.Н. Современные методы совершенствования управления репутационными рисками в коммерческих банках	566
Балаш О.С. Подходы к построению весовых матриц при моделировании пространственно-распространенных явлений	574
Барабаш В.А. Анализ влияния компаний различных секторов экономики на ОАО «Сбербанк» с применением статической модели меры риска CoVaR	579
Гвоздева С.М. Статистический анализ качества трудовой жизни работника в организации	585
Найденова М.В. Управление рисками и их моделирование	592
Стазаева И.В. Коррупционные риски в организационном пространстве: возможности превенции и управления	598
Файзлиев А.Р., Сидоров С.П., Коробов Е.А. Алгоритм детрендрования для анализа временных рядов новостной интенсивности	605
Фирсова А.А. Риски проектов государственно-частного партнерства	610
Хасин В.В. Риск как философская категория. Место в системе	614
Хомченко А.А., Гришина Н.П., Сидоров С.П. Оптимальное портфельное инвестирование с асимметричным отношением к прибылям и убыткам	620

Научное издание

**«ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ МИР:
ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ»**

Сборник материалов IV международной
научной конференции

ЧАСТЬ 2 (разделы 11-16)

Компьютерная верстка О.В. Бакаева

Подписано в печать 21.12.2015. Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 14,81. Тираж 500 экземпляров

Отпечатано в типографии ООО «Дельта»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 60/62, оф. 520,
т. (8452) 74-29-47